

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

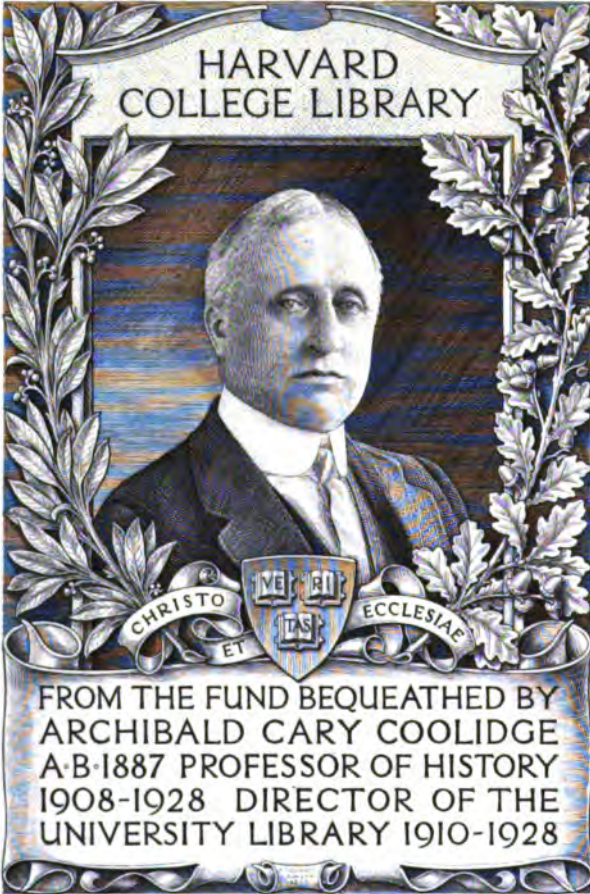
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**РУССКІИ
ВѢСТНИКЪ**

P Star 611.20

~~18813
P.B.
1891-12~~

211
212
213

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

213²
ТОМЪ ДВѢСТИ ТРИНАДЦАТЫЙ.

1891.

АПРѢЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. НА ЧАМЛИДЖЪ. Стихотвореніе А. Н. Майкова.
- II. О НАШЕМЪ ВЫШЕМЪ ЦЕРКОВНОМЪ УПРАВЛЕНІИ. З.
- III. 31 СТИХОТВОРЕНІЕ (1880—1890 г.) графа А. А. Голенищевъ-Кутузова.
- IV. РАЗСКАЗЪ МОЕЙ МАТЕРИ. I—II. К. Н. Леонтьева.
- V. НАШЕ ВОЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ. (Окончаніе). ***.
- VI. ОЧЕРКИ ИЗЪ СТАРО-КАВКАЗСКОЙ ЖИЗНИ. I. Княжеская свадьба. — II. Тетка Акюша. — III. Капраль Петровичъ. — IV. Забитый секретъ. В. С. Чеха.
- VII. НА БЕРЕГАХЪ ДИКОЙ ОРЛИЦЫ. К. Я. Грота.
- VIII. СУЗДАЛЬ. Графа С. Д. Шереметева.
- IX. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА (съ испанскаго). Разказъ П. Аларкона.
- X. О ПЛАНЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗСЕЛЕНІЯ. II.
- XI. М. П. ПОГОДИНЪ. А. Д. Галахова.
- XII. „ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМЪ ИНКВИЗИТОРЪ“, Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО. XV—XIX. (Окончаніе). В. В. Розанова.
- XIII. НОВАЯ КНИГА ТЭНА. I—II. П. А. Матвѣва.
- XIV. ПРОФЕССОРЪ ВЕЗСМЕРТІЯ. Разказъ К. К. Случевского.
- XV. КРИТИКА. I. Критическія статьи Вал. Н. Майкова. Л. Н. — II. По исторіи античнаго искусства И. В. Цвѣткова.
- XVI. ИЗЪ ЖИЗНИ И ПЕЧАТИ. Высочайшіе рескрипты 25-го и 28-го февраля. — Конверсія внутренняго государственнаго долга. — Предсмертный трудъ А. Д. Пазухина. — Дворяне въ вышемъ духовенствѣ.

- ХVII. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Тейфенбахъ, въ Штириі, 20-го
марта (1-го апрѣля) 1891 г. С. С. Тагицева.
ХVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I.

ВЪ МОЛОДЫЕ ГОДЫ.

Романъ въ трехъ частяхъ, И. Тасма. (Окончаніе).

II.

ВЪ ГОРНОЙ ГЛУШИ.

Разказы Коломана Миксата (съ венгерскаго).

I. Тяжкая вина.—II. Счастливецъ Сючъ Паль.—III. Чудо съ
ручьемъ Бадъ.—IV. Пара сапогъ.—V. Коня Яноша.—VI. Ти-
мъръ Марта.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

213²

ТОМЪ ДВѢСТИ ТРИНАДЦАТЫЙ.

1891.

Апрѣль.

№ 18813
Висланикъ
Ив. К. К.
С. К. К.
Пор. №

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяч., № 39.

1891.

СВЕТЛОЕ ИЛИ

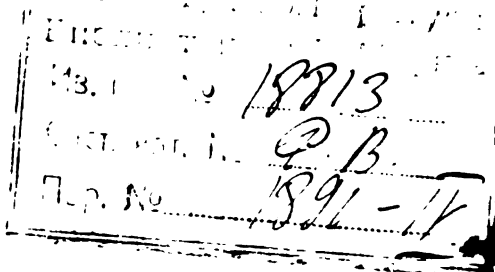
A

P Star 611.20

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND

5 Nov. 1936

На Чамлиджѣ ¹⁾.

Какъ дышется легко на этихъ высотахъ!
Какою радостью ты полонъ безотчетной!
Здѣсь—точно ближе ты къ живущимъ въ небесахъ,
И вдругъ въ тебѣ самомъ сказался духъ безплотный,
И ты глядишь на міръ не какъ ужь сынъ земли...
Вонъ тамъ—за полосой сверкающаго моря—
Блѣбютъ городки чуть видные вдали—
И словно голосамъ вселенской жизни вторя
Одна лишь мысль въ душѣ, одна звучитъ струна:
„Когда бъ въ сердцахъ людей—вездѣ—во всемъ бы мірѣ—
Такая жъ красота, и свѣтъ, и тишина,
Какъ тутъ—и на землѣ—и въ морѣ—и въ эфирѣ!“

1890.

А. МАЙКОВЪ

¹⁾ Гора въ Малой Азіи.

О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи ¹⁾.

I.

Перемена высшаго церковнаго управленія, происшедшая при Петрѣ Великомъ, была не столько личнымъ его дѣломъ, сколько, совершеннымъ, по разуму русскаго народа, выполнениемъ требованія историческаго хода и силы вещей: Петръ I-й только далъ опредѣленную форму и узаконилъ то, что существовало и до него въ жизни нашего отечества и уже готово было разрѣшиться тѣми или другими послѣдствіями для слѣдующихъ поколѣній; гениальный Государь только направилъ ходъ вещей въ данномъ направленіи.

Давно уже русской исторической наукой отмѣчено, что Всероссійскіе патріархи, поднявшись честію на ступень выше Всероссійскихъ митрополитовъ, спустились, по силѣ и обширности власти, на ступень ниже своихъ предшественниковъ. Для того, чтобы Всероссійскому патріарху сравняться съ патріархомъ Константинопольскимъ, не по чести только, потребовалось бы учредить и подъ нашимъ патріархомъ іерархическое устройство по греческому образцу. Этого-то на Руси и оказалось невозможнымъ достигнуть. Въ Греціи епархіи до

---

¹⁾ Эта статья представляет такія любопытныя данныя по разсматриваемому предмету, что мы печатаемъ ее съ особеннымъ интересомъ, ибо самыя возраженія, могущія появиться по этому поводу, помогутъ только яснѣе освѣтить вопросъ такой государственной и народной важности. *Ред.*

того небольшія, что для епископа не нужны учрежденія, подобныя нашимъ консисторіямъ, духовнымъ правленіямъ и благочиннымъ; тамъ епископъ можетъ дѣлать все въ епархіи самодично, при помощи своего хартофилакса, архидіакона и вообще своихъ ближайшихъ довѣренныхъ клириковъ; со всѣми священниками въ приходахъ своего округа и со всею своею паствою онъ можетъ имѣть непосредственныя сношенія. Такая близость къ своей паствѣ у насъ, при обширности епархій, невозможна, и потому отъ начала Руси наше церковно-епархіальное устройство приняло другой видъ. Далѣе, надъ епископомъ въ Греціи стоитъ митрополитъ, епископъ главнаго города области, властвующій (не вездѣ) надъ епископами городовъ, находящихся въ зависимости отъ главнаго. Еще выше—власть патріарха, вѣдающаго своихъ митрополитовъ, а, по сложившимся историческимъ обстоятельствамъ, изъ четырехъ патріарховъ греческой церкви три поставлены въ такое отношеніе къ четвертому, что Вселенскій патріархъ можетъ быть приравниваемъ къ папѣ Римскому. Идея же папства столько же плѣнительна для воображенія, сколько и идея царя: она и предполагаетъ организацію монархическую, стройную, крѣпкую и сильную. Не папство, конечно, хотѣли завести у насъ, когда старались водворить на Руси порядки Византійскаго высшаго церковнаго управленія, а желали имѣть для церкви, какъ въ актахъ говорится, новаго Константина, Москву же хотѣли видѣть третьимъ Римомъ. Но эти стремленія, какъ порывы чувства, всегда разбивались требованіями разума и давленіемъ силы вещей. Извѣстны три попытки водворить въ Россіи византійскую законченность высшаго церковнаго управленія, но всѣ они оказались неуспѣшными. Первая изъ нихъ была при учрежденіи въ Россіи патріаршества, когда соборъ 1589 года постановилъ учредить подъ патріархомъ 4 митрополіи, 6 архіепископій и 8 епископій, примѣнительно къ незабытымъ еще тогда удѣльнымъ княженіямъ, великимъ и малымъ (С. Г. Гр. и дог. ч. 2 № 59 стр. 98). Вторая попытка принадлежить собору 1667 года, когда греческіе патріархи, съ одной стороны признавая самую дѣйствительною мѣрою къ искорененію раскола увеличеніе числа епархій и потому уменьшеніе ихъ территорій, а съ другой имѣя въ виду „яко да исполнится Великаго Государя Царя и в. князя Θεодора Іоанновича всея Россіи *пожеланіе* и великаго Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича... по Божѣ ревностное *желаніе*“, поста-

новили, тоже примѣнительно къ бывшимъ удѣльнымъ княженіямъ и къ покореннымъ въ послѣ-удѣльное время царствамъ, набросить на Россійскую державу сѣть византійскаго церковнаго управленія: „повелѣваемъ, говорили патріархи, коемуждо митрополиту имѣти *подъ* собою епископы, по святымъ правиламъ, *ради конечного исполненія церковнаго*. А жити тѣмъ епископомъ коемуждо *подъ* своимъ архіереемъ... и творити все по благословенію и по повелѣнію своихъ имъ митрополитовъ, а безъ воли ихъ *ничесоже* творити, *кромя священнодѣйствія и хиротоніи*... Повелѣваемъ убо, да сія вся неподвижную, впредь будущія лѣта, имѣють твердость, и непозыблима пребываютъ“. (Дѣянія Моск. Соб. 1666 и 1667. М. 1881 г. ч. II, стр. 84 – 86). Извѣстные намъ источники не даютъ прямыхъ указаній на неисполненіе и на этотъ разъ распоряженій собора и повелѣній царскаго о „конечномъ исполненіи церковномъ“. За то, при третьей попыткѣ завести на Руси византійское іерархическое устройство, прямо высказана была истинная причина неуспѣшности всѣхъ этихъ попытокъ. Когда царь Феодоръ Алексѣевичъ далъ предложеніе собору 1681 года, „чтобы каждому митрополиту имѣти во своей епархіи епископовъ, *подвластныхъ имъ*, а святѣйшему патріарху, Отцемъ Отцу, имѣти многихъ епископовъ, *яко мать* и пастырю“; то Великому Государю „били челомъ митрополиты и архіепископы, чтобы Великій Государь милостивно къ архіерейскому чину разсмотрѣніе положилъ и вновь гдѣ, въ пристойныхъ мѣстѣхъ и въ дальнѣхъ городѣхъ и многонародныхъ, архіереевъ устроить, архіепископовъ или епископовъ, особыми ихъ епархіями, а *не подъ митрополиты быти подвластными*, для того чтобъ въ архіерейскомъ чинѣ не было какого церковнаго *размасія и межъ себя распри и высости*, и въ томъ несогласіи и въ нестроеніи святой *цркви преобиднїя* и отъ народа молвы и укоризны“. (А. И. т. № 75, стр. 110, 111). Хотя о титулѣ патріарха „Отцемъ Отецъ“ и т. д. челобитчики ничего при этомъ не сказали; но извѣстно, что патріарху Никону русскіе іерархи ставили въ вину то, что онъ называлъ ихъ своими сынами и пытался обнаружить по отношенію къ нимъ власть отца. На увеличеніе числа епархій русскіе іерархи тоже были не очень податливы: епархію, напр., на Устюгѣ Великому велѣлъ открыть еще соборъ 1589 года, такое повелѣніе повторилъ и соборъ 1667 года, но только за третьимъ постановленіемъ соборнымъ, именно послѣ собора

1681 года, она была открыта; просуществовавъ около ста лѣтъ, эта епархія закрыта и всецѣло вошла въ составъ и въ то время обширѣйшей Вологодской епархіи. Существуетъ, значитъ, нѣчто такое въ укладѣ жизни русскаго народа, что, помимо личныхъ желаній того или другаго властителя и даже собора властей, нудить этотъ народъ создавать строй жизни, требуемый особенностями его природы, зависящими отъ особенностей земли, на которой онъ сидитъ, и особенностями его славно-русской породы.

Что не личные и корыстные побужденія подвинули челобитчиковъ собора 1681 года на дерзновеніе противиться волѣ царя и патріарха, это, какъ кажется, можно усмотрѣть и изъ того, что челобитье идетъ не отъ патріарха, епископовъ и всего освященнаго собора, а *только отъ митрополитовъ и архіепископовъ*, т. е., только отъ тѣхъ лицъ, которымъ, съ приватіемъ новаго порядка церковнаго управленія, предлагалась и власть, и честь. Что нельзя изъяснить такого противленія изъ боязни уменьшенія своихъ доходовъ и пошлинъ, это видно, во 1-хъ, изъ того, что содержаніе епископовъ въ новооткрытыя епархіи царь бралъ на счетъ своей казны: „а въ которыхъ градѣхъ быти епископомъ, и отъ чего имѣти доволство, и то предложено имянно“ при „предложеніи царскаго благоволенія“ (ibid. стр. 110), а, во 2-хъ, открытыя въ то время епархіи Устюжская и Холмогорская выдѣлены изъ областей митрополитовъ Ростовскаго и Новгородскаго, т. е. изъ епархій челобитчиковъ, которые, противясь новому порядку управленія, въ то же время сокращеніемъ своихъ пошлинъ поступались. Справедливѣе будетъ видѣть въ такомъ противленіи доблесть этихъ іерарховъ, дѣйствительную и разумную заботу ихъ единственно о благѣ церкви, по русскому православному понятію о ней, а не по тѣмъ представленіямъ, которыя проникли къ намъ съ учрежденіемъ патріаршества и сердечно воспріаты были не только самими русскими патріархами, особенно Никономъ, но и царями и, повидимому, главнымъ образомъ, царями. Личный характеръ Θεодора Іоанновича, Алексѣя Михайловича и Θεодора Алексѣевича очень извѣстенъ: это люди чувства и воображенія. А такіе люди плѣняются внѣшностію предмета, а не его внутреннимъ содержаніемъ. Не въ этихъ вѣщностиахъ сосредоточивался современный имъ разумъ русской земли и не они управляли силою вещей и ихъ теченіемъ;

они стояли только у рула этого теченія, то восхищаясь его стройностію, то приходя въ смущеніе и растерянность, когда оно принимало неожиданное, непонятное для нихъ направленіе; управляли этимъ теченіемъ думцы, т. е. люди мыслящіе, и иногда стоящіе къ кормилу правленія не близко. Въ данномъ случаѣ церковный вопросъ, поднятый еще Іоанномъ III и получившій при Іоаннѣ IV такое опредѣленное теченіе, что ни Годуновъ, ни Никонъ не въ силахъ были направить его разрѣшеніе въ другомъ направленіи, сталъ достояніемъ людей мыслящихъ допетровскаго времени настолько, что, при попыткѣ царя Θεодора Алексѣевича рѣшить его въ направленіи противномъ разуму народа, митрополиты и архіепископы, участвовавшіе въ соборѣ 1681 года, своимъ челобитьемъ разрушили воздвигавшіеся оплоты, преграждавшіе путь силѣ вещей и такимъ образомъ еще до воцаренія Петра Великаго сдѣлали то, чему онъ въ Духовномъ Регламентѣ только далъ опредѣленную, законную и вслѣдствіе этого обязательную форму. Потому, можетъ быть, уничтоженіе у насъ патріаршества и встрѣчено было народомъ одержанно-спокойно, что въ строгій церковной жизни епархіи не только не произошло существеннаго измѣненія, но власть и честь епископа еще была возвышена, и уничтожены были всѣ поводы къ „разгласію, распрямъ и высости“ среди архіерейскаго чина, о чемъ до Духовнаго Регламента много помышляли не только думцы свѣтскаго чина, но и думцы духовнаго чина. А потому реформа высшаго церковнаго управленія, совершившаяся при Петрѣ I-мъ, справедливо должна быть разсматриваема не какъ личное только его дѣло.

II.

Митрополитъ Евгенийъ, въ одномъ мѣстѣ своей Исторіи княжества Псковскаго, сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Государь Петръ I, намѣреваясь учредить по новому регламенту Святѣйшій Синодъ и всѣ русскія епархіи, отложилъ пока степени ихъ, а хиротонисаніе митрополитовъ остановилъ вовсе“ (ч. III стр. 61). Если по мысли Петра Великаго русская церковь, не переставая быть православною, можетъ оставаться безъ единоличнаго управленія, безъ патріарха и даже безъ митрополитовъ, то невольно возникаетъ вопросъ: какой же обра-

зецъ этотъ преобразователь имѣлъ предъ собою, когда предпринялъ создать новое „положеніе“ не только для высшаго въ Россіи церковнаго управленія, но и для каждой російской епархіи? Высказывая въ 1-ой части Духовнаго Регламента о „винахъ“ духовнаго коллегіума, какъ основной принципъ, что въ церкви „правительство *не монаршеское* есть“ (стр. 10 по над. 1866 г.), авторъ указываетъ на синадріонъ у евреевъ, ареопагъ въ Аѳинахъ „и иныя въ томъ же городѣ правительствующія собранія, нарицаемыя дикастерія“ (стр. 8). Хотя авторъ Духовнаго Регламента и не договариваетъ, — что, можетъ быть, не требовалось порядкомъ и цѣлью изложенія—до конца своей мысли; однако, его идеаль церковнаго устройства виденъ. Это идеаль первенствующей церкви Христовой, пока она еще не находилась въ союзѣ и подъ покровительствомъ государства, которое, какъ языческое, было ея врагомъ.

Митрополитъ Платонъ въ своей „Краткой церковной російской исторіи“, высказавшись догматически, что „Единый Пастыреначальникъ Христосъ *всѣхъ* церкви своея *епископовъ* учредилъ быть между собою *равными*, и повелѣлъ того только почитать большимъ и вышшимъ, который болѣе церкви Его *услугъ* окажетъ“ (Т. II, стр. 95), дальше устанавливаетъ такой взглядъ на власть митрополитовъ и патріарховъ всея Россіи: „Патріаршеская власть ничего не приобрѣла, кромѣ нѣкотораго наружнаго блеска и виднаго наименованія: ибо власть митрополитовъ всероссійскихъ *въ духовномъ правленіи* точно та же была, какая принадлежитъ и патріархамъ. Но могу сказать, — продолжаетъ далѣе митрополитъ Платонъ, — что сія власть митрополитовъ всероссійскихъ, отъ начала Владиміра до великаго князя Иоанна Васильевича, гораздо была большая и митрополиты были въ большемъ уваженіи, нежели наступившіе патріархи. Ибо, при раздѣленіи Россіи на многія удѣльные княженія, владѣніе и великаго князя было очень не велико и ограничено, а власть митрополита духовная простиралась на всѣ княженія російскія. И при томъ какъ митрополиты всероссійскіе были по большей части избираемы и поставляемы константинопольскимъ патріархомъ и почти всѣ не изъ россіянъ, но изъ грековъ; а потому они и *не почитали себя* гражданскому російскому правительству и *подданными*: то чрезъ все сіе ихъ власть была сильнѣе, нежели новая патріаршая, зависящая совсѣмъ отъ Государя“ (ibid. стр. 100). Противъ

такихъ сужденій не только ничего нельзя сказать, такъ какъ они почти граничатъ съ описаніемъ историческихъ данныхъ, но еще должно усилить заключенія нашего перваго составителя исторіи русской церкви указаніемъ на дошедшую до насъ договорную грамоту между великимъ княземъ московскимъ и митрополитомъ всея Россіи Кипріяномъ, свидѣтельствующую, что изъ начала, при митрополитахъ изъ грековъ, вошло въ обычай для нихъ не только не считать себя русскими подданными, но и понимать себя какъ такихъ владыкъ или духовныхъ князей, которые находятся съ великимъ княземъ московскимъ въ такихъ же договорныхъ отношеніяхъ, какъ и великій князь Тверской, или Рязанскій, или Великій Новгородъ (А. Эк. т. I № 9). И когда Іоаннъ III, оставивъ отъ митрополіи Зосиму, новопоставляемому митрополиту Симону вручилъ—что было не обычно—жезлъ въ церкви и сказалъ рѣчь, которую, по выраженію той же исторіи, „произнесъ не безъ намѣренія относительно къ его власти“ (ibid. ч. I, стр. 347); то въ этомъ поступкѣ перваго русскаго самодержца можно видѣть конецъ договорныхъ къ нему отношеній митрополита всероссійскаго и, съ точки зрѣнія политической исторіи, такое же мирное присоединеніе удѣла этого духовнаго русскаго князя, какое совершенно его сыномъ по отношенію къ Пскову и вообще практиковалось собирателями русской земли по отношенію къ слабымъ удѣльнымъ князьямъ: присоединяя удѣлъ извѣстнаго князя, они ему же и отдавали этотъ новыи уѣздъ въ кормленіе. Не всѣ митрополиты, по личнымъ своимъ качествамъ, были достойны званія своего и не всѣ, несмотря на свои высокія достоинства, прямили душею самодержцамъ, пособляя удѣльнымъ князьямъ ¹⁾. А потому вышеуказанный поступокъ Іоанна III, при возведеніи на митрополію Симона, нужно признать плодомъ предусмотрительной мудрости: онъ есть уничтоженіе пошщины, или договорнаго, вреднаго для самодержавія, отношенія власти церковной къ государственной,—уничтоженіе принципа, но не факта, такъ какъ на практикѣ за представителями церкви оставались ихъ владѣнія.

---

¹⁾ Митрополитъ, напр., Геронтій при Іоаннѣ III, не раздававшимъ удѣловъ, а собиравшемъ землю, далъ въ удѣлъ князю Борису Васильевичу половину Ржевской своей десятины „да и десятинника своего свель“ (А. Э. III № 109).

Нужно еще взять во вниманіе, что митрополитъ и патріархъ, даже епископъ и игуменъ въ древней Руси былъ не лично-стію только, а *представителемъ* цѣлой весьма многочисленной *группы лицъ*, интересы коихъ какъ духовные, такъ и матеріальные, неразрывно были связаны съ положеніемъ въ государствѣ всѣхъ видовъ церковной власти. И такъ какъ, по вышеприведенному объясненію митрополита Платона, объемъ и сила власти митрополитовъ и патріарховъ всероссійскихъ постепенно уменьшались, то у владычныхъ бояръ, дворянъ и боярскихъ дѣтей и вообще у множества властныхъ и не властныхъ лицъ, матеріальные интересы коихъ нарушались отъ такого уменьшенія, незамѣтно, можетъ быть, для нихъ самихъ, усиливалось чувство консерватизма, привязанности ко всякой пошлѣнѣ и старинѣ, хотя бы эта старина была удѣльно-вѣчевая. Въ этомъ, можетъ быть, и причина того, что съ учрежденіемъ патріаршества воскресаетъ и память о великихъ и удѣльныхъ княженіяхъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ — повторяется попытка къ тому же (1667 г.), а въ царствованіе Федора Алексѣевича появляется даже проектъ, совмѣстно съ предлагавшимся собору 1681 г. введеніемъ въ высшемъ церковномъ управленіи византійскихъ порядковъ, раздѣлить Россію и въ гражданскомъ отношеніи на участки, группирующіеся въ большія области съ гражданской іерархіею чиновъ, каковой проектъ носитъ на себѣ слѣды греческаго вліянія, что видно изъ названія чиновъ: дикеофилаксъ, севастократоръ и т. п. (Изд. кн. М. А. Оболенскимъ въ 1850 г. М.). Консерватизмъ духовенства соединяется съ консерватизмомъ боярства, вспоминающаго объ удѣльномъ времени и желающаго воскресить его порядки хотя въ другомъ видѣ, а за ними туда же тянутъ всѣ, чьи интересы связаны съ оставшимися, нужно замѣтить, не въ одномъ воспоминаніи, порядками. Едва-ли можно назвать случайностію то, что вскорѣ по уничтоженіи удѣловъ вырастаетъ крѣпостное право, которое, если стать на точку зрѣнія крестьянъ, было — а потому и намъ его можно назвать — новымъ видомъ удѣльнаго права: присоединенный удѣлъ московскіе цари немедля же по частямъ отдавали въ помѣстья своимъ служилымъ людямъ, чрезъ что вмѣсто одного удѣльнаго князя являлись въ этомъ удѣлѣ десятки владѣльцевъ, а слѣдовательно и удѣловъ, которые только въ началѣ не были закрѣпощены за родомъ новаго мелкаго и слабago удѣльнаго

владѣтеля; послѣ же они, въ сущности, и законодателемъ не отличались отъ вотчинъ, а Петръ I и эту разность уничтожилъ и тѣмъ окончательно узаконилъ существованіе на Руси множества мелкихъ, но слабыхъ удѣльныхъ князей.

Въ виду вышеизложеннаго, самодержавіе можно назвать освободительнымъ началомъ въ жизни русскаго народа, которое, укрѣпляясь постепенно въ лицѣ Петра Великаго увидѣло наконецъ необходимость въ рѣшительномъ ударѣ союзу всѣхъ началъ, угрожавшихъ опасностію самому государству. Такимъ ударомъ и было уничтоженіе патриаршества, съ указаніемъ въ Духовномъ Регламентѣ на опасности для государства отъ единоличнаго церковнаго управленія въ странѣ, полной невѣжества: „простой народъ не вѣдаетъ, говорится въ этомъ Регламентѣ, какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но, великою высочайшаго пастыря честію и славю удивляемый, помышляетъ, что таковой правитель есть то второй государь самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ тако уместовати обыклъ. Что же егда еще и плевельныя властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся, и сухому хвастію огонь подложить? Тако простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря въ коемъ-либо дѣлѣ смотрять. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ, и за него поборствовать и бунтоватися дерзуютъ, и льстятъ себе окаянныя, что они по самомъ Богѣ поборствуютъ и руки своя не оскверняютъ, но освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися. Такому же въ народѣ мнѣнію вельми рады и не простыя, но коварныя человѣцы: ти бо, на Государа своего враждующе, егда увидятъ ссору Государа съ Пастыремъ, покищаютъ то за добрый случай злобѣ своей, и, подъ видомъ церковной ревности, не сумняся подносятъ руки на Христа Господа, и къ тому жъ беззаконію, яко къ дѣлу Божию, подвизаютъ простой народъ. Что жъ когда еще и самъ Пастырь, таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не похочеть? Изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе будетъ“ (стр. 12 по изд. 1866 г.). Что это не предположительныя только, приводимыя, какъ бываетъ, въ оправданіе своего поступка, разсужденія, а указаніе на создавшееся,

всѣмъ извѣстное, положеніе вещей, можно ясно видѣть и изъ поступка устюжскаго архіепископа Александра, предавшаго отлученію отъ церкви воеводу Кикина за дѣйствование имъ по указамъ Великаго Государя, въ предѣлахъ закона и по службѣ, но признанное владыкою за досадительное ему, а потому якобы и церкви. Извѣстны и расчеты царевича Алексѣя Петровича, какимъ путемъ онъ думалъ, получивъ престолъ, уничтожить дѣла своего отца: „Плюю на нихъ (на государственныхъ сановниковъ), здорова бы мнѣ была чернь. Когда мнѣ будетъ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники прихожанамъ, тогда они и не хотя меня владѣтелемъ учинять“. Нельзя не признать, что расчетъ царевича Алексѣя былъ вѣренъ; еслибы и не вполне оправдался этотъ расчетъ, то, повторяя слова Духовнаго Регламента, скажемъ, что „изрещи невозможно, коликое отсюду бѣдствіе“ произошло бы.

Въ виду такого положенія вещей, Петру Великому не оставалось другаго исхода, какъ только, не касаясь основнаго церковнаго устройства и даже церковнаго управленія въ томъ видѣ, какъ оно организовалось до IV вѣка, когда церковь жила не въ союзѣ съ государствомъ, а внѣ государства, имѣя въ немъ своего гонителя, уничтожить, оказавшееся опаснымъ для государства, патріаршее правленіе и замѣнить его соборнымъ¹⁾, обязавъ каждаго члена учреждаемаго собора вѣрноподаническою *присягою*, т. е. уничтожить только тѣ плевелы, которые ко времени Петра Великаго не только разрослись, но и начали препятствовать росту пшеницы. Это было *не нападеніе на церковь* со стороны *государства*, а *самозащита* послѣдняго, предпринятая не противъ церкви, а противъ внутреннихъ своихъ враговъ, прикрывавшихъ свои преступныя дѣла именемъ и благомъ церкви. Само собою понятно, что такое сложное дѣло не могло быть совершено безъ ошибокъ въ частностяхъ и даже безъ нѣкоторыхъ неправдъ, а особенно—безъ страданія тѣхъ или другихъ лицъ, невольно привлекающихъ на себя вниманіе изслѣдователей и отвлекающихъ оное отъ наблюденія за тою силою

---

¹⁾ Слѣзаться въ Россіи, при ея обширности и ея путяхъ сообщенія въ XVIII вѣкѣ, хотя разъ въ годъ, какъ требуется канонами, было невозможно: постоянный соборъ въ виду этого былъ необходимостію тогда, да и теперъ эта необходимость не исчезла.

вещей, которую направлять ко благу церкви и народа призванъ былъ Петръ Великій. Имѣя предъ собою высокіе образцы совмѣщенія обязанности и пастыря и вѣрнопопданнаго, въ лицѣ святителя Митрофана Воронежскаго, Іова Новгородскаго и др., Петръ I-й, при помощи своего ученаго сподвижника Теофана Прокоповича, не что другое сдѣлалъ, какъ безповоротно направилъ теченіе дѣлъ церковнаго управленія туда, куда и до него, начиная съ Іоанна III и кончая соборомъ 1681 года, сидѣлись направлять лучшіе русскіе люди, насколько то зависитъ отъ мощи людской, а не отъ Главн Церквн Господа нашего Іисуса Христа. Самъ вѣруя въ церковь, любя церковность и даже имѣя привычку читать и пѣть въ церкви, Петръ Великій, по долгу истиннаго сына православной церкви и по долгу Самодержца объявивъ, что онъ есть *крійній судія* духовной коллегіи, состоящей изъ его подданныхъ, обязанныхъ къ нему присягою, потребовалъ отъ нихъ присяги и въ томъ, что „во всёхъ дѣлахъ его Духовнаго Правительственнаго Собранія“ они будутъ искать всегда самыя сущія истины и самыя сущія правды, „полагая во́ймъ мыслямъ и словамъ и дѣйствіямъ *своимъ, яко вину конечную*, славу Божию и спасеніе душъ человѣческихъ и всей церкви созиданіе“, а не власть мірскую.

III.

Говорятъ, что Петръ Великій ввелъ въ Россіи цезарепапизмъ, когда уничтожилъ патріаршество и самъ сдѣлался главою русской церкви. Это невѣрно уже потому, что Петръ I-й самъ себя, ни въ одномъ оффиціальномъ актѣ, не называетъ главою церкви. Если же присмотрѣться къ даннымъ, которыя могутъ служить матеріаломъ для точнаго сужденія о положеніи русскаго царя въ церкви, то нельзя будетъ не признать, что геній Петра I-го разрѣшилъ поднимавшійся до него вопросъ о главѣ церкви не въ смыслѣ римско реформатскомъ, а въ смыслѣ чисто православнаго народнаго понятія о церкви, избѣжавъ крайностей, допущенныхъ, не говоря уже о папистахъ, реформаторами и даже византійцами.

Вопросъ о главенствѣ русской церкви при Петрѣ даже не былъ поднимаемъ, такъ какъ еще при отцѣ его сдѣлано было почти все необходимое для того, чтобы этотъ вопросъ западной Европы сдѣлать навсегда для православной Россіи неумѣст-

нымъ. Это было во время, длившагося нѣсколько лѣтъ, дѣла патріарха Никона. „Развѣ царь, — писалъ этотъ патріархъ въ своемъ отвѣтѣ (тетрадкахъ) Паисію Газскому и боярину Стрѣшневу, — есть глава церкви? По апостолу, глава церкви есть Христосъ (Колос. 2, 51). Гдѣ говорится о томъ, что Царь имѣетъ власть надъ церковію?“ (Дѣло патріарха Никона, послѣдованіе Гюббенета, т. II стр. 217). Эти слова знаменитаго патріарха показываютъ, что, во время столкновенія его съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, вопросъ о главенствѣ церкви занималъ умы нашихъ предковъ. Но есть основаніе думать, что онъ явился не вслѣдствіе органическаго развитія и роста русскаго народнаго замосознанія ¹⁾, а внесенъ былъ въ среду современниковъ Никона пришлыми къ намъ людьми, подобными Газскому Паисію, для котораго то, напр., обстоятельство, что у царя въ гербѣ двуглавый орелъ, могло казаться доказательствомъ власти царя надъ русскою церковію: „Для чего двоеглавый орелъ пишется? говоритъ отъ въ 26 отвѣтѣ Стрѣшневу и отвѣчаетъ, что онъ расширяется къ достоинствамъ *церковнымъ и мірскимъ* (ibid. стр. 545). Для единомышленниковъ Паисія могло казаться доказательствомъ главенства царя въ церкви и то, что онъ назначаетъ въ монастыри настоятелей и даже „обираетъ“ патріарха (ibid.). Для мыслящаго же русскаго человѣка того времени такія рѣчи не могли быть доказательны, такъ какъ, согласно его представленію о церкви Христовой, никакъ не можно было назвать властію церковною новгородскихъ, напр., мужей, обиравшихъ себѣ архіепископа, или вотчинника, выбиравшаго въ выстроенную имъ церковь попа, ни въ какомъ смыслѣ не годилось называть главою церкви. Для того, чтобы выразить отношеніе первыхъ и послѣдняго къ церкви, существовало у насъ другое слово: *строитель* или *ктиторъ*, заключавшее въ себѣ понятіе, можно сказать, только соприкасающееся съ понятіемъ о церкви, но не входящее въ составъ его, какъ видовое, или низшее. Понятіе о церкви, какъ „обществѣ вѣрующихъ“, въ древнерусской церкви не имѣло мѣста, и когда Хомяковъ въ своемъ

---

¹⁾ Патріархъ Никонъ писалъ: „Ты, Симеонъ (Стрѣшневъ), говоришь не своими устами и не своимъ языкомъ; всѣмъ, знающимъ тебя, извѣстно, что ничего такого въ тебѣ нѣтъ, чтобы составлять такіе вопросы, съ которыми ты обращаешься“ (ibid. стр. 188).

катиживисѣ говоритъ, что „церковь не есть множество лицъ въ ихъ личной отдѣльности, но единство Божіей благодати, живущей во множествѣ разумныхъ твореній, покоряющихся благодати“ (Соч. т. II § 1), то этимъ онъ, протестуя, такъ сказать, противъ современнаго понятія о церкви, какъ „обществѣ вѣрующихъ“,—какимъ выраженіемъ исключаются, напр., ангелы и всѣ первородные, на небеси написанные, изъ состава церкви,—выразилъ древне-русское православное понятіе о церкви Христовой. Сколько извѣстно, понятіе о церкви, какъ „обществѣ вѣрующихъ“, внесено въ сознаніе русскихъ людей, и, такъ сказать, узаконялось Большимъ Катихизисомъ, составленнымъ подъ вліяніемъ схоластической учености и такъ называемыхъ соцініанскихъ ученій, коснувшихся и умовъ православныхъ ученыхъ юго-западнаго края, служившихъ православною церковью во время отпаденія епископовъ въ унию, что легко понять, между прочимъ, и изъ самаго опредѣленія церкви въ этомъ произведеніи протопопа Зиванія, какъ о „собраніи вѣрныхъ Божіихъ, сущихъ подъ единою Главою Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, а подъ управленіемъ совершенныхъ святыхъ (по соцініански вм. іерархій), отъ Него поставленныхъ“. До напечатанія въ Москвѣ патріархомъ Филаретомъ этого катиживиса, да и послѣ, и даже въ югозападной Россіи, какъ видно изъ Маргарита, общепринятымъ понятіемъ о церкви было понятіе о ней св. Іоанна Златоуста, въ каковомъ понятіи на первый планъ выдвинуты были признаки: вѣра, житіе, законы церковные, и по которому „церковь ничто же ино есть, но развѣ нашими душами созданный домъ“. Это понятіе о церкви въ сущности имѣлъ и патріархъ Никонъ: „Скажи мнѣ,—писалъ онъ въ своихъ тетрадкахъ на вопросы боярина Стрѣшнева и отвѣты Газскаго Паисія,—скажи мнѣ прежде, что есть церковь?—и вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалъ поясненіе: церковь—не мѣсто только, занимаемое церковнымъ зданіемъ, не стѣны церковныя, но законы церковные; церковь есть не стѣны съ кровлею, но вѣра и житіе. Основаніемъ церкви Христовой были апостолы, которые распространили церковь по вселенной; стѣна же велія церковная, высокая и хранительная есть Христось, Онъ же есть и Глава церкви. Затѣмъ Никонъ, возражая на отвѣтъ Паисія, говоритъ, что, по апостолу Павлу, члены св. церкви имѣютъ нѣсколько степеней: первая степень—апостолы, вторая—пророки, третья—учители и такъ далѣе. Никонъ, опи-

раясь на эти ступени, спрашиваетъ, почему въ нихъ царь не показанъ первымъ за высоту царства? (Дѣло патр. Ник. изсл. Гиббенета т. II стр. 216). Если къ этому еще присоединить тѣ мѣста изъ древнихъ актовъ, гдѣ церковь опредѣляется, какъ „земное небо“ (Р. И. Б. т. VI, стр. 485), а священнослужители называются „небесными человѣками и земными ангелами“, т. е. мѣста, говорящія не о земной, а о небесной, такъ сказать, *природѣ* церкви Христовой; то легко будетъ понять, что древне-русское православное понятіе о церкви, связанное съ именемъ св. Іоанна Златоустаго и вліяніемъ его твореній на древнерусское общество, совершенно согласное съ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ церкви покойнаго Хомякова, не сходственно съ понятіемъ о церкви, какъ „обществѣ вѣрующихъ“, объединенныхъ извѣстными, на землѣ только существующими, условіями (ученія, священнодѣйствія и управленія). — съ понятіемъ, начавшимъ водворяться у насъ въ XVII вѣкѣ, образовавшимся же подъ вліяніемъ не восточныхъ отцевъ церкви, а западной науки и реформаціи и, хотя въ существѣ тоже вѣрнымъ, но, говоря языкомъ логики, въ объемѣ и содержаніи нѣсколько разнящемся отъ древнерусскаго.

На воображеніе и чувство, а потому и на поведеніе христіанина древнерусское понятіе о церкви было дѣйствительнѣе, чѣмъ общепринятое нынѣ, можетъ быть, вслѣдствіе того, что послѣднее сухо, какъ формула, а древнее, не имѣя такой логической законченности, было болѣе представленіемъ, чѣмъ понятіемъ, болѣе образомъ, чѣмъ отвлеченною мыслію. По этому представленію, на землѣ только часть, притомъ меньшая, церкви Христовой: наше отечество на небѣ; тамъ и престолъ Божій, тамъ и Глава церкви съ большинствомъ общества вѣрующихъ, отъ вѣка преставльшихся; общество же вѣрующихъ на землѣ, или церковь воинствующая, всегда, во всякое данное время, весьма незначительно по сравненію съ переселившимися отсюда въ царствіе небесное и сдѣлавшимися членами еkkлeсiи торжествующей. На Руси, напр., въ первое время, среди моря язычества, существовали только, какъ островки, эти общества вѣрующихъ, эти колоніи еkkлeсiи небесной. Понятно, что для этихъ вѣрующихъ, тянувшихъ своимъ чувствомъ, воображеніемъ и всею своею душою не къ окружающему міру, къ которому они тянули въ то же время судомъ, данік и всѣми остальными плотскими отношеніями, а къ небу, къ Царю, имѣющему тамъ престолъ, и къ обществу, населяющему Его цар-

ство—что для нихъ церковь, или приходскій храмъ дѣйствительно былъ частію неба среди русской земли: приходя въ этотъ храмъ, они входили въ духовное, молитвенное общеніе съ небожителями, изображеніе коихъ они видѣли въ иконостасѣ, а особенно съ тѣмъ своимъ небеснымъ покровителемъ, которому посвященъ былъ этотъ храмъ; приходскій священникъ былъ посредникомъ между ими и ихъ небеснымъ отечествомъ, былъ небеснымъ человѣкомъ и земнымъ ангеломъ, стѣны и кровля приходскаго храма не были для нихъ церковію (*Ἐκκλησία*), а домомъ Божиимъ (слово церковь произошло отъ искаженія греческихъ словъ, означающихъ домъ Божій), въ которомъ невидимо обиталъ самъ ихъ небесный покровитель: умирая, они оставляли тѣла свои у этого дома (на погостѣ) и вѣрили, что переселяются въ небесное отечество и вполнѣ дѣлаются гражданами церкви Христовой.

Такою же вѣрою жили и русскіе князья по принятіи ими христіанства: изъ своихъ доходовъ они „строили“ дома Божіи для своихъ небесныхъ покровителей и, приказывая, при переселеніи своемъ какъ бы изъ колоніи эkkлeсiи небесной, т. е. изъ общества церкви земной въ отечество небесное, погребсти ихъ останки въ церквахъ ихъ строенія, отдѣляли навсегда изъ своихъ государственныхъ доходовъ достаточную (десятую) часть на поддержаніе Божіихъ храмовъ своего княжескаго „строенія“ и на „кормъ“ тѣхъ „земныхъ ангеловъ“, которые будутъ служить Царю небесному въ этихъ храмахъ. Такъ же точно, когда съ теченіемъ времени христіанство распространилось по всей русской землѣ, дѣлали и вотчинники и вообще всѣ богатые люди древней Руси, на основаніи того же, вышеизображеннаго вѣрованія. И князья, и вотчинники, и даже простые волостные люди и крестьяне, подѣйствіемъ того же, общаго для всѣхъ ихъ, міросозерцанія, „строили“ церкви и „ружили“ причисленныхъ (причтенныхъ, причтъ) къ нимъ богомольцевъ.

Въ виду этихъ общезвѣстныхъ истинъ, основанныхъ на данныхъ, взятыхъ изъ древней письменности, начиная съ лѣтописей и кончая предисловіями къ синодикамъ, можно сказать, что въ религіозномъ сознаніи русскаго народа до напечатанія въ Москвѣ Большаго Катихизиса не было и мѣста вопросу о земномъ *гласенствѣ* церкви: общество вѣрующихъ, состоявшее изъ князей русской земли, ихъ дружинъ и слугъ, ихъ данныхъ людей и богомольцевъ, иначе говоря—земная русская

церковь удѣльнаго времени, съ ея іерархическою организаціею и ктиторами земныхъ церквей, а потому и кормильцами богомольцевъ, при нихъ состоявшихъ, понимала себя колоніею церкви небесной, а не частію церкви греческой, или какой-нибудь другой, тоже земной. Была зависимость отъ Вселенскаго патріарха, но она оказалась столь слабою и такого свойства, что о самостоятельности русской земной церкви стали очень рано думать и русскіе богомольцы, и ктиторы русскихъ церквей. Вся внутренняя жизнь русской церкви, вся ея исторія до XVIII вѣка имѣла въ основѣ своей почти исключительно вышеизображенное міросозерцаніе русскаго народа и обуславливалась отношеніями между церковью, понимаемою въ томъ смыслѣ, какъ выше объяснено, и государствомъ, организовавшимся въ московское самодержавіе, а потому въ Россійскую имперію. Неумѣстно здѣсь подробно доказывать истинность такого нашего мнѣнія.

IV.

Къ концу XVII вѣка русская церковь, понимавшая себя, какъ выше изображено, имѣла такой видъ.

1) Князья, а потомъ цари, и не помышляя о главенствѣ въ русской церкви, митрополитовъ же, а потомъ патріарховъ всея Россіи именуя своими отцами, а главою церкви исповѣдуя одного Христа, несли обязанности и пользовались правами церковныхъ ктиторовъ въ двоякомъ отношеніи: въ качествѣ обыкновенныхъ вотчинниковъ и въ качествѣ государей-ктиторовъ. По Котошихину при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ было „на Москвѣ соборныхъ церквей блиско сорока, а въ городѣхъ во всякомъ городѣ по церквѣ соборной; да на Москвѣ жъ и въ городѣхъ, и въ селехъ, *царскихъ церквей* будетъ блиско полуторы тысячи, а называются соборные церкви, потому что они есть изъ всѣхъ церквей *головныя церкви*“. И когда говорится, что въ Москвѣ „сорокъ сороковъ церквей“, то это не то означаетъ, что тамъ было до 1.600 церквей, а 40 соборовъ, какъ головныхъ церквей, къ которымъ тинули не головныя, въ неопредѣленномъ количествѣ, церкви Москвы: „сорокъ“ такая же неопредѣленная, въ этомъ случаѣ, величина, какъ и „сто“ въ Псковѣ, заключавшее въ себѣ и больше и меньше ста поповъ. Какъ бы то ни было, всѣ соборныя

церкви, какъ въ Москвѣ, такъ и по городамъ, а равно и простыя царскія церкви, въ полторатысячномъ количествѣ, *содержались* на счетъ царя, и духовенство ихъ кормилось изъ царской руги, денежной и хлѣбной, а иные и отъ вотчинъ. „И у тѣхъ“, говоритъ Котошихинъ, „у всѣхъ церквей будетъ всякаго чину служебниковъ болши 18.000 человекъ“ (гл. VI, стр. 60). Всѣ царскіе соборы въ Москвѣ и въ уѣздныхъ городахъ и все ихъ духовенство имѣли уже въ XVI вѣкѣ отношеніе къ царю не какъ къ обыкновенному вотчиннику-ктитору, но какъ къ царю-ктитору, т. е. государственное значеніе. Есть указаніе въ лѣтописи и нѣкоторыми изслѣдователями признается, что первые кievскіе митрополиты жили не въ Кіевѣ, а въ Переяславѣ (Полт. губ.) до постройки Софійскаго собора и при немъ митрополіи. Равноапостольный князь Владиміръ для себя устроилъ особую церковь, въ которой и положены его мощи, и духовенство которой содержалось изъ десятины его доходовъ; эту Десятинную церковь и десятину онъ отдалъ, по словамъ лѣтописца, Анастасу, вывезенному имъ изъ Корсуня; этотъ Анастасъ и долженъ быть названъ первымъ на Руси княжескимъ протопопомъ. Во Владиміръ на Клязьмѣ тоже видимъ, кромѣ собора митрополічья, Дмитріевскій великокняжескій соборъ, съ особыми соборянами. Такъ было у cadaго князя великаго и тянувшихъ къ нему удѣльныхъ, за исключеніемъ, можетъ быть, Нижегородскаго, имѣвшаго соборъ только съ протопопомъ. Неумѣстно здѣсь объяснить, почему съ зарожденія Московскаго государства и возникновенія идеи собиранія русской земли вокругъ Москвы, открытію у насъ новыхъ епархій противились на Москвѣ. Великія княженія: Тверское, Смоленское, Рязанское, Новгородское издавна имѣли своихъ епископовъ; малыя же удѣльныя и стремившіяся стать великими, вынуждаемы были довольствоваться протопопами, которые и вѣдали духовенство въ церквахъ того или другаго удѣла. По мѣрѣ того, какъ удѣлы присоединялись къ Москвѣ въ качествѣ уѣздовъ, а удѣльные князья превращались въ служилыхъ бояръ великаго князя московскаго, и богомольцы удѣльныхъ князей, съ протопопами во главѣ, превращались въ царскихъ богомольцевъ и переходили на царскій кормъ. Соборному духовенству Стоглавый Соборъ далъ значеніе епископскихъ намѣстниковъ въ уѣздахъ, довольно обстоятельно начертавъ ихъ обязанности; духовенству же остальныхъ какъ городскихъ, такъ и сель-

скихъ церквей, ктиторами которыхъ были удѣльные князья, *Вотчи съ всей русской земли*, принявшій на себя обязанности и права ктиторовъ ихъ, далъ ругу и кормъ изъ своей царской казны, почему и сдѣлался ктитормъ *всероссійской церкви*. Эти церкви, въ полуторатысячномъ количествѣ и состоявшіе при нихъ богомольцы, коихъ Котошихинъ насчитываетъ съ соборными до 18 тысячъ, не имѣли государственнаго значенія и заняли положеніе къ царю, какъ къ обыкновенному вотчиннику и ктитору. Въ качествѣ такового, царь чрезъ своихъ служилыхъ людей охранялъ имущество соборовъ и своихъ ружныхъ церквей, производя ему описи (ревизіи), и вѣдалъ церковное хозяйство, поручая считать ведущихъ оное протопоповъ и поповъ въ церковныхъ доходахъ и расходахъ, или воеводѣ, или кабацкому и таможенному головѣ, или особымъ счетчикамъ (Р. И. В. Т. XII Холм. актовъ № XXI стр. 71—81. Устюж. акт. № LV стр. 253 и др.). Такое положеніе царскаго соборнаго духовенства въ епархіальномъ управленіи и положеніе соборовъ и другихъ царскихъ церквей въ хозяйственномъ и вообще имущественномъ отношеніи и составляетъ ту *норму*, въ виду которой формировалось и съ Петра Великаго окончательно опредѣлилось положеніе русскаго царя въ русской церкви, но не какъ главы церкви, въ реформатскомъ или папскомъ смыслѣ, а какъ *Верховнаго ктитора всероссійской церкви*.

2) Великое княжество Новгородское, княжество Псковское и такія русскія области, какъ Вятка, Вага и другія, сохранившія даже до XVII вѣка названіе *земель* (Поморскихъ городовъ—тожъ), имѣли тоже свои вотчинныя церкви, имуществомъ и хозяйствомъ которыхъ, а равно и руженьемъ богомольцевъ, при нихъ состоявшихъ, распоряжалось вѣче, а послѣ—земская изба, на правахъ ктиторовъ. Избирая для себя архіепископа, новгородцы находили себя въ правѣ не только считать Софійскую казну, въ лицѣ казначеевъ у нея стоявшихъ, но и давать ей назначеніе, по слову вѣча, на общественныя нужды, даже въ уплату контрибуцій; въ своихъ пятинахъ, не говоря уже о самомъ Новгородѣ, они имѣли не мало ружныхъ церквей, содержаніе которыхъ, по завоеваніи Новгорода, великій князь Московскій взялъ на себя, какъ ктиторъ своей отчины—Новгородской земли. Псковъ, мирно завоеванный Василиемъ III Иоанновичемъ, получилъ, какъ бы въ награду за свое смиреніе, неприкосновенность, на нѣкоторое время, своего внутренняго устройства, въ составъ котораго входило и исконное

право господина Пскова вѣдать вотчинное хозяйство всѣхъ приходскихъ церквей на своей землѣ, въ качествѣ ихъ ктитора. Въ Псковѣ на всей территоріи княжества, т. е. въ самомъ „Псковѣ и въ пригородѣхъ съ уѣзды“ было около 160 приходскихъ церквей (А. И. Т. V № 122), за которыми было „всякихъ угодій многое число“ и много вотчинъ, на которыхъ сидѣло „больше тысячи дворовъ крестьянъ“ (ibid. № 172). Такъ какъ эти церкви были „строены“ господина Пскова и имъ же были надѣлены вотчинами, то и церковными старостами въ нихъ были псковичи, выбиравшіеся вѣчемъ и предъ нимъ, какъ ктиторомъ, считавшіеся. По уничтоженіи вѣча эти старосты-псковичи считались то предъ всегородною земскою избою, то предъ воеводами: права ктитора, такимъ образомъ, перешли на ктитора Всероссийской церкви. Учрежденіе во Псковѣ епархіи вызвало домогательство псковскихъ архіереевъ считать этихъ церковныхъ старостъ-псковичей, тогда уже „мужиковъ“, а не вѣчевиковъ, на своемъ архіерейскомъ дворѣ; но государственная власть долго противилась этому. Чѣмъ это кончилось, сказано будетъ ниже. Такія же земскія церкви, ктиторами которыхъ считался главный *юродъ земли*, существовали и въ Вяткѣ и въ Устюжской землѣ, гдѣ, съ учрежденіемъ епархій, возникло подобное псковскому столкновеніе изъ-за „права счета“ церковной казны между архіереемъ и мѣстными земскими властями, основывавшими свое право завѣдыванія хозяйствомъ церквей на томъ, что эти церкви „ихъ строеніе“, т. е. на ктиторскомъ правѣ (см. акты Устюжской еп. въ Р. И. Б. Т. XII № 88 и др.).

3) Примѣненіе ктиторскаго права къ церквямъ, построеннымъ вотчинниками и помѣщиками, какъ въ отношеніи къ выбору членовъ причта къ нимъ, такъ и по отношенію къ завѣдыванію церковнымъ хозяйствомъ, было въ общихъ чертахъ сходно съ порядкомъ примѣненія этого права Великими Государями къ своимъ царскимъ церквямъ и къ своему царскому духовенству: „у болшихъ и немногихъ бояръ, говорить Котошихинъ, учинены на дворѣхъ своихъ церкви и даютъ они попомъ своимъ жалованье, по зговору, погодно“ (стр. 122 гл. XIII), т. е. ружать ихъ такъ, какъ ружили свое духовенство и Великіе Государи. Церкви, находившіяся въ вотчинахъ и помѣстьяхъ, и духовенство, при нихъ состоявшее, подлежали попеченію и вѣдѣнію того, кто ихъ „строить“: если эти церкви были „строеніе мірское“, то вотчинные или по-

мѣстные крестьяне и набирали причтъ къ нимъ, и выбирали церковнаго старосту изъ среды себя, и назначали счетчиковъ для повѣрки его въ церковныхъ доходахъ и расходахъ, короче—пользовались всѣми правами ктиторовъ; если же они были „строеніе вотчинниково или помѣщиково“, то и церковное хозяйство вѣдалъ и поповъ назначалъ къ нимъ землевладѣлецъ, или церковный прикащикъ, имъ назначенный, котораго онъ и считалъ. Первый видъ ктиторства преобладалъ въ вотчинахъ высшихъ духовныхъ властей и монастырей, и вообще богатыхъ землевладѣльцевъ, а второй—въ вотчинахъ соборовъ, помѣщиковъ и вообще небогатыхъ землевладѣльцевъ, хотя бы церковь была „строенія помѣщика и мірскихъ людей“. Наконецъ.

4) Волостные или другихъ названій крестьяне, сидѣвшіе на волостныхъ и вообще на государственныхъ земляхъ, а равно и посадскіе люди строили у себя церкви, призывали къ нимъ поповъ, ружили ихъ, завѣдывали церковнымъ хозяйствомъ чрезъ выборнаго изъ среды себя старосту, считали его и распоряжались церковными суммами до половины XV вѣка, какъ ктиторы. Духовенство и церковная власть не обнаруживали никакого участія, или вліянія на ходъ церковно-приходскихъ дѣлъ, имѣвшихъ связь съ имуществомъ и хозяйствомъ прихода: бывали случаи, что прихожане выбирали своего попа церковнымъ старостою, поручали ему имущество и хозяйство своей церкви, и такъ же считали его въ церковныхъ доходахъ и расходахъ, какъ и обыкновеннаго церковнаго старосту, выбраннаго изъ среды себя (Р. И. Б. Т. XII Холмог. акты №№ VI, VII, IX--XII). Въ посадскихъ и волостныхъ приходахъ съ наибольшею опредѣленностію обнаруживалось воплощеніе того понятія о церкви, которое господствовало на Руси въ допетровское время и которое мы пытались выше выяснить: каждый приходъ мыслилъ себя какъ земную колонию небесной еkkлесіи, какъ земную церковную общину, сгруппированную возлѣ дома Божія, этого—„земнаго неба“, подъ покровомъ святаго небожителя, благодатно присутствующаго въ выстроенной для него церкви: этотъ небожитель, по ихъ представленію, собственникъ этого храма Божія, хозяинъ и распорядитель всего ихъ церковнаго имущества, они же только „строители“ этого Дома и „прикащики“ тянущей къ нему вотчины, выбирающіе, для завѣдыванія оною, изъ среды себя старосту, за своею порукою. Москвичъ мыслилъ свое госу-

дарство какъ „Удѣлъ Богоматери“, почему и называлъ рѣку, отдѣляющую этотъ Удѣлъ отъ Литвы „Поясомъ Богоматери“, новгородецъ называлъ свое государство „Землею св. Софіи“, псковичъ—„Землею Св. Троицы“ и т. п. Въ нашемъ распоряженіи имѣется приговоръ прихожанъ Аѳанасьеваго и Феодороваго прихода, Кичменской волости, Устюжскаго у., составленный около 1620 года. Этимъ приговоромъ церковный староста Суворовъ и крестьяне того прихода постановляютъ: изъ 18 рублей съ полтиною церковныхъ денегъ, которыя по судному списку земскаго судейки Худякова съ товарищи слѣдуетъ взыскать съ прежнихъ церковныхъ старостъ Кувакина и Пономарева, „взяти 4 рубли окромѣ убытковъ, а въ достальныхъ деньгахъ простили: Аѳанасію Александрійскому да Феодору Стратилату, заканчиваютъ они приговоръ, отдали судити“ (будетъ напечатанъ въ XIII томѣ Р. И. Б., объ этомъ приходѣ см. Р. И. Б. т. XII стр. 768—770). Было бы ошибкой думать, что послѣднія слова суть только образная форма рѣчи, а не буквальное выраженіе мысли прихожанъ: живость и глубина чувства, основаннаго на религіозномъ представленіи, присутія древнерусскому православному человѣку, служатъ этому такую же порукою, какъ служатъ они порукою и въ тѣхъ случаяхъ, на которые указываютъ изустныя памяти, въ которыхъ приводятся въ свидѣтели архистратигъ Михаилъ, или Николай Мирликійскій Чудотворецъ, наравнѣ съ Шумиломъ, Панкратомъ и другими свидѣтелями, сидѣвшими у одра умираваго.

Вышеизложенными четырьмя способами осуществленія ктиторскаго права исчерпывается, по извѣстнымъ намъ даннымъ, все содержаніе исторіи (до половины XVII вѣка) имущественныхъ отношеній въ жизни соборныхъ, приходскихъ и домовыхъ церквей. Не останавливаемъ вниманія на томъ, насколько факты этой исторіи согласны съ тѣми или другими канонами, или ихъ толкованіемъ, съ тою или другою каноникою, или догматикою: мы поставили себѣ цѣлю только выяснить положеніе ктитора въ жизни русской церкви и связь, установившагося къ половинѣ XVII вѣка, его положенія съ тѣмъ понятіемъ о церкви Христовой, которымъ жила допетровская Русь. Оказывается, на нашъ взглядъ, что ни въ строѣ религіознаго міросозерцанія русскаго человѣка, ни въ исторіи имущественной жизни русской церкви, обусловленной ктиторскимъ правомъ, не было никакихъ задатковъ цезарепапизма, въ смыс-

лѣ западно-европейскомъ, и что положеніе царя въ русской церкви совершенно иное, чѣмъ было въ Византіи и въ нынѣшнихъ реформатскихъ государствахъ: оно у насъ обусловлено своеобразнымъ ходомъ исторіи русскаго народа, всецѣло возлюбившаго *самодержавную форму государственной жизни*, какъ такую, которая *одна* можетъ дать *истинную свободу русскому народу* во всѣхъ сферахъ его жизни, не исключая и *церковной*,— въ томъ смыслѣ и въ тѣхъ границахъ, которые легко видѣть изъ нижеслѣдующихъ главъ.

V.

Греческіе патріархи, вызванные въ Москву царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для суда надъ всероссійскимъ патріархомъ Никономъ, усмотрѣли незамѣчавшуюся до того времени русскими людьми одну „нелѣпость“ въ примѣненіи на Руси ктиторскаго права. „Святныя церкви,—говорили они на соборѣ 1667 года,—*священникомъ* корчемствовать и продавать нелѣпо есть... продавать церкви Христовы и церковныя мѣста, яко отчины, зѣло неправильно есть“ (Дѣянія моск. собор. 1666 и 1667 г., изд. Брат. св. Петра, ч. II, стр. 17).

Какъ могло явиться такое корчемство церквами на Руси, когда ктиторы—были ли это частныя лица, или общины—заботливо отстраняли своихъ поповъ отъ завѣдыванія въ церквахъ своего „строенія“ имуществомъ и хозяйствомъ, а если и допускали до старощенья, то держали ихъ подъ надлежащимъ контролемъ, и—какъ это зло могло у насъ настолько разростись, что не только обратило вниманіе случайныхъ на Русь людей, но и потребовало принятія особыхъ противъ него мѣръ? Полагаемъ, что это произошло отъ стеченія такихъ обстоятельствъ: въ Стоглавникѣ отмѣчено, что въ половинѣ XVI вѣка было много церквей запустѣвшихъ, причемъ указано и на одну изъ причинъ такого запустѣнія, это—построеніе церквей не по нуждѣ народонаселенія, а по благочестію нѣкоторыхъ, по обѣту, при необеспеченіи ихъ со стороны этихъ ктиторовъ. Изъ другихъ же источниковъ, особенно изъ переписныхъ книгъ, обнаруживается и другая, болѣе дѣйственная причина запустѣнія церквей, ктиторами которыхъ были приходскія общины. Запустѣніе приходовъ какъ въ селахъ, такъ и въ посадахъ началось почти съ начала XVI вѣка подъ дѣй-

ствіемъ частію системы государственнаго управленія, смѣнившей удѣльно-вѣчевые порядки, частію же отъ завоеванія новыхъ земель, особенно Сибири, куда изъ-подъ Москвы, какъ отъ центра къ периферіи, двинулись подвижныя и своевольныя элементы народонаселенія. Непокойное, за царствованіемъ Грознаго послѣдовавшее, время усиливало только эти передвиженія въ народѣ. Грозный и отцы Стоглава придумали, повидимому, самую дѣйствительную мѣру къ предотвращенію запустѣнія церквей. Она полезною могла быть особенно для тѣхъ церквей, которыя оставлены были прихожанами: село, съ годною пашенною землею, запустѣвшее отъ режима вотчиннаго — помѣщичьяго, или воеводскаго, легко пополнялось тогда, при свободѣ перехода крестьянъ; нужно было только поддерживать церковь, чтобы новая приходская община не оказалась въ затрудненіи при ея заселеніи. На соборѣ было рѣшено вмѣнить въ обязанность епархіальнымъ архіереямъ, послѣ ревизіи приходовъ въ означенномъ направленіи, поддерживать оказавшіяся безъ пѣнія церкви изъ своей *епископской казны*, получающейся *отъ дами* съ поповъ, служащихъ при церквахъ незапустѣвшихъ, съ поповъ же въ новыхъ, оживавшихъ приходахъ, даней и другихъ пошлинъ не брать, давая льготы лѣтъ на пятнадцать, „дондеже тѣ церкви будутъ съ прихожаны“ (Стогл. гл. 70). Но рѣшеніе собора не было приведено въ исполненіе: акты не говорятъ, чтобы епархіальные архіереи XVI и XVII вѣковъ заботились о церквахъ безъ пѣнія, употребляя на поддержаніе ихъ деньги изъ указаннаго источника; за то доворныя книги начала царствованія Михаила Теодоровича и описныя книги городовъ во время царя Алексѣя Михайловича не рѣдко открываютъ намъ настоящихъ печаловниковъ о запустѣлыхъ церквахъ. Писецъ, отмѣчая, что та или другая церковь „строеніе попово“, или „строеніе попово и мірскихъ людей“, иногда дѣлаетъ отмѣтки, изъ которыхъ видно, что, когда, напр., литовскіе люди и русскіе воры были въ томъ или другомъ мѣстѣ (а они вездѣ были), то при нападеніи ихъ на тотъ или другой посадъ, на то или другое село, погостъ и т. п., одни изъ прихожанъ были ими посѣчены, другіе же разбѣжались. Изъ отмѣтокъ же позднѣйшаго времени, дѣлавшихся въ описныхъ книгахъ, видно, что иные изъ прихожанъ переведены въ Москву въ ту или другую сотню, другіе ушли въ сибирскіе города и т. п., и приходъ потому запустѣлъ, а церковь обвалилась. Во многихъ случаяхъ отмѣ-

чается, что уцѣлѣвшій попъ, исправивъ иногда одинъ изъ придѣловъ, а иногда обновивъ всю церковь, не оставлялъ оной безъ пѣнія. Селившійся вновь народъ иногда помогаль этому „поповому строенію“, и въ возникшемъ, на старомъ мѣстѣ, приходѣ, церковь уже писцомъ отмѣчалась, какъ „строеніе попово“ или: „попово п мірскихъ людей“. Изъ печатныхъ источниковъ можно указать на примѣръ того, какъ церковь напр., св. Алексѣя митрополита въ Калугѣ, будучи „строеніемъ боярскимъ“, именно—боярина Никиты Ивановича Романова сдѣлалась „строеніемъ попа Михайла“, отдаваемаго въ владомъ Лютикову монастырю, въ который поступилъ этотъ попъ старцемъ, а потомъ—собственностію Казанскаго женскаго монастыря, въ Калугѣ („Правосл. Обзор.“ май—іюнь, калужск. игуменія Маремьяна Пальчикова, стр. 94—96). Но не всѣ попы отдавали свои церкви въ монастырь; большею частію они оставляли ихъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ,—хорошо если попамъ же, а то—и пономарямъ и даже своимъ дочерямъ, которые, нанявъ къ ней попа, по ктиторскому праву, вѣдали имущество и хозяйство своей церкви и тѣмъ жили. На земляхъ такой церкви ктиторы селили половниковъ и крестьянъ, и бывали случаи, что попъ-ктиторъ своей церкви былъ и вотчинникомъ своихъ прихожанъ. Что такое корчемство церквами было довольно распространеннымъ у насъ зломъ въ XVII вѣкѣ, можно судить по изданнымъ уже матеріаламъ: изъ книги, напр., „Св. храмы г. Тулы“ (1888 г.), изд. мѣстнаго губернскаго статистическаго комитета, видно, что изъ 25 церквей и соборовъ г. Тулы, въ XVII в. до 10 было, повидимому, „строенія поповъ“, но несомнѣнно — 6; тамъ же напечатана и поступная запись 1690 года (стр. 245 и дал.), въ яркихъ чертахъ изображающая то корчемство церквами и церковными мѣстами, о которыхъ говорилось на Большомъ московскомъ соборѣ 1667 года. Въ XII томѣ Р. И. Б. сюда относятся почти всѣ акты, перечисленные въ предисловіи на стр. VI.

Чѣмъ грозило Россіи такое совмѣщеніе въ одномъ лицѣ правъ вотчинника, ктитора и попа, излишне и говорить.

Чтобы остановить дальнѣйшее развитіе корчемства церквами, греческіе патріархи посовѣтовали прихожанамъ церквей, ктиторами коихъ состояли священники, купить у нихъ эти церкви съ мѣстами, на которыхъ онѣ стоятъ, кромѣ домовъ священнослужителей; права же ктиторства надъ ними передать патріарху всея Россіи. „Совѣтуемъ нынѣ вамъ,—говорили

они на соборѣ 1667 года,—всѣмъ *прихожаномъ* коеяждо церкви, православнымъ христіаномъ, живущимъ здѣ, въ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ, и прочимъ, и благословляемъ васъ: *да искупите* св. церкви продаваемыя, и церковныя мѣста, развѣ домового ихъ строенія и храмивъ, да будутъ свободны и подъ единою главою и властію, *еже есть* Христосъ и *краиній пастырь вашъ*, нашъ братъ святѣйшій московскій патріархъ и всея Россіи“ (Д. моск. соб. 1666 и 1667 г. ч. II, стр. 17 и 18). Поелику, какъ выше подробно объяснено, византійское, обнаруживающееся и въ приведенныхъ словахъ, устройство высшей церковной власти, съ подчиненіемъ епископовъ во всемъ „кромя священнодѣйствія и хиротоніи“ митрополитамъ, а митрополитовъ патріарху, не было принято нашими митрополитами и архіепископами: то до послѣдней четверти XVII вѣка все и осталось по-прежнему въ епархіяхъ древнихъ; въ новооткрытыхъ же епархіяхъ архіереи начали примѣнять провозглашенный восточными патріархами, въ 1667 году, принципъ ктиторской власти патріарха надъ церквами всея Россіи, по русскому пониманію, т. е., архіереи этихъ епархій „кромя священнодѣйствія и хиротоніи“, стали „владѣть“ корчемствуемыми церквами. О случаяхъ „искупленія прихожанами церквей продаваемыхъ“, акты ничего не говорятъ, о поступленіи же вотчинъ тѣхъ церквей, ктиторами которыхъ состояли священники, въ составъ архіерейскихъ вотчинъ, акты свидѣтельствуютъ, что такіе случаи бывали въ новооткрытыхъ епархіяхъ (Р. И. Б. т. XII №№ СХVI, СХХV, СХL, ССХХ). Въ епархіяхъ же древнихъ попы корчемствовали церквами до самаго учрежденія Святѣйшаго Синода.

Кромѣ примѣненія вышеприведенныхъ словъ греческихъ патріарховъ къ церквамъ, продаваемымъ священниками, архіереи не древнихъ епархій, даже такихъ, какъ Псковская, обнаруживали, сошлясь на „Изложеніе святѣйшихъ вселенскихъ и московскаго патріарховъ“, т. е. на акты собора 1667 г., новое для старостъ церковныхъ и вообще для всѣхъ русскихъ людей примѣненіе права ктиторства и „власти надъ церквами“ тѣмъ, что требовали къ себѣ на здѣлье крестьянъ, жившихъ въ вотчинахъ приходскихъ церквей, производили ревизіи имущества и хозяйства этихъ церквей и обяывали церковныхъ старостъ являться къ „счету“ на архіерейскій дворъ. Нужно замѣтить, что митрополиты всея Россіи въ посланіяхъ, напр., въ Новгородъ и Псковъ, говоря о неприкосновенности цер-

ковныхъ имуществъ, не высказываются противъ такого завѣдыванія имуществомъ и хозяйствомъ приходскихъ церквей, которое обычно было въ то время, и исковничамъ пишутъ о томъ, чтобы къ старощенію не допускали ротниковъ, двоенженцевъ и троенженцевъ, а не о томъ, чтобы они отказались отъ своего права завѣдывать чрезъ старостъ церковными вотчинами. На Устюгѣ тоже искони, даже послѣ собора 1667 г., но „за ростовскихъ митрополитовъ“, церковные старосты считались по приходамъ и только передъ прихожанами. И исковичи и устюжане дѣло по защитѣ своихъ ктиторскихъ правъ доводили до Боярской Думы, и это высшее въ государствѣ учрежденіе, во время соправительницы Софіи, стало на сторонѣ старины: приказавъ взыскать чрезъ воеводу обнаруженные ревизіею недочеты и долги на церковныхъ старостахъ и приобщить оныя къ ихъ источникамъ, Боярская Дума отклонила въ завѣдываніи церковнымъ хозяйствомъ даже участіе приходскихъ священниковъ, чего добивался устюжскій архіепископъ.

Петръ I-й по вступленіи на престолъ, поручая епархіальнымъ архіереямъ *наблюдать за цѣлостію* церковно-приходской казны, а потому снабжать церковныхъ старостъ зашнурованными въ архіерейскомъ приказѣ приходо-расходными книгами, считать ихъ на своемъ дворѣ и производить ревизію приходовъ, не дозволялъ архіереямъ *распоряжаться* церковными суммами по ихъ усмотрѣнію и безъ его, Великаго Государя, вѣдома; правожъ церковныхъ денегъ на старостахъ предоставлялъ тоже своимъ органамъ власти. (Р. И. Б. Т. XII №№ CCLXXXVI, CCLXXXIX).

Изъ Именнаго Высочайшаго указа отъ 19 февраля 1718 г. и таковаго отъ 28 февраля того же года, переданнаго графомъ Мусинимъ-Пушкинымъ мѣстоблюстителю патриаршаго престола Стефану Яворскому (П. С. З. №№ 3171 и 3175), изъ такового же указа, 28 февраля 1721 года, объявленнаго отъ Святѣйшаго Синода, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Духовнаго Регламента и изъ другихъ современныхъ учрежденію Святѣйшаго Синода актовъ, видно, что еще до изданія Духовнаго Регламента въ умѣ Петра Великаго соврѣлъ такой планъ устройства прихода:

а) церковная община, именуемая приходомъ, остается при своемъ исконномъ, въ церковно-хозяйственномъ отношеніи, устройствѣ, т. е. церковное хозяйство ведется чрезъ выбор-

ныхъ старостъ п вѣдается прихожанами, безъ участія причта.

б) Доходы церковные, за удовлетвореніемъ потребностей храма и богослуженія, употребляются: а) на устройство и поддержаніе домовъ для причтовъ, почему священникамъ своихъ домовъ не имѣть, а имѣющимися поступиться за плату, въ собственность церкви, β) на устройство и содержаніе богадѣлень для приходскихъ нищихъ, на какой предметъ долженъ идти доходъ отъ продажи церковныхъ свѣчъ, на торговлю коиими предоставляется исключительное право старостѣ каждой церкви въ предѣлахъ прихода, и γ) на образованіе духовенства, каковой расходъ распространяется только на церкви, имѣющія вотчины, съ которыхъ идетъ 30-я доля хлѣба на „училищныя дома“ при архіереѣ, въ помощь ему, такъ какъ эти училища должны содержаться изъ архіерейскихъ и монастырскихъ (20-я доля хлѣба) вотчинъ.

с) Такъ какъ всѣ эти расходы могли оказаться непосильными для небольшихъ приходовъ — а такихъ было тогда громадное большинство — и такъ какъ для предоставленія священникамъ полной возможности, не много думая о „кормѣ“, какъ было доселѣ, исполнять обязанности учительства, требоисправленія и вообще пастырства, а для этого нужно было дать имъ достаточное „довольство“, что также являлось непосильнымъ для множества тогдашнихъ приходовъ, то Петръ Великій пришелъ къ мысли увеличить приходы соединеніемъ по нѣскольку въ одинъ. Поелику при выполненіи такихъ предначертаній нужно было наложить на прихожанъ „подать священству“, то, при опредѣленіи величины этой подати, а равно и нормы дворовъ для величины прихода, церковная власть должна была это сдѣлать при участіи власти государственной: „полезно есть сдѣлать совѣтъ съ сенаторами, какъ много дворовъ къ одному приходу опредѣлить, съ которыхъ всякій бы давалъ такую-то именно подать священству“, сказано въ Духовномъ Регламентѣ (издан. 1866 стр. 84). Наконецъ

д) контроль за веденіемъ церковно-приходскаго хозяйства, по мысли Петра, долженъ лежать на епископѣ, чего и добились, при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ и правительницѣ Софіи, архіереи новоучрежденныхъ епархій.

Таково *умоначертаніе* Петра Великаго объ устройствѣ прихода во всѣхъ его внутреннихъ отправленияхъ и внѣшнихъ отношеніяхъ. Нельзя не примѣтить, что хозяйственная жизнь

прихода, по мысли Петра, находится, говоря вообще, въ согласіи съ тѣмъ понятіемъ о церкви и ктиторствѣ, о которыхъ было выше подробно сказано; но, согласно измѣнившимся обстоятельствамъ и указаніямъ опыта, Петръ Великій призналъ необходимымъ призвать епископа къ наблюденію за цѣлостію церковнаго имущества и за правильнымъ веденіемъ церковнаго хозяйства, въ чемъ и является представителемъ принципа, заявленнаго греческими патріархами, бывшими на соборѣ 1667 года, но измѣненнаго имъ, по требованіямъ условий русской жизни и русскаго народнаго разума. Опытъ показалъ (по псковской и устюжской епархіямъ), что суммы церковныя какъ не въ порядкѣ оказывались, когда церковные старосты считались только по приходамъ, по старинѣ, такъ онѣ оказывались не въ цѣлости и тогда, когда стали считаться только на архіерейскомъ дворѣ, или отходили въ вѣдѣніе одного приходскаго духовенства: нужно было найти новую формулу для устраненія зла. Опытъ также показалъ, что попы искали священническихъ мѣстъ „не ради Иисуса, по выраженію св. Димитрія Ростовскаго, а ради хлѣба куса“ и отличались такимъ же невѣжествомъ и суевѣріемъ, какъ и народъ: нужно было и въ этомъ случаѣ придумать мѣры къ устраненію зла.

Кто долженъ былъ объ этомъ думать и кто долженъ былъ приводить въ исполненіе придуманныя формулы? Иначе говоря—какой ктиторъ русской церкви долженъ былъ заняться и тѣмъ и другимъ дѣломъ: тотъ ли, который отъ основанія на русской землѣ церкви Христовой былъ ея ктиторомъ, или же тотъ, кому греческіе патріархи, отдавая на соборѣ 1667 года власть надъ церквами, выкупленными у своихъ поповъ прихожанами, отдавали принципиально ему власть и надъ всѣми русскими церквами? Тотъ ли Великій Государь, который къ концу XVII вѣка, состоя ближайшимъ непосредственнымъ ктиторомъ болѣе полуторы тысячи церквей, кромѣ соборовъ, былъ, какъ вотчичъ всей русской земли, и ктиторомъ, въ высшемъ смыслѣ, церквей не только всѣхъ своихъ „сиротъ“, сидѣвшихъ на его, Великаго Государя, земляхъ, но и церквей всѣхъ своихъ „холоповъ“, надѣленныхъ вотчинами и помѣстьями, вмѣсто жалованья за службу, съ правомъ и обязанностію „Государей“ русской земли; или же тотъ Великій Государь, который, хотя, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ, возводимъ былъ, по особымъ обстоятельствамъ, въ достоинство „Великаго Государя“, но теперь понимаемъ

былъ мыслящими людьми русской земли за обыкновеннаго „Государя“ въ строѣ государственной жизни Россіи? Что подобныя вопросы были ставимы жизнію и не только теоретически разрѣшаемы у насъ еще до Петра Великаго, но и были практически предпрѣшаемы въ томъ смыслѣ, въ которомъ окончательно рѣшилъ ихъ и свое рѣшеніе узаконилъ Петръ I-й, въ этомъ нельзя сомнѣваться, въ виду рѣшеній Боярской Думы по дѣлу псковичей и по дѣлу устюжанъ съ своими архипастырями.

VI.

Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ обнаружилось сильное движеніе въ высшемъ русскомъ обществѣ къ образованію (Ртищевъ и его монастырь) и тогда же обозначились въ немъ два направленія: одни находили, что образованіе русскому народу нужно получить, какъ и вѣру онъ получилъ, съ Востока, отъ грековъ, другіе же—отъ западной Европы чрезъ Кіевъ и его ученыхъ. Первые, признавая для московскаго государства полезнымъ подражаніе Византіи и въ государственномъ и въ церковномъ устройствѣ, находили, что для русскаго народа нужна не столько наука и образованіе, сколько неприкосновенность православія въ томъ его видѣ, въ какомъ современные имъ греки желали его видѣть, и готовы были для достиженія своей цѣли основать въ Москвѣ нѣчто подобное инквизиціи, какъ можно видѣть изъ проекта грамоты царя Θεодора Алексѣевича (1682 г.), дарующей разныя привилегіи задуманной въ Москвѣ академіи. Предполагалось устроить нѣсколько училищъ въ монастыряхъ, подъ общимъ названіемъ академіи, въ которой бы блюстителемъ и учителями были лица только „россійскаго и греческаго народа“; грековъ предполагалось принимать при свидѣтельствѣ отъ патріарховъ и надлежащемъ испытаніи по прибытіи въ Москву; пріѣзжающимъ „изъ Литовскія страны и Малыя Россіи“ признано нужнымъ не вѣрить, „аще бы кто изъ нихъ и писаніемъ правду вѣры нашей восточныя удостовѣрялъ“, не вѣрить, принимая во вниманіе то, что „таковіи являются якобы совершенно благочестивые, а егда увѣрятся быти благочестивыми, тогда по малу развратная словеса вѣры нашей всѣвати, и оныя неспрочную цѣлость терзати начинаютъ“; „новопросвѣщеннымъ же отъ римскія вѣры, и лютерскія, и кальвинскія, и иныхъ ересей приходя-

щимъ въ тѣхъ училищахъ блюстителю и учителемъ весьма не быти⁴. Выбранные въ блюстители и учителя должны будутъ присягнуть въ соблюденіи имѣющаго быть сочиненнымъ въ совѣтѣ царя съ патриархомъ устава академіи, и еслибы кто изъ нихъ послѣ похвалилъ чужую вѣру, его предположено изгонять и за хуленіе православныя вѣры сожигать. Въ предположенныхъ по монастырямъ училищахъ могли учиться только русскіе люди; держащіе у себя, безъ вѣдома академическаго начальства, домовыхъ учителей лишаются своего имѣнія, учащіеся же въ нихъ до окончанія курса могутъ не платить долговъ „и суда на нихъ велено не давати“. Проступки, совершаемые блюстителемъ, судятся учителями, въ присутствіи царя и патриарха; проступки учителя судятся судомъ блюстителя съ остальными учителями. Проступки учащихся, кромѣ убійственныхъ и за другія великія дѣла, судятся „гдѣ что доведется, съ вѣдомости блюстителя“. Если взять во вниманіе, что въ распоряженіе проектируемой академіи предположено было отдать 8 богатѣйшихъ монастырей „со всѣми крестьянскими и бобыльскими дворами и со всѣми угодьями“, да въ Чугуевѣ на Опаковѣ Колодезѣ пасечное мѣсто со всѣми угодьями и землею, да дворцовую Вышегородскую волость со всѣми крестьянскими и бобыльскими дворами и со всѣми угодьями съ мельницами, да въ Лавышескомъ стану 8 пустошей, то трудно будетъ не узнать въ предполагаемой академіи особаго рода *удѣла*, съ льготною судною грамотою, а въ блюстителѣ академіи — особаго рода удѣльнаго князя. Пріѣзжающихъ изъ разныхъ странъ ученыхъ блюститель академіи подвергаетъ разсмотрѣнію въ вѣрѣ и выдаетъ свидѣтельство на годность въ Россійскомъ царствѣ, неимѣющихъ же этого свидѣтельства велѣно „до царскія милости и жалованья не допускати и никому изъ русскихъ къ себѣ въ домѣхъ такихъ не держати“. Принимающимъ православіе блюститель академіи долженъ вести списокъ и „имѣть извѣстіе“ о ихъ жизни и вѣрѣ, и еслибы кто изъ нихъ сталъ колебаться, такого „въ дальніе города, на Терекъ и въ Сибирь ссылати“, а похулившій нашу вѣру „да сожжется безъ всякаго милосердія“; книги еретическія блюститель долженъ сжигать. Еслибы даже „кто изъ чужеземцевъ и русскихъ людей при пиршествѣ“ сказалъ что-нибудь укорительное о нашей вѣрѣ, такого „на судъ во ономъ дѣлѣ отдавати блюстителю училищъ со учителями“, и этотъ академическій судъ могъ для него кончиться сожже-

ніемъ (Д. Р. Вивліоѳ. Т. VI, стр. 397—420). Такой строй мыслей, связываемый, какъ видно изъ документа, съ памятію о патріархѣ Александрійскомъ и судіи вселенныя Паисія и патріархѣ Антіохійскомъ и всего Востока Макарія, и, очевидно, не чуждый патріарху Московскому Іоакиму, по совѣту и благословенію коего все вышеизложенное предполагалъ царь сдѣлать, даетъ основаніе думать, въ какомъ направленіи русскими грекофилами того времени разрѣшены были бы поставленные нами выше вопросы объ устройствѣ прихода, какъ церковной общины, просвѣщеніи духовенства, распоряженіи въ церковномъ хозяйствѣ, назначеніи церковно-приходскихъ суммъ и т. д., еслибы не восторжествовали коренныя русскія, исторически выработанныя, идеи о правахъ и обязанностяхъ ктитора русской церкви, сгруппировавшіяся возлѣ идеи самодержавнаго православнаго царя. Безъ преувеличенія можно сказать, что, восторжествуя тогда византійское направленіе, для нашего отечества наступило бы время самаго тяжелаго какъ нравственнаго, такъ и матеріальнаго гнета, тогда какъ умоначертаніе Петра Великаго, выше изображенное, будучи имъ узаконено, принесло русской церкви освобожденіе въ той области ея жизни, къ которой оно относилось, т. е., къ православному народу, въ его группировкѣ по церковно-приходскимъ общинамъ.

Правда, намъ, можетъ быть, не дожить до полного воплощенія въ жизни православнаго русскаго народа вышеизложеннаго „умоначертанія“ величайшаго изъ ктиторовъ Всероссийской церкви. Но если взять во вниманіе рядъ уже устранившихся ходомъ нашей исторической жизни препятствій къ осуществленію на дѣлѣ предначертаній Петра Великаго о приходѣ, то нельзя будетъ не видѣть, что путь, имъ указанный, близится къ концу. Отмѣтимъ, въ общихъ чертахъ, пройденныя стадіи.

1) Первою и сильнѣйшею преградою на этомъ пути было современное Петру настроеніе всего русскаго духовенства, начиная съ личнаго состава Святѣйшаго Синода. Можетъ быть, одинъ Теофанъ Прокоповичъ вполнѣ прямилъ душою Петру Великому, доказательствомъ же того, что главный редакторъ Духовнаго Регламента вполнѣ признавалъ законность ктиторовскихъ правъ, въ древнерусскомъ смыслѣ, можетъ служить то, что, будучи псковскимъ архіепископомъ, онъ одинъ изъ всѣхъ и до него, и послѣ него бывшихъ въ Псковѣ архіереевъ, не

оспаривалъ правъ церковныхъ старостъ псковичей, предоставивъ имъ, по старинѣ, вѣдать церковное хозяйство и управлять населенными вотчинами приходскихъ церквей, построенныхъ бывшимъ господиномъ Псковомъ, но при условіи опредѣленнаго ежегоднаго взноса на содержаніе Псковскаго „училищнаго дома“ при архіереѣ. Его уставъ академіи и домовъ училищныхъ, начертанный въ самомъ Духовномъ Регламентѣ, есть совершенная противоположность проектированной русскими византіяцами для Московскаго государства академіи и монастырскимъ училищамъ. Вице-президентъ Святѣйшаго Синода, Новгородскій архіепископъ Θεодосій, пользовавшійся особенною близостію къ Петру Великому и показывавшій видъ предъ царедворцами готовности на воцареніе въ Россіи даже лютерства или кальвинства, на самомъ дѣлѣ не только былъ преданъ досудодальнымъ церковнымъ порядкамъ больше прямодушнаго Стефана Яворскаго, но, можетъ быть, и подготовлялъ средства къ возвращенію оныхъ: вскорѣ же послѣ смерти Петра Великаго онъ въ самомъ Синодѣ сказалъ: „видите ли, отцы святые, когда началъ духовнымъ штаты опредѣлять и власть ихъ умалать, то и умре вскорѣ, и мы живы, а его нѣтъ“. Слѣдствіе же надъ Θεодосіемъ обнаружило, что, еще при жизни Петра Великаго, этотъ его любимецъ привелъ всѣхъ чиновъ своего тунскаго правленія (нынѣ консисторія) и всѣхъ властей во всѣхъ монастыряхъ своей Велико-Новгородской епархіи къ присягѣ на вѣрность его, Θεодосіевой, особѣ,—чего никто никогда изъ церковныхъ властей на Руси не дѣлалъ. Присягавшій клялся Θεодосію въ вѣрности, въ покорности, обязывался умножать и охранять всякіе его преосвященства собственные и домовые интересы, и остерегать и защищать и тайность хранить и о противныхъ случаяхъ доносить и пр. и пр. (въ 4-мъ приложеніи къ „Чернецу Θεодосу“ напечатанъ полный текстъ этой присяги ¹⁾). Не по разуму угождая Петру, дозволяя въ Александрo-Невскомъ монастырѣ ѣсть мясо, вооружаясь противъ употребленія множества свѣчъ въ церквахъ Петербурга и даже пытаясь совсѣмъ уничтожить ихъ возже-

¹⁾ Статья эта, по архивнымъ источникамъ составленная Есиповымъ, напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1862 года № 6, стр. 478—537. Присяга состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ предметовъ: 1-я половина относится до царя, и адѣсь выписано слово въ слово изъ *присяги*, предписанной членамъ Дух. Коллегіи, начиная съ словъ: „Клянусь все-

ніе въ православныхъ храмахъ, Θεодосій вызывалъ въ народѣ только чувство недовольства новыми порядками въ церкви съ учрежденіемъ Св. Синода и какъ бы подготавливалъ почву къ возвращенію старыхъ порядковъ. И присягавшіе и не присягавшіе Θεодосію церковные чины и все приходское духовенство не въ его только епархіи, но и по всей русской землѣ стали бы за старину. Сравнивая умна чертаніе Петра Великаго о приходѣ, изложенное выше по указаннымъ источникамъ, съ распоряженіями Св. Синода первыхъ трехъ годовъ, касающимися церковно-приходскаго устройства, нельзя не видѣть глубокой разности между ними. Теперь, послѣ появленія въ печати Описанія дѣлъ Святѣйшаго Синода за это время, каждый можетъ подтвердить наши слова, а потому говорить здѣсь объ этомъ считаемъ неумѣстнымъ. Достаточно отмѣтить, что Петру Великому не удалось даже купить дома священнослужителей на церковно-приходскій счетъ и учредить для этого церковныхъ старостъ: приходское духовенство г. Москвы въ своей челобитной царю, переданной въ Святѣйшій Синодъ и не возбудившей тамъ никакого дѣлопроизводства, указало на такіе громадные для него убытки (200.000 р.) отъ приведенія въ исполненіе предначертанія Петра объ учрежденіи церковныхъ старостъ и отъ устройства для причтовъ церковныхъ квартиръ, что дѣло сразу же стало... (Опис. док. и дѣлъ арх. Св. Синода т. Ш, № 255/1, стр. 256—258). Въ сельскихъ церквахъ возлѣ Петербурга сразу стали заводиться церковные старосты, но какіе? Священники нанимали изъ церковной казны церковныхъ старостъ и употребляли ихъ, какъ своихъ приказчиковъ, сами вѣдая казну. Изъ вышеизложеннаго можно видѣть, что въ самомъ строѣ цер-

---

могущимъ Богомъ, что хочу и долженъ есмь моему природному и истинному царю и Государю...“ до словъ: „исповѣдую же съ клятвою крайняго судію духовныя сія коллегіи быти самого всероссійскаго монарха Государя нашего всемилостивѣйшаго“. *Вмѣсто* этого продолженія въ присягѣ прибавлено клятвенное обѣщаніе: „Собственной моею правильной власти великому господину Святѣйш. Правит. Синода вице-президенту преосвященному Θεодосію, архіепископу Велико-Новгородскому и Великолуцкому и архимандриту Александроневскому во всемъ по должности моей вѣренъ и весьма покоренъ быть и *все до ея архіерейской части принадлежашее... защищать и тайнство хранить буду, и о противныя случаи доносить и всякіе вреди отворачать*“. На подлинникѣ, съ котораго напечатана эта присяга, подписи: судіи, 3 дьяковъ, дворецкаго тіуна, чашника и 8-ми разрядныхъ и прочихъ дѣлъ по-вытчиковъ.

ковно-административной и церковно-приходской жизни существовало при Петрѣ Великомъ столько препятствій къ осуществленію его умоначертанія о приходѣ, что для его воплощенія въ жизни потребуется много времени и много усилій.

2) Когда первые дѣятели въ Св. Синодѣ отошли въ вѣчность, то для ихъ преемниковъ обнаружилась невозвратность патриаршаго управленія русскою церковію. Когда же вліяніе на дѣла государственнаго управленія нѣмцевъ, думавшихъ, что они создали для Россіи Петра Великаго, сдѣлало то, что завѣты Петра, считаясь священными, постоянно имѣлись на виду у всѣхъ и стали многими пониматься въ смыслѣ не нашемъ, русскомъ, а нѣмецкомъ, то возникли недоразумѣнія, кончившіяся, хотя не скоро, торжествомъ древнерусскихъ началъ. Члены, напр. Св. Синода, въ своей присягѣ называли царя крайнимъ своимъ судіею, какимъ названіемъ у нихъ, имѣвшихъ предъ своими глазами, при Синодѣ, туускую избу, ихъ мысль возводилась къ представленію о туунѣ (судія, ключникъ, прикащикъ) древней Руси и находилась въ полномъ согласіи съ представленіемъ о царѣ, высказаннымъ еще Грознымъ, какъ о лицѣ, которому Богъ, имъ же царіе царствуетъ и сильныя пишутъ правду, „даетъ въ приказъ“ царство. Нѣмцамъ же и русскимъ, сдѣлавшимся учениками нѣмцевъ, казалось, что этотъ крайній судія есть *summus episcopus* среди членовъ Св. Синода, т. е. такой же глава церкви русской, какимъ главою состоитъ король напр. Пруссій въ своемъ „обществѣ вѣрующихъ“. Русскаго священника, имъ казалось, Петръ Великій имѣлъ въ виду сдѣлать тѣмъ же, чѣмъ у нихъ состоитъ пасторъ, неимѣющій благодати священства; церковная собственность имъ казалась только общественною собственностію и т. п. При такомъ отклоненіи мыслей у государственныхъ людей Россіи отъ истинныхъ предназначеній Петра Великаго не могли не возникнуть разногласія между ними и членами Св. Синода въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся православной церкви и церковной собственности, особенно же въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся устройства прихода, гдѣ одни и тѣ же лица составляли и приходъ и волость т. е. и общество съ церковною собственностію, находившеюся въ завѣдываніи епископа, и общество съ волостною или общественною собственностію, находившеюся въ завѣдываніи гражданской власти. Дѣло псковскихъ церковныхъ старостъ, нѣсколько разъ восходившее въ Сенатъ и Синодъ, не могло быть ими разрѣшено именно потому,

что истинное значеніе исконныхъ правъ псковичей, тогда мѣщанъ псковскихъ, на завѣдываніе вотчинами и крестьянами, принадлежащими церквамъ, разсѣяннымъ по уѣздамъ всей Псковской губерніи, никому ни въ Сенатѣ, ни въ Синодѣ не было извѣстно: для сенаторовъ, какъ видно изъ этого дѣла, была уважительна, напр., давность права псковичей и неуважительны ссылки членовъ Синода на законы, напр., греческаго царя Мануила; для членовъ Св. Синода было не понятно, почему церковные псковскіе старосты имѣютъ право не давать отчета въ церковныхъ доходахъ и расходахъ своему епископу, когда, кромѣ узаконеній царя Мануила, есть еще Духовный Регламентъ, въ силу котораго епископъ обязанъ смотрѣть за церковно-приходскимъ хозяйствомъ и брать на духовныя училища 30-ю долю церковнаго хлѣба съ вотчинъ приходскихъ церквей; когда епископы другихъ епархій пользуются этимъ правомъ и т. п. Разрѣшила этотъ спорный вопросъ сама Императрица, повелѣвъ въ 1733 году, генваря 8-го, выбирать церковныхъ старостъ *не изъ псковичъ* купцовъ и мѣщанъ, унаслѣдовавшихъ свои ктиторскія права надъ уѣздными церквами отъ псковичъ-вѣчевиковъ, а *изъ мѣстныхъ прихожанъ* каждой церкви, которымъ и повелѣла считаться, по Духовному Регламенту, на дворѣ архіерея (П. С. З. № 6303). Такое рѣшеніе было вполнѣ законное въ томъ смыслѣ, что господинъ Псковъ, потерявъ свою политическую самостоятельность, потерялъ и свои ктиторскія права, которыя перешли на Самодержца, и Императрица разрѣшила споръ псковскаго магистрата съ псковскимъ архіереемъ не какъ глава церкви русской, не какъ *summus episcopus*,—чѣмъ представлять ее для русскаго ума и чувства даже неприлично,—а въ качествѣ наслѣдницы ктиторскихъ правъ надъ псковскими церквами, перешедшими, по паденіи Пскова, на великаго князя, Василія III Иоанновича, и на всѣхъ послѣдующихъ преемниковъ его великокняжескаго стола: Василій Иоанновичъ, сдѣлавшись ктитормъ псковскихъ церквей, позволилъ, въ качествѣ такового и въ видѣ милости къ покорившимся безъ кровопролитія, „строить“, вмѣсто его, псковскія церкви и считаться въ „строеніи“ по старинѣ; когда же ихъ „строеніе“ оказалось не полезнымъ для церкви, все-россійскій ктиторъ возложилъ исполненіе своихъ обязанностей и пользованіе своими правами на другихъ лицъ, именно на церковныя общины, сидѣвшія возлѣ этихъ церквей, и на епископа, у котораго новые церковные старосты должны были

считаться вмѣсто воеводы или магистрата, или приказной палаты, у которыхъ считались прежніе старосты. Это былъ первый опытъ освобожденія верховнымъ ктиторомъ приходскихъ сельскихъ церквей изъ-подъ зависимости ихъ отъ *ирода*. По этому примѣру рѣшенъ былъ вскорѣ споръ изъ-за владѣнія церквами между устюжскимъ епископомъ и устюжанами, а можетъ быть, и другія дѣла по другимъ епархіямъ, но они намъ не извѣстны. Власть *удѣльно-отчеваго времени* надъ православными приходами исчезла навсегда съ лица всей русской земли.

3) Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣдовало новое освобожденіе еще большаго числа приходоѡ отъ сторонней зависимости. Это было въ 1764 году, когда около милліона крестьянъ, сидѣвшихъ на вотчинныхъ земляхъ архіереевъ, монастырей, соборовъ и церквей, отошли съ землею въ составъ государевыхъ крестьянъ и въ церковно-приходскомъ отношеніи освободились отъ вотчинной зависимости. При этомъ произошло освобожденіе прихода и въ другомъ отношеніи. Съ незапамятныхъ временъ все духовенство, бывшее въ приходахъ, тянувшихъ къ церквамъ царскимъ (кромя соборовъ), земскимъ, вотчинниковымъ, помѣщичьимъ, уличанскимъ, въ посадахъ, и волостнымъ, въ уѣздахъ, было тяглымъ своему епископу: дани и разныя пошлыны, даже иногда выводная куница, приближали положеніе этого духовенства къ положенію вотчинныхъ и помѣстныхъ крестьянъ, такъ какъ эти дани и пошлыны вносились имъ, хотя по числу приходскихъ дворовъ, или душъ, вообще—примѣнительно къ ихъ доходу отъ прихода, но изъ ихъ собственныхъ средствъ, а не изъ церковныхъ суммъ, къ которымъ прихожане не допускали, и не изъ средствъ прихожанъ. Вмѣстѣ съ этимъ и съ прихожанъ съ незапамятныхъ временъ производился сборъ разнаго рода пошлынъ въ казну церковной власти, каковы пошлыны вѣчные, похоронныя и тому подобныя. Манифестомъ 26 февраля 1764 года и распоряженіями, за нимъ послѣдовавшими, всему этому велѣно не быть. Екатерина Великая, рѣшивъ замѣнить существовавшее до того времени *содержаніе* архіереевъ, монастырей, соборовъ и церквей, получавшееся отъ вотчинъ и жившихъ на нихъ крестьянъ, опредѣленнымъ денежнымъ *жалованьемъ* и уничтоживъ тотъ способъ содержанія церковныхъ властей, епархіальныхъ учреждений и архіерейскихъ чиновниковъ, который состоялъ въ перечисленныхъ сборахъ съ приходскаго духовенства и народа, подъ условіемъ вознагражденія и за эти дохо-

ды деньгами, получаемыми, по составленному духовною коммисією штату, изъ государственнаго казначейства, совершила, въ качествѣ верховнаго ктитора русской церкви, актъ освобожденія приходскаго духовенства отъ тяглой зависимости епископу, а прихожанъ отъ пошлинъ въ пользу церковной власти.

4) Въ началѣ XIX вѣка послѣдовало освобожденіе и остальныхъ приходовъ, состоявшихъ въ зависимости отъ свѣтскихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ. Это великое дѣло совершено было инструкціей церковнымъ старостамъ, Высочайше утвержденною 17 апрѣля 1808 года. Приходовъ, состоявшихъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ или полностью, или отчасти, было къ 1808 году почти на половину въ Россійской имперіи. Иные изъ помѣщиковъ и не принадлежали къ православію—напримѣръ поляки. Хотя бы, впрочемъ, помѣщикъ былъ и православнымъ, но права и положеніе помѣщиковъ были, особенно въ то время, таковы, что права приходской общины, причта, даже архіерея въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мало имѣли значенія. У иныхъ помѣщиковъ церковно-приходская казна вѣдалась въ ихъ вотчинныхъ конторахъ; штрафы съ крестьянъ у иныхъ вносились въ церковную казну; а еще иные—церковную казну употребляли на устройство пожарныхъ командъ въ вотчинахъ и на другія общественныя нужды и тому подобное. Обо всемъ этомъ можно читать въ журналахъ коммисіи духовныхъ училищъ. Инструкція церковнымъ старостамъ 1808 года положила конецъ подобнымъ порядкамъ въ приходяхъ, состоявшихъ изъ крѣпостныхъ. Противъ произвола помѣщика выступили защитниками церковной казны церковный староста и причтъ. Хотя первый былъ изъ крестьянъ же помѣщика и выбираемъ былъ крестьянами же, но онъ въ приходѣ являлся уполномоченнымъ отъ всероссійскаго церковнаго ктитора; помѣщикъ не имѣлъ права, во время исполненія его крестьяниномъ обязанностей церковнаго старосты, назначать его въ свои наряды, а тѣмъ болѣе—смѣнить его, такъ какъ выборъ церковнаго старосты зависѣлъ не отъ него, и еслибы, по вліянію помѣщика, избранъ былъ въ церковные старосты послушное его орудіе, то священникъ могъ не дать на вредный для церкви выборъ своего „согласія“. За церковнымъ старостою и священникомъ стояла вся епархіальная администрація съ архіереемъ во главѣ, а на первыхъ порахъ—и губернаторы, къ тому тогда призванные. Хотя помѣщики, особенно юго-западные, не сразу успокоились, и изъ 6½ милліоновъ денегъ, бывшихъ въ нали-

чи къ 1 января 1807 года въ православныхъ церквахъ Россіи и потребованныхъ въ Святѣйшій Синодъ для выполненія плана Комитета того года, не выслано главнымъ образомъ помѣщиками до 1¹/₂ милліона; однако къ царствованію Николая Павловича они вполне примирились съ совершившимся фактомъ. Въ виду вышеизложеннаго, инструкція церковнымъ старостамъ 1808 года должна быть поставлена въ ряду историческихъ документовъ, имѣвшихъ первостепенное значеніе.

б) Императоръ Николай Павловичъ одѣлалъ еще шагъ впередъ. Когда всѣ приходы были уже освобождены изъ-подъ власти и вліянія города, какъ бывшаго представителя земли и вѣча, вотчинника и помѣщика, Николай I-й положилъ начало возведенія этихъ освобожденныхъ церквей въ положеніе тѣхъ царскихъ церквей, коихъ, по Котошихину, было въ половинѣ XVII вѣка „блиско полуторы тысячи“, т. е. положилъ начало ассигнованію изъ царской казны содержанія приходскому духовенству. Наконецъ

б) Когда совершился послѣдній актъ освобожденія самодержавіемъ народа (19-го февраля) и исчезли изъ среды прихожанъ несвободные люди, явилась возможность положить начало полной самостоятельности церковно-приходскихъ общинъ. Признакомъ самостоятельности приходовъ въ до-петровское время считалось право числиться „въ церковныхъ приходахъ и расходахъ по приходамъ“, т. е. учитывать церковныхъ старостъ самимъ же прихожанамъ чрезъ выборныхъ счетчиковъ. Можно документальными данными доказать, что, при такомъ порядкѣ „счета“, церковная казна наиболѣе полнится и наименѣе таетъ, но онъ имѣетъ тотъ недостатокъ, что при немъ всегда почти въ долгахъ оказывается больше денегъ, чѣмъ въ наличіи. Недостатокъ этотъ справедливо думали устранить вѣшнымъ, административнымъ контролемъ, но при организованіи какъ вообще хозяйственной части, такъ и контроля надъ церковно-приходскимъ хозяйствомъ въ 1808 году, нельзя было, по указанной выше причинѣ (помѣщичьи приходы), не отвѣсть господственнаго положенія причту въ распоряженіи церковнымъ хозяйствомъ, а благочинному—въ контролѣ: „согласіе“ причта на выборъ того или другаго лица въ церковные старосты прихожанами было въ иныхъ случаяхъ равносильно выбору этого старосты причтомъ, а не прихожанами. Высочайше утвержденная 12 іюня 1890 г. инструкція церковнымъ старостамъ устраняетъ этотъ недостатокъ, такъ какъ, вс-

1-хъ, на выборъ прихожанами церковнаго старосты согласія причта не требуется, и онъ всегда можетъ быть выборнымъ отъ однихъ прихожанъ, а не отъ причта, во-2-хъ, отъ прихожанъ выбираются особо два счетчика изъ среды ихъ же для ежемѣсячнаго учета церковнаго старосты и причта, ведущихъ совмѣстно церковное хозяйство, и въ 3-хъ, внѣшній, административный надзоръ остается въ прежней силѣ. вмѣстѣ съ этимъ Верховный Ктиторъ русской церкви §6-мъ этой инструкціи благоволилъ оказать особое довѣріе Св. Синоду, предоставивъ его мудрости измѣнять и утвержденныя верховною властію статьи инструкціи, согласно указаніямъ опыта и по вниманію къ благу церкви и государства.

Z.

СТИХОТВОРЕНІЯ

графа А. А. Голенищева-Кутузова.

(1880 — 1890 г.)

I.

Такъ жить нельзя! Въ разумности притворной,
Съ тоской въ душѣ и холодомъ въ крови,
Безъ юности, безъ вѣры животворной,
Безъ жгучихъ мукъ и счастья любви,
Безъ тихихъ слезъ и громкаго веселья,
Въ томленіи нѣмага забытья,
Въ уныніи разврата и бездѣлья...
Нѣтъ, други, нѣтъ — такъ дольше жить нельзя!
Сомнѣній ночь отрады не приноситъ,
Клеветъ и лжи наскучили слова,
Померкшій взоръ лучей и солнца просить,
Усталый духъ алкаетъ божества.
Но не прозрѣть намъ къ солнцу сквозь тумана,
Но не найти намъ Бога въ дольней тьмѣ:
Насъ держитъ власть побѣднаго обмана,
Какъ узниковъ въ оковахъ и тюрьмѣ.
Не вѣетъ въ міръ мечты живой дыханье,
Творящихъ силъ изсякнула струя,
И лишь одно не умерло сознанье, —
Не то призывъ, не то воспоминанье, —
Оно твердитъ: такъ дольше жить нельзя!

II.

Зной и сушь. Мелѣютъ воды,
 Блѣкнуть листья и цвѣты;
 Стонамъ жаждущей природы
 Богъ внимаеть съ высоты;
 Онъ собираеть въ небѣ тучи,
 Онъ ведеть ихъ за собой,
 Чтобъ съ дождемъ въ грозѣ могучей
 Пронестися надъ землей.

Зной и сушь—мертвѣютъ чувства,
 Вянутъ мысли и мечты,
 Пламя чистое искусства
 Гаснетъ въ безднѣ суеты.
 Грянь же Божьею гровою,
 Пѣсна вѣщаго пѣвца,
 И любви струей живою
 Брызни въ мертвыя сердца!

III.

Глазъ безсонныхъ не смыкая,
 Я внималъ, какъ сердце ныло,
 Какъ всю ночь, не умолкая,
 Вьюги стонъ звучалъ уныло;
 Какъ съ тревогою участья
 Ночь въ окно ко мнѣ стучалась,
 Какъ душа съ обманомъ счастья
 И боролась и прощалась...

IV.

Обнялъ землю ночи мракъ волшебный,
 Одинокъ, подъ гнетомъ утомленья,
 Я уснулъ; глубоокъ былъ сонъ цѣлебный
 И прекрасны были сновидѣнья.

Смолкли жизни темныя угрозы,
 Снилось мнѣ... не помню, что мнѣ снилось,
 Но въ глазахъ дрожали счастья слезы
 И въ груди надежда тихо билась.

Былъ любимъ я—кѣмъ?—не угадаю;
 Но мнѣ внятень былъ тотъ голосъ юный;
 Я любилъ—кого любилъ?—не знаю;
 Но призывно пѣли сердца струны,

И отвѣтно въ душу чьи-то очи
 Мнѣ смотрѣли съ пристальною лаской,
 Словно съ неба звѣзды южной ночи,
 Въ тьмѣ мерцающа не земною сказкой.

Безтѣлесно было то видѣнье,
 Повторить не могъ бы я тѣ звуки,
 Но когда настало пробужденье,
 Сердце сжалось—полное разлуки!

V.

Чудное утро! какъ зелень ярка!
Травы сверкають алмазною росю;
Долго томившая сердце тоска
Молча скатилась послѣдней слезю.

Страсти утихли, сознанье свѣтло;
Миръ оварился безпечной улыбкой,
Все, что грозитъ впереди, иль прошло,
Кажется призракомъ, сномъ иль ошибкой.

Только не сонъ эта ранняя тишь,
Свѣжая зелень, роса луговая,
Небо, да солнце... да ты, дорогая,
Что, словно утро, въ глаза мнѣ глядишь!

VI.

Если сердцу молодому
Дольнїй мїръ и чуждѣ и гѣсенѣ,
Путь къ предѣлу есть иному
По волнамъ свободныхъ пѣсенѣ.

Отъ унынья, думъ и горя
Унесутъ онѣ, играя,
Въ ширь невѣдомаго моря,
Въ даль таинственнаго края,

Гдѣ гремятъ иныя бури,
Гдѣ иное солнце свѣтитъ,
Гдѣ любовь лучомъ съ лазури
Сердцу каждому отвѣтитъ!

VII.

На ветхой скамьѣ при дорогѣ
Сидѣлъ я... Вкругъ вихри носились
И листья сухіе въ тревогѣ
У ногъ моихъ дико кружились.

Поникнувъ въ раздумьѣ глубокомъ,
Внималъ я ихъ брэнному шуму—
О чемъ-то давнишнемъ, далекомъ
Я думалъ осеннюю думу.

И въ памяти полной смятенья
Всѣ грезы и сны молодые,
Всей жизни минувшей видѣнья
Кружились... какъ листья сухіе.

VIII.

Не дологъ путь... Изъ-подъ снѣговъ
 Встаетъ знакомый рядъ строеній,
 И кони, чуя близкій кровъ,
 Несутся быстрые, какъ тѣни.
 А ночь, озарена луной,
 Кругомъ царить необозримо,
 Еще не хочется домой...
 Мой другъ, не пронестись ли мимо?..
 Люблю въ сіяніи луны
 Сугробовъ смутные отливы,
 Средь чуткой снѣжной тишины
 Бѣгъ тройки внятно торопливый;
 Люблю я шубу распахнуть
 И мчась подъ неба синей бездной
 Наполнить жаждущую грудь
 Дыханьемъ зимнимъ ночи звѣздной;
 Люблю сквозь выскіи лунный свѣтъ
 Всмотрѣться въ даль недвижнымъ взоромъ,
 Мечтой умчавшись къ тѣмъ просторамъ,
 Куда пути и слѣда нѣтъ!..

IX.

Есть одиночество—въ глуши
Вдали людей, вблизи природы—
Полно задумчивой свободы
Оно цѣлбно для души;
Въ немъ утихаютъ сердца бури,
Въ немъ думы, какъ цвѣты полей,
Какъ звѣзды въ тѣмѣ ночной лазури,
Сіяютъ чище и свѣтлѣй.

Есть одиночество иное,
Въ немъ гибнуть чувства и мечты.
Кругомъ, холодное, чужое,
Бушуетъ море суеты;
Шумитъ толпа, конца нѣтъ бою
Ея слѣпыхъ, безумныхъ волнъ
Напрасно къ пристани, къ покою
Стремится сердца утлый челнъ.
О, никогда, никто въ пустынѣ
Такъ не забыть, не одинокъ,
Какъ это сердце въ злой пучинѣ
Чужихъ страстей, чужихъ тревогъ!

Х.

Я растворилъ окно—и ночь ко мнѣ вошла
Съ прохладою полей, съ луною и звѣздами,
Вошла и кроткими, воздушными мечтами
Мнѣ душу полную томленья обняла.
Довольно горевать, она шепнула нѣжно,
Довольно вспоминать, что было и прошло,
Взгляни, какъ чуденъ міръ, какъ въ тѣмѣ моей свѣтло,
Какъ даль заманчива и небо какъ безбрежно...
Зачѣмъ же въ той дали, за смутною чертой,
Гдѣ взоръ теряется въ серебряномъ туманѣ,
Искать лишь прошлаго, гоняться за волной,
Съ безпечной вольностью бродящей въ океанѣ?
Ты не найдешь ее—она умчалась въ даль,
Сверкнувъ тебѣ въ глаза мгновенно и случайно;
Ты полюбилъ ее, по ней тоскуешь тайно,
Ты плачешь, ты зовешь—а ей тебя не жаль!
Она, холодная, не вѣдаетъ участья,
Она, свободная, о прошломъ не тужить.
Въ пучинѣ много волнъ—и въ жизни много счастья:
Одно отхлынетъ прочь, другое набѣжитъ...

Покорно слушала я и замирало горе,
И въ мысляхъ возникалъ волшебный новый бредъ,
Искала чего-то взоръ въ невѣдомомъ просторѣ,
Все ярче серебрилъ окрестность лунный свѣтъ;
Какія-то вдали являлись очертанья
Кудрявыхъ береговъ, склоненныхъ надъ водой,
Тамъ тѣни двигались, тамъ чудились лобзанья
И пѣсни нѣжныя и шепотъ молодой.

*

Но взоръ я отвратилъ, промчалось мгновенье,
И отрезвленное заняло сердце вновь,
Въ глазахъ воскреснуло знакомое видѣнье,
Въ душѣ заплакала давнишняя любовь!
Опять я вѣдалъ страсть, сомнѣнія и муку,
Томительный недугъ счастливыхъ лучшихъ дней,
Я звалъ минувшее, я проклиналъ разлуку,
Стеналъ—и сладокъ былъ мнѣ стонъ любви моей!..
А ночь померкнула, разсѣялися грезы,
Миръ чуждыхъ призраковъ погаснулъ и исчезъ...
Лишь звѣзды падали, какъ трепетныя слезы,
Съ глубокой синевы безоблачныхъ небесъ...

XI.

На сонъ грядущій.

Темно кругомъ — ни звуковъ, ни движенья,
 Надвинулася ночь со всёхъ сторонъ,
 Спи, юный другъ! Волшебныя видѣнья
 Пусть озарятъ твой безмятежный сонъ,
 Когда же часъ настанетъ пробужденья,
 Пусть радостенъ и веселъ будетъ онъ,
 Какъ тотъ, когда воскресшая природа
 Встрѣчаетъ пѣсню первый лучъ восхода.

Закрой глаза... Средь чуткой тишины
 Въ полночный часъ, какъ няня надъ тобою,
 Я не усну. Мечты мои полны
 Какой-то тихой, сладкою тоскою.
 Мнѣ чудится, какъ будто плескъ волны,
 Иль дальній ропотъ лѣса. То со мною
 Минувшее бесѣдуетъ тайкомъ...
 Не слушай насъ — усни глубокимъ сномъ.

Житейскихъ бурь прошла пора — и ровно
 Теперь текутъ незримые года.
 Пылъ юности мятежной и грѣховной
 Угасъ и вновь не вспыхнетъ никогда.
 Намъ ярко свѣтитъ солнце, намъ любовно
 Жизнь улыбается... лишь иногда
 Короткое вдругъ завернетъ ненастье,
 Потомъ опять свѣтлѣй проглянетъ счастье.

Гдѣ счастье начинается, тамъ нѣтъ
 Предметовъ для разказа; тамъ беззвучно
 Струится жизнь, свой прикрывая слѣдъ
 Отъ глазъ чужихъ; внимать ей было бѣ скучно;
 Тамъ нѣтъ ни битвъ, ни славы, ни побѣдъ,
 Ни бури, съ юной страстью неразлучной;
 Тамъ нечего въ грядущемъ ожидать,
 Тамъ свѣтлый миръ и Божья благодать!

Но въ тишинѣ порой воспоминанья
 Гремятъ вдали, какъ волнъ морскихъ прибой,
 И вновь событій давнихъ очертанья
 Передъ глазами смутной чередой
 Встаютъ изъ той пучины безъ названья,
 Куда несется время, за собой
 Въ безбрежное, невѣдомое море
 Влага людскія радости и горе.

И сладокъ шумъ тѣхъ отдаленныхъ волнъ,
 И милы тѣ неясныя видѣнья;
 Тайственный полетъ ихъ нѣги полнъ,
 Онъ тихія наводитъ размышленья.
 У пристани стоитъ спокойно челнъ —
 Пловцу не страшны бури и волненья;
 Но зорко въ даль онъ смотритъ сквозь туманъ,
 А тамъ вдали бушуетъ океанъ...

XII.

Л а м п а д а .

Пробилъ часъ полночи, но бѣлая денница
 Объемлетъ небеса и не уходитъ прочь.
 Страстей и суеты не въ силахъ превозмочь,
 Гремить и движется безсонная столица.
 Снуеть по улицамъ разгульный, правдный людъ
 Въ тревогѣ блѣднаго, усталого разврата;
 Какой-то удалю недужной ночь объята,
 И не страшить ее зари безстрастный судъ.

Въ безмолвіи тоски и думы одинокой
 По улицѣ бреду я людной и широкой,
 Но кажется мнѣ все безжизненно вокругъ!
 Мертвы и сумрачны домовъ нѣмыхъ громады;
 Въ слѣпцы окна ихъ глажу—и вижу вдругъ,
 Тамъ гдѣ-то, въ вышинѣ, подъ кровлей, лучъ лампы
 Изъ тѣсной комнатки, сквозь тусклое стекло,
 Какъ пламень маяка надъ бурей влаго моря,
 Какъ чистый взоръ любви сквозь тьму земнаго горя,
 Мнѣ свѣтитъ набожно, умильно и тепло.

И долго отъ него не отвожу я очи,
 И долго я смотрю въ то дальнее окно...
 Чья вѣра, чья любовь надъ бездной этой ночи
 Молитвенный огонь зажгла... Не все ль равно!
 Но пусть въ то мирное, безгрѣшное жилище
 Не властенъ я войти—мнѣ сердце говоритъ,
 Что, можетъ быть, душа зари небесной чище
 И краше свѣтлыхъ звѣздъ, тамъ въ этотъ часъ горитъ,
 Что молится она вдали земнаго пира,
 Вдали тревогъ и золь, въ побѣдной тишинѣ,
 О всепрощеніи, о вѣчномъ счастья міра,
 О всѣхъ вокругъ меня, и... даже обо мнѣ!

XIII.

Спящій садъ.

Есть въ городѣ старинный тёмный садъ,
 Съ пустымъ дворцомъ, съ недвижимыми прудами;
 Ограждены деревъ густыхъ стѣнами,
 Они въ тиши задумчиво молчатъ;
 Не бьютъ кругомъ заглохшіе фонтаны,
 И хмурятся деревья-великаны...
 Имъ памяты тѣ сказочные дни,
 Когда, бывало, въ пышной ихъ тѣни,
 Горда, свѣтла, прекрасна, какъ денница,
 Являлася великая царица,
 Окружена блистательнымъ дворомъ,
 И праздники ей въ честь, въ дворцѣ своемъ,
 Давалъ „великолѣпный князь Тавриды“...

Тѣ дни прошли. Для черни городской
 Тотъ садъ теперь открытъ. Ея обиды,
 Ея разгулъ и пѣсенъ крикъ чужой
 Сивозъ дивный хоръ волшебныхъ сновидѣній,
 Внимаютъ нынѣ царственныя тѣни
 Старинныхъ рощъ. Къ величію слѣпа,
 Къ преданіямъ священнымъ равнодушна,
 Страстей своихъ призывамъ лишь послушна,
 Безчинствуетъ нестройная толпа...
 Померкъ царицы образъ величавый,
 Затоптаны слѣды минувшей славы!
 Но гордый садъ безстрастенъ и угрюмъ,

Въ сознаниі негнѣннаго величья,
На пришлый людъ, взирая безъ различья,
Таинственныхъ не прерываетъ думъ.
Глубоко спятъ деревня вѣковья!
И грезятся имъ времена былыя,
И призраковъ встаетъ предъ ними строй—
Питомцевъ славы, музы и науки—
Встаетъ въ лучахъ, подъ голоса и звуки
Иныхъ рѣчей и музыки иной!

XIV.

Орелъ.

Въ раздумьи гордомъ и нѣмомъ,
 Вперивъ въ пространство взоръ глубокий,
 Орелъ на камнѣ полевомъ
 Сидѣлъ, какъ странникъ одинокій.

Крикливыхъ птицъ враждебный рой
 Надъ головой его кружился
 И вихрь, вметая прахъ земной,
 Кругомъ испуганно носился.

Но недвижимъ, питомецъ скалъ,
 Не внемля суетному шуму,
 Орелъ на камнѣ отдыхалъ
 И думалъ царственную думу...

Когда жъ, очнувшись, оглянулъ
 Весь этотъ жалкій міръ безсилья,
 Затосковавъ, онъ развернулъ
 Сѣдя медленныя крылья.

И—царь заоблачныхъ высотъ,
 Случайный гость земли печальной,
 Направилъ вольный свой полетъ
 За грани тучъ, къ лазури дальней...

Высоко отъ тщеты земной
 Вознесся, праху неподвластный,
 И къ дольной жизни безучастный,
 Исчезнулъ въ безднѣ голубой.

XV.

А. А. Шеншину.

Словно говоръ листьвы, словно лепеть ручья,
 Въ душу вѣтъ прохладю пѣсня твоя;
 Все внималъ бы, какъ струйки дрожатъ и звучать,
 Все вшивалъ бы цвѣтовъ и листовъ аромать,
 Все молчалъ бы, поникнувъ, чтобъ долго вокругъ
 Только пѣсни блуждалъ торжествующій звукъ,
 Чтобъ на ласку его, на призывъ и привѣтъ
 Только сердце бѣ томилось и билось въ отвѣтъ...

XVI.

А. Н. Майкову.

(30 апрѣля 1888 г.).

Какъ солнце горные хребты
 Златить отъ главъ и до подножій,
 Такъ ты, поэтъ,—свѣтильникъ Божій,
 Жизнь озаряешь съ высоты.
 Твоимъ лучамъ равно доступны
 И высъ умовъ, и глубъ сердець.
 Глашатай правды неподкупный—
 Ты ими властвуешь, пѣвецъ:
 Ты будишь правыя надежды,
 Караешь лживыя мечты,
 Ты облакаешь мѣръ въ одежды
 Нетлѣнной, чистой красоты;

Страстей смиряешь алыя бури,
Сомнѣній гасишь тщетный споръ
И отъ земли въ предѣлы лазури,
Отъ праха къ небу манишь взоръ.
И вотъ, за даръ твой лучезарный,
За подвигъ многихъ славныхъ лѣтъ,
Ты днесь отчизны благодарной
Приемлешь радостный привѣтъ.
Внимай: на голосъ твой родные
Отсюду отклики звучать,
Сердца, какъ свѣточы живые,
Тобой возженные, горять—
Тобой—носителемъ желаннымъ
Святой поэзи даровъ,
Тобой—преемникомъ избраннымъ
Руси прославленныхъ пѣвцовъ!
О, вѣрно ихъ родныя тѣни
Сюда слетѣлись въ этотъ часъ,
И въ хорѣ дружномъ пѣснопѣній
Звучить и ихъ хвалебный гласъ!
Въ пылу признательнаго чувства
Слилися всѣ въ мечтѣ одной,
На свѣтломъ праздникѣ искусства,
Любуясь и гордясь тобой!

XVII.

Когда, святилище души
 Замкнувъ предъ суетной толпою,
 Поэтъ молчить—его покою
 Не вѣрь—онъ бодрствуетъ въ тиши.
 Не вѣрь молчанью грозной тучи:
 Раздумья вѣщаго полна,
 Свой вихрь, свой дождь, свой огонь летучій,
 Свой громъ таять въ груди она...
 Но мигъ придетъ—и заповѣдный
 Въ глубокихъ вѣдрахъ вспыхнетъ жаръ,
 И тьму пронизаетъ лучъ побѣдный,
 И грянетъ громовой ударъ!

XVIII.

К о с т е р ь .

Сумракъ, холодъ, сонъ глубокий,
 Пустырей вѣмьхъ просторъ;
 Гдѣ-то въ полѣ одинокій
 Пламенѣющій костеръ.
 Чьи-то тѣни, чьи-то лица
 Озаренныя огнемъ
 И—какъ черная темница,
 Ночь бездонная кругомъ.
 Въ мракѣ лучъ тепла и свѣта,
 Средь пустыни стражъ ночной—
 Ты—не образъ ли поэта
 Въ безразсвѣтной тьмѣ земной?

XIX.

Счастливый день! Подъ деревенскій кровъ
 Вернулся я, бѣглець столицы шумной;
 Движенье, блескъ и крикъ толпы безумной
 Забыто все... Зимы нѣмой покровъ
 Безстрастною недвижной бѣлизною
 Со всѣхъ сторонъ мой облегаеъ домъ.
 Глажу въ окно—безлюдье, снѣгъ кругомъ,
 Лишь въ дѣмѣ жизнь; но кроткою волною
 Течетъ она; ея обычный шумъ
 Не заглушить ни чувствъ живыхъ волненья,
 Ни мимолетныхъ пѣсенъ вдохновенья,
 Ни зрѣющихъ въ тиши, завѣтныхъ думъ.
 Медлительно, свой мѣрный кругъ свершая,
 Плывуть часы... ложится ночи тѣнь;
 И о грядущемъ днѣ не помышляя,
 Въ таинственное царство сна вступаая,
 Я говорю: прости, счастливый день!

XX.

Родному лѣсу.

Здравствуй, лѣсъ! Ты мой возвратъ замѣтилъ;
 Помѣшалъ твоимъ я тихимъ думамъ;
 Но, какъ друга, вновь меня ты встрѣтилъ
 Стародавнимъ, мнѣ знакомымъ шумомъ!
 Въ оны дни, когда—дѣтя—порою
 Прибѣгалъ твой я слушать сказки,
 Добрый дѣдъ, мохнатою головою
 Наклонясь съ заботой надо мною,
 Расточалъ ты мнѣ дары и ласки.
 Ихъ потомъ всей жизни трудъ и слезы

Ни на мигъ въ душѣ не заглушили
Тѣ дары—младенческія грезы,
Что мнѣ юность свѣтомъ оварили,
Ихъ твои вершины нашептали,
Ихъ навѣялъ сумракъ твой волшебный
И до нынѣ въ злые дни печали
Душу грѣетъ пламень тотъ цѣлебный.
Здравствуй, лѣсъ! Твой миръ, твоё мечтанье
Я тревогой жизни не наѣрушу;
Я пришелъ на краткое свиданье
Отвести тоскующую душу.
Но когда моя настанетъ осень
Старикомъ въ твои приду я сѣни
И подъ ровный шумъ дремучихъ сосенъ
Весь отдамся отдыху и лѣни!
Въ ожиданьи жизненной развязки
Успокоюсь дряхлый и усталый;
И опять твои я буду сказки
Жадно слушать, какъ ребенокъ малый.
Той же самой властью вдохновенья
Будетъ вновь душа моя объята
И зарю я вспомню пробужденья,
На зарѣ печальнаго заката.
Надо мной раскинешь ты свой пологъ;
Пологъ тотъ, какъ ночь широкъ и чуденъ,
Я усну—и будетъ сонъ мой дологъ,
Будетъ дологъ, тихъ и непробуденъ!

XXI.

Давно ль, мой другъ, твой взоръ печальный
 Я въ разставанья смутный мигъ
 Ловилъ, чтобъ лучъ его прощальный
 Надолго въ душу мнѣ проникъ!

Давно ль, блуждая одиноко
 Въ толпѣ тѣснящей и чужой
 Къ тебѣ—желанной и далекой—
 Я мчался грустною мечтой?

Желанья гасли, сердце ныло.
 Стояло время, умъ молчалъ...
 Давно ль затишье это было?
 Но вихрь свиданья набѣжалъ!

Мы вмѣстѣ вновь—и дни несутся,
 Какъ въ морѣ волнъ летучій строй,
 И мысль кипитъ, и пѣсни льются
 Изъ сердца, полного тобой!

XXII.

Мой другъ, когда во дни разлуки
 Печально голову склона,
 Одна, сквозь слезъ сердечной скуки,
 Ты ропщешь и зовешь меня;

Когда въ ночномъ уединеньи
 Подъ звѣзднымъ сумракомъ, въ тиши,
 Ты внемлешь юное волненье
 Неуспокоенной души;

Когда на вздохъ твой затаенный
 Украдкой ночь даетъ отвѣтъ
 И въ мракѣ призракъ мой влюбленный
 Призывно шепчетъ страсти бредъ—

Мечтой свѣтящіяся очи
 Ты въ этотъ мракъ не устремляй,
 Не вѣрь, не вѣрь обманамъ ночи
 И на призывъ не отвѣчай!

Знай: эта ночь, и звѣздъ мерцанье,
 И бредъ, и призраки въ потьмахъ,
 И страсти знойное дыханье—
 Все это тлѣнъ, все это прахъ!

Тебѣ не давъ и тѣни счастья,
 Они мгновенно-яркимъ сномъ
 Пройдутъ, умрутъ—и безъ участья
 О нихъ вспомянешь ты потомъ.

Когда въ живыхъ меня не будетъ,
 А дума вѣрная твоя
 И въ той разлукѣ не забудеть,
 Ни дней минувшихъ, ни меня;

Когда печалью и борьбою
 Искупишь ты обманъ страстей
 И жизнь раскроетъ предъ тобою
 Всю глубину тщеты своей;

Когда душѣ не станетъ мѡчи
 Ввѣряться новымъ, лживымъ снамъ—
 Къ тебѣ придутъ иныя ночи,
 И ты вздохнешь къ инымъ звѣздамъ!

На вздохъ тоски той одинокой,
 Среди безразсвѣтной темноты,
 Въ ночи холодной и глубокой
 Призывъ мой вновь услышишь ты.

Тогда... тогда лишь безъ сомнѣнья
 Повѣрь ему и отзовись:
 Ни лжи, ни лести, ни забвенья,
 Ни самой смерти не страшись.

Что смерть! Изъ мрака дольней бездны
 Возьметъ безтрепетно тебя
 И унесетъ въ чертогъ надзвѣздный
 Любовь безсмертная моя!

XXIII.

Не смолкай, говори! Въ ласкѣ рѣчи твоей,
 Въ беззавѣтномъ весельи свиданья,
 Принесла мнѣ съ собою ты свѣжесть полей
 И цвѣтовъ благовонныхъ лобзанья.

Я внимаю тебѣ—и цѣлебный обманъ
 Сердце властной мечтою объемлетъ,
 Мнѣ мерещится ночь... въ лунномъ блескѣ туманъ
 Надъ сверкающимъ озеромъ дремлетъ.

Ни движенья, ни звука вокругъ, ни души!
 Безпредметная даль предъ очами,
 Мы съ тобою вдвоемъ въ полутьмѣ и тиши,
 Подъ лазурью, луной и звѣздами!

Только воды дрожатъ, только дышутъ цвѣты,
 Да туманится воздухъ росистый,
 И горя, сквозь туманъ, какъ звѣзда съ высоты,
 Въ душу свѣтитъ мнѣ взглядъ твой лучистый.

Въ безпредѣльномъ молчаньи тѣней и лучей
 Шепчешь ты про любовь и участие...
 Не смолкай, говори... Въ ласкѣ рѣчи твоей
 Мнѣ звучитъ безпредѣльное счастье!

XXIV.

Непогодная ночь, вьюга вѣетъ въ поляхъ,
 Снѣжнымъ пологомъ путь заметая;
 Тройка шагомъ бредетъ, колокольчикъ въ потьмахъ
 Подъ дугою дрожить замирая.

То внезапно очнувшись, Богъ знаетъ зачѣмъ,
 Завизжитъ онъ съ тревогой ненужной,
 То медлительно стонетъ, то смолкнетъ совсѣмъ,
 Какъ страдалецъ въ дремотѣ недужной.

И подъ бредъ колокольчика брежу я самъ;
 Придорожныя, смутныя тѣни
 Пробѣгаютъ сквозь сумракъ, являясь очамъ
 Вереницей знакомыхъ видѣній.

И душа,—то стремится во слѣдъ за мечтой,
 Вся объята мгновеннымъ порывомъ,
 То смолкаетъ покорно и внемлетъ съ тоской
 Безнадежно далекимъ призывамъ.

Непогодная ночь, вьюга вѣетъ въ поляхъ,
 Снѣжнымъ пологомъ путь заметая,
 Невозвратно-минувшее стонетъ въ потьмахъ,
 Колокольчика звонъ заглушая!

Въ преддверіи ночи.

Прощальнымъ заревомъ горитъ закатъ багряный
 Надъ влажнымъ сумракомъ померкнувшихъ равнинъ,
 Окрестность замерла и даль ушла въ туманы,
 Ни звуковъ, ни людей, ни жизни—я одинъ!

Одинъ, въ объятіяхъ холоднаго простора,
 Съ душою полною напраснаго огня,
 Одинъ, съ тревогою недремлющаго взора
 Предъ сонною зарей угаснуваго дня!

Хотѣлось бы и мнѣ покорно повабыться
 Всепримирающей, вечернею дремою,
 Съ побѣдной тишиной молчаньемъ сердца слиться,
 Погаснуть въ сумракѣ и мыслью и душой.

Но чувствую въ груди, ни на одно мгновенье
 Не смолкнетъ страстный хоръ душевныхъ голосовъ,
 Не стихнетъ волнъ живыхъ мятежное теченье
 Среди зачарованныхъ, недвижныхъ береговъ.

Но знаю—будетъ мысль, сквозь сѣмракъ бездыханный,
 Всю ночь отъ вечера до новаго утра,
 Мерцать, какъ огонекъ таинственный и странный
 Надъ непломъ тлѣющимъ пустыннаго костра.

И ничего кругомъ на мысль ту не отвѣтитъ,
 И будетъ одинокъ тотъ лучъ въ окрестномъ снѣ,
 Звѣзда небесная, быть можетъ, лишь замѣтитъ
 И прослезится въ вышинѣ!

XXVI.

День отошелъ. Беззвучной ночи тьма
Воздвиглась вокругъ незыблемой стѣною,
Но, полнъ еще заботою дневною,
Не смолкнулъ бредъ усталого ума.

О, замолчи!.. Дай власть мечтѣ ночной...
Пусть развернетъ шатеръ свой алатотканной,
Пусть зазвучитъ въ тиши благоуханной
Напѣвомъ струнъ на арфѣ неземной!

Чтобъ долеталъ напѣвъ тотъ до меня,
Чтобъ грезы мнѣ глядѣли прямо въ очи,
Чтобъ, внемли имъ, въ объятяхъ этой ночи
Я отдохнулъ отъ суетнаго дня!

XXVII.

З а р н и ц а .

Въ дни дѣтства, помню я, бывало передъ сномъ
 Встревоженъ отблескомъ далекихъ молній ночи,
 Я ложе покидалъ и, стоя подъ окномъ,
 Въ мерцающую даль вперялъ съ тревогой очи.
 Полна, казалось мнѣ, гровой ночная тишь...
 Но отворялася сосѣдняя свѣтлица
 И няня старая входила... „Что не спишь?“
 Шептала мнѣ она, „не бойся—то зарница...
 Ни бури, ни грозы не будетъ“.—И внималъ
 Я съ дѣтской вѣрою словамъ успокоенья.
 — Зарница,—отходя ко сну, я повторялъ,
 И тихія ко мнѣ слетали сновидѣнья...

Съ тѣхъ поръ прошли года... и много шумныхъ грозъ
 Надъ головой моей собралось—и много
 Невзгодъ и радостей въ душѣ я перенесъ,
 Тревожно проходя житейскою дорогой;
 Какъ знойный лѣтній день, сверкая и гремя,
 Въ убранствѣ облаковъ, раскиданныхъ въ лазури,
 Мѣнная блескъ, и тѣнь, и тишину, и бури,
 Крылатымъ праздникомъ промчалась жизнь моя.
 И вечеръ наступилъ, и зарево заката
 Ужь погружается въ ночную глубину,
 Душа безмолвнѣетъ и сумракомъ объята;
 Пора мнѣ отдохнуть, пора идти ко сну.
 И вотъ, въ холодной тѣмѣ надвинувшейся ночи
 Я призываю сонъ и отдыхъ... но порой

Какъ молніи мечты мнѣ вновь мерцають въ очи,
И вспыхиваетъ страсть съ надеждой и тоской.
И вновь, какъ въ оны дни, тревогой тѣхъ мерцавій
Душа испугана... но кто-то въ тишинѣ
Знакомыя слова, слова старухи-няни—
„Не бойся, не томись“,—любовно шепчетъ мнѣ...
И меркнутъ призраки, и гаснутъ въ отдаленьи
Ненужныхъ позднихъ грезъ обманные огни.
— Зарница,—говорю я въ тихомъ утомленьи,
И голосъ надо мной твердитъ: усни, усни!..

XXVIII.

Какъ странникъ подъ гнѣвомъ палящихъ лучей,
Средь Богомъ сожженныхъ безводныхъ степей,
Вреду я житейскимъ путемъ,—и давно
Усталое сердце тоской сожжено.

Ни тѣни отрадной, ни жизни кругомъ,
Ни тучи, ни бури на небѣ моемъ,
Безгромное небо, безбрежная даль,—
Нѣмое раздумье, нѣмая печаль!..

Но изрѣдка видятся въ смутной дали
Предѣлы цвѣтущей и юной земли,
Подъемятся призраки рощъ и садовъ,
Сверкающихъ водъ и зеленыхъ холмовъ.

Въ прохладѣ незримой воздушной волны
Струится дыханье любви и весны,
Тайнственно кто-то манить и зоветь,
Желаннаго счастья вѣсть подаетъ.

И духъ, оживая, стремится туда,
Гдѣ зыблются рощи, гдѣ свѣтитъ вода,
Гдѣ отдыхъ и тѣнь, и любовь, и привѣтъ,
Какихъ на землѣ не бывало,—и нѣтъ!

XXIX.

Усталый, съ сердцемъ отягченнымъ,
 Покинувъ жизни грѣшный пиръ,
 Порой предъ храмомъ озареннымъ,
 Священнымъ звономъ оглашеннымъ,
 Стою я мраченъ, нѣмъ и сиръ.
 Хочу вступить я въ двери храма,
 Хочу, отряси прахъ земной,
 Въ волнахъ молитвъ и еиміама,
 Умчаться духомъ въ міръ иной,
 Чтобъ покаянными слезами
 Тамъ раны совѣсти омыть,
 И дольний міръ съ его страстями,
 Съ его безумьемъ позабыть.
 Но мигъ... и слезы умиленья
 Уже во взорѣ не горять—
 Знакомый голосъ искушенья
 Опять зоветъ меня назадъ.
 И передъ свѣтлымъ ликомъ Бога,
 Не въ силахъ мрака превозмочь,
 Отъ недоступнаго порога
 Я отхожу въ смятеньи прочь.
 Бреду на торжище людское,
 Но долго тамъ, какъ бы сквозь сонъ,
 Все вижу пламя неземное,
 Все слышу благовѣста звонъ!

XXX.

О, вѣрю я: никто не виновать!
 Таковъ законъ судьбы неумолимой:
 Часовъ и дней скользить беззвучный рядъ
 И суетой житейскою объять,
 Безъ счета ихъ я пропускаю мимо.

И меркнетъ мысль, и гаснетъ страсти пылъ
 И на призывъ любимаго искусства
 Безрадостенъ, безмолвенъ и унылъ
 Я остаюсь, не обрѣтая силъ
 Согрѣть въ душѣ остывшiя чувства.

Да, знаю я,—никто не виновать!..
 Но почему съ такою жгучей мукой
 Я пристально порой гляжу назадъ
 И къ прошлому вернуться былъ бы радъ
 Любовникомъ, измученнымъ разлукой?

Зачѣмъ въ тиши я внемлю пересказъ
 О вешнихъ дняхъ, о томъ, что миновало;
 Въ томительный уединенья часъ
 Кто этотъ другъ безжалостный, чей гласъ
 Тревожить сонъ души моей усталой?

Онъ мнѣ не чуждъ—тотъ шепотъ въ тьмѣ ночной,
 Онъ мнѣ знакомъ давно, тотъ гость незримый;
 За что жъ теперь съ презрѣньемъ и враждой
 Онъ холодно смѣется надо мной
 И дразнить умъ мечтой неуловимой?

Зачѣмъ порой напѣвы вновь звучатъ,
 И близятся крылатыя видѣнья?
 Въ ихъ пѣсняхъ плачь, въ ихъ взорахъ — тайный ядъ...
 Я не рошщу: никто не виновать,
 Возврата нѣтъ... Зачѣмъ же нѣтъ забвенья?..

XXXI.

Въ тиши раздумія, въ минуты просвѣтлѣнья
Души, измученной житейскою борьбой,
Все чаще слышится мнѣ голосъ утѣшенья,
Все ближе небеса сіяютъ надо мной.

Земнаго счастья бродячіе обманы
Бѣгутъ, какъ призраки ночныхъ, недужныхъ грезъ,
Въ глазахъ горитъ разсвѣтъ и падаютъ туманы
Росою утренней животворящихъ слезъ.

Я знаю, что кругомъ все прахъ и все минуетъ...
Я вѣрю, что мой рай - тамъ, въ Божьей вышинѣ—
И небо надъ землей побѣду торжествуетъ,
И вѣчность самая видна и внятна мнѣ!..

РАЗСКАЗЪ МОЕЙ МАТЕРИ

объ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

I.

Это было уже давно.... Я просилъ покойную мать мою записать для меня свои воспоминанія о жизни въ Екатерининскомъ институтѣ и о позднѣйшихъ сношеніяхъ своихъ съ Императрицею Маріей Ѳеодоровной, которая до самой кончины своей не забывала ее, какъ одну изъ лучшихъ своихъ воспитанницъ.

Многое въ разказахъ матери казалось мнѣ интереснымъ, ибо уже и тогда, въ 50-хъ годахъ, когда я сталъ совсѣмъ „большимъ“, даже студентомъ, въ жизни нашей были уже такіе отгѣнки или, говоря по-нынѣшнему, „вѣянія“, которыя съ иныхъ сторонъ дѣлали эту жизнь 50-хъ годовъ болѣе похожею на нынѣшнюю, чѣмъ на жизнь первой четверти нашего вѣка. *Строй* былъ въ 50-хъ годахъ тотъ же, что и въ 12 году или въ 20-мъ; *идеалы* значительно измѣнились; вслѣдъ за Европой мы уже пережили и 30-й годъ, и 48-й. Подъ незамѣтнымъ почти сразу вліяніемъ этихъ идеаловъ, строй вѣковаго созиданія пошатнулся впервые въ 61 году.

И я — тогда (т. е. въ 50-хъ годахъ) 20-ти-лѣтній студентъ медицины, читавшій въ часы досуга Бѣлинскаго, Герцена, Жоржъ-Санда, — уже чувствовалъ себя въ силахъ относиться почти исторически, полу-сочувственно, полу-нисходительно. полу-надменно не только къ тѣмъ, мнѣ казалось, уже далекимъ преданіямъ времени, когда мать моя отроковицею ходила по корридорамъ закрытаго училища, на берегу Фонтанки, но даже къ многознаменательному пятилѣтію, отъ 26 года до 31-го, отъ кончины Императора Александра I въ Таганрогѣ до Адрианопольскаго мира и до перваго усмиренія Польши.

Мать моя исполнила мою просьбу давно, еще при жизни своей, и часть ея записокъ была напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ („Праздникъ въ селѣ Покровскомъ; 1811—1812 гг.“, и т. д.). Было у нея написано и еще много любопытнаго, но все это, къ сожалѣнію, пропало вмѣстѣ съ отрѣзаннымъ чемоданомъ между Калугою и Москвою, въ концѣ 60-хъ годовъ. У меня изъ всего этого сохранилось очень мало и, между прочимъ, рассказы о томъ, какъ двое старшихъ братьевъ моихъ были приняты безъ всякихъ на то прямыхъ правъ въ Пажескій корпусъ, по особой милости и по особому вниманію Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Отецъ нашъ не только не имѣлъ генеральскаго ранга, но даже за участіе въ какомъ-то буйствѣ былъ удаленъ изъ гвардіи въ началѣ этого вѣка и вышелъ въ отставку въ чинѣ прапорщика.

Жена отставнаго прапорщика, вдобавокъ удаленнаго изъ гвардіи за буйство, — владѣтельница небольшого имѣнія въ Калужской губерніи, — какія права имѣла моя мать на помѣщеніе двухъ первыхъ сыновей своихъ въ Пажескій корпусъ? — Конечно, никакихъ.

Но она еще дѣвочкой, еще институткой, обратила на себя вниманіе Императрицы-Матери, и Государыня *черезъ пятнадцать лѣтъ* послѣ ея выхода изъ училища не забыла ея и исполнила ея желаніе въ годъ восшествія на престолъ Николая Павловича.

Въ нашемъ миломъ Кудиновѣ, въ нашемъ просторномъ и веселомъ домѣ, котораго теперь нѣтъ и слѣдовъ, была комната окнами на западъ, въ тихій, густой и обширный садъ. Вездѣ у насъ было щеголевато и чисто, но эта комната казалась мнѣ лучше всѣхъ; въ ней было нѣчто таинственное и мало доступное и для прислуги, и для постороннихъ, и даже для своей семьи. Это былъ кабинетъ моей матери... Проходить въ него нужно было длиннымъ корридоромъ, черезъ уборную ея и спальню, и вся эта половина дома очень часто была заперта на ключъ. Мать любила уединеніе, тишину, чтеніе и строгій порядокъ въ распредѣленіи времени и занятій. Когда я былъ ребенкомъ, когда еще „мнѣ были новы всѣ впечатлѣнія бытія...“, я находилъ этотъ кабинетъ прелестнымъ.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ очень оригиналенъ и милъ. Въ то время еще не привыкли у насъ обитать мебель пестрыми ситцами, и даже хорошаго полосатаго тика яркихъ цвѣтовъ я въ то время не помню, хотя съ ранняго дѣтства я не разъ

ѣздилъ съ матерью въ столицы и очень многое внимательно замѣчалъ; но у матери моей было сильное воображеніе и очень тонкій вкусъ; ей хотѣлось устроить себѣ эту комнату въ видѣ цвѣтной палатки, и она велѣла спать широкими полосками какую-то бумажную матерію: темно-зеленую, ярко-розовую и бѣлую, и декорировала ею стѣны и потолокъ; потолокъ былъ собранъ посерединѣ сборками въ большую розетку, въ срединѣ которой была вставлена такая круглая бронзовая фигурка, какія употребляются для закидыванія занавѣсокъ около оконъ. Полъ зимой былъ обитъ большимъ ковромъ бѣлымъ съ бархатными темно-зелеными узорами, и это было очень кстати и очень хорошо. Мать сумѣла извлечь пользу изъ какого-то темнаго чулана; надъ этимъ чуланомъ была лѣстница на антресоли: мать его уничтожила, отодвинувъ стѣну дальше въ корридоръ; поставила тамъ деревянныя колонки, обила ихъ полотномъ; велѣла выкрасить полотно бѣлой масляной краской и обвила ихъ и оклеила спирально поверхъ полотна такимъ цвѣтнымъ бордюромъ, какимъ оклеиваютъ наверху обои, такъ что, вмѣсто темнаго чулана для дровъ въ корридорѣ образовалась за колонками въ кабинетѣ какая-то ниша, чрезвычайно уютная и красивая. Она была не широка и вся занята вплоть до колоннъ однимъ турецкимъ диваномъ; и стѣны этой ниши, и занавѣсъ, который можно было задерживать, и самый диванъ, и турецкія подушки его во всю стѣну—все было изъ той же матеріи, какъ и отдѣлка стѣнъ, и все тѣхъ же трехъ цвѣтовъ: темно-зеленаго, розоваго и бѣлаго.

Все это было очень дешево (потому что моя мать была скорѣе бѣдна, чѣмъ богата); но все весело, опрятно и душисто. Лѣтомъ были почти всюду цвѣты въ вазахъ, сирень, розы, ландыши, дикій жасминъ; зимой—всегда слегка пахло хорошими духами. Былъ у нея, я помню, особый графинчикъ, граненый и красивый, наполненный духами съ какою-то машинкой, которой устройство я не понималъ тогда, не объясню и теперь... Была какая-то проволока витая и былъ фитилекъ, и что-то зажигалось; проволока накаливалась до-красна, и комнаты наполнялись благоуханіемъ легкимъ и тонкимъ, постоянно, ровно и надолго.

Мебели въ этой комнатѣ было немного; она сама была невелика. У окна ясеневый просторный письменный столъ, съ полками для книгъ; передъ нимъ старинное кресло съ полу-круглой спинкой, украшенной двумя точеными бараньими го-

ловками; около стола съ другой стороны тоже ясеневое большое глубокое *вольтеровское* кресло, и въ другомъ углу у окна еще кресло и складной столикъ; но комната вовсе не казалась пустой, благодаря трехцвѣтной драпировкѣ и дивану за колонками въ таинственной нишѣ.

Картинъ по стѣнамъ не было, большіе фамиліальные портреты висѣли въ гостиной; у матери въ кабинетѣ были только портреты семерыхъ дѣтей ея и трехъ постороннихъ лицъ, которыхъ она считала лучшими своими друзьями или даже благодѣтелями...

Дѣтскіе портреты висѣли въ рядъ за колоннами въ нишѣ и были почти всѣ разные, сняты въ разное время и разными способами. Самый старшій братъ Петръ, впоследствии гвардейскій офицеръ (о которомъ будетъ рѣчь и въ самыхъ запискахъ матери), красивый, румяный мальчикъ лѣтъ шестнадцати, былъ снятъ въ камеръ-пажескомъ мундирѣ, цвѣтными карандашами и очень хорошо. Портретъ старшей сестры Анны, дѣвушки лѣтъ двадцати, красоты нѣсколько серьезной, правильной, но не особенно пріятной, съ высокимъ фигурнымъ гребнемъ въ большой и высоко поднятой косѣ,—этотъ портретъ былъ почему-то гравированный на камнѣ, вмѣстѣ съ двумя другими портретами младшихъ дѣтей—сына и дочери: прелестный русокія личики—неправильныя и симпатичныя; мальчикъ—въ острой, турецкой куртѣчкѣ безъ рукавовъ и дѣвочка съ большой косой, вѣнцомъ вокругъ головы; съ одного изъ среднихъ братьевъ былъ снятъ очень похожій, черный, конечно, силуэтъ; а съ другаго ребенка, блѣднаго и задумчиваго, срисовалъ довольно удачно акварель крѣпостной иконописецъ дѣда Петра Матвѣевича Коробанова...

Я былъ самый младшій, гораздо моложе другихъ; и меня, вскорѣ послѣ рожденія моего, изобразилъ масляными красками тотъ же крѣпостной художникъ въ идеальномъ видѣ безтѣлеснаго херувима съ крыльями. Когда я выросъ и во мнѣ уже ничего невиннаго и ангельскаго не осталось,—мать отдала этотъ фантастическій портретъ кому-то изъ наиболѣе приверженныхъ служителей нашихъ, и лѣтъ двадцать спустя, я, по возвращеніи моемъ изъ-за-границы, нашелъ его у старой кухарки нашей въ кухнѣ; кухарка никакъ не могла удержать деревенскихъ женщинъ, чтобы онѣ, входя въ кухню, на этого херувима не молились.

Всѣ эти дѣтскіе портреты, говорю, висѣли въ рядъ на стѣнѣ

за колоннами ниши, и всё были украшены наверху розетками такихъ же трехъ цвѣтовъ, какъ и диванъ и занавѣски, и стѣны; на всѣхъ семи розеткахъ цвѣта были нарочно расположены въ разномъ порядкѣ: на первомъ направо бѣлый внизу, потомъ розовый и пуговка зеленая, на второмъ бѣлый внизу потомъ зеленый и пуговка розовая и т. д. Когда я былъ малъ, я спалъ за этими колоннами на диванѣ, и это симметрическое разнообразіе розетокъ, которыя я, проснувшись поутру, изучалъ, доставляло мнѣ множество наслажденій.

Я прошу мнѣ простить всё эти, быть можетъ, и лишнія подробности; но мнѣ такъ пріятно обо всемъ этомъ писать! И кромѣ того, воспоминанія объ этомъ очаровательномъ материнскомъ „Эрмитажѣ“ до того связаны въ сердцѣ моемъ и съ самыми первыми религиозными впечатлѣніями дѣтства и съ равнымъ сознаніемъ красоту окружающей природы и съ драгоценнымъ образомъ красивой, всегда шеголеватой и благородной матери, которой я такъ неоплатно былъ обязанъ всѣмъ. (уроками патриотизма и монархическаго чувства, примѣрами строгаго порядка, постоянного труда и утонченнаго вкуса въ ежедневной жизни), что я не могу сдержатъ себя, и мнѣ все кажется, будто и простой рассказъ матери станетъ гораздо живѣе, если я скажу больше о ней самой и даже о тѣхъ предметахъ, которыми она была окружена не случайно, но вполне осмысленно, по собственному выбору и творчеству!

Въ этой комнатѣ и въ сосѣдней съ нею меня учили молиться передъ угольнымъ кіотомъ. Я спалъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ въ кабинетѣ матери за колоннами, на трехцвѣтномъ диванѣ; и какъ часто, просыпаясь зимнимъ утромъ, продолжалъ лѣниться, и лежа на немъ слушалъ внимательно, какъ сестра моя (только-что взятая тогда изъ того же самаго института, въ которомъ воспиталась мать), читала по книжкѣ утреннія молитвы и псаломъ: „Помилуй мя, Боже“...

Сестра читала, мать молилась;—за стѣною, въ спальнѣ пылалъ съ „веселымъ трескомъ“ утренній каминъ... Въ окна стѣ моего дивана, я, не вставая, видѣлъ чистый снѣгъ куртины—безмолвную, мирную, недвижимую зимнюю красу. Я видѣлъ прививки, обернутыя соломой, обнаженные яблони и большія липы двухъ прямыхъ аллей. Яблони эти „Кудиновскія“, почти всё на этой куртйнѣ передъ домомъ, какъ люди знакомые и памятные мнѣ даже по особенностямъ вида своего, давно померзли и погибли; мать и сестра давно въ могилахъ, а пре-

красныя липы можетъ быть завтра срубить на „дубъ“ южновскій крестьянинъ Иванъ Климовъ, которому я, подобно многимъ помѣщикамъ, *вынужденъ* былъ послѣ долгой борьбы продать всю эту мою родовую святыню!

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ зимнихъ дней, когда я просыпался на полосатомъ диванѣ; много было и вовсе новыхъ радостей и неожиданнаго горя; но эти утреннія молитвы все также живы въ памяти и сердцѣ; много глубокихъ перемѣнъ совершалось въ моей жизни, были тяжкіе переломы въ образѣ мыслей моихъ, но никогда и нигдѣ я не забывалъ тѣхъ словъ псалма, которыя меня тогда (почему?—не знаю самъ) особенно поразили и невыразимо тронули...

„Жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно, Богъ не уничижитъ“. Я съ тѣхъ поръ никогда не могу вспомнить объ матери и родинѣ, не вспоминая и этихъ словъ псалма; до сихъ поръ не могу ихъ слышать, не вспоминая объ матери, о молодой сестрѣ, о миломъ Кудиновѣ нашемъ, о прекрасномъ обширномъ садѣ и объ видѣ изъ оконъ этой комнаты. Этотъ видъ не только лѣтомъ, когда передъ окнами цвѣло въ круглыхъ клумбахъ столько розъ, но и зимою былъ исполненъ невыразимой, только близкимъ людямъ вполне понятной поэзіи!...

Въ этой же самой комнатѣ, выросши, я слышалъ отъ матери столько разсказовъ о старинѣ: о Людовикѣ XIV и его столь несхожихъ между собою возлюбленныхъ; о кровавыхъ дѣяніяхъ ненавистнаго Конвента; о борьбѣ нашей съ Франціей, объ ужасахъ и подвигахъ 12-го года. О Николаѣ Павловичѣ, котораго мать боготворила, и отрывки изъ этого самаго разсказа объ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ я слышалъ не разъ на словахъ, прежде чѣмъ видѣть его написаннымъ...

Я сказалъ уже, что кромѣ дѣтскихъ портретовъ, мать допустила въ свой уединенный кабинетъ только четыре изображенія и лишь такихъ именно лицъ, которыхъ она почему-либо имѣла основаніе считать или самыми близкими друзьями, или даже благодѣтелями своими. Всѣ эти портреты и теперь у меня цѣлы. Одинъ—литографическій—изображаетъ молодаго генерала, въ латахъ, орденахъ и густыхъ эполетахъ; лицо чрезвычайно энергическое и пріятное; усы и борода, обритые какъ у всѣхъ военныхъ первой четверти этого вѣка, и орлиный носъ напоминаютъ что-то римское;—это портретъ Ивана Сергѣевича Леонтьева, двоюроднаго брата моему отцу. Онъ скончался

очень рано и оставилъ вдову и только одного сына, теперь тоже уже умершаго. Онъ былъ очень друженъ съ моими родителями и какъ человекъ богатый дѣлалъ имъ, кажется, много добра. Помимо родственной дружбы, Иванъ Сергѣевичъ былъ, повидимому, большой почитатель ума и красоты моей матери. и въ Кудиновѣ сохранялось объ немъ, объ его добротѣ, любезности и веселой энергіи много милыхъ преданій. У меня на этажеркѣ и теперь стоитъ старая и уже починенная мѣстами, широкая бѣлая мраморная ваза. На ней начертаны французскія слова:

„Elle ne s'etteindra
qu'avec la vie“.

Въ эту вазу, подаренную Иваномъ Сергѣевичемъ, при матери опускался особаго фасона плоскій подовѣчникъ съ длинными ручками и короткой восковой или стеариновой свѣчей.

Тогда этотъ возгласъ о неугасимомъ пламени изящной дружбы становился виднѣе на прозрачномъ мраморѣ вазы, и вся комната озарялась восхитительнымъ, романтическимъ полусвѣтомъ. Я такъ любилъ, когда зажигали эту невидимую свѣчу, и такъ уважалъ мать за ея поэтическіе вкусы!.. Въ сохранившемся у меня также красномъ сафьянномъ ея альбомѣ съ бронзовой застежкой есть двустипшіе дѣдушки моего Михаила Ивановича Леонтьева, написанное именно по поводу этой вазы... Вотъ оно съ ореографіей подлинника:

„Искусство здесь молчитъ но дружба говорить,
„Сей пламень мной возженъ и вечно не сгоритъ“.

Два другіе портрета—превосходныя акварели, и одна—оригиналъ извѣстнаго въ началѣ нашего вѣка портретиста Соколова, другая—копія съ работы Гау,—сдѣланная въ 40-хъ годахъ въ Петербургѣ второстепеннымъ мастеромъ нѣкимъ Осокинымъ; но копія до того изящная и вѣрная, что ее невозможно было различить съ подлинникомъ Гау, когда ихъ клали рядомъ и прикрывали подписанныя внизу имена художниковъ.

Акварель Соколова представляетъ мужчину лѣтъ 30, быть можетъ, съ небольшимъ... Онъ въ модномъ свѣтло-коричневомъ сюртукѣ тридцатыхъ годовъ, въ золотыхъ очкахъ. Лицо чрезвычайно тонкое, красивое, нѣжное, слегка румяное; русые волосы вьются на лбу и вискахъ, какъ у всѣхъ щеголей того времени, когда Байронъ умиралъ въ Миссалонгахъ и

слава Пушкина зрѣла въ Россіи. Этотъ русскій „джентльменъ“, этотъ „баринъ“ дипломатическаго вида, перенесенный такъ удачно и живо на бумагу тонкой кистью Соколова, былъ тоже ближайшій и вѣрный другъ нашей семьи, сосѣдъ по Мещовскому имѣнію и очень богатый человекъ, Василій Дмитриевичъ Дурново.

На копіи съ Гау (другой совѣтъ кисти, не менѣе прекрасной, но словно болѣе старательной, болѣе *пунктирной*, если позволительно такъ выразиться), *пожилая* дама въ бѣломъ батистовомъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ съ *розовыми лентами*. Да! пожилая дама съ розовыми лентами! Но эта дама была и въ старости своей такъ мила и красива, что не только на портретѣ, но и на самомъ дѣлѣ эти розовыя ленты къ ней шли. Я ее очень хорошо помню.

Это была Анна Михайловна Хитрово ¹⁾ (или какъ въ прежнее время обыкновенно говорили Хитрова), урожденная Голеницева-Кутузова, одна изъ дочерей знаменитаго нашего фельдмаршала. Мать моя знала коротко ее еще въ дѣтствѣ и была ей обязана своимъ опредѣленіемъ въ Екатерининскій институтъ, какъ она въ запискѣ этой и рассказываетъ.

Всѣ эти портреты друзей висѣли въ рядѣ, а надъ ними, какъ бы на особомъ и почетномъ мѣстѣ, былъ прибитъ небольшой литографическій портретъ Императрицы Маріи Теодоровны, о которой мать моя не могла говорить безъ самаго глубокаго и самаго искренняго чувства благоговѣющей любви. Императрица изображена, если не ошибаюсь, въ траурѣ послѣ кончины Государя Александра Павловича: въ черномъ платьѣ съ широкимъ воротникомъ и въ черномъ газовомъ *токтѣ*. Слушая рассказы матери о государынѣ, я часто и въ дѣтствѣ смотрѣлъ внимательно на маленькую литографію эту, и мнѣ тогда еще наружность покойной царицы очень нравилась; въ нѣсколько кругломъ и полномъ лицѣ было столько и выразительнаго, и спокойнаго: доброта, достоинство и твердость. Въ линіи губъ столько сдержанности и чего-то тонкаго и властнаго.

Я не стану выдумывать и увѣрять, что я часто размышлялъ о царской фамиліи и любилъ ея членовъ вполнѣ сознательно и въ тѣ ранніе годы мои, когда еще трехцвѣтная дра-

¹⁾ Родная бабушка нашего теперь посланника въ Бухарестѣ М. А. Хитрово.

Прим. авт.

пировка материнскаго кабинета не обветшала и не была замѣнена голубыми обоями; нѣтъ, конечно, этого не было; но я могу сказать, что монархическимъ духомъ вѣяло въ то время въ Кудиновскомъ домѣ, и чрезвычайно сильная моя любовь къ моей въ высшей степени изящной и благородной, хотя вовсе не ласковой и не нѣжной, а, напротивъ того, суровой и сердитой матери, дѣлала для меня священными тѣхъ людей и тѣ предметы, которые любила и чтила она.

Позднѣе, юношей въ 50-хъ годахъ и я заплатилъ дань европейскому либерализму; но могу съ гордостью сказать, что и въ эту безтолковую пору моей жизни я ни разу ни кощунственной насмѣшкой, ни слишкомъ настойчивыми и рѣвкими доводами плохой либеральной философіи не оскорбилъ тѣхъ личныхъ чувствъ и тѣхъ идеаловъ, которые мать моя носила въ сердцѣ своемъ неизмѣнно до гроба.

Я даже помню одинъ споръ. Мать, къ несчастью, была слишкомъ вспыльчива и неумѣренна въ иныхъ выраженіяхъ, когда ее что-нибудь тревожило. Однажды (мнѣ было уже за 20 лѣтъ) она сильно оскорбила меня. Я былъ влюбленъ; матери моей эта дѣвушка не нравилась потому, что она была старше меня и, по ея мнѣнію, лукава и нехороша собой... Не ограничиваясь одними резонными родительскими предостереженіями и совѣтами, она начала издѣваться и надъ наружностью, и надъ душевными качествами этой дѣвушки, очень искренно и долго мною любимой.

Раздраженный этими дѣйствительно неумѣстными выходками слишкомъ горячей и властолюбивой матери, я остановилъ ее и сказалъ такъ:

— Послушайте, зачѣмъ вы такъ неосторожно оскорбляете то, что для меня такъ дорого?.. Вспомните, оскорбилъ ли я когда-нибудь хоть намекомъ или шуткой то, что для васъ священно, то, что составляетъ поэзію вашихъ воспоминаній, вашей молодости?.. Напротивъ, я люблю эти воспоминанія ваши... Я помню почти наизусть ваши рассказы...

Тутъ я остановился и подумалъ — какой бы привести примѣръ? И не нашелъ ничего другаго, какъ указать на Императрицу Марію Ѳеодоровну.

— Вотъ, напримѣръ, я знаю, какъ вы любите Императрицу Марію Ѳеодоровну... И я знаю, что вы любите ее не только за добро, которое она вамъ сдѣлала, но и потому, что вы выросли на монархическихъ преданіяхъ, потому что находите въ

нихъ поэзію... Развѣ я когда-нибудь касался до этихъ чувствъ-вашихъ?... Развѣ я оскорблялъ ихъ, скажите? *А мать, можетъ быть, республика гораздо больше нравится?*...

Мать моя поняла, что я правъ; замолчала и даже застыдилась. И мнѣ стало такъ жалко, когда я увидаль это *честное* смущеніе красивой, энергической и мужественной, пожилой родительницы моей, что тотчасъ же сталъ цѣловать ее, и мы помирились.

Конечно, я не безъ основанія обличилъ мать за ея неделикатный и безтактный гнѣвъ на тогдашній предметъ моего обожанія (тѣмъ болѣе, что и теперь, черезъ 40 лѣтъ, могу сказать: дѣвушка эта была вполне достойна любви и уваженія...) Но... „*республика!.. республика!*..“ вотъ что было нестерпимо глупо!

Я и не подозрѣвалъ, что я, во-первыхъ, точно также, какъ и мать, *именно росъ среди монархическихъ преданій*. А во-вторыхъ, что республика мнѣ ни къ чему не была нужна; что все это былъ лишь одинъ юношескій порывъ хвалить то, чего у насъ нѣтъ и особенно, что *тогда, при Государь Николай Павловичъ, хвалить было даже не безопасно*.

Припоминая теперь внимательно и добросовѣстно разныя мои „психологическія моменты“, я увѣренъ, что и тогда въ республикахъ мнѣ нравилось не то, чѣмъ онѣ отличаются отъ монархій, т. е. не равноправность и не политическая свобода, а, напротивъ, тѣ стороны великихъ республикъ, которыя у нихъ общи съ великими монархіями: сила, вырабатываемое сословнымъ строемъ разнообразіе характеровъ, борьба, битвы, слава, живописность и т. д.

Въ этомъ *эстетическомъ инстинктѣ* моей юности было гораздо болѣе *государственной такта*, чѣмъ думаютъ обыкновенно; *ибо только тамъ много бытовой и всякой поэзіи, идѣ много государственной и общественной силы*. Государственная сила — есть скрытый желѣзный остовъ, на которомъ великій художникъ-исторія лѣпится изящныя и могучія формы культурной человѣческой жизни.

И такъ, повторяю еще разъ, я, самъ того не подозрѣвая, росъ въ преданіяхъ монархической любви и настоящаго русскаго патриотизма, и до республики (какъ я сказалъ) мнѣ не было никакого дѣла. И этими-то добрыми началами, которыя сказались вовсе не поздно, а при первой же встрѣчѣ съ крайней „демократіей нашей“ 60-хъ годовъ, быть можетъ — я болѣе всего обязанъ матери моей, которая сѣяла съ самаго дѣтства во мнѣ хорошія сѣмена.

II.

Краткая замѣтка матери моей объ ея поступленіи и инсти-тутъ и о томъ, какъ ей посчастливилось опредѣлить своего первенца въ Пажескій корпусъ въ 26 году, — по моему мнѣ-нію,—написана гораздо суше и какъ-то оффиціальнѣе, чѣмъ могла бы она быть написана, еслибы покойница излагала въ ней все также подробно и живо, какъ, бывало, разсказывала она о томъ же самомъ въ семьѣ на словахъ; или, пожалуй, такъ, какъ писаны были ею тѣ отрывки изъ дворянской жизни 11-го и 12-го годовъ, которые были напечатаны не такъ давно въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Просто, живо, свѣжо и достаточно на-глядно. Но тамъ мать писала объ отцѣ своемъ, объ матери, женихѣ; о танцахъ и маскарадѣ въ деревнѣ, о бѣгствѣ въ Ро-стовъ изъ Калуги отъ нашествія французовъ; о царской фа-милиі—ничего.

Когда дѣло дошло до сношеній и встрѣчъ съ лицами Импера-торскаго дома,—литературная неопытность матери была при-чиной, что она не сумѣла удачно сочетать той почтительности общаго тона, къ которой она справедливо считала себя обя-занной въ подобномъ случаѣ, съ живостью и наглядностью нѣ-которыхъ подробностей, о которыхъ она на словахъ вспоми-нать не забывала. Она предполагала еще при жизни своей уже давно напечатать этотъ краткій разсказъ о томъ, какъ она въ Калугѣ и Москвѣ представлялась Императрицѣ Маріи Теодо-ровнѣ и только-что вопарившемуся Императору Николаю Пав-ловичу, и, вѣроятно, потому придала разсказу этотъ тонъ стро-гій и нѣсколько оффиціальнѣй, безъ всякихъ побочных бо-лѣе живыхъ подробностей, думая, что *именно такъ*, а не иначе должно о подобныхъ предметахъ *печатать*. Я сказалъ, что это литературная неопытность и больше ничего.

Когда мы передаемъ изъ жизни историческихъ или высоко-поставленныхъ лицъ что-нибудь весьма оригинальное, рѣзкое, изъ ряду выходящее, то, разумѣется, можно и пожалуй даже должно сохранить за подобнымъ историческимъ анекдотомъ са-мую строгую краткость изложенія;—поражающее великодушіе, доброта или, напротивъ того, строгость, смѣлость, сила, иногда даже и жестокость, или оригинальность какой-нибудь выходки замѣчательнаго человѣка, или забавность какого-нибудь столк-

новенія и т. п.—все это будетъ само за себя говорить, и больше ничего не нужно.

Но что же особеннаго въ томъ, что „одна дама“, „помѣщица“, „провинціалка“ представлялась когда-то Императрицѣ и что ея сынъ былъ записанъ въ пажи?

Кому это нужно — „такъ, какъ есть“, „просто“? — Никому. Воспоминаніе объ этомъ дорого только *этой самой дамы* и, можетъ быть, нѣкоторымъ очень близкимъ ей людямъ; да и то не само по себѣ, а потому лишь, что это было *ей* пріятно и дорого; что это лично — важный случай изъ ея біографіи, для близкаго ей человѣка имѣющей большое значеніе, — и только.

Но когда многое побочное освѣщено правдиво и наглядно; когда самый поступокъ высокопоставленнаго лица объясненъ и осмысленъ, — тогда и неважность этого факта личной нашей жизни можетъ приобрѣсти иную занимательность и болѣе серьезное значеніе и для равнодушныхъ людей.

Не знаю, успѣлъ ли я въ этомъ, но я старался припомнить многое изъ того, что я слышалъ объ этомъ случаѣ и объ этомъ времени отъ самой матери, и чего въ краткой запискѣ ея не нашелъ.

Мать моя прежде всего описываетъ свое поступленіе въ Екатерининскій институтъ, свое въ немъ ученіе и выпускъ.

„Я воспитывалась въ Петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ, куда была помѣщена по собственному моему желанію, но совершенно неожиданно, черезъ посредство добрѣйшаго въ мірѣ существа“. — Такъ начинается мать свой рассказъ. — „Во время одной изъ войнъ съ Франціей, продолжаетъ она — отецъ мой былъ назначенъ командиромъ небольшого отряда подвижной милиціи и, по заключеніи мира, получилъ приказаніе привести свой отрядъ въ Петербургъ. Онъ воспользовался этимъ маленькимъ походомъ, забралъ все свое семейство съ цѣлью размѣстить по казеннымъ заведеніямъ. Въ Петербургѣ онъ отыскалъ своихъ старинныхъ знакомыхъ и съ помощью ихъ помѣстилъ двухъ моихъ меньшихъ сестеръ въ Екатерининскій институтъ, — одну на казенный счетъ, а за другую самъ вносилъ известную сумму. Братъ былъ помѣщенъ въ Горный корпусъ. Оставалась одна я. Родители мои, не знаю почему, не хотѣли со мной разстаться. Я же, навѣщая часто моихъ сестеръ въ Екатерининскомъ институтѣ, такъ полюбила этотъ тихій, безмятежный родъ жизни, что, какъ говорится, спала и видѣла — какъ бы туда попасть. Къ родителямъ я не смѣла приставать

съ этой просьбой и отъ горя и досады часто плакала тихонько“.

Какое же это такое „добрѣйшее въ мірѣ существо“, по выраженію матери моей, неожиданно осуществило ея мечту объ институтѣ?

Существо это была молодая свѣтская и придворная дама Анна Михайловна Хитрово. Я уже говорилъ въ моемъ предисловіи два слова объ ней самой и объ ея портретѣ.

Мать, въ дѣтствѣ своемъ, была должно быть особенно милая, хотя вѣроятно, судя по позднѣйшему складу своего ума и характера, — нѣсколько серьезная и резонирующая дѣвочка, и Хитрово, которая была уже замужней молодой женщиной лѣтъ 24, когда матери не могло быть болѣе двѣнадцати-тринадцати лѣтъ, очень ее любила. Дружба между ними сохранилась до самой смерти Анны Михайловны (въ 40-хъ годахъ); я ребенкомъ, бывая у нея въ Петербургѣ, всегда съ удовольствіемъ цѣловалъ ея вѣжную и душистую руку. Она была и въ старости въ высшей степени привлекательна.

Правда, Анна Михайловна была немножко легкомысленна, расточительна и слаба характеромъ; но ея необыкновенная доброта, аристократическое изящество и ласковость были истинно плѣнительны!

Я до сихъ поръ съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминаю ея небольшую квартиру въ Петербургѣ, около Михайловскаго дворца. Бывать у нея въ гостяхъ съ матерью, которую она такъ любила, было для меня тогда праздникомъ. Хотя дѣла Анны Михайловны подъ старость были очень разстроены и она жила почти-что одной помощью богатыхъ родныхъ и друзей (Опочининыхъ и другихъ), но все-таки въ этой квартиркѣ ея было все такъ хорошо, такъ красиво, такъ душевно, — по этажеркамъ, на каминѣ и вездѣ было столько дорогихъ и хорошихъ вещей, и сама она была такъ мила и даже такъ красива, несмотря на преклонные годы свои, что и тогда въ дѣтствѣ я находилъ и даже теперь „ретроспективно“ нахожу въ этой почтенной дамѣ болѣе прелести, чѣмъ во многихъ молодыхъ женщинахъ.

Я говорю, что дѣла Анны Михайловны Хитрово были очень разстроены; помню, мать моя разсказывала, будто-бы кто-то просилъ Государя Николая Павловича заплатить за Анну Михайловну долги (кажется, около 20.000 р.), но Госу-

дарь отвѣчалъ, что заплатитъ послѣ ея смерти. Иначе она надѣлаетъ новыя.

Дружба ея съ матерью моею началась, какъ я сказалъ, съ раннихъ лѣтъ. Мать моя говоритъ, что двѣ ея младшія сестры были отданы въ Екатерининскій институтъ, и ей тоже туда хотѣлось. Надо замѣтить, что бабушка и сама желала до извѣстной степени удалить Оеничку изъ дома, но она трепетала мужа, и безъ вмѣшательства Анны Михайловны никогда бы матери моею не попасть въ институтъ. Почему не желалъ этого дѣдъ—не знаю; но думаю, что онъ до того ненавидѣлъ и презиралъ бабушку, что съ него достаточно было одного подозрѣнія о желаніи жены отдать дочь въ заведеніе, чтобы воспротивиться этому. Именно эти-то ужасныя отношенія отца и матери и были главной причиною, почему ребенку такъ хотѣлось вонъ изъ дома. Когда-нибудь, при другомъ случаѣ, я объ дѣдушкѣ моему, Петрѣ Матвѣевичѣ Карабановѣ, расскажу подробнѣе; онъ былъ, можетъ быть, одинъ изъ самыхъ „выразительныхъ“ представителей того рода прежнихъ русскихъ дворянъ, въ которыхъ иногда привлекательно, а иногда возмутительно сочеталось нѣчто тонкое „Версальское“ съ самымъ страшнымъ, по своей необузданной свирѣпости „азиатствомъ“. Истинный баринъ съ виду, красивый и надменный до-нельзя, во многихъ случаяхъ великодушный рыцарь, ненавистникъ лжи, лихоимства и двуличности, смѣлый до того, что *въ то время* рѣшился кинуться съ обнаженной саблей на губернатора, когда тотъ позволилъ себѣ усомниться *въ истинѣ его словъ*... слуга Государю и Отечеству преданный, энергическій и вѣрный, любитель стихотворства и всего прекраснаго,—Петръ Матвѣевичъ былъ въ то же время властолюбивъ до безумія, развратенъ до преступности, подозрителенъ до-нельзя и жестокъ до безмыслія и звѣрства. Для семьи своей, для дворовыхъ и даже нерѣдко для постороннихъ лицъ онъ былъ истинный „бичъ Божій“, и трудно даже понять, какъ это могли люди жить и дышать подъ одною съ нимъ кровлею! Рассказовъ объ его звѣрскихъ выходкахъ я знаю много; но здѣсь я упомяну только объ одной. Матери моею было лѣтъ семь, восемь; однажды лѣтомъ, въ деревнѣ, бабушка сидѣла на диванѣ съ работою; мать играла около нея въ куклы. Окно около дивана было отворено, и за нимъ снаружи что-то чинилъ плотникъ. Вдругъ вбѣгаетъ дѣдушка (да—именно *вбѣгаетъ*,—рассказывала мать), вбѣгаетъ съ разъяреннымъ, ужаснымъ лицомъ, ни слова

не говоря, кидается на бабушку, хватается ее за горло, опрокидываетъ на диванъ и начинаетъ душить. „У матушки,—разсказывала моя мать,—лицо посинѣло; она не успѣла даже вскрикнуть, а я закричала: „Убейте! убейте!..“ Тогда плотникъ, который работалъ за окномъ, заглянулъ вдругъ въ это окно, увидалъ, что дѣлается и закричалъ: „Баринъ! баринъ! что ты! иль въ Сибирь захотѣлъ!“ Этимъ онъ спасъ жизнь моей матери. Отецъ опомнился, оставилъ мать и молча ушелъ къ себѣ!“

Повода къ этой расправѣ мать моя не помнила; но этихъ поводовъ терзать жену Петръ Матвѣевичъ находилъ такъ много, что не мудрено было и забыть половину ихъ съ тѣхъ поръ. Очень можетъ быть, впрочемъ, что и я выбралъ примѣръ для дѣда моего не слишкомъ невыгодный. Известно, что никто не можетъ легче иной женщины довести и самаго добраго, образованнаго и порядочнаго мужа до потери терпѣнія и до насильственныхъ поступковъ. Я понимаю, что самый благородный человекъ можетъ въ иную минуту ударить женщину и даже порываться убить ее; но дѣдъ мой систематически и нерѣдко хладнокровно преслѣдовалъ жену, и въ отношеніяхъ съ ней не было замѣтно у него и тѣни великодушія или справедливости, а только отвращеніе и постоянная злоба. Я выбралъ этотъ примѣръ, какъ одинъ изъ самыхъ раннихъ; худшихъ случаевъ было много до поступленія матери въ институтъ. Она ужасно жалѣла и сильно любила тогда свою мать; но, вѣроятно, инстинктивно понимала, что она не только помочь ей не можетъ, но даже „вредить своимъ присутвіемъ“. Она считалась „фавориткой“ бабушкиной, и дѣдушка, чтобы только огорчить и ту, и другую, придирался по очереди то къ той, то къ другой; присутвіе „любимицы“ дочери было только мнимымъ поводомъ къ оскорбленіямъ и побоямъ. Въ высшемъ кругу, къ которому принадлежала А. М. Хитрово, конечно не знали всѣхъ подробностей домашней жизни Петра Матвѣевича Карабанова, но, все-таки, могли понимать, что жизнь въ его домѣ не легка, и вотъ почему Анна Михайловна приняла живое участіе въ судьбѣ хорошенькой дѣвочки, которая упала къ ногамъ ея, и даже тайно отъ гордаго дѣда платила нѣсколько лѣтъ за своего друга-ребенка деньги. Отчего дѣдъ, у котораго было около 800 душъ (въ Вяземскомъ уѣздѣ), не хотѣлъ, или не могъ тогда заплатить за дочь—самъ не знаю. Кажется, что въ это самое время и за самня эти 800 душъ у него былъ очень тяжелый процессъ съ

помѣщикомъ Шагаровымъ; а можетъ быть изъ упрямства и каприза.

Во всякомъ случаѣ, понятно, мнѣ кажется, послѣ этого объясненія—почему все то, что касалось до Екатерининскаго института и до всѣхъ лицъ, которыя были связаны съ пятилѣтней въ немъ жизнью, оставило въ сердцѣ матери моей такія свѣтлыя воспоминанія. Я не говорю уже о лицахъ царской фамилии; и теперь любятъ совершенно *идеально* Государя и весь родъ его столь многіе правильно развитые русскіе; я говорю о другихъ. Напримѣръ, о какой-нибудь мад. Брейткопфъ, тогдашней начальницѣ института; она была къ матери моей не совсѣмъ справедлива; но и объ ней мать говорила съ какой-то благодарной почтительностью.

„— Въ эти пять лѣтъ институтской жизни я забыла всѣ домашніе ужасы... Я точно выпила „воды Леты“, любила повторять она.

„Когда я откровенно призналась Аннѣ Михайловнѣ, что хочу воспитываться въ институтѣ (пишетъ моя мать), а родители не отдають, она начала меня уговаривать, утѣшать; но, увидѣвъ, что все бесполезно и что я горько плачу, — велѣла мнѣ уйти въ мою комнату и обѣщала уговорить моихъ родителей. Она точно исполнила свое обѣщаніе; долго оспаривала моего отца, который очень уважалъ ее, но не хотѣлъ въ семъ случаѣ сдать ни на какія убѣжденія и думалъ кончить этотъ споръ, признавшись, что, платя уже за одну изъ своихъ дочерей, онъ, по разстроеннымъ своимъ дѣламъ, не можетъ платить за двухъ. Г-жа Хитрово сказала на это:

„— Oh! si ce n'est que cela, laissez-moi arranger cette affaire?

„Отецъ мой не сдѣлалъ на это никакого возраженія, и г-жа Хитрово тотчасъ уѣхала.

„Черезъ нѣсколько дней отецъ мой получилъ отношеніе изъ канцеляріи Екатерининскаго института, что онъ имѣетъ право представить старшую дочь свою въ институтъ, что она, по волѣ Ея Императорскаго Величества Императрицы Маріи Ѳеодоровны, принята. Батюшка былъ очень удивленъ и какъ будто нѣсколько сконфуженъ этимъ извѣстіемъ; но, не смѣя противиться волѣ царской, черезъ нѣсколько дней представилъ меня въ институтъ, и вскорѣ послѣ того родители мои уѣхали въ деревню. Я много плакала, разставаясь съ ними, — но радость моя быть въ институтѣ служила мнѣ утѣшеніемъ.

Отъ удовольствія я не спала почти всю первую ночь и встала гораздо ранѣе звонка, который, между нами будь сказано, въ послѣдствіи времени часто меня сердилъ:—я любила поспать.

„Я пробыла нѣсколько лѣтъ въ институтѣ, и только въ день выпуска, при выдачѣ квитанцій изъ канцеляріи, мы узнали, что я была пансіонеркой г-жи Хитрово, которая, боясь, чтобы отецъ мой не отказался отъ ея вспомошествованія въ уплатѣ за меня,—увѣрила его, будто-бы я была принята на казенный счетъ. Родители мои, и я въ особенности, были тронуты этимъ тайнымъ благодѣяніемъ, но, къ сожалѣнію моему, я была лишена удовольствія лично ей изъяснить мою признательность: добрая моя благодѣтельница, по какимъ-то причинамъ, оставила на нѣсколько времени Петербургъ, и мы должны были ограничиться письменною благодарностью.

„Это было въ февралѣ мѣсяцѣ 1811 года. Нѣсколько словъ о моемъ пребываніи въ институтѣ. Я имѣла хорошую память, училась порядочно; учителя были мною довольны. По поведенію моему также считалась наравнѣ съ лучшими дѣвицами. Начальница и классныя дамы всегда отзывались обо мнѣ съ похвалою. Я не мало удивлялась, слышавши отъ нѣкоторыхъ дѣвицъ, что онѣ скучали и съ нетерпѣніемъ ожидали своего выпуска. А мнѣ, напротивъ, не хотѣлось оставить института; мнѣ очень нравился тамошній бытъ; я съ нимъ такъ свыклась, что просила начальницу оставить меня пепиньеркой. Она съ удовольствіемъ услышала о моемъ намѣреніи и обѣщала ходатайствовать у моихъ родителей, когда они пріѣдутъ. Я не сомнѣвалась въ успѣхѣ, полагая, что родители мои отчасти отвыкли отъ меня. Нѣсколько лѣтъ они меня не видали; на письма мои они отвѣчали рѣдко. Однако, я жестоко ошиблась. По пріѣздѣ ихъ къ моему выпуску, начальница сдержала данное мнѣ слово и уговаривала ихъ оставить меня въ институтѣ; но они отказали наотрѣзъ.

„Приблизилось время царскихъ экзаменовъ. Ея высочество великая княжна Анна Павловна всегда сопутствовала Императрицѣ. Съ перваго раза, когда меня вызвали къ доскѣ для экзамена при Ихъ Величествахъ, и во всѣ дни экзамена, великая княжна неоднократно подходила ко мнѣ и дѣлала мнѣ разные вопросы. Она спросила у меня однажды, имѣю ли я родителей и гдѣ они?—На мой отвѣтъ, что они теперь здѣсь, пріѣхали за мной, она спросила: „Probablement vos parents sont impatients de vous avoir auprès d'eux?“—Я отвѣчала: „Je crois,

madame, car c'est presque contre leur gré, qu'ils m'ont vu placée ici". Ея высочество послѣ моего отвѣта ничего уже болѣе мнѣ не сказала".

Мать много разоказывала мнѣ о своей мечтѣ остаться въ институтѣ пепиньеркой и жить въ Петербургѣ. Она продолжала объ этомъ думать и по возвращеніи въ домъ отца, до самаго дня своего замужества.

Въ домѣ отца, какъ я уже говорилъ, ее многое возмущало; „вода Леты“, которую она выпила, вступая въ тихую, мирную, веселую и въ то же время монастырски-правильную жизнь въ институтѣ, не была водой вѣчнаго забвенія;—она скоро убѣдилась въ этомъ!.. Что ожидало ее дома?—Угнетенная мать; отецъ свирѣпый и развратный; сестра вторая—Марфочка—оказалась подругой лживой и лукавой; любимый младшій братъ остался въ Петербургѣ; несмотря на свое малолѣтство, онъ былъ зачисленъ на службу при поэтѣ Дмитріевѣ, который былъ тогда министромъ. Въ близкомъ будущемъ идеально и возвышенно-настроенную дѣвушку ждали еще болѣе тяжкіе перевороты:—она очень скоро горько разочаровалась въ матери своей, которую въ дѣтствѣ она обожала и считала только невинной жертвой отца-тирана; она узнала, что мать ея крайне фальшива и неблагородна; увидала, что она держитъ себя безъ всякаго достоинства, и сама, весьма неблаговидными свойствами души своей, нерѣдко подаетъ поводъ отцу къ жестокости и довольно основательному презрѣнію.

Ей пришлось убѣдиться, что этотъ свирѣпый отецъ, котораго она такъ боялась и не любила въ дѣтствѣ, отъ котораго она бѣжала съ такимъ вожделѣніемъ въ закрытое училище, гораздо прямѣе, честнѣе, благороднѣе этой, казалось, бѣдной, гонимой любимой матери. Сколько ни старалась она извинять мать тѣмъ, что она угнетена,—вѣрный нравственный инстинктъ продолжалъ, противъ воли, охлаждать прежнее дочернее чувство и, позднѣе, смерть дѣда оправдала этотъ инстинктъ. Всѣ непріятныя качества бабушки обнаружались съ новой силой, когда грозы надъ ней уже не стало.

Она сама была вовсе не добра, не мягка, не великодушна. Уже тотчасъ по выходѣ изъ института въ Петербургѣ, даже въ домѣ Кутузовыхъ, дѣдушка позволилъ себѣ нѣсколько выходовъ, которыя доказали матери моей, что *все въ семьѣ ихъ по-старому!* Понятно, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни правильной, мирной, размѣренной, совершенно сообразной съ ха-

ракторомъ моей матери (доходившей въ любви къ порядку и къ изяществу чуть не до болѣзненности), ей не хотѣлось жить среди деревенской помѣщичьей распущенности и привыкать почти къ преступному самодурству необузданнаго отца—послѣ истинно-человѣчнаго, нѣжнаго даже, при всей своей строгости, обращенія институтскаго начальства.

Но идеальное воспитаніе закрытаго заведенія сдѣлало свое дѣло; мать была тверда и чиста въ своихъ побужденіяхъ, и потому смѣлѣе всѣхъ въ своей семьѣ. Дѣдъ сталъ ея бояться и уважать, и его скоро стало даже видимо стѣснять ея присутствіе. Протестъ этотъ былъ почтительный и большею частью безмолвный, но въ двухъ-трехъ случаяхъ она высказала ему прямо свое негодованіе, — и дѣдушка смутился, и перенесъ эти выходы съ удивившимъ всѣхъ терпѣніемъ. Быть можетъ, въ нихъ онъ увидалъ въ болѣе мягкой и женской формѣ лучшія движенія собственнаго сердца, по природѣ прамаго и честнаго. И вотъ онъ начинаетъ уважать эту гордую, преданную, умную, красивую и безстрашную дочь, отъ которой впервые слышалъ правдивые укоры — уважать... Да! Но она все таки *стѣсняетъ* его своимъ присутствіемъ! Изъ Петербурга онъ, вѣроятно, желалъ взять ее во что бы то ни стало и не позволялъ и думать ей о жизни въ институтѣ; онъ любилъ жить открыто и весело въ своемъ уѣздѣ, и ему, конечно, весьма пріятно было украсить свой домъ такой красивой и образованной дочерью... Но когда, живя въ имѣніи, онъ увидалъ, что „нашла коса на камень“, и что зоркій глазъ и суровая критика этой дочери хотя и почтительно, но все-таки слѣдятъ за нимъ и не даютъ ему привольно и покойно творить тѣ чудеса, которыя творить ему хотѣлось несмотря на старость, онъ поспѣшилъ отдать ее за-мужъ за отца моего, который, надо сказать, былъ ей ни въ какомъ отношеніи не пара: ни по уму, ни по нравственнымъ свойствамъ, ни по воспитанію, ни даже по наружности, ибо хотя онъ и былъ мужчина и очень видный, но до матери ему было и съ этой стороны очень далеко. Выросшая на восьми-стахъ дѣдовскихъ душахъ, мать вышла по волѣ родителей, — безъ всякой любви къ жениху и, почти не зная его, стала жить замужней женщиной и воспитывать дѣтей на *семидесяти* душахъ запущеннаго мужемъ и вовсе не доходнаго Калужскаго имѣнія.

Всѣ лучшія воспоминанія ея были далеко за предѣлами того скромнаго и ужь, конечно, не *эстетическаго* помѣщичьяго

круга, въ которомъ протекала въ деревнѣ ея замужняя жизнь. Но въ этихъ стѣсненныхъ условіяхъ мать моя умѣла устроить такую строго-порядочную жизнь, такую тонкую, такую осмысленную, такую „культурную“ (говоря нынѣшнимъ языкомъ), что я, хотя и много уже пожилъ и видалъ всего, кажется, не мало на своемъ вѣку, но никогда и нигдѣ не видалъ у другой женщины столько вкуса въ образѣ жизни *при такихъ незначительныхъ средствахъ*. Что это не пристрастіе, а истина—могутъ засвидѣтельствовать и теперь нѣкоторые знакомые наши, еще живущіе на этомъ свѣтѣ ¹⁾).

Этотъ маленькій міръ прекраснаго, который создала мать моя въ своемъ тѣннстомъ, веселомъ и, въ то же время, романтическомъ, задумчивомъ Кудиновѣ, былъ бѣднымъ, хотя и привлекательнымъ отраженіемъ тѣхъ высшихъ общественныхъ сферъ, которыя имѣли такое рѣшающее вліяніе на ея молодость. Она никогда не могла и не желала ихъ забыть и до конца жизни любила свой *прежній* Петербургъ, тотъ Петербургъ, который любимъ былъ и Пушкинымъ и котораго дорога ей черты она умѣла находить и въ новомъ Петербургѣ, теперь столь омерзительномъ.

Провести нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ на берегахъ Невы, въ самой скромной комнатѣ, бывать одной-одинешенькой въ театрѣ, посѣщать изрѣдка немногихъ изъ постарѣвшихъ, подобно ей, знакомыхъ высшаго круга, стало подъ старость для нея необходимой потребностью.

Ей пріятно было видѣть мѣсто ея, хотя и неудавшихся, но пріятныхъ надеждъ... Какія же эти были ея надежды въ годы юности? Она не скрывала ихъ отъ насъ близкихъ... Великая княжна Анна Павловна хотѣла взять ее къ себѣ во фрейлины; это она узнала, конечно, отъ семьи Кутузовыхъ, и тотъ разговоръ при выпускѣ, который великая княжна такъ внезапно прервала и „больше не говорила“ съ ней, имѣлъ именно этотъ смыслъ.

Можетъ быть, еслибы мать моя была похитрѣе и подогладливѣе, она не отвѣтила бы великой княжнѣ такъ рѣшительно, и вся судьба ея направилась бы иначе; ибо и дѣдушка, кото-

---

¹⁾ Тотчасъ по напечатаніи этого, я получилъ письмо отъ кн. С. В. М.—ой съ выраженіемъ сочувствія и подтвержденіемъ всего сказаннаго мною. Княг. М.—дочь покойной княг. Ек. Ал. Оболенской, сосѣдки нашей по имѣнію.

рый вовсе не желалъ оставить дочь пепиньеркой для того лишь, чтобы ей предстояла скромная карьера классной дамы и много, много инспектриссы институтской, — совершенно иначе взглянулъ бы на дѣло, еслибы зналъ, что, оставляя дочь въ институтѣ обыкновенной пепиньеркой на короткое лишь время, онъ ей готовить должность при дворцѣ. Но мать, при всемъ огромномъ умѣ своемъ, не только смолоду, но и подѣ старость, была не ловка, не хитра и не догадлива, а смолоду еще была къ тому же очень застѣнчива.

Но вотъ приблизился выпускъ. Мать моя, одна изъ лучшихъ, способныхъ и старательныхъ воспитанницъ, надѣялась получить *шифръ*; изъ подругъ ея многія тоже были увѣрены, что Фанни Карабанова получить его или, по крайней мѣрѣ, медаль. Но всѣ онѣ ошиблись.

„Послѣ экзамена Императрицы (разсказываетъ мать), собранъ былъ совѣтъ для назначенія наградъ. Совѣтъ состоялъ изъ г-жи Брейткопфъ, инспектора г-на Малоземова, двухъ или трехъ учителей и двухъ совѣтниковъ при Еватерининскомъ институтѣ: г. Новосильцева и г. Румянцева. Наградъ было, кажется, пятнадцать; пять вензелей золотыхъ литера *M* съ короной и кокардой; старшинство ихъ обозначалось тѣмъ, что на кокардѣ изъ бѣлыхъ лентъ были пунцовыя полоски: на первой одна, на второй двѣ полоски и т. д. Золотыхъ медалей было пять: достоинство ихъ обозначалось величиной и, кажется, съ надписью. Серебряныхъ медалей тоже пять и въ такомъ же порядкѣ, какъ и золотыя медали.

„Не помню всѣхъ дѣвицъ, которыя получили награды, но кажется, что первый вензель получила княжна Варвара Сергѣевна Гагарина; второй — Наталья Васильевна Зиновьева; третій — Надежда Павловна Шипова; четвертый — графиня Розалія Шальо, дочь эмигранта, и пятый — Анна Алексѣевна Окулова. Объ медаляхъ не помню.

„У старшаго класса прекратилось ученіе послѣ экзаменовъ, и дѣвицы, по вольности дворянства, ничѣмъ не занимались; ходили изъ класса въ классъ, изъ дортуара въ дортуаръ; толковали объ ожидаемыхъ надеждахъ; дѣлали прожекты для свѣтской жизни. Желаніе, однакожь, у всѣхъ было знать объ наградахъ, и онѣ просили г. Парисъ ¹⁾ увѣдомить ихъ, когда назначатся награды въ совѣтѣ.

¹⁾ Племянникъ г-жи Брейткопфъ — François Paris; онъ былъ учителемъ французскаго языка въ младшемъ классѣ.

„Какъ скоро совѣтъ кончился, г. Парисъ пришелъ въ 1-ое отдѣленіе старшаго класса. Только-что онъ вошелъ, всѣ дѣвицы окружили его съ разспросами. На лавкахъ осталось немного; въ томъ числѣ осталась и я. Г. Парисъ назвалъ по очереди всѣхъ пятнадцать дѣвицъ, получившихъ награды. Когда назвалъ послѣднюю (это была Обрѣзкова),— всѣ дѣвицы закричали: „C'est impossible!“ Мы, оставшіяся на лавкахъ, слушали внимательно. Вдругъ всѣ дѣвицы обратились въ мою сторону и закричали: „Et Karabanoff, l'ainée?“ Г. Парисъ отвѣчалъ: „Rien, mesdames“.— „Est il possible, mais elle surpassa Obreskoff en tout, en conduite, comme en savoir“. Г. Парисъ взглянулъ на меня грустно и, махнувъ рукой, хотѣлъ уйти, но дѣвицы остановили его и спросили: „Mais quelle raison donne-t-on pour cette préférence?“ Тотъ отвѣчалъ: „On dit, m-elle Karabanoff est restée peu de temps à l'institut, et que l'autre est restée bien d'avantage“. Съ этими словами онъ ушелъ.

„Дѣвицы долго ворчали и оказывали свое негодованіе. Къ счастью, что Обрѣзковой тогда не было въ классѣ.

„Вдругъ одна изъ дѣвицъ (Васильева) отдѣлилась изъ толпы, прибѣжала ко мнѣ, бросилась ко мнѣ на шею со слезами и говорила: „C'est moi qui est cause que vous n'avez pas reçu de récompense!“ Я сказала: „Comment cela, ma chère?“ Она отвѣчала на это: „Вы, можетъ быть, не знали, что я орденская, и потому меня предпочли вамъ, хотя вы больше меня заслуживаете“. Я встала, поцѣловала ее, благодарила ее за участіе и старалась ее увѣрить, что не она въ этомъ случаѣ виновата, а судьба.

„Въ день раздачи наградъ случилась-было большая неприятность для меня. Дѣвицы, какъ я и прежде упоминала, недовольны были, что медаль доставалась Обрѣзковой, а не мнѣ, и потому въ заднихъ рядахъ, между дѣвицами, началось тихое совѣщаніе, чтобы въ ту минуту, когда Обрѣзкова будетъ подходить для полученія медали, воѣмъ имъ закричать въ одинъ голосъ: „Elle ne merite pas“. Къ счастью, вторая сестра моя, услышавъ объ этомъ намѣреніи, вышла тихонько изъ рядовъ и пошла предупредить объ этомъ классную даму, которая, подошедъ къ дѣвицамъ, старалась уговорить ихъ этого не дѣлать, увѣряя, что черезъ этотъ неумѣстный поступокъ онѣ сдѣлаютъ мнѣ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Сестра тихонько плакала и тоже ихъ упрасивала не дѣлать этого. Наконецъ

они успокоились и предоставили Обрѣзковой получить покойно свою медаль.

„Въ день раздачи наградъ, когда я подошла къ Ея Императорскому Величеству съ первымъ поклономъ, начальница наша отнеслась обо мнѣ съ похвалою, Императрица повторила нѣсколько разъ: „*Bien, mon enfant, très bien; je ne l'oublierai pas*“. Удостоила меня поцѣловать, и я отошла на свое мѣсто.

„Вскорѣ послѣ выпуска я уѣхала въ деревню съ моими родителями, и въ томъ же году меня выдали замужъ. Я говорю: выдали, потому, что я не о замужествѣ думала, но все еще льстила себя пріятною надеждою—быть когда-нибудь пелиньеркой въ Екатерининскомъ институтѣ“.

Что же случилось такое?.. Почему не наградили Фанни Карабанову?

Племянникъ г-жи Брейткопфъ, Парисъ, „махнулъ рукой“ и ушелъ, не желая продолжать разговоръ. Матушка почему-то умалчиваетъ въ Запискахъ своихъ о томъ, что, въ этомъ случаѣ, со стороны начальницы была видимая несправедливость. Можетъ быть, она не хотѣла бросить невыгодную тѣнь ни на кого изъ тѣхъ, которыхъ имена связаны съ самыми дорогими для нея воспоминаніями, или, еще вѣрнѣе, глубокое, до религіознаго чувства доходившее, уваженіе ея къ царской фамиліи не допускало ее упомянуть на бумагѣ почти ни о чемъ побочномъ или второстепенномъ; но вѣрно только то, что въ разсказахъ ея, я помню, очень ясно просвѣчивало подозрѣніе о какихъ-нибудь интригахъ богатыхъ и сильныхъ людей въ пользу другихъ дѣвушекъ... Напримѣръ, мать не привела здѣсь собственныхъ словъ г-жи Брейткопфъ, которыя я даже запомнилъ очень твердо:

— Карабановой нельзя не дать шифра... *Elle me l'agache*...

„Вырываетъ—прилежаніемъ, умомъ, примѣрнымъ поведеніемъ“...

Въ этихъ словахъ „она его у меня вырываетъ“ — ясно видна борьба справедливости съ какими-нибудь иными чувствами и вліяніями.

Мать моя, должно быть, дѣйствительно, могла „импонировать“ въ молодости своей дѣвовитостью, исполнительностью, умомъ и тому подобными серьезными свойствами. Если сопоставить то впечатлѣніе, которое она производила почти на всѣхъ, уже будучи пожилой женщиной и главою семьи, съ разсказами о ней другихъ лицъ, помнившихъ ее молодою, и

*

съ ея собственными сужденіями о своихъ личныхъ тогдашнихъ качествахъ и недостаткахъ,—то станетъ ясно, что она была дѣвушка чрезвычайно способная, основательная, твердая, великодушная и пріятная, нѣсколько гордая по натурѣ, но покорная властямъ по принципу, и вмѣстѣ съ тѣмъ довърчивая до простоты и, какъ я сказалъ, вовсе ужь не хитрая, не ловкая и не остроумная. Она была и въ старости въ высшей степени женственна — со стороны тонкаго изящества, привычекъ и вкусовъ, и долго хранила слѣды замѣчательной красоты; но по уму ясному, широкому и серьезному, и по характеру твердому и прямому, доходившему нерѣдко до безтактности и неумѣнья обращаться искусно съ окружающимъ. — она больше похожа была на вспыльчиваго и крутаго мужчину.

Конечно, не одна же красота и миловидность ея привлекали на нее вниманіе Императрицы Маріи Ѳеодоровны и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, а все вмѣстѣ взятое.

Несмотря на явную несправедливость къ ней начальницы, г-жи Брейткопфъ, и членовъ совѣта, мать моя, до того любила Екатерининскій институтъ и свою о немъ память, что сохранила небольшую записку, написанную при выпускѣ ей на память, на маленькомъ клочкѣ *очень* простой бумаги, этой самою г-жею Брейткопфъ.

Вотъ содержаніе этой французской записки, въ которой ничего нѣтъ, кромѣ общихъ мѣстъ, весьма обыкновеннаго доброжелательства:

„J'aime toutes les élèves de l'Institut, aucune ne m'est indifférente, et elles ont toutes le pouvoir de me rendre heureuse.

„Vous êtes une de celles qui se sont constamment bien conduites. Vous ne nous avez jamais donné des sujets de mécontentement. Vous avez fait valoir ce que la nature vous a donné de bien.—Je vous aime avec plus de sécurité; je jouis de mon sentiment, parce que je suis sûre que vous ne le troublez jamais. Allez, chère et aimable enfant, suivez vos estimables parens, vivez pour leur obéir et pour les rendre heureux; il en résultera leur bienfaisantes bénédictions, et le bonheur que Dieu a promis à l'enfant soumis. Mes tendres vœux vous suivront partout“.

„A. Breitkopf“.

Я сказалъ, что мать сберегла эту незначительную записку, я выразился слабо, — она хранила ее, какъ нечто драгоценное... У меня цѣла деревянная урна чернаго цвѣта съ бронзовымъ рельефнымъ распятіемъ на верху. Урна эта той обык-

новенной формы, которая встрѣчается часто у насъ на могильныхъ памятникахъ. Спереди на бѣлой дощечкѣ вырѣзаны самой матерью слова:

„*Souvenirs précieux*“.

Урна выточена очень чисто и правильно изъ какого-то простаго дерева домашнимъ крѣпостнымъ столяромъ и покрышена черной краской такъ хорошо, что, не зная, можно принять ее за надѣліе изъ настоящаго чернаго дерева. Въ этой-то урнѣ мать моя хранила нѣсколько предметовъ для нея въ разномъ смыслѣ одинаково дорогихъ:— по одному *хорошему* письму отъ дѣтей (есть одно и мое, 1849 г., когда мнѣ было 18 лѣтъ); предсмертное послѣднее письмо бабушки Александры Эпафродитовны Карабановой, съ просьбой исполнить одно ея послѣднее, завѣтное и доброе желаніе; цвѣтокъ (синій бель-де-нюи), нарисованный любимой золовкой Ливой Леонтьевой, которая ее обожала и прожила очень недолго; другой—моей теткой Варварой Борисовной Лентьевой—вышитая шелками на небольшой бумажкѣ пестрая бабочка. На бумажкѣ надпись рукой матери: „*Emblème de M-m Dournoff*“. И въ отвѣтъ на это надпись Вас. Дм. Дурново: „*Il l'était avant de vous avoir connu*“. И, наконецъ, дѣтскіе *исправительные* стихи одного изъ братьевъ моихъ:

„Родителямъ и жизнь, и душу, и мысль посвятимъ!
Отъ нихъ имѣемъ все—и все имъ отдадимъ;
Тогда на насъ сойдетъ Небесъ благословенье,
И въ счастья будемъ жить мы каждое мгновенье“.

Дѣтскіе стишки эти, выписанные, вѣроятно, изъ книжки еще въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія, имѣли для матери моей, конечно, огромное значеніе. Этотъ братъ мой, Александръ, былъ въ дѣтствѣ и юности своей сынъ самый любящій изъ всѣхъ насъ, и самый любимый, и самый привлекательный по характеру и наружности; но въ годамъ 30-ти онъ сталъ далеко не тѣмъ, чѣмъ общалъ быть въ своемъ миломъ дѣтскомъ и юномъ возрастахъ. Понятно, что мать съ глубокимъ и болѣзненнымъ чувствомъ берегла эти стишки, драгоценные для нея, какъ воспоминаніе тѣхъ лучшихъ дней, когда этотъ любимый Саша бѣгалъ по Кудиновскому саду въ курточкѣ съ отложнымъ гофрированнымъ воротничкомъ, и никто не могъ думать, глядя на его милое и доброе лицо, какъ мало оправдаетъ онъ добрыя надежды, возлагаемыя на него.

Въ этой же урнѣ я нашелъ и замѣтку о послѣднихъ дняхъ жизни Императрицы Маріи Феодоровны.

Есть въ ней еще небольшое письмо любимой тетки материнской, подруги ея молодости и почти ровесницы ей, Ѳедосьи Эпафродитовны Станкевичъ, въ замужествѣ Алалыкиной. Эта женщина, сверхъ того серьезнаго значенія, которое можетъ имѣть для каждаго человѣка сверстникъ или сверстница, родственникъ или родственница, связанная связью дружбы въ теченіе *пятидесяти слишкомъ лѣтъ*, имѣла на мать мою даже издали (изъ костромскаго имѣнія своего) особаго рода хорошее вліяніе: какое-то *идиллическое*, успокоивающее. Она была бездѣтна, очень счастлива съ мужемъ своимъ Алалыкинымъ, съ которымъ и прожила долго и покойно, какъ Бавкида съ Филемономъ. Это *последнее* письмо Ѳедосьи Эпафродитовны писано ею вскорѣ послѣ эмансипаціи, и старая помѣщица, бывшая дѣвницей еще во времена Павла I, очень охотно и мужественно мирится съ новыми и почти неожиданными либеральными порядками. Я знаю, что на мать эта любимая тетка, этотъ другъ дѣтства и юности, всегда вліяла успокоительно, свѣтло и отраднo; я за это любилъ эту бабушку, почти не зная ея лично, ибо помню ее мелькомъ только въ дѣтствѣ.

И такъ, въ этой урнѣ собраны матерью моею за *полѣтъкѣ слишкомъ* небольшіе по объему, но великіе по значенію для сердца ея, предметы, напоминавшіе ей, въ разныя эпохи ея жизни, людей, совершенно не схожихъ между собой, или схожихъ только тѣмъ, что они всѣ, каждый по-своему, играли значительную роль въ ея наполненной, не даромъ протекшей, довольно долгой жизни (она скончалась 79 лѣтъ въ 1871 году). Начиная отъ воспоминаній о боготворимой Царицѣ и кончая цвѣткомъ любимой золовки, дѣтскими стихами и вышитой по бумагѣ бабочкой съ любовнымъ комплиментомъ свѣтскаго и красиваго барина, — здѣсь есть намѣки на всё и отрывки всего, радостно или грустно волновавшаго въ теченіе жизни ея сильную душу.

И вотъ въ этой же урнѣ я нахожу не только ничтожную записку мадамъ Брейткопфъ, но и другое французское писмецо инспектрисы Маріи Альбрехтъ, и еще стихи институтской подруги, княжны Прозоровской. Письмо госпожи Альбрехтъ мнѣ нравится больше, чѣмъ письмо директрисы; въ немъ все-таки замѣтно, что г-жа Альбрехтъ понимала, *чего именно* можно ожидать отъ „Ганну Карабановой“; чѣмъ она особенно отличается: „благоразуміемъ, твердостью, трудолюбіемъ...“

„Ma chère amie! — пишетъ mad. Альбрехтъ: — Je suis très sensible à la preuve d'amitié que vous me donnez en désirant que j'écrive quelques lignes dans votre livre de souvenir. Je ne saurais vous parler que de l'admiration et de l'attachement que vous m'avez inspirée par votre conduite sage, vos manières aimables, votre constante application dont j'ai eu des preuves évidentes au dernier examen; car les progrès que vous avez fait dans le peu d'années que vous êtes à l'Institut m'ont étonnée et me font faire le voeu d'avoir beaucoup d'élèves qui sauraient comme vous employer leur temps, et si bien profiter de l'éducation qu'on donne ici. Continuez, ma chère amie, à vous distinguer dans la grande société de ce monde, comme vous l'avez fait chez nous; les devoirs y sont plus pénibles, les fautes qu'on y pourrait faire plus graves; mais une jeune personne de votre façon de penser écoutera la voix de la raison, et tachera toujours d'avantage d'acquiescer des forces pour combattre ses passions, afin de rester sur la chemin de la vertu. Relisez ces lignes pour vous rappeler d'une personne qui vous aime avec tendresse et qui désire vivement votre bonheur.

Votre toute dévouée amie

1811.

Marie Albrecht“.

На письмѣ есть слѣдующая приписка матери:

„Elle est morte en 1812. Inspectrice de l'Institut.

„Tu n'est donc plus, adorable personne? Je t'ai perdu sans retour! Que cet unique souvenir qui me reste de toi me sera cher et sacré jusqu'à ma mort!“

Стихи молодой княжны тоже очень милы; и, зная, до чего въ годы ученія были дружны между собой молодья дѣвушки, — одна серьезная (мать моя), — другая веселая и проказница, — вѣришь и чувствуешь, что они писаны съ самымъ искреннимъ чувствомъ.

Насталъ разлуки горькій часъ.

Прости, мой другъ; въ послѣдній разъ

Тебя я къ сердцу прижимаю,

Хочу сказать — не плачь, и слезы проливаю.

Но такъ назначено судьбой,

Прости... и Ангелъ мира

Въ дыханіи зефира

Да вѣетъ за тобой.

P. P...y.

(„Княжна Прас. Прозоровская написала эти стихи въ день нашей разлуки; мы воспитывались вмѣстѣ въ институтѣ, были

въ одномъ классѣ, въ одномъ отдѣленіи, въ одномъ дортуарѣ, были дружны. Вышли изъ института въ одинъ день и разстались навсегда въ 1811 году 21 февраля⁴). Эти строчки прибавлены моею матерью.

Эти три бумажки: письмо любимой инспектрисы, стихи избранной сердцемъ подруги и *даже* ничтожная записка несправедливой начальницы—хранились матерью какъ святыня всегда въ числѣ воспоминаній самыхъ глубокихъ и самыхъ лучшихъ.

Вотъ до чего любили тогда люди тѣ училища, въ которыхъ воспитывались!..

То ли могла бы теперь видѣть мать моя въ правнукахъ своихъ? Осуждать, корить всѣхъ и все,—вотъ что предпочитаютъ „нынѣшніе люди“, переступая за порогъ воспитавшаго ихъ училища!..

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

(До слѣд. №).

НАШЕ ВОЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ.

Продолженіе записки полковника Черткова. — Типъ стараго кадета. — Критика прежняго воспитанія и ихъ смѣлость. — Высочайшіе рескрипты. — Великій князь Михаилъ Павловичъ, какъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній. — Закрытіе корпусовъ. — Юнкерскія училища. — Военныя начальныя школы — Баталіоны кантонистовъ. — Составъ новыхъ заведеній. — Военныя училища и военныя гимназіи. — Составъ воспитателей и выборъ учителей. — Отсутствіе наружныхъ отличій. — Военныя прогимназіи. — Возвращеніе къ прежней системѣ. — Упраздненіе военныхъ гимназій и ихъ обращеніе въ кадетскіе корпуса. — Заключение.

Совѣтуя измѣнить систему военнаго воспитанія и передать общее образованіе министерству народнаго просвѣщенія, полковникъ Чертковъ проводилъ въ своей запискѣ идеи совершенно противоположныя военнымъ принципамъ. Такъ, напри- мѣръ, онъ полагалъ возможнымъ уничтожить въ заведеніяхъ военную организацію, предлагалъ раздѣлить юнкеровъ на курсы, допустить въ широкихъ размѣрахъ производство во офицеры изъ нижнихъ чиновъ. Заговариваясь до такой степени, проектировщикъ новой организаціи находилъ подобный способъ укомплектованія арміи офицерами средствомъ поднятія нравственнаго элемента ¹⁾.

Если читателю интересно знать взгляды Черткова на мѣру, черезъ которую правительство рассчитывало распространить

---

¹⁾ Записка полковника Черткова, стр. 9 и 18.

въ арміи образованіе, но вотъ какъ смотрѣлъ онъ на кончившихъ курсъ въ академіи и возвращавшихся въ строй. „Отъ возвращавшихся во фронтъ офицеровъ, послѣ окончанія курса въ академіи, войска не получаютъ никакой пользы. Эти офицеры не любятъ фронтной службы, они ушли отъ нея въ академію, а за тѣмъ, вернувшись, еще съ большимъ отвращеніемъ относятся къ ней и переносятъ свою нелюбовь на своихъ товарищей ‘).

Въ предшествовавшей статьѣ было сказано, что прежде свсей записки Чертковъ представилъ описаніе Сен-Сирской военной школы. По образцу этого заведенія предполагалось устроить наши военные училища, но вышло нѣчто иное. Тамъ требовалось полное повиновеніе, безусловное исполненіе приказаній, безъ возраженій и ропота. За малѣйшее нарушеніе дисциплины строго наказывали и даже исключали. Тамъ внутренній порядокъ поддерживали отвѣтственностію фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ изъ воспитанниковъ, имѣвшихъ право налагать взысканія; въ аппликаціонныхъ комнатахъ, на столахъ для занятій, всякій имѣлъ свое мѣсто и не могъ занять другое; въ классахъ никто не имѣлъ права спрашивать о выставленной отмѣткѣ, словомъ, требованія порядка и дисциплины проведены были во всѣ фазисы жизни. Въ нашихъ кадетскихъ корпусахъ не было и половины подобнаго педантизма, а ихъ-то больше всего и осуждали за излишекъ военнаго режима.

Раздѣлявшіе взглядъ полковника Черткова особенно часто жаловались на то, что начальство корпусовъ допускало существованіе въ нихъ такъ называемаго типа „старого кадета“; но они не понимали ни его значенія, ни безвредности его особенностей.

При наружной оригинальности „старый кадетъ“ въ дѣйствительности былъ человѣкомъ добрымъ и честнымъ. По тупости или отъ лѣности онъ дурно учился, былъ старожиломъ своего класса. Не переводили его въ слѣдующій иногда и потому, что учителя, взглянувъ на него какъ на отсталаго и неспособнаго, оставляли его въ покоѣ. Позволяя себѣ нѣкоторыя отступленія отъ формы всендневной одежды, старый кадетъ носилъ куртку пошире, самъ вставлялъ клинья внизу панталонъ, надѣвалъ шапку на затылокъ, заворачивалъ обшлага рукавовъ.

---

1) Тамъ же стр. 14.

Большеею частью это былъ отличный фронтвикъ и какъ обладающій силою—первый гимнастеръ роты. Въ то же время, онъ былъ ярый гонитель ябеды и лести, защитникъ новичка и обиженнаго, ненавистникъ притворщика и врагъ интригана. Онъ охотно принималъ на себя вину товарища, а иногда и цѣлаго класса, и сильно отплачивалъ тому, кто выдавалъ виновнаго. Онъ не любилъ ходить въ отпускъ: корпусъ былъ его домомъ, рота—его семьею. Первый басистъ въ хорѣ пѣсенниковъ, первый игрокъ въ лапту и въ городки, онъ страстно любилъ лагерное время. Если онъ не особенно дурно велъ себя, его обыкновенно выпускали въ гарнизонъ, въ противномъ случаѣ юнкеромъ, года на 2 или на 3. И то и другое онъ не считалъ наказаніемъ, потому что не претендовалъ на лучшее. Такихъ старыхъ кадетъ было два, много три человекъ въ ротѣ; вла они не дѣлали и, сколько мы ихъ знали на службѣ, изъ нихъ выходили честные и ретивые служивые. Конечно далѣе инвалидной или этапной команды они не шли, но солдаты всегда любили ихъ.

Прочитывая записки остальныхъ лицъ, призванныхъ къ представленію въ комитетъ своихъ заключеній, находимъ указаніе, что приказъ о преобразованіи военно-учебныхъ заведеній состоялся ранѣе, чѣмъ эти заключенія были рассмотрѣны. Поэтому и неудивительно, что все сказанное въ пользу кадетскихъ корпусовъ въ запискахъ: Строгонова, Медема, Сутгофа и Платова осталось непримѣненнымъ. Въ упомянутомъ приказѣ были изложены общія основанія реформы ¹⁾.

Вскорѣ обнаружилось, что учащіеся въ гражданскихъ заведеніяхъ чуждаются военной карьеры; тогда рѣшено было обратитъ кадетскіе корпуса въ военныя гимназіи, за которыми и оставить общее образованіе, поставивъ его на другія основанія, спеціальное же—передать въ особые заведенія, назвавъ ихъ юнкерскими и военными училищами. Такое, заранѣе принятое рѣшеніе, было безповоротнымъ. Нѣкоторые изъ начальниковъ заведеній отнеслись къ реформѣ индифферентно, другіе съ осторожностію, но многіе — съ поразительною смѣлостію. Послѣдніе били прямо на то, чтобы изъ воспитанія было исключено все имѣющее военный характеръ, а потому рѣшено было организовать военныя гимназіи на гражданскихъ началахъ,

---

¹⁾ Записка Шестакова, стр. 2.

но закрытыми, съ нѣкоторыми только не значительными уступками въ пользу военнаго режима. Управление каждой подчинялось совѣту изъ директора, инспектора и учителей, съ тѣмъ, чтобы всѣ служащіе, кромѣ директора, были гражданскіе, „потому что вмѣшательство военнаго элемента нарушило бы гармонію заведенія“ ¹⁾). Предложившіе это покрѣпили свои доводы тѣмъ, что когда учреждали кадетскіе корпуса, то имѣли въ виду сдѣлать ихъ для дворянскаго высшаго сословія. „Теперь—писали они—не то; теперь *образование проникло во все слои общества*; какой же смыслъ ограничивать пріемъ одними дворянскими дѣтьми, когда военная служба даетъ чинъ офицера всякому выдержавшему экзаменъ“.

Читая это, невольно думаешь, какъ быстро все измѣнилось въ воображеніи людей, жаждавшихъ ломки. Они же утверждали, что въ началѣ 50 годовъ образованіе не существовало и вдругъ, черезъ 8 только лѣтъ „оно проникло во всѣ слои общества“. Такого сорта критикамъ военнаго воспитанія прежней системы разрѣшалось тогда официально писать, „что чудовищные эпизоды изъ военнаго быта указываютъ на ужасающія явленія, случающіяся въ полкахъ отъ невѣжества начальниковъ“ ²⁾). Это допускалось, это нравилось, какъ нравилось и то, что литература 60-хъ годовъ облекала каждый единичный случай въ общее явленіе, разжигала въ юношествахъ и въ молодой военной средѣ ненависть къ общему строю государства, чернила военное званіе и безнаказанно клеймила армію. Поборникамъ нововводимой системы сильно хотѣлось наполнить ее отбросками университетовъ. Они даже ссылались, будто князь Горчаковъ говорилъ, что въ Севастополѣ онъ считалъ лучшими офицерами производимыхъ прямо изъ студентовъ, не бывшихъ юнкерами. Стоитъ сопоставить эту выдумку съ словами еще болѣе тенденціозными. „Образованные люди—писалъ Шестаковъ—и прежде не питали расположенія къ военной службѣ, а въ послѣднее время офицерство потеряло свою цѣну въ глазахъ и тѣхъ, которые обольщались военными орнаментами“ ³⁾). Авторъ той же статьи подтверждалъ свои взгляды ссылкой на англійскаго историка Бокля, приводя его слова: „чѣмъ образованнѣе нація, тѣмъ ничтожнѣе въ ней военное сословіе“.

¹⁾ Записка Шестакова, стр. 3.

²⁾ Тамъ же, стр. 6.

³⁾ Записка Шестакова, стр. 8.

Замѣчательно, что, наговоривши столько нежелательнаго для кадетскихъ корпусовъ и изливъ на нихъ все свое негодованіе, тотъ же критикъ заканчиваетъ свою записку такимъ образомъ: „Что бы ни говорило общественное мнѣніе противъ корпусовъ, которые, приманкою дароваго воспитанія, вербуютъ юношество для извѣстныхъ цѣлей, правительство, въ виду затрудненій снабженія арміи образованными офицерами, не можетъ закрыть эти заведенія, хотя бы и само желало этого“¹⁾.

Это уже отзывается изъяснителемъ, особенно если обратить вниманіе на одновременно издаваемые педагогическія статьи шестидесятыхъ годовъ, пользовавшіяся покровительствомъ. Просматривая ихъ, можно ли удивляться тому, что происходило въ средѣ, взявшейся преобразовывать наше военное воспитаніе. Дѣятели этой среды не разъ сами себя задавали вопросъ: чего же мы желаемъ отъ нашего воспитанія? Не давая опредѣленнаго отвѣта, они между тѣмъ ясно намекали, чего желали, проводя, на примѣръ, такія мысли: „Все человечество составляетъ одну общую семью, гдѣ каждый членъ имѣетъ одинаковыя права на пользованіе всѣми благами жизни, во главѣ которыхъ свобода“; или „Христіанское ученіе, равняя воѣхъ передъ Божествомъ, заложило основы стремленія человѣка къ личной независимости“; или „право юсударства наказывать своихъ гражданъ подвержено сильному сомнѣнію“; наконецъ, что „если человѣкъ дѣйствуетъ по указанію свыше, безъ участія свободной воли, то нарушеній быть не можетъ, если же они существуютъ, значитъ указанія свыше ошибочны“²⁾.

Вотъ какая философія и какіе принципы рекомендовались тѣмъ, кто поступали въ заведенія новой системы воспитателями.

Въ настоящее время, когда вышеприведенные принципы признаны заблужденіями, кстата привести въ параллель имъ мысли о воспитаніи, высказанныя на бывшей въ Берлинѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ конференціи. Тамъ было сказано, что только тѣ могутъ быть призваны учить, которые вѣрно и съ полнымъ убѣжденіемъ стоятъ на монархической почвѣ. Приверженцы же радикальныхъ утопій также мало годятся въ наставники, какъ мало годятся они для правительственной и общественной службы. Только тотъ, кто проникнуть яснымъ пони-

¹⁾ Тамъ же, стр. 9.

²⁾ Педагогическій сборникъ, статьи Боголюбова.

маніемъ историческихъ началъ и народнымъ духомъ своего отечества, тотъ только способенъ опредѣлить и понять, что слѣдуетъ считать неподходящимъ, преступнымъ и опаснымъ для юношества и для его воспитанія. Когда въ той же конференціи коснулись военнаго воспитанія, упомянувъ при этомъ о кадетскихъ корпусахъ, съ просьбою, чтобы ихъ порядки были распространены на другія учебныя заведенія, то Императоръ Вильгельмъ II-й пресѣкъ всякія объ этомъ пренія слѣдующими словами: „Кадетскій корпусъ есть нѣчто особенное; онъ имѣетъ особенную цѣль, онъ существуетъ самъ по себѣ, непосредственно подвѣдомственъ мнѣ и его касаться не слѣдуетъ“.

Прежде изложенія организаціи и устройства новыхъ заведеній, замѣтимъ, что замышлять перемѣну системы военнаго воспитанія было дѣломъ не только, какъ оказалось потомъ, бесполезнымъ, но и неумѣстно смѣлымъ. Со дня кончины великаго князя Михаила Павловича, до вступленія своего на престолъ, въ теченіе 6-ти лѣтъ, Государь Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ былъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній. О томъ, какъ смотрѣлъ онъ на кадетскіе корпуса, и какими считалъ ихъ Императоръ Николай, видно изъ слѣдующихъ оффиціальныхъ документовъ.

„Вмѣняю себѣ за честь,—сказалъ въ приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ отъ 19 сент. 1849 г., Государь Наслѣдникъ,—„мое назначеніе начальствовать заведеніями, процвѣтавшими подъ отеческимъ попеченіемъ великаго князя Михаила Павловича, моего незабвеннаго предшественника, руководителя и друга. Принадлежать военно-учебнымъ заведеніямъ тѣмъ болѣе для меня отраднo, что въ рядахъ ихъ я началъ мою службу“.

Императоръ Николай Павловичъ, прочтя отчетъ военно-учебныхъ заведеній за 1854 г., писалъ въ рескриптѣ цесаревичу: „Съ душевнымъ утѣшеніемъ, отдавая справедливость неусыпнымъ заботамъ Вашимъ, выражаю мою признательность за благотворные и столь радостные сердцу моему труды“. Изъ другихъ рескриптовъ видимъ, что военныя учебныя заведенія постоянно удостоивались царской признательности: „За доставленіе арміи по всѣмъ родамъ оружія надежныхъ, усердныхъ, нравственныхъ, образованныхъ и способныхъ офицеровъ“... „За похвальное служеніе въ войскахъ бывшихъ пи-

томцевъ кадетскихъ корпусовъ, въ которыхъ они приобрѣтали, съ соотвѣтственными въ наукахъ познаніями, навыкъ къ строгому исполненію предстоявшихъ имъ на службѣ обязанностей“. Въ послѣднемъ же рескриптѣ Цесаревичу, отъ 27 іюня 1854 г., Государь выразилъ, что многіе изъ кадетъ запечатлѣли уже кровью, на брѣвномъ полѣ пролитомъ, возвышенность чувствъ, коими оживляется ихъ воспитаніе.

„Моя армія гордится ими—заключалъ Императоръ предсмертный рескриптъ свой; я увѣренъ, что и поступившіе нынѣ въ ряды оной офицеры послѣдуютъ доблестному примѣру своихъ товарищей, въ честь нашего оружія и во славу Россіи. Да вознаградитъ ихъ служба вашу отеческую о нихъ заботливость“¹⁾.

Вотъ результаты кадетскаго воспитанія и его истинная оцѣнка. Ни одинъ военный министръ, ни одинъ изъ корпусныхъ командировъ 30-хъ и 40-хъ годовъ не заявляли о дурной служебной подготовкѣ производимыхъ изъ кадетъ офицеровъ, о ихъ нравственныхъ и научныхъ недостаткахъ. Вдругъ все измѣнилось. Тѣ, о комъ такъ отзывались верховные вожди арміи и августѣйшіе начальники военно-учебныхъ заведеній, по заявленію реформаторовъ и новѣйшихъ педагоговъ, точно по данному сигналу, дѣлаются нигуда негодными. Причины такой перемѣны нами указаны, и мы повторять ихъ не будемъ.

Но кто же былъ главнымъ дѣятелемъ и руководителемъ указанныхъ результатовъ? Былъ имъ великій князь Михаилъ Павловичъ. О томъ, какъ онъ смотрѣлъ на кадетскіе корпуса и какъ велъ ихъ военное воспитаніе, необходимо сказать подробнѣе, къ чему мы и приступаемъ.

Немного современниковъ Михаила Павловича осталось въ живыхъ, немного и тѣхъ, кто помнитъ его благотворную дѣятельность на поприщѣ военнаго воспитанія русскаго юношества. До сихъ поръ наша печать весьма рѣдко касалась этой въ высшей степени замѣчательной и благодѣтельной личности. Было ли тому причиною опасеніе говорить о братѣ Императора, или боязнь несвоевременно затрогивать неуспѣвшіе выясниться факты—рѣшить трудно. Продолжать же молчаніе о томъ добрѣ и пользѣ, которыя приносилъ великій князь нѣсколькимъ по-

¹⁾ Высочайшіе рескрипты отъ 12-го августа 1842 г., 25 марта 1846 г. и отъ 27 іюня 1854 г.

колѣннѣмъ, воспитывавшимся и служившимъ подъ его начальствомъ, было бы неблагодарностью. Въ этомъ убѣжденіи и съ мыслью принести посильную дань признательности его памяти, мы дѣлимся съ читателями нашимъ изслѣдованіемъ о томъ, что сдѣлано Михаиломъ Павловичемъ для нашего военнаго воспитанія.

Онъ принялъ въ свое вѣдѣніе военно-учебныя заведенія сряду послѣ кампаніи 1831 года. Въ продолженіе восемнадцатилѣтняго начальствованія ими, ни гласныя похвалы, ни порицанія не могли касаться лица близкаго къ трону. Что же касается негласныхъ, такъ сказать келейныхъ мнѣній, то они въ большинствѣ, какъ при жизни, такъ и по смерти великаго князя, вѣрно оцѣнивали и выражали скорбь о понесенной Государемъ и Россіею потерѣ. Незначительное же меньшинство, имѣвшее свои причины и поводы смотрѣть иначе, молчало до тѣхъ поръ, покуда не наступила пора общей разнузданности идей и взглядовъ, но и тогда это меньшинство шипѣло подъ сурдинку и въ критическихъ разборахъ прошлаго пускало свои уколы между строками. Последнее длилось недолго, потому наступило затишье, похожее на забвеніе. Вотъ причины, почему теперь, по простествіи почти полувѣка, не для всѣхъ доступно правильно судить о томъ, чѣмъ былъ Михаилъ Павловичъ для кадетъ и для войскъ, не только тѣхъ, которыми командовалъ, но и для всей нашей арміи. На кадетахъ николаевского времени, испытавшихъ на себѣ благотворное вліяніе великаго князя на ихъ воспитаніе, лежитъ обязанность предупредить молодое поколѣніе отъ довѣрія къ тѣмъ рассказамъ и личностямъ, которые, въ угоду распушенности, изъ легкомыслія, безъ всякой повѣрки, повторяютъ слышанное. Не понимая смысла наружной строгости и взглядовъ великаго князя на службу, не вникая въ его внутреннія убѣжденія, подобныя рассказчики не хотѣли понять и того, что, бывши братомъ Императора, Михаилъ Павловичъ былъ первымъ труженикомъ изъ всѣхъ его подданныхъ, всегда готовый принять на себя весь ропотъ толпы, лишь бы этотъ ропотъ смѣнился восторгомъ въ отношеніи къ Государю. Преданность долгу и любовь къ службѣ заставляли его увлекаться, быть иногда несдержаннымъ, давать волю своей горячности. Онъ самъ сознавалъ это, и не было примѣра, чтобы при первой возможности не старался исправить свое увлеченіе и вознаградить сторицею того, передъ кѣмъ считалъ себя неправымъ.

Чтобы указать, чѣмъ былъ Михаилъ Павловичъ для кадетскихъ корпусовъ, какъ онъ любилъ кадетъ и заботился о нихъ, обращаюсь къ давно прошедшему.

Изъ приводимыхъ эпизодовъ выяснится, какъ онъ былъ доступенъ для родителей дѣтей, поступавшихъ подъ его начальство, и какъ при немъ было легко, безъ рекомендацій и протекцій, достичь желаемого.

„Мальчикомъ тринадцати лѣтъ—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ кадета тридцатыхъ годовъ — привезла меня мать для опредѣленія въ корпусъ. Не зная существовавшихъ для этого правилъ и не имѣя съ собою даже необходимыхъ документовъ, по совѣту знакомыхъ, она рѣшилась подать прошеніе прямо великому князю. Въ одно изъ воскресеній пробрались мы въ Михайловскій дворецъ, думая на подѣздѣ выждать выѣзда Его Высочества, но насъ впустили въ большія сѣни парадной лѣстницы. Вскорѣ вышелъ Михаилъ Павловичъ, окруженный свитомъ. Увидавъ насъ, онъ принялъ прошеніе, спросилъ, кто мой отецъ, живъ ли онъ, гдѣ служилъ и прибавилъ: „вы изъ штаба получите отвѣтъ“. Черезъ три дня мать моя получила бумагу, что я зачисленъ въ Павловскій кадетскій корпусъ.

„Вскорѣ по поступленіи моемъ въ корпусъ, великій князь посѣтилъ его. Мощная, нѣсколько сутуловатая фигура Михаила Павловича показалась намъ громадною, но настолько доброю, что намъ было непонятно, почему начальство съ какимъ-то страхомъ ожидало его приѣзда. Если великій князь, проходя, бывало, по фронту, останавливался передъ кадетомъ съ нахмуренными бровями, или дѣлая гримасу, то дѣтскій инстинктъ подсказывалъ, что это дѣлается нарочно. Иной невольно улыбнется, другой серьезно смотрѣлъ ему въ глаза, что особенно нравилось Его Высочеству“.

Любовь къ кадетамъ и заботливость о нихъ проявлялись въ каждомъ приказѣ главнаго начальника. Тамъ находилось не мало примѣровъ подобныхъ слѣдующему. Просматривая различныя донесенія, великій князь узналъ, что нѣсколько кадетъ собрали между собою, по подпискѣ, деньги для матери товарища, не имѣвшей средствъ возвратиться домой, а другой разъ сдѣлали складчину для бѣднаго, отправляемаго по болѣзни на родину кадета. Михаилъ Павловичъ прислалъ отъ себя денежную помощь обоимъ и приказалъ благодарить кадетъ за ихъ благородныя побужденія и товарищескія чувства.

Вотъ еще выдержка изъ воспоминаній кадета 40-хъ годовъ.

„Навсегда памятнымъ останется для меня первый бывшій при мнѣ смотръ его высочества. Когда при встрѣчѣ его грянула музыка, загремѣли барабаны, у cadaго изъ насъ пульсъ навѣрно поднялся ударовъ на десять. Но вотъ приближается великій князь, угрюмый, брови сдвинуты; а мы смотримъ ему въ глаза весело, радостно. „Здорово, клопы!“ Мы отвѣтили смѣло, дружно. Онъ остановился и долго, долго смотрѣлъ, не нарушается ли гдѣ спокойствіе строя. Тутъ мы смекнули, что грозный видъ и сдвинутыя брови—все это напускное“¹⁾.

Съ того времени, о которомъ писались эти воспоминанія, измѣнились взгляды и требованія, измѣнились способы обученія, но сущность и серьезность строя должны бы оставаться неизмѣнными. Вникнувъ въ значеніе смотровъ Михаила Павловича, нельзя не признать ихъ поучительности, въ смыслѣ военнаго воспитанія. Относясь серьезно къ каждой ошибкѣ и незнанію, не показывалось ли этимъ кадету, какой точности и исполнительности, какого твердаго знанія обязанностей требуетъ военная служба. Кадетъ-мальчикъ живо воспринималъ и навсегда сохранялъ впечатлѣнія, производимыя подобными смотрами. Да, это было время, которое теперь мало кто помнитъ и немногіе понимаютъ.

Вводившіе преобразование въ сферу военнаго воспитанія многое выдавали за свое, за продуктъ новой педагогіи, а между тѣмъ это давно было введено Михаиломъ Павловичемъ, и общество, увлеченное самовосхваленіемъ новаторовъ, не зная прошлаго, вѣрило, будто все это, мнимо новое, составляетъ плоды гуманности и прогресса вводимой системы. Забота о дѣтяхъ, направленіе воспитателей, мѣры поощреній, раздѣленіе на возрасты, развитіе учебной части—все это было выставлено какъ нововводимое. Въ дѣйствительности же все это съ давнихъ поръ существовало, съ тою разницею, что имѣло разумное примѣненіе къ военному воспитанію будущихъ офицеровъ. Вотъ документальныя этому доказательства.

Въ приказаніи по военно-учебнымъ заведеніямъ, еще въ 1831 году было сказано: „Въ виду того, что многіе кадеты не

¹⁾ Желая показать кадетамъ значеніе строя и службы, великій князь придавалъ своимъ смотрамъ видъ особенной серьезности, а иногда и суровости, но большею частію онѣ не имѣли послѣдствій и кончались веселыми, потухавшими, какъ только кадеты сходили съ плаца.

имѣють въ столицѣ родителей и родственниковъ, чрезъ что лишаются возможности пользоваться въ праздники удовольствіями и невинными развлеченіями, его высочество приказалъ, чтобы директоръ заведеній заботились о доставленіи кадетамъ увеселеній и приличныхъ ихъ возрасту представленій“.

Желаніе имѣть постоянныя свѣдѣнія о поведеніи и нравственности кадетъ было причиною, что великій князь требовалъ списки тѣхъ, съ кого въ теченіе мѣсяца какое и за что было взысканіе. Собственноручныя его отмѣтки противъ проступковъ нѣкоторыхъ изъ провинившихся указываютъ, что это не было одною формальностью.

О томъ, какъ смотрѣлъ Михаилъ Павловичъ на значеніе офицеровъ-воспитателей и какой имѣлъ взглядъ на военное воспитаніе вообще, видно изъ слѣдующихъ его приказовъ, распоряженій и наставленій.

„Несоблюденіе мѣръ—сказано было въ приказѣ отъ 13 апрѣля 1836 г.—указанныхъ вышею властью, для наблюденія за воспитаніемъ, преступленіе двойное: во-первыхъ, какъ неисполненіе приказаній; во-вторыхъ—какъ равнодушіе къ воспитанію. Между воспитателемъ полезнымъ и вреднымъ нѣтъ середины. Въ этомъ святомъ дѣлѣ кто равнодушенъ—тотъ вреденъ. Полезное вліяніе на кадетъ можетъ производить только тотъ, кто, служа имъ образцомъ и будучи проникнутъ чувствомъ долга, смотритъ на нихъ какъ на собственныхъ дѣтей“.

Критикуя былое, реформаторы утверждали, будто при прежней системѣ воспитанія царилъ произволъ начальниковъ. Еслибы они обвиняли прошлое не голословно, и ознакомились бы съ нимъ фактически, то убѣдились бы, какъ далеко отъ истины. Еще въ 30-хъ годахъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ существовали воспитательные комитеты, въ которыхъ разбиралось все касающееся нравственнаго, физическаго и умственнаго воспитанія. Въ нихъ же изыскивались и обсуждались всѣ мѣры къ устранинію дурныхъ примѣровъ.

Осуждали и то, что были введены общіе публичные экзамены; называли это шарлатанствомъ, страстью показывать товаръ лицомъ. Между тѣмъ это было средствомъ для сравненія заведеній и давало возможность судить объ общемъ состояніи и направленіи учебной части. Чтобы эта мѣра достигла цѣли, требовалось: 1) право вызова воспитанниковъ и заданія имъ

*

вопросовъ предоставлять только постороннимъ посѣтителямъ; 2) кромѣ вопросовъ изъ всего курса, приглашаемымъ предлагалось вступать въ объясненія и споры съ воспитанниками, дабы убѣдиться не только въ знаніи, но въ развитіи и дарѣ слова; 3) чтобы преподаватели не предлагали вопросовъ, наводящихъ на безошибочный отвѣтъ.

Ни управленіе обширнымъ артиллерійскимъ вѣдомствомъ, ни обязанности главнокомандующаго, ни особо возлагаемыя высочайшія порученія не отвлекали Михаила Павловича отъ военно-учебныхъ заведеній. Даже во время пребыванія за границею онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ въ кадетскихъ корпусахъ.

За годъ до своей кончины, великій князь поручилъ ближайшему своему помощнику Я. И. Ростовцеву, на указанныхъ имъ началахъ, составить „Наставленіе для образованія воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ“. Приведемъ нѣкоторыя изъ него извлеченія, какъ отвѣтъ на тѣ неправдивыя обвиненія, которыя были выставлены, какъ причины, требовавшія реформы военнаго воспитанія.

Цѣль кадетскаго воспитанія была указана въ „Наставленіи“ ясно, отчетливо, въ высшей степени сердечно и патриотично. Требовалось, чтобы военно-учебныя заведенія приготовляли не ученыхъ теоретиковъ, не свѣтскихъ болтуновъ, а честныхъ и образованныхъ членовъ семьи и государства, вѣрныхъ слугъ Царя, сознательно исполняющихъ долгъ и обязанности офицера. Основа такого воспитанія была укрѣплена на развитіи нравственномъ и умственномъ. Преподавателямъ указывалось, чтобы они не вдавались въ схоластику и утонченныя гипотезы, всегда вредящія направленію и цѣли воспитанія. „Наставленіе“ указывало: какъ и чему учить; инспектору—чего требовать отъ учителя, директору—какъ провѣрять направленіе и духъ учителей. Въ немъ было сказано: „цѣль, объемъ, полнота и направленіе ученія зависятъ отъ столькихъ разнообразныхъ и мѣстныхъ соображеній, принадлежащихъ исключительно нашему русскому быту, нашимъ основнымъ законамъ и степени современнаго просвѣщенія Россіи, что никакія учебныя заведенія Европы не могутъ служить для нихъ образцомъ“.

Къ чему стремился и чего желалъ Михаилъ Павловичъ, направляя военное воспитаніе кадетъ, лучше всего указываютъ слѣдующія слова „Наставленія“:

„Христіанинъ, вѣрнопопдаанный, русскій, добрый сынъ,

хорошій товарищъ, скромный и образованный юноша, исполнительный, терпѣливый и расторопный офицеръ—вотъ качества, съ которыми кадетъ переходитъ со школьной скамьи въ ряды арміи, съ чистымъ желаніемъ отплатить Государю за его благодѣянія, честною службою, честною жизнію и честною смертію“.

Итакъ мыслившаго и дѣйствовавшаго руководителя нашего военнаго воспитанія смѣли осуждать, смѣли находить, что онъ неправильно велъ военно-учебныя заведенія, тогда какъ отъ дня кончины до времени, когда замѣнили корпуса военными гимназіями, прошло 15 лѣтъ. Въ такой періодъ времени, и при обыкновенномъ, спокойномъ состояніи общества, многое могло измѣниться, а въ 15 лѣтъ постоянныхъ преобразованій и броженія идей,—тѣмъ болѣе. Уже къ началу 60-хъ годовъ все сложилось такъ, что кадетскіе корпуса сдѣлались неузнаваемы. Покойный Императоръ Александръ II, разсматривая отчеты за 1859 годъ, положилъ слѣдующую резолюцію: „безпорядки не могли бы возникнуть, еслибы было постоянное и строгое наблюденіе начальства“. Не доказываетъ ли это, что не прежняя система, а допущенная распушенность породила причины, вызвавшія реформу.

Чтобы побороть сопротивленіе тѣхъ, кто предвидѣлъ, что упраздненіе отвѣтственности и допускъ свободы не приведутъ къ добру, и кто предостерегалъ отъ увлеченій, новаторы взывали потомъ все, ими же допущенное, на прошлое, распространяя при этомъ мысль, будто всему виною существовавшія при Михаилѣ Павловичѣ требованія и порядки. Кто же, какъ не сами они, привели къ тому, что вмѣсто приказаній явились совѣты и просьбы, вмѣсто исполненія—разсужденія, что учителя стали популярничать и вольнодумничать. Молодежь поняла это, стала искать свободы, и въ ея глазахъ человѣкъ вредящій сдѣлался болѣе любимымъ, чѣмъ благодѣтель строгій. Совершившееся упраздненіе кадетскихъ корпусовъ разрушило все, надъ чѣмъ столько лѣтъ трудился Михаилъ Павловичъ, во что онъ клалъ всю свою душу, всѣ свои помыслы.

Великій князь скончался 28 августа 1849 года въ Варшавѣ. При началѣ производимаго имъ смотра, звуки встрѣчнаго марша еще не успѣли смолкнуть, какъ нервный ударъ сразилъ его, и они обратились въ прощальную почесть умирающему. Современники и свидѣтели послѣднихъ его дней указываютъ, до какой степени всѣ близко знавшіе Михаила

Павловича цѣнили и почитали его. „Благодарную память о немъ хранить и хранить будутъ всѣ приближавшіеся къ нему и всѣ, до которыхъ и вдали достигала его доброта“,— говорилъ Филаретъ, митрополитъ Московскій, въ своей проповѣди.

„Чистая и высокая душа великаго князя—писалъ другой современникъ ¹⁾—отлетѣла къ источнику всего чистаго и высокаго, и мы не можемъ еще унять сердечной тоски, которая давить душу и туманить мысли, раскрывая великость потери, понесенной государствомъ, обществомъ и службою. Второстепенные, мелкіе оттѣнки характера, иногда сердитаго и грознаго, исчезаютъ, не оставляя ни малѣйшаго горькаго впечатлѣнія, но напротивъ, на душѣ остается только воспоминаніе благороднѣйшаго, нѣжнѣйшаго отца, друга правды и человѣчества, поборника закона и порядка, ревнителя службы и долга“.

Но не одни современники смотрѣли такъ на Михаила Павловича. Вотъ что писалъ бывшій кадетъ, черезъ 34 года послѣ его смерти: „Я до сихъ поръ помню и никогда не забуду той минуты, когда узналъ о смерти великаго князя, казавшейся невозможною. Встрѣчаясь съ бывшими кадетами, мы спрашивали другъ друга: Что же теперь будетъ? Какъ же будутъ кадетскіе корпуса безъ Михаила Павловича?“

Поучительны и слова приказа по военно-учебнымъ заведеніямъ, отданнаго на 6 день по его кончинѣ: „Его уже нѣтъ, но примѣръ его съ нами. Любите Бога, какъ онъ; служите Государю—какъ онъ; будьте честны сердцемъ—какъ онъ; будьте преданы долгу—какъ онъ; будьте великодушны—какъ онъ; будьте другомъ солдата—какъ онъ“.

Не забылъ Михаилъ Павловичъ кадетскіе корпуса, писавши и свое духовное завѣщаніе. Въ немъ сказано: „военно-учебныя заведенія, коими я, по Высочайшему довѣрію, столько лѣтъ начальствовалъ, пребудутъ для меня дороги до самой смерти. Я сойду во гробъ съ полною къ нимъ привязанностію и любовью“.

Въ бумагахъ покойнаго великаго князя найденъ былъ документъ—„Прощанье съ моими дѣтьми военно-учебныхъ заведеній“. Помѣщаемъ его въ подлинникѣ, какъ доказательство сердечности и любви къ воспитывавшимся подъ его руководствомъ.

¹⁾ Письмо флиг.-адъютанта Горемыкина Я. И. Ростовцеву.

„Дѣти! Отпуская васъ на службу, обращаюсь къ вамъ не какъ вашъ начальникъ, а какъ отецъ, васъ душевно любящій, который слѣдилъ за вами съ вашихъ юношескихъ лѣтъ, который радовался вашимъ успѣхамъ, вашему постепенному развитію. Теперь вы вступаете на поприще жизни, жизни военной, и я прощаюсь съ вами. Внемлите моему совѣту: не забывайте Бога и родителей вашихъ; помните, что вы обяваны нравственнымъ существованіемъ вашимъ Государю Императору и его постояннымъ къ вамъ милостямъ... Не забывайте, что въ Россіи, въ нашей славной Россіи, священныя имена Государя и Отечества не раздѣльны. Эта нераздѣльность—наша сила, передъ которою непріатели наши всегда сокрушались и крамолѣ не будетъ мѣста. Помните всегда, что настоящая честь военнаго человѣка состоитъ въ благородномъ поведеніи, а потому избѣгайте всякаго соблазна и не забывайте словъ Спасителя: „не введи насъ во искушеніе“.

„Примите, дѣти, это наставленіе друга. Будьте увѣрены, что вблизи и издалека онъ всегда будетъ слѣдить за вами. Во всѣхъ вашихъ нуждахъ, или когда будетъ необходимъ добрый совѣтъ, обращайтесь всегда къ нему, какъ къ вѣрному пристанищу. Прощайте! Да благословитъ васъ Богъ и да подкрѣпитъ на дѣла великія!“

Закончимъ наше отступленіе отъ главнаго содержанія настоящей статьи послѣдними словами этого духовнаго завѣщанія: „Благодарю всѣхъ моихъ сослуживцевъ за ихъ усердіе и за ихъ ко мнѣ довѣренность; если я кого-либо обидѣлъ, или изъ моихъ сослуживцевъ, или по другимъ моимъ соотношеніямъ, то отъ всей души и искренно прошу ихъ простить меня и вѣрить, что я никогда не хотѣлъ огорчить ихъ съ умысломъ“¹⁾.

Для приведенія задуманной реформы въ дѣйствіе, былъ избранъ памятный 1863 годъ. Возстаніе въ Польшѣ, повсемѣстные пожары и броженіе умовъ внутри имперіи настолько занимали всѣхъ, что на совершающуюся ломку прежней системы военнаго воспитанія смотрѣли какъ на дѣло второстепенное. Кто и близко къ сердцу принималъ его, не рѣшался возвысить голоса, зная, что онъ былъ бы заглушенъ поборниками новизны.

¹⁾ Приказъ по военно-учебнымъ заведеніямъ 1849 г. № 1120.

Впрочемъ, въ послѣдніе годы передъ реформою было уже поздно противодѣйствовать тѣмъ мѣрамъ, которыми подготовлялось паденіе прежней системы военнаго воспитанія. Реакція въ пользу прежняго порядка только раздражала бы новаторовъ, а потому оставалось одно,—какъ можно поскорѣе принять новое, въ надеждѣ, что, быть можетъ, изъ него что-либо и выйдетъ. Между тѣмъ, происходившіе въ учебныхъ заведеніяхъ безпорядки не были безъизвѣстны ихъ главному начальнику. „Большая часть проступковъ—значилось въ его приказѣ—заключается въ ослушаніи и въ неуповѣдательныхъ противъ воспитателей выходкахъ. При посѣщеніи моемъ заведеній, я замѣтилъ, что воспитанники не только не понимаютъ отношеній къ старшимъ, но даже держатъ себя неприлично въ присутствіи высшаго начальства“¹⁾. Но ни этотъ, ни подобныя ему приказы не имѣли никакого вліянія.

Указомъ Сенату, 6 января 1863 г. вѣдомство военно-учебныхъ заведеній было введено въ составъ военнаго министерства и одновременно съ этимъ названо Главнымъ Управленіемъ. Кромѣ того, состоявшія въ близкой связи съ кадетскими корпусами военныя академіи: генеральнаго штаба, артиллерійская и инженерная, съ своими училищами, отдѣлены каждая къ своему вѣдомству. Собственно кадетскіе корпуса, съ упраздненіемъ ихъ названія, были разбиты на двѣ части: общіе ихъ классы образовали военныя гимназіи, спеціальныя же поступили въ новыя военныя училища. Независимо отъ этого, оставались безъ преобразования существовавшія юнкерскія училища при войскахъ.

Вновь образованное изъ штаба военно-учебныхъ заведеній Главное ихъ Управленіе подраздѣлялось на два коллегіальные отдѣла: а) общее присутствіе и б) педагогическій комитетъ. Послѣдній обсуждалъ всѣ вопросы по учебной и воспитательной части, составлялъ программы, классныя руководства и пособія, испытывалъ преподавателей, наблюдалъ за изданіемъ „Журнала для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній“. Журналъ этотъ, существовавшій 25 лѣтъ, въ слѣдующемъ году былъ замѣненъ новымъ, названнымъ „Педагогическій Сборникъ“. Бывшіе воспитанники корпусовъ сожалѣли объ этомъ, потому что лишились полезнаго и пріятнаго чтенія. Выборъ статей для журнала былъ вполне согла-

¹⁾ Приказъ по воен.-учеб. завед. 12 мая 1862 года.

сованъ съ цѣлью военнаго воспитанія, подходилъ къ возрасту кадетъ, возбуждалъ въ нихъ любовь къ военному званію, воодушевлялъ къ боевымъ подвигамъ, давалъ правильныя понятія о субординаціи, всеялъ уваженіе къ старшимъ. „Педагогическій Сборникъ“, по своей специальности, не могъ замѣнить прежняго „Журнала для чтенія“ и по серьезности статей не только не могъ занимать гимназистовъ, да едва-ли и доходилъ до нихъ ¹⁾.

Тогда же издавался другой журналъ „Воспитаніе“, задвѣшійся цѣлью пропагандировать новыя взгляды на воспитаніе вообще, но въ то же время критиковавшій все, что касалось кадетскихъ корпусовъ. Въ видѣ примѣра укажемъ, въ какомъ родѣ и съ какими тенденціями писалась подобная критика.

Перечисляя, кто поступалъ въ корпуса, авторъ говоритъ, что туда попадали юноши, не дошедшіе въ наукѣ дальше азбуки, но изучившіе развратъ въ совершенствѣ, привыкшіе давать раздолье своей барской волѣ надъ крѣпостною челядью; поступали дѣти хорошаго воспитанія; поступали мальчики, жившіе безъ надзора, въ средѣ уличниковъ. Всѣ они сходились, перемѣшивались, обмѣнивались мыслями, при чемъ дурная сторона брала верхъ надъ хорошею и уничтожала всѣ нравственныя начала.

Не есть ли это картина, снятая не съ кадетскихъ корпусовъ, а съ гимназій гражданскаго вѣдомства. Какъ бы ни былъ разнообразенъ контингентъ кадетъ, онъ никогда не доходилъ до того смѣшенія наклонностей, нравовъ и происхожденій, которымъ наполняютъ гимназіи.

Въ параллель къ инсинуаціямъ автора приведемъ тѣ воспитательныя принципы, которые рекомендовались журналомъ, имѣвшимъ претензію быть во главѣ педагогической литературы 60-хъ годовъ.

1. *Нить ничего вредитъ, какъ требовать, чтобы мальчикъ при-*

---

¹⁾ Извлеченіе изъ перечня помѣщенныхъ въ „Педагогическомъ Сборникѣ“ статей подтверждаетъ это: „Психологія по Ланге и Спенсеру; Индукція и дедукція—по Кастену; Методика ученія—по Шредеру; философія въ связи съ педагогіей; біографія Песталоцци, Бенеке и Декстервеча и т. д. Подобныя статьи, пригодныя для профессоровъ и воспитателей, едва-ли могли быть поняты юнкерами и гимназистами. Оригинальныя же статьи вновь появившихся русскихъ педагоговъ имѣли характеръ критики прошлаго и разсужденій, вовсе не пригодныхъ для военнаго воспитанія, что будетъ указано ниже.

учаеся *молчать*, когда ему велѣно *поговориться*, или считать преступленіемъ, когда *кто-то спрашиваетъ*, зачѣмъ ему приказываютъ исполнить то или другое?

2. Дѣтей очень легко пріучить къ отрицательной дисциплинѣ, напримѣръ къ тому, *чтобы они бросали хорошую книгу потому, что съ ней герой непочтительно къ начальству* (?!).

3. *Безпрекословное исполненіе* офицеромъ приказанія ротнаго командира *приносило вредъ кадетскому воспитанію; дисциплина слѣдуетъ быть на 2-мъ планѣ тамъ, гдѣ важность предмета угрожаетъ мысли о дисциплинѣ.*

4. У кадетъ было развито наушничество и шпіонство ¹⁾. *Они пріучались къ мысли, что живущій въ богатыхъ палатахъ лучше живущаго въ лачугѣ; ихъ не возмущало, что несущійся на резиновыхъ шинахъ забрызгиваетъ грязью труженика мастерового; или что передъ шармеровскимъ фракомъ изибается фризровая шинель.*

Наконецъ *провозмѣшалось, что счастливо то государство, гдѣ всѣ одинаково богаты и всѣ одинаково знатны.*

Мы же скажемъ: счастливы были кадеты, что до 1856 г. ихъ юные умы не были волнуемы и сбиваемы съ должнаго пути подобными анти-воспитательными идеями, вредными и пагубными для всякаго воспитанія.

Едва прошло три года съ учрежденія новыхъ заведеній, какъ у ихъ дѣятелей уже явилось сомнѣніе, цѣлесообразна ли новая организація военно-учебныхъ заведеній вообще? Въ 1866 году составлена была коммисія, которая, вмѣсто прямаго отвѣта на этотъ вопросъ, занялась составленіемъ новаго штата, по которому увеличено содержаніе чиновъ Главнаго Управленія, а его начальнику присвоенъ прежній титулъ главнаго начальника, съ правомъ имѣть 12 чиновниковъ особыхъ порученій ²⁾. Подобной свиты не имѣли: ни великій князь Михаилъ Павловичъ, ни Наслѣдникъ Цесаревичъ. Нельзя не отмѣтить и того, что составъ главнаго управленія постоянно усиливали гражданскимъ элементомъ, а въ изданныхъ въ 1867 г. штатахъ было указано, что только треть общаго числа служащихъ можетъ быть занята военными ³⁾.

Участники реформы, при всякомъ случаѣ, старались вы-

¹⁾ Всякій воспитывавшійся въ корпусѣ помнить и знаетъ, насколько живы подобныя заявленія, равносильныя клеветѣ.

²⁾ Приказъ по воен. вѣдомству 1867 г. № 103.

³⁾ Историч. очеркъ воен.-учеб. завед. стр. 169.

сказать, что они ввели въ военное воспитаніе педагогическое начало. Вообще педагогія сдѣлалась вопросомъ дня того времени. О ней писали, издавали циркуляры, составляли комитеты и комиссіи, формировали педагогическія бібліотеки и музеи.

Работали надъ изслѣдованіемъ нормальнаго пищевого режима, органовъ зрѣнія, трудились надъ распредѣленіемъ умственного и физическаго труда, надъ антропологическими изслѣдованіями и т. д., но какая изъ этого извлекаема была польза для военнаго воспитанія, мы нигдѣ не встрѣтили ни малѣйшаго указанія.

Съ учрежденіемъ военныхъ училищъ изъ спеціальныхъ классовъ кадетскихъ корпусовъ, послѣдніе лишились занимаемыхъ ими сотни и десятки лѣтъ помѣщеній, уступивъ свои историческія зданія новымъ училищамъ. Подобною мѣрою уничтожили воспоминанія о томъ, что бывшимъ кадетамъ было дорого и чѣмъ они гордились. Сожалѣли объ этомъ какъ обращаемые въ гимназистовъ кадеты, такъ и состоящіе уже нѣсколько лѣтъ на службѣ. Входя въ зданія, гдѣ прошли лучшіе годы ихъ юности, они искали и не находили портретовъ товарищей по родному корпусу, оказавшихъ особня заслуги на различныхъ поприщахъ службы. Въ церквахъ, гдѣ они молились, бывши кадетами, гдѣ были доски съ именами ихъ павшихъ въ бою товарищей, они находили имена чужія, не имѣющія ничего общаго съ заведеніемъ, воспитавшимъ героевъ.

Съ учрежденіемъ военныхъ гимназій нѣкоторые изъ губернскихъ корпусовъ были закрыты. Точно также было поступлено съ просуществовавшими не болѣе 7-ми лѣтъ начальными военными школами. Занимаемые ими зданія были переданы: въ Астрахани—городскому обществу, въ Архангельскѣ и Томскѣ—въ распоряженіе гражданскаго начальства, въ Тамбовѣ—дворянству, въ Перми—тюремному комитету; однимъ словомъ сдѣланы подарки разнымъ вѣдомствамъ, но не военному, всегда болѣе другихъ нуждающемуся въ помѣщеніяхъ. Раздаривать временно ненужное было тогда какъ бы правиломъ, чрезъ что и приходилось потомъ, въ тѣхъ же городахъ, строить новое, или дорого платить за нанимаемое.

Въ 1864 году было выработано „Положеніе о юнкерскихъ училищахъ“ при войскахъ; они были тогда же открыты въ Москвѣ и Вильнѣ, а въ слѣдующемъ году: въ Одессѣ, Кіевѣ и Ригѣ, затѣмъ въ Казани и Тифлисѣ и наконецъ въ Иркут-

скѣ. Потомъ къ нимъ прибавлены кавалерійскія—въ Елизаветградѣ, Твери и казацки—въ Оренбургѣ, Новочеркасскѣ и Ставрополѣ. Комплектъ юнкеровъ опредѣляея: для пѣхотныхъ училищъ—въ 200, для кавалерійскихъ—отъ 60 до 90, для казачьихъ отъ 90 до 200 человекъ. Онъ былъ потомъ увеличенъ: для первыхъ—до 400, для вторыхъ—до 300 и для послѣднихъ до 150 человекъ. Эти училища состояли въ вѣдѣніи начальниковъ штабовъ, имѣли военную организацію и только по учебной части подчинялись главному управленію военно-учебныхъ заведеній; стоили же они милліонъ, тридцать три тысячи ¹⁾

Въ юнкерскія училища принимались изъ вольноопредѣляющихся какъ рядовые, такъ и унтеръ-офицеры, а изъ поступающихъ по жребію только унтеръ-офицеры, если выдержали экзаменъ по программѣ вольноопредѣляющихся 3-го разряда; того же, кто не выдерживалъ испытанія, зачисляли въ особня приготовительныя отдѣленія ²⁾. Изъ сравненія объема преподаваемыхъ юнкерамъ предметовъ съ программами бывшихъ корпусовъ оказывается, что послѣднія были гораздо полнѣе. Что касается преподавателей, то ихъ нельзя и сравнивать; учителями юнкеровъ были взяты изъ строя или изъ штабовъ офицеры, тогда какъ преподавателями въ корпусахъ были лучшіе учителя и профессора столицъ и городовъ.

Не входя въ подробности о томъ, какой степени образованія достигали выпускаемые изъ юнкерскихъ училищъ, укажемъ только на тѣ ихъ недостатки, которые были признаны ихъ же начальствомъ: 1) тѣснота и непригодность помѣщеній, 2) неудовлетворительность, въ качественномъ отношеніи, личнаго состава служащихъ по учебно-воспитательной части. Въ сущности же тамъ никакого воспитанія и быть не могло, такъ какъ дана была возможность пробираться, черезъ юнкерскія училища, въ офицеры всякому разночинцу, выдержавшему экзаменъ. Могъ ли при этомъ не ослабѣвать нравственный уровень офицеровъ въ арміи?

Поводомъ къ допуску въ офицеры лицъ всѣхъ сословій и происхожденій служилъ значительный въ нихъ некомплектъ въ полкахъ арміи. Но какими же элементами пополняди его? Можно ли было надѣяться, чтобы взятый въ рекруты или по жребію солдатъ податнаго состоянія могъ перевоспитаться и

¹⁾ Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, стран. 198.

²⁾ Тамъ же, стран. 196.

успѣшно проходить курсъ? Впередъ можно было предвидѣть, что на это пойдутъ удаленные со службы молодые чиновники и писцы, выгнанные за безнравственность семинаристы, и разная шляхта западныхъ окраинъ. Не лучше ли было бы оставаться въ нѣкоторомъ некомплектѣ, тѣмъ пополнять его такимъ контингентомъ. Не это ли и было причиною, что въ 1866 и 1868 годахъ юнкерскія училища при войскахъ были преобразованы въ окружныя при военныхъ округахъ. Основанныя на иныхъ началахъ, при лучшей организаціи и лучшемъ служебномъ персоналѣ, они, существуя и теперь, даютъ арміи то число хорошо подготовленныхъ офицеровъ, которое пополняетъ недостатокъ выпусковъ военныхъ училищъ. Уступая послѣднимъ въ научномъ отношеніи, они болѣе ихъ знакомы съ бытомъ и внутреннею жизнью арміи. Состоя подѣ контролемъ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній и особыхъ лицъ, они твердо идутъ по пути, указанному первымъ ихъ инспекторомъ, генераломъ Бобровскимъ. „Часть дисциплинарная — писалъ онъ — строевая и образовательная должны имѣть одинаковое значеніе, ни одна часть не должна давить одна другую“. Въ обширномъ сочиненіи о юнкерскихъ училищахъ, того же автора, мы находимъ весьма полезныя указанія на тотъ путь, по которому они ведутся, путь совершенно различный отъ того, по которому вели училища при армейскихъ корпусахъ. „Въ молодыхъ людяхъ — писалъ генералъ Бобровскій — слѣдуетъ вкоренять истинныя понятія о сознаніи долга, о подчиненіи военной дисциплинѣ, какъ душѣ войска; вселять въ нихъ нравственныя начала, дабы каждый понималъ, что, желая быть офицеромъ, онъ долженъ имѣть качества, дающія на то право“. Не на тѣхъ ли же истинахъ было основано военное воспитаніе въ прежнихъ кадетскихъ корпусахъ. Одни изъ прежнихъ юнкерскихъ училищъ были обращены въ военно-начальныя школы, а пять совсѣмъ уничтожены. Въ школы принимали сыновей военно-служащихъ, кои по сословнымъ правамъ не могли поступать въ военныя гимназіи. Школамъ былъ присвоенъ четырехъ-годичный элементарный курсъ; успѣшно окончившихъ его переводили въ техническую, пиротехническую и фельдшерскую школы, прочіе назначались на службу писарями 2-го разряда, съ обязательствомъ прослужить 5 лѣтъ ¹⁾. Не то ли

---

¹⁾ Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, стран. 204.

же это, что бывшіе баталіоны военныхъ кантонистовъ, только подъ другимъ названіемъ.

Баталіоны военныхъ кантонистовъ были преобразованы въ низшія учебныя заведенія, различныхъ наименованій, еще въ 1858 году. Поименованныя нами школы слѣдуетъ считать подражаніемъ бывшимъ гарнизоннымъ школамъ при полкахъ, получившимъ начало въ 1721 году. Тогда въ нихъ принимали солдатскихъ дѣтей, начиная съ 7-ми лѣтнаго возраста, которыхъ обучали „читать, писать и считать“, а нѣкоторыхъ даже „артиллеріи, фортификаціи, пѣнію и музыкѣ“. Малоспособные занимались различными мастерствами. Всѣхъ школъ было до 50, съ 2.500 воспитанниковъ, число которыхъ при Екатеринѣ II достигло 112 тысячъ. Императоръ Павелъ обратилъ особенное вниманіе на гарнизонныя школы, приказавъ особой комисіи, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Александра Павловича, согласовать ихъ устройство и обученіе съ постановленіями о военно-сиротскомъ домѣ, гдѣ воспитывались сироты офицеровъ. По составленному въ комисіи положенію, школы были преобразованы въ военно-сиротскія отдѣленія, гдѣ должны были „пристойно воспитываться и обучаться“ 16 тысячъ человѣкъ, отъ 7 до 18-лѣтнаго возраста, на чтѣ отпускалось 520 тысячъ рублей. Ихъ обучали: „всему строевому и до военной службы и ея порядка принадлежащему, грамотѣ и ариметикѣ“; въ отдѣленіяхъ же въ Москвѣ, Ригѣ, Кіевѣ и Казани, сверхъ того, — музыкѣ „раздѣляя на сіе часы по пристойности“. Въ 1805 году воспитанники военно-сиротскихъ отдѣленій и вообще всѣ солдатскія дѣти были переименованы въ кантонистовъ, и опредѣлены сроки, до какихъ лѣтъ они могли оставаться при родителяхъ, а затѣмъ обязательно поступали въ кантонистскіе баталіоны, полубаталіоны и роты.

Мы коснулись ихъ потому, что они въ свое время имѣли значительное вліяніе на военное воспитаніе нижнихъ чиновъ арміи. Въ началѣ царствованія Императора Николая I-го всѣхъ кантонистовъ числилось до 360 тысячъ. Бывшіе въ баталіонахъ раздѣлялись на 2 смѣны; каждая занималась въ классахъ черезъ день, отъ 7 до 11-ти часовъ утра и отъ 2 до 6-ти послѣ обѣда. Свободная смѣна обучалась мастерствамъ въ швальняхъ, саложныхъ, слесарняхъ и столярняхъ, а лѣтомъ, кромѣ фронта, всѣхъ занимали работами на огородахъ и сельскими работами въ деревняхъ, „дабы они могли къ

онимъ привыкнуть, но безъ отягощенія и изнуренія силъ". Состоя въ вѣдѣніи департамента военныхъ поселеній, кантонисты сами себѣ шили одежду, бѣлье и обувь и имѣли сытую и здоровую пищу. Сначала графъ Аракчеевъ, а потомъ Клейнмихель обязаны были слѣдить за правильностію обученія и содержанія „безъ всякихъ перемѣнъ и нововведеній". Заведенія эти хотя и назывались баталіонами, но имѣли воспитательную и образовательную цѣль, для нуждъ военнаго вѣдомства, которое получало изъ нихъ для своихъ учреждений: писарей, инженерныхъ кондукторовъ, граверовъ, наборщиковъ, телеграфныхъ сигналистовъ, а армія—музыкантовъ и ежегодно до 1000 унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей, специально приготовленныхъ въ выпускныхъ ротахъ, формируемыхъ при четырехъ учебныхъ карабинерныхъ полкахъ, которые комплектовались исключительно изъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, по достиженіи въ нихъ 18-ти лѣтняго возраста. Приготовленіе хорошихъ унтеръ-офицеровъ имѣло громадное значеніе и долго послѣ упраздненія въ 1856 году учебныхъ полковъ и исключенія всѣхъ кантонистовъ изъ военнаго вѣдомства, лучшими фельдфебелями арміи считались тѣ, которые прошли черезъ учебныя полки.

Что система воспитанія и обученія въ баталіонахъ военныхъ кантонистовъ имѣла много недостатковъ и излишней строгости, это справедливо; но что кантонистскія заведенія приносили большую пользу военному вѣдомству и стоили менѣе того, что тратится на замѣнившее ихъ, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Если счесть стоимость нынѣшнихъ писарскихъ классовъ, фельдшерскихъ школъ, техническихъ училищъ, плату за наемъ сверхъсрочныхъ унтеръ-офицеровъ, музыкантовъ, наборщиковъ, чертежниковъ, граверовъ и т. д., то едва-ли это не стоитъ дороже.

Говорили, что кантонистское воспитаніе до того портило мальчиковъ, что самое слово *кантонистъ* считались синонимомъ всевозможныхъ пороковъ. Предположимъ, что 4-я часть дѣйствительно оказывалась испорченною, за то $\frac{3}{4}$ выходили въ люди, приносили пользу и на десятки тысячъ уменьшали пролетаріатъ. Развѣ теперь слово *салдатскій сынъ*, развращающійся на свободѣ, не считается олицетвореніемъ безнравственности, среди которой, за рѣдкими исключеніями, пропадаетъ вся масса этого сословія, брошеннаго на произволъ судьбы, растуцаго безъ всякаго призрѣнія и надзора, тогда какъ прежде

солдатскія дѣти, сколько было возможно, оберегались отъ порчи. Стоитъ обратить вниманіе на судебную хронику, чтобы убѣдиться, что почти нѣтъ дѣла у мирового судьи, нѣтъ процесса, въ которомъ, въ числѣ виновныхъ, не было бы солдатскаго сына.

Спустя 15 лѣтъ по упраздненіи баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, военное вѣдомство допустило то, что само же уничтожило. Во всѣхъ гвардейскихъ и нѣкоторыхъ армейскихъ полкахъ разрѣшили устройство школъ для солдатскихъ дѣтей. Если спросить любого командира, у котораго есть школа, нужна ли она, то онъ отвѣтитъ, что безъ школы не было бы средствъ комплектовать пѣвчихъ, музыкантовъ, фельдшеровъ и писарей. Эти люди, отслуживъ 6 лѣтъ за свое образованіе, приобрѣтаютъ, на всю жизнь, возможность безбѣднаго существованія, избавляются отъ бродяжничества, отъ заработка поденщиною, отъ фабричнаго растлѣнія. Сдѣлавшись грамотными, насколько это нужно для ихъ дѣла, они обращаются послѣ службы въ полевныхъ гражданъ.

Во главѣ новой организаціи военно-учебныхъ заведеній стали, сохранившіе свои наименованія, Пажескій и Финляндскій кадетскій корпуса. На существованіе перваго новаторы смотрѣли косо и пробовали посягать на его привилегіи, но это не удалось. Финляндскій корпусъ остался кадетскимъ, по настоянію сейма, не желавшаго перемѣнить въ системѣ военного воспитанія. За этими двумя заведеніями слѣдовали *военныя училища*. Ихъ было основано три пѣхотныхъ: Первое Павловское, на мѣстѣ 1-го кадетскаго корпуса, Второе Константиновское, на мѣстѣ Павловскаго кадетскаго корпуса въ Петербургѣ, 3-е Александровское—въ Москвѣ и Николаевское кавалерійское, переименованное изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Въ строевомъ отношеніи каждое училище составляетъ баталіонъ четырехротнаго состава. Юнкера ихъ и пажи спеціальныхъ классовъ считаются состоящими на службѣ нижними чинами; они обязаны за каждый годъ пребыванія въ заведеніи прослужить полтора года. Принимались въ училища, на имѣющіяся вакансіи, молодые люди всѣхъ сословій, получившіе общее образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно какъ состоящіе на службѣ, такъ и числящіеся въ запасѣ нижніе чины, по выдержаніи установленнаго экзамена ¹⁾.

¹⁾ Истор. очеркъ военно-учеб. завед., стр. 290.

Желаніе привлечь въ училища больше вольноопредѣляющихся и лицъ со стороны и въ то же время дать имъ средства подготовиться къ экзамену заставило открыть при Константиновскомъ училищѣ особый одногодичный курсъ. Но какъ эта мѣра, такъ и другія льготы не достигли цѣли; со стороны шло весьма мало, и то съ цѣлями не гарантировавшими, что поступающіе останутся на службѣ и принесутъ ей пользу. То и другое было причиною, что одногодичный курсъ былъ упраздненъ, а потомъ и поступленіе въ училища лицъ со стороны прекращено.

Каковы были результаты первыхъ десяти лѣтъ существованія военныхъ училищъ, въ отношеніи числа выпущенныхъ въ войска офицерами и выбывшихъ непроезвительно, видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Изъ 1150 юнкеровъ, состоявшихъ во всѣхъ трехъ пѣхотныхъ училищахъ, ежегодно среднимъ числомъ выбывало:

По окончаніи курса.

Производствомъ въ офицеры	470
Выпускомъ унтеръ-офицерами	4
„ гражданскими чинами	2
Переводомъ въ спеціальн. заведенія	4
<u>Итого . . . . .</u>	<u>516</u>

До окончанія курса.

Уволено за неуспѣхи въ наукахъ	57
„ по домашнимъ обстоятельствамъ	41
„ по болѣзни	6
Исключено за проступки нижними чинами	14 ¹⁾ .

Слѣдовательно, при двухгодичномъ курсѣ, средняя производительная убыль достигала всего 45%.

На пополненіе какъ этой, такъ и непроезвительной убыли, въ тотъ же десятилѣтній періодъ, ежегодно среднимъ числомъ поступало:

Переводомъ изъ военныхъ гимназій, по окончаніи въ нихъ курса	420
Принято по аттестатамъ среднихъ учебныхъ заведеній	105
Принято по пріемнымъ экзаменамъ со стороны	112
<u>Итого . . . . .</u>	<u>637</u>

¹⁾ Едва-ли размѣру этого вида убыли можно вполнѣ вѣрить, потому что изъ одного Александровскаго военнаго училища, по отчету за 1867 годъ, было исключено за проступки 10 чел. „Педагогическій Сборникъ“ 1869 г. стр. 480.

Итакъ, болѣе половины валичнаго состава юнкеровъ въ каждомъ училищѣ пополнялось лицами, вовсе неподготовленными въ военно-воспитательномъ отношеніи.

Какъ бы ни была строга и педантична эта подготовка во время пребыванія въ училищахъ, она не могла замѣнить кадетской системы военнаго воспитанія, хотя бы юнкера содержали караулы и жили казарменнымъ порядкомъ. Что юнкера несутъ внутреннюю службу по уставу, носятъ солдатскія шинели, исполняютъ въ ротахъ хозяйственныя обязанности и имѣютъ артели,—все это прекрасно, но исполняется всего 2 года, когда юнкеру уже 17—18 лѣтъ. Такой срокъ, при самомъ строгомъ соблюденіи всѣхъ правилъ, недостаточенъ для того, чтобы юноша, обязанный, въ то же время, усиленно заниматься науками, могъ получить вполне военное направленіе и приобрѣсти любовь къ военной службѣ. При возрастѣ, въ которомъ молодые люди оставляютъ гимназіи и поступаютъ въ училища, мелочныя требованія военнаго воспитанія не могутъ казаться имъ привлекательными. Они не столько занимаютъ, сколько тяготятъ юношу, тогда какъ дѣтскій возрастъ кадета видѣлъ въ этихъ требованіяхъ развлеченіе и втягивался въ нихъ охотнѣе. Съ этимъ согласны многіе изъ служившихъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ офицеры.

„Существуетъ мнѣніе—писалъ одинъ изъ нихъ—о необходимости давать общему воспитанію перевѣсъ надъ военно-дисциплинарнымъ, то-есть заботиться главнымъ образомъ объ общечеловѣческомъ воспитаніи, а специально-военное оставлять какъ бы придаточнымъ, потому что будто-бы оно легко дается, если человѣкъ развитъ морально и умственно. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться“ ¹⁾. Такое отрицаніе высказаннаго мнѣнія офицеръ-воспитатель вполне вѣрно основываетъ на томъ, что военная служба имѣетъ до того своеобразныя условія, что они могутъ показаться странными тому, кто не привыкъ къ нимъ съ дѣтства. Чтобы проникнуться духомъ военныхъ требованій, нужно собственнымъ опытомъ пройти всю низшую военную подчиненность и начальствованіе отъ рядоваго до прапорщика, что и существовало въ кадетскихъ корпусахъ. Если офицеръ-воспитатель переходитъ въ педагоги, то долженъ быть крайне остороженъ, всегда слѣдить за собою и помнить, что кто душевно преданъ дѣлу военнаго воспита-

¹⁾ Записки воспитателя. „Педагогич. Сборн.“ 1868 г.

ніа, тотъ обязанъ жертвовать педагогическимъ началомъ, вездѣ, гдѣ необходимо оставаться начальникомъ.

Намъ скажутъ, что молодой человѣкъ, кончившій гимназію, можетъ основательнѣе судить о томъ, что отъ него требуютъ, легче воспріять это, и взгляды его на будущее серьезнѣе, чѣмъ увлеченіе мальчика. Мысль вѣрная въ общемъ, но не примѣнимая къ военному воспитанію и въ особенности къ молодежи, поступающей въ училище со стороны, или переводимой изъ военныхъ гимназій, гдѣ, какъ будетъ указано ниже, на подготовку къ военному званію смотрѣли сквозь пальцы. Со стороны шли или неимѣвшіе средствъ платитъ въ университетъ, или неприготовленные къ нему. Для первыхъ поступленіе въ училище являлось даровымъ способомъ образованія, для вторыхъ—возможностью, помимо четырехлѣтняго курса, достигъ общественнаго положенія въ два года. Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ призваніе къ военной службѣ было не при чемъ. Изъ военныхъ же гимназій переводились всѣ поголовно, слѣдовательно и здѣсь о призваніи не было рѣчи, а между тѣмъ мы видѣли, какъ объ этомъ хлопотали вводители реформы.

Выпущеннымъ изъ училищъ, отъ которыхъ въ шестидесятихъ годахъ ожидали въ войскахъ чего-то особеннаго, поручали въ полкахъ учебныя команды, приготовляющія унтеръ-офицеровъ. Не мало было примѣровъ, что послѣдніе оказывались хорошо подготовленными въ смыслѣ общаго образованія и развитія, но крайне слабыми въ служебныхъ предметахъ и въ практическомъ ихъ примѣненіи, единственно потому, что завѣдывающіе командами считали ихъ второстепенными. Ясно, что это зависѣло отъ существовавшего въ училищахъ направленія и отъ невѣрнаго взгляда на военное воспитаніе въ гимназіяхъ.

Выходившіе изъ училищъ въ полки долго не сходились съ своими сослуживцами, держали себя особнякомъ, давали замѣтить, что они куда образованнѣе тѣхъ, кто ими начальствуетъ. Имъ было какъ-то не по себѣ въ офицерской средѣ, а потому ихъ часто считали недовольными и оппозиторами. Въ этомъ были виноваты не молодые люди, а гимназическое начальство, пожертвовавшее всѣмъ педагогическимъ цѣлямъ въ ущербъ нравственно-военнымъ, а онѣ-то и должны быть всегда впереди.

Вскорѣ послѣ первыхъ выпусковъ изъ училищъ, въ войскахъ слышались жалобы на упадокъ товарищества, единства

*

взглядовъ и убѣжденій. Это понятно: въ училищѣ сходились молодые люди разныхъ гимназій и заведеній, между ними не было ничего общаго, ихъ ничто не связывало между собою. Начавшій воспитаніе въ одномъ заведеніи оканчивалъ его въ другомъ, совершенно при другихъ условіяхъ и въ другой обстановкѣ; ни онъ никого не зналъ, ни его не знали.

Стоитъ побывать на годовичныхъ корпусныхъ обѣдахъ, введенныхъ въ военномъ обществѣ, въ дни основанія прежнихъ кадетскихъ корпусовъ, чтобы видѣть разницу въ смыслѣ товарищества между прежними кадетами и выпущенными изъ училищъ. Бывшіе кадеты, не видясь иногда десятки лѣтъ, встрѣчаются какъ братья, а прошедшіе черезъ военныя гимназій и училища—какъ знакомые. Прежніе кадеты, несмотря на то, что ихъ становится все меньше и меньше, не упускаютъ случая встрѣтиться другъ съ другомъ, представители же новой системы военного воспитанія являются изрѣдка.

Тотъ сильно ошибется, кто подумаетъ, что на годовичныхъ товарищескихъ обѣдахъ прежнихъ кадетъ, въ произносимыхъ рѣчахъ и тостахъ, говорятся панегирики прошлому и осуждается настоящее. Напротивъ, тамъ рассказываются и вспоминаются анекдоты, обрисовывающіе скорѣе недостатки корпусной жизни, читаются невинныя сатиры и декламируются стихи на былое, все это безъ малѣйшей горечи и озлобленія; но и среди юмора часто слышится нотка сердечной любви и привязанности къ корпусу, гдѣ прошли юношескіе годы собесѣдниковъ, гдѣ совершилась между ними та духовная связь, которую трудно понять прошедшимъ черезъ новую систему военного воспитанія.

Учебная часть въ военныхъ училищахъ, по формамъ и методамъ преподаванія, часто измѣнялась, переходя по нѣскольку разъ отъ аудиторіальной въ классную и обратно. Главное Управленіе не брало на себя въ этомъ дѣлѣ окончательныхъ распоряженій и часто задавало педагогическимъ и воспитательнымъ комитетамъ различные вопросы, спрашивая ихъ мнѣній въ родѣ того: „слѣдуетъ ли прибѣгать для улучшенія занятій юнкерами къ принудительнымъ мѣрамъ?“ Училища отвѣчали каждое по-своему, и дѣло оставалось нерѣшеннымъ. Причинами малоуспѣшности юнкеровъ по учебной части считали „введеніе въ нихъ преподаванія военныхъ наукъ, съ которыми юнкера встрѣчаются впервые“¹⁾. Не под-

¹⁾ Матеріалы изъ отчетовъ военныхъ училищъ. „Педаг. Сборн.“ 1870 г.

тверждаетъ ли это высказанное нами мнѣніе, что готовить молодыхъ людей къ военному званію гораздо рациональнѣе не за два года до производства, а ранѣе.

Надо отдать справедливость, что военныя училища были въ своихъ отчетахъ гораздо правдивѣе и откровеннѣе военныхъ гимназій. Первые писали ихъ прямо, безъ самовосхваленій, что въ послѣднихъ было замѣтнѣе. Вотъ на примѣръ перечень совершаемыхъ юнкерами того времени проступковъ, показанныхъ въ отчетѣ одного изъ училищъ: неумѣстное объясненіе съ начальствомъ, своеправіе, невѣжливость, неисполненіе, лѣность во фронтѣ, опаздываніе въ строй и въ классы, отлучка изъ училища, возвращеніе изъ отпуска въ нетрезвомъ видѣ, расточительность и долги. Большая часть такихъ проступковъ была рѣдкимъ явленіемъ въ прежнихъ кадетскихъ корпусахъ, пока не начали вводить въ нихъ педагогическихъ началъ новой системы военнаго воспитанія.

Обратимся теперь къ военнымъ гимназіямъ. Первоначально были обращены въ военныя гимназіи только столичныя кадетскіе корпуса, а потомъ постепенно изъ провинціальныхъ: Новгородскій, Полоцкій, Кіевскій, Орловскій, Воронежскій и Полтавскій. Затѣмъ открыли 3-ю военную гимназію въ Петербургѣ, 3-ю и 4-ю въ Москвѣ, въ Псковѣ, въ Симбирскѣ, Оренбургѣ, Омскѣ, и Тифлисѣ. Такимъ образомъ новыя взгляды на военное воспитаніе пошли по всей Россіи. Общій же составъ военно-учебныхъ заведеній, къ 1880 году, состоялъ уже изъ двухъ корпусовъ—Пажескаго и Финляндскаго, изъ 4-хъ военныхъ училищъ, 2-хъ приготовительныхъ пансіоновъ, 18 военныхъ гимназій, 8 прогимназій и одной учительской семинаріи ¹⁾. Всѣхъ учащихся въ этихъ заведеніяхъ было 8.880 интерновъ и 2.452 экстерна, всего 11.332. На содержаніе ихъ, по смѣтѣ 1880 г., было назначено 4 милліона 21 тысяча руб. и еще на спеціальныя расходы 505.173 руб. Итого 4.526.173 руб. ²⁾.

¹⁾ Юнкерскія училища при окружныхъ штабахъ тогда въ составъ военно-учебныхъ заведеній еще не входили и были подчинены Главному Управленію только по учебной части.

²⁾ Независимо отъ этого, съ 1868 по 1880 годъ, надержано еще на новыя постройки, на капитальныя исправленія и приспособленія зданий, 4 милліона 700 тысячъ. Вычтя изъ нихъ 982.070 руб., павшіе на смѣтныя суммы, останется 3 мил. 717.930 р.; дѣля ихъ на 17 протекшихъ лѣтъ и приложивъ полученное частное, 218.584 руб., къ смѣтной

Воспитанниками военныхъ гимназій были: казеннокоштные, степендіаты различныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, своекоштные пансіонеры и приходящіе ученики. Первоначально въ гимназіи: Оренбургскую, Симбирскую, 3-ю Петербургскую и 3-ю Московскую, Омскую и Тифлисскую приходящими были лица всѣхъ сословій, а впоследствии это допущено и для другихъ гимназій. Воспитанники гимназій дѣлились на возрасты, помѣщаемые каждый отдѣльно, а возрастъ подраздѣлялся на отдѣленія, состоявшія изъ воспитанниковъ однихъ лѣтъ и одного класса. Такъ требовалось „Положеніемъ о военныхъ гимназіяхъ“; но изъ списковъ по возрастамъ видно, что въ старшемъ возрастѣ были 14 и 18 лѣтніе, въ среднемъ 12 и 16 лѣтніе и въ младшемъ 10 и 14 лѣтіе, что далеко не соответствовало пѣли. Такое распредѣленіе было выставлено педагогами новой системы какъ бы ими придуманное исправленіе главнаго недостатка кадетскаго воспитанія. Но развѣ прежніе корпуса не представляли такого же распредѣленія по возрастамъ, съ тою только разницею, что носили военно-административныя названія, именуясь ротами, которыя дѣлились на взводы и полувзводы. Такимъ образомъ 1-я рота состояла изъ кадетъ старшаго возраста, 2-я и 4-я изъ средняго, а 3-я и неранжированная изъ младшаго.

Воспитатели военныхъ гимназій избирались ихъ директорами, изъ лицъ какъ военнаго, такъ и гражданскаго званія. Обязанности ихъ въ сущности были совершенно тѣ же, что и корпусныхъ офицеровъ, но съ слѣдующими нововведеніями, клонившимися къ ущербу подчиненности: 1. Каждый воспитатель подчинялся прямо директору и сносился съ нимъ непосредственно. 2. Никакія воспитательныя мѣры не могли предприниматься помимо воспитателя, который самъ организуетъ всѣ классныя занятія своихъ воспитанниковъ. 3. Воспитатель наблюдаетъ за исправностію помѣщенія, продовольствія, ухода

годовой суммъ, оказывается, что военно-учебныя заведенія, не считая трехъ академій, ежегодно стоили 4.744.757 руб. (VII приложение къ Историческому очерку военно-учебныхъ заведеній). Между тѣмъ изъ таблицы „Историческаго очерка военно-учебныхъ заведеній“, помѣщенной на 90 его страницѣ, видно, что въ 1854 году содержаніе военно-учебныхъ заведеній стоило правительству 2.722.888 руб. Какія причины привели къ тому, что черезъ 6 лѣтъ тѣ же заведенія, съ прибавкою инженернаго и артиллерійскаго училищъ и съ академію генеральнаго штаба, какъ значилось въ запискѣ Д. А. Милютина, стоили 5.589.650 р., мы разясненія найти не могли. (Ист. очер. военно-уч. завед., стр. 278 и 274).

за больными и вообще за образомъ жизни воспитанниковъ, какъ въ заведеніи, такъ и внѣ онаго.

И такъ между 20 или 25 воспитателями и директоромъ не было посредствующаго лица, которое наблюдало бы, чтобы всѣ распоряженія директора были одинаково поняты и исполнены, а самъ директоръ становился въ двусмысленное положеніе и терялъ самостоятельность, такъ какъ не имѣлъ права предпринять какую-либо воспитательную мѣру помимо согласія своего подчиненнаго.

Переходъ отъ прежней системы воспитанія къ педагогической сильно не нравился кадетамъ, переименованнымъ въ гимназисты. Онъ казался имъ обиднымъ, хотя внутренніе порядки и требованія, сравнительно съ кадетскими, и представляли нѣкоторыя облегченія. Много значило одно то, что лучшіе изъ кадетъ теряли право на производство въ фельдфебеля и унтеръ-офицеры, а вмѣстѣ съ этимъ и значеніе въ глазахъ товарищей. Вновь поступившіе гражданскіе воспитатели не знали ни характеровъ, ни наклонностей воспитанниковъ; воспитатели же, изъ оставленныхъ при гимназіяхъ корпусныхъ офицеровъ, не могли войти на путь новыхъ требованій и воззрѣній и усвоить то, что шло въ разрѣзъ военныхъ принциповъ. Все это неминуемо порождало столкновенія и недоразумѣнія въ заведеніяхъ, представлявшихъ собою смѣсь чего-то неопредѣленнаго, отвергшаго военнаго начала и не усвоившаго гражданскихъ.

Желаніе поднять гражданскій элементъ и возвысить званіе воспитателей въ глазахъ гимназистовъ заставило руководителей реформы дать первымъ большую власть надъ вторыми, сравнительно съ тою, которою пользовались офицеры въ корпусахъ. Это-то особенно и не нравилось бывшимъ кадетамъ. Между тѣмъ вникая во все, что выдавалось за новое, педагогическое, оказывалось вытекавшимъ и взятымъ изъ прежнихъ постановленій о кадетскихъ корпусахъ, только переименованнымъ на гражданскій ладъ, противорѣчившій военному режиму, но вводимому въ угоду духу времени.

Изъ протоколовъ педагогическихъ комитетовъ военныхъ гимназій видно, что мысль о возможности дѣйствовать на воспитанниковъ одними внушеніями и совѣтами не приводила къ цѣли, а потому все чаще и чаще прибѣгали къ исключенію изъ заведеній. Но и это приписывали не недостаткамъ системы новаго военнаго воспитанія, а тому, что, при подчиненіи воспи-

танія педагогическимъ началамъ, пришлось привлечь къ дѣлу людей неопытныхъ, представлявшихъ только задатки, но не умѣнье вліять на массу. Въ первое же время пришлось наткнуться на препятствія, доказывающія, что качества воспитатели и его направленіе нельзя опредѣлять по степени его развитія и познаній, такъ какъ внутреннія достоинства человѣка—честность убѣжденій, и сознаніе долга,—вмѣстѣ съ сердечнымъ участіемъ къ воспитанникамъ, гораздо дороже научныхъ познаній. Замѣчательно,—говорилъ намъ потомъ одинъ изъ первыхъ директоровъ провинціальной военной гимназіи,—что „тѣ изъ воспитателей, которые были изъ числа оставленныхъ корпусныхъ офицеровъ, несмотря на новизну дѣла, примѣнялись къ нему скорѣе и болѣе соответствовали своему назначенію, нежели взятые со стороны гувернеры“.

Оффиціальныя отчеты за первые годы существованія гимназій указываютъ на мнѣніе ихъ начальства, будто-бы улучшенію нравственности въ новыхъ заведеніяхъ препятствовали привычки и обычаи, принесенные кадетами. Еслибы это было въ дѣйствительности такъ, то могло бы продолжаться только до тѣхъ поръ, покуда бывшіе кадеты оставались въ гимназіяхъ. Между тѣмъ тѣ же отчеты доказываютъ, что и впослѣдствіи воспитатели постоянно боролись съ нравственными недостатками тѣхъ, кто были уже собственными воспитанниками гимназій. Въ подобномъ обвиненіи бывшихъ кадетъ видно только желаніе педагоговъ продолжать нареканія на корпусное воспитаніе и сваливаніемъ своей неумѣлости вести молодежь на прошлое, оправдывать неудачу своихъ нововведеній.

Начала, положенныя въ основу нравственнаго воспитанія военныхъ гимназистовъ, были вполнѣ вѣрныя, но они не могли прививаться вслѣдствіе фальшивости самой системы и тѣхъ формъ и способовъ, которыми проводилась и примѣнялась она. Религіозность, привычка къ труду, уваженіе къ старшимъ и повиновеніе, все это, въ теченіе 16-ти лѣтняго существованія военныхъ гимназій, оставалось на общемъ слабомъ нравственномъ уровнѣ молодежи того времени, и многое оказалось потомъ гораздо ниже, чѣмъ было въ кадетскихъ корпусахъ прежняго времени.

Приведемъ факты, подтверждающіе это.

„Нельзя не удивляться—значилось въ отчетѣ одного изъ директоровъ,—равнодушію воспитанниковъ къ своимъ родителямъ. Рѣдко кто безъ напоминанія вспомнить о необходи-

мости написать письмо на родину“¹⁾. Что же касается до религіозности, то въ другомъ отчетѣ читаемъ: „судя по вѣѣшности, младшій возрастъ религіозенъ, но воспитанники старшаго и средняго возраста представляютъ въ этомъ отношеніи рѣзкую противоположность“.

Намъ не слѣдовало бы и затрогивать вопросовъ о поведеніи и порядкѣ, потому что отсутствіе этихъ воспитательныхъ началъ въ военныхъ гимназіяхъ и было одною изъ главныхъ причинъ ихъ непродолжительнаго существованія. Какой же могъ быть порядокъ и надзоръ въ заведеніи, когда воспитанику, получившему 8 балловъ, дано было право идти на полтора часа въ городъ, куда хотѣлъ, для прогулки. „Право это—читаемъ въ отчетѣ—воспитанниками очень цѣнится, и обыкновенно каждый отыскивалъ какой-либо предлогъ, чтобы идти въ городъ и быть безъ присмотра воспитателя“²⁾.

Сначала подобная поощрительная мѣра была введена однимъ изъ директоровъ, но вѣроятно она нравилась новымъ педагогамъ, потому что вошла въ оффиціальную инструкцію³⁾. Впрочемъ нѣкоторые изъ директоровъ не подчинились ей, такъ напримѣръ въ отчетѣ 2-й Петербургской военной гимназіи значилось: „никакія прогулки по городу однихъ воспитанниковъ не допускаются“.

По инструкціи каждый воспитатель, въ указанные часы, долженъ былъ находиться при своемъ отдѣленіи, но какъ это исполнялось и какой произволъ существовалъ во взглядахъ директоровъ, находимъ указанія въ отчетѣ за 1867 годъ. „Я считаю тягостнымъ—писалъ директоръ—увеличивать размѣръ обязательнаго пребыванія воспитателей въ заведеніи и *предоставилъ на добрую цѣль волю* приходить въ свои отдѣленія, когда признаютъ это необходимымъ“. Въ этихъ словахъ заключается не только произвольное нарушеніе требованій начальства, но прямо антидисциплинарный взглядъ и дурной примѣръ для воспитанниковъ, приготавливаемыхъ къ военной службѣ.

Желая избѣгнуть нареканія въ неправильномъ оужденіи о новой системѣ военнаго воспитанія, мы внимательно разсмотрѣли отчеты военныхъ гимназій за первое десятилѣтіе ихъ существованія. Проводимыя въ нихъ мысли и взгляды до того различны и своеобразны, до того несогласны съ основными

1) Отчеты за 1869 годъ.

2) То же за 1870 годъ.

3) Изъ отчетовъ за 1869 годъ.

принципами военнаго воспитанія, что позволяемъ себѣ указать на нихъ.

1. Доказывалось, что инструкціи воспитателямъ не нужны, потому что *„время, различіе характеровъ и убѣжденій самого воспитателя обуславливаютъ форму и потребности воспитательной дѣятельности.“* (Отчетъ 2 Петербургской воен. гимн. 1863 г.)

2. Желали и позволяли, *чтобы виновный воспитанникъ „самъ себя назначалъ наказаніе“* (отчетъ 1 Моск. воен. гимн. 1866 г.).

3. Изъ исправительныхъ мѣръ, принятыхъ для массы воспитанниковъ, *употреблять только: „выговоры, наставленія и убѣжденія“.* (Тамъ же).

4. Предоставлять лучшимъ воспитанникамъ какія-либо преимущества *„воспитатели признаютъ несогласнымъ съ цѣлью воспитанія“.* (Отъ Кіев. воен. гимн. 1865 г.).

5. *„Всѣ приказанія передавать воспитаннику преимущественно въ формѣ совѣта“.* (2 Петер. воен. гимн. 1863 г.).

6. *„Не налагать взысканій на виновнаго воспитанника не своею отдѣленія“.* (Орловская воен. гимн. 1865 г.).

7. *„Даже сильнѣйшая грубость воспитанника должна отразиться (1) учителемъ спокойно и вѣжливо“.*

8. *„Учитель не долженъ быть придирчивъ къ шалостямъ воспитанниковъ,—лучше не обращать на нихъ вниманія“* (1 Петерб. воен. гимн. 1866 г.).

9. *„Предоставлять воспитанникамъ обсуждать поступокъ, не называя виновнаго“.* (1 Москов. воен. гимн. 1866 г.).

10. *„Воспитателямъ приводить въ исполненіе взысканія не иначе, какъ по обсужденіи ихъ въ цѣломъ составѣ комитета“.* (Тамъ же).

11. *„При совершеніи важнаго проступка приглашать воспитанника къ письменному изложенію мотивовъ къ нему и своего о немъ мнѣнія.“* (1 Москов. воен. гимн. 1866 г.).

12. Взысканія за проступки извѣстной важности *налагаютъ судомъ коллегіальнымъ“.* (Полоцкая воен. гимн. 1867 г.).

Еще болѣе странныя понятія и взгляды на военное воспитаніе встрѣчаются въ отчетахъ слѣдующихъ годовъ. Въ 1868 году, когда уже прошло 5 лѣтъ отъ введенія новой системы, когда о кадетскихъ корпусахъ не было и помина, военные гимназіи обрисовываются своими отчетами въ крайне разнообразномъ нравственно-воспитательномъ отношеніи. Воспитатели доносили, что не проходятъ дня, чтобы гимназисты *не жили вались на учителей, что въ нѣкоторыхъ возрастахъ образуются*

partii, имѣющія своихъ коноводовъ, преимущественно католиковъ съ польскими убѣжденіями, а переведенные изъ другихъ заведеній, по ихъ закрытіи, не сливаются съ коренными воспитанниками гимназій. Оказывается, что противонаправственные поступки гимназистовъ были тѣ же, что и въ уничтоженныхъ кадетскихъ корпусахъ, въ періодъ ихъ упадка, на что было высказано педагогамъ 60-хъ годовъ столько горькихъ нареканий. По отзывамъ отчетовъ, военные гимназисты, даже въ отношеніи внутреннего порядка, не признавали авторитета воспитателей до того, что часто повторяющееся послушаніе переходило иногда въ открытое неповинованіе. Ссоры и брани повторялись ежедневно, а кто искалъ защиты воспитателя—считался ябедникомъ: Все это подтверждается оффиціальными отчетами различныхъ гимназій; они же указываютъ и на мѣры, которыми рассчитывали исправить дѣло. Многие воспитатели были того мнѣнія, что *выскакія раздражаютъ гимназистовъ*, а потому къ нимъ слѣдуетъ прибѣгать какъ можно рѣже, что на массы надо дѣйствовать массою же, что *надзоръ долженъ быть умпренный* и что полевно иногда *дѣлать видъ, что не замѣчаешь проступка*, а потомъ при случаѣ сдѣлать намекъ, что онъ извѣстенъ. Не похожа ли подобная система на нѣчто іезуитское, на какое-то занскиваніе. Одинъ изъ подобныхъ педагоговъ писалъ. „Если въ классѣ, во время моего занятія, кто-либо ходитъ или разговариваетъ, то я спокойно замѣчаю,—разговаривать вы можете, но скажите, когда кончите, дабы я могъ продолжать“. Другой доводилъ свою деликатность до того, что если мальчишки шумѣли во фронтѣ, то: „я—доносилъ онъ—спокойно стою передъ строемъ, или отхожу въ дежурную комнату и жду, покуда возобновится тишина. Въ этомъ случаѣ бумажка и карандашъ въ рукѣ имѣютъ не малое значеніе; не успѣешь вынуть его, какъ все затихаетъ“. Не есть ли это сознаніе въ неумѣнн прекратитъ безпорядокъ личнымъ вліяніемъ и доказательство неуваженія воспитанниковъ къ строю и къ воспитателю.

Въ программу физическаго воспитанія военныхъ гимназистовъ входило и обученіе фронту, но имъ занимались всего одинъ разъ въ недѣлю, при чемъ въ младшемъ и среднемъ возрастахъ учили только выправкѣ и ходьбѣ, а въ старшемъ и ружейнымъ приемамъ. Но на все это смотрѣли какъ на занятіе, неимѣющее никакого значенія, вслѣдствіе чего оно обратилось въ пустое, ни къмъ не провѣряемое препровожденіе вре-

мени. Походить подъ музыку считалось развлеченіемъ, а между тѣмъ воспитателямъ, которые требовали тишины въ строю, все труднѣе и труднѣе было удерживать гимназистовъ отъ шума и школьничества. Ясно, что обученіе фронту было сохранено какъ уступка прошлому, только для вида, чтобы можно было сказать, что физическое воспитаніе ведется по корпусному, что воспитанники выводятся въ лагерь, имѣютъ полувоенную форму. Этимъ прикрывались слѣдующіе факты:

Одинъ изъ воспитателей, представляя своему директору отчетъ о лагерныхъ занятіяхъ, доносилъ: „Вторая половина лѣта была посвящена мною бесѣдамъ объ оборонѣ Севастополя, причемъ надо было присвать такой тонъ разсказа, который не *расшевеливалъ бы въ воспитанникахъ воинственности*“. Другой воспитатель писалъ въ отчетѣ: „Видя, что гимназисты наиболѣе расположены къ книгамъ, въ которыхъ описываются военныя сцены и подвиги, я долженъ былъ выбирать для нихъ авторовъ *имало направленія*“¹⁾. Изъ этого видимъ, что воспитанники стремились къ военному режиму, но ихъ сдерживали; не ясно ли, что это дѣлалось съ извѣстною цѣлью, въ угоду иныхъ взглядовъ и убѣжденій. Замѣчательно, что даже въ играхъ мальчиковъ преобладали тѣ, которыя имѣли военный оттѣнокъ и характеръ нападенія или обороны. „Во время вызова желающихъ—читать въ одномъ изъ донесеній воспитателя—идти со мною на прогулку въ городъ, многіе отказались, чтобы остаться играть въ казаки и въ стрѣльбу въ цѣль, картофелемъ изъ гусиныхъ перьевъ“.

Впрочемъ нѣкоторые изъ директоровъ рѣшались поддерживать въ воспитанникахъ стремленіе дѣтскаго возраста къ молодечеству, и иногда, вопреки принципамъ гимназической педагогики, угрождали имъ. „Надо видѣть радость мальчиковъ,—писалъ одинъ изъ остававшихся при гимназій офицеровъ,—когда директоръ препринимаетъ военную прогулку, обыкновенно называемую дѣтьми — маневрами. Даже гимназисты младшаго возраста не отстаютъ отъ старшихъ, просятся въ развѣдчики, устраиваютъ засады“.

Составъ воспитателей военныхъ гимназій былъ смѣшанный и если сравнивать его съ офицерами бывшихъ кадетскихъ корпусовъ, то послѣдніе, хотя были меньшаго научнаго образованія, но люди испытанныхъ правилъ и твердыхъ нравствен-

¹⁾ Отчетъ Нижегородской воен. гимназій.

ныхъ убѣжденій. вмѣсто нихъ пошла въ гимназіи молодежь, не отравленная опытомъ жизни, полная какихъ-то неопредѣленныхъ стремленій, способная не сдерживать, а напротивъ разжигать воображеніе юношей. Подобныя личности шли въ воспитатели, чтобы уйти отъ строевой службы, временно устроиться, а затѣмъ перейти куда выгоднѣе. Отъ этого они оставались недолго при заведеніи, искали у воспитанниковъ популярности и мѣнялись, какъ дѣйствующія лица на сценѣ. вмѣстѣ съ учителями новаго направленія, они внушали юношамъ то, отъ чего слѣдовало бы оберегать ихъ. Могутъ сказать, что такіе воспитатели были изъ прежнихъ кадетъ, слѣдовательно изъ корпусовъ же вынесли свои убѣжденія. Во-первыхъ, прежде они никогда не попали бы въ воспитатели, а во-вторыхъ, все вредное привилось къ нимъ въ переходное время, когда корпуса уже были подготовлены къ воспріятію задуманной реформы.

Выборъ учителей хотя и подвергался извѣстнымъ условіямъ, въ родѣ пробныхъ лекцій, но ни въ одномъ изъ постановленій того времени, ни въ одной изъ конфиденціальныхъ инструкцій мы не встрѣтили указаній, чтобы обращено было вниманіе на нравственную сторону и убѣжденія преподавателя. Всякому имѣвшему научную репутацію и слывшему приверженцемъ новыхъ педагогическихъ взглядовъ, хотя бы они вовсе не соответствовали военному воспитанію, преподаваніе предоставлялось охотно.

Ежегодное среднее число воспитанниковъ въ военныхъ гимназіяхъ составляло 5.360 человекъ. Изъ нихъ средняя же ежегодная непроезводительная убыль была слѣдующая:

Увольнялось не кончивъ курса по домашн. обст.	182	чел.
Увольнялось по болѣзни	18	"
" за неуспѣхи въ наукахъ	150	"
Переводилось по неспособн. въ военныя прог.	112	"
Исключалось за проступки.	23	"
Перевод. въ Вольскую прог. для исправленія	10	"
Итого	495	" ¹⁾

Такой непроезводительной убыли никогда не давали кадетскіе корпуса при прежней системѣ военнаго воспитанія.

Сторонники гимназическаго режима обыкновенно говорятъ,

¹⁾ Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, стр. 255

что въ военныхъ гимназіяхъ существовало то же направленіе, не было только кадетскаго солдатства. Въ корпусахъ было не солдатство, а безусловное повиновеніе приказаніямъ военнаго характера и строгое соблюденіе порядка, безъ чего не можетъ существовать никакое воспитательное заведеніе. Въ корпусахъ воспитатели знали, для какой цѣли они готовятъ кадетъ; въ гимназіяхъ они игнорировали эту цѣль. Да и могли ли иначе смотрѣть чиновники, незнавшіе сами условій будущей службы своихъ воспитанниковъ и сами не симпатизировавшіе ей. Могъ ли быть порядокъ тамъ, гдѣ мальчикамъ, подъ видомъ отдыха, позволялось днемъ лежать на кроватяхъ. Можно ли послѣ этого удивляться, что воспитанникъ гимназіи, пробывшій 2 года въ военномъ училищѣ, являясь въ полкъ, подходилъ къ полковому командиру со словами: „я пріѣхалъ“. „Очень радъ“, отвѣчалъ ему полковникъ, „откуда и куда?“ „Изъ такого-то училища въ вашъ полкъ“. И такимъ образомъ, являвшійся былъ потомъ въ томъ же училищѣ воспитателемъ и педагогомъ. Отъ подобнаго направленія и зародилось у военной молодежи понятіе, что въ военной службѣ есть мелочи, на которыя образованному человѣку не стоитъ обращать вниманія.

Между воспитанниками военныхъ гимназій не было установлено никакого старшинства, не существовало никакихъ наружныхъ отличій. Можетъ быть для этого существуютъ важныя педагогическія причины; вѣдь есть же педагоги, доказывающіе вредъ экзаменовъ и оцѣнки отвѣтовъ баллами и увѣряющіе, что лѣниваго слѣдуетъ наказывать не оставленіемъ на лишнее время на занятіяхъ, а запрещеніемъ на извѣстное время посѣщать ихъ.

Въ прежнихъ кадетскихъ корпусахъ лучшіе по нравственности и успѣхамъ воспитанники производились въ тѣ самыя начальническія званія, какія существуютъ въ войскахъ для нижнихъ чиновъ. Тамъ были ефрейтора, унтеръ-офицеры, фельдфебеля. Носившіе эти званія исполняли въ строю ихъ обязанности по уставу, а въ административномъ отношеніи только то, что не отвлекало ихъ отъ классныхъ занятій. Кадетскія роты дѣлились на взводы и отдѣленія; первыми начальствовали старшіе унтеръ-офицеры, вторыми—младшіе. Такое начальствованіе не было номинальнымъ: каждый имѣлъ и исполнялъ опредѣленныя обязанности и отвѣчалъ за своихъ подчиненныхъ. Соблюденіе личной опрятности, чистота и аккурат-

кость въ одеждѣ, знаніе начальства, правила отданія чести; все это провѣрялось и осматривалось унтеръ-офицерами, и нарушеніе чего-либо кадетомъ падало на отвѣтственность перваго. Это приносило громадную пользу въ будущемъ. Пройдя такіа должности, кадетъ съ раннихъ лѣтъ привыкалъ къ подчиненности и отвѣтственности. Выйдя въ офицеры, ему и въ голову не приходило обижаться, если начальникъ взыщетъ съ него за неисправность солдата. Получа ваводъ, ему не надо было учиться, какъ управлять имъ; вновь произведенный зналъ, съ кого что требовать, кто и за что долженъ отвѣчать. Пржнему кадету ничто на службѣ не казалось мелочью, потому что онъ убѣждался собственнымъ опытомъ, какъ нарушеніе частности ведетъ къ разстройству цѣлаго. Всякое повышение въ корпусѣ, хотя и увеличивало обязанности, но радовало и поощряло его.

Намъ возразятъ, что все это и дѣлается въ военныхъ училищахъ, гдѣ существуютъ унтеръ-офицеры и фельдфебеля. Согласны, что дѣлается еще болѣе, что у кадетъ не было ни артельщиковъ, ни артелей; но въ училищахъ производятъ въ портупей-юнкера за нѣсколько мѣсяцевъ до выпуска, когда молодой человекъ уже мечтаетъ объ эполетахъ, да едва-ли онъ и отвѣчаетъ за неотданіе чести, или за незнаніе обязанностей часоваго юнкеромъ его отдѣленія. Въ возрастѣ подъ двадцать лѣтъ поздно пріучать къ тому, о чемъ надо было заботиться въ 13. Разъ, что не разыскиваютъ за подчиненнаго съ его ближайшаго начальника,—нѣтъ отвѣтственности, нѣтъ и службы.

Вопросъ о томъ, гдѣ уровень познаній былъ выше, въ кадетскихъ корпусахъ или въ военныхъ училищахъ, считаетъ вопросомъ открытымъ. Чтобы рѣшить его, надо доказать, что кадеты учились хуже и хуже знали пройденное, а этого теперь доказать нельзя. Можно только указать на факты, что изъ прежнихъ кадетъ не мало было извѣстныхъ профессоровъ, ученыхъ инженеронъ, знаменитыхъ артиллеристовъ и замѣчательныхъ администраторовъ на гражданскомъ поприщѣ. Правда, ихъ остается немного, но въ этомъ виновато время, а не прежняя система военнаго воспитанія.

Остается сказать о военныхъ прогимназіяхъ, служившихъ вспомогательными заведеніями для гимназій. Учреждаемыя постепенно изъ военныхъ школъ, онѣ имѣли цѣлью дать подго-

товительное образованіе сыновьямъ офицеровъ и чиновниковъ военнаго вѣдомства, но въ нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, въ Владикавказскую, Оренбургскую и Омскую, разрѣшалось принимать мальчиковъ всѣхъ сословій. Сюда же переводились тѣ воспитанники военныхъ гимназій, которые по малоспособности не могли слѣдить за курсомъ. Одна изъ прогимназій, именно Вольская, была вмѣстѣ съ тѣмъ и исправительнымъ заведеніемъ, для тѣхъ переводимыхъ въ нее изъ гимназій воспитанниковъ, которые по своимъ дурнымъ наклонностямъ и порочнымъ свойствамъ имѣли дурное вліяніе. Удерживая общую организацію и учебный курсъ, Вольская прогимназія получала особыя средства для усиленія надзора и для развитія между воспитанниками занятій ремесленными и въ особенности земледѣльческими работами. Какіе это принесло результаты и была ли достигнута исправительная цѣль этого заведенія, доступные намъ источники, къ сожалѣнію, не указали.

Что же касается общей дѣятельности всѣхъ прогимназій вообще, то въ среднемъ выводѣ, за десятилѣтіе съ 1869 по 1879 годъ, наличное число воспитанниковъ простиралось до 2.430 человекъ. Изъ этого числа выбывало ежегодно:

По окончаніи курса.

а) Выпускомъ въ войска унтеръ-офицерами и вольноопредѣляющимися 3-го разряда	360
б) Выбывшими на службу въ военнаго вѣдомства	34
в) Переводомъ въ техническія школы	10
г) Назначеніемъ въ учительскую семинарію	23
Итого	427

До окончанія курса.

а) Уволено по домашнимъ обстоятельствамъ	125
б) Исключено за неуспѣхи въ наукахъ	107
в) По болѣзни	8
г) За дурное поведеніе и проступки	27
Итого	267

Значитъ, ежегодно оканчивало курсъ 18% и исключалось безъ исправленія 10%.

Всякое учрежденіе только въ томъ случаѣ можетъ считаться правильно и цѣлесообразно поставленнымъ, и рассчитывать на прочное существованіе, если оно создано не искус-

ственно, не вслѣдствіе какой-либо придуманной извѣстной цѣли, а является естественною необходимостью и потребностью. Исчезаетъ или разгадывается цѣль—исчезаетъ и само учрежденіе, вмѣстѣ съ даннымъ ему направлениемъ.

Эти пророческія мысли, встрѣченныя нами въ одномъ изъ номеровъ журнала „Педагогическій Сборникъ“ первыхъ годовъ его существованія, были прологомъ къ статьѣ того же журнала „Военныя училища и военныя гимназіи“. Въ ней прямо указывалось на необходимость уничтоженія кадетскихъ корпусовъ. Авторъ не предчувствовалъ, что не пройдетъ и 20 лѣтъ, какъ его пророчество исполнится въ отношеніи военныхъ гимназій, для которыхъ приведенныя мысли могутъ служить эпитафіею, и которыя было бы напрасно поддерживать какими бы то ни было искусственными мѣрами. Несмотря на непродолжительность опыта, вскорѣ оказалось, что принятое военными гимназіями направленіе не соотвѣтствуетъ основнымъ началамъ военнаго воспитанія и той службы, къ которой онѣ должны были готовить своихъ воспитанниковъ. Проводившимъ новыя идеи и взгляды, въ духѣ времени, хотѣлось пошатнуть твердыя основы прежней системы, при которой все было обдуманно въ общемъ и въ частностяхъ, при которой оставалось только свято исполнять установленныя правила въ указанномъ направленіи. Имъ хотѣлось, чтобы всякій, призванный къ воспитательной дѣятельности, могъ проводить свои убѣжденія, могъ бы по-своему работать надъ характеромъ и волею юношей, могъ бы провозглашать, какъ тогда и дѣлалось, что отдѣльное существованіе военно-учебныхъ заведеній дѣлается анахронизмомъ, но не прошло и 20 лѣтъ, какъ анахронизмомъ оказались военныя гимназіи.

Въ сравнительно непродолжительный періодъ времени, не только правительство, но и общественное мнѣніе убѣдилось въ коренныхъ недостаткахъ совершившейся реформы. Дождаться, чтобы посѣянное ею принесло плоды, было рискованно, тѣмъ болѣе, что испробованныя въ семидесятихъ годахъ палліативныя мѣры не приводили къ цѣли. Вслѣдствіе этого, въ 1882 году правительство рѣшило обратить военныя гимназіи въ кадетскіе корпуса. Это произвело повсемѣстно самое радостное впечатлѣніе.

Радовалось этому все военное общество, радовались сами гимназисты, радовались отцы и матери, желавшіе видѣть сыновей своихъ внѣ соблазновъ, губившихъ молодежь въ пере-

ходное время. Они надѣялись, что новые кадетскіе корпуса дадутъ ихъ дѣтямъ то военное воспитаніе, которое укрѣпитъ въ нихъ религіозныя начала, привязанность къ порядку, разовьетъ преданность долгу, однимъ словомъ все то, что составляло прерогативы прежняго военнаго воспитанія.

Возвращеніе къ прежней системѣ произведено было безъ всякой ломки. Въ новыхъ корпусахъ были даже временно оставлены тѣ гражданскіе воспитатели, которыхъ находили полезными; замѣна ихъ военными происходила постепенно и также постепенно вводился прежній внутренній порядокъ, надзоръ и подчиненность, существовавшіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ до реформы, съ нѣкоторыми только уступками современнымъ взглядамъ на педагогическое воспитаніе вообще.

Спустя нѣкоторое время возрасты были обращены въ роты; старшимъ ротамъ каждаго корпуса даны ружья и строевое снаряженіе, а прочія начали систематически обучать фронту. Равнодушіе къ требованіямъ военнаго свойства исчезло, и нынѣшніе воспитатели должны смотрѣть на свои обязанности съ благодаруміемъ людей, сознающихъ, къ чему они готовятъ своихъ кадетъ.

Многіе считаютъ обращеніе военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса полумѣрою, измѣнившюю только названія, но оставившею сущность системы прежнею. Конечно, нынѣшній методъ кадетскаго воспитанія отличается и долженъ отличаться отъ дореформеннаго, насколько духъ нынѣшнихъ уставовъ и тактическихъ требованій отличается отъ существовавшихъ 40 лѣтъ назадъ. Инаде и быть не можетъ, но онъ—военный, проникнутый дисциплиною и тѣми условіями военнаго направленія, которыя доступны кадетскому возрасту.

Переименованіе гимназій въ корпуса можетъ считаться полумѣрою еще потому, что послѣднимъ не возвращено право доводить образованіе кадетъ до конца. Не сомнѣваясь, что на это, быть можетъ, существуютъ финансовыя и другія соображенія, въ родѣ недостатка спеціальныхъ преподавателей въ провинціи, мы не можемъ не сожалѣть объ этомъ, какъ о фактѣ, отягчающемся на духѣ товарищества и единодушія офицерскихъ обществъ.

Выше мы уже говорили о невыгодѣ переводовъ изъ военныхъ гимназій въ училища. Жаль, что эта невыгода остается и теперь. Офицеръ, произведенный изъ училища, принадле-

жить уже ему, а не корпусу, давшему главное направленіе его характеру, свойствамъ и опособностямъ. Сдавъ своихъ кадетъ въ училища, корпуса остаются въ тѣни, заслоненные специальнымъ заведеніемъ; они не могутъ принимать на свой счетъ тѣхъ результатовъ своихъ же трудовъ, которые дастъ ихъ кадетъ при производствѣ черезъ два года въ офицеры,—все это приписется училищу. Съ другой стороны и кадеты, проведя 5 лѣтъ въ корпусѣ и 2 года въ училищѣ, колеблются между привязанностью къ родному заведенію и необходимостью принадлежать новому, съ которымъ еще ничто не связываетъ ихъ, кромѣ формы. Прежде, когда кадеты начинали и кончали воспитаніе въ одномъ и томъ же заведеніи, помимо личныхъ отношеній, ихъ связывали преданія корпуса, его неуловимыя для постороннихъ особенности и старинное слово „однокашникъ“, имѣвшее болѣе глубокой смыслъ, чѣмъ теперь думаютъ.

Возвращеніе кадетскимъ корпусамъ права доводить своихъ воспитанниковъ до производства въ офицеры, еслибы и потребовало нѣкотораго увеличенія расходовъ по учебной части и быть можетъ расширенія помѣщеній ¹⁾, то эти расходы не были бы значительны и вполнѣ вознаградились бы тою пользою, которую получило бы отъ подобной мѣры военное воспитаніе, въ смыслѣ корпоративности и товарищества въ арміи. Еслибы военныя училища комплектовались лучшими вольноопредѣляющимися изъ полковъ, то не было бы надобности переводить въ нихъ кадетъ. Черезъ это всякія перемѣщенія были бы отстранены, а уровень офицерскаго образованія повысился бы, такъ какъ военныя училища дали бы офицерамъ съ лучшими познаніями, чѣмъ могутъ дать юнкерскія. Такимъ образомъ прежняя система военного воспитанія была бы восстановлена вполнѣ, со всѣми ея благими послѣдствіями.

Осуществится ли это когда-либо или нѣтъ, во всякомъ случаѣ одно возстановленіе прежнихъ кадетскихъ корпусовъ, и въ настоящемъ видѣ, приносить громадную пользу военному воспитанію.

На это слѣдуетъ смотрѣть, какъ на знакъ Монаршаго вниманія къ тѣмъ заслугамъ, которыя въ теченіе полотораста

---

¹⁾ Последнее едва-ли бы оказалось необходимымъ, потому что въ зданияхъ бывшихъ кадетскихъ корпусовъ, состоявшихъ изъ 5 ротъ, помѣщались и специальные классы, а съ тѣхъ поръ повсюду сдѣланы значительныя пристройки.

лѣтъ оказывали кадеты, на различныхъ отрасляхъ государственной службы. Воскресло имя кадета, и тысячи прежнихъ кадетъ протянуть руку кадетамъ новымъ, принимая ихъ въ товарищескую среду арміи, для общаго служенія Россіи. Одни съ своею опытностію, другіе съ болѣе свѣжимъ познаніями, дружно пойдутъ къ одной цѣли—доказать, что наше прежнее военное воспитаніе, влитое въ новые сосуды, всегда пойдетъ по стезѣ, указываемой державными вождями арміи и прославившими ее героями.

***

Очерки изъ старо-кавказской жизни.

I.

Княжеская свадьба.

Джемаль-бекъ, правитель Кайтаха, изъ рода уцмievъ, женилъ своего сына на дочери Шамхала Тарковского. Два знаменитыхъ дагестанскихъ рода вступали въ родственныя связи.

Аулъ Кая-Кентъ, находящійся на почтовой дорогѣ, идущей изъ Дербента въ Темиръ-Ханъ-Шуру, былъ назначенъ мѣстомъ свадебныхъ празднествъ.

По приглашенію Джемаль-бека насъ нѣсколько человекъ пріѣхало въ аулъ, гдѣ уже празднества начались. На небольшой площадкѣ, наводненной любопытной толпой, натянутъ былъ канатъ, по которому акробатъ-персіянинъ ходилъ взадъ и впередъ подъ безконечное визжанье зурны. Мать акробата, въ грязныхъ лохмотьяхъ, поднявъ руки къ верху, приплясывала подъ самымъ канатомъ, бормоча какія-то слова.— „Молить Аллаха, чтобъ сынъ не упалъ. Такой у нихъ обычай“, пояснилъ намъ нашъ проводникъ.

Бросивши старухѣ нѣсколько серебряныхъ монетъ, мы отправились въ отведенную для насъ саклю, довольно красиво убранную коврами, тюфяками и подушками.

Не успѣли мы переодѣться, какъ княжескій нукеръ явился къ намъ съ приглашеніемъ отъ своего повелителя на чай. Поднявшись на верхъ, въ саклю, занимаемую Джемаломъ, мы увидѣли просторную комнату, наполненную вооруженнымъ

народомъ. Воздухъ наполнялся ароматомъ собственнаго, татарскаго запаха.

Джемаль сидѣлъ на подушкахъ, въ лѣвомъ углу, около окна, одѣтый въ свѣтло-сѣрую чоку съ откидными рукавами, съ неизмѣннымъ кинжаломъ на поясѣ. На уши надвинута была у него плоская кайтахская папаха. По сторонамъ его сидѣли, поджавши ноги, чины его придворнаго штата, переднимъ пѣвецъ съ чонгурой, рядомъ съ аккомпанирующимъ ему зурначомъ, а дальше до самыхъ заднихъ стѣнъ публика; кто имѣлъ право сидѣть, сидѣлъ, а кто не имѣлъ—подпиралъ стѣну.

Джемаль—довольно тучный татаринъ, имѣлъ на видъ лѣтъ подъ пятьдесятъ. Въ чертахъ его лица видна была порода; его взглядъ и движенія показывали человѣка, привыкшаго повелѣвать. Окружавшая его толпа раболѣпно слѣдила за каждымъ его движеніемъ и взглядомъ. Онъ, какъ видно, успѣлъ уже осушить порядочную дозу пунша.

Красивый юноша, его виночерпій, частенько подносилъ ему новый стаканъ, предварительно отпивая половину, за чѣмъ зорко слѣдилъ Джемаль.

Обычай отвѣдыванія подносимаго правителю напитка ведется у мѣстныхъ бековъ съ давнихъ временъ.

Большею частью дагестанскіе владѣтели, находясь подъ страхомъ измѣны и интригъ своего двора, всю ночь на пролетъ бодрствуютъ и засыпаютъ только на зарѣ, когда народъ начинаетъ пробуждаться. Чѣмъ же скоротать длинныя ночи? Такъ какъ вино воспрещено закономъ Магомета, то является ромъ, коньякъ, портеръ, и ночныя возліанія тянутся до бѣла свѣта въ компаніи благонадежныхъ людей; благо, что азіатская натура чрезвычайно воспримчива къ выпивкѣ. Виночерпій при подобныхъ правителяхъ не долго выживаютъ. Имъ приходится выпивать въ видѣ предварительныхъ пробъ гораздо болѣе своего господина и въ то же время быть всегда трезвыми. Для этого, какъ говорятъ, они прибѣгаютъ къ разнымъ домашнимъ средствамъ, разрушительно дѣйствующимъ на здоровье.

Подали и намъ пуншъ. Мы, какъ почетные гости, помѣстились въ сосѣдствѣ съ Джемаломъ. Пѣвецъ импровизировалъ; зурна чуть слышно акомпанировала, чонгури звенѣлъ замирающими звуками. Пѣвецъ воспѣвалъ красоту и любовь. Онъ пріятнымъ тембромъ голоса велъ полный страсти речитативъ. Опу-

стивъ чонгури, поднималъ онъ одну руку кверху, а другую прижималъ къ груди и съ вдохновеннымъ взоромъ декламировалъ свои стихи. Зурна едва слышно стонала, вполне гармонируя смыслу импровизаціи. Толпа съ затаеннымъ дыханіемъ слушала поэта. Азіятская кровь волновалась, глаза подергивались влагой.

Джемаль повидимому апатично слушалъ пѣвца, осушая стаканъ за стаканомъ. Онъ былъ, кажется, болѣе поклонникъ Бахуса, чѣмъ богини Венеры.

Пѣвецъ умолкъ. Послышались вздохи и гулъ одобренія. Наступилъ антрактъ.

Самое важное лицо на подобныхъ свадьбахъ—„шахъ“. Это простой нукеръ, котораго бекъ, за вѣрную его службу, дѣлаеть повелителемъ праздника. Онъ сидитъ на первомъ мѣстѣ, ведетъ бесѣду, распоряжается и отдаетъ приказанія, которыя безусловно исполняются. Самъ бекъ даже находится подъ его началомъ. „Шахъ“ есть душа общества. Отъ его остроумія, находчивости и такта зависитъ оживленіе и порядокъ на празднествѣ. Это, такъ сказать, вполне правоспособный калифъ на часъ, могущій сдѣлать и доброе дѣло. Онъ, напр., можетъ приказать удовлетворить обиженнаго, пересмотрѣть и исправить уже рѣшенную тяжбу, или выдать бѣдняку вспомошествованіе. И всѣ распоряженія его немедленно исполняются.

На этотъ разъ „шахъ“ хотя безъ умолку острилъ и болталъ, но выходило это у него довольно грубо и плоско. Онъ занесся до того, что началъ объяснять происхожденіе цмѣевъ съ такими пошлыми прибаутками, что Джемаль, хотя и съ снисходительной улыбкой, но такъ посмотрѣлъ на него, что тотъ заблагоразсудилъ повѣствованіе это прекратить и повернуть свое остроуміе въ другую сторону.

Къ сожалѣнію, „шахъ“ на этой свадьбѣ былъ неудачный.

Между тѣмъ раздался звонъ чонгури. Пѣвецъ приподнялся, и воинственная его пѣснь загремѣла, какъ проповѣдь Магомета. Этотъ тщедушный человѣчекъ въ ветхой чохѣ вдругъ преобразился и былъ неузнаваемъ. Куда дѣвалось то сладостное томленіе, охватившее все его существо, когда онъ незадолго передъ тѣмъ воспѣвалъ красавицу, подарившую первымъ поцѣлуемъ своего возлюбленнаго, отъ котораго

„Какъ солнцемъ озарился
Темный сводъ пещеры“...

Теперь его глаза горѣли и метали молніи, зажигая отвагой сердца слушателей. Онъ пѣлъ о геройскихъ подвигахъ кавказскихъ джигитовъ, умниравшихъ за исламъ въ борьбѣ врагомъ.

Подъ дѣйствіемъ алкоголя, восторженныхъ словъ пѣвца и всегдашней затаенной ненависти къ гаурамъ, глаза слушателей искрились зловѣщимъ пламенемъ, руки судорожно хватались за кинжалы и пистолеты... А пѣвецъ все пѣлъ, и присутствующіе невольно общимъ хоромъ повторяли за нимъ припѣвъ:

Кайтагъ адамъ!

Кайтагъ адамъ!...

— Смотрите, какъ у нихъ налились кровью глаза, сказалъ мой сосѣдъ, юноша, недавно прибывшій изъ корпуса и считавшій уже себя старымъ кавказцемъ. — Во всякомъ случаѣ надо смѣло выдержать ихъ тигровые взгляды. Эти опьянѣвшіе фанатики шлютъ вѣдъ угрозы по нашему адресу...

Въ этотъ моментъ одинъ изъ слушателей, прійдя въ экстазъ, выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ, но грозный взглядъ и повелительный жестъ Джемала сразу обсрвалъ и пѣвца, и слушателей, а „шахъ“, чтобы разсѣять опасное настроеніе публики, принялся балагурить и отпускать плоскія остроты.

— Чортъ ихъ побори съ ихъ угощеніемъ, сказалъ тотъ же юноша, когда мы далеко за полночь возвращались въ отведенное намъ помѣщеніе. — Еслибъ Джемалъ былъ пьянѣе, мы бы, пожалуй, не вышли отъ него живыми. Для нихъ убить гаура ничего не стоитъ. Убилъ и въ горы, а тамъ ищи вѣтра въ полѣ. Впрочемъ у насъ была гарантія, во-первыхъ, мы были гости, а во-вторыхъ...

— А во-вторыхъ, перебилъ старый штабсъ-капитанъ юнаго воина, — лучше справимся о програимѣ завтрашняго дня, и имѣйте въ виду, что каждый изъ нихъ дорожитъ своей собственной шкурой больше, чѣмъ мы своей. Это лучшая для насъ гарантія. Эй! Магома! что будетъ завтра?

— Утромъ я васъ поведу къ моему кунаку, онъ васъ угоститъ на славу. Послѣ обѣда отправимся за околицу, на встрѣчу невѣсты, вечеромъ сдѣлаемъ ей посѣщеніе, потомъ жениху и проводимъ его около полуночи къ невѣстѣ.

Объяснялъ все это Магома, приставленный къ намъ, довольно обрусѣвшій, пожилой татаринъ, въ чинѣ юнкера милиціи.

Мы легли спать на мягкихъ тюфякахъ, покрытыхъ безукоризненно чистымъ бѣльемъ и одѣялами.

Знойный день склонялся къ вечеру; волнистая равнина, раскинувшаяся отъ Кая-Кента по направленію къ Буйнаку, покрылась косыми тѣнями, а далеко налѣво утопали въ туманѣ дагестанскія вершины, съ стоявшими надъ ними пурпурными облачками. Ровный, вечерній вѣтерокъ тянулъ отъ Каспія, освѣжая тѣло, утомленное дневнымъ зноемъ.

Изъ-за дальняго пригорка показались всадники и послышались выстрѣлы. То шамхальцы провожали дочь своего князя. По дорогѣ тянулись десятка съ два воловьихъ и буй-воловыхъ арбъ, покрытыхъ пестрыми коврами, въ которыхъ везли приданое и придворный штатъ невѣсты. Сама же невѣста помѣщалась въ передней арбѣ, закрытой со всѣхъ сторонъ персидскими коврами. Снаружи, у передняго полога, сидѣла старуха-татарка, бывшая ея кормилицей или нянькой. Впереди воловъ шла густая толпа молодыхъ и старыхъ татарокъ и музыкантовъ, рабившая въ глазахъ пестротой своихъ костюмовъ. Сотни верховыхъ неслись въ карьеръ, джигитуя по всѣмъ направленіямъ съ гикомъ и выстрѣлами вокругъ свадебнаго поѣзда; золотая пыль и клубы пороховаго дыма, гонимые морскимъ вѣтеркомъ, еще болѣе придавали эффекта этой оригинальной картинѣ, горѣвшей въ огнѣ заходящаго солнца.

Но вотъ у арбы невѣсты вышло какое-то замѣшательство. Группа лихихъ всадниковъ въ карьеръ неслась по направленію къ аулу. Во время этой скачки что-то свѣтлое перехватывалось другъ у друга и вотъ далеко оставивши назади своихъ товарищей, мчитса, весь въ пыли, татаринъ съ подушкой подъ мышкою. Тысячная толпа, высыпавшая навстрѣчу молодой, загикала отъ восторга, а шальной джигитъ не слыша, не видя ничего, съ драгоценною ношею пролетѣлъ мимо насъ, какъ угорѣлый, и какъ будто провалился между сакль аула.

Дѣло состояло въ томъ, что, не дождая нѣсколькихъ верстъ до аула, молодые джигиты, увѣренные въ быстротѣ своихъ коней и въ собственной ловкости, стараются выхватить подушку изъ арбы невѣсты и доставить ее жениху, который даетъ за то значительную денежную награду. Понятно, что во время этой бѣшеной скачки съ подушкой каждый старается

вырвать ее изъ рукъ счастливица и воспользоваться наградой. Слава о подобномъ подвигѣ живо разносится въ горахъ.

Но вотъ поѣздъ съ визгомъ зурны, грохотомъ барабановъ, стрѣльбою, пѣснями и пляскою, окутанный клубами пыли, вваливается въ аулъ, который своими закоулками поглощаетъ его также, какъ передъ этимъ поглотилъ джигита съ подушкой.

Громадная толпа женщинъ въ своеобразныхъ костюмахъ, пляшущихъ, поющихъ, или, вѣрнѣе, кричащихъ подъ аккомпаниментъ барабановъ и зурны, масса конныхъ и пѣшихъ горцевъ, безпрестанная ихъ стрѣльба и гиканье, зрители, собравшіеся со всѣхъ концовъ аула и размѣстившіеся гдѣ попало, на деревьяхъ, на крышахъ сакль, на пригоркахъ—все это представляло поразительную, полную жизни картину, переносящую воображеніе въ сказочный міръ Шахеразады. Тутъ сама собою содалась великолѣпная феерія, сценою для которой служила дикая природа Дагестана.

Черезъ часъ мы посѣтили саклю невѣсты. Балъ въ полномъ былъ разгарѣ. Просторный навѣсъ сакли и дворъ запружались народомъ. Кругъ около двухъ аршинъ въ діаметрѣ оказался достаточнымъ для лезгинки. Танцевальный „залъ“ этотъ освѣщался сальными свѣчами домашней фабрикаціи, которыя держали въ рукахъ нѣкоторые изъ гостей, размѣстившихся въ первыхъ рядахъ круга. Тутъ были и дочери Джемала, молодья княжны, красивыя и стройныя, какъ газели, въ богатыхъ восточныхъ костюмахъ, съ тюлевыми чадрами, откинутыми назадъ.

Зурна затянула лезгинку. Вышелъ молодой татаринъ, сдѣлалъ туръ и остановился; желающая танцевать съ нимъ дѣвушка, выступивъ изъ толпы, приняла позу, и началась пляска, изображающая собою цѣлую поѣму любви. Преслѣдованія страха, страсти, борьба между отказомъ и уступкой, полная женскаго кокетства—все это передавалось съ замѣчательной выразительностью и граціей.

Когда какая-нибудь изъ княженъ вступала въ кругъ, то кавалеръ, изъ уваженія къ ея высокому происхожденію, снималъ папаху и танцевалъ съ открытой головой.

Кромѣ танцевъ вечеръ разнообразился играми, между которыми одна выполнялась по большей части женщинами, съ находчивостью, которой могли бы позавидовать наши дамы и кавалеры. Входить въ кругъ кто-нибудь изъ гостей съ полѣ-

номъ въ рукахъ, пропоетъ нѣсколько стиховъ своей импровизаци и садится на низенькую табуретку. Подходить къ нему дѣвушка, беретъ у него полѣно, слегка ударяетъ имъ по плечу сидящаго и продолжаетъ начатую тѣмъ пѣсню, за ней идетъ слѣдующая дѣвушка и т. д. Изъ этой импровизаци составляется длинная пѣсня, въ которой не теряется ни единства смысла, ни размѣра, ни приемы, и всякая новая находчивая строфа вызываетъ общее одобреніе.

Но вотъ издали послышались пѣнье и зурна и съ ними появляется юноша, несущій глиняный кувшинъ съ водкою, а на каждомъ пальцѣ правой его руки стаканчикъ, и онъ ловко ими перебираетъ. За вошедшимъ слѣдуетъ другой съ разными сластями, и они въ пѣснѣ своей объясняютъ, что молодая благодаритъ гостей за посѣщеніе и проситъ ихъ полакомиться и пить въ свое удовольствіе. Юноша со стаканчиками, выдѣлывавая разныя па, ловко разливаетъ водку и подноситъ ее гостямъ съ веселымъ видомъ, полнымъ радушія, приглашая ихъ не побрезгать угощеніемъ невѣсты. Сама же невѣста находится въ это время въ отдаленной комнатѣ сакли подъ охраною вѣрнаго стража своего, старухи-няньки.

Было уже около 11 часовъ ночи, когда мы направились съ своимъ провожатымъ и съ нѣкоторыми изъ гостей на другой конецъ аула, въ саклю жениха. Красивый юноша, въ парчевомъ бешметѣ, встрѣтилъ насъ у порога своей сакли, его окружали дружки. То былъ женихъ. Здѣсь повторилось то же угощеніе, та же пласка, но теперь только безъ женщинъ.

По совершеніи женихомъ какихъ-то обрядностей, мы тронулись въ путь. Женихъ, покидая саклю, гдѣ провелъ послѣднія минуты своей холостой жизни, былъ молчаливъ и серьезенъ.

Замѣчательно, что, во время всего свадебнаго празднества, несмотря на порядочное количество выпитой водки, всѣ вели себя самымъ благопристойнымъ образомъ.

Пока мы дошли до невѣсты, сопровождавшая насъ толпа останавливалась нѣсколько разъ, сальные огарки подымались кверху и начиналась тамаша. Наконецъ мы пришли. На галлерей и на дворѣ по-прежнему шелъ оживленный пиръ. Но, чтобъ жениху попасть въ спальню своей нареченной, нужно было не мало поторговаться ему со старухой-нянькой, Аргусомъ, у порога своей питомицы и, только послѣ продолжительныхъ переговоровъ и торга, старуха, почувствовавъ въ

своихъ рукахъ полноувѣсный кошелекъ, исчезла, и двери отворились.

Пляска и пѣсни продолжаютъ, и распорядители усердно угощаютъ публику, стараясь поддержать общее веселье. Впрочемъ и поддержки особенной не нужно: гости находятся въ отличномъ настроеніи духа. Но вотъ вбѣгаетъ молодой татаринъ, расталкивая публику, становится подъ навѣсомъ посреди толпы и стрѣляетъ въ потолокъ...

Зурна надрывается, барабаны оглушительно стучать, выстрѣлы сыплются, какъ горохъ... Апоезовъ феерин!

II.

Тетка Аксюша.

Мы спускались въ глубокое заросшее густымъ лѣсомъ ущелье. По лѣвому гребню его неприятель провожалъ насъ выстрѣлами. Отрядъ двигался по довольно сносной широкой дорогѣ, съ какой-то лихорадочной поспѣшностью. Экспедиція была окончена, и мы спѣшили домой въ штабъ, чтобы поспѣть къ пасхальной заутренѣ.

Я уже нѣсколько дней чувствовалъ себя не хорошо, и при спускѣ въ ущелье мнѣ сдѣлалось такъ плохо, что докторъ велѣлъ уложить меня на носилки. У меня начинался тифъ.

Смутно представлялись мнѣ клочекъ синяго неба съ бѣлыми облачками, слѣва утесы и осыпи, затянутые мощной южной порослью, безконечная движущаяся щетина штыковъ, перемѣшанная съ всадниками и вьюками, и два затылка, прикрытыхъ папахами, несшихъ меня на своихъ плечахъ, впереди шедшихъ солдатъ. Я забывался. Мнѣ казалось, что я лежу на какой-то полочкѣ, висѣвшей на стѣнѣ, и что стѣна эта двигалась вмѣстѣ съ солдатами.

По временамъ учащенная стрѣльба, какой-то грохотъ (какъ оказалось отъ падающихъ камней) и крики людей: „Сторонись, братцы! Сторонись! вотъ, вотъ, летить!“... пробуждали меня отъ забытья, и я озирался кругомъ блуждающими глазами и какъ-то безучастно, равнодушно относился ко всему происходящему вокругъ. Я болѣе всего беспокоился о томъ, что четыре человѣка должны были меня тащить. Я обращался къ

нимъ съ частыми вопросами, не устали ли они, и опять впадалъ въ забытiе. Опять мнѣ казалось, что я лежу на полочкѣ, которая движется вмѣстѣ со стѣною.

Но вотъ раздавшiеся вокругъ меня выстрѣлы и крики снова меня пробуждаютъ. Чувствую, что несшiе меня люди дрогнули, слышу надъ моимъ ухомъ слова: „Господи, прости наши прегрѣшенiя“ и вмѣстѣ съ тѣмъ мимо моихъ глазъ что-то бурое громадной величины шурша пронеслось и, обдавъ меня холоднымъ вѣтромъ, зарокотало по опуску. Это была каменная глыба, спущенная съ нависшей надъ дорогою скалы.

Я совсѣмъ опомнился.

— Братцы - товарищи, сказалъ я своимъ носильщикамъ, Господь простилъ наши прегрѣшенiя.

И мы стали креститься.

Опять мнѣ начала грезиться движущаяся полочка. Но вотъ раздается около меня оглушительный валъ. Я открываю глаза. Выше дороги на косогорѣ стоитъ окрававленный старикъ-татаринъ; бритая голова его и одинъ глазъ залиты кровью, другой страшно смотреть на всѣхъ. Онъ съ отчаянiемъ отбивается винтовкой, но удары прикладовъ сыплются на него со всѣхъ сторонъ.

— За что вы его убиваете! кричу я и теряю сознание.

Помню, въ этотъ день я еще разъ пришелъ въ себя. При выходѣ изъ ущелья отрядъ остановился, меня положили на землю.

— Что такое? спрашиваю я солдатиковъ.

— Сейчасъ артиллерiя очиститъ выходъ, отвѣчаютъ мнѣ, горцы засѣли въ самой тѣснинѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ слышу валы орудiй, слышу стукотню разлетающейся по лѣсу картечи, трескотню ружей, стоны около моихъ носилокъ... И больше уже ничего не вижу, не слышу, не понимаю.

Когда я открылъ глаза и пришелъ въ сознание, то долго не могъ понять, гдѣ я нахожусь. Все мною испытанное до окончательной потери памяти вдругъ ясно и отчетливо мнѣ представилось.

Между тѣмъ я лежу на кушеткѣ; въ небольшiя окна привѣтливо смотритъ весеннее солнышко.

— Очнулся, голубчикъ, слышу женскiй голосъ, благодаренiе Господу Создателю!

Я поворачиваю голову и вижу передъ собой пожилую женщину въ клѣтчатомъ передникѣ, съ повязанной головою, которая такъ участливо, такъ радостно смотритъ на меня.

— Аль не узналъ хозяйку свою, что звалъ теткой Аксюшей, сказала она, какъ только ты появился у насъ на „штапу“, такъ съ тѣхъ поръ и не сходилъ вѣдь у меня съ квартиры.

— Ахъ, Аксюша!

— Узналъ, узналъ, касатикъ.

— Да какъ же я сюда попалъ, тетка Аксюша? Мы вчера шли тамъ въ ущельи. На насъ легли камни...

— И... голубчикъ мой. Это вчера было тому назадъ три недѣли. А теперь, слава Создателю, и яблоньки, и груши, и вишни отцвѣли и—пташки божіи щебечуть у насъ въ палисадникѣ. А полковница прислала тебѣ бульонцу, да вина заморскаго; вотъ ты и подкрѣпишься. Ишь какой сталъ, точно съ креста снятый.

Молодость взяла свое, мнѣ было только 18 лѣтъ. Я сталъ скоро поправляться.

— Да разокажи мнѣ, Аксюша, какъ я къ тебѣ попалъ? спросилъ я ее.

— Когда вы наканунѣ Пасхи возвращались съ похода, вотъ мы, все бабье, по заведенному обычаю, и вышли васъ встрѣчать. Не увижу ли, думаю, тебя. Нарочно не велѣла никому сдавать комнаты. Прѣшли солдатки, тебя нѣтъ. Проходятъ вьюки, несутъ раненыхъ. А тутъ знакомый солдатикъ— что шелъ съ носилками и говоритъ: тетка Аксинья, вотъ не-семъ твоего постояльца юнкера-малыша, велѣно въ полковой лазаретъ. Я къ доктору: батюшка-докторъ, ваше благородіе, отпустите ко мнѣ мальчонка-то. Ни роду, ни племени, говорю, одинъ вѣдь какъ перстъ на чужой сторонѣ. Пустите, говорю.— Да вѣдь отъ умереть, говорить.—Ну пусть умереть у меня. А можетъ быть Господь поможетъ и вынянчаю его. Коли наша сестра-баба не порадѣетъ о сиротѣ, кто жъ его присмотритъ. Отпустилъ, дай Богъ ему здоровья. Адъютантъ освободилъ мово старого отъ службы, онъ, какъ ты помнишь, на фѣготѣ играетъ въ музыкантскомъ хорѣ; вотъ мы тебя и вырвали у смерти.

Я схватилъ жесткую руку Аксюши и покрылъ ее поцѣлуями.

— Что ты, голубчикъ-баринъ, мужицкую-то руку цѣловать!

— Нѣтъ, тетя Аксюша, эта рука женщины, которая дѣ-лаетъ добро, дѣлаетъ подвиги безъ всякихъ своекорыстныхъ расчетовъ, исключительно по своей доброй славянской натурѣ.

Аксюша смотрѣла на меня, непонимая и десятаго слова изъ моей высокопарной юношеской тирады.

— Голубчикъ мой, успокойся. Ажъ страшно стало. Ты такія чудныя слова говоришь. Опомнись, Господь съ тобой.

И она меня стала крестить.

— Тетка Аксюша, ты, какъ я вижу, не поняла меня, ты думаешь, я брежу...

— И понимать не хочу. Глотни-ка вина лучше. Вотъ и образумишься.

И такъ моя восторженная рѣчь не произвела никакого эффекта, или лучше сказать, произвела совершенно противоположное дѣйствіе.

Дѣло шло на поправку. Но какъ-то черезъ нѣсколько дней послѣ этого, заходить ко мнѣ передъ вечеромъ докторъ. Пощупалъ мой пульсъ, посмотрѣлъ языкъ, помычалъ, почесалъ затылокъ, процѣдилъ сквозь зубы какое-то латинское слово и сказалъ, прощаясь:—посмотримъ, что будетъ завтра, а теперь пока адію, надо пойти посмотрѣть Аксинью, она что-то недомогается.

У меня сдѣлался возвратный тифъ. Прошло не мало времени, пока я пришелъ въ себя и сталъ оправляться. Вижу, довольно просторная комната; стоитъ съ десятокъ форменныхъ кроватей, кромѣ меня лежитъ еще какой-то больной въ сторонѣ. И такъ, я въ полковомъ лазаретѣ. Что же это значить? Отъ чего же я не у Аксюши? Оно и лучше, думается мнѣ, я ей бѣдной и безъ того много причинилъ безпокойства.

Вошелъ фельдшеръ. Поздравилъ меня съ праздничкомъ и принесъ нѣсколько писемъ, полученныхъ во время моей болѣзни.

— А о васъ приходилъ часто справляться солдатикъ-музыкантъ, сказалъ онъ, вотъ и теперь пришелъ.

— Позови его сюда.

— Да оно, знаете, не слѣдовало бы, да благо больныхъ теперь совѣмъ нѣтъ. Вы поправляетесь, тотъ тоже готовится на выписку.

Вошелъ мужъ Аксюши.

— Здравствуй, голубчикъ Насилій Ивановичъ, спасибо, что навѣщалъ.

— Здравія желаю, сударь. Поздравляю съ выздоровленіемъ. Господь Богъ возвратилъ васъ въ этотъ міръ.

— Ну что жъ моя дорогая тетушка Аксюша. Вотъ скоро увижусь съ ней.

При этихъ словахъ, глаза у фэгониста замигали, голосъ задрожалъ, и онъ проговорилъ, глотая слезы.

— Нѣтъ, не увидите вы ее больше. Умерла Аксинья отъ тифа. Съ недѣлю тому назадъ, какъ ее похоронилъ.

Я упалъ на подушку и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Миръ праху твоему, хорошая русская женщина!

III.

Капралъ Петровичъ.

Было около девяти часовъ утра; и хотя мы находились на шести тысячахъ футь высоты, но июньское солнце давало себя чувствовать. Солдаты, навьюченные походными торбами, медленно двигались по каменистому подъему, чуть-ли не въ 45°; штыки поминутно заваливались, то и дѣло слышалось: „не уди рыбу, подтяни прикладъ!..

„Веселѣй, ребята“, ободряли командиры, „не далеко осталось, не по попустямъ идемъ“.

Съ первымъ взводомъ 7-й мушкатерской роты бодро шелъ старшій капралъ Семенъ Петровичъ, покуривая изъ коротенькой трубочки; удовольствіе это онъ позволялъ себѣ изрѣдка, когда былъ въ хорошемъ настроеніи духа. На видъ ему было далеко за пятьдесятъ. Обожженное южнымъ солнцемъ лицо съ глубокимъ шрамомъ на лѣвой щекѣ, длинные съ сильной просѣдью бакенбарды и могучее тѣлосложеніе стараго кавказца, проведеншаго около 3-хъ десятковъ лѣтъ въ непрерывныхъ походахъ, давали ему внушительный видъ, производившій неотразимое обаяніе на солдатъ.

— Что, Гречка, ослабѣлъ? обратился онъ къ солдату, едва передвигавшему ноги.

— Ничего, дяденька, какъ-нибудь добреду.

— Дай ружье, а вы, ребяташки, кто покрѣиче, подсобите малому дотащить торбу.

— Здорово, дядя Петровичъ! крикнулъ проѣзжавшій мимо молодой капитанъ, состоявшій при отрядномъ штабѣ. Отставка тебѣ вышла? Вдешь что ли со мной въ Орловскую?

— Здравія желаю, ваше благородіе, точно такъ, отставка получена здѣсь, въ отрядѣ.

— Чего жъ опять поплелся? отправился бы въ штабъ-квартиру.

— Куда жъ теперь, ваше благородіе. Отбуду походъ, а потомъ и на родину.

— Видно привычка! Есть у тебя тамъ кто?

— Была когда-то жена, ребята, да, почитай, лѣтъ двадцать, какъ не получалъ вѣстей. Какая теперь ужъ тамъ родина. Думаю, дѣти и отца не признають.

— Ну, будь здоровъ, старина, осенью поѣдемъ, помни своего племяша, а я тебя вѣкъ не забуду; когда бъ не ты вынесъ меня на своихъ плечахъ, гнили бы мои косточки подъ Салтами.

И капитанъ, стегнувъ нагайкой своего карабаха, затерялся между казаками и милиціонерами.

— Вотъ, сударики мои, обратился къ намъ Петровичъ, его благородіе былъ мнѣ сданъ на руки почти ребенкомъ; что жъ, ему было тогда лѣтъ 17, да прямо подъ Салты. Тутъ его на штурмѣ чуть-ли не перваго положили. Труднымъ былъ. Такъ мнѣ его жалостно стало. Ходилъ за нимъ, какъ нянька. Землякъ мой. Тятеньку и маменьку его знавалъ!

— Подижь ты, продолжалъ, не много помолчавъ, Петровичъ, примѣрно, въ сколькихъ дѣлахъ бывалъ я и счетъ потерялъ, а раненъ всего три раза. Онъ же какъ ни сунется и есть. Подъ Салтами разъ, подъ Гергебилью два, подъ Чохомъ три, въ Шулягахъ...

— Навались, братцы, немного осталось, рукой подать. Пѣсенники, впередъ! крикнулъ ротный командиръ.

И усталости какъ не бывало. Цыганъ-запѣвало завертѣлся волчкомъ, побрякивая ложками, кларнетъ завизжалъ невообразимыя рулады и, подъ тактъ тулумбаса, люди, забывъ о подъемѣ, зашагали какъ по ровному мѣсту, а лихая кавказская пѣсня далеко разносилась по горамъ.

„Шелъ кайтагцевъ наказать
Князь нашъ Аргутинскій,
А Шамель вздумалъ напасть
На лагерь гамашинскій!“

затянулъ цыганъ съ разными варіантами.

„Ура! Самурцы молодцы!
Апшеронцы удалцы!“

гаркнулъ хоръ съ акомпаниментомъ тулумбаса, барабана и всевозможныхъ снадобій изобрѣтательнаго хормейстера.

— Здорово, братцы, 7-ая рота! здорово, братцы, гренадеры! поздравляю съ дѣломъ, напередъ знаю, будете молодцами! раздавался голосъ проѣзжавшаго мимо батальонера.

Подъемъ, сотню разъ обманывавшій наши ожиданія, наконецъ сразу обрѣзалъ и перешелъ въ обширное плато. Свѣжій вѣтерокъ животворной струей обдалъ людей, расположившихся на отдыхъ.

Далеко впереди виднѣлись части авангарда, вправо, на высокомъ холмѣ, стоялъ отрядный генераль со штабомъ; кавалерія куда-то мчалась въ карьеръ, а сзади, по пройденному нами подъему, подтягивался вьючный обозъ и отсталые. Около Петровича по обыкновенію образовался кружокъ. Поболтать было слабостью капрала. Это была ходячая хроника полка. У него въ запасъ всегда какая-нибудь интересная исторійка.

Вотъ за пригоркомъ ажнуло орудіе, разъ, другой, третій. Разсыпная цѣпь задымилась. Среди нашихъ выстрѣловъ отчетливо вычеканивалось щелканье татарскихъ винтовокъ. Мимо насъ промчалась ракетная команда съ юнымъ офицерикомъ впереди. Вотъ уже она на пригоркѣ, шипящія ракеты понеслись въ чернѣющія кучки горцевъ, спѣшившихъ занять оврагъ. Нѣсколько удачныхъ ракетъ разорвалось какъ разъ въ среднѣ толпы, и горцы, разсыпавшись въ стороны, понеслись отъ оврага къ опушкѣ лѣса.

— Ловко! ишь какъ улепетываютъ. Что, не вкусно! весело галдѣли солдаты. Между тѣмъ слѣва на горѣ показались дымки, и вслѣдъ за тѣмъ засвистали пули и защелкали азіатскіе выстрѣлы.

— Въ ружье!.. раздалась команда.

Вотъ она, роковая минута. Господи благослови!

— Карповъ! слышится строгій голосъ Петровича, не кланяться! я тебѣ такъ поклонюсь, что ты и внучатамъ закажешь.

— Да я, дядя Петровичъ...

— Знаю, что я дядя Петровичъ; смотри, всѣ смѣются. Коли свиститъ, значитъ проѣхала, а ты ей кланяешься. Та, что для тебя предназначена, братецъ ты мой, пѣть не будетъ.

Карповъ былъ совершенно сконфуженъ и только разводилъ руками въ отвѣтъ на подтруниваніе товарищей.

— Ой, ой!..

— Коваленко, чего ты? спросилъ Петровичъ, подходя къ молодому солдатику. — Эка важность, на излетѣ, пропороло немножко кожу. Бинтъ есть? завяжи, да такъ на ходу присохнетъ. Эхъ ты, хохландія! Колибъ это настоящая, а то вѣдь шальная! утѣшалъ Петровичъ, перевязывая рану. Коваленко выругался и послалъ непріятеля къ чорту.

— Не поминай *ею*, замѣтилъ серьезно Петровичъ, — ты знаешь, солдатъ въ дѣлѣ—на какомъ, значить, мѣстѣ находится? — Передъ ликомъ Божиимъ. Ты, можетъ быть, черезъ минуту предстанешь предъ Всевышняго, а оскверняешь свои уста, поминая *ею*.

— Гренадеры и 7-я рота! крикнулъ подскакавшій штабной.

— Здѣсь.

— Князь приказалъ сбить мюридовъ съ той возвышенности и тамъ оставаться впредь до распоряженія,—проговорилъ онъ торопливо, обращаясь къ батальонному командиру, и ускакалъ въ передовую цѣпь.

— Правое плечо, маршъ! Съ Богомъ! скомандовалъ батальонеръ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ и, снявъ фуражку, перекрестился.

Одновременно съ своимъ командиромъ каждый изъ насъ сдѣлалъ то же.

— Шире шагъ! Пѣсенники!

Снова завертѣлся цыганъ, и снова залилась удалая пѣсня, какъ на ученьи.

Между тѣмъ гора дымилась и грохотала. Роты, втягиваясь въ сферу огня, окутывались дымомъ. Вотъ свалился одинъ, вотъ еще разомъ трое... послышались стоны... Пѣсня смолкла. Грозный голосъ битвы заговорилъ. Роты вступили въ дѣло.

Подъ гнетомъ рыщущей вокругъ смерти невольно начинаешь себя провѣрять. Трусъ я, думается, или нѣтъ. Дѣйствительно, сердце по-временамъ щемить, промелькнетъ какъ будто мысль: лучше сидѣть бы тебѣ дома. Тамъ мать располжплась уже съ дѣтьми за самоваромъ, читаетъ только-что полученное письмо отъ сына и не подозреваетъ, родная, гдѣ въ эту минуту онъ находится. И появится на мгновеніе какое-то безотчетное чувство, не то тоски, не то сожалѣнія о покинутомъ родномъ очагѣ.

Но проходитъ сквернейшее чувство перваго впечатлѣнія, оглянешься направо, налево... видишь кругомъ величествен-

*

ную картину боя, въ которомъ самъ составляешь хотя ничтожную, но все-таки дѣйствующую силу; видишь кругомъ себя ратныхъ своихъ товарищей, тѣхъ самыхъ, что такъ недавно плелись усталые по подъему, едва передвигая ноги подъ тяжестью походныхъ торбъ. Тѣ-то они тѣ, да видѣ-то у нихъ совсѣмъ другой теперь. Опасность вызвала энергію и бодрость въ суровыхъ ихъ лицахъ, полныхъ безропотнаго исполненія своего долга. И черпаешь силы и закаляешь свои нервы въ этой торжественной обстановкѣ. Только-что промелькнувшая семейная картина не кажется уже такой привлекательной. Невольно вырастаешь въ своихъ собственныхъ глазахъ и съ увѣренностью говоришь себѣ: „нѣтъ, я не трусь“. А что сердце иной разъ повернется въ груди,—такъ оно и не такъ еще бывало затрепещетъ, когда поставишь на карту хорошій кушъ.

Вонъ стоитъ поручикъ Кругликовъ. Онъ съ большимъ вниманіемъ крутитъ папиросу. По необыденной блѣдности его лица можно предполагать, что и у него съ сердцемъ не ладно. Папироску все-таки скрутилъ, а Петровичъ, поднявъ дымящуюся бумажку отъ патрона, поднесъ ему, чтобы закурить... Но тутъ раздался рѣзкій звонъ рожка, и Кругликовъ и Петровичъ впереди взводной колонны исчезли въ пороховомъ дымѣ. Вотъ показалось далеко вправо густое, круглое облако, и черезъ нѣсколько секундъ надъ головой проревѣло ядро. Мимо. Это не нашъ фронтальный непріятель, это кто-то примазался, такъ себѣ, съ боку. Долгая пауза. Что жъ онъ возится, что жъ онъ молчитъ! Ждешь съ нетерпѣніемъ, когда появится опять роковое облачко. Ну, вали! А, вотъ оно. Ухъ! Ядро шлепнулось вблизи, обсыпавъ насъ землею. Жутко! Сильное ощущеніе, а имѣетъ свою долю прелести. Этого не найдешь у чайнаго стола, въ кругу безцвѣтной семейной идилліи.

И невольно приходитъ тебѣ на мысль мудрое русское изреченіе: „На людяхъ и смерть красна“...

Завалъ взять. Мимо насъ протрусили донцы, посланные преслѣдовать непріятеля.

— Гавриличъ! Гавриличъ! Ухъ! увиливай! шутили солдаты, „Сипа“¹⁾, огрызнулись казаки.

— *Джиги*, глянь, *штуку*-то забылъ.

¹⁾ „Сипа“—„Джиги“, слова, которыми казаки и солдаты дразнятъ другъ друга.

Казакъ, къ которому были обращены эти слова, хватился за ружье, а его дѣйствительно не оказалось. Посѣялъ казакъ „гвинтовку-красноложку“.

— Будеть тебѣ, *джма*. Гавриличъ! ухъ! крикнули ему во слѣдъ.

— „Сипа“, не упустилъ отвѣтить казакъ и потюпался на своемъ курносомъ донцѣ догонять товарищей.

На самомъ завалѣ подлѣ убитаго Карпова, лежалъ смертельно раненый Петровичъ, окруженный соратниками-товарищами и племяшами. Чувствовали всѣ беспомощное положеніе своего любимаго дядьки, чувствовали и свое безсиліе помочь человѣку, столько лѣтъ дѣлившему съ ними ратныя опасности. Какъ ни въ чемъ не бывало, вокругъ насъ роскошная и равнодушная природа ясно улыбалась. Синяя даль уходила въ безконечное пространство и въ этой необъятной дали, высоко надъ бродившими внизу облаками, сверкалъ отъ ослѣпительныхъ лучей солнца Каспій.

Раненый тяжело дышалъ. Смерть неотразимо охватывала его своими холодными объятіями. Жизнь медленно угасала.

— Дорогіе мои дѣтки, обратился умирающій къ присутствующимъ, любилъ я васъ... видите Богъ... простите кого часомъ изобидѣлъ... Если когда и ворчалъ Петровичъ... если иной разъ... и... тумака давалъ... простите... не отъ себя... служба...

Глаза его закрылись, по блѣдному лицу бродили предсмертныя тѣни. Брови сдвинулись, какъ будто онъ напрягалъ свою память, стараясь что-то припомнить.

— Гдѣ наши?.. гдѣ муриды... спросилъ онъ, открывая уже помутившіеся глаза.

— Мы тамъ, гдѣ приказано, дядя Петровичъ, а за татарвою посланы въ догонку казаки.

— Кончилъ... службу... кончилъ...

Въ это время подъѣхалъ штабной капитанъ. У него была повязана голова. Какъ видно, молодецъ отдѣлался небольшою царапиной.

— Дядя Петровичъ, что съ тобой? А какъ же домой-то?

— Богъ... не велѣлъ... ваше благо... тутъ, тутъ... въ обрзающую... съ усиліемъ проговорилъ онъ.

Рука его упала на грудь, глаза одѣлались неподвижны... Душа героя отлетѣла въ другой міръ.

Юный капитанъ, опустившись предъ хладѣющимъ трупомъ своего дядки, тихо плакалъ, Суровья, закопченныя порохомя лица однополчанъ судорожно подергивались. Всѣхъ прошибала невольная слеза.

На груди покойника нашли кожаный, самодѣльный мѣшочекъ съ тремя червонцами—тридцатилѣтнее сбереженіе старика.

Деньги были сданы въ ротную образную сумму, какъ завѣщалъ покойный.

Не стало Петровича. Царство ему небесное!

Пока отрядъ приводился въ порядокъ, милиціонеры и казаки со всѣхъ концовъ сгоняли отбитые у непріятеля стада барановъ, скотъ и лошадей.

Отрядъ свернулся въ одинъ общій бивуакъ. Всѣ дѣйствующія части уже были дома. Вдали маячили пикеты и разъѣзды; изрѣдка, гдѣ-то далеко, слышались одинокіе выстрѣлы.

Весь бивуакъ представлялъ собою оживленную, веселую картину; говоръ, пѣсни, шутки. Въ ротныхъ котлахъ шипѣла жирная баранина, на шомполахъ зарумянивался душистый шашлыкъ, раздражая волчій аппетитъ проголодавшихся людей. А вьюки съ прикрытіемъ и отсталые все тянулись по дорогѣ. Казалося, имъ конца не будетъ. И не мудрено; въ эту ночь мы прошли безъ приваловъ до 40 верстъ въ гору.

Убитыхъ похоронили, отдавъ имъ послѣднюю воинскую честь. И русскія косточки успокоились за тысячи верстъ отъ родной земли.

Солнце спряталось за сивою вершиной, и южная ночь быстро спустилась на божій міръ. Заревая пушка послала въ непріятельскую сторону гранату, лопнувшую гдѣ-то за тридевять земель. Заря пробита, и засыпающая окрестность огласилась молитвой православныхъ.

Густая цѣпь выдвигалась кругомъ бивуака. Наряженные въ залогъ команды ожидали тѣмноты, чтобы отправиться по назначеннымъ мѣстамъ. Наконецъ совершенно стемнѣло, и нашъ секретъ, взявъ ружья на перевѣсъ, чтобъ не равню не лягнуть штыкомъ о штыкъ, не слышными шагами направился къ оврагу.

Долго мы шли въ глубокомъ молчаніи. Начальникъ *секрета* внимательно всматривался въ заранѣе изученную имъ мѣстность; опытный глазъ его и въ темнотѣ различалъ намѣченные имъ предметы.

— Левкукъ, Гречка, Сидоренко, сказалъ онъ тихимъ голосомъ, маршъ къ тѣмъ камнямъ, да не спать, перерѣжутъ какъ барановъ, и зорко смотрѣть во всѣ стороны, прислушиваться ко всякому шороху, да не стрѣлять по пустякамъ, а коли въ крайнемъ случаѣ выпадилъ, отступай къ леверфу.

И солдаты исчезли во мракѣ. Только нѣсколько секундъ слышалось легкое шуршанье, какъ бы отъ набѣжавшаго вѣтерка.

Волшебная ночь миллионами очей своихъ смотрѣла на насъ; высокая трава курилась ароматомъ, и тишина изрѣдка нарушалась едва слышнымъ говоромъ ручейка, бѣжавшаго на днѣ оврага. Далеко сзади насъ мигали красноватые огоньки бивуака.

Люблю я эти темныя, полуденныя ночи, страстныя, какъ жгучій взглядъ южной красавицы, и безмолвныя, какъ могила. Сидишь и вслушиваешься съ напряженнымъ вниманіемъ въ эту мертвую тишину. Вотъ что-то хрустнуло на днѣ оврага, въ ожиданіи опасности сердце усиленно забилося... Но шумъ постепенно сталъ удаляться и замеръ.

— Волкъ, али мишукъ, шепнулъ кто-то, — видно высматривалъ, не лежитъ ли что плохо.

Послышались гдѣ-то далеко, далеко человѣческіе голоса. Да, это люди перекликаются, голоса ихъ едва-едва долетаютъ до чуткаго уха. Болѣзненно напрягаешь свой слухъ, хочется слышать слова, рука невольно хватается за ружье. Голоса все ближе, ближе... Нѣтъ, это не люди, тутъ что-то совсѣмъ другое... Да, вѣдь это комаръ трубитъ надъ самымъ ухомъ! И займешься подсиживаніемъ своего врага, пока его не ухлопаешь.

Проходитъ нѣсколько времени, снова послышались уже не вдаль какіе-то звуки. Что это! ребенокъ плачетъ! Да. Именно ребенокъ, откуда онъ взялся! Да какъ жалобно. Вотъ къ нему присоединяется другой, третій...

— Ишь проклятыя чекалки, словно младенецъ, — сказалъ шепотомъ старшой, — почували, значить, поживу.

И снова все затихло.

— Вѣдь и *онъ* умѣетъ быть по-звѣриному — продолжалъ старшой, — помню разъ подъ *Чирками*¹⁾ были мы въ секретѣ. Дядя Петровичъ, царство ему небесное...

Какъ по уговору, сотворили мы вѣж крестное знаменіе.

— Такъ былъ онъ тогда за старшого. Лежимъ мы въ кустахъ, а ночь—тьма такая, не приведи Богъ. Вѣтеръ, дождь, только слышу—заплакало. Слушаю, слушаю... Нѣтъ, не звѣрь, а *онъ* плачетъ... Дядинька, говорю, вѣдь это *онъ* воетъ...

Разказчикъ на этомъ словѣ вдругъ остановился и сталъ прислушиваться... Шагахъ въ двадцати влѣво трава заволновалась, и темная масса двигалась прямо на насъ...

— Готовсь!

Мы вскочили, и шакалы шарахнулись въ сторону.

— Тю, чтобъ вамъ пусто было. Вотъ, судырь, — обратился ко мнѣ старшой, — будь здѣсь новички, надѣлали бъ тревоги. Поди жъ ты, какое смѣлое звѣрье!

Опять тишина. Слышно только біеніе собственного сердца, да сонный говоръ ручейка. Часы проходятъ. Чарующая тишина ночи такъ и тянетъ тебя ко сну.

— Стожары опустились, — шепнулъ старшой, указавъ на кучку мелкихъ звѣздъ, — близокъ разсвѣтъ.

И дѣйствительно, востокъ въ скоромъ времени засвѣрѣлъ, темные силуэты начали выдѣляться рельефнѣе, туманъ закурился по оврагу, и свѣжій, пронизывающій вѣтерокъ потянулъ на встрѣчу чуть румянившася небосклона. Гдѣ-то вблизи чиркнула пичужка.

Бацъ! бацъ! бацъ! грянули выстрѣлы впереди насъ.

— Не стрѣляйте, православные христіане, — слышались голоса со стороны непріятельской, — примите насъ, своихъ братьевъ, христовыхъ солдатиковъ!

Мы бросились къ передовымъ; шагахъ въ 30-ти между кустами бѣжали на встрѣчу къ намъ два человѣка въ оборванныхъ черкесахъ, босые, махая папахами. Черезъ минуту они со слезами радости бросились въ наши объятія.

— Кабардинцы мы, братцы-голубчики, кабардинцы 7-й роты,

¹⁾ Ауль Чиркей.

три года въ плѣну промучались. Ауховцы перехватили насъ подъ Внезапной!

Изъ отряда на рысяхъ приближалась казачья сотня.

IV.

Забытый секретъ.

Вслѣдствіе частыхъ тревогъ роспускъ отряда немного позапоздалъ. Мы спустились съ горъ только въ половинѣ сентября.

Какъ пріятно было послѣ ненастной облачной осени встрѣтиться опять съ лѣтомъ и черезъ какихъ-нибудь нѣсколько часовъ, по уходѣ съ мѣста стоянки.

Нашъ батальонный лагерь расположился на ночлегъ по кавказскому правилу въ каре. Четыре роты по фасамъ, артиллерія въ интервалѣ, обращенномъ въ непріятельскую сторону, милиція въ сторонкѣ подъ горой, а вся лагерная животинка съ походнымъ духаномъ, коновязями и пр. внутри каре. Тутъ же пріютилось и общее наше достояніе, — десятка три барановъ и возъ, отхваченныхъ случайно на послѣдней фуражировкѣ у оплошавшаго непріятели. Часть достоянія этого уже отправлена въ ротные и батарейный котлы и милиціонерамъ.

Животворящій воздухъ обдавалъ насъ своей ласкающей ночной прохладой. Небольшой костеръ весело трещалъ съ жарившимся надъ нимъ шаплькомъ.

Насъ трое „одноротцевъ“ съ своимъ командиромъ, штабсъ-капитаномъ Михайломъ Ивановичемъ Становскимъ, расположились на разостланной буркѣ въ сторонѣ отъ огня и пили чай.

— Да, господа, сказалъ Михайлъ Ивановичъ, съ тридцать шестого года на Кавказѣ. Это вѣдь 17 лѣтъ. 17 лѣтъ самаго бурнаго, самаго тревожнаго времени. 17 лѣтъ непрерывныхъ походовъ, непрерывныхъ дѣлъ. Вѣдь я, долженъ вамъ сказать, одинъ изъ могиканъ Виленскаго университета, который, около того времени какъ попалъ я на Кавказъ, былъ переведенъ въ

Кіевъ съ переименованіемъ въ университетъ св. Владиміра. Думалъ ли я, слушая лекціи нашихъ профессоровъ, что сдѣлаюсь кавказскимъ офицеромъ, да въ добавокъ и „мухобоемъ“. Вѣдь алкоголь не производитъ на меня ровно никакого дѣйствія.—Эроро! крикнулъ онъ.

Моментально явился деньщикъ и поставилъ передъ нами бутылку и стаканчики. Но такъ какъ мы были плохіе компаньоны по части питья, то Михаилъ Ивановичъ во время своихъ долгихъ разсказовъ,—а онъ любилъ поговорить,—почти одинъ занимался опрокидываніемъ стаканчика.

— Да-съ, изъ проектируемаго педагога сдѣлался я солдатомъ, продолжалъ онъ, и нисколько объ этомъ не жалѣю. Я полюбилъ всей душой эту сѣрую шинель, которую выносилъ около шести лѣтъ. Я узналъ и полюбилъ русскаго человѣка въ этой же сѣрой шинели. Я полюбилъ и Кавказъ, который зачаровалъ, замagnetизировалъ меня своею суровою, полною поэзіи, жизнью, гдѣ смерть съ вѣчною улыбкою поминутно заглядываетъ тебѣ въ глаза.

— Что жъ вы не пьете, господа? обратился онъ къ намъ, впрочемъ вы еще, молодежь, не успѣли научиться, или лучше сказать, еще не научила васъ необходимость.

— Какимъ образомъ вы попали на Кавказъ, Михаилъ Ивановичъ?

— Да что объ этомъ говорить. Было время, дѣлалъ глупости. Писалъ, ораторствовалъ. Разумѣется, мое писанье, какъ нецѣлзурное, вращалось только въ рукописяхъ. Вотъ и дописался! Самому теперь и смѣшно и совѣстно становится, какъ вспомнишь себя въ роли непризнаннаго пророка.

Онъ выпилъ полный стаканъ.

— Вы, Михаилъ Ивановичъ, какъ бывалый человѣкъ и старый кавказецъ, сказалъ одинъ изъ товарищей, многое пережили на своемъ вѣку, многое видѣли, испытали; не разскажете ли намъ какой-нибудь интересный эпизодъ. Благо вечеръ славный и мы, какъ видно, долго гасидимся у костра.

— Извольте, господа. Былъ я и въ Гимрахъ, и подъ Какашурой, и въ Дарго, и въ Ичкеринскомъ лѣсу, и въ Салтахъ, и на Шали и чортъ его знаетъ, гдѣ я только не былъ и съ кѣмъ только не дрался. Но—онъ осушилъ при этотъ стаканъ,—никогда не забуду я блистательнаго дѣла Аргутинскаго, когда мы удирали отъ непріятели. Чего вы смѣтаетесь?

— Да какъ же, блистательное дѣло и вдругъ удпирали!

— Сначала выслушайте, а потомъ смѣйтесь.

Онъ подкрѣпилъ себя снова.

— Было это въ 184... вотъ и забылъ, въ какомъ именно году; хронологія у меня въ головѣ какъ-то плохо держится. Я помню только хорошо осаду Чохъ, во-первыхъ, потому, что это было недавно, а во-вторыхъ, тамъ мнѣ перебили правую руку, которая съ тѣхъ поръ виситъ у меня на перевязкѣ. Ну да все равно. Въ одинъ прекрасный день приказали намъ выступить. Надѣли мы торбы, запѣли пѣсни и пошли. Такъ мы съ пѣснями шли, шли, пока зашли въ такую труппу, что ни взадъ, ни впередъ. А насъ было не ахти сколько; какъ говорится, полъ-фунтика пѣхоты, четверть фунтика кавалеріи, осьмушка артиллеріи, всего н фунта этого разрушительнаго снадобья не набиралось. А непріятель какъ саранча покрылъ всѣ окрестныя горы и надвигался на нашъ лѣвый флангъ, въ сущности на нашъ путь отступленія.

Михаилъ Ивановичъ потянулся было къ бутылкѣ, но она оказалась пустою.

— Эроро!

Безмолвный денщикъ явился съ новою бутылкой.

— Такъ какъ вы думаете, продолжалъ Михаилъ Ивановичъ, что бы вы сдѣлали въ данномъ случаѣ. Тутъ никакое „ура“ не поможетъ. Мѣстность какъ нарочно устроена на погибель тому, кто въ нее попадетъ. Непріятель видимо ликовалъ. Какъ говорили, пригетовилъ даже веревки, чтобъ всѣхъ насъ перевязать и удрать въ горы. По прибытіи на мѣсто, князь сейчасъ же увидѣлъ свое опасное положеніе. Отступить значило погибнуть. Что жъ онъ дѣлаеть? Онъ немедленно отдаетъ приказаніе послать всѣхъ, кто былъ съ шанцевымъ инструментомъ, разработывать въ виду непріятелиа дорогу, ведущую прямо къ нему на ту сторону рѣки, гдѣ и находились главныя скопища байгушей, такъ что въ случаѣ движенія нашего впередъ на переправу, фланговымъ непріятельскимъ силамъ предоставлялось, если имъ заблагораасудится, занять нашъ тылъ. Однимъ словомъ, непріятель понялъ, что русскіе сошли съ ума и лѣзутъ прямо къ нимъ въ лапы. Я, какъ считавшійся по своимъ познаніямъ въ нашемъ отрядѣ, въ родѣ сапернаго офицера, былъ назначенъ производителемъ работъ. Забралъ я свою импровизированную сапер-

ную команду, нарубилъ колышковъ, сдѣлалъ пикетажъ дороги почти до самой рѣчки подъ носомъ у непріятеля, который, какъ видно, предоставилъ намъ полную свободу идти на свою погибель, распредѣлилъ работу на участки, и дѣло закипѣло какъ въ котлѣ. Эта исторія продолжалась, сколько помнится, около 3-хъ дней. Начали мы работы въ день нашего прихода послѣ обѣда, проработали слѣдующій день, а на третій дѣло пришло уже къ концу.

И непріятелю и намъ было извѣстно, что вслѣдъ за симъ мы должны наступать на переправу. Въ послѣдній день нашихъ работъ мы замѣтили, что фланговныя силы непріятеля какъ будто бы уменьшились. Оказалось, что онѣ скрытно отъ насъ стали стягиваться по направленію къ переправѣ.

Наступилъ вечеръ. Совершенно стемнѣло. Меня, какъ хорошо знакомаго съ мѣстностью, послали заложить секретъ изъ 30 человѣкъ при офицерѣ на поворотѣ у спуска новой дороги, на разстояніи около $\frac{3}{4}$ версты отъ лагеря. Пока мы собрались, пока дошли, пока я вернулся, просидѣвъ достаточно времени съ прапорщикомъ Боровичемъ, — начальникомъ секрета, дѣло подходило уже къ 10-ти часамъ. Подъѣзжая къ лагерю, я замѣтилъ движеніе. Въ цѣпи меня окликнули. Тамъ я узналъ отъ патруля, что назначено наступленіе и всѣмъ постама велѣно присоединиться къ своимъ частямъ, а костры поддерживать съ тѣмъ расчетомъ, чтобъ они могли горѣть еще долго по уходѣ отряда.

Ровно въ 10 часовъ мы выступили. Намъ строжайше было приказано не производить ни малѣйшаго шума. Артиллерію уложили на вьюки. Мы двинулись къ спуску, затѣмъ круто повернули направо и вышли на старую дорогу. Въ этомъ мѣстѣ новая и старая дороги расходились въ разныя стороны. Шли мы бодрымъ кавказскимъ шагомъ безъ шума; даже разговаривали шепотомъ. Такъ прошли мы безъ малаго часа. Все время у меня на душѣ было какъ-то непокойно. Я старался уяснить себѣ это безотчетное, тревожное чувство и вдругъ вспомнилъ, что мы удаляемся отъ переправы, а слѣдовательно и отъ находящагося тамъ секрета. Что жъ это такое, задавалъ я себѣ вопросъ, нарочно его оставили на жертву или забыли. Эта мысль до такой степени стала меня угнетать, что я подѣхалъ къ батальонному командиру и обратился къ нему шепотомъ. — Полковникъ, говорю я, вѣдь мы уходимъ, а 30 человѣкъ

съ офицеромъ оставлены на спускѣ на вѣрную смерть, на убой. Онъ вздрогнулъ.—Отчего жъ ихъ не сняли? спросилъ онъ глухимъ голосомъ.—Меня послали ихъ заложить, а вернувшись я всталъ отрядъ въ движеніи къ спуску, т. е. по тому направленію, гдѣ лежалъ секретъ.—Боже мой, сказалъ полковникъ, что жъ теперь дѣлать? Становскій, я ничего не придумаю, дѣлайте такъ, какъ вамъ подскажетъ ваше сердце.

Ему не хотѣлось давать кому бы то ни было такого опаснаго порученія. Тѣмъ болѣе, что отчасти я былъ виновникомъ этого грустнаго обстоятельства.

— Полковникъ, сказалъ я дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, благословите меня какъ отецъ. И если я къ утру не вернусь съ товарищами, то помолитесь о душахъ нашихъ. Прощайте.

— Да благословитъ васъ Богъ, сказалъ крестя меня старикъ. Мы поцѣловались, и я почувствовалъ его слезы на моей щекѣ.

Я повернулъ коня и бодрой иноходью помчался спасать забытую искупительную жертву...

— Теперь господа, сказалъ Михаилъ Ивановичъ послѣ маленькой паузы, надо выпить и закусить. Запахъ шашлыка слишкомъ ужъ раздражаетъ аппетитъ.

— Эроо!

Явилась третья бутылка и шашлыкъ.

— Нашъ батальонъ, продолжалъ Михаилъ Ивановичъ послѣ закуски, шелъ въ арьергардъ по особому расположенію къ намъ князя, т. е. если достигнетъ насъ непріятель, то честь отраженія первыхъ его ударовъ будетъ принадлежать намъ. Слѣдовательно, я скоро миновалъ первыя роты, миновалъ артиллерію, затѣмъ остальные роты и наконецъ патруль.

Черезъ минуту шумъ торопливыхъ шаговъ затихъ, люди потонули во мракѣ, и я остался одинъ въ виду непріятельскихъ огней, мигавшихъ по окрестнымъ горамъ. Мгновенно охватили меня и могильный мракъ и могильная тишина. Мой иноходецъ усердно выбивалъ дробь своими копытами, и съ каждымъ ударомъ копыта пространство между мною и отрядомъ удлинялось.

И вспомнилось мнѣ въ эти незабвенныя минуты мое дѣтство, нашъ хуторокъ въ Черниговской губерніи, окруженный

вишнями и вербами, и старушка мать, и уголь съ образами и лампадкой, передъ которыми она учила меня молиться... И вся далекая Русь-матушка. Она какъ въ панорамѣ съ птичьяго полета представлялась мнѣ своими горизонтальными линиями степей, лѣсовъ и рѣкъ.

Но вотъ влѣво заблестѣли яркіе огни. Это мѣсто оставленнаго нами лагеря. Два далекихъ азіатскихъ выстрѣла донеслись до меня со стороны, гдѣ лежалъ нашъ секретъ. Сердце мое сжалось и болѣзненно завывло. Еще оставалось болѣе двухъ верстъ до мѣста. Я повернулъ къ лагерю, ватѣмъ свернулъ на новую дорогу и шагомъ поѣхалъ къ спуску. Съ какимъ чувствомъ я проѣхалъ это небольшое разстояніе, одному Богу извѣстно. Въ вискахъ стучало, къ сердцу прилиwała то надежда, то отчаяніе, то представлялось мнѣ, что всѣ товарищи мои лежатъ изрубленные, и мнѣ конечно больше ничего не оставалось, какъ отправиться далѣе и броситься одному въ объятія смерти. Съ такими тревожными, мучительными думами я приближался къ мѣсту расположенія секрета.

Вотъ взорванный сегодня утромъ кусокъ скалы, сейчасъ будетъ поворотъ, а затѣмъ площадка, на которой я оставилъ людей. Я слѣзъ съ коня и пошелъ пѣшкомъ. Вправо шумѣла рѣка, за которою по возвышенностямъ красными звѣздочками блестѣли вражескіе огни.

Погруженный въ тяжелыя думы, подвигаясь впередъ, я не замѣтилъ, какъ вступилъ на площадку, и продолжалъ бы идти далѣе, еслибъ рванувшійся конь не заставилъ меня очнуться. Невольно сдѣлавъ шага два въ сторону, я наткнулся на что-то мягкое. Всмотрѣвшись, узналъ нашего солдата. Изъ головы его сочилась кровь, онъ былъ мертвый.

Боже мой, что-жъ это, подумалъ я, неужели погибли всѣ. Боровичъ съ своими молодцами въ плѣнъ не сдастся. Что жъ мнѣ дѣлать, куда дѣвались остальные? Во всякомъ случаѣ я не могу вернуться безъ товарищей. Но какъ тутъ быть... И я, упавъ на колѣни у застывающаго трупа, сталъ молиться. Да, господа, я увѣренъ, что мы, кавказскіе солдаты, религіознѣе, чѣмъ кто-либо, потому что чаще другихъ приходится намъ смотрѣть въ глаза смерти,—этого могучаго фактора, заставляющаго насъ вспоминать о Богѣ чаще тѣхъ, что живутъ въ покоѣ.

Я молился, друзья мои, такъ, какъ никогда, ни до этого,

ни послѣ не молился. Я просилъ Бога вразумить, наставить меня, что мнѣ предпринять, куда идти. Послѣ молитвы на душѣ у меня стало легко. Я какъ будто-бы разгадалъ роковую загадку и, совершенно покойно привязавъ къ торчащему изъ камней сучку своего коня, вынулъ изъ кобуры пистолеты и пошелъ по направленію къ переправѣ.

Я шелъ тихо, всматриваясь внимательно по сторонамъ. Я зналъ, что въ скоромъ времени должна быть лощинка, затѣмъ маленькая впадина и сейчасъ же бугорокъ, который не успѣли срѣзать днемъ. Въ это время чувства у меня притупились. Всѣ волновавшія меня мысли улеглись; оставалось только одно—чувство долга. Вотъ и впадина, я спускаюсь въ нее, поднимаю глаза на бугорокъ и ясно различаю силуэты стоящихъ на немъ людей. Теперь вопросъ, что это за люди? Враги или братья, смерть или жизнь? Но мнѣ ничего не оставалось больше, какъ идти впередъ и впередъ, возврата не было.

Я сталъ осторожно подниматься на бугорокъ. Меня замѣтили. Между нами разстоянія было шаговъ 20. Тѣни заволновались, я взвелъ курки... Вдругъ слышу сдержанный голосъ:—Несуетитесь, братцы, безъ команды глазомъ не моргни.— „Боровичъ? окликнулъ я осторожно, не тревожьтесь, это я, Становскій“. Моментально тѣни спустились ко мнѣ... Идемъ немедленно, братцы-товарищи, продолжалъ я, отрядъ отступилъ, нужно его догонять. Если къ утру его не догонимъ, то не видать намъ больше свѣта Божьяго. Да расскажи мнѣ, Боровичъ, почему вы очутились на бугоркѣ и что значить убитый солдатъ, кажется, Савельевъ, сколько я могъ разсмотрѣть въ темнотѣ.

— Это просто несчастный случай, объяснилъ онъ, около часу тому назадъ раздалась изъ-за рѣки два выстрѣла и шальная пуля угодила Савельева прямо въ високъ. Боясь, чтобъ непріятель насъ не открылъ и зная, что предполагается наступленіе, которое можетъ начаться пожалуй ночью, я нашелъ болѣе удобнымъ приблизиться къ переправѣ.

Похоронивъ на скорую руку убитаго товарища и отдавъ своего коня подъ солдатскія торбы, мы пошли усиленнымъ шагомъ догонять своихъ. Къ свѣту, въ виду наступающаго непріятеля, мы вступили на замѣчательно крѣпкую позицію, занятую нашимъ отрядомъ, въ чемъ и заключались всѣ стремленія и расчеты князя.

И тутъ-то онъ разнесъ всю эту байгушню, что называется въ дребезги. Пораженіе было ужасное.

— Теперь, господа, можете смѣяться надъ блистательнымъ дѣломъ, когда мы удирали отъ непріятеля.— Эро!ро!

Бутылка явилась.

И. ЧЕХЪ.

НА БЕРЕГАХЪ ДИКОЙ ОРЛИЦЫ.

Изъ поѣздки въ Чехію лѣтомъ 1890 г.

...Я не разъ бывалъ въ Чехіи и Моравіи и хорошо знакомъ съ природными красотами этихъ странъ вообще, а въ частности—со многими живописными и въ другихъ отношеніяхъ интересными ихъ сторонами. Но хотѣлось повидать что-нибудь новое и такимъ образомъ соединить новизну съ пріятной обстановкой и удобствами жизни. За этимъ дѣло не стало. По наведеніи кое-какихъ справокъ было рѣшено ѣхать въ самую восточную окраину Чехіи—по прямому пути, соединяющему нашу Границу черезъ Одербергъ, Преровъ и Оломуць съ Прагой, и въ этой гористой окраинѣ найти себѣ уютный и живописный уголокъ. Нѣсколько недѣль, проведенныхъ въ этомъ привлекательномъ краю, среди родного, дружески расположеннаго племени, оставили радъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній—и подѣлиться ими съ русскими читателями, вообще мало знакомыми съ территоріей западнаго славянства и съ домашней жизнью нашихъ братьевъ, думаемъ, не грѣхъ,—хотя бы въ надеждѣ возбудить въ комъ-нибудь изъ нихъ любопытство, а затѣмъ можетъ быть и доброе намѣреніе поискать въ другой разъ того, что ихъ издавна и по привычкѣ привлекаетъ въ разныхъ Шварцвальдахъ, Саксонскихъ Швейцаріяхъ, Тироляхъ—поближе—въ разнообразно-одаренныхъ природой, столь же культурныхъ и благоустроенныхъ земляхъ нашихъ соплеменниковъ, наприм. чеховъ, моравовъ, словаковъ, словенцевъ, хорватовъ. Здѣсь также можетъ найти все, что ему нужно, и усталый или больной горожанинъ, ищущій отдыха и поправленія здоровья, и избалованный туристъ—поклонникъ чудесъ

природы, и любитель историческихъ и этнографическихъ достопримѣчательностей. Безъ всякихъ особенныхъ рекомендацій, безъ всякихъ подробныхъ путеводителей вы навѣрно вездѣ устроитесь по своему вкусу. Васъ радушно встрѣтятъ и помогутъ во всемъ уже потому, что вы—свой, да еще русскій братъ. Конечно необходимо, чтобъ существовалъ у насъ хорошій не то что полный, а хоть какой-нибудь путеводитель къ славянскимъ землямъ хотя бы для того, чтобъ ориентироваться и легче vybrать себѣ мѣстопробываніе (есть много и лѣсныхъ мѣстъ чисто славянскихъ), но мы дождемся такого лишь тогда, когда въ немъ явится дѣйствительная потребность и когда земли нашихъ соплеменниковъ уже не будутъ для насъ въ такой мѣрѣ, какъ нынѣ—*terra incognita*.

Край, съ которымъ мнѣ привелось ближе познакомиться на этотъ разъ, составляетъ самый восточный уголъ Чехіи, прилегающій одной стороною къ Прусской Силезіи, а другой — къ Моравіи и лежащій въ бассейнѣ верхней Лабы, въ области Судетовъ. Двѣ живописныя рѣчки Орлицы, Тихая (вытекающая изъ такъ-называемыхъ Кралицкихъ горъ) и Дикая (—изъ Орлицкихъ) орошаютъ его: то приближаясь, то удаляясь другъ отъ друга, онѣ, сильно извиваясь, несутъ свои прозрачныя студеныя воды на сѣверо-западъ и соединяются у мѣстечка Альбрехтиць, образуя соединенную Орлицу, которая еще нѣсколько западнѣе, у знаменитаго Кралево-Градца, впадаетъ въ Лабу. Страну прорѣзываютъ отроги ближайшаго горнаго хребта, Орлицкихъ или Кладскихъ горъ, сходясь на югѣ съ развѣтвленіями чешско-моравской возвышенности: они придаютъ краю въ общемъ гористый характеръ, а въ иныхъ мѣстностяхъ, особенно въ долину Дикой Орлицы, имѣютъ поэтически-дикій, романтический отпечатокъ.

Населеніе этого края исключительно чешское, но на западѣ оно уже примыкаетъ къ нѣмецкому, къ тому большому нѣмецкому этнографическому острову, который, находясь на границахъ Чехіи и Моравіи, какъ клинъ врѣзался въ славянское тѣло и почти сливается съ нѣмецкимъ населеніемъ сѣверной Моравіи. Тихая Орлица въ своемъ верхнемъ теченіи соприкасается уже, напримѣръ, у Устья на Орлицѣ (*Wildenschwert*) и Яблонаго (*Jablone, Gabel*), съ нѣмецкой народностью.

По обѣимъ Орлицамъ расположено нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ и интересныхъ городковъ и мѣстечекъ,

я именно — по Тихой: *Хоцень, Брандейсъ, Устье* на Орлицѣ, *Яблонъ* (Яблоное), по Дикой: *Костелецъ, Вамбергъ, Рыхновъ* (на притокѣ Орлицы черезъ Альбу — Кнежнѣ), *Петштейнъ, Литицы, Жамбергъ*. Съ нѣкоторыми изъ нихъ намъ предстоитъ познакомиться ближе.

Орлицкій край своими историческими воспоминаніями и достопримѣчательностями не уступаетъ другимъ историческимъ мѣстностямъ Чехіи. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ многочисленныя развалины старыхъ градовъ и замковъ на вершинахъ лѣсистыхъ горъ и холмовъ орлицкаго порѣчья. Много замѣчательныхъ и интересныхъ событій и эпизодовъ чешской политической и культурной исторіи разыгралось здѣсь и въ близкомъ сосѣдствѣ. Много славныхъ именъ чешскихъ дѣятелей въ самыхъ различныхъ сферахъ исторической жизни — связано съ живописными орлицкими верхами и долинами... Не вспоминая фактовъ сѣдой древности, когда владѣли страной старые чешскіе роды Славниковцевъ, Вершовцевъ, а потомъ (съ конца XIII вѣка) Дрславичей, эпохи полной жизни и борьбы въ этомъ край, достаточно вспомнить знаменательное въ чешской культурной исторіи послѣ-гуситское время — конецъ XV-го и XVI вѣка — зарожденіе и развитіе знаменитой „Общины Чешскихъ братьевъ“, колыбелью и главнымъ театромъ дѣятельности которой была сѣверо-восточная Чехія съ нашимъ Орлицкимъ краемъ включительно. Вѣдь здѣсь на маленькомъ притокѣ Дикой Орлицы — Рокитенкѣ немного сѣвернѣе города Жамберка — лежитъ историческій *Кунвальдъ* — эта истинная колыбель Чешско-братской Общины — гдѣ въ 1457 году ей было положено первое основаніе... Здѣсь она возникла, здѣсь пустила корни, отсюда стала распространять свои вѣтви... Наконецъ вспомнимъ, какъ впоследствии, послѣ роковой катастрофы у Бѣлой Горы — съ началомъ жестокихъ гоненій на Общину и ея членовъ — въ Орлицкомъ край, въ его дикихъ горахъ и лѣсахъ, искали хотя временнаго убѣжища отовсюду гонимые вѣрные своей матери-общинѣ чешскіе братья, какъ *Брандейсъ надъ Орлицей*, владѣнье славнаго Жеротина, пріютилъ у себя величайшаго чешскаго брата Амоса Коменскаго, написавшаго здѣсь „подъ клопотомъ“ между прочимъ свой глубокомысленный „Лабиринтъ Свѣта“... Достаточно припомнить все это, чтобъ вступить на эту прославленную историческую почву съ чувствами справедливаго благодовѣнія и самаго живого интереса...

*

I.

Вѣнскій курьерскій поѣздъ, къ которому мы примкнули въ чешской Требовѣ (Böhm Trübau), примчалъ насъ около 7 часовъ вечера къ конечному пункту нашего пути по желѣзной дорогѣ. „Wildenschwert, Usti nach Orlici! eine Minute, jedna minuta!“ внушительно прокричалъ кондукторъ около нашего вагона, дверцы отворились, и мы едва успѣли выскочить на платформу и стащить свой ручной багажъ, какъ ужъ поѣздъ сталъ отходить, и мы очутились одни на маленькой безлюдной станціи... Впрочемъ я зналъ, что около самой станціи есть гостинница, въ которой можно найти пріютъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ мы уже размѣщались въ скромной, но чистой и пріятно расположенной среди зелени, при вѣздѣ въ городокъ, гостинницѣ „Janša“ (по имени владѣльца). Остановившись здѣсь, мы имѣли въ виду найти подходящее лѣтнее помѣщеніе, если не въ самомъ Устьѣ, то гдѣ-нибудь по сосѣдству. По своему положенію и сообщеніямъ Устье представляетъ удобный пунктъ: здѣсь линія вѣнской Staatsbahn (Státní dráha) соединяется жел.-дор. вѣтвью (Usti-Kušperk) съ „Сѣверо-западной“ дорогой, идущей изъ Праги черезъ Кралевоградецъ на границу Прусской Силезіи.

Устье на Орлицѣ можетъ быть названо хорошенькимъ, живописнымъ мѣстечкомъ, хотя и уступаетъ въ этомъ отношеніи такимъ, какъ Брандейсъ и особенно Потштейнъ. Городокъ расположенъ на лѣвомъ берегу Тихой Орлицы, при впаденіи въ нее съ юга р. Требовки, частью на горѣ, частью въ долинѣ. Онъ почти окруженъ лѣсистыми горами, простирающимися къ юго-востоку и къ западу. На западъ тянется и живописная долина Орлицы. Лѣса, покрывающіе окружныя горы, изобилуютъ красивыми пунктами и прогулками, чтò и привлекаетъ сюда въ лѣтнее время множество туристовъ и гуляющихъ (чеш. vyletnik) даже изъ столицъ (Праги, Вѣны).

Самое Устье — фабричный городокъ, состоящій отчасти изъ каменныхъ, отчасти деревянныхъ построекъ, между которыми не мало и старыхъ оригинальныхъ. Онъ не представляетъ собой ничего изъ ряду выходящаго, но не безъинтересенъ въ историческомъ отношеніи, особенно какъ мѣсто, составлявшее нѣкогда также одно изъ средоточій чешскихъ братьевъ.

Искони чешское поселеніе, принадлежавшее въ древности къ владѣніямъ родовъ Славниковцевъ, потомъ Вершовцевъ, и наконецъ королей чешскихъ, Устье въ XIII в. въ эпоху короля Премысла Оттокара II было обращено своимъ владѣтелемъ Вилемомъ „z Druholec“ въ городокъ нѣмецкаго типа и переименовано въ Wilhelmswerde (откуда нынѣшнее нѣм. названіе Wildenschwert), при чемъ и по сосѣдству возникли новыя поселенія съ нѣмецкимъ устройствомъ. Такова уже была чешская государственная политика того времени... Особенно расцвѣлъ этотъ городокъ въ XVI в. благодаря развитію торговли и ремеслъ—въ рукахъ трудолюбивыхъ и добронравныхъ чешскихъ братьевъ. Однако уже въ концѣ этого вѣка братья терпѣли не мало притѣсненій отъ усерднаго приспѣшника іезуитовъ пана Вратислава изъ Пернштейна. Година народныхъ бѣдствій и католической реакціи въ Чехіи въ первую четверть XVII в. не могла не отразиться губительно и на чешско-братскомъ поселеніи Устья, жестоко пострадавшемъ матеріально въ управленіе пресловутаго чешскаго намѣстника Карла изъ Лихтенштейна. Къ этимъ утѣсненіямъ присоединились и бѣдствія 30-ти лѣтней войны. Братья держались здѣсь впрочемъ, пока была возможность—до 20-хъ годовъ XVII вѣка. Невзгоды этого и отчасти также XVIII в. (войны прусскія) лишили Устье и благосостоянія, и населенія, такъ что въ половинѣ прошлаго вѣка оно насчитывало не болѣе 500 душъ. Вторичный расцвѣтъ его принадлежитъ уже новѣйшему времени. Нынѣ жителей насчитывается до 5.000 (въ 1880 г. было 4.127). Они живутъ почти исключительно промыслами и торговлей, и лишь въ малой степени—земледѣліемъ. Изъ промысловъ стоявшее недавно на первомъ мѣстѣ *сукнодѣліе* теперь значительно упало, но за то чрезвычайно развилось *ткачество*; мѣстныя фабрики вырабатываютъ большое количество издѣлій полотняныхъ, бумажныхъ и шелковыхъ. Изъ другихъ заводовъ можно упомянуть старинный, винокуренный и спиртовый, фабрику красокъ, лѣсопильный заводъ и проч. Славится Устье и своими большими ярмарками, преимущественно конными (впрочемъ торгуютъ и другимъ скотомъ), повторяющимися 6 разъ въ годъ и пользующимися большою извѣстностью не только въ томъ краѣ, но и вдалекѣ, даже за границей. Все это придаетъ большое оживленіе городку и его ближайшимъ окрестностямъ, а въ результатѣ замѣтно благосостояніе населенія. За то, какъ это бываетъ въ такихъ фабричныхъ пунк-

тахъ, чувствуется недостатокъ духовной жизни, высшихъ интересовъ и общности.

Въ самомъ городѣ есть кое-что достопримѣчательное, напоминающее о временахъ давно минувшихъ. Таковы ветхіе остатки чешско-братской старины, напр. бывший священническій домъ братьевъ (řaga)—одинъ изъ старѣйшихъ деревянныхъ домиковъ города, одноэтажный съ галлереей, старинной архитектуры, съ маленькими окнами и простымъ фронтономъ,—надпись надъ послѣднимъ не сохранилась; молитвенный домъ (sbor) братьевъ находился въ другой части города и сосредоточенныя тамъ жилища братьевъ составили сѣверное премѣстье города, такъ называемый „Новый Свѣтъ“. Попадается въ Устьѣ еще не мало старыхъ деревянныхъ построекъ съ старинными изображеніями, надписями и т. д. Иныя украшенія изъ дерева или жести, уцѣлѣвшія на ихъ фронтонахъ, обращаютъ на себя вниманіе, напр. напоминающія своей формой чашу—несомнѣнный слѣдъ эпохи преобладанія здѣсь утравкистовъ и братьевъ.

При городскомъ костѣлѣ сохранился, говорятъ, старый канціоналъ (сборникъ церковныхъ пѣсенъ) конца XVI в. (1580 г.), котораго къ сожалѣнію мнѣ не привелось видѣть. Въ немъ были пѣсни къ „Святому мистру Яву Гусу“, но во времена католической реакціи очевидно какой-то усердный истребитель ереси—послѣдшилъ наложить свою руку на эти еретическія мѣста канціонала: въ двухъ мѣстахъ средней листъ вырѣзанъ и другіе два склеены въ одинъ, такъ что сохранились только начало и конецъ пѣсенъ; кромѣ того въ текстѣ канціонала много подчистокъ той же правовѣрной руки.

Центръ города на горѣ—составляетъ площадь (почти квадратную), на которой стоитъ городской храмъ (заложенный въ 1770 г.) и ратуша („радница“); здѣсь также вѣтъ старинной благодаря постройкамъ оригинальной старинной архитектуры. Свообразное торжественное зрѣлище представляла эта площадь утромъ 5 іюня н. с. (24 мая) въ день праздника Евхаристіи или „Тѣла Христова“ чеш. *Voží tělo*, когда послѣ крестнаго хода передъ храмомъ и передъ воздвигнутымъ тутъ же, на площади, алтаремъ массы народа въ праздничныхъ пестрыхъ одеждахъ стояли на колѣняхъ, внимая божественному служенію и гармоническому пѣнью... Но русскаго человѣка поражаетъ во всѣхъ религіозныхъ церемоніяхъ римско-католической церкви, равно какъ вообще на службѣ въ церквахъ—несоразмѣрное численное преобладаніе женскаго пола надъ мужскимъ; муж-

чины принимаютъ вообще мало участія въ церковныхъ обрядахъ и мало посѣщаютъ храмы, такъ что религіозность, и надо сказать строго дисциплинированная, составляетъ принадлежность собственно женщинъ не только въ интеллигенціи, но и въ народѣ, и это не можетъ не бросаться въ глаза намъ, привыкшимъ видѣть у себя, въ православныхъ храмахъ, а особенно въ сельскихъ — совсѣмъ иное. Всякій жившій въ деревнѣ знаетъ, какъ наши мужички усердно наполняютъ свою церковь каждое воскресенье и праздникъ, какъ они заслоняютъ женщинъ и дѣвокъ, стоящихъ всегда на заднемъ планѣ...

Для лѣтняго пребыванія, Устье имѣетъ свои пріятныя стороны: мѣстоположеніе, много зелени, масса прогулокъ въ лѣса и горы,—все это достаточныя привлеченія, къ чему присоединяется еще возможность достать въ городѣ все необходимое, а также существованье теплыхъ ваннъ, купанья и проч. И тѣмъ не менѣе мое предположеніе найти здѣсь удобное лѣтнее помѣщеніе не осуществилось. Помѣщеній, приспособленныхъ для этой цѣли, совсѣмъ не оказалось, не только въ чертѣ города, но и въ предмѣстьяхъ. Конечно это объясняется исключительно фабричнымъ, промышленнымъ характеромъ мѣстечка. „Дачниковъ“, какъ у насъ говорятъ, здѣсь почти не бываетъ; сюда пріѣзжаютъ только для прогулокъ по окрестнымъ лѣсамъ и горамъ.

Близъ самаго города, по другую сторону полотна желѣзной дороги, по живописнымъ берегамъ рѣчки раскинулось селеніе *Hylvaty*. Здѣсь по большей части живутъ нѣмцы, тогда какъ населеніе города—чешское. Но я уже упоминалъ, что черта нѣмецкой народности (имѣющей центръ въ Lanškroun'ѣ) подступаетъ къ самому Устью: ближайшія селенія къ сѣверу (Oldrichovice, Cernovůr, Dolní Libchava) уже нѣмецкія. Въ Хильватской церкви хранится цѣнная находка: чешско-братская чаша, найденная въ Устьѣ при перестройкѣ бывшаго братскаго молитвеннаго дома. Привлекательное мѣстоположеніе этого селенія вблизи чуднаго лѣса, казалось, должно было бы привести къ устройству хоть здѣсь удобныхъ помѣщеній для пріѣзжихъ на лѣто, но и тутъ не нашлось ничего подходящаго. Не могу не замѣтить, что жители Устья, къ которымъ приходилось обращаться съ разспросами и за указаніями, въ высшей степени услужливо и любезно оказывали свое содѣйствіе, особенно же когда узнавали, что имѣютъ дѣло съ русскими. Такое же сочувственное отношеніе мы встрѣчали вездѣ

и послѣ, поселившись среди чеховъ, и нечего говорить, какъ благодаря этому русскій человѣкъ среди соплеменниковъ, хотя и на чужбинѣ, чувствуетъ себя уютнѣе и привольнѣе, чѣмъ въ земляхъ вполне чужихъ, гдѣ только и думаютъ объ эксплуатаціи пріѣзжихъ.

Въ Устьѣ насъ навѣстилъ изъ лежащаго на той же Тихой Орлицѣ, городка Яблони, школьный учитель г. П., съ которымъ я уже ранѣе состоялъ въ перепискѣ, но съ которымъ лично не былъ знакомъ. Онъ мнѣ также любезно помогъ въ выборѣ лѣтняго мѣстопробыванія. Я навѣстилъ его впоследствии въ Яблони и расскажу объ этомъ ниже.

Итакъ надо было оставить Устье и перекочевать въ болѣе подходящій уголокъ. Я имѣлъ въ виду еще нѣсколько мѣстечекъ въ той же мѣстности и остановился изъ нихъ на одномъ, о которомъ слышалъ много хорошаго и гдѣ мнѣ удалось черезъ добрыхъ людей еще изъ Устья заручиться подходящей квартиркой. Это — хорошенькій *Потштейнъ* или Потштѣйнъ (Potstyn, Pottenstein) на Дикой Орлицѣ. Онъ лежитъ на такъ называемой „сѣверо-западной желѣзной дорогѣ“, идущей почти параллельно съ линіей Прага-Устье и соединенной съ ней вѣтвью Устье-Кишперкъ (Geiersberh), такъ что можно было переѣхать туда по чугункѣ, но съ пересадкой. Мы предпочли однакожь болѣе прямую и болѣе пріятную дорогу въ экипажѣ, т. е. взять „прилежитость“ (оказію), какъ говорятъ чехи. Отправивъ впередъ тѣмъ же путемъ свои вещи съ возвращавшимся порожнемъ въ Рахновъ (черезъ Потштѣйнъ) возницей, мы сѣли въ довольно удобную коляску, запряженную парой добрыхъ коней, и двинулись въ путь.

II.

Полтора часа ѣзды по прекрасному шоссе, среди оживленной частыми селеніями и поселками мѣстности съ разнообразными сельскими полевыми и горными ландшафтами—это было не путешествіе, а самая пріятная и интересная прогулка. Къ тому же былъ солнечный, но не жаркій майскій день, природа красовалась во всемъ своемъ свѣжемъ весеннемъ блескѣ, и легкій вѣтерокъ обдувалъ насъ чуднымъ благоуханіемъ полей, цвѣтущихъ луговъ и хвойныхъ лѣсовъ, чернѣвшихся къ западу, по окрестнымъ холмамъ и горамъ.

У с. Сопотницы (Sopotnice), расположеннаго уже вблизи отъ сѣверо-западной желѣзной дороги, шоссе, сворачивая сперва на западъ, потомъ опять на сѣверъ, идетъ вдоль ея линіи, подходитъ къ самому берегу Дикой Орлицы, и перекинувшись черезъ нее, — черезъ 2—3 версты, достигаетъ такимъ образомъ съ южной стороны Потштейна.

Уже съ приближеніемъ къ долиня Дикой Орлицы мѣстность замѣтно измѣняется. Прежде лишь вдаль видѣвшіяся къ сѣверу горы выступаютъ передъ вами все явственнѣе и выпуклѣе своими внушительными красивыми очертаніями: прямо впереди рисуется довольно правильнаго контура гора, вершину которой вѣнчаютъ торчащія изъ высокаго темнаго лѣса сѣдня развалины Потштейнской твердыни. Лѣвѣе этой горы высятся нѣсколько другихъ, составляющія цѣлый высокій хребетъ, значительно господствующій надъ замковой горой и снизу до верху густо обросшій лѣсомъ. Здѣсь-то, въ образуемой ими узкой и глубокой долиня, несется, вѣчно шумя и волнуясь по каменистому дну, то подъ тѣнью нависшихъ съ крутого берега деревьевъ, то среди каменныхъ глыбъ, поэтическая Дикая Орлица — лучшее украшеніе этого живописнаго края. Ея быстрыя, прозрачныя волны мчатся сюда съ востока, почти отъ самаго г. Жамберка — мимо Литиць — все такой же дикой, прелестной долиной и только выйдя изъ Потштейнской тѣснины, онѣ встрѣчаютъ большій просторъ: горные отроги понижаются и отдаляются, и мѣстность принимаетъ болѣе ровный и спокойный характеръ. Оставивъ Орлицу и скрывшія ее отъ нашихъ глазъ горы — влѣво, шоссе съ восточной стороны замковой горы подходитъ къ южной части мѣстечка Потштейна. Проѣхавъ мимо ряда маленькихъ крестьянскихъ домиковъ и двухъ-трехъ каменныхъ двухъ-этажныхъ дачъ, мы выѣхали на площадь съ довольно большимъ костеломъ по срединѣ, на которой красуется, весь утопая въ зелени дикаго винограда, новый (т. е. сравнительно съ старымъ городомъ) впрочемъ весьма ординарной архитектуры замокъ нынѣшняго владѣльца Потштейна (барона Добрженскаго) съ принадлежащими къ нему флигелями, службами и проч. Эта часть мѣстечка, группирующаяся около церкви и замка, расположена по склону отлогой въ эту сѣверо-восточную сторону горы (замковой), т. е. значительно выше остальныхъ низменныхъ частей Потштейна; миновавъ замокъ и церковь, дорога спускается къ берегамъ уже вытекающей изъ горнаго ущелья

Орлицы и ея искусственнаго рукава, прорѣзывающихъ мѣстечко и образующихъ такимъ образомъ довольно длинный островъ. Здѣсь расположена большая водяная мельница и одна изъ улицъ мѣстечка съ двумя небольшими гостинницами, изъ которыхъ одна—самая чистая и удобная—стала нашимъ пріютомъ. Наши окна обращены—одни на востокъ, другія—на югъ. На востокъ утопаютъ въ зелени скромные домики и постройки мѣстечка, а на югъ въ какихъ-нибудь ста саженьяхъ величественно и картинно высятся горы, стиснувшія въ своихъ мощныхъ объятіяхъ Дикую Орлицу, т. е. красивая замковая гора, также почти вся обросшая хвойнымъ лѣсомъ, и могучій дикій хребетъ съ другой стороны, гдѣ выдается надъ всѣми вершина самой высокой въ краю горы *Велешова* (*Velešov*). Передній планъ этого пейзажа составляетъ виднѣющаяся изъ-за ближайшихъ деревьевъ мельница, возлѣ нея приглашающая къ отдыху, уютная скамейка подъ развѣсистымъ каштаномъ и липой, и тутъ же мостикъ черезъ стремительный и шумный рукавъ р. Орлицы. Нечего и говорить, какое очаровательное впечатлѣніе произвелъ на насъ съ перваго же момента Потштейнъ — всей своей поэтической обстановкой. Впослѣдствіи это впечатлѣніе только еще болѣе укрѣпилось и возросло.

Привѣтливо и не безъ любопытства встрѣтили насъ уже предупрежденные о нашемъ пріѣздѣ хозяева (конечно, чехи) скромной, маленькой, но чрезвычайно чистой и удобно устроенной гостинницы ¹⁾. Черезъ нѣсколько минутъ по пріѣздѣ, при любезномъ содѣйствіи школьнаго учителя В., черезъ котораго я и заказывалъ помѣщеніе, все было условлено и уговорено. Все соотвѣтствовало нашимъ требованіямъ и вкусамъ. Хозяевами оказались весьма почтенные люди, лично ведущіе съ образцовымъ постоянствомъ и добросовѣстностью свое небольшое хозяйство. Самъ г. С.—бывшій пивоваръ (*sladek*),—уже сѣдло-власый, высокаго роста, съ нѣсколько угрюмымъ, какъ будто болѣзненнымъ выраженіемъ лица, но симпатичный старецъ. Жена его чрезвычайно дѣятельная, хотя тоже видимо удрученная годами, трудомъ и заботами старушка, сама готовить въ кухнѣ на всѣхъ гостей и на своихъ, впрочемъ съ большою по-

¹⁾ Жизнь въ ней имѣла совершенно *дачный* характеръ. Ничего собственно „гостинничнаго“ не было. Мы одни были—жильцы. Сосѣдняя квартирка изъ 3-хъ комнатъ оставалась при насъ незанятою.

мощью старшей дочери. Семейство было когда-то большое: дѣти уже все взрослыя, но въ домѣ только двѣ дочери—очень милныя и благовоспитанныя: онѣ усердно раздѣляютъ труды родителей по хозяйству; старшая мастерица по кухонной части, младшая, еще почти подростокъ, прислуживаетъ гостямъ за столомъ. Прислугу на весь домъ и на постояльцевъ составляютъ всего двѣ горничныя—за то уже дѣятельныя и расторопныя не по-нашему: онѣ и скотницы (у С. на дворѣ нѣсколько коровъ и свиней), и работницы на дворѣ и даже въ полѣ, и водовозы, и садовники, и прачки, и судомойки, и комнатныя горничныя, однимъ словомъ все,—рѣшительно все. Просто любишь и удивляешься, особенно какъ вспомнишь о нашей городской прислугѣ...

Потштейнъ (Potštyn, Pottenstein) даже не городокъ, а только мѣстечко (městys), насчитывающее не многимъ болѣе 1000 жителей, не считая конечно прїѣзжающихъ сюда на лѣтнее время. Какъ мы видѣли, оно граціозно прислонилось къ сѣвернымъ склонамъ горъ, стѣснившихъ въ этомъ мѣстѣ Дикую Орлицу. Если смотрѣть на него à vol d'oiseau съ горнаго хребта по ту сторону Орлицы, гдѣ на значительной высотѣ устроены павильоны, то оно представляется чѣмъ-то въ родѣ большаго паука, тѣло котораго составляетъ центръ мѣстечка, а ноги—цѣлый рядъ, чуть-ли не восемь развѣтвленій или улицъ съ утопающими въ зелени крестьянскими домиками, довольно правильно идущими отъ центра по всѣмъ направленіямъ... Все мѣстечко состоитъ изъ маленькыхъ, но чистенькихъ и привѣтливыхъ домиковъ, частью деревянныхъ, съ примыкающими къ нимъ садиками или двориками, обсаженными зеленью; почти у каждаго домика свой цвѣтникъ съ разнообразными восхитительными розами. Это придаетъ имъ какую-то особенную привѣтливость и уютность. Надо замѣтить, что въ Потштейнѣ, да и вообще въ округѣ, особенно процвѣтаетъ культура розъ, и я не помню, чтобъ гдѣ-либо прежде случалось пользоваться ими въ такомъ обиліи и конечно даромъ. Другихъ изъ ряда выходящихъ построекъ въ Потштейнѣ такъ не много, что ихъ безъ труда можно бы пересчитать по пальцамъ. Кромѣ церкви и замка со службами по мѣстечку разбросано нѣсколько виллъ, построенныхъ постоянными лѣтними посѣтителями мѣстечка, затѣмъ прекрасное каменное зданіе школы, хорошенькій домъ, гдѣ помѣщается почта, съ квартирками для прїѣзжихъ, наконецъ три небольшія гостинницы съ ресторанами—вотъ, кажется,

по части строеній и все, что разнообразить и украшаетъ это скромное поселеніе. Костѣль довольно большой, отовсюду видный, благодаря возвышенному мѣстоположенію, построены лишь въ началѣ нынѣшняго вѣка и не представляетъ ничего замѣчательнаго.

Замокъ нынѣшнихъ владѣльцевъ Потштейна съ половины прошлаго вѣка (1749), какъ уже сказано, не отличается наружнымъ величіемъ и красотой, но повидимому соединяетъ въ себѣ всѣ условія пріятнаго и удобнаго аристократическаго жилья. При немъ имѣется прекрасный, тѣнистый паркъ.

Потштейнъ, какъ мѣстечко, не имѣетъ, разумѣется, никакихъ городскихъ преимуществъ и принадлежностей комфорта и роскоши; это ни „курортъ“, ни модное дачное мѣсто, это просто—деревня, въ которой однакожь при скромныхъ вкусахъ, можно все достать по части продовольствія и предметовъ первой необходимости въ домашнемъ обиходѣ. Здѣсь нѣтъ магазиновъ и торговыхъ заведеній, но кромѣ нѣсколькихъ мелочныхъ, лабазныхъ и мясныхъ лавочекъ есть одна лавка побольше, въ которой рядомъ съ главною спеціальностью—колоніальными товарами—неприхотливый покупатель можетъ достать рѣшительно все, что только душѣ угодно: и всевозможные галантерейные товары, и письменныя принадлежности, и игрушки, и посуду, и металлическія издѣлія, однимъ словомъ все, что нужно въ хозяйствѣ и повседневной жизни.

Имѣются въ мѣстечкѣ, конечно, и сапожники, и портные, и столяры, и другіе мастера. Кромѣ того нѣкоторые обыватели спеціально торгуютъ мѣстными ручными издѣліями. Надо сказать, что у мѣстныхъ крестьянъ особенно въ ходу ткацкое ремесло и плетеніе кружевъ. Послѣднимъ конечно занимаются женщины. Это искусство процвѣтаетъ во всемъ околдкѣ, а ближайшій къ Потштейну городокъ Вамбергъ пріобрѣлъ въ этомъ отношеніи даже громкую славу. Гуляя по улицамъ нашего мѣстечка, вы безпрестанно то слышите раздающійся изъ открытыхъ оконъ шумъ неутомимо работающаго ткацкаго станка, то можете любоваться живописными группами сидящихъ на травѣ противъ своихъ жилищъ женщинъ и дѣвочекъ, за своими круглыми подушками, на которыхъ ихъ привычныя руки плетутъ причудливые узоры кружевъ, безъ усталости орудуя безчисленными „коклюшками“, которыя съ изумительной быстротой и точностью такъ и бѣгаютъ между ихъ проворными пальцами... Большинство обывателей занимаются

понятно и хлѣбопашествомъ: прекрасно обработанныя поля ржи, пшеницы и прочихъ сортовъ хлѣба почти отовсюду окружаютъ Потштейнъ, отдѣляя собою вѣкторыя его улицы и врываясь такъ сказать въ самый центръ его. Это именно и придаетъ ему такой уютный характеръ сельской простоты и свободы, патриархальную прелесть деревни съ ея несложной и здоровой обстановкой.

Особенное оживленіе въ Потштейнѣ вноситъ *школы* „общинная“ (obespi), т. е. по нашему сельская, куда ходятъ дѣти, мальчики и дѣвочки (приблиз. съ 6-ти лѣтнаго возраста) не только мѣстныхъ жителей, но и изъ сосѣднихъ селеній. Въ школѣ три учителя, изъ которыхъ старшій вмѣстѣ и завѣдующій школой. Какъ уже сказано, она помѣщается въ прекрасномъ каменномъ двухъ-этажномъ зданіи, гдѣ живутъ также и учителя. И во внѣшней обстановкѣ своей и устройствѣ, и во внутренней организаціи, порядкахъ, системѣ преподаванія и воспитанія, здѣшняя школа, какъ впрочемъ и повсюду въ Чехіи школьное дѣло, производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Достаточно осмотрѣть школу съ внѣшней стороны, побывать въ классахъ, посмотрѣть на эту массу картъ, рисунковъ, таблицъ, изображеній и всякихъ пособій нагляднаго обученія, развѣшанныхъ и уставленныхъ по стѣнамъ, заглянуть въ ученическія тетрадки и письменныя работы, въ школьную библіотечку и кабинетъ естествознанія, гдѣ найдете представленными хотя и не многими, но существенными и поучительными предметами,—и физику, и географію, и ботанику, и зоологію, и минералогію и проч., подлюбоваться чистотой и порядкомъ во всемъ, чтобъ убѣдиться, съ какимъ вниманіемъ, любовью и опытностью ведется святое дѣло воспитанія и первоначальнаго образованія народа. Мнѣ нѣсколько разъ во многихъ мѣстахъ приходилось осматривать эти *сельскія* чешскія школы (слѣдующую ступень составляютъ *мѣщанскія*, *mestanská skola*, и наконецъ *реальныя*, *reálka*, и *классическія гимназіи*), и я постоянно встрѣчалъ въ нихъ учителей не только глубоко проникнутыхъ чувствомъ долга и сознаніемъ важности своего призванія, но и одушевленныхъ въ ихъ скромномъ и совсѣмъ необезпеченномъ положеніи, при весьма скудномъ жалованіи (до 400, въ лучшемъ случаѣ до 600 гульд. въ годъ), горячею любовью къ своему дѣлу и къ порученнымъ ихъ попеченію дѣтямъ.

Да и можетъ ли впрочемъ быть иначе въ отечествѣ незабвеннаго Амоса Коменскаго, этого великаго „чешскаго брата“

и одного изъ главныхъ истинныхъ родоначальниковъ современной педагогiи, а тѣмъ болѣе въ краѣ, гдѣ онъ самъ жилъ, гдѣ еще такъ жива память о немъ...

Само чешское общество съ его благотворительными учрежденiями, а также и частныя лица дѣлаютъ очень много для поддержанiя и снабженiя школъ всѣмъ, что важно для успѣха преподаванiя, особенно по части пособiй. Для поддержки народа, особенно сельскаго люда въ земледѣльческихъ дѣлахъ его и вообще хозяйствѣ имѣются вездѣ, по всей Чехiи, особаго рода „ссудо-сберегательныя кассы“ (záložna), совершающiя большiе обороты, и вотъ онѣ-то, преслѣдуя прежде всего патриотическiя цѣли, употребляютъ свои доходы на снабженiе школъ самою щедрою рукою всевозможными учебными и воспитательными пособiями. Я видѣлъ въ школахъ очень цѣнныя предметы и приборы, оказывавшiеся всегда почти даромъ мѣстной кассы „заложны“.

Потштейнская школа получаетъ иногда, кромѣ того, подарки отъ своего помѣщика, барона Добрженскаго. Большое вниманiе обращено въ школахъ и на физическую сторону воспитанiя. Въ Потштейнѣ всѣ дѣти, и мальчики, и дѣвочки, нѣсколько разъ въ недѣлю являлись подъ предводительствомъ своихъ учителей на зеленую лужайку къ берегу Орлицы, и тутъ мальчики занимались гимнастикой, а дѣвочки забавлялись хоровами. Эти упражненiя смѣнялись затѣмъ уже свободными, необязательными играми, и тутъ-то начиналось настоящее оживленiе и веселье, игра въ мячъ, бѣготня и всякiя проказы.

Кромѣ того, дѣвочки и мальчики, подъ руководствомъ одного изъ учителей, обучаются садоводству въ особомъ *школьномъ садикѣ* (školní zahrada), которые имѣются при большиствѣ школъ.

Такимъ образомъ, наблюденiя надъ школьною жизнью представляютъ не мало стоющаго вниманiя и поучительнаго.

Есть въ Потштейнѣ помимо, разумѣется, исторически достопримѣчательнаго въ остаткахъ сѣдой древности, о чемъ скажемъ ниже, еще одинъ любопытный уголокъ, кое-что весьма интересное и достойное особеннаго вниманiя, и теперь будетъ всего удобнѣе остановиться на этомъ своеобразномъ уголкѣ Потштейнскаго поселенiя.

Я разумѣю прiютившуюся въ Потштейнѣ небольшую *Евангелическую братскую общину*, т. е. общину „Чешскихъ (или моравскихъ) братьевъ“, какъ они себя называютъ, но въ сущ-

ности представляющую чешскую вѣтвь или отрасль знаменитой *Гернгутской общины*.

Вспомнимъ, какъ возникла эта послѣдняя. Въ эпоху торжества католической реакціи и жестокихъ религіозныхъ гоненій, *чешскіе братья* массами бѣжали изъ Чехіи и Моравіи и селились въ сосѣднихъ нѣмецкихъ, а также польскихъ земляхъ. Впрочемъ, въ Чехіи и особенно въ Моравіи оставалось еще долго довольно много тайныхъ приверженцевъ чешско-братскаго исповѣданія. Изъ нихъ-то и образовалась впоследствии та группа братьевъ-эмигрантовъ, которая въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка поселилась въ Саксоніи, во владѣніяхъ графа Цинцендорфа и основала поселеніе *Гермутъ* (слав. Охрановъ). Тогда же, т. е. въ первой четверти прошлаго вѣка (1727 г.) изъ этихъ чешскихъ (или моравскихъ) братьевъ, благодаря близости ихъ религіозно-нравственнаго ученія и настроенія къ ученію нѣмецкихъ протестантовъ, въ особенности извѣстнаго толка, именно такъ-называемыхъ пѣтистовъ, графъ Цинцендорфъ образовалъ въ этомъ духѣ особую религіозную общину подъ именемъ „Гернгутской братской общины“—съ совершенно оригинальнымъ церковно-политическимъ устройствомъ и строгой дисциплиной. Сущность религіозныхъ принциповъ и міровоззрѣнія братства заключалась не въ какомъ-либо опредѣленномъ исповѣданіи вѣры, а прежде всего въ искренней, теплой любви къ Спасителю, истинно христіанскомъ настроеніи и нравственной чистотѣ. Хотя община примыкала собственно къ Аугсбургскому исповѣданію, но Цинцендорфъ, для облегченія въ нее доступа приверженцамъ различныхъ протест. вѣроученій, допустилъ въ своей общинѣ три развѣтвленія: моравское, лютеранское и реформатское. Однимъ изъ главныхъ поприщъ дѣятельности гернгутскихъ братьевъ, особенно *моравскаго* толка, стало миссіонерство, и притомъ въ самыхъ далекихъ странахъ, среди язычниковъ Востъ-Индіи, Африки и Америки. Итакъ, съ этимъ преобразованиемъ на протестантскій, нѣмецкій ладъ послѣднихъ остатковъ славной нѣкогда чешско-братской общины—эта послѣдняя въ своемъ первоначальномъ видѣ окончательно исчезла, оставивъ по себѣ одни преданія и воспоминанія. Въ самой Чехіи нынѣшніе евангелики, потомки получившихъ при Іосифѣ II свободу вѣроисповѣданія чешскихъ протестантовъ разныхъ сектъ, хотя и отстаиваютъ свою генетическую связь съ „Чешскими братьями“ и гусситами (а потому

соперничаютъ въ этомъ съ братьями гернгутскими въ Чехіи¹⁾, въ сущности приняли свое „гелъветическое (кальвинское) исповѣданіе изчужа—отъ венгерскихъ и вообще зарубежныхъ послѣдователей реформы. Такимъ образомъ прямыхъ наслѣдниковъ и хранителей преданій, завѣтовъ и идей старой и славной Общины Чешскихъ братьевъ ни въ Чехіи, ни въ Моравіи собственно не существуетъ.

Потштейнская евангелическая братская община есть, какъ сказано, вѣтвь Гернгутской, которая очевидно стремится и надѣется по возможности распространить свою церковь въ Чехіи на почвѣ еще не совсѣмъ загложшихъ преданій старой народной чешско-братской церкви. Но успѣхъ ея здѣсь, какъ и повсюду впрочемъ, очень ограниченъ, что объясняется отчасти самымъ ея духомъ, слишкомъ большимъ ригоризмомъ, слишкомъ строгимъ и серьезнымъ отношеніемъ къ жизни, отчасти же, можетъ быть, по существу ученія—космополитичнымъ, на самомъ же дѣлѣ по преимуществу германскимъ отпечаткомъ. Въ Чехіи насчитывается всего нѣсколько сотенъ членовъ Гернгутской братской общины, считая и чеховъ и нѣмцевъ.

Одна изъ этихъ чешскихъ осѣдлостей гернгутскихъ братьевъ называется по своимъ средоточіямъ Pottenstein-Lan̄kron; изъ нихъ первое—чешское, а второе нѣмецкое. Въ самомъ Потштейнѣ членовъ общины не болѣе 3—4 десятковъ. Большая часть группируется въ одномъ концѣ мѣстечка (т. н. Гелъветская улица), гдѣ находятся и пасторскій домъ, и рядомъ братская молельня. Во главѣ общины два пастора: старшій и его помощникъ (администраторъ). Первый—нѣмецъ (изъ Германіи), но порядочно владѣющій чешскимъ языкомъ, на которомъ приходится служить и проповѣдывать и въ которомъ онъ усердно совершенствуется; второй—чехъ; оба молодые, очень образованные и общительные люди. Кромѣ того, при общинѣ содержится маленькій *приютъ* для сиротъ-дѣвочекъ (*sirotčines*), находящійся также неподалеку отъ общиннаго центра, но уже внѣ мѣстечка. Это цѣлая маленькая усадьба съ своей землицей и своимъ хозяйствомъ: скромный домикъ, вполне уединенный—весь въ зелени, окруженный своимъ садикомъ, огородомъ и

¹⁾ Они основали „чешско-братское общество“ (*Družstvo Českobratrské*) и имѣютъ свой органъ „Чешскій братъ“ (*Česrky Bratr, organ svobodomyšlných a neodvislých evangeliků českých*). Чешскихъ евангеликовъ насчитывается въ Чехіи до 70.000 и въ Моравіи до 40.000.

разными насажденіями. Тишина, миръ и дѣйствительно христіанская любовь царятъ въ этомъ укромномъ уголкѣ; этого не можетъ не почувствовать всякій новый человѣкъ, переступающій его порогъ. Приютомъ завѣдуютъ живущіе тутъ же какъ бы въ одной семьѣ съ приарѣваемыми почтенные люди—молодой чехъ г. М. съ женой, у которыхъ двое своихъ дѣтей. Они съ видимою любовью и знаніемъ дѣла воспитываютъ сиротокъ и умѣло ведутъ все приютское хозяйство, не щадя своихъ силъ и ко всему прикладывая свои руки, такъ какъ держать прислугу и рабочихъ имъ не по средствамъ. Во многомъ помогаютъ имъ и дѣти. Мнѣ придется въ другомъ мѣстѣ вернуться еще разъ къ этому симпатичному благотворительному учрежденію, а теперь—еще нѣсколько словъ о братской общинѣ, о ея жизни, началахъ и стремленіяхъ. У Потштейнскихъ „братевъ“ есть и своя специальная промышленность, а именно производство витяныхъ пуговицъ—по совершенно особой системѣ: работа весьма искусная и тонкая. Это производство есть собственно отрасль англійскаго, находящагося въ рукахъ тамошнихъ „братевъ“, и весь изготовляемый чешскими братьями товаръ идетъ за границу подъ той же англійской фабричной фирмой (изъ Англійи получается отчасти и матеріалъ), ибо товаръ этотъ сравнительно очень дорогъ и не имѣетъ сбыта въ Чехіи и Австріи, такъ что въ Потштейнѣ нельзя было приобрести хотя бы дюжину этихъ пуговицъ братскаго издѣлія.

Что касается житейской практики и образа жизни чешскихъ братевъ, то они основаны на тѣхъ же началахъ, что и вообще въ Герингутской церкви и отличаются присущими ей ригоризмомъ и неумолимою строгостью въ нравахъ, такъ что напримѣръ такіа увеселенія, какъ театръ и танцы, совершенно отвергаются братьями, хотя впрочемъ и нѣтъ категорическаго запрета.

Въ подробностяхъ можно познакомиться съ началами, правилами и обязанностями членовъ „евангелической братской церкви“—въ специальномъ изданіи этихъ правилъ и порядковъ подъ заглавіемъ „Zásady a Pořádky členův evangelické Bratrské církve v rakouských zemích“, 2-е изданіе 1886 г., за подписью представителя Дирекціи Братской Общины г. Мюллера (H. Müller), епископа и предсѣдателя (въ Berthelsdorf близъ Охранова-Герингута). Не имѣя въ виду подробнаго изложенія, мы отмѣтимъ лишь то, что это братское руководство содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Братская церковь,

какъ церковное общество. 2) Братская церковь въ ея отноше-
ніи къ прочимъ вѣроисповѣданіямъ. 3) Церковь и прави-
тельственная власть. 4) Призваніе Братской церкви, ея по-
рядки и должностныя лица. 5) Церковь и ея слуги, и взаим-
ныя ихъ отношенія. 6) Вступленіе въ церковь. Церковная
дисциплина. Раздѣленіе членовъ церкви. Воспитаніе молодежи.
Взаимныя отношенія членовъ между собой въ обществѣ.

Здѣсь изложена вся мораль и житейскіе принципы Общины.
Строгое ихъ выполненіе и дисциплина, господствующая въ
средѣ братьевъ, конечно, не составляютъ большого привлеченія
для массы современнаго человѣчества съ его повальной без-
принципностью, индифферентизмомъ и условной моралью, а
потому малочисленность братьевъ не представляетъ ничего
удивительнаго... Но и помимо этого соображенія спраши-
вается, имѣетъ ли эта на чуждой почвѣ обновленная чешско-брат-
ская община какое-либо будущее въ Чехіи, если имѣтъ въ
виду извѣстную живучесть здѣсь старыхъ народныхъ чешско-
братскихъ преданій? На этотъ вопросъ, кажется намъ, едва-ли
есть основаніе отвѣчать въ положительномъ смыслѣ.

Мы говорили выше о томъ, что церковь Гернгутская для
успѣха *своею* дѣла именно рассчитываетъ безъ сомнѣнія на
эту спеціальную подготовленность чешской среды къ воспрія-
тію ея ученія; съ другой стороны и многіе чешскіе ея члены
съ своей чешской точки зрѣнія особенно одушевлены такими
надеждами, но также и стремленіемъ эмансипироваться отъ ино-
земныхъ вліяній и авторитета.

На генетическую связь нынѣшней церкви съ старой чеш-
ской Общиной всячески налегается и многое предпринимается
съ цѣлью воскресить преданія и, воспользовавшись сохранив-
шимися литературными обломками братской старины, связать
безнадежно порванныя нити... Указаніе на стремленіе найти
такую опору можно найти и въ вышесказанномъ братскомъ
руководствѣ; § 3-й первой статьи гласитъ прямо: „Обновлен-
ная церковь Братская имѣетъ свое *начало* въ старой Брат-
ской церкви и такое начало считаетъ Божьимъ провидѣніемъ“
и т. д. Во 2 § читаемъ: „Братская церковь уже съ перваго
момента своего обновленія удерживаетъ *апостольскую церковную*
дисциплину старыхъ чешско-моравскихъ братьевъ“ etc.¹⁾.

¹⁾ См. о генетической связи обновленной церкви Братской съ старой
„Общиной чешскихъ братьевъ“ статью *J. Müller'a* „O souvislosti
obnovené cirkve bratrské se starou Jednotou bratří českých“ въ *Časopis*
Česk. Mus. 1885. sv. 2—4.

Что же касается обновленія старыхъ преданій на практикѣ, то и въ этомъ отношеніи повидимому принимаются кое-какія мѣры. Слышно по крайней мѣрѣ, что чешская отрасль Братства имѣетъ нынѣ въ виду точнѣе формулировать свое вѣроученіе и догматическую его сторону, составить свой катехизисъ, держась старыхъ преданій. Съ другой стороны, чрезвычайно дорожа литературной братской стариной, она все болѣе усваиваетъ себѣ сохранившіяся братскія богослужебныя книги, біблію и содержаніе канціоналовъ, тогда какъ до сихъ поръ въ ея обиходѣ царили книги, взятыя у нѣмцевъ-протестантовъ (т. е. нѣм. гернгутскія).

И несмотря на все это, едва-ли возможно мечтать о томъ, чтобъ эти усилія привели когда-нибудь къ широкой постановкѣ чешско-братскаго дѣла на исторической его почвѣ, къ созданію чего-либо въ родѣ народно-чешской церкви въ духѣ гуситскихъ идеаловъ, хотя быть можетъ многіе и увлекаются этой мечтой. Во-первыхъ, такому обороту дѣла не могутъ сочувствовать и высшіе иноземные, нѣмецкіе руководители „Гернгутскаго братства“, ибо это было бы отщепенствомъ, отрѣшеніемъ отъ его спеціальнаго дѣла и задачъ. Затѣмъ, какъ уже говорено, широкому распространенію братской церкви сильно препятствуетъ налагаемый на членовъ ея слишкомъ строгій, большинству непосильный нравственный режимъ. Наконецъ, и это очень важно—въ настоящемъ своемъ видѣ община, какъ еще все-таки *вытѣ* разившейся въ германской средѣ гернгутской церкви, представляя сущностью своего ученія принципъ космополитическій, полное равенство во Христѣ и слѣдовательно отрипаніе народнаго, племеннаго начала, невольно вносятъ этотъ принципъ и въ жизнь, и при всемъ томъ все-таки удерживаетъ въ большей или меньшей степени свой специфическій *нѣмецкій* духъ и характеръ, что разумѣется въ Чехіи способно лишь отпугивать и отталкивать отъ нея истыхъ чеховъ и вообще интеллигенцію, а до извѣстной степени и народъ—подъ вліяніемъ его католическихъ пастырей, возбуждать въ массѣ чувства недовѣрія къ ней и даже подозрительность. Пастыри и члены евангелической братской общины изъ чеховъ, что можно было наблюдать и въ Потштейнѣ, не только не чуждаются нѣмцевъ и всего нѣмецкаго, какъ этимъ отличаются ихъ соплеменники католики и какъ полагается всякому „доброму чеху“, но напротивъ охотно сближаются съ нѣмцами и говорятъ по-нѣмецки (въ чемъ имъ весьма по-
*

литично подають примѣръ нѣмецкіе ихъ духовные, учащіеся и проповѣдующіе по-чешски). Для нихъ на первомъ мѣстѣ религія, т. е. христіанство съ его братскою любовью, а затѣмъ уже на заднемъ планѣ народность и ея интересы. Такой точкѣ зрѣнія масса не можетъ сочувствовать. Понятно поэтому, какое отношеніе къ себѣ должна встрѣчать община—тамъ, гдѣ имѣетъ вліяніе и безъ того слѣпо и глубоко враждебное ей католическое духовенство. Дѣйствительно, католическіе священники, проникнутые этой враждой, постоянно внушаютъ своей паствѣ тѣ же чувства къ братьямъ, измышляя часто даже небылицы и клеветы на нихъ. Простой народъ, зная братьевъ въ житейскихъ отношеніяхъ, самъ по себѣ не питаетъ никакой вражды къ нимъ и отличается полною терпимостью, но наущенія и внушенія пастырей часто имѣютъ успѣхъ.

Если подстрекательства духовенства противъ общины вообще имѣютъ успѣхъ, то конечно потому, что оно умѣетъ задѣть чувствительную струну, т. е. именно племенное чувство, народное самосознаніе и ненависть къ нѣмцамъ. Оно прямо приписываетъ братской общинѣ германизаторскую миссію, вредное въ народномъ смыслѣ, такъ сказать, разлагающее вліяніе, и увлекаясь этой идеей, многіе патріоты не стѣсняясь клеймятъ членовъ общины соответствующими прозвищами... Нечего и говорить, какъ все это сильно отзывается крайней исключительностью и фанатизмомъ, и тѣмъ не менѣе есть непристрастные люди, которые невольно задаются вопросомъ, нѣтъ ли тутъ и *маленькой доли* правды, не можетъ ли служить евангелическая братская община въ Чехіи въ своемъ современномъ зависимомъ видѣ между прочимъ *безсознательнымъ* орудіемъ совсѣмъ постороннихъ ея религіозной задачѣ видовъ, какіе способны имѣть только враги чешской народности?.. Въ такомъ случаѣ, конечно, она не могла бы рассчитывать на распространеніе и будущность.

Какъ важно это обстоятельство, т. е. національный моментъ, видно изъ того, что нынѣ и у чешскихъ евангеликовъ гельвет. исповѣданія замѣтно стремленіе — всячески освободиться отъ иноземныхъ (нѣмецкихъ) вліяній и отстаивать чешскій характеръ и духъ въ чешской евангелпческой церкви. Эту цѣль поставило себѣ нынѣ и ихъ „общество чешско-братское“ (Družstvo českobratrské) съ своимъ органомъ „свободомыслящихъ и независимыхъ евангеликовъ чешскихъ“ „Český Bratr“.

Но оставимъ однако „чешскихъ братьевъ“ и посмотримъ теперь, что интереснаго представляетъ нашъ Потштейнъ въ историческомъ отношеніи, иначе говоря взглянемъ на остатки средневѣкового величія его твердыни (рыцарскаго замка) и связаннаыя съ ними историческія воспоминанія ¹⁾.

Лѣсистый край Орлицкаго порѣчья по теченію обѣихъ Орлицъ и между ними принадлежалъ въ X вѣкѣ чешскому роду Славниковцевъ, отъ которыхъ перешелъ въ руки Вершовцевъ и т. д. и наконецъ сталъ владѣніемъ королевскимъ, каковымъ оставался до конца XIII вѣка, когда достался переселившемуся въ сѣверовосточную Чехію извѣстному роду *Дрславичей* (отъ Дрслава, жупана Пльзенскаго); послѣдніе и положили основаніе Потштейнской и многимъ другимъ сосѣднимъ твердынямъ. Основаніе Потштейна приписывается сыну одного изъ Дрславичей (Поты изъ Кржимиць *Půta z Křimic*) Процеку († 1311). Впрочемъ обстоятельства и время этой постройки въ точности неизвѣстны. Приблизительно къ тому же времени относится и основаніе Литицкаго „града“ другими Дрславичами.

Въ тѣ буйныя и смутныя времена многочисленныя грады и замки, воздвигавшіеся на неприступныхъ вершинахъ горъ и скалахъ и господствовавшіе надъ всѣми окрестностями, служили не на защиту населенія, а напротивъ были ему грозой и страшилищемъ, какъ притоны буйной шляхты, рыцарей-разбойниковъ: изъ этихъ неприступныхъ твердынь они совершали свои опустошительныя набѣги и разбои, не щадя и бѣднаго беззащитнаго люда. Эпохи безначалія и смуть въ государствѣ были конечно особенно благоприятны для ихъ цѣлей. Такъ было и въ Орлицкомъ краю въ началѣ XIV вѣка по прекращеніи династіи Премысловичей. Гибель послѣдняго короля этой династіи, несчастнаго Вячеслава III, связана даже съ именемъ какого-то Конрада изъ Потштейна, котораго,

¹⁾ Наши собственныя замѣтки объ историческихъ примѣчательностяхъ Потштейна и всего Орлицкаго края и фактическія данныя о посѣщеніяхъ центрахъ, въ предлагаемыхъ очеркахъ, мы пополнили свѣдѣніями, почерпнутыми изъ прекрасныхъ чешскихъ изданій по описанію Чехіи: *Hrady, Zámky a Tvrze království českého*, A. Sedláček, Pr. 1883 г.; „*Čechy*“, Šubert a Borovský, и нѣсколькихъ монографій, за любезное сообщеніе которыхъ приносимъ искреннюю признательность достоуважаемому г. К. П. Кейлю (въ Прагѣ).

правда, старые хронисты считаютъ родомъ изъ Тюрингiи, но котораго, быть можетъ, естественнѣе считатьъ родичемъ Потштейнскихъ Дрславичей.

Когда молодой Вячеславъ III, вскорѣ по вступленіи на престолъ, отправляясь съ войскомъ въ Польшу защищать свои права на польскую корону противъ Владислава Локотка, остановился на пути въ Оломуцѣ, въ августѣ 1306 года, то тутъ въ домѣ декана онъ былъ злодѣйски умерщвленъ безъ сомнѣнія подосланнымъ убійцею, какимъ-то рыцаремъ, который, совершивъ свое злодѣяніе, хотѣлъ бѣжать, но былъ схваченъ и тутъ же изрубленъ приближенными; въ этомъ рыцарѣ, по преданію, узнали именно нѣкаго Конрада изъ Потштейна. Очевидно, мотивъ убійства былъ политическій, хотя и нельзя сказать съ достовѣрностью, откуда шло подстрекательство. И до сихъ поръ въ Оломуцѣ, въ старомъ дворцѣ мѣстнаго декана, показываютъ (мнѣ показывали въ 1876 году) террасу, на которой палъ подъ мечемъ убійцы послѣдній Премысловичъ.

Въ началѣ XIV вѣка особенно прославился своею неукротимою разбойничьею удалью и своими грабительскими подвигами, сынъ вышеназваннаго Процека, *Николай Потштейнскій* (Mikulaš z Potensteina), типъ тогдашняго безпокойнаго и буйнаго рыцаря. Исторія много рассказываетъ о его злыхъ дѣлахъ и насиліяхъ. Онъ владѣлъ Потштейномъ, Литицами, Вамберкомъ, Хопнемъ, Костельцемъ и многими другими собѣдными укрѣпленіями.

Его разбой и насилія стали наконецъ вызывать громкія жалобы и стоны населенія. Это побудило тогдашняго маркграфа моравскаго и чешскаго намѣстника, будущаго короля (и императора) Карла IV, обратиться къ Николаю изъ Потштейна съ внушеніемъ прекратить свои беззаконныя дѣянія и не нарушать мира. Однакожь это не подѣйствовало на слишкомъ уже привыкшаго къ своему разбойничьему ремеслу Николая. Какъ паукъ въ своей паутинѣ, сидѣлъ онъ въ своемъ градѣ Потштейнѣ, окруженный цѣлою системой твердынь и совершая во всѣ стороны свои грабительскіе наѣзды, наполняя награбленнымъ добромъ свои погреба, заключая у себя плѣнныхъ и выпуская ихъ лишь за большія деньги. Тогда Карлъ прибѣгъ къ силѣ, но первая его попытка укротить Микулаша осталась безъ большаго результата, да и силы его были недостаточны (1337). Однакожь онъ не могъ оставить образъ дѣйствія Микулаша безнаказаннымъ, и въ 1339 году съ огромными

силами двинулся противъ него, овладѣлъ шагъ за шагомъ всѣми окрестными твердынями и осадилъ Потштейнъ, гдѣ старательно укрѣпился его непокорный владѣтель. Цѣлыхъ девять недѣль съ неимоверными усиліями и потерями Карлъ постепенно овладѣвалъ Потштейнскими укрѣпленіями, пока наконецъ, не овладѣлъ всѣмъ градомъ и не перебилъ его защитниковъ. Самъ Николай заперся въ главной башнѣ, защищаясь до послѣдней крайности, но подъ башню былъ сдѣланъ подкопъ; она рушилась, и рыцарь-хищникъ былъ погребенъ подъ ея развалинами. Такъ трагически кончилъ свою мятежную жизнь знаменитый Дрславичъ!

Градъ Потштейнскій былъ оставленъ наполовину разрушеннымъ и пустымъ. Онъ сталъ временно королевскою собственностью—до конца XIV в., но еще Карлъ IV его вновь отстроилъ и обновилъ. Затѣмъ онъ въ некоторое время переходилъ изъ рукъ въ руки, пока Вацлавъ IV не выкупилъ его для жены своей, королевы Софіи; въ 1416 году онъ былъ осажденъ возставшимъ епископомъ Лютомышльскимъ Яномъ, но вырученъ подоспѣвшимъ по распоряженію короля Жижкой изъ Троцнова, будущимъ славнымъ гуситскимъ вождемъ. Въ эпоху опустошительныхъ гуситскихъ войнъ Потштейнъ былъ долго, но тщетно осаждаемъ Сиротками (1432). Послѣ 23-хъ недѣльныхъ усилій они должны были отступить.

Къ гуситскому времени относится безъ сомнѣнія сооруженіе многихъ укрѣпленій Потштейнскаго града. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ онъ никогда болѣе не подвергался военнымъ напастьямъ. Его неприступныя твердыни дѣйствовали слишкомъ устрашающе на всякаго недруга.

Въ концѣ XV вѣка и градъ и всѣ Потштейнскія угодья достались знаменитому государственному дѣятелю и благородному чешскому патриоту Вилему (Вильгельму) изъ Пернштейна, который, будучи замѣчательнымъ хозяиномъ - организаторомъ своего времени, привелъ и свое новое владѣніе въ блестящее состояніе, еще улучшилъ и украсилъ замокъ. И теперь можно видѣть гербъ рода Пернштейнскаго, высѣченный на воротахъ и на подножій колонны у развалины замковой церкви. Сохранился съ того времени (1498—1556) и рисунокъ, изображающій твердыню со всѣми ея стѣнами и укрѣпленіями, идущими кругомъ всей горы—сверху до низу. Вилемъ изъ Пернштейна, хоть и католикъ, былъ вѣротерпимъ и предоставлялъ своимъ людямъ полную свободу вѣроисповѣданія, въ чемъ ему слѣдовало и

сынъ его Войтѣхъ, а другой, Янъ, былъ даже послѣдователемъ евангелическаго исповѣданія; понятно, что при такихъ условіяхъ и членамъ Общины Чешскихъ Братьевъ, весьма многочисленнымъ въ томъ краю, ближайшемъ къ ихъ колыбели (Кунвальду), привольно жилось въ обширныхъ Пераштейнскихъ владѣніяхъ. Однакожъ сыновья Яна держались иныхъ взглядовъ. Будучи усердными католиками, они терпѣли у себя только католиковъ и еще калишниковъ (умѣренныхъ), такъ что чешскіе братья принуждены были выселяться изъ Потштейнскаго и вообще Орлицкаго края. Однакожъ это не искоренило ихъ здѣсь,—они продолжали ютиться и даже шириться по мѣстамъ, такъ что въ годину жестокихъ преслѣдованій послѣ Бѣлогорской битвы, именно этотъ край, здѣшніе лѣса и горы стали гостеприимнымъ убѣжищемъ чешскихъ братьевъ.

Отъ названныхъ потомковъ Вилема Пераштейнскаго Потштейнъ перешелъ въ другія руки. Во второй половинѣ XVI в. владѣтелями были Hrzáň z Nagasova и его родъ (болѣе извѣстенъ Adam Štástný H. z H.), а въ XVII в.—Kašpar Gramb (родомъ нидерландецъ) и наконецъ Vaclav Zaruba z Hustigau и его потомки—до половины XVIII вѣка. Отъ нихъ приобрѣлъ Потштейнское владѣніе баронъ Янъ Лудвигъ Харбуваль, впоследствии графъ Шамарé (Chamaré), но эту славную твердыню Потштейнскую ему достались одни лишь развалины: уже во второй половинѣ XVII вѣка ее постигла общая участь всѣхъ градовъ, безжалостно разрушенныхъ тогда по указу императора Леопольда I. Впрочемъ, современные владѣтели града могли быть, пожалуй, довольны, что избавились отъ огромныхъ денежныхъ затратъ на поддержаніе имъ ни къ чему не нужнаго укрѣпленнаго замка... Sic transit gloria mundi!

Янъ Л. Харбуваль изъ Шамарé построилъ въ мѣстечкѣ, у подошвы замковой горы, нынѣшній замокъ въ 1749 г., о чемъ въ своемъ мѣстѣ упоминалось. Его вдова Варвара, урожд. z Saneke выстроила въ память мужа въ опустѣвшихъ развалинахъ стараго замка маленькую церковь во имя св. Іоанна Непомука, отъ которой однакожъ нынѣ остались одні голыя стѣны. Она же соорудила „крестный путь“ (Кальварія), по горѣ изъ мѣстечка до самаго замка—съ 14 часовенками, а на мѣстѣ одной изъ замковыхъ башенъ поставила еще часовню (т. е. „святая ступени“), предоставивъ ордену Капуциновъ капиталъ въ 30.000 гульд. съ тѣмъ, чтобъ онъ содержалъ тамъ двухъ священниковъ и двухъ братьевъ капуциновъ. Но орденъ

нашелъ сумму недостаточною, и планъ не состоялся. Тогда два отшельника поселились у этой часовни и прожили тамъ до конца дней своихъ.

Яву Л. Харбуваль († 1764 г.) наслѣдовалъ его сынъ, Янъ Антонинъ, женатый на баронессѣ Маріи Добрженской изъ Добржениць. Онъ увѣковѣчилъ свое имя многолѣтними усердными, по тщетнымъ поискамъ клада въ развалинахъ Потштейнскаго замка. Стоитъ отмѣтить этимъ любопытный эпизодъ, или по продолжительности почти періодъ исторіи нашего замка.

Еще мальчикомъ графъ Харбуваль слыхалъ часто отъ прислуги о зарытомъ въ градѣ богатѣйшемъ кладѣ. Одна дѣвушка изъ сосѣдней деревни (Сопотницъ) рассказала ему, что въ старомъ градѣ, въ то время еще довольно сохранившемся, найденъ былъ ящикъ съ какой-то книгой и драгоценностями, которыя многіе видѣли, но что и человекъ, нашедшій его, и самыя вещи исчезли. Такими и подобными рассказами было воспламенено воображеніе молодого графа, и вотъ онъ задался мыслью самолично убѣдиться въ справедливости заманчивой молвы и поискать соблазнявшихъ его сокровищъ... Онъ приступилъ къ этому дѣлу въ 1744 г. и занимался имъ, неутомимо рылъ и копалъ почти полвѣка, до 1782 года! Положивъ на это пустое предпріятіе болѣе половины своей жизни, потративъ на него цѣлый капиталъ, этотъ мученикъ своего несчастнаго воображенія не нашелъ ни денегъ, ни сокровищъ, а лишь нѣсколько старыхъ предметовъ незначительной археологической цѣнности въ родѣ ключей, подковы, шпоры, молотка, стремена, печати мѣстечка Потштейна и т. п. Къ тому же отъ рытія и земляныхъ работъ большая часть града обрушилась и развалилась. Энергія графа получила новый толчокъ между прочимъ тѣмъ, что при сооруженіи часовни въ замкѣ открыли многочисленные подземные ходы во всѣ стороны, которые были, разумѣется, въ подробностяхъ изслѣдованы, но безъ всякаго результата. Однимъ только этотъ оригиналь-археологъ изъ корысти принесъ пользу: составленіемъ подробнаго плана стараго замка съ обозначеніемъ всѣхъ подземныхъ ходовъ. Онъ оставилъ также подробное описаніе всѣхъ своихъ работъ и поисковъ. Онъ умеръ въ 1808 году 71 года отъ роду.

Сынъ Яна Антонина Харбувала Шамарѣ—того же имени жилъ и владѣлъ отцовскимъ наслѣдіемъ до 1849 г. Старшая дочь его, унаслѣдовавшая Потштейнское имѣніе, графиня Alžběta (Елизавета) Harbuvalovna вышла замужъ за барона

Прокопа Добрженскаго (z Dobřenic), сынъ котораго и владѣеть въ настоящее время Потштейномъ съ его обширными и богатыми угодьями. Вокругъ мѣстечка все: и лѣса, и луга, и воды принадлежать барону, и обыватели, повидимому во многихъ своихъ шагахъ и движеніяхъ стѣснены быть можетъ нѣскольکو педантическимъ управленіемъ и экономіей барона или его конторы.

Такова въ немногихъ словахъ исторія Потштейнскаго владѣнія и града. Взглянемъ теперь хотя бѣгло на столь много говорящіе случайные остатки сѣдой старины. Со стороны мѣстечка видны на верху горы лишь двѣ верхушки замковой руины, едва превышающія высокій хвойный лѣсъ, давно одѣвшій гору. Кромѣ крутыхъ лѣсныхъ тропинокъ, ведущихъ къ руинѣ, туда ведетъ такъ называемый *крестный путь* (křížová cesta) съ обозначающими его бѣлыми каменными часовенками, который приблизительно на полгорѣ выходитъ на старую прямую преѣздную дорогу — идущую къ замку изъ южной оконечности мѣстечка. Очень скоро путникъ замѣчаетъ среди зелени и кустарника обломки и остатки первыхъ укрѣпленій и старой стѣны, гдѣ были ворота града. Идя далѣе по широкой лиственничной аллеѣ, онъ встрѣчаетъ развалины вторыхъ воротъ, гдѣ уже начинался самый градъ и гдѣ въ старину былъ глубокій ровъ съ подъемнымъ мостомъ. Направо отъ воротъ на возвышенной площадкѣ, — три креста — это изображеніе горы Кальваріи.

Еще далѣе слѣдуютъ третьи и наконецъ четвертыя наилучше сохранившіяся ворота съ высѣченнымъ въ нихъ гербомъ Пернштейновъ, черезъ которыя приходишь уже въ бывший первый дворъ самого замка. Здѣсь глазамъ представляются высокія причудливыхъ формъ уцѣлѣвшія громады стѣнъ величественнаго замка, его развалившихся сводовъ, башенъ, погребовъ и внутреннихъ покоевъ, поросшихъ нынѣ роскошною растительностью; тамъ и сямъ между камнями, въ углубленіяхъ и по верхушкамъ руинъ среди зелени кустарника, въ изобиліи мелькають дикій шиповникъ и другіе цвѣты. Уединеніе и полная тишина, нарушаемая лишь шелестомъ листвы окружающаго лѣса, какаютъ таинственность во всей этой вѣющей сѣдой стариной обстановкѣ, — все это очаровываетъ и поэтически настраиваетъ посетителя. Надо признаться, что сооруженная, въ прошломъ вѣкѣ (графиней Harbuval-Chamagé) часовня подъ именемъ „святыхъ ступеней“ своимъ современнымъ видомъ только нарушаетъ гармонію общаго впечатлѣнія. Но мы еще не достигли главной цѣли нашей экскурсіи. Развалины главнаго жилого кор-

пуса замка еще выше. По неровной и крутой тропинкѣ, не доходя часовни, мы поднимаемся къ послѣднимъ малымъ воротамъ и черезъ нихъ входимъ въ бывший внутренній дворъ замка, нѣкогда очевидно роскошнаго зданія, отъ котораго нынѣ уныло торчатъ въ вышинѣ однѣ полуобвалившіяся стѣны и башни съ оконными и дверными отверстиями готической формы и мрачныя своды разныхъ погребовъ и другихъ помѣщеній, а внизу на изрытой и неровной поверхности земли кое-гдѣ таинственно чернѣютъ мѣста проваловъ почвы и ходы въ мрачное подземелье — съ его безконечными развѣтвленіями. Эти все еще внушительные и вмѣстѣ жалкіе остатки прежняго земного величія и силы, какъ бы сиротливо простершіе къ небу, на подобіе дряхлаго старца, свои изможденныя костлявыя руки, вмѣстѣ съ окружающей чудной природой, съ очаровательнымъ видомъ на оживленныя окрестности и безконечную теряющуюся даль, производятъ дѣйствительно глубокое своеобразное впечатлѣніе.

Кромѣ прогулки на развалины замка, Потштейнъ представляетъ массу другихъ мѣстъ и пунктовъ для прогулокъ чрезвычайно живописныхъ, разнообразныхъ и привлекательныхъ. Туристъ-любитель красотъ природы, великолѣпныхъ обширныхъ видовъ и поэтическихъ ландшафтовъ, городской житель, пріѣхавшій отдохнуть и ищущій здороваго воздуха горъ и хвойныхъ лѣсовъ — одинаково найдутъ въ Потштейнѣ всѣ эти преимущества и выгоды въ изобиліи. Самая замковая гора, кромѣ восхожденія къ старому замку, представляетъ рядъ другихъ прелестныхъ прогулокъ, между прочимъ по самой красной и крутой сторонѣ горы, обращенной къ западу, гдѣ на значительной вышинѣ устроена маленькая терраса со скамьями, а отсюда чудный видъ на сосѣдній горный хребетъ съ горой Велеошовомъ и на поэтическую долину Дикой Орлицы, которая глубоко внизу, подъ вашими ногами, суетливо бѣжитъ и бурлитъ, спѣша вырваться изъ тѣсени на широкій просторъ полей и луговъ. Здѣсь внизу, въ долинѣ, на длинномъ мысу, образуемомъ Орлицей и ея рукавомъ, по самому берегу рѣки тянется чудная аллея липъ, частью вѣковыхъ, частью еще молодыхъ. Это любимая прогулка потштейнскихъ „дачниковъ“, гдѣ можно и нагуляться вдоволь и отдохнуть подъ развѣсистыми липами въ пріятной прохладѣ благодаря сосѣдству окружающихъ горъ и воды. На другой сторонѣ Орлицы, на противоположномъ хребтѣ находится другой живописный пунктъ,

опять на большой высотѣ. Это „Letná“ (прозванная такъ въ честь одной изъ пражскихъ прогулокъ на высотахъ надъ Влтавой), гдѣ поставленъ хорошенькій павильонъ и откуда открываетъ ся безподобный видъ à vol d'oiseau на весь Потштейнъ и его окрестности, главнымъ образомъ къ сѣверу и востоку. Та же гора, на которой павильонъ, представляетъ еще множество другихъ живописныхъ партій и прогулокъ. Съ другой стороны любителя роскошныхъ луговъ, полей и сельскихъ пейзажей привлекаютъ берега той же Орлицы, текущей далѣе уже на просторѣ, по выходѣ ея изъ мѣстечка съ противоположнаго конца.

Однимъ словомъ всюду масса самыхъ разнообразныхъ прогулокъ—и по плоскости, и по горамъ. Надо прибавить, что эти прогулки тѣмъ пріятнѣе, что, при всей простотѣ и безъискусственности и даже дикости обстановки, сдѣлано не мало для удобства пріѣзжихъ. Дороги, дорожки и мостки содержатся въ исправности, поставлено уже довольно много скамеекъ и вообще видны заботы о благоустройствѣ мѣстечка. Всѣмъ этимъ жители обязаны т. н. „украстельному“ комитету Потштейна (okraslovací spolek), въ которомъ самое дѣятельное участіе принимаетъ одинъ изъ профессоровъ Пражскаго университета, уроженецъ и домовладѣлецъ Потштейна г. Я., а также школьные учителя и другіе представители мѣстечка. Ежегодно издается отчетъ о дѣятельности этого комитета (Výroční správa okraslovacího spolku).

Каждое лѣто Потштейнъ, какъ мы сказали, привлекаетъ довольно много „дачниковъ“ изъ сосѣднихъ городовъ, а особенно изъ Праги; но тамошній дачный сезонъ начинается только съ начала августа (по новому стилю), когда кончается учебный семестръ, такъ что въ началѣ лѣта, до половины іюля, тамъ можно найти полное уединеніе и патриархальную сельскую свободу. Между жителями, правильно посѣщающими лѣтомъ Потштейнъ, насчитывается нѣсколько университетскихъ профессоровъ, такъ что тамъ ежегодно образуется маленькая профессорская колонія. Такимъ образомъ, желающій можетъ найти въ Потштейнѣ и самое интеллигентное и серьезное общество.

Мнѣ остается еще рассказать объ *окрестностяхъ* Потштейна, представляющимъ также много занимательнаго и по красотамъ природы, и въ историческомъ, и въ культурномъ отношеніяхъ, но прежде чѣмъ оставить Потштейнъ, я вернусь еще разъ не надолго къ *чешскимъ братьямъ* по поводу одного торжества у нихъ, свидѣтелемъ котораго мнѣ привелось быть.

III.

6 іюля 1415 года на озарившемъ всю Европу зловѣщимъ свѣтомъ Констанцскомъ кострѣ былъ сожженъ высшими и интеллигентнѣйшими представителями западнаго христіанства, культуры и науки того времени—великій славянинъ, величайшій чехъ Янъ Гусъ, этотъ доблестный мученикъ за христіанскую истину и чистоту церкви, а также за права своей народности... День этотъ конечно особенно почитается чешскими братьями. И потштейнская община ежегодно справляетъ этотъ праздникъ памяти Гуса съ особенною торжественностью, тѣмъ болѣе, что это вмѣстѣ съ тѣмъ день годовщины основанія ея пріюта „сиротинца“. Естественно, что и торжество происходитъ въ пріютѣ.

Приглашенные заранѣе на это собраніе, мы въ назначенное время, ровно въ 2 часа дня, явились въ пріютъ и были радушно встрѣчены хозяевами.

Главная половина пріютскаго домика, состоящая изъ двухъ довольно просторныхъ комнатъ, особенно одна изъ нихъ—вала и вмѣстѣ классная комната дѣтей—убрана и украшена зеленью и цвѣтами. Въ скромно меблированной почти квадратной горницѣ стоятъ ряды простыхъ скамеекъ и стульевъ, а передъ ними—маленькая каеэдра, покрытая бѣлою скатертью и обвитая гирляндами зелени. Зеленью убраны и двери въ сосѣдную комнату (въ обычное время—спальня хозяевъ), гдѣ большой диванъ и стоящій передъ нимъ большой столъ пскрты множествомъ рукодѣлій, бѣлья и другихъ принадлежностей туалета и комнатнаго убранства—работы дѣтей и завѣдующихъ пріютомъ, а также пожертвованныхъ. Это—базаръ въ пользу пріюта. Здѣсь мы находимъ, кромѣ самой хозяйки г-жи Медачекъ, еще нѣсколькихъ дамъ—мѣстныхъ жительницъ и пріѣзжихъ. Мы также располагаемся въ этой комнатѣ. Между тѣмъ, сосѣдная комната наполняется „братьями“ и „сестрами“ по большей части изъ сельскаго люда, но среди толпы народа замѣчаемъ и представителей болѣе образованнаго класса.

Все разиѣщаются на скамьяхъ и стульяхъ, которыхъ однакожъ не хватаетъ, такъ что многіе стоятъ. Дѣти пріюта сидятъ спереди съ одного бока. Скоро являются и пасторы: старшій—нѣмецъ небольшого роста, брюнетъ съ красивымъ оживленнымъ лицомъ (онъ недавно женился на нѣмкѣ и только-что пріѣхалъ въ Потштейнъ съ молодой женой, которая присут-

ствуетъ тоже на собраніи), и его товарищъ молодой чехъ, довольно высокій блондинъ, съ благообразной и пріятной наружностью. Всѣ сѣли по мѣстамъ, и торжество началось съ пѣнія молитвъ всѣми присутствующими. Затѣмъ начались „бесѣды“. Надо замѣтить, что на такихъ собраніяхъ всякій членъ общины имѣетъ право говорить, обратиться со словомъ къ братьямъ, но главная роль принадлежитъ конечно пастырямъ. Въ данномъ случаѣ кромѣ нихъ говорилъ еще завѣдующій пріютомъ г. Медачекъ.

Первымъ вступаетъ на кафедру пасторъ-чехъ и съ одушевленіемъ произноситъ толковое вразумительное слово о первой причинѣ или предметѣ торжества—памяти славнаго Я. Гуса. Изобразивъ картинно и рельефно великаго мученика на Констанцкомъ судилищѣ, ораторъ переходитъ къ характеристикѣ главныхъ чертъ дѣятельности Гуса, къ опредѣленію сущности его ученія, выясненію того, чего онъ хотѣлъ, какова была его роль, какъ къ нему относилось общество. Затѣмъ онъ обращается къ братской общинѣ (разумѣя свою братскую паству), какъ къ преемницѣ его ученія и завѣтовъ, и потому долженствующей строго и неуклонно имъ слѣдовать. Послѣ назиданія онъ затрогиваетъ животрепещущій вопросъ о современномъ отношеніи чеховъ къ Гусу и позорныхъ дебатахъ о немъ на чешскомъ сеймѣ, замѣчая, что и нынѣ католическая церковь и ея представители пылаютъ къ нему такою ненавистью, что, еслибъ могли, вторично его осудили бы и сожгли, но что все-таки народъ чешскій не измѣнитъ своему Гусу, что правда восторжествуетъ, что вопреки всѣмъ усиліямъ враговъ— имя Гуса будетъ красоваться на новомъ зданіи чешскаго народнаго музея (встать сказать, оно уже и красуется!), и ему будетъ воздвигнутъ достойный памятникъ... Конечно, его-де чтятъ главнымъ образомъ какъ духовнаго вождя чешскаго народа и самоотверженнаго патріота, за его великій національный духъ и сильный характеръ (объгая его значеніе богослова и церковнаго реформатора), но и это уже хорошо. А мы, *чешскіе братья*, должны прежде всего чтить въ немъ великаго христіанскаго учителя и реформатора, стремившагося построить церковь на свящ. писаніи, хотя не отрицаемъ его значенія и въ другихъ отношеніяхъ... Тутъ ораторъ долженъ былъ поневолѣ искусно обойти вопросъ о *національномъ значеніи* Гуса въ виду известнаго намъ принципіальнаго отношенія Гернгутской братской церкви къ жгучему вопросу народности, заключающагося въ

проповѣди братства всѣхъ племенъ и народовъ, слѣдовательно и чеховъ съ нѣмцами. Вѣдь тутъ же присутствовалъ и старшій пасторъ-нѣмецъ!

Послѣ вторичнаго пѣнія братскихъ духовныхъ стиховъ и пѣсенъ выступаетъ г. Медачекъ и читаетъ отчетъ о состояніи пріюта въ истекшемъ году, въ чемъ заключается вторая цѣль собранія. Онъ обращаетъ вниманіе слушателей на то, что пріютъ существуетъ исключительно благодаря щедрости и сочувствію добрыхъ людей благотворителей и своихъ мѣстныхъ членовъ общины и иноземныхъ братьевъ, которые постоянно его поддерживаютъ, что въ этомъ виденъ Промыселъ Божій, не дающій упасть благому дѣлу. Затѣмъ отмѣчаются важнѣйшіе факты изъ жизни пріюта и дѣтей, какъ отрадные, такъ и прискорбные, и вообще нѣкоторыя явленія изъ жизни общины, напр. посѣщеніе потштейской общины и пріюта иностранными братьями (даже изъ очень отдаленныхъ краевъ) и общеніе съ ними. Среди прискорбныхъ явленій упоминается о продолжающихся признакахъ враждебнаго отношенія къ общинѣ мѣстнаго католическаго духовенства, сказавшагося между прочимъ по поводу смерти одной дѣвочки, которую патерь долго не хотѣлъ позволить похоронить на общемъ католическомъ кладбищѣ, и т. п. Однакожъ братское незлобіе, смиреніе и терпимость преодолѣваютъ эти враждебныя выходы. Затѣмъ въ отчетѣ приводятся данныя о матеріальномъ состояніи пріюта, урожаѣ, приношеніяхъ, приходѣ и расходахъ. Наконецъ высказывается благодарность воимъ жертвователямъ.

Слѣдуютъ опять молитвы или пѣснопѣнія, исполняемыя всѣми братьями, послѣ чего на кафедрѣ всходитъ пасторъ-нѣмецъ и читаетъ *по-чешски* свое слово—съ довольно внятнѣмъ, порядочнѣмъ для иностранца произношеніемъ. Это—небольшая проповѣдь на тему о томъ, какъ противны христіанскому ученію—человѣческая гордость и самоиѣніе относительно своихъ силъ, успѣховъ своихъ трудовъ и дѣятельности, и какъ всѣ добрые результаты, нами достигаемые, должны быть приписываемы единому Богу, которому намъ остается только возносить нашу горячую благодарность. Тѣмъ же пасторомъ вслѣдъ затѣмъ читается полученное къ этому дню изъ Гернгута отъ одного извѣстнаго „брата“—привѣтственное письмо къ участникамъ торжества съ поздравленіемъ всѣхъ. Тутъ же собраніе постановляетъ благодарить это лицо отъ имени всѣхъ присутствующихъ братьевъ. Послѣ новаго пѣнія, въ которомъ между

прочимъ принимаютъ участіе (но особо) и дѣти пріюта, вторично выступаетъ г. Медачекъ и съ необыкновеннымъ одушевленіемъ говоритъ слово на тему о *вѣрности* христіанской (Богу и христіанскимъ началамъ), этой великой человѣческой добродѣтели, которая не остается безъ воздаянія. Ораторъ выказалъ большое краснорѣчіе, говорилъ съ пылкимъ увлеченіемъ, доходившимъ почти до паэоса.

Наконецъ чехомъ-пасторомъ громко прочитывается молитва, а въ заключеніе онъ обращается къ своей паствѣ съ христіанскимъ увѣщаніемъ не смущаться и не обращать вниманія на нападки и насмѣшки со стороны иныхъ католиковъ (на что до него доходили жалобы), и этимъ лучше всегда обезоруживать своихъ недруговъ.

Этимъ закончились входившія въ программу „бесѣды“. Хозяева дома пригласили затѣмъ всѣхъ дѣтей въ свой садикъ, гдѣ имъ было приготовлено угощеніе (кофе и пр.), а варослыхъ—въ сосѣдную комнату обратить вниманіе на базаръ, гдѣ продаются равныя рукодѣлья, и по мѣрѣ возможности поддержать этотъ скромный источникъ пріютскихъ доходовъ. Тотчасъ многіе изъ братьевъ (болѣе состоятельные), а также всѣ гости съ полною готовностью отозвались на приглашеніе и наполнили комнату базара, спѣша выбрать для себя между выставленными предметами наиболѣе полезное, такъ что продажа пошла очень бойко. Тутъ среди общаго оживленія и непринужденной бесѣды, можно было убѣдиться, насколько чешскіе братья (изъ интеллигенціи) не чуждаются нѣмецкаго языка (а народъ его даже не понимаетъ) и не раздѣляютъ народной вражды къ нѣмцамъ... Нѣмецкая рѣчь свободно раздавалась среди чешской, и даже „братья“ ихъ чеховъ (интеллигентныхъ) не рѣдко говорятъ между собой по-нѣмецки, когда есть къ тому поводъ. Вотъ фактъ, на который такъ подозрительно и косо смотрятъ даже многіе умѣренные чешскіе патріоты!

Но вотъ и оставшіеся братья стали расходиться. Прощаясь, они всѣмъ и намъ, гостямъ, подавали руку. Собрались наконецъ и мы, и, поблагодаривъ хозяевъ за радушный пріемъ, съ разнообразными впечатлѣніями оставили гостепрійный и уютный домикъ чешско-братскаго „сирочинца“.

Такъ справляется память великаго Гуса у потштейнскихъ „братьевъ“.

К. ГРОТЪ.

(До слѣд. №).

СУЗДАЛЬ.

„Градъ Суждаль издревле преславный и знаменитъ бысть отъ многихъ и многонароденъ“.

Лѣтопись о градѣ Суздаля.

Девять лѣтъ тому назадъ, весною 1880 года, собрались мы изъ Кускова во Владиміръ, а оттуда въ Боголюбовъ и въ Суздаль. Насъ было семь человекъ. Графъ А. В. Бобринской съ старшимъ сыномъ, В. А. Шереметевъ, Н. В. Султановъ, И. А. Шляпкинъ, монахъ-фотографъ о. Діодоръ и я.

Главною цѣлью путешествія былъ Суздаль. Мало посѣщаемый, полузабытый, онъ представлялся нашему воображенію чѣмъ-то таинственнымъ и необыкновенно притягательнымъ.

Бываетъ иногда, что заранѣе представишь себѣ заманчивую картину, а въ дѣйствительности окажется совершенно иное.— Съ нами случилось противное.

Мы выѣхали изъ Владиміра въ ясный весенній день. Дорога ровная и гладкая, все полями... „широко раздолье по всей землѣ“, какъ говорится въ старой пѣснѣ.

— Сколько верстъ до Суздаля?—спрашиваемъ ямщика...— Да верстъ двадцать будетъ,—отвѣчаетъ онъ. Какъ близко, и какъ мало пользуются этою близостью. Да и кому какое дѣло до Суздаля? для многихъ это мертвый звукъ. Мнѣ напоминаетъ давно прошедшее время, когда мы однажды зимою собрались изъ Петербурга въ Великій Новгородъ... Никто понять не могъ, зачѣмъ мы туда ѣдемъ: „Quelle étrange idée! Que peut-on faire à Nowgorod?“ Объясненія были излишни.

Такъ и осталось непонятнымъ, что можетъ заставить добровольно ѣхать зимою въ такую глушь...

Все же Новгородъ до нѣкоторой степени мѣсто знакомое... Nowgorod la grande, le wetché, Мареа Посадница; но представьте себѣ, что въ какомъ-нибудь свѣтскомъ обществѣ вы говорите о поѣздѣ въ... Суздаль. На васъ посмотрятъ съ недоумѣніемъ и жалостью. „Qu'est ce que c'est que Souzdal?“— и вы напрасно потратите время на объясненіе. Суздаль такъ и останется для большинства загадкой... Придетъ ли кому въ голову, что этотъ Суздаль, когда-то столичный городъ великаго княженія, издревле преславный, знаменитый и многонародный, наслѣдникъ Кіева и предвѣстникъ Москвы;— тотъ самый край, куда князья наши унесли съ собою завѣтные преданія Кіева вмѣстѣ съ иконою Богоматери Пирогошей... Слава Владиміра не отняла у Суздальца особаго знаменательнаго и священнаго значенія, которое, переживъ вѣка, черезъ Русь Московскую и даже XVIII вѣкъ, сохранилось донинѣ во всей своей церковной красотѣ. Мы долго ѣхали полями. Давно уже скрылись зданія Владиміра. Медленно танулась вереница экипажей. Уже начало смеркаться, когда неожиданно на горизонтѣ показалась колокольня, за нею другая, третья, церкви съ многочисленными главами, монастырскія стѣны съ башнями, и нѣтъ конца этимъ колокольнямъ и церквямъ... „Это Суздаль“—говорить ямщикъ. Въ недоумѣніи глядѣли мы на этотъ городъ; съ множествомъ церквей—онъ казался, дѣйствительно, столичнымъ городомъ.

Подобно тому, какъ въ пустынѣ представляются и встаютъ города съ великолѣпными, причудливыми зданіями и садами, но все это марево и все исчезаетъ вблизи,—такъ и теперь, по мѣрѣ приближенія, глазамъ нашимъ представилась странная картина: города нѣтъ.

Вы видите деревню, съ незатѣйливыми, маленькими домиками, съ кривыми узкими улицами... дома разбросаны случайно... Тутъ же въ этой деревнѣ и вокругъ нея повсюду церкви и монастыри, а около нихъ пустыри и поля. Стараго города, конечно, и помину нѣтъ, но по обилію церквей можно судить о прежнемъ его величій. Кое-гдѣ еще уцѣлѣли сады, напоминающіе описаніе лѣтописца. „Во градѣ Суждалѣ, по добротѣ земли и по пріятности воздуха, паче же овоція огороднаго, си есть: капуста, луку, хрену, чесноку, а наипаче огурцовъ произобильно. Къ тому же и сады имѣются яблонные, паче же

вишневые, и нынѣ вишень множество родится, и добротою лучше Владимірскихъ, и отъ преизобилія и доброты, въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ и въ прочихъ знатныхъ мѣстахъ въ славѣ не послѣдняя, и отъ того обыватели получаютъ себѣ немалое приобрѣтеніе“¹⁾.

Удивительнѣе всего, что въ такомъ маленькомъ городѣ уцѣлѣло столько церквей, и вы видите, что всѣ онѣ поддержаны, что эти древніе храмы не забыты и не заброшены. Все чисто, стѣны выбѣлены, главы церквей сіяютъ, крыши вездѣ выкрашены... Но суздальцы издревле славятся своимъ благочестіемъ. „Состояніе и обычай обывателей писаніемъ изъяснити неудобно, понеже въ одномъ полѣ растетъ пшеница и сочевица, и плевы, и между добрыми бываютъ и злые; но ежели не о всѣхъ, но о нѣкоторыхъ подлинно возможно сказать, многіе изъ нихъ къ писанію священному снискателны, котораго изъ самаго младенчества обучаются, и охотники къ пѣнію, и во многихъ видится природная острота (хотя великихъ наукъ и не знаютъ) и честь въ томъ себѣ въ окрестныхъ странахъ имѣютъ. На одежду нетщаливы, но въ томъ содержатъ средство по времени и мѣсту, гдѣ бываютъ, тамо таковое того мѣста обыкновеніе безъ прекословія далняго содержать тщатся“.

Честъ и слава суздальцамъ, умѣющимъ хранить свою святыню и вѣками созданные памятники водчества. И теперь рѣдко гдѣ можно встрѣтить такое богатство и разнообразіе остатковъ процвѣтавшаго здѣсь русскаго искусства. Въ общемъ Суздаль и до сихъ поръ производитъ самое отрадное впечатлѣніе, и стоитъ на него посмотриѣть. „По положенію мѣста, той градъ имѣется построенный на мѣстѣ красномъ, ни весьма гористомъ, ниже паки доловатомъ и мокромъ; но нѣсколько, хотя мѣстами и долины имущее, но сухое и пріятное и къ плодоношенію всякому угодное (не токмо овощія, но и древесъ садовыхъ множество плодящее), отъ царствующаго града Москвы къ сѣверо-востоку склоняющееся сто осмьдесятъ верстъ разстояніемъ... Воздухъ весьма пріятный и здравый. Въ срединѣ лѣта отъ солнца и въ срединѣ зимы отъ студени средство содержащій, гдѣ ни безмѣрная теплота, ниже чрезвычайная бываетъ стужа, но все въ мѣру и сносно, и къ житію человѣческому пріятное, угодное мѣсто“²⁾.

¹⁾ *Временникъ*. Москва. 1855. Книга 22, стр. 115.

²⁾ *Временникъ*. Москва. 1855. Книга 22, стр. 73 и 3.

Мы остановились въ гостиницѣ, и сразу переѣнилось впечатлѣніе... Ничего подобнаго по неудобству и грязи себѣ представить нельзя. Какъ мы переночевали, какъ могли устроиться, въ такихъ нечистыхъ, заплеваннхъ комнатахъ, съ мышами, тараканами и всякими насѣкомыми — сказать трудно. Къ счастью, съ нами были провівія и вино. Графъ А. В. Бобринской на этотъ счетъ былъ особенно запасливъ. Чего только не было у него въ чемоданахъ и корзинахъ; вначалѣ, какъ водится, надъ этимъ смѣялись, но потомъ съ благодарностью воспользовались его гостепріимною трапезой.

На другое утро мы приступили къ осмотру древностей Суздаля, насколько намъ позволяло краткое время... Глаза разбѣгались отъ множества драгоцѣнныхъ и разнообразныхъ памятниковъ.

Три монастыря главнымъ образомъ подлежали нашему осмотру: Спасо-Евѣиміевскій мужской, и женскіе: Рязположенскій и Покровскій, а также и каедральный соборъ. Мы начали съ послѣдняго. „Во градѣ Суздаль соборная церковь, идѣже есть престоль преесвященнхъ архіереевъ Суждальскихъ, первопрестольная, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, каменная, имѣется древняго строенія, изъ бѣлаго камени состроенная“. Суздальскій соборъ такъ хорошъ, впечатлѣніе производитъ онъ такое сильное, что не знаешь, съ чѣмъ его сравнить... Величественный иконостасъ въ нѣсколько рядовъ иконъ, изумительныя входныя двери... трудно было оторваться отъ всего, что было передъ глазами. „Повелѣніемъ и жалованіемъ благовѣрнаго и христілюбиваго великаго князя Василія Іоанновича, Божіею милостію царя (sic) и Государя и Самодержца вся Русіи, разобрана бысть святая Божественная соборная и апостольская церковь Рождество Пречистые о трехъ версѣхъ лѣта 7036, а замышленіемъ и благословеніемъ смиреннаго епископа суждальскаго владыки Генадія, свершена бысть о пяти версѣхъ въ преименитомъ градѣ Суждальѣ, онымъ же Генадіемъ епископомъ и освящена на память святыхъ мученикъ иже въ Критѣ, лѣта 7038“¹⁾.

Когда мы вошли въ Соборъ, въ немъ никого не было. Встрѣтили мы только старика-священника и попытались кое-что у него разспросить... Онъ указалъ на соборный полъ, бли-

¹⁾ *Временникъ*. Книга 22, стр. 43, 30—31.

ставшій чистотою недавней окраски: „Здѣсь сплошь все могилы и надгробія были“—говорить намъ старикъ:—„здѣсь похоронены князья Шуйскіе“. Мы слушали съ недоумѣніемъ: и все замазано, все уничтожено!.. Къ счастью, возможно было бы возстановить эти надгробія по сохранившемуся плану и по соборной лѣтописи. Изъ нея узнаемъ мы, что здѣсь дѣйствительно преданы землѣ: князь Михаилъ Васильевичъ Суздальскій, инокъ Закхей, Горбатый, Кислой, княгиня его инокиня Александра, сынъ ихъ князь Ѳеодоръ, княгиня Горбатая, епископовъ Суздальскихъ четырнадцать, князей Шуйскихъ семь, князей Бѣльскихъ шесть, трое князей Скопинныхъ, князь Иванъ Семеновичъ Ногтевъ... Неужели нельзя подумать о возстановленіи по существующему и сохранившемуся плану того, что уничтожено невѣжественною рукою?

Мы поспѣшили въ Спасо-Евѣиміевскій монастырь, настоятель котораго архимандритъ Досіеѣй считается одновременно и комендантомъ крѣпости. Въ монастырѣ караулъ и гауптвахта. Здѣсь еще застали мы заключенныхъ въ казематахъ монастырскихъ узниковъ, долго уже томившихся за какія-то неясныя преступленія... Старшій въ караулѣ рапортовалъ благополучіе. О. Досіеѣй, пріятельный и умный, переведенъ сюда изъ Нижняго, гдѣ онъ прошелъ черезъ хорошее испытаніе. Онъ служилъ при Нижегородскомъ преосвященномъ Іереміи, о которомъ распущено столько толковъ и разказовъ о необыкновенной его строптивости и дерзости, за что онъ будто-бы и былъ удаленъ съ нижегородской кафедрѣ на покой... Въ этихъ слухахъ много преувеличеннаго: преосвященный Іеремія былъ дѣйствительно крутъ и вспыльчивъ, характера и направленія независимаго, но онъ умѣлъ привязать къ себѣ людей, которыми дорожилъ и которымъ довѣрялъ. Лично я познакомился съ нимъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Мы встрѣтились случайно на Волгѣ, въ Городцѣ. Онъ сѣлся на пароходъ, на которомъ мы шли изъ Ярославля въ Нижній. Разговоръ его былъ живой и пріятный, говорилъ онъ здраво, внушительно и давалъ хорошія наставленія дѣтямъ; онъ умѣлъ поддержать достоинство сана: лицо было выразительное, глаза бойкіе, и самъ былъ чрезвычайно подвиженъ. Съ дѣтьми обходился онъ очень ласково.

Мы осмотрѣли Спасо-Евѣиміевъ монастырь довольно подробно, насколько намъ позволяло время. Съ разрѣшенія о. Досіеѣя, были мы въ казематахъ, проходили узкимъ корри-

дворомъ, съ множествомъ дверей, надъ которыми были небольшія окна съ желѣзными рѣшетками. Изъ нихъ выглядывали узники. Ихъ было около десяти. По мѣстнымъ отзывамъ, ихъ содержали понапрасну, и нельзя было не сочувствовать ихъ освобожденію. Графъ А. В. Бобринской близко принялъ къ сердцу это дѣло и обѣщаль содѣйствовать рѣшенію ихъ участи. Ихъ скоро освободили, и быть можетъ не безъ его участія.

Монастырь удивительно хорошъ... „Вѣрою и радениемъ великаго князя Бориса Константиновича Суздальскаго, преподобный отецъ нашъ Евѣмій прииде въ Суздаль изъ Нижняго Новгорода въ лѣто 6865, поживе всѣхъ лѣтъ 88 и преставися въ лѣто 6912, апрѣля въ 1 день... Сдѣлана церковь Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа при государѣ царѣ и великомъ князѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ всея Россіи и при архіепископѣ Іовѣ Суздальскомъ лѣта 7100 году, сентября во 1 день, а освященіе бысть въ лѣто 7104 августа въ 1 день“¹⁾.

Мы любовались драгоценностями ризницы и библиотекой, не зная на чемъ остановить вниманіе: такое было изобиліе предметовъ чрезвычайно рѣдкихъ и драгоценныхъ. Не наглядись и на внѣшній видъ монастыря, съ его бѣлокаменными, зубчатыми стѣнами и башнями разнообразныхъ формъ и строевнй. Одна другой лучше, одна другой изящнѣе по очертаніямъ, рисунку и удивительному богатству и разнообразію изразцовъ.

Въ одномъ изъ женскихъ монастырей встрѣтили мы случайно художника И. А. Мартынова: онъ срисовывалъ какое-то зданіе для своего прекраснаго альбома акварелей русскихъ древностей.

Въ Рязположенскомъ монастырѣ насъ встрѣтили съ неожиданнымъ почетомъ: съ пѣніемъ монахинь мы приложились къ мощамъ преподобной Евфросиніи, и пили чай у игуменіи; потомъ очень обязательно дана намъ была возможность осмотрѣть ризницу и особое помѣщеніе, гдѣ расположено такое богатое собраніе крестовъ, панагій, складней, образовъ и прочихъ древностей (и все въ величайшемъ порядкѣ), какого мы давно не встрѣчали. Въ лѣто 6715 году построенъ въ Суздаль Рязположенскій дѣвичій монастырь и въ лѣто 6715 прииде изъ Чернигова дочь благовѣрнаго великаго князя Михаила, именемъ Ѳеодулія, и пострижена, и переиме-

¹⁾ *Временникъ*. Книга 22.

нована бысть Евѣросинія, и въ лѣто 6746 еще жива бывше, плѣни градъ нечестивый царь Батый, обитель же ея молитвами сохранися отъ плѣна неврежденна¹⁾. Мощи св. Евѣросиніи почиваютъ подъ спудомъ. Въ предисловіи къ недавно изданному Императорскимъ обществомъ любителей древней письменности житію ея говорится слѣдующее: „Примѣръ высокаго благочестія, просіявшая паче всѣхъ російскихъ постницъ“, блаженная Евѣросинія всегда была идеаломъ подвижницы. „И аще кто и самое отроча спроситъ“, замѣчаетъ инокъ Григорій (списатель житія св. Евѣросиніи), „кто есть въ Россіи черноризцамъ чиноначальникъ, и отвѣщаетъ, яко Евѣросинія великая княжна, дщи благовѣрнаго великаго князя Михаила Черниговскаго. И кто есть философомъ философъ—и не обрящещи кромѣ Евѣросиніи. Аще и не въ Аѳинахъ учися блаженная, но аѳинейскія премудрости изучи, философію же и литорію и всю грамматикію, числа и кругомъ обхожденіе и вся премудрости. Благодать же обрѣте отъ Бога на небеси и на земли чудесная Евѣросинія“. Это одна изъ тѣхъ избранницъ, говоритъ издатель, „житія коихъ предлагаютъ историку русской литературы самый обильный матеріалъ для изученія нашей старой Руси, не только въ религіозномъ, и вообще бытовомъ, но и въ художественномъ отношеніи“²⁾. Мы перешли въ Покровскій монастырь. „Монастырь дѣвичъ, Покрова Пресвятыя Богородицы, построенный тцаніемъ благовѣрнаго князя Андрея Константиновича, брата благовѣрнаго князя Бориса Константиновича Суждальскаго, при Великомъ Святителѣ и Чудотворцѣ Іоаннѣ, епископѣ Суждальскомъ, по благословенію его, въ лѣто 6872“.

Оуда сослана была въ заточеніе царица Евдокія Лопухина... „На оградѣ монастырской были устроены превзрадные покои многочисленныя, деревянныя, брусчатые, въ которыхъ пребывала благовѣрная государыня царица монахиня Елена, и той покои въ 1752 году по обетшаніи всѣ сломаны, гдѣ нынѣ и знаку никакого не имѣется³⁾. Намъ показывали церковь ея домовую и то мѣсто, гдѣ, по преданію, она стояла во время службы... Здѣсь еще жива память злополучной царицы, невольной постриженницы, и сторонниковъ ея, ар-

1) *Временникъ*. Книга 22.

2) Житіе и жизнь благовѣрной великой княжны Евѣросиніи Суждальскія. 1888, ХСІ (предисловіе).

3) *Временникъ*. Книга 22.

химандрита Досеѣя и Глѣбова... Сюда прѣѣхалъ и царевичъ Алексѣй...

Мы спустились въ склепъ, темный и низкій, со сводами; насъ обдало сыростию... здѣсь рядъ могилъ... Подходимъ къ первой гробницѣ: „Схимонахина Софія“. Это Соломонія Сабурова, постриженная „неплодіа ради“... Передъ нами цѣлая драма, глубокая по содержанию и неисчислимая по послѣдствіямъ... Послушаемъ лѣтописца. „Въ лѣто 7014, сентября въ 4 день, благовѣрный великій князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи сочета законному браку сына своего благовѣрнаго великаго князя Василія Іоанновича всея Россіи, избра ему предобрую отроковицу Соломонію, дщерь боярина Георгія Константиновича Сабурова, и вѣнчани быша преосвященнымъ Симеономъ, митрополитомъ всея Россіи, въ соборной величѣй церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, въ преименитомъ градѣ Москвѣ; и поживе благовѣрный великій князь Василій Іоанновичъ всея Руси въ великою княгиню Соломонію двадцать лѣтъ и два мѣсяца, а благія отрасли (си есть чадородія) Господь имъ понедарова. И въ лѣто 7034 ноября во 2 день, благовѣрный великій князь Василій Іоанновичъ всея Россіи постриже свою благовѣрную великую княгиню Соломонію Георгіевну во иноческій чинъ по совѣту ея, безчадства ради и немощи, и наречено имя ея во иноческомъ чину Софія. И того же лѣта, генваря въ 25 день, въ недѣлю яже о Мытарѣ и Фарисеѣ, благовѣрный великій князь Василій Іоанновичъ всея Россіи приобщился второму браку, чадородія ради, поятъ княжну Елену, дщерь Василія Львовича Глинскаго, и вѣнчанихъ Даниилъ митрополитъ. И въ лѣто 7038, августа въ 25 день, въ 7 часовъ ноци, родился благовѣрному великому князю Василію Іоанновичу всея Россіи отъ великія княгини Елены Васильевны, сынъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Россіи. Онъ же великій государь послѣ отца своего остася юнъ сынъ, и потомъ бысть Грозный государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Россіи самодержецъ. И благовѣрная великая княгиня Соломонія, переименованная во иноческомъ чину Софія, поживе въ иноческомъ чину въ Покровскомъ дѣвичьѣ монастырѣ благодарно и богоугодно, 17 лѣтъ и полтора мѣсяца и преставися въ лѣто 7061, декабря въ 16 день, и погребенъ бысть въ томъ же Покровскомъ дѣвичьѣ монастырѣ, а мощи ея чудотворныя лежатъ въ рацѣ подъ спудомъ, подъ церковію святыя Богородицы честнаго ея Покрова, и отъ гроба ея многа

чудеса и исцѣленія быша съ вѣрою притекающимъ во славу Христа Бога нашего ¹⁾“.

Тутъ же рядомъ съ Соломоніею похоронена „благовѣрнаго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича и всея Россіи, благовѣрная царица Анна“, изъ рода Васильчиковыхъ. И кругомъ все могилы, въ склепѣ, передъ церковью и подъ колокольнею... Тутъ же жена царевича Іоанна—инокиня Александра, въ мѣрѣ Евдокія, дочь боярина Богдана Юрьевича Сабурова. Сестра великаго князя Василія Іоанновича инокиня княжна Александра, при которой построена церковь Покрова. Княгиня инокиня Александра „удѣльная Полоцкихъ“. Княгиня инокиня Евѣмія Шемячищевыхъ съ дочерьми. Княгиня инокиня Евпраксія съ племянницей дѣвицей Ириной, дочерью Нагихъ. Князя Василія Іоанновича Горбатаго Суздальскаго княгиня инокиня Варсонофія; князя Ивана Петровича Шуйскаго княгиня инокиня Марѳа да сестра ея княжна Елена. Другая инокиня Марѳа, жена князя Ивана Андреевича Шуйскаго, и третья инокиня Марѳа, жена князя Ивана Ивановича Шуйскаго съ сестрою его княжной Еленой; княгиня инокиня Анисія; князя Димитрія Ивановича Шуйскаго княгиня Екатерина... Въ паперти по правой сторонѣ: княгиня инокиня Марѳа Татевыхъ; княгиня инокиня Александра Ногтевыхъ; княгиня инокиня Александра Черкасскихъ. А въ палаткѣ подъ колокольнею: княгиня инокиня Александра да дщери ея княжна Елена и Евѣмія Кислыхъ; и подъ лѣтницею: княгиня Марѳа князя Ѳедора Скопина и жена князя Ѳедора Бѣльскаго княгиня Александра ²⁾).

Странно, что этотъ самый Покровскій монастырь, сокрывшій несчастную жертву великаго князя Василія—пользовался особымъ благоволеніемъ сына его, Грознаго царя... „Тому монастырю многую показавше милость благочестивѣйшій великій государь Іоаннъ Васильевичъ, самодержецъ Всероссійскій, и богато награждалше драгоценною церковною утварію, и святыми иконами и вотчинами, и неоднократно въ той обители своею царскою особою соблаговолили быти... Благочестивѣйшій великій государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ, грядый со многочисленнымъ воинствомъ на взятіе славнаго града Казани, его же и взя въ то время въ свою державу, приѣ-

¹⁾ *Временникъ*. Кн. 22, стр. 182—183.

²⁾ *Временникъ*. 1855. Кн. 22, стр. 182—183.

де въ показанную обитель и съ собою соблаговоли принести образъ Пресвятыя Богородицы, пребогато украшенный серебромъ и златомъ и каменіемъ драгоценнымъ¹⁾.

Видѣли мы эту икону: она виситъ и теперь на почетномъ мѣстѣ въ соборѣ Покровскомъ. Строгій ликъ ея весь украшенъ драгоценными ожерельями, жемчужныя кисти висятъ по сторонамъ. Икона удивительно хороша. Фотографія съ нея снята была о. Діодоромъ.

Опять вернулись мы въ Спасо-Еввеміевъ монастырь, и подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго долго еще сидѣли у о. Досеоеа въ оживленной и занимательной бесѣдѣ. Передъ нами возставали тѣни прошлаго, лица историческія, святители и подвижники, инокини и княгини и невинно пострадавшіе, и всѣ достигшія мѣста упокоенія въ преименованомъ градѣ Суздаль. И рядомъ съ именами древними припоминаются другія имена, другого времени. Здѣсь томился въ затворѣ баронъ Ашъ, здѣсь заключенъ былъ несчастный Кириллъ Разумовскій. И здѣсь же въ богатой усыпальницѣ покоится князь Д. М. Пожарскій.

Въ Суздаль сохранилось прекрасное зданіе XVII вѣка, каменная двухъ-ярусная постройка, почти заброшенная, въ которой помѣщается что-то недодѣланное. Видны слѣды жилья и какъ будто канцелярія, но очень уже все безпорядочно и неясно. Грязь и запущеніе со всѣхъ сторонъ. А тутъ же въ этихъ комнатахъ красуются удивительныя и любопытныя изразцовыя печи.

Какъ не воспользоваться такимъ зданіемъ, такимъ сокровищемъ для устройства мѣстнаго древнехранилища! Сколько жизни можно было бы придать современному Суздалью, освѣтивъ его прошлое на пользу и въ разумѣніе настоящему!

Закончу словами лѣтописца: „По украшенію бо града Суздаля святыхъ церквей, внѣшнему и внутреннему, кто любопытно отъ прїѣзжихъ взирая, несумнительно скажетъ, что сей градъ Суздаль въ благолѣпіи святыхъ церквей можетъ сравниться и со всѣми великими именитыми градами“.

На обратномъ пути мы заѣхали въ Борисоглѣбскую церковь Кидекши на Нерли, гдѣ когда-то былъ загородный дворъ великихъ князей суздальскихъ; князь великій Георгій Всеволодовичъ „восхотѣ ту на берегу Нерли устроити церковь со

¹⁾ *Временникъ*. Книга 22, стр. 55—56.

борную...и градъ съ крѣпостью пренести на оное мѣсто, но по нѣкоему явленію возбраненъ бысть, остави то свое начинаніе, и устрои церковь прекрасну и пречудну соборную. И монастырь согради на обитаніе инокомъ, и прозва то мѣсто *Кидекша*, т. е. покинутое, или негодное. Въ лѣто 6667 преставися князь Борисъ Юрьевичъ, и положенъ въ Кидекшѣ, его же отецъ его созда¹⁾.

Но монастырь оскудѣлъ. Преосвященный Стефанъ, архіепископъ Суздальскій и Торусскій, писалъ въ 7186 году царю Θεодору Алексѣевичу: „Пожалуй меня богомольца твоего, повели, Государь, въ Суздальскомъ уѣздѣ пустой Кидекоцкой монастырь съ вотчинами отдать въ Суздальскую архіепископію и построить общежительство игумена, чтобы ваше государское богомолье въ пустотѣ и въ нестроеніи не было, и гробы благовѣрныхъ великихъ князей въ забвеніи безъ украшенія и памяти ихъ безъ поминовенія не были“. Цари Алексѣй Михайловичъ и Θεодоръ Алексѣевичъ, уважая ревность Стефанову, переписывались съ нимъ; со всѣмъ тѣмъ Кидекша осталась покинутою и монастырь ея не возобновлялся²⁾ Отсюда поѣхали мы въ Боголюбовъ, гдѣ еще цѣло зданіе, въ которомъ убить св. Андрей князь Боголюбскій...

Уже было поздно, когда мы двинулись изъ Боголюбова большою шоссейною дорогою на Владиміръ. Въ сумерки ѣхали мы нагорнымъ берегомъ Клязьмы, любуясь ея разливомъ подъ сильнымъ и глубокимъ впечатлѣніемъ всего испытаннаго.

Пожелаемъ каждому, кому это возможно, посѣтить „преславный и преименитый градъ Суздаль“.

ГРАФЪ СЕРГІЙ ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Москва.

11 февраля 1889.

1) *Временникъ*. Книга 22-я, стр. 90—92.

2) *Вѣстникъ Европы*. 1821. № 20, стр. 300—301

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА.

Разсказъ Педро Аларкона.

Съ испанскаго ¹⁾).

I.

Быль дождливый майскій день. Посреди площади Св. Анны, въ Мадридѣ, лежала на мостовой обронанная кѣмъ-то запиная книжка, на верхней сторонѣ которой золотыми французскими буквами было вытѣснено Notes. Не могло быть сомнѣнія въ томъ, что книжка потеряна. Она была слишкомъ дорога и изящна, чтобы быть брошенной. Ея переплетъ, изъ темно-коричневой русской кожи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ открывается книжка, застегивался золотымъ замочкомъ.

Неизвѣстно, сколько времени пролежала бы она подъ дождемъ, еслибы со стороны улицы Принца не показалась молодая сеньорита въ сопровожденіи стараго лакея. Она пересѣкала площадь по направленію къ улицѣ Ангела и ей пришлось пройти какъ разъ по тому мѣсту, гдѣ лежала записная книжка. Она увидала ее; посмотрѣла по сторонамъ, какъ бы ища потерявшаго, но прохожіе шли спокойно своей дорогой. Тогда она велѣла лакею поднять ее, завернула въ батистовый платокъ, чтобы не испачкать своихъ шведскихъ перчатокъ, и продолжала свой путь съ намѣреніемъ завтра же сдѣлать публикацію о находкѣ въ „Листкѣ объявленій“ или въ „Испанской корреспонденціи“.

Прежде, чѣмъ слѣдовать за нашей героиней, мы должны предупредить читателя, что этотъ разсказъ касается только записной книжки, попавшей въ руки сеньориты, которая, разумѣется, прочла ее. Но тѣмъ не менѣе необходимо сказать нѣсколько словъ и объ доннѣ Хаунѣ Гарсія.

---

¹⁾ „Novela natural“. P. A. de Alarcon. (Novelas cortas. Madrid 1884).

Ея родители, донъ Антоніо и донья Хозефа, были очень богатые люди, получавшіе со своихъ виноградниковъ болѣе, чѣмъ они могли проживать въ годъ. Хуанита была ихъ единственной дочерью. Ей только-что исполнилось двадцать два года. Она была высока ростомъ, скорѣе полна, чѣмъ худа, имѣла черные волосы, смуглый цвѣтъ лица съ легкимъ румянцемъ, большіе черные глаза съ длинными рѣсницами, красивыя румяныя губы и маленькія руки. Характеръ она имѣла сдержанный, мечтательный и въ то же время веселый, любила читать серьезные книги (но, разумѣется, не филозофскія), была очень добра, религіозна, много помогала бѣднымъ. Она любила музыку, хорошо играла на фортепьяно, ѣздила верхомъ, много работала. Разумѣется, она не имѣла недостатка въ ухаживателяхъ, но сама еще ни разу не увлеклась ни однимъ молодымъ человекомъ.

Вернувшись домой, она тотчасъ же прошла въ кабинетъ матери, показала ей сдѣланныя покупки и узнала, что отпасть дома. Она рассказала матери о своей находкѣ, и та согласилась, что необходимо сдѣлать объявленіе. Затѣмъ Хуанита пошла къ себѣ въ комнату, перемѣнила платье для прогулокъ на домашнее, сѣла на низенькую софу, подложила себѣ подъ спину вышитую подушку и подъ ноги подставила скамеечку. Она съ удовольствіемъ потянулась и зѣвнула, задумчиво, почти машинально открыла таинственную книжку. Въ ней было около ста листковъ, половина которыхъ бѣлая, остальная половина исписана карандашомъ и чернилами безъ особеннаго порядка, тамъ и сямъ, однимъ и тѣмъ же почеркомъ:

Каждая женщина имѣетъ въ себѣ частичку Евы. Хуанита была женщина и слѣдовательно любопытна. Она открыла книжку, желая найти только имя автора, открыла... и прочла первую страницу.

II.

На первой страницѣ было написано карандашомъ:

„Портной“.	„Письма“.
„Портреты“.	„Медальонъ для волосъ“.
„Чемоданъ“.	„Обувь“.
„Кладбище“.	„Фуражка“.
„Сигары“.	„Кольцо“.
„Спички“.	

Прочтя этотъ листъ, Хуанита уже не могла остаться равнодушной. Ея пылкое воображенье старалось въ этихъ словахъ безъ связи увидѣть нравственную личность написавшаго ихъ. Она перечла листокъ и по мѣрѣ того, какъ она читала, какая-то неопредѣленная непонятная грусть охватывала ея душу. Трудно объяснить это чувство, но оно проявляется въ насъ, когда мы вдумываемся въ таинственные мотивы чужой души.

— „Портной“... промолвила она. Обладатель этой книжки мущина и мущина элегантный или, по крайней мѣрѣ юноша...

— „Портреты“... Его или чужие? Получить портреты или дать свои собственные?

— „Чемоданъ“... А... молодой человѣкъ собирался путешествовать. Портной означаетъ, что онъ неожиданно собрался въ путь, а „портреты“ — что этотъ путь будетъ продолжителенъ и онъ хочетъ оставить свои портреты друзьямъ на память. Онъ выѣжалъ изъ довольно большого города, потому что въ немъ есть фотографъ... Куда это онъ могъ ѣхать? Ужь не въ Америку ли? Что это мнѣ пришло въ голову такое отдаленное мѣсто? Онъ могъ ѣхать какъ чиновникъ въ провинцію. Наконецъ, онъ могъ изъ провинціи ѣхать въ Мадридъ.

— „Кладбище“... Это слово показываетъ превосходное сердце. Молодой человѣкъ прекрасный сынъ или... вдовецъ или, наконецъ... влюбленный. Онъ не хотѣлъ уѣхать, не простившись съ дорогой покойницей. Это, однако, гораздо интереснѣе, чѣмъ я предполагала, найдя книжку.

— „Сигары“... Курить. Хорошо дѣлаетъ! Мущина долженъ быть мущиной.

— „Спички“... Ничего не забыть!

— „Письмо“... О чемъ было это письмо? Бѣдные мущины, у нихъ всегда такая масса заботъ и о себѣ и объ насъ...

— „Медальонъ для волосъ“... А, здѣсь опять женщина, она передъ разлукой дала ему локонъ своихъ волосъ... Несомнѣнно, обладатель этой книжки молодъ и когда писалъ эти строки, любилъ... Любить ли онъ до сихъ поръ? Онъ разстался съ *ней*. Встрѣтились ли они? Дай Богъ имъ счастья, счастья, этимъ влюбленнымъ!

Но кто же она, его невѣста или... Увидимъ!

— „Обувь“... У него вѣрно красивая нога. Красивъ ли онъ самъ? Понравился ли бы онъ мнѣ, еслибъ я его увидѣла? Увижу ли я его когда-нибудь?

— „Фуражка“... Для дороги, безъ сомнѣнія. Еслибы я так-

же путешествовала и встрѣтилась съ нимъ въ дилижансѣ или въ вагонѣ, то навѣрное не обратила бы на него никакого вниманья, а теперь онъ меня интересуеть... Почему?

— „Кольцо“... Ага!... Кому это онъ хотѣлъ подарить кольцо? Это, конечно, обручальное кольцо, не иначе... Да, я убѣждена, что онъ влюбленъ въ кого-нибудь. Какъ жаль, что мы встрѣтились... то есть, что я прочла его записную книжку. Прочеть вещь, которая не принадлежитъ мнѣ—фуй, какъ это нехорошо!—Но если кольцо для *меня*? Ахъ, нѣтъ, кольцо для *меня*!.. Оно имѣетъ прямую связь съ медальономъ и портретами. Подо всѣмъ этимъ кроется глубокая, нѣжная страсть. Но когда онъ писалъ это, давно ли? Перевернемъ листокъ и увидимъ, не объяснить ли онъ это.

III.

На слѣдующей страницѣ стояло:

Прощальные визиты:

Сеньоры: Фредерико.	Маркиза.
Гомецъ.	Донъ-Мануэль.
Клубъ.	Мои кузны.
Сеньоръ патерь.	Пепа.
Романа.	Хуанъ.
Лолияя.	Она.
Собранье.	

Хуанита съ неудовольствіемъ прочла всѣ эти имена, особенно заголовокъ ихъ. Ей даже показалось, что эти незнакомые люди совсѣмъ не интересуютъ ее, но, тѣмъ не менѣе, она снова задумчиво стала перечитывать ихъ имена, стараясь съ помощью своего молодого, пылкаго воображенья представить себѣ людей, носящихъ ихъ.

— „Фредерико“... Этотъ Фредерико навѣрное близкій другъ молодого человѣка, можетъ быть даже братъ, а, можетъ быть, кто знаетъ, будущій кузень... Увидимъ.

— Сеньоры: „Гомецъ“... Ничего не понимаю! Вѣроятно, это друзья его матери, съ которыми онъ изъ вѣжливости долженъ проститься. Они меня мало интересуютъ—эти сеньоры Гомецъ.

— „Клубъ“... Нехорошо! Вдругъ онъ игрокъ? Во всякомъ случаѣ въ клубѣ нельзя научиться ничему хорошему. Но тамъ, конечно, есть библіотека, кабинетъ для чтенія, журналы...

— „Сеньоръ патерь“... Это меня радуеть! Онъ не хочетъ уѣхать, не простившись со священникомъ, къ которому онъ

относится съ такимъ уваженіемъ.—Однако, кто знаетъ? Быть можетъ, онъ ходилъ къ нему взять свое метрическое свидѣтельство и тутъ дѣло идетъ о тайной женитьбѣ. Я не забыла „кольца“...

— „Романа“... Еслибы ниже не упоминалось о *ней*, то я знала бы, что думать о Романѣ, но Романа не *она*. Это, вѣроятно подруга его возлюбленной или какая-нибудь повѣренная, можетъ быть, родственница или замужняя сестра.

— „Лолілья“... Вотъ обстоятельство, которое мнѣ очень нравится. Это прелестное дитя, съ которымъ онъ связанъ нѣжной дружбой, какъ иногда молодые люди бываютъ друзьями съ прелестными подростками, похожими на ангеловъ. Лолільѣ, вѣроятно, не больше десяти лѣтъ, она дочь его хорошихъ знакомыхъ. Можетъ статься, что это младшая сестра *ея*...

— „Собранье“... Здѣсь идетъ дѣло объ одномъ изъ такихъ собраній, гдѣ бываютъ лишь одни мужчины. Они толкуютъ о политикѣ, о новостяхъ, играютъ въ шахматы, сплетничаютъ...

— „Маркиза“... Новое доказательство, что молодой человѣкъ принадлежитъ къ хорошему обществу. Маркиза можетъ быть матерью Лолільи... Онъ, повидимому, велъ очень разбѣянную жизнь, всегда на людяхъ, всегда въ обществѣ. Онъ навѣрное не былъ счастливъ. Да, несомнѣнно, онъ былъ несчастливъ, иначе онъ не избѣгалъ бы такъ уединенья.

— „Донъ-Мануэль“... Должно быть, старшій другъ его отца, опекунъ, руководитель. Я начинаю думать, что молодой человѣкъ сирота.

— „Мои кузины“... А, кузины! Некрасивый и нелюбезный кузенъ это несносный братъ, а красивый это—очень опасный кузенъ, его можно горячо полюбить. Это случается сплошь и рядомъ съ кузенами и кузинами. Но тутъ, къ счастью, кузины во множественномъ числѣ, и кромѣ этого не надо забывать, что дальше есть *она*...

— „Пепа“...

— „Хуанъ“... Эти два имени меня не слишкомъ занимаютъ. Пепа, вѣроятно, его старая кормилица. Такой нѣжный и внимательный человѣкъ, какъ онъ, легко могъ вспомнить о ней передъ отъѣздомъ. А Хуанъ,—это старшій заслуженный слуга. Перейдемъ къ послѣдней строкѣ.

— „Она“... Ни одно имя не можетъ быть такъ выразительно, такъ многозначуще, такъ обаятельно, какъ *она*. *Она*—это *она*! Но кто *она*?

Передъ глазами Хуаниты вставали одинъ за другимъ жен-

скіе образы, но ни на одномъ изъ нихъ не могла она остано-
виться. Долго просидѣла такъ дѣвушка со взглядомъ, устрем-
леннымъ въ пространство, и съ мыслями, мечтательно витаю-
щими далеко, далеко. Наконецъ, она вздрогнула, очнулась отъ
своей задумчивости и перевернула страницу.

IV.

На слѣдующемъ листкѣ, который Хуанита прочла довольно
быстро, начиная чувствовать дурное расположеніе духа, стояло
слѣдующее:

Порученія.

„Каватина Эрнани; улица Принца, магазинъ Каррафа“.
„Навѣстить сестру дона Мигуэля, ул. Хакометрецо, 16“.
„Подписаться на „Эпоху“ для дона Мануэля, онъ далъ мнѣ
деньги“.

„Модный журналъ для Пепы“.

„Револьверъ для маркиза; передать его племяннику“.

„Увѣдомить Фредерико“.

— Пріѣхалъ въ Мадридъ, подумала Хуанита. — Онъ здѣсь
теперь, такъ какъ потерялъ книжку.

Она перевернула страницу, на которой была написана лишь
одна строчка:

„Выѣхалъ изъ Бадахоса 8 сентября 188* года“.

— Уже восемь мѣсяцевъ, какъ онъ здѣсь, подумала дѣ-
вушка.

Далѣе слѣдовало нѣсколько совсѣмъ чистыхъ листковъ,
послѣ которыхъ было написано слѣдующее:

„Министръ, ул. Санъ-Бернардо, №...“

„Генераль, ул. Луна, №...“

„Донъ Мигуэль, Восточная площадь, №...“

— Пріѣхалъ хлопотать, подумала Хуанита. — Какъ я же-
лаю ему успѣха!

На слѣдующемъ листкѣ стояло:

„Эдуарду. . . . . 5.360“.

„Виконту. . . . . 13.730“.

„Графъ мнѣ долженъ . . . 580“.

— Онъ игралъ! вскричала дѣвушка въ ужасѣ.

Она свела итогъ и сказала:

— Онъ проигралъ въ одну ночь 18.510 реаловъ! О это зна-

читать, онъ проигралъ все, что имѣлъ, и теперь въ долгу, счетъ не зачеркнуть. Несчастнѣй!

„Написалъ К. 15 декабря“.

„Снова написалъ ей 6 января“.

„Разошелся съ К. 18 января“.

„Ея письмо, которое я разорвалъ, было отъ 15 января“. Хуанита сидѣла неподвижно, устремивъ глаза въ книжку и какъ бы не видя ея. Тысячи мыслей пробѣгали въ ея головѣ, но она какъ бы не сознавала ихъ.

— Кто виноватъ, *онъ* или *она*, спросила она себя наконецъ.

Слѣдовало нѣсколько чистыхъ листковъ, на одномъ изъ которыхъ было написано чернилами, какъ бы въ видѣ надгробной эпитафіи:

Карменъ вышла замужъ
23 января 187...

Хуанита вся похолодѣла.

Квартира 2.760	Клубъ 680
Портному 2.300	Фернандо 3.000
Бѣлье 350	Ростовщику 250

— Меня пугаетъ этотъ счетъ! подумала Хуанита и закрыла книжку, но не забыла предварительно оставить въ ней пальчикъ, чтобы не потерять прочитанной страницы. Она рѣшила больше не читать... и черезъ минуту уже прочла эти слова, написанныя другой рукою:

„Воскресенье. Королевскій театръ. Четыре часа утра“.

„Бѣлая маска клянется показать тебѣ свое лицо не позже мѣсяца“.

„Бѣлая маска“.

Подъ этими строками рукою молодого человѣка было написано:

„Бѣлая маска носить на рукѣ браслетъ съ буквами: А. С.“. А, онъ нравится женщинамъ, подумала Хуанита. Это безъ сомнѣнія не дурной человѣкъ. Я почти увѣрена, что виновата *она*... Виноватъ Мадридъ, виновата, наконецъ, судьба, которъ я не натолкнула на его дорогу женщину, похожую на меня. Дру ь Лолильи и патера, такъ нѣжно прощавшійся съ *ней*, несомнѣн о хорошій, сердечный, достойный человѣкъ!“

„Срокъ платежа 19 мая“, читала она дальше.

„Сеньоръ патерь скончался 10 апрѣля“.

„Получено отъ кузьянъ: 3.500

„ „ „ 1.800

„ „ „ 600

„Я продалъ помѣстье 30 апрѣля за 80.000 реаловъ“.

Хуанита вздохнула.

Когда она прочла слѣдующія строки, она ужаснулась.

„12 мая.—Ужасная ночь!

„Я долженъ полковнику. . . 27.000.

„Барону . . . . . 115.000.

„13 мая министръ мнѣ отказалъ отъ мѣста. Ужасный день!“

Хуанита нервно перелистывала книжку, желая найти развязку этой трагедии.

„Билеть до Бадахоса . . . 240.

„Платье и обувь . . . . . 400.

„Дорога . . . . . 100.

— Уѣзжаетъ! воскликнула она. Съ Богомъ! Но что ждетъ его въ Бадахосѣ, когда она вышла замужъ? И какимъ бѣднякомъ пускается онъ въ путь. 400 реаловъ на платье и обувь! А платежъ 19-го мая? Какъ онъ выплатитъ этотъ долгъ?

Слѣдующій листъ былъ весь исписанъ.

„Сегодня, 17 мая, я поклялся Бѣлой маскѣ не лишать себя жизни. Мнѣ стало жаль не себя, но ее, хотя я ее и не люблю. Я не могу любить женщину недостойную уваженія, а она недостойна его, такъ какъ, изъ-за любви ко мнѣ, забываетъ свой долгъ. Она отвергаетъ законную и искреннюю любовь другого, и это меня мучаетъ“.

„Всѣ меня покинули и погубили меня.—Она (моя Карменъ) мои друзья, мои товарищи, предлагавшіе мнѣ помощь... всѣ мнѣ измѣнили, и я самъ измѣнилъ себя. Я не узнаю себя, я погубилъ себя, я сдѣлалъ себя больше зла, чѣмъ всѣ враги вмѣстѣ“.

„Сны любви и счастья, спокойная совѣсть, справедливость, благородная гордость, надежды, энергія молодости—гдѣ вы? Гдѣ вы?.. Откликнитесь!.. Что и мнѣ осталось безъ васъ“?

„Во мнѣ осталось сердце еще болѣе нѣжное, еще болѣе горячее, еще болѣе жаждущее любви, чѣмъ въ былые дни... Но какъ покажусь я на глаза обществу, я, проигравшійся игрокъ?!. А вмѣстѣ съ тѣмъ я ненавижу игру; я сѣлъ въ первый разъ за зеленый столъ изъ любезности, изъ вѣжливости, чтобы сдѣлать пріятное моимъ друзьямъ, а потомъ, чтобы отыграть то,

*

чего я не имѣлъ права проигрывать, что необходимо было мнѣ для жизни“.

„Но къ чему я пишу все это? Зачѣмъ? Чтобы видѣть себя такимъ, какъ я есть, или затѣмъ, что, чувствуя, что меня скоро не станетъ, я хочу оправдать себя въ глазахъ свѣта? Да, разумѣется, я долженъ писать это, чтобы не замарать память моихъ родныхъ и чтобы оправдаться въ глазахъ моихъ родственникововъ, оставшихся въ Бадахосѣ, и моихъ мадридскихъ друзей, лишившихъ меня такъ по-дружески денегъ и жизни“.

„О, Богъ мой, какъ я одинокъ!“

Мы склонны думать, что, еслибъ Хуанита знала адресъ обладателя записной книжки, то она немедленно упростила бы отца побѣхать къ нему и спасти его отъ опасности, надвигающейся надъ его головой. Ея чуткая душа поняла молодого человѣка, и онъ уже казался ей вполне достойнымъ счастья. Но вернемся къ разсказу.

Въ книжкѣ оставалось лишь нѣсколько страницъ, на послѣдней изъ нихъ стояло:

„Любовь—это сонъ. Всякая другая женщина доставила бы мнѣ то же разочарованіе, какъ и Карменъ“.

— Неправда! воскликнула Хуанита, замѣтно взволнованная.

„Я никогда не встрѣтилъ бы женщину достойную, нѣжную, великодушную и отзывчивую, которая сдѣлала бы меня счастливымъ. Такая женщина не существуетъ“.

— Ахъ, глупый! подумала Хуанита. Нѣтъ ничего легче, какъ найти подобную женщину.

„Ни одна женщина не могла бы полюбить разорившагося человѣка, который можетъ существовать только своимъ небольшимъ заработкомъ“.

— Какой вздоръ! Я могла бы полюбить, еслибъ только твоё раскаянне было искренно..

Яркая краска, залившая лицо Хуаниты, вдругъ смѣнилась смертельной блѣдностью, когда она прочла слѣдующія строки:

„Бѣдная Лолилья! Какъ она будетъ обо мнѣ плакать!“

„Я написалъ Бѣлой маскѣ, что ея отношенія къ Е... освобождаютъ меня отъ данной клятвы не лишать себя жизни“.

„Да проститъ Господь мою грѣшную душу! Такъ мало хорошаго видѣлъ я на этомъ свѣтѣ!“

„Я самъ лишаю себя жизни“.

„Юліо де Карделла“.

Хуанита поспѣшно перелистала оставшіеся листки, но не нашла въ нихъ ничего больше. Вдругъ неожиданно для самой себя она вскрикнула и тутъ только замѣтила, что все лицо ея мокро отъ слезъ...

Смущенная и дрожащая, вскочила она съ мѣста и направилась въ комнату матери, но проходя черезъ переднюю, она встрѣтила отца, возвращавшагося съ прогулки.

— Ахъ, папа!.. воскликнула она, виѣ себя.

— Что съ тобой, мое дитя? Что случилось? спросилъ старикъ, встревоженный ея разстроеннымъ видомъ.

— Юліо де Карделла!.. Вы не знаете?..

— Какъ? Ты слышала уже?

— Что?..

— Онъ только-что раздробилъ себѣ черепъ изъ револьвера у Puerta del Sol передъ сотней лицъ. Мнѣ никогда еще не приходилось быть свидѣтелемъ такого звѣрскаго, такого нехорошаго поступка! Я видѣлъ его трупъ. Какой-то кабалеро изъ Бадахоса призналъ въ немъ своего соотечественника и сказалъ его имя. Какой ужасъ! Это неожиданное зрѣлище меня ужасно взволновало... ужасно взволновало... Но что съ тобой, мое дитя? О чемъ ты плачешь? Развѣ ты знала этого молодого человѣка?

Хуанита молча подала отцу записную книжку. Бѣдная дѣвушка не могла говорить, она вся вздрагивала отъ неудержимыхъ рыданій.

— Записная книжка? Развѣ она принадлежитъ ему? Отвѣчай...

— Ему, да... черезъ силу вымолвила Хуанита.

— Кто же тебѣ далъ ее?

— Я нашла ее часъ тому назадъ на площади св. Анны.

Прочтите...

— Хорошо, я прочту и затѣмъ передамъ властямъ. Это интересно... Полно же, успокойся... и скажи, чтобы подавали обѣдать...

О планѣ государственнаго расселенія.

Переселенія крестьянъ въ Россіи являются однимъ изъ интереснѣйшихъ и въ то же время однимъ изъ важнѣйшихъ явленій нашей внутренней государственной жизни.

Ежегодно, весной, цѣлыя массы семей, иногда нѣсколько селеній (какъ въ Балашовскомъ уѣздѣ), поднимаются съ насиженныхъ мѣстъ и идутъ, сами не зная куда, туда, гдѣ по смутному представленію селянина рисуются какія-то неизмѣримыя пространства нетронутыхъ плугомъ земель и возможность большаго и легкаго заработка. Идутъ они основываясь на какихъ-то туманныхъ слухахъ, странствуютъ безъ толку, безъ указаній и точныхъ свѣдѣній, бѣдствуютъ, голодаютъ, болѣютъ и мрутъ. Зачастую водворяются на прежнее свое мѣсто жительства административнымъ порядкомъ и возвращаются сами обратно; требуютъ помощи и потерянныхъ надѣловъ, нищенствуютъ, и все-таки при первомъ нелѣпомъ слухѣ снова другіе крестьяне пускаются на поиски какихъ-то „лучшихъ мѣстъ“.

Кому случалось хоть разъ увидѣть, какъ тянется по дорогѣ партія нашихъ переселенцевъ изъ центральныхъ губерній, тотъ до конца жизни не избавится отъ тяготнаго воспоминанія. Холодные и голодные, зачастую побирающіеся, съ забитымъ растеряннымъ взглядомъ, они возбуждаютъ глубокое сожалѣніе и подъ вліяніемъ гнетущаго впечатлѣнія, глядя на массу этихъ сбитыхъ съ толку и безпомощныхъ людей, въ умѣ невольно возникаютъ странныя представленія. Все это похоже на то, какъ

будто власть совѣмъ упразднена, и поселяне бродятъ не удерживаемые и не направляемые никѣмъ, какъ отравленные мухи, безъ толку и цѣли, бродятъ по лѣсамъ и равнинамъ зря, сами не зная куда.

Съ каждымъ годомъ это переселенческое движеніе увеличивается, выдвигая все сильнѣе и сильнѣе настоятельную необходимость основательнаго разрѣшенія этого глубоко-жизненнаго вопроса внутренняго государственнаго неустройства. Такъ оставить дѣла нельзя—это очевидно.

Переселенія въ Россіи существенно отличны отъ эмиграцій въ западной Европѣ. Тамъ излишекъ населенія, гонимый нуждой, навсегда покидаетъ отечество, неся свой трудъ и знаніе въ чужую страну; поэтому на западѣ роль правительства при эмиграціи вѣрнѣе всего назвать дѣятельностью благотворительной, и совершенно естественно, что правительство весьма охотно передаетъ тамъ свои полномочія—оказывать помощь переселенцамъ, облегчать имъ переѣздъ и т. п.—въ руки частныхъ благотворительныхъ обществъ. Въ западно-европейскихъ государствахъ польза эмиграціи чисто отрицательная—устраненіе изъ предѣловъ государства извѣстнаго числа излишнихъ, часто даже вредныхъ отечеству гражданъ. Тамъ эмиграція никогда, такимъ образомъ, и не могла стать задачей правительства.

Иное дѣло у насъ. Наши переселенцы не покидаютъ отечества; ихъ силы и ихъ трудъ не пропадаютъ для родной страны; наоборотъ, примѣненный въ надлежащемъ мѣстѣ, трудъ этотъ можетъ принести значительную и неоцѣненную пользу государству. Наше переселенческое движеніе гораздо точнѣе поэтому было бы назвать „*расселеніемъ*“ и, какъ расселеніе, оно сразу приобретаетъ громадное государственное значеніе и заслуживаетъ самаго внимательнаго изслѣдованія. До освобожденія крестьянъ, несмотря на дореформенныя условія, дѣло расселенія шло гораздо цѣлесообразнѣе, успѣшнѣе, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ теперь. Съ одной стороны совершенно естественнымъ образомъ, помѣщики переселяли своихъ крестьянъ изъ имѣній густо населенныхъ въ имѣнія менѣе населенныя, иногда изъ своихъ личныхъ соображеній, иногда же въ силу требованія закона, который въ ст. 1107 и 1108 т. IX св. зак. изд. 1857 г., прямо говорить: „если земля, отдѣльно отъ поселен-

ныхъ на ней крестьянъ, будетъ помѣщикомъ заложена и закладная просрочена, или же земля будетъ отдѣльно продана, и въ томъ и другомъ случаѣ останется у крестьянъ менѣе четырехъ съ половиною десятинъ на душу и къ тому въ теченіе года *не будетъ помѣщикомъ приобретено и дано имъ другой земли, соразмѣрно числу душъ, или же они не будутъ проданы другимъ съ обязательствомъ переселить ихъ на собственные земли и надѣлить ихъ вышеуказаннымъ количествомъ земли: то крестьяне въ семъ случаѣ берутся въ казенное вѣдомство*“. „Если же при увольненіи крестьянъ съ землею въ государственныя крестьяне, водворенныя на собственныхъ земляхъ, для оставленныхъ въ крѣпостномъ состояніи крестьянъ того же селенія земли *будетъ не достаточно: то помѣщикъ, когда не найдетъ другаго способа удовлетворить ихъ, обязанъ переселить ихъ на другія принадлежащія ему незаселенныя земли*“.

Само правительство принимало тогда дѣятельное участіе въ переселеніяхъ. Такъ въ уст. о благоустр. каз. сел. т. XII, ч. II, изд. 1857 г., въ отдѣлѣ о переселеніи крестьянъ значится слѣдующее:

1) „Переселеніе государственныхъ крестьянъ производится въ видахъ хозяйственнаго устройства, чтобы сельскимъ обществамъ, нуждающимся въ землѣ, предоставить потребное количество оной на остальные души и *чтобы излишнія руки въ однихъ мѣстахъ* обратили къ воздѣлыванію *пространствъ, спущъ лежащихъ*“ (Ст. 24).

2) „Переселеніе въ другія губерніи дозволяется *изъ малоземельныхъ сельскихъ обществъ, имѣющихъ въ сложности менѣе пяти десятинъ на душу; причемъ при разсмотрѣніи прошеній о разрѣшеніи переселиться* надлежитъ допускать къ переселенію *такое только число крестьянъ, какое нужно для того, чтобы по вышеозначенному расчету у остальныхъ было около пяти десятинъ на душу*“ (ст. 30 и 35).

3) „Министръ государственныхъ имуществъ, *соображаясь съ положеніемъ крестьянъ, объявившихъ желаніе переселиться, и съ состояніемъ свободныхъ дачъ въ многоземельныхъ губерніяхъ,* назначаетъ участки земли для переходцевъ. При семъ наблюдается: а) чтобы переселенцы, сколько возможно, *не были подвержены дальнимъ и затруднительнымъ переходамъ;* б) чтобы условія

работы и климатъ тѣхъ губерній, куда они должны переселиться, были, сколь возможно, меньше различны отъ тѣхъ, къ какимъ они привыкли на прежнихъ мѣстахъ; в) чтобы участки были имъ назначены на такомъ разстояніи отъ находящихся въ оныхъ губерніяхъ селеній, которое бы представляло удобность оказати имъ нужная при водвореніи пособій; г) чтобы переселенцамъ отведено было по пятнадцати десятинъ удобной земли на душу“ (ст. 37).

4) „По прибытіи на мѣсто новаго водворенія переселенцамъ производится безвозмездный отпускъ мяса въ числѣ ста корней на каждый дворъ; тамъ же, гдѣ нельзя будетъ отпустить строевой лѣсы безъ оскудѣнія дачи, отводить для огорода и мазанокъ дровянаго лѣса и порослей до одной трети десятины на каждое семейство. Выѣстъ съ тѣмъ, переселенцы получаютъ на первоначальное обзаведеніе и устройство жилищъ, въ случаѣ отпуска лѣса, по двадцати рублей, а безъ онаго — по тридцати пяти рублей на семейство безвозвратно изъ особаго капитала, ассигнуемаго ежегодно по смѣтѣ министерства“¹⁾ (ст. 55).

Правила эти дѣйствовали до 18-го января 1866 г., т. е. до преобразованія общественнаго управленія государственныхъ крестьянъ и передачи ихъ въ вѣдѣніе общихъ губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій.

Такимъ образомъ, мы видимъ въ прежней Россіи стройный и мудрый планъ государственнаго расселенія, имѣвшій главной цѣлью, „въ видахъ хозяйственнаго устройства, излишнія руки въ однихъ мѣстахъ обратить къ воздѣлыванію пространствъ, впустѣ лежащихъ“.

Настало 19-е февраля. Въ вихрѣ новыхъ условій жизни исчезли и изгладились всѣ стародавніе устои правительственнаго и народнаго уклада. Погибла и заглохла поэтому и дѣйствовавшая до той поры и система государственнаго расселенія.

Задавшись цѣлью прежде всего сдѣлать освобожденныхъ крестьянъ земельными *собственниками*, реформа 19 февраля въ сущности сильнѣе, чѣмъ крѣпостное право, привязала крестьянъ къ выкупаемымъ ими земельнымъ участкамъ. Увольненіе изъ сельскаго общества обставлено было довольно затруднитель-

¹⁾ Такія деньги въ то время, понятно, имѣли другую цѣну, чѣмъ теперь.

ными условіями. Въ данномъ случаѣ это являлось нормальнымъ послѣдствіемъ всего громаднаго переворота, произведеннаго тогда въ экономической жизни Россіи. Правительство на первыхъ порахъ не могло относиться къ вопросу о переселеніи иначе какъ съ величайшей осмотрительностью, вполне справедливо опасаясь, что свобода переселенія легко могла совсѣмъ выбить изъ всякаго русла теченіе такъ глубоко и сильно измѣненной жизни и принести много непоправимаго экономическаго вреда.

Но шли годы, народъ нашъ постепенно приводился къ новымъ условіямъ безвластія съ одной стороны и полной необеспеченности съ другой. Быть деревни какъ бы становился все на болѣе и болѣе неясныя основанія, переселенческое движеніе сперва затихло. Но затѣмъ оно начинаетъ, въ видѣ цѣлаго ряда такъ называемыхъ „самовольныхъ“ (противузаконныхъ) переселеній, снова пробиваться наружу. Несмотря на тяжелыя матеріальныя неудачи, оно не останавливается, напротивъ идетъ все сильнѣе изъ года въ годъ. Правительство рѣшается наконецъ, весьма впрочемъ слабо, въ нѣкоторой степени регулировать это упорное и беспорядочное явленіе внутренней жизни и послѣдовательно издаетъ два законодательные акта: правила 1881 года и переселенческій законъ 13 іюля 1889 года. Оба акта являются лишь весьма слабыми попытками упорядочить возрастающее переселенческое движеніе ¹⁾, и оба конечно совершенно были недостаточны, чтобы охватить это движеніе и, сосредоточивъ всѣ нити его въ рукахъ правительственной власти, направить его сколько-нибудь сообразно истиннымъ пользамъ страны.

Въ переселенческомъ вопросѣ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ движеній народныхъ массъ, которое своей силой и непрерывностью указываетъ, что оно вызвано неотложною потребностью сельскаго населенія, слѣдствіемъ извѣстныхъ, неизмѣнныхъ условій его экономической жизни.

Вопросъ о переселеніяхъ въ Россіи до сихъ поръ у насъ очень мало изслѣдованъ. Болѣе изслѣдована только одна его сторона, такъ сказать больничная, благотворительная: нужда, холодъ, голодъ, болѣзни и вообще бѣдствія, терпимыя пересе-

---

¹⁾ По послѣднимъ свѣдѣніямъ, черезъ Тюмень въ минувшемъ году прошло до 30 т. переселенцевъ.

ленцами. Всѣ эти картины очень охотно и подробно изображаются обыкновенно писателями „либеральными“ и сопровождаются болѣе или менѣе прозрачными намеками на неспособность и неудовлетворительность администраціи. При этомъ пріостановка этого бѣдственнаго движенія и вмѣшательство правительства совершенно исключаются, по сочувствію быть можетъ бессознательному и къ этому шатанію, какъ къ элементу безпорядка, элементу протестующему.

На той же благодарной почвѣ, естественнаго, впрочемъ, страданія и въ виду той же предполагаемой неспособности правительства вести переселенческое дѣло „въ пособіе“ ему и рядомъ съ его органами возникаютъ разныя благотворительныя переселенческія общества, напр. С.-Петербургское общество вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ, Тюменское благотворительное общество и т. п., въ неопредѣленной программѣ которыхъ сквозить только съ безусловной ясностью одна цѣль: посредствомъ воззваній, публичныхъ выкриковъ и т. п., напумѣть и выдвинуться на арену общественной дѣятельности; подъ флагомъ благотворенія все хочется вмѣшиваться въ такое дѣло, которое по своему огромному значенію и необходимости такихъ средствъ, какими частныя общества обладать не могутъ, должно служить предметомъ заботъ только правительства. Оно одно имѣетъ способы взвѣснить всю совокупность затрогиваемыхъ переселенческимъ дѣломъ разнообразныхъ интересовъ и разрѣшить его сообразно истиннымъ нуждамъ и пользамъ не одного только переселяющагося крестьянства, но и всей Россіи.

Помимо этихъ декламаторскихъ сочувствій и либеральныхъ затѣй имѣются лишь весьма отрывочныя и незначительныя свѣдѣнія о переселенческомъ дѣлѣ въ Россіи, о тѣхъ причинахъ, которыя вызываютъ это движеніе. Между тѣмъ въ точномъ знаніи именно этихъ причинъ только и лежитъ ключъ къ надлежащему разрѣшенію вопроса. Подведя итогъ тому, что извѣстно по этому дѣлу, становится яснымъ, что причины переселенческаго движенія въ Россіи съ достаточной вѣроятностью могутъ быть приведены къ слѣдующимъ:

1) Первой является малоземелье, происходящее отъ быстрого прироста населенія. По даннымъ Центр. Стат. Комитета крестьянское населеніе послѣ реформы увеличилось болѣе, чѣмъ на 20%.

2) Усиленное и несообразное съ дѣйствительною доходностью, поднятіе продажныхъ и арендныхъ цѣнъ на земли, явившееся вслѣдствіе увеличенія сѣти желѣзныхъ дорогъ. При такихъ цѣнахъ крестьяне лишились возможности покупкою и арендою увеличивать площадь обрабатываемой ими земли.

3) Неудовлетворительность крестьянскаго хозяйства; чрезмѣрное увеличеніе пахатныхъ земель и систематическій вслѣдствіе этого упадокъ скотоводства; небрежность обработки почвы, вспахиваемой только сохою; слабое развитіе огородничества и почти полное отсутствіе культуры корнеплодныхъ растений.

4) Наконецъ, чрезвычайно важный двигатель—это податливость темныхъ народныхъ массъ на всякіе слухи о какомъ-то сказочномъ краѣ, гдѣ земли масса и довольство достижимо безъ всякаго почти труда. Благодаря этому легковѣрію и наивной жадности, мы видимъ, какъ даже зажиточные крестьяне легкомысленно и безразсудно бросаютъ насиженные мѣста и безъ всякаго плана и точной цѣли, идутъ на Востокъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ ждетъ ихъ почти вѣрное разореніе.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ причинъ самая существенная—малоземелье. Если остальные причины, вызывающія переселенческое движеніе, можно устранить какими-либо иными способами, то противъ малоземелья можно успѣшно бороться лишь правильно обдуманымъ и организованнымъ планомъ государственнаго расселенія.

Регулированіе всего переселенческаго вопроса должно быть, повидимому, прежде всего построено на основаніи точныхъ данныхъ, представляющихъ дѣйствительные размѣры этого тревожнаго явленія экономической жизни сельскаго населенія.

Приводимая здѣсь таблица о размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія составлена на основаніи свѣдѣній, относящихся къ 1881 году. Въ значительной степени эти свѣдѣнія и цифровыя данныя провѣрены и измѣнены на основаніи послѣдующихъ трудовъ Центр. Стат. Комитета (1884—1886 гг.), и наконецъ свѣдѣнія объ операціяхъ крестьянскаго банка относятся уже къ 1890 году. Такимъ образомъ эта таблица является всё же самымъ полнымъ и, послѣ труда проф. Янсона—труда, который появился очень давно—первымъ опытомъ группировки свѣдѣній, рисующихъ съ наибольшей достовѣрностью положеніе крестьянскаго землевладѣнія въ Россіи въ настоящее время.

ТАБЛИЦА № I.

	Число душъ мужскаго пола.	КОЛИЧЕСТВО ЗЕМЛИ.						В СЕГО.	На одну муж. пол. душу приходится десятинъ.
		НАДѢЛЬНОЙ.			КУПЛЕННОЙ.				
		У крестьянъ бывшихъ помещиковъ.	У крестьянъ бывшихъ государствен.	У крестьянъ бывшихъ удѣльныхъ.	На собственн. средств.	При посредствѣ государств. крестьянск. банка.			
Архангельская	128.324	—	277.784	—	—	—	277.784	2,2	
Астраханская	142.504	51.282	2.982.293	—	—	—	3.033.525	24,2	
Бессарабская	497.259	647.675	682.564	—	529.517	1.496	1.862.252	3,7	
Виленская	420.592	767.070	596.905	—	—	3.771	1.367.746	3,2	
Витебская	414.364	860.071	437.113	—	186.956	9.515	1.443.655	3,5	
Владимирская	529.713	1.077.771	723.648	169.195	62.807	482	2.133.903	4,0	
Вологодская	497.634	469.409	2.068.469	266.594	730.929	—	3.535.401	7,8	
Волинская	698.121	1.645.229	531.498	—	181.976	21.809	2.330.412	3,3	
Воронежская	1.068.304	464.209	3.063.361	—	268.959	18.529	3.817.058	3,6	
Вятская	1.209.660	53.038	6.827.315	292.314	—	—	7.172.667	6,0	
Гродненская	408.218	699.516	623.414	—	16.023	13.850	1.352.303	3,3	
Донская	—	313.596	202.084	—	—	55.050	670.730	—	
Екатеринослав.	635.505	292.246	1.721.263	—	770.269	171.169	2.954.947	4,6	
Казанская	835.444	215.408	2.882.329	62.020	31.268	3.052	3.194.077	3,8	
Калужская	444.817	932.966	435.356	—	52.986	6.297	1.427.605	3,2	
Киевская	961.096	1.378.566	515.968	—	379	42.020	1.936.933	2,0	
Ковенская	399.022	730.842	683.990	—	112.715	2.307	1.528.794	3,9	
Костромская	494.817	1.234.555	582.753	309.343	146.152	3.077	2.277.870	4,6	
Курская	906.252	627.478	1.822.226	—	1.128	31.573	2.482.405	2,7	
Минская	505.067	1.598.935	355.468	—	43.475	54.470	2.046.288	4,0	
Могилевская	441.375	1.283.891	237.880	—	98.758	151.480	1.722.009	3,9	
Московская	542.204	789.410	655.095	77.405	53.378	2.893	1.578.181	2,9	
Нижегородская	608.132	1.055.706	684.506	114.744	132.561	699	1.988.216	3,2	
Новгородская	462.078	999.595	1.286.729	162.142	172.644	97.261	2.218.371	6,0	
Олонейская	134.149	30.128	2.260.698	8.736	—	—	2.299.562	17,1	
Оренбургская	337.819	46.899	1.785.662	6.294	3.508.726	22.686	5.370.267	15,9	
Орловская	765.290	928.343	936.514	140.246	19.652	5.223	2.027.978	2,6	
Пензенская	622.586	577.417	1.204.620	—	—	16.292	1.798.329	2,8	
Пермская	1.090.883	832.439	3.901.872	82.150	1.397.638	—	6.214.099	5,7	
Подольская	819.419	1.202.306	450.168	—	34.031	22.145	1.708.650	2,1	
Полтавская	957.663	477.177	361.489	—	1.218.911	87.418	2.144.996	2,2	
Рязанская	373.856	760.682	615.586	—	129.181	8.309	1.518.758	4,1	
Рязанская	751.849	989.340	908.551	—	523.997	24.862	1.924.627	2,6	
Самарская	931.261	231.002	5.049.468	808.417	1.397.453	22.730	7.509.070	8,0	
С.-Петербургская	223.916	625.514	263.367	101.278	64.480	4.421	1.059.060	4,7	
Саратовская	851.341	688.491	2.363.079	160.666	412.043	73.594	3.707.873	4,3	
Симбирская	600.532	470.342	142.761	1.020.634	76.570	12.999	1.733.306	2,7	
Смоленская	504.458	1.280.312	590.831	—	46.035	120.020	2.046.248	4,0	
Таврическая	330.452	62.257	1.772.221	—	295.942	13.594	2.144.014	6,5	
Тамбовская	1.031.642	816.846	2.174.842	—	48.402	23.076	3.063.166	3,0	
Тверская	673.663	1.302.124	1.020.653	151.498	278.780	54.977	2.808.032	4,1	
Тульская	562.066	947.928	394.167	—	26.578	6.213	1.874.886	2,4	
Туркменская	637.759	154.059	697.502	114.707	5.721.882	104.164	6.792.304	9,8	
Уфимская	860.056	438.837	2.066.758	—	233.361	59.343	2.808.319	3,2	
Херсонская	532.941	386.800	1.773.110	—	75.075	36.838	2.261.823	4,2	
Херсонская	730.544	729.497	606.450	—	668.587	23.780	2.028.314	2,7	
Хмельницкая	384.702	858.822	477.928	—	134.597	985	1.472.332	3,9	
Итого	28.029.346	32.876.744	62.708.248	4.048.383	19.800.871	1.397.469	120.831.715	4,0	

Изъ приведенной таблицы видно, что въ настоящее время средней нормой является 4 десятины земли на мужскаго пола душу. Къ этой средней величинѣ надлежитъ конечно относиться съ величайшей осторожностью. 4 десятины въ сѣверныхъ губерніяхъ совершенно иное дѣло, чѣмъ 4 десятины въ черноземной полосѣ. Но имѣя дѣло съ цифрами, всегда приходится въ своихъ выводахъ считатьъ съ подобнаго рода особенностями. Въ данномъ же случаѣ различіе это сглаживается тѣмъ, что хотя урожайность южныхъ губерній и безконечно сильнѣе, за то тамъ часто бываютъ и полные неурожаи, чего почти не знаютъ наши сѣверныя мѣстности.

Принимая, съ этой оговоркой, полученную среднюю за нормальный размѣръ крестьянскаго надѣла (разумѣя подъ этимъ всю землю, состоящую въ пользованіи крестьянъ т. е. и купленную послѣ освобожденія), мы можемъ перечисленныя губерніи разбить на двѣ группы: на губерніи, въ которыхъ средней размѣръ крестьянскаго землевладѣнія — ниже средней нормы, и на тѣ — гдѣ онъ выше 4 десятинъ на наличную мужскаго пола душу.

Такимъ образомъ получимъ слѣдующую таблицу. Въ ней въ нисходящемъ и восходящемъ порядкѣ расположены всѣ губерніи Европейской Россіи.

ТА Б Л И Ц А № II.

Распределеніе губерній Европейской Россіи на нисходящій и восходящій рядъ, сообразно тому, выше или ниже средней нормы (4 десятины на мужскаго пола душу) у нихъ крестьянское землевладѣніе.

Губерніи, въ которыхъ крестьянское землевладѣніе ниже норм.	На душу приходится десятинъ.	Губерніи, въ которыхъ крестьянское землевладѣніе выше норм.	На душу приходится десятинъ.
1. Кіевская	2,0	1. Астраханская	24.2
2. Подольская	2,1	2. Олонецкая	17.
3. Полтавская	2,2	3. Оренбургская	15,
4. Тульская	2,4	4. Уфимская.	9.
5. Рязанская	2,6	5. Самарская	8.
6. Орловская	2,6	6. Вологодская	7.
7. Симбирская	2,7		

Губерніи, въ которыхъ крестьянское землевладѣніе ниже нормы.	На душу приходится десятинъ.	Губерніи, въ которыхъ крестьянское землевладѣніе выше нормы.	На душу приходится десятинъ.
8. Курская	2,7	7. Таврическая	6,5
9. Черниговская	2,7	8. Вятская	6,0
10. Пензенская	2,8	9. Новгородская	6,0
11. Московская	2,9	10. Пермская	5,7
12. Тамбовская	3,0	11. Петербургская	4,7
13. Калужская	3,2	12. Екатеринославская	4,6
14. Нижегородская	3,2	13. Костромская	4,6
15. Харьковская	3,2	14. Саратовская	4,3
16. Виленская	3,2	15. Херсонская	4,2
17. Волынская	3,3	16. Псковская	4,1
18. Гродненская	3,3	17. Тверская	4,1
19. Витебская	3,5	18. Владимірская	4,0
20. Воронежская	3,6	19. Минская	4,0
21. Бессарабская	3,7	20. Смоленская	4,0
22. Казанская	3,9		
23. Ковенская	3,9		
24. Могилевская	3,9		
25. Ярославская	3,9		

Изъ приведенной таблицы губерніи, помѣщенныя въ лѣвомъ столбцѣ, т. е. тѣ, въ которыхъ приходится теперь менѣе 4-хъ десятинъ на наличную мужескаго пола душу, являются по малоземелью естественнымъ источникомъ переселенческаго движенія и разбивая ихъ на группы по принятому признаку, получимъ слѣдующій нисходящій рядъ.

ТА Б Л И Ц А № III.

Распределеіе по группамъ губерній, въ которыхъ крестьянское землевладѣніе не достигаетъ средней нормы (4 дес. на мужскаго пола душу).

	На душу приходится десятинъ.	
Кіевская	2,0	} I группа сред. размѣръ 2,1
Подольская	2,1	
Полтавская	2,2	

	На душу приходится десятинаъ.	
Тульская	2,4	II группа сред. раз- мѣръ 2,5
Рязанская	2,6	
Орловская	2,6	
Симбирская	2,7	III группа сред. раз- мѣръ 2,8
Курская	2,7	
Черниговская	2,7	
Пензенская	2,8	
Московская	2,9	
Тамбовская	3,0	
Калужская	3,2	IV группа сред. раз- мѣръ 3,3
Нижегородская	3,2	
Виленская	3,2	
Харьковская	3,2	
Волынская	3,3	
Гродненская	3,3	
Витебская	3,5	V группа сред. раз- мѣръ 3,8
Воронежская	3,6	
Бессарабская	3,7	
Казанская	3,9	
Ковенская	3,9	
Могилевская	3,9	
Ярославская	3,9	

Такимъ образомъ наиболѣе бѣдны землями оказываются губерніи: Полтавская, Кіевская и Подольская; за ними слѣдуютъ губерніи Тульская, Рязанская и Орловская, въ которыхъ средній размѣръ количества десятинаъ на душу = 2,5; потомъ идутъ губ. Симбирская и др.

Придерживаясь принятаго нами въ основу исчисления количества земель, находящихся теперь въ рукахъ крестьянъ и ограничиваясь предѣлами Европейской Россіи—(въ виду того что переселеніе въ Сибирь сопряжено и съ большими затратами и значительнымъ экономическимъ рискомъ), совершенно естественно, проектируя планъ государственнаго расселенія, обратиться къ губерніямъ, гдѣ размѣръ землевладѣнія превъ

шаетъ 4 десятины на душу, и разсматривать ихъ какъ *возможный* объектъ переселенческаго движенія.

Конечно, мы не говоримъ въ данномъ случаѣ о переселеніи на крестьянскія же земли, это было бы вполне неосуществимо и юридически и практически, хотя и есть мѣстности, въ которыхъ крестьяне отказываются отъ надѣловъ по многоземелью, (напр. въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Пермской губ.). Рѣчь идетъ о переселеніи на казенныя земли. Здѣсь могутъ возразить, что казенныя земли иногда даже въ значительномъ количествѣ существуютъ и въ губерніяхъ, которыя мы приняли за естественные источники переселенческаго движенія, и что поэтому, принимая въ расчетъ казенныя земли въ тѣхъ только губерніяхъ, которыя болѣе многоземельны, поступили безъ достаточныхъ быть можетъ основаній.

Этого нельзя оспаривать. Въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ мы далеки отъ мысли высказать какія бы то ни было безусловно точныя и практически приложимыя положенія; единственная цѣль была здѣсь—установить нѣкоторые принципы, а никакъ не разработывать всю фактическую сторону сложнаго переселенческаго дѣла. Для этого нѣтъ достаточныхъ данныхъ, ни достаточнаго опыта, ни надлежащихъ средствъ. Казалось бы, что единственно прочный базисъ переселенческаго движенія—свѣдѣнія о крестьянскомъ землевладѣніи. Здѣсь они собраны, возможно полно сгруппированы и изложены вытекающіе изъ нихъ главные выводы. Все въ той же области цифровыхъ данныхъ нельзя не придти къ убѣжденію, что если въ малоземельныхъ губерніяхъ и существуютъ казенныя земли, то ихъ едва-ли достаточно для сокращенія потребности въ переселеніи, и поэтому и онѣ исключены изъ числа тѣхъ губерній, казенныя земли которыхъ можно признать бассейномъ, куда постепенно долженъ вливаться потокъ переселенія. Въ нижеслѣдующей таблицѣ (исключивъ Архангельскую губернію) въ остальныхъ 20-ти многоземельныхъ губерніяхъ подсчитаны земли казенныя (состоящія въ вѣдомствѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ) и земли удѣльнаго вѣдомства, которыя, казалось бы, слѣдовало также включить въ районъ переселенческаго движенія при планѣ общаго государственнаго расселенія.

Надо принять во вниманіе и массу могущихъ встрѣтиться въ этихъ казенныхъ и удѣльныхъ земляхъ неудобныхъ мѣстъ. Вычисляя поэтому количество могущихъ тамъ образоваться переселенческихъ участковъ, учетверена и принятая первона-

чально норма крестьянскаго землевладѣнія. Такимъ образомъ получилась:

ТАБЛИЦА № IV.

О количествѣ казенныхъ и удѣльныхъ земель въ 20 губерніяхъ, въ которыхъ крестьянское землевладѣніе выше нормы, и о количествѣ могущихъ тамъ быть образованными переселенческихъ участковъ, считая по 16 десятинъ на мужскаго пола душу.

	КОЛИЧЕСТВО ЗЕМЛИ.			Число переселенческихъ участковъ, принимаемая по 16 десятинъ на душу.
	Казенной.	Удѣльной.	ВСЕГО.	
Вологодская	30.354.452	1.122.253	31.476.705	1.967.294
Пермская	15 230.656	79.940	15.310.596	956.912
Олонецкая	11.108.934	18.525	11.127.459	695.466
Вятская	3.060.529	163.262	3.223.791	201.487
Самарская	1.734.454	816.079	2.550.533	159.408
Новгородская	1.435 663	734.718	2.170.381	135.586
Костромская	1.356.641	460.530	1.817.171	113.573
Уфимская	951.367	92.576	1.043.943	65.196
Минская	868.182	—	868.182	54.261
Астраханская	707.697	—	707.697	44.231
С.-Петербургская	332.239	196.411	618.650	38 666
Оренбургская	533.726	18.176	551.902	34.493
Саратовская	364.489	72.160	436.649	27.290
Херсонская	401.563	8.950	410.513	25.657
Тверская	200.340	202.160	402.500	25.156
Владимирская	204.658	136 719	341.377	21.336
Екатеринославская ¹⁾ .	133.135	15.663	148.798	9.299
Псковская	129.832	—	129.832	8.114
Таврическая	9.132	91.651	100.783	6*299
Смоленская	70.683	—	70.683	4.417
И Т О Г О	69.140.491	4.329.783	73.470.274	4 591.892

¹⁾ Нужно сдѣлать оговорку, что въ этой губерніи, какъ и въ некоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, казенныя земли находятся подъ лѣсомъ, весьма тамъ дѣльнымъ, и лѣсъ не можетъ быть тамъ обращаемъ для данной дѣли.

Вся эта масса казенныхъ и удѣльныхъ земель, дающая возможность образовать $4\frac{1}{2}$ милліона 16-ти-десятичныхъ участковъ, въ значительной степени эксплуатируется конечно и нынѣ, но доходность ея неизмѣримо увеличится, если ее разбить на участки подъ переселеніе. Въ настоящее время эти казенныя земли сдаются съ аукціона или непосредственно съемщикамъ, которые въ большинствѣ случаевъ *отъ себя уже пересдаютъ* крестьянамъ за значительно высшую цѣну ¹⁾. При подобнаго рода комбинаціи наживаются только съемщики, между тѣмъ какъ, съ устраненіемъ ихъ, выиграли бы и казна и крестьянское населеніе.

Эта отдача переселенческихъ участковъ могла бы производиться на самыхъ различныхъ основаніяхъ — на началѣ долгосрочной аренды, даже на основаніяхъ чиншеваго права и прямо наконецъ на прежнемъ основаніи оброчныхъ статей государственныхъ крестьянъ.

Такого рода переселенія, т. е. перемѣщеніе излишка населенія изъ малоземельныхъ мѣстъ въ мѣстности почти дѣвственные, — хотя бы этотъ процессъ переселенія и былъ сопряженъ съ нѣкоторыми издержками (осуды на обзаведенія переселенцамъ, на обмежеваніе и проч.) — неразрывно соединяетъ экономическіе интересы крестьянъ съ умноженіемъ государственнаго дохода.

Поэтому планъ государственнаго расселенія на такихъ началахъ имѣетъ за себя соображенія практическія и матеріальныя.

Но въ планъ государственнаго расселенія должно быть включено еще и иное основаніе, неоцѣнимое на деньги, но именно поэтому и неизмѣримо высшее: именно, принципъ настоятельной необходимости націонализаціи нашихъ окраинъ и нашего юга вообще.

Геніемъ, силами великорусскаго народа создано величіе нашего отечества. Теперь, когда мы видимъ наши окраины заполняемыми сотнями тысячъ чуждыхъ намъ инородцевъ, когда подъ ихъ напоромъ шатаются самыя основы господствующей религіи и народности, — законное чувство самосохраненія должно насъ заставить выставить противъ нихъ сплоченную силу изъ того именно племени, которое является самымъ вѣрнымъ хра-

---

¹⁾ Это ослаблено отчасти предоставленіемъ нынѣ крестьянамъ непосредственно, безъ торговъ, арендовать казенныя земли.

нителемъ завѣтныхъ историческихъ основъ нашей государственности.

Правильно поставленное переселеніе изъ нашихъ великороссійскихъ густонаселенныхъ губерній явилось бы самымъ надежнымъ орудіемъ противъ упорнаго завоеванія нѣмцами нашего юга и запада. Здѣсь никакія денежныя жертвы не могутъ быть признаны чрезмѣрными. На министерствѣ государственныхъ имуществъ несомнѣнно лежитъ такъ сказать обязанность бороться со скупкой земель нѣмцами на югѣ и западѣ. Устранивъ конкуренцію силою капитала или иными путями, оно должно скупать *всѣ свободныя земли* на югѣ и на окраинахъ, и, обращая ихъ подъ переселеніе русскихъ крестьянъ, укрѣплять такимъ путемъ національное начало тамъ, гдѣ оно наиболѣе подавляется иноплеменными элементами.

Итакъ, планъ государственнаго расселенія долженъ быть видимо основанъ на двухъ началахъ: пользы экономической „въ видахъ хозяйственнаго устройства, обращая излишнія руки въ однихъ мѣстахъ къ воздѣлыванію пространствъ, впустѣ лежащихъ“ и на принципѣ націонализированія нашихъ окраинъ.

Оговариваемся еще разъ: настоящій очеркъ не болѣе какъ попытка установить и выяснить принципы плана расселенія, которое мы считаемъ одной изъ важнѣйшихъ задачъ государственнаго управленія. Мы могли ошибиться въ цифровыхъ данныхъ и въ частныхъ выводахъ, но трудно оспаривать вѣрность основнаго нашего положенія, что пользы государства требуютъ положить наконецъ предѣлъ тому хаотическому шатанію, которое нынѣ именуется у насъ переселеніемъ, и что этого упорядоченія можно достигнуть лишь всесторонне обдуманымъ и твердой волею приведеннымъ въ исполненіе планомъ государственнаго расселенія.

А. П.

О М. П. Погодинѣ ¹⁾.

Четвертая книга біографіи Погодина обнимаетъ пятилѣтіе, съ 1832 года по 1836-ой включительно, и содержитъ въ себѣ шестьдесятъ главъ. Интересъ и обстоятельность разсказа не только не ослабленъ, сравнительно съ предыдущими тремя книгами, но даже можно сказать возрастаетъ болѣе и болѣе. Обзоръ научнаго и литературнаго движенія ведется съ несомнѣннымъ умѣньемъ отчетливо излагать факты и ясно характеризовать личности, какъ бы выводя ихъ самихъ на сцену, или обращаясь къ ихъ произведеніямъ.

Насколько повѣствованіе неослабно сохранило свою живость, настолько же объектъ повѣствованія, то есть Михаилъ Петровичъ Погодинъ, остался неизмѣнно такимъ же, какимъ онъ былъ въ первыхъ трехъ книгахъ: „неугомоннымъ дѣятелемъ“ (по словамъ Максимовича), „увлекаемымъ и разсѣваемымъ многосторонностью“ (по словамъ Гоголя), „не имѣющимъ соперника въ разнообразіи трудовъ“ (по словамъ Московскаго Телеграфа) ²⁾.—Да и зачѣмъ ему мѣняться? Онъ не былъ бы тогда Михайломъ Петровичемъ, потерялъ бы свойственную

---

¹⁾ Жизнь и труды М. П. Погодина.—Николая Барсукова. Книга четвертая, С.-Петербургъ. 1891 г.

²⁾ Вотъ полный ироническій отзывъ Телеграфа: „г. Погодинъ писалъ драмы и сатирическія статейки, историческія сочиненія и легонькіе стишки, критическіе разборы и сказки, издавалъ классическія сочиненія и статистическія записки, журналы и крохотныя книжонки, альманахи и учебныя тетрадки, переводилъ Гёте и Эверса, Овидія и Добровскаго, Шатобриана и Шлецера. Онъ и политическій экономъ, и историкъ, и романистъ, и философъ, и стихотворецъ, и критикъ, и статистикъ, и журналистъ! Это въ нѣкоторомъ смыслѣ нашъ Вольтеръ, который также писалъ все и о всемъ“.

ему оригинальность. Такова его натура, таково, вѣроятно, отъ рожденія предназначенное ему поприще.

Несмотря, однакожь, на многосторонность занятій, Погодинъ заявлялъ себя достойнымъ образомъ, какъ въ излюбленной имъ Русской Исторіи и ея преподаваніи, такъ и въ другихъ предметахъ, относящихся къ наукѣ и литературѣ. Мы уже знаемъ изъ предъидущихъ трехъ книгъ его біографіи, что онъ взялъ верхъ надъ своими противниками въ вопросѣ о происхожденіи Руси. Вторымъ подвигомъ считаемъ его побѣду въ борьбѣ съ такъ называвшейся „скептической школой“, основанной Каченовскимъ и существовавшей пятилѣтіе (1830—1835). Школа эта имѣла многихъ сторонниковъ: Бодянского, Надеждина, двухъ Строевыхъ: старшаго (извѣстнаго исторіографа) и брата его Сергѣя, который, подъ псевдонимомъ „Скромненько“, особенно сильно подвизался за ученіе Каченовскаго. Это ученіе проникло даже въ среду Археографической Комисіи и нашло себѣ послѣдователей между нѣкоторыми ея членами.

Противъ такого ученія безбоязненно выступилъ Погодинъ — „новый паломникъ Несторовой лѣтописи, защитникъ ея подлинности отъ строптивыхъ отрицаній невѣрующей критики“ (по выраженію Максимовича). Онъ одинъ боролся со многими, подкрѣпляемый сочувствіемъ почетныхъ знатоковъ древнерусской и вообще славянской исторіи, каковы были митрополитъ Евгений, Востоковъ, Шафарикъ. „Будьте увѣрены“, писалъ ему послѣдній, „что правда рано или поздно одержитъ верхъ. Вы именно тотъ человѣкъ, на которомъ сосредоточены всѣ наши надежды“. И правда, дѣйствительно, взяла верхъ. Статья Погодина: „о достовѣрности древней Русской исторіи“, служила блистательнымъ отвѣтомъ „сумасшедшимъ скептикамъ“, какъ обозвалъ ихъ Арцыбашевъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ теперь скептическая школа? что отъ нея осталось? Кто будетъ сомнѣваться въ достовѣрности Остромирова Евангелія, или Несторовой лѣтописи, или Слова о полку Игоревѣ? Развѣ личности, подобныя Булгарину и Сенковскому. Но имъ, какъ полякамъ, ненавидѣвшимъ Карамзина, приходилось по сердцу мнѣніе скептиковъ. Сенковскій, дѣйствительно, относилъ „Слово“ не къ XII-му, а къ XVI-му вѣку; по его мнѣнію, оно было сочинено студентомъ Кіевской Духовной Академіи на тему, заданную преподавателемъ реторики или піитики. Мало ли что онъ выдумывалъ ради глумленія? По поводу одного изъ сочиненій Гильфердинга (объ

индо-европейскихъ языкахъ) онъ отвергалъ сравнительное языкованіе, не видя въ томъ никакого важнаго значенія!

Второю, неоспоримо важною заслугою Погодина — сначала въ научномъ, а затѣмъ и въ политическомъ отношеніи — служить его посредничество между нами и родственными намъ племенами. Онъ отправился за-границу въ 1835 году, когда у западныхъ славянъ возникло стремленіе къ народности въ литературѣ, наукѣ и политикѣ, познакомился съ главнѣйшими дѣятелями этого стремленія: Ганкой, Шафарикомъ, Юнгманомъ, Палацкимъ Караджичемъ, Копитаромъ, Бочекомъ, и по возвращеніи вошелъ въ близкія сношенія съ нѣкоторыми изъ нихъ. Результаты своей поѣздки онъ изложилъ съ кафедръ студентамъ, впервые услышавшимъ вышеозначенныя имена. Важнѣйшій результатъ заключался въ томъ неоспоримомъ положеніи, что общая исторія не можетъ быть безъ славянской, что славянство необходимо должно занять въ ней почетное мѣсто на ряду съ другими народами. Выбранный въ члены Россійской Академіи, Погодинъ предложилъ свое посредничество между нею и славянскими учеными, что особенно обрадовало Шафарика. Наконецъ, въ 1836 году, учреждена была въ нашихъ университетахъ особая кафедра славянскихъ нарѣчій. Это нововведеніе порадовало всѣхъ патріотовъ: „Россіи, какъ представительницѣ славянскаго міра, говорили они, „давно бы слѣдовало учредить эту кафедру.“ Надеждинъ видѣлъ въ этомъ новую эру для русскаго языка и русской литературы, перспективу для развитія русской народности, безъ которой нѣтъ ни истиннаго просвѣщенія, ни прочнаго величія для народа.

Осуждали Погодина за то, что онъ отъ главнаго, избраннаго имъ предмета — исторіи — отвлекался поэзіей, т. е. сочиненіемъ историческихъ драмъ и повѣстей изъ народнаго быта. Упрекъ, конечно, справедливый, но извиняемый тѣми похвалами и поощреніями, которыя онъ слышалъ съ разныхъ сторонъ. Дружественныя ему изданія, Молва и Телескопъ, видѣли въ „Мареѣ“ и „Борисѣ“ эру поэтическаго драматизированія исторіи, сообразно понятіямъ и требованіямъ современнаго просвѣщенія; С. Т. Аксаковъ считалъ „Мареу Посадницу“ такимъ сочиненіемъ, которому, несмотря на его недостатки, порадовался бы каждый благонамѣренный литераторъ и любитель словесности; наконецъ вотъ отзывъ Пушкина въ письмѣ къ автору: „ваша „Мареа“, вашъ „Петръ“ исполнены истинной

драматической силы". За повѣстями его раньше была признана вѣрность изображенія народнаго быта. Чего же больше?

Замѣтимъ, въ доказательство способности Погодина опѣивать произведенія поэзии, что онъ состоялъ въ числѣ первыхъ немногихъ москвичей, сразу признавшихъ талантъ Гоголя и предсказывавшихъ ему несомнѣнный успѣхъ. Большинство читателей, познакомясь не только съ „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки“, но и съ Арабесками и Миргородомъ, пришли въ недоумѣнне, къ какому роду сочиненій отнести ихъ и заслуживаютъ ли они похвалу или нѣтъ. Такъ ихъ поразила новизна, оригинальность нашего гениальнаго юмориста, совершенно непохожая на то, что они находили у предшествовавшихъ ему писателей. Прошло не мало времени до надлежащаго, твердо установившагося взгляда на сущность гениальнаго таланта. Въ Петербургѣ, трое журналистовъ: Гречъ, Булгаринъ и Сенковский называли Гоголя не иначе, какъ русскимъ Поль-де-Коккомъ. Въ Москвѣ, профессоръ русской словесности Давыдовъ также отзывался о немъ неодобрительно; когда онъ замѣтилъ удивленіе думавшихъ иначе, то онъ покрѣпилъ свой отзывъ ссылкой на мнѣніе министра Уварова: „и Сергій Семеновичъ тоже думаетъ“. Одна дама, изъ разряда *precieuses ridicules*, ядовито замѣтила, что въ сочиненіяхъ Гоголя выведены на сцену даже „тараканы“. При первомъ представленіи „Ревизора“ на московской сценѣ обнаружился колеблющійся взглядъ на комедію: зрители помирали со смѣху, но въ то же время слышались отзывы: какія глупости! Не такъ думалъ Погодинъ: „комедія Гоголя (говоритъ онъ) должна сдѣлать эпоху въ исторіи театра русскаго и возстановить его“.

О значеніи лекцій Погодина и объ отношеніи къ нему студентовъ имѣются разнорѣчивыя свидѣтельства, по обсужденіи которыхъ выгода оказывается на его сторонѣ. Вотъ что говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ: „Изъ профессоровъ того времени (тридцатыхъ годовъ) сильнѣе всѣхъ дѣйствовалъ не только на меня, но и на многихъ другихъ, Погодинъ. Мы чувствовали въ немъ самостоятельное направленіе мысли, согрѣтое глубокимъ сочувствіемъ къ русской жизни... Мы были наведены имъ на совершенно новое воззрѣніе — на русскую исторію и русскую жизнь вообще... До Погодина господствовало стремленіе отыскивать въ русской исторіи что-нибудь похожее на исторію народовъ западныхъ; сколько мнѣ извѣстно, Погодинъ первый убѣдилъ насъ въ необходимости разъясненія явленій русской

исторіи изъ нея самой". Дѣйствительно, въ этомъ взглядѣ Погодинъ былъ совершенный антиподъ И. И. Кирѣевского, утверждавшаго (въ первую половину своей литературной дѣятельности), что Россія должна все перенимать у иностранцевъ. Противоположный отзывъ исходитъ также отъ правдиваго чело-вѣка, К. С. Аксакова: „Молодые люди (студенты) были большею частью враждебно расположены къ нему (Погодину)". Но такая противоположность удовлетворительно разъясняется свидѣтельствами другихъ лицъ: Буслаева, Бестужева-Рюмина и самого Погодина. Первый заявляетъ: „Погодинъ видѣлъ въ старинѣ не одно отжившее, но и основу всему послѣдующему, видѣлъ въ ней живой принципъ и сѣмена для будущихъ начинаній и развитій; онъ постоянно боролся съ ложно понятымъ новаторствомъ и проповѣдывалъ консерватизмъ". Второй объясняетъ нерасположеніе студентовъ къ Шевыреву тѣмъ, что онъ усердно восхвалялъ древнюю Русь въ противоположность новой: „Въ наше время эта сторона дѣятельности возбудила бы большое сочувствіе, но не такъ было тогда". Ту же причину нерасположенія къ Шевыреву и къ себѣ самому видитъ и Погодинъ, называя ее *политическимъ направленіемъ*, которое начало обнаруживаться въ московскихъ кружкахъ. Вотъ его объясненіе: „Шевыревъ думалъ только о наукѣ и искусствѣ, а для передовой молодежи важнѣе всего была политика, и такъ произошло раздѣленіе лагерей. И мы занимались политическими вопросами, но совершенно въ другомъ родѣ... Мы обращались преимущественно къ прошедшему, а противники наши къ будущему". Подъ противниками разумѣются и профессора другаго лагеря, и студенты, стоявшіе на сторонѣ этихъ профессоровъ. Иначе: студенты принадлежали къ западникамъ; ихъ любимцемъ былъ Грановскій. Когда онъ защищалъ диссертацию на званіе доктора, то возраженія Шевырева были постоянно заглушаемы шиканьемъ. Съ Погодинымъ, сколько извѣстно, такого пассажа не случалось. Его рѣчи на торжественные случаи, напримѣръ: „О значеніи русскихъ университетовъ", и другія, были выслушиваемы со вниманіемъ и покрываемы дружными рукоплесканіями. Но, такъ или иначе, а замѣчаніе К. Н. Бестужева-Рюмина справедливо: „дѣятельность Шевырева, равно какъ и Погодина, въ наше время возбудила бы большое сочувствіе"; иначе: что тогда было не въ авантажѣ, то теперь считалось бы побѣдой.

Погодинъ сочувственно отзывался на всѣ мѣры и дѣйствія,

которыя, по его взгляду, вели къ водворенію въ нашемъ отечествѣ истиннаго, самобытнаго просвѣщенія и къ прочному усиленію его политическаго могущества. Онъ неуклонно проповѣдывалъ три начала, положенныя въ основу чисто-русскаго воспитанія юношества: *православіе, самодержавіе и народность*. Трудно исчислить всѣ лица, съ которыми онъ, по своей природной общительности и въ ожиданіи отъ нихъ будущихъ благъ для науки, завязывалъ знакомство, а нерѣдко и дружескія связи. Какъ прежде онъ уцѣпился за Венелина, историка болгаръ, такъ теперь радовался труду Андросова: „Статистическая записка о Москвѣ“, предполагая въ авторѣ чловека, способнаго занять кеедру статистики въ Московскомъ университетѣ. Правда, онъ иногда расплачивался за свои преждевременныя лестныя ожиданія, но онъ не падалъ духомъ, зная, что *errare humanum est*. Съ какимъ удовольствіемъ думалъ онъ заманить Рожалина на кеедру классической словесности и съ какою радостью увидѣлъ своего друга и сотрудника Шевырева на кеедрѣ словесности отечественной! По любознательности онъ принималъ искреннее участіе въ научныхъ трудахъ даже неизвѣстныхъ ему лицъ: такъ онъ выразилъ искреннее сочувствіе къ книгѣ священника Сидонскаго (Введеніе въ науку философіи), произведшей въ свое время значительную сенсацію. Профессора, литераторы и другія замѣчательныя личности находили въ его домѣ радушный приѣмъ. Гоголь былъ у него какъ свой. Можно сказать безъ преувеличенія, что его всѣ знали въ учено-литературномъ мірѣ, какъ и онъ зналъ всѣхъ литераторовъ и ученыхъ своего времени. Многіе изъ этихъ лицъ и выступаютъ въ талантливомъ, не теряющемъ своего интереса, повѣствованіи г. Барсукова. Повторяю сказанное мною при отчетѣ о первыхъ двухъ книгахъ: „біографія Погодина есть вмѣстѣ и исторія научнаго и литературнаго движенія нашего въ его время“.

А. ГАЛАХОВЪ.

„Легенда о Великомъ Инквизиторѣ“, Ф. М. Достоевскаго ¹⁾.

(Окончаніе).

XV.

Тонкая, искусительная и могучая діалектика его такъ и начинается, какъ она должна была начаться: онъ называется „клеветникомъ“ — съ клеветы на человѣка и начинается его рѣчь.

Человѣческая природа—есть ли въ основѣ своей добрая и только искажена при внесенномъ зломъ, или она отъ начала злая и только бессильно стремится подняться къ чему-то лучшему—вотъ затрудненіе, рѣшивъ которое въ одну сторону, онъ основалъ на немъ всю свою мысль. Человѣкъ померкающая ли искра, или онъ—холодный пепель, который можно только зажечь со стороны, что такое онъ въ сокровенной своей сущности—вотъ на что мы должны отвѣтить, прежде чѣмъ рѣшимся бороться съ ней далѣе.

Только разъ дрогнула его рѣчь, только однажды онъ оговорился, это—когда замѣтилъ, что за тѣмъ, кто поманить человѣка истиной, онъ побѣжитъ, бросивъ даже и „хлѣбы“. „Въ этомъ Ты былъ правъ“, оговорился онъ. Въ мимолетномъ смущеніи этомъ не раскрылась ли, чтобы вновь закрыться, настоящая истина? и если да, существуютъ ли какіе-нибудь способы вывести ее къ свѣту нашего яснаго сознанія?

Искусительно развивается его діалектика: онъ беретъ самое важное—отношеніе и человѣка къ Богу, и этимъ отношеніемъ измѣряетъ низость и постоянство его паденія. Стоя передъ ликомъ Бога, между Нимъ и человѣчествомъ въ его ты-

---

¹⁾ См. „Русск. Вѣстн.“, кн. 3.

святѣлѣтнихъ судьбахъ, онъ указываетъ на Его святой образъ и, показавъ, что даже и надъ Нимъ стѣмѣлъ надругаться человекъ, спрашиваетъ о мѣрѣ его истиннаго достоинства. Кажется, что защищать себя — значитъ здѣсь не чувствовать святости образа, уже одною попыткою къ оправданію — лишаться всякаго на него права; какъ, подобнымъ же образомъ, ранѣе одна попытка не отказаться отъ правосудія Божія казалась ужасающимъ оскорбленіемъ для безвинно страдающихъ въ родѣ людскомъ. Чудная, въ самомъ дѣлѣ, рѣчь передъ нами: Божество и соединенный съ Нимъ человекъ непреодолимо разъединяются, и всякое усиліе помѣшать ему кажется возстаніемъ именно противъ Божества или противъ самого человека.

Но фактами временнаго отпаденія человека отъ Бога нельзя разрѣшить вопроса о добрѣ или злѣ, заложеномъ какъ основа въ его природу. Развѣ не столько же есть фактовъ неудержимаго влеченія человека къ Богу? Развѣ тѣ мученики, которыхъ наказаніе своего монолога сжегъ инквизиторъ, не горѣли за то самое, что не преклонились передъ его бѣсовскою мыслью? Я до конца сохранили вѣрность истинѣ? Развѣ рыданія, которыя раздались въ народѣ, когда ему почудилось, что „Онъ, Онъ самъ сошелъ къ нимъ“ увидѣтъ ихъ горести и страданія, ничего не говорятъ намъ о человѣческомъ сердцѣ? Развѣ пятнадцать вѣковъ не колеблющагося ожиданія ничего не значатъ? Кто смѣетъ, взявъ минуты человѣческаго паденія, даже еслибы онѣ тянулись вѣка, скажемъ яснѣе, прямо отвѣчая на скрытый вопросъ автора: кто можетъ, вида паденіе и низость своего вѣка и негодованіе возводя въ право, сказать клевету на всю человѣческую исторію и отвергнуть, что въ цѣломъ своемъ она есть чудное и высокое проявленіе если не человѣческой мудрости (въ чемъ можно сомнѣваться), то безкорыстнаго стремленія къ истинѣ и безсилнаго желанія осуществить какую-то правду?

Но и фактами высоты человѣческаго духа, какъ бы много ихъ ни было набрано, можно только поколебать доказывающее значеніе обратныхъ фактовъ, но вовсе нельзя разрѣшить вопроса, какова именно природа человека, къ которой какъ къ узлу своему восходятъ эти ряды столь противоположныхъ взаимно отрицающихъ другъ друга явленій.

Есть иной и твердый способъ, могущій пролить самый отчетливый свѣтъ на это затрудненіе, отъ рѣшенія котораго въ

ту или другую сторону зависить такъ много нашихъ надеждъ и вѣрованій. Устраняя смѣшанные и противорѣчивые факты исторіи, какъ бы снимая наростъ ихъ съ человѣка, можно взять его природу въ ея первоизданной чистотѣ и опредѣлить ея необходимое соотношеніе съ вѣчными идеалами, стремленіе къ которымъ никогда не можетъ быть заподозрѣно: съ истинною, съ добромъ и свободою.

Въ сознаніи человѣка что предшествовало одно другому—ложь правды или правда лжи? вотъ простой вопросъ, отвѣтъ на который кладетъ начало неодолимому разрѣшенію и общаго вопроса о всей человѣческой природѣ. Мы не можемъ здѣсь колебаться: ложь сама по себѣ есть нѣчто вторичное, она есть нарушенная правда, я ясно, что прежде, нежели нарушаться, правда уже должна существовать. Она есть, такимъ образомъ, первоизданное, отъ начала родившееся; ложь же есть прившедшее, появившееся потомъ. Ея происхожденіе—все въ исторіи; происхожденіе же правды въ самомъ человѣкѣ. Она исходитъ изъ него, и вѣчно исходила бы одна, еслибы на пути своемъ онъ не встрѣчалъ препятствій, отклоняющихъ его отъ нея. Но это показываетъ только, что причина всякой лжи лежитъ внѣ его. Первое движеніе человѣка всегда есть движеніе къ истинѣ, и мы не можемъ представить себѣ пнаго, если онъ свободенъ, т. е. чистъ отъ всякихъ привходящихъ вліяній, дѣйствуетъ въ силу одного устройства своихъ способностей. Можемъ ли мы представить себѣ, чтобы первый человѣкъ, взглянувъ на міръ, окружающій его, и почувствовавъ первый восторгъ въ себѣ, сказалъ ложь объ этомъ мірѣ: притворился, что онъ не видитъ его, или, подавивъ въ себѣ чувство благоговѣнія, сказалъ, что онъ ощущаетъ гадливость. И также всякій разъ, когда человѣкъ не боится, не достигаетъ, когда какое стороннее желаніе не отвлекаетъ его отъ простаго созерцанія—не произноситъ ли онъ объ этомъ совершаемомъ одной истинны? И когда подъ вліяніемъ страха или повинуюсь какому-нибудь влеченію, онъ произноситъ ложь, развѣ онъ не ощущаетъ всякій разъ нѣкотораго страданія, нѣкоторой внутренней боли, происходящей отъ того, что его мысль на пути къ своему вѣншему выраженію подверглась нѣкоторому искажающему вліянію? Развѣ, чтобы произвести его въ себѣ, чтобы нѣчто подавить въ истинѣ или прибавить къ ней, не требуется всякій разъ нѣкоторое усиліе, и зачѣмъ было бы оно, еслибы уже отъ

начала человѣческая природа была также склонна ко лжи, какъ и къ истинѣ?

И такъ, между разумомъ человѣка съ одной стороны, и между истинною какъ вѣчно достигаемымъ объектомъ—съ другой, существуетъ не простое отношеніе, но *соотношеніе*. Вторая также неощутимо предустановлена въ первомъ, какъ для линіи, къ которой склонилась другая линія, неощутимо предустановлена точка далекаго соединенія съ ней. Ложь и заблужденіе, т. е. зло, есть только препятствіе къ этому соединенію или отклоненіе отъ него, но оно не есть нѣчто самостоятельное, въ самомъ себѣ замкнутое или цѣльное, что разрывалось бы истинной. Истина бевотнositельна; это есть простое и нормальное взаимодѣйствіе между разумомъ человѣка и міромъ, въ которомъ живетъ онъ; напротивъ, ложь всегда относительна и частична,—именно она относится къ какой-нибудь частной мысли, правильность которой нарушаетъ. Поэтому какъ міръ цѣленъ, такъ можетъ быть цѣльное міросозерцанье, т. е. система гармонически соединенныхъ истинъ; напротивъ, ложь не можетъ быть устроена ни въ какую систему, и особенно въ такую, въ которой и принципы построенія были бы ложны. При всякой попыткѣ создавать непремѣнно ложныя мысли и непремѣнно ложно же соединять ихъ, разумъ почувствуетъ нестерпимое страданіе, и даже заглушая его—все-таки не достигнетъ своей цѣли, гдѣ-нибудь въ построеніе введетъ невольнo правильность; напротивъ, созданіе истинныхъ мыслей и соединеніе ихъ въ правильную систему всегда доставляло и доставляетъ разуму величайшее наслажденіе, и оно тѣмъ выше становится, чѣмъ ближе строяемое имъ къ чистой и безупречной истинѣ. Это страданіе и это наслажденіе есть показатель истинной природы человѣка; они опредѣляютъ ее какъ благою, но только въ первозданномъ состояніи; напротивъ, какъ измѣнившуюся въ исторіи, они показываютъ ее померкнувшей.

Вотъ почему если въ наукѣ или философіи мы иногда находимъ какъ будто нѣчто злое, чему непреодолимо противится наша природа, мы можемъ безъ предварительнаго изслѣдованія думать, что та часть ея, которая вызываетъ подобное смущеніе, содержитъ въ себѣ нѣчто ложное. И болѣе внимательное изученіе этой части, изученіе способа ея происхожденія всегда и навѣрное откроетъ, что подъ нею лежитъ не чистая мысль, но мысль, искаженная какимъ-нибудь прившедшимъ чувствомъ, какимъ-нибудь страхомъ или влеченіемъ. Такъ въ упомянутомъ

выше законѣ Мальтуса истинна только основа его, что въ *нѣкоторыхъ* времена количество народонаселенія увеличивается въ геометрической прогрессіи, а количество продуктовъ производимыхъ—въ ариметической; но совершенно ложно противоестественное требованіе, будто-бы рабочіе классы должны воздерживаться отъ браковъ. Подъ этимъ требованіемъ лежитъ забота, какъ бы роскошествующіе не потеряли права на роскошь, и страхъ, какъ бы бѣдные не начали, наконецъ, умирать съ голоду. О первой можно сказать, что она суетна, о второмъ—что онъ поспѣшенъ, потому что иные и болѣе глубокіе законы, законы рождаемости, очевидно оберегаютъ людей отъ подобнаго бѣдствія, и хотя историческаго времени прошло уже достаточно, чтобы законъ Мальтуса началъ дѣйствовать, однако никогда и нигдѣ еще родители не начинали пожирать дѣтей своихъ, ни оставались безбрачными, но всегда и всюду находили пищу себѣ и дѣтямъ своимъ.

Чистая же мысль, въ абстрактной своей дѣятельности, можетъ создавать только благое, и всякая наука и философія, насколько онѣ не измѣняютъ природѣ своей, благи и совершенны передъ человѣкомъ и передъ Богомъ. Смѣшеніе областей мышленія и чувства, искаженіе первой вторымъ или втораго первымъ порождаетъ все зло, какое когда-либо могло поднимать ропотъ даже и на свою природу, сѣтовать на слишкомъ большую глубину сознанія или на неудержимость страстей своихъ.

Напротивъ, когда области эти не извращены вмѣшательствомъ другъ друга, онѣ являются намъ какъ чистыя и отъ зла. Разсмотрѣвъ первую изъ нихъ, область мышленія, мы перейдемъ ко второй.

Чувство въ первоначальной природѣ своей стремится ли къ добруму и причиняетъ его, или оно стремится къ злему и ищетъ его, вотъ вопросъ, отвѣтъ на который предложить начатое нами обнаруженіе первозданной природы человѣка. И здѣсь, опять, разрѣшеніе затрудненія не можетъ возбуждать колебаній. Жажда причинить другому зло есть всегда отвѣтная, и она вызывается уже страданіемъ, перенесеннымъ отъ другаго. Такимъ образомъ характеръ дурнаго чувства такъ же необходимо вториченъ и произведенъ, какъ и характеръ лжи. Какъ невозможно представить себѣ, чтобы первый человѣкъ, взглянувъ на природу, солгалъ о ней, такъ нельзя допустить, чтобы тотъ же первый человѣкъ, ощутивъ около себя втораго и уже какимъ-нибудь образомъ узнавъ, что такое боль и страданіе, за-

хотѣлъ бы его подвергнуть имъ; чтобы онъ не оттолкнулъ его отъ дерева, которое грозитъ его задавить. не предупредилъ бы его о глубинѣ воды, въ которой самъ разъ тонулъ, или не позвалъ къ себѣ подъ одинокій кустъ во время палящаго зноя полудня. И повсюду, какъ въ этихъ примѣрахъ, разъ мы найдемъ человѣка не воспринявшимъ изъ окружающаго или изъ прошедшаго какого-нибудь зла, мы найдемъ его природу расположенною только къ добру. Оно есть первое, къ чему влечется человѣческое чувство, зло же всегда есть второе и приходящее извнѣ. Чувства внутренняго страданія или внутренней радости и здѣсь могутъ служить такими же вѣрными указателями истины, какъ и въ сферѣ сознанія. Первое смутно и непреодолимо овладѣваетъ человѣкомъ и возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ его душою овладѣваетъ зло; напротивъ, свѣтлая ясность сопровождаетъ благожелательную жизнь, какими бы физическими бѣдствіями она ни угнеталась. Страданіе здѣсь вытекаетъ изъ несоотвѣтствія зла съ человѣческой природою, а ясность духа — изъ ихъ гармоніи.

На отвѣтномъ происхожденіи всякаго зла основывается и глубокое ученіе о непротивленіи ему: дѣйствительно, насколько ученіе это выполняется, настолько выдѣляется, исчезая, изъ жизни зло. Удержаніе себя отъ того, чтобы отвѣчать на зло зломъ, подсѣкаетъ его въ корнѣ; оно утишаетъ въ отдѣльныхъ точкахъ ту взволнованность другъ за друга цѣпляющихся страстей, которою переполнена уже вся жизнь и оплетена воля каждой личности. Трудное въ началѣ и совершенно незамѣтное по своимъ послѣдствіямъ, оно съ каждымъ шагомъ дѣлается легче и его слѣдствія — ощутительнѣе. Страсти, переставая возбуждать другъ друга, постоянно утишаютъ, и каждое причиненное зло, не возбуждая никакого отвѣта, необходимо умираетъ. Для тѣхъ, кто привыкъ думать, что исторія и вся прелесть жизни состоитъ именно изъ игры страстей и что лучше уже переносить зло, нежели лишиться его свободной и обольстительной красоты, можно замѣтить, что радость ощущенія внутренней чистоты своей и ощущенія гармоніи со своимъ духомъ всей окружающей жизни съ избыткомъ вознаграждаетъ человѣческое сердце за то утраченное, чѣмъ такъ мучительно и слѣпо наслаждается оно теперь.

Относительно третьей стороны человѣческой природы, воли, вопросъ о ея первоначальной чистотѣ или испорченности разрѣшается изслѣдованіемъ: находится ли она въ соотвѣтствіи

съ послѣднимъ великимъ идеаломъ, къ которому можетъ стремиться человѣкъ—свободою. И здѣсь мысленный опытъ даетъ ясное разрѣшеніе. Свобода есть внѣшняя дѣятельность, соотвѣтствующая внутренней, и она является осуществленною вполнѣ, когда вторая безъ остатка есть слѣдствіе первой. Ясно, что еслибы человѣкъ могъ быть разобщеннымъ съ прошедшимъ и окружающимъ, его внѣшняя дѣятельность, которая однако должна имѣть свою причину, могла бы имѣть ее только во внутренней психической дѣятельности, т. е. его воля внѣ постороннихъ вліяній безусловно свободна. Въ дѣйствительности же, когда онъ соединенъ съ прошедшимъ и окружающимъ, его внѣшняя дѣятельность перестаетъ гармонировать съ внутреннею, и притомъ всегда въ той именно мѣрѣ, съ какою силою дѣйствуетъ на него внѣшность. Это значитъ, что умаленіе человѣческой свободы, ея подавленность или извращеніе идетъ не извнутри его природы, но извнѣ. Страданіе, которое всегда сопровождаетъ это чувство подавленности, и здѣсь указываетъ на истинный характеръ этой стороны человѣческаго духа.

Истина, добро и свобода суть вѣчные идеалы, къ осуществленію которыхъ направляется человѣческая природа въ главныхъ элементахъ своихъ—разумѣ, чувствѣ и волѣ. Между этими идеалами и первоначальнымъ устройствомъ человѣка есть соотвѣтствіе, въ силу котораго она неудержимо стремится къ нимъ. И такъ какъ идеалы эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны дурными, то и природа человѣческая въ своей первоначальной основѣ должна быть признана доброю, благою.

XVI.

Это и подкапываетъ основаніе діалектики инквизитора. „Иго мое благо и бремя мое легко“ (Мат., XI, 30), сказалъ Спаситель о своемъ ученіи. Дѣйствительно, исполненное высочайшей правды, призывая всѣхъ людей къ единенію въ любви, оставляя человѣку свободно слѣдовать лучшему, оно всѣмъ смысломъ своимъ отвѣчаетъ глубочайшимъ образомъ первоначальной природѣ человѣка и будить ее снова сквозь тысячелѣтній ѣхъ, который обременилъ ее игомъ тягостнымъ и ненавистнымъ. Покаяться и послѣдовать Спасителю—это и значитъ ять съ себя ненавистное иго; это значитъ почувствовать себя чь радостно и легко, какъ чувствовалъ себя человѣкъ въ чьй день своего творенія.

Здѣсь и лежитъ тайна нравственнаго перерожденія, совершаемая Христомъ въ каждомъ изъ насъ, когда мы обращаемся къ Нему всѣмъ сердцемъ. Нѣтъ инаго слова, какъ „свѣтъ“, „радость“, восторгъ“, которымъ можно бы было выразить это особенное состояніе, испытываемое истинными христіанами. Отъ этого-то уныніе признается церковью такимъ тяжкимъ грѣхомъ: оно есть внѣшняя печать удаленія отъ Бога, и что бы ни говорили уста человѣка, ему подпавшаго, его сердце далеко отъ Бога. Вотъ почему всякія утраты и всѣ внѣшнія бѣдствія для истиннаго христіанина и для общества людей, живущихъ по-христіански—тоже, что завыванія вѣтра для людей, сидящихъ въ крѣпкомъ, хорошо согрѣтомъ и свѣтломъ домѣ. Христіанское общество безсмертно, неразруσιμο,— настолько и до тѣхъ поръ, пока и въ какой мѣрѣ оно христіанское. Напротивъ, началами разрушенія проникнута бываетъ всякая жизнь, которая, ставъ однажды христіанскою, потомъ обратилась къ инымъ источникамъ бытія и жизни. Несмотря на внѣшніе успѣхи, при всей наружной мощи, она переполняется вѣяніемъ смерти, и это вѣяніе непреодолимо налагаетъ свою печать на всякій индивидуальный умъ, на каждую единичную совѣсть.

„Легенду объ Инквизиторѣ“, въ отношеніи къ исторіи, можно разсматривать какъ мощное и великое отраженіе этого особеннаго духа. Отсюда вся скорбь ея, отсюда—безпросвѣтннй сумракъ, который накидываетъ она на всю жизнь. Будь она истиною—человѣку невозможно было бы жить, ему оставалось бы, прозявша этотъ суровый приговоръ подъ собою—только умереть. Да этимъ отчаяніемъ она и кончается: можно представить себѣ тотъ ужасъ, когда человѣчество, наконецъ устроившееся во имя высшей истины, вдругъ узнаетъ, что въ основу устроенія его положенъ обманъ и что сдѣлано это потому, что нѣтъ вообще никакой истины, кромѣ той, что спастись все-таки нужно и спастись нечѣмъ. Въ сущности, смыслъ этого именно утвержденія и имѣютъ послѣднія слова инквизитора, которыя въ день страшнаго возстанія народовъ онъ готовится обратиться къ Христу: „суди меня, если можешь и смѣешь“. Сумракъ и отчаяніе здѣсь—сумракъ невѣдѣнія. „Кто я на землѣ и что такое эта земля и зачѣмъ все, что дѣлаю я и другіе“—вотъ слова, которыя слышатся сквозь „Легенду“. Это и высказано въ концѣ ея. На слова Алеши брату:

„твой инквизиторъ просто въ Бога не вѣруетъ“, тотъ отвѣчаетъ: „наконецъ-то ты догадался“.

Это и опредѣляетъ ея историческое положеніе: вотъ уже болѣе двухъ вѣковъ минуло, какъ великій завѣтъ Спасителя: „ищите прежде царствія Божія и все остальное приложится вамъ“—европейское человѣчество исполняетъ наоборотъ, хотя оно и продолжаетъ называться христіанскимъ. Нельзя и не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что въ основѣ этого лежитъ тайное, вслухъ невысказываемое сомнѣніе въ божественности самого завѣта: Богу вѣруютъ и повинуются Ему слѣпо. Это-то и не находимъ мы: интересы государства, даже успѣхи наукъ и искусствъ, наконецъ простое увеличеніе производительности—все это выдвигается впередъ безъ какой-либо мысли о противодѣйствіи имъ, и все, что есть въ жизни поверхъ этого—религія, нравственность, человѣческая совѣсть, все это клонится, раздвигается, давится этими интересами, которые признаны высшими для человѣчества. Великіе успѣхи Европы въ сферѣ внѣшней культуры всѣ объясняются этимъ измѣненіемъ: вниманіе къ внѣшнему, ставъ *безраздѣльнымъ*, естественно углубилось и утончилось; послѣдовали открытія, какихъ не предполагали прежде, настали изобрѣтенія, которыя справедливо вызываютъ изумленіе въ самыхъ изобрѣтателяхъ. Все это слишкомъ объяснимо, слишкомъ понятно, всего этого слѣдовало ожидать еще два вѣка назадъ. Но слишкомъ же понятно и другое, что съ этимъ неразъединимо слилось: постепенное затемнѣніе и наконецъ утрата высшаго смысла жизни.

Необозримое множество подробностей и отсутствіе среди ихъ чего-либо главнаго и связующаго—вотъ характерное отличіе европейской жизни, какъ она сложилась за два послѣдніе вѣка. Никакая общая мысль не связуетъ болѣе народовъ, никакое общее чувство не управляетъ ими,—каждый и во всякомъ народѣ трудится только надъ своимъ особымъ дѣломъ. Отсутствіе согласующаго центра въ неумолкающемъ трудѣ, въ вѣчномъ созиданіи частей, которыя никуда не устремляются, есть только наружное послѣдствіе этой утраты жизненнаго смысла. Другое и внутреннее его послѣдствіе заключается во всеобщемъ и неудержимомъ исчезновеніи интереса къ жизни. Величественный образъ Апокалипсиса, гдѣ говорится о „подобіи свѣтильника“, ниспадающемъ въ концѣ временъ на землю, отъ котораго „стали источники ея горьки“, гораздо болѣе, чѣмъ къ реформациі, примѣнимъ къ просвѣщенію новыхъ

*

вѣковъ. Результатъ столькихъ усилій самыхъ возвышенныхъ умовъ въ человѣчествѣ, оно никого болѣе не удовлетворяетъ, и всего менѣе тѣхъ, которые надъ нимъ трудятся. Какъ холоднаго пепла остается тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе и ярче горѣло пламя, такъ и это просвѣщеніе тѣмъ болѣе увеличиваетъ необъяснимую грусть, чѣмъ жаднѣе приникаешь къ нему въ началѣ. Отсюда глубокая печаль всей новой поэзіи, смѣняющаяся коншунствомъ или злобою, отсюда особенный характеръ господствующихъ философскихъ идей. Все сумрачное, безотрадное неудержимо влечетъ къ себѣ современное человечество, потому что нѣтъ болѣе радости въ его сердцѣ. Спокойствіе стариннаго разсказа, веселость прежней поэзіи, какую бы красотою это ни сопровождалось, не интересуетъ и не привлекаетъ болѣе никого: люди дико сторонятся отъ всего подобнаго, имъ невыносима дисгармонія свѣтлыхъ впечатлѣній, идущихъ снаружн, съ отсутствіемъ какого-либо свѣта въ ихъ собственной душѣ. И поодиначкѣ, злобно или насмѣшливо высказываясь, они оставляютъ жизнь. Наука опредѣляетъ цифры этихъ „оставляющихъ“, указываетъ, въ какихъ странахъ и когда онѣ повышаются и понижаются, а современный читатель, гдѣ-нибудь въ одинокомъ углу, невольно думаетъ про себя: „что въ томъ, что онѣ повышаются или понижаются, когда мнѣ нечѣмъ жить и никто не хочетъ или не можетъ дать мнѣ то, чѣмъ можно жить!“

Отсюда—обращеніе къ религіи, тревожное и тоскливое, съ пламенною ненавистью къ всему, что его задерживаетъ, и вмѣстѣ съ ощущеніемъ безсилія слиться въ религіозномъ настроеніи съ милліонами людей, которые остались въ сторонѣ отъ просвѣтительнаго движенія новыхъ вѣковъ. Пламенность и скептицизмъ, глухое отчаяніе и реторика словъ, которою за неизмѣнимъ лучшимъ заглушается потребность сердца—все удивительнымъ образомъ смѣшивается въ этихъ порывахъ къ религіи. Жизнь изсякаетъ въ своихъ источникахъ и распадается, выступаютъ непримиримыя противорѣчія въ исторіи и нестерпимый хаосъ въ единичной совѣсти,—и религія представляется, какъ послѣдній еще неиспытанный выходъ изъ всего этого. Но даръ религіознаго чувства пріобрѣтается, бы можетъ, труднѣе всѣхъ остальныхъ даровъ. Уже надежды есть безчисленные извивы діалектики подкрѣпляютъ ихъ; есть любовь, съ готовностью отдать все ближнему, за малѣйшу радость его пожертвовать всѣмъ счастьемъ своей жизни,

между тѣмъ вѣры нѣтъ, и все зданіе доказательствъ и чувствъ, нагроможденныхъ другъ на друга и взаимно скрѣпленныхъ, оказывается тѣмъ-то похожимъ на прекрасное жилище, въ которомъ некому обитать. Вѣка слишкомъ большой ясности въ понятіяхъ и отношеніяхъ, привычка и уже потребность вращаться сознаниемъ исключительно въ сферѣ доказуемаго и отчетливаго настолько истребила всякую способность мистическихъ воспріятій и ощущеній, что когда отъ нихъ зависить даже и спасеніе, она не пробуждается.

Всѣ отмѣченныя черты глубоко запечатлѣлись на „Легендѣ“: она есть единственный въ исторіи синтезъ самой пламенной жажды религіознаго съ совершенною неспособностью къ нему. вмѣстѣ съ этимъ въ ней мы находимъ глубокое сознаніе чело-вѣческой слабости, граничащее съ преврѣніемъ къ человѣку, и одновременно любовь къ нему, простирающуюся до готовности—оставить Бога и пойти раздѣлить униженіе человѣка, звѣрство и глупость, но вмѣстѣ и страданье.

Намъ остается отмѣтить еще послѣднюю черту этой „Легенды“: ея отношеніе къ великимъ формамъ, въ которыя уже вылилось религіозное сознаніе европейскихъ народовъ. Въ своемъ характерѣ, въ своемъ происхожденіи оно, это отношеніе, въ высшей степени независимо: очень похоже на то, что чело-вѣкъ, глубоко разошедшійся съ религіозными формами какого бы то ни было народа и какого бы то ни было времени, начинаеть тревогами своей совѣсти приводиться къ мысли о религіи и развиваетъ ее самостоятельно, исключительно изъ этихъ тревогъ. Строго говоря, въ ней только мелькаютъ имена христіанства и католицизма; но изъ перваго взято для критики только высокое понятіе о чело-вѣкѣ, а изъ втораго—преврѣніе въ нему и страшная попытка сковать его судьбы и волю индивидуальною мудростью и силой. Съ большею силою развивающаяся мысль, какъ будто почуявъ въ двухъ фактахъ исторіи что-то подобное себѣ, потянула ихъ въ себя, искажая и перемалывая ихъ въ оборотахъ діалектики, ничѣмъ кромѣ законовъ души, въ нѣдрахъ которой она зародилась, не управляемой.

Абстрактный, обобщающій складъ этой души сказался въ томъ, что „Легенда“ только опирается на внутреннія потребности чело-вѣческой природы, но отвѣчаетъ не имъ, а историческимъ противорѣчіямъ. Устроить судьбы чело-вѣчества на мнѣ, воспользовавшись слабостями чело-вѣка—вотъ ея замы-

селъ. И этою стороною своею она совпала съ тѣмъ, что можно было предполагать въ одной изъ установившихся формъ религіознаго сознанія, — въ римско-католической церкви. Отсюда фабула „Легенды“, канва, въ которую вотканы ея мысли. Но здѣсь, заговоривъ объ ея отношеніи къ предполагаемой католической идеѣ, мы должны высказать взглядъ вообще на взаимное соотношеніе трехъ главныхъ христіанскихъ церквей. Въ немъ откроется и окончательная точка зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на эту „Легенду“ въ ея цѣломъ.

XVII.

Стремленіе къ универсальному составляетъ самую общую и самую постоянную черту католической церкви, какъ стремленіе къ индивидуальному, особенному—коренную черту протестантизма. Но еслибы мы предположили, что эти въ основѣ своей различныя черты оригинальны въ самыхъ церквахъ, или что онѣ какимъ бы то ни было образомъ вытекаютъ изъ духа христіанства—мы глубоко ошиблись бы. Универсальность есть отличительная черта романскихъ расъ, какъ индивидуализмъ—германскихъ; и поѣтому только христіанство, распространяясь по западной Европѣ, восприняло эти особыя черты, встрѣтившись съ этими двумя противоположными типами народовъ. Что бы мы взяли, будемъ ли мы всматриваться въ одиночныя факты или въ общее теченіе исторіи, обратимся ли къ праву, къ наукѣ, къ религіи—всюду замѣтимъ мы, какъ управляющую идею, въ одномъ случаѣ направленіе къ всеобщему, въ другомъ—къ частному. Правовыя формулы древняго Рима, обстрактныя какъ и его боги, также годны для всякаго народа и для всякаго времени, какъ и принципы 89-го года, съ ихъ обращеніемъ къ человѣку, съ стремленіемъ утверждать на его правѣ и право француза. Исканіе всеобщаго съ увѣренностью подвести подъ него все частное слишкомъ ясно здѣсь сказывается. Философія Декарта, единственная великая у романскихъ расъ, также пытается свести все разнообразіе живой природы къ двумъ великимъ типамъ существованія—протяженію и мышленію, какъ Горацій и Буало пытались свести къ простымъ и яснымъ правиламъ порывы поэтическаго восторга, какъ Кювье свелъ къ вѣчнымъ немногимъ типамъ животный міръ и цѣлый рядъ великихъ математиковъ Франціи позна-

ніе природы свели къ познанію алгебры, найдя слишкомъ конкретными даже геометрическіе чертежи. Интересъ и влеченіе ко всеобщему и нѣкоторая слѣпота къ частному произвела воѣ эти великіе факты въ умственномъ мірѣ латинизированныхъ расъ; и имъ отвѣчаютъ не менѣе великіе факты политической исторіи. Жажда объединять, сперва охватывая и, наконецъ, стирая индивидуальное, есть неумирающая жажда Рима и всего, что выростаетъ изъ его почвы. Этотъ глубокій, бессознательный и неудержимый инстинктъ заставилъ римскіе легіоны, вопреки яснымъ расчетамъ, переходить изъ страны въ страну, дальше и дальше и, наконецъ, туда, куда не захватывалъ уже и глазъ и умъ; и онъ же повлекъ миссіонеровъ римскаго епископа сперва въ Германію и Англію, а нѣсколько вѣковъ спустя — въ далекія и неизвѣстныя страны центральной Африки, внутренняго Китая и дальней Японіи. Сама римская церковь, непреодолимо отвращаясь отъ всего частнаго, разбросаннаго и единичнаго, точно свертывалась въ великіе духовные ордена — явленіе, совершенно исключительное во всемірной исторіи, не связанное ни съ какою чертою христіанства и возникшее во всѣхъ своихъ разнообразныхъ формахъ и въ разныя времена на одной романской почвѣ. Какъ будто духъ монашества, духъ отшельничества и уединенія отъ міра, переселяясь на эту почву, пошелъ въ міръ, чтобы подчинить его своимъ требованіямъ, понятіямъ, формамъ своего воззрѣнія и своего быта. Въ то время, какъ аскеты всѣхъ странъ, временъ и народовъ, отвращаясь отъ грѣшнаго человѣчества, бѣжали отъ него въ пустыню и тамъ спасали себя, аскеты католической церкви, дружно соединяясь въ одно, шли на это самое человѣчество, чтобы привести его къ тому, о чемъ для себя однихъ они никогда не могли думать. Съ этимъ стремленіемъ къ универсальному неотдѣлимо слилось у романскихъ расъ непониманіе индивидуальнаго, какъ бы слѣпота къ нему, неспособность всмотрѣться въ его природу или пожалѣть его страданія. Слова римскаго легата, говорившаго воинамъ: „убивайте всѣхъ, Богъ на послѣднемъ судѣ отдѣлитъ католиковъ отъ еретиковъ“, были сказаны, быть можетъ, съ слишкомъ большою задумчивостью; по крайней мѣрѣ, по хроникамъ съ точностью извѣстно, что крестовое ополченіе, двинувшееся на Лангедокъ, было одушевлено такимъ высокимъ религіознымъ духомъ, оно было такъ серьезно, что всякое наше желаніе принять эти слова за циническое кощунство должно быть оставлено. Ученіе Каль-

вина, распространявшееся трудно по Франціи, грозило ей гораздо меньшимъ, чѣмъ Германіи пламя, зажженное Лютеромъ; и однако, Вареломеевская ночь вспыхнула именно въ ней. Члены одной и той же семьи истребляли другъ друга, чтобы были одинаковы французы; какъ три вѣка спустя, за другіе принципы и съ такою же жестокостью члены Конвента истребляли отличныхъ отъ себя людей во Франціи, а потомъ и въ вѣдрахъ своихъ, считая всякую тѣнь отличія въ убѣжденіяхъ, какъ преступленіе. Пренебреженіе къ человѣческой личности, слабый интересъ къ совѣсти другаго, насильственность къ человѣку, къ племени, къ міру есть коренное и неуничтожимое свойство романскихъ расъ, сказавшееся въ великихъ фактахъ римской имперіи, французской централизаціи, въ наступательныхъ войнахъ католической реакціи и первой революціи, въ орденѣ іезуитовъ, въ инквизиціи, въ социализмѣ¹⁾. Всегда и повсюду, съ крестомъ или съ пушками, подъ знаменами республики или подъ орлами Цезаря, во имя различныхъ истинъ въ разныя эпохи, народы, почуявшіе въ своихъ жилахъ римскую кровь, шли на другіе мирные народы, чтобы, не заглядывая глубоко въ ихъ духъ, заставить ихъ принять формы своего мышленія, своей вѣры, своего общественнаго устройства. Безжалостность къ человѣку и неспособность понять его вмѣстѣ съ великою способностью устройства человѣчества сдѣлала народы эти какъ бы цементомъ, связующимъ въ великое цѣлое другія части, иногда неизмѣримо болѣе цѣнныя, но всегда болѣе мелкія. Ничто, само по себѣ, великое, истинное или святое не произведено романскимъ геніемъ; кромѣ одного — связи между всѣмъ великимъ, истиннымъ и святымъ, что создано было другими народами, но почему оно и образуетъ въ цѣломъ своемъ исторію. Отсюда притягательная сила формъ всѣхъ романскихъ цивилизацій; отсюда лиризмъ, вѣчное устремленіе къ чему-то, которое насъ поражаетъ въ католи-

¹⁾ Разумѣемъ идеи Фурье, Сень-Симона, Кабе, Луи-Блана и др., въ которыхъ социализмъ зародился, какъ мечта, какъ страстное и тоскливое желаніе, прежде чѣмъ впоследствии сталъ обосновываться, оправдывая эту мечту, научно. Можно вообще замѣтить, что какъ республика Фабіевъ и имперія Августовъ была романскою попыткою объединить человѣчество правомъ, такъ католицизмъ былъ романскою же попыткою объединить его въ религіи, и социализмъ является стремленіемъ, задившимся также въ романскихъ расахъ, — объединить его на экономической основѣ. Изъ этого видно, какъ при измѣняющихся средствахъ имъ романскаго духа остается одна на протяжении двухъ тысячелѣтій:

ческой музыкѣ. Иные народы, хотя бы болѣе глубокие и содержательные, непреодолимо приковываются къ этимъ цивилизаціямъ, къ этой церкви, наукѣ, литературѣ; въ нихъ всѣхъ пробуждается тайный инстинктъ единства, и они съ тоскующимъ чувствомъ гасятъ свой высшій геній, и идутъ, и сливаются съ чуднымъ зданіемъ, вѣковѣчнымъ, все возрастающимъ, холоднымъ, но и прекраснымъ.

Духъ германской расы, наоборотъ, повсюду и всегда, что бы его ни занимало, устремляется къ частному, особенному, индивидуальному. Въ противоположность обнимающему взгляду романца, взглядъ германца есть проникающій. Отсюда всѣ особенности ихъ права, науки, церкви, поэзіи. Человѣческая совѣсть вмѣсто судебъ человѣчества, домашній бытъ взамѣнъ политическихъ столкновеній, созерцаніе глубинъ собственнаго я вмѣсто познанія міра—все это различныя послѣдствія одного факта. Можно считать за результаты великаго недоразумѣнія принадлежность германскихъ народовъ къ католической церкви, и она сохранялась столько вѣковъ потому лишь, что ни они не видѣли истинныхъ стремленій Рима, ни Римъ не всматривался слишкомъ подробно и близко въ то, что было за Альпами. Реформаціонное движеніе, обнимающее два вѣка и раздѣлившее Европу на два пышущіе враждою лагеря, было только обнаруженіемъ этого недоразумѣнія, удивительнымъ равно для обѣихъ сторонъ, съ тѣхъ поръ и навѣчно разошедшихся. Когда Лютеръ, бѣдный августинскій монахъ, забывъ о своемъ орденѣ, объ имперіи, о всемирной церкви, и только прислушиваясь къ тревогамъ своей совѣсти, твердо сказалъ, что онъ не признаетъ себя заблуждающимся, пока ему не докажутъ этого словомъ Божиимъ, — въ немъ, въ этомъ упорномъ противопоставленіи своего я всему міру, впервые высказалась германская сущность и стала твердымъ фактомъ въ исторіи, отнынѣ не покоряющимся, но покоряющимъ. Миръ религиозныхъ сектъ, отсюда выросшихъ, это странное исповѣданіе Бога по-своему чуть не въ каждой мѣстности, безъ какого-либо желанія согласовать свою вѣру съ вѣрою другихъ, есть въ сферѣ религіознаго сознанія то же, чѣмъ былъ ранѣе въ сферѣ общественно-политической феодализмъ, это другое странное желаніе дѣлать повсюду центромъ своихъ понятій и интересовъ личное я, какъ нѣчто безусловное, что ни съ чѣмъ не согласуется, но съ чѣмъ должно согласоваться все другое. Наконецъ, третій великій фактъ, внесенный германскою расою

въ исторію—ея особый способъ возрѣнія на природу, ея философія есть также только послѣдствіе этого направленія души. Какъ въ сферѣ религиозной, какъ въ сферѣ политической, такъ и здѣсь, въ умственной области, собственное я было признано высшими выразителями этой расы за источникъ нормъ, граней и связей, какія мы наблюдаемъ въ природѣ. И углубленное изученіе міра, которое для всѣхъ народовъ отъ начала исторіи было любопытнымъ разсматриваніемъ его и размышленіемъ о видѣнномъ, для ряда великихъ прозорливцевъ, начиная съ Канта, стало только познаніемъ сокровенныхъ движеній собственнаго внутренняго существа. „Разумъ диктуетъ свои законы природѣ“, „міръ есть мое представленіе“, онъ есть „развитіе идеи, мною сознанной“, всѣ эти слова, съ удивленіемъ выслушанныя и повторенныя Европою, такъ глубоко предопредѣлены особымъ психическимъ складомъ германской расы, что, думая о нихъ и длинномъ рядѣ доводовъ, на который они, повидимому безпристрастно, опираются, мы наконецъ совсѣмъ теряемъ границу между предметнымъ познаніемъ и субъективной иллюзіей, и спрашиваемъ: какія же есть средства для человѣка пробиться сквозь условія вѣка, мѣста и племени? и какъ, будучи столь связанъ даже этими условіями, онъ могъ когда-нибудь надѣяться переступить даже черезъ условія своей человѣческой организаціи и достигнуть знанія абсолютнаго по полнотѣ и истинности?

И что бы другое, болѣе мелкое, мы ни взяли, мы повсюду отмѣтимъ на немъ то же тяготѣніе германскаго духа къ частному. Его поэзія, въ противоположность героической поэзіи романскихъ народовъ, избрала предметомъ своимъ міръ частныхъ отношеній, семью вмѣсто форума, сердце простаго бюргера вмѣстѣ высокаго долга и сложныхъ заботъ короля, завоевателя или ихъ совѣтниковъ. Мѣщанская драма, нравоописательный романъ, и къ нимъ примыкающая дѣятельность Лессинга и Аддисона, наконецъ, даже Гёте, съ міромъ неопредѣленныхъ внутреннихъ тревогъ своего Фауста—все это, на чемъ мы хотѣли бы видѣть печать личнаго генія, носитъ на себѣ только печать генія своего народа. Пониманіе индивидуальнаго въ правѣ создало въ далекомъ сумракѣ среднихъ вѣковъ судъ 12 присяжниковъ, которые выносятъ приговоръ изъ глубины своей совѣсти, а не находятъ его въ заранѣе предустановленной нормѣ: общаго для всѣхъ случаевъ закона. Оно же непреодолимо отвращаетъ англійскій народъ отъ кодификаціи

законовъ своихъ, растянувшихся на тысячелѣтіе, и вызвало глубокомысленныя изслѣдованія нѣмецкихъ ученыхъ надъ правомъ средневѣковымъ, надъ историческимъ его развитіемъ, наконецъ, надъ правомъ всѣхъ народовъ, гдѣ на ряду съ самымъ высокимъ внимательно обсуждается и самое первобытное. Слова великаго Гердера, что каждое время и каждое мѣсто живетъ для себя самого, открыли истинную эру въ пониманіи исторіи, указавъ на міръ индивидуальнаго и своеобразнаго, который долженъ быть познанъ въ ней. И какъ удивительно этимъ словамъ, обнимающимъ смыслъ того, что жило и умерло, отвѣчаютъ слова другаго мыслителя Германіи, обращенныя къ совѣсти всего живаго: смотри на всякаго себѣ подобнаго какъ на цѣль, которая никогда не можетъ быть средствомъ. Это царство цѣлей, для себя существующихъ, эта нравственная монадологія Канта въ какой живой связи находится съ идеями Лейбница, и весь онъ, этотъ германскій міръ, точно распавшійся на мириады средоточій, изъ которыхъ каждое только чувствуетъ себя и черезъ себя все познаетъ, всему вѣруетъ, на все дѣйствуетъ,—какъ удивительно этотъ міръ соотвѣтствуетъ тому другому міру, о которомъ мы говорили ранѣе, что онъ обнимаетъ, господствуетъ, опредѣляетъ формы, но безсиленъ создать какое-нибудь содержаніе. Точно эти двѣ противоположныя и несоотвѣтствующія одна другой расы отражаютъ края какой-то великой ступни, которой движенія дѣлаютъ исторію, влекутъ вѣка и раздѣляютъ народы, въ своемъ свободномъ геніи лишь отпечатлѣвающіе волю инаго чего-то и высшаго, въ чью мысль прозрѣть имъ никогда не суждено.

Безбрежный мистицизмъ протестантства, жажда валить подвигомъ гдѣ-нибудь среди дикарей великую грусть своего сердца также чувствуется въ германской расѣ, какъ тоскующее желаніе въ звукахъ романской музыки, ея поэзіи, въ неустанной дѣятельности ея великихъ политиковъ. Непреодолимо разъединенныя и вѣчно ощущающія недостатокъ другаго, онѣ полны внутренней дисгармоніи и эту дисгармонію изъ глубины своего духа вносятъ въ жизнь и въ исторію, которую создаютъ. Ихъ вѣчная борьба и неустанное созиданіе есть только борьба противоположностей, которыя никогда не могутъ понять другъ-друга, и подготовленіе формы и содержанія, которыя не сливаются въ живое цѣлое. Отсюда чувство неудовлетворенности, разлитое по всей исторіи, вѣчное достиганіе и недовольство всѣмъ достигнутымъ.

XVIII.

Внесеніе гармоніи въ жизнь и въ исторію, соединеніе красокъ и полотна въ живую картину—вотъ что не выполнено человѣкомъ на землѣ и чего такъ страшно недостаетъ ему. Недостаетъ „пальмовыхъ вѣтвей“ и „бѣлыхъ одеждъ“, внутреннего мира и радости, чтобы благословить Бога, свою судьбу, благословить другъ-друга и всякое дѣло рукъ своихъ.

Какимъ внутреннимъ движеніемъ совершится это, какъ ощутится тотъ восторгъ души, котораго хватить на утоленіе всякой скорби, на примиреніе всякой ненависти, этого мы не можемъ знать. Мы можемъ только жадать и ожидать этого, да уже и жаждаютъ, и ожидаютъ всѣ народы, какъ чего-то должнаго и необходимаго.

Раса, послѣднюю выступившая на историческое поприще, къ которой принадлежимъ и мы, въ особенностяхъ своего психическаго склада несетъ наибольшую способность выполнить эту великую задачу. Одинаково чуждая стремленія какъ къ внѣшнему объединенію разнородныхъ элементовъ, такъ и къ безграничному уединенію cadaго элемента внутри себя—она исполнена ясности, гармоніи, влеченія къ внутреннему согласованію какъ себя со всѣмъ окружающимъ, такъ и всего окружающаго между собою черезъ себя. Взаимны насильственнаго стремленія романскихъ расъ все соединить единствомъ формы, не заглядывая въ индивидуальный духъ и не щадя его, и взаимны упорнаго стремленія германскихъ расъ отъединиться отъ цѣлаго и уйти въ нескончаемый міръ подробностей,—раса славянская входитъ какъ внутреннее единство въ самыя разнообразныя и, повидимому, непримиримыя противоположности. Духъ состраданія и терпимости, которому нѣтъ конца, и одновременно, отвращеніе ко всему хаотичному и сумрачному заставляетъ ее, безъ какой-либо насильственности, медленно, но и вѣчно созидать ту гармонію, которая почувствуется же когда-нибудь и другими народами и вмѣсто того, чтобы, губя себя, разрушать ее, они подчинятся ея духу и пойдутъ, утомленные, ей навстрѣчу.

Сознаніе недостаточности тѣхъ идеаловъ, которые преслѣдуются другими расами, всего болѣе можетъ сосредоточить наши силы на собственномъ. Мы должны, наконецъ, понять,

что все неисчислимое страданіе, которое несетъ человѣкъ въ исторіи и благословляетъ его, потому-что оно дало ему будто-бы „познаніе добра и зла“, въ дѣйствительности несется все-таки напрасно, и онъ такъ же далекъ отъ этого познанія, какъ и тогда, когда впервые протянулъ къ нему руку. Непереступаемыя границы, которыми опредѣленъ онъ и связанъ, даютъ ему только просвѣтъ къ этому познанію, тревожащій его и дразнящій, но черезъ который никогда не суждено ему взглянуть прямо на солнце правды. И мы должны также понять, что неустанное стремленіе „соединить разсыпавшееся стадо“ человѣчества только раздѣлило его непримиримою враждою, и она всегда становилась тѣмъ яростнѣй, чѣмъ страстнѣе и насильственнѣе были самыя попытки къ соединенію. Понявъ это, мы сознаемъ, какъ обманчиво то величіе, къ которому влекся человѣкъ въ своей исторіи. Смиривъ свой духъ, мы увидимъ, что его задача на землѣ ограничена. Переставъ вѣчно обращаться мыслью и желаніемъ къ чему-то далекому, мы снова почувствуемъ полноту силъ, возвратившихся къ намъ изъ бесплоднаго скитанія. И мы поймемъ, какъ только произойдетъ это, высоту тѣхъ задачъ, которыя ранѣе казались намъ такъ незначительными и неинтересными. Мы поймемъ, что успокоить одно встревоженное сердце, утолить чью-нибудь тоску—это больше и выше, нежели сдѣлать самое блестящее открытіе или удивить міръ ненужнымъ подвигомъ. Подвиги наши станутъ къ намъ близки, они съедутся къ утишенію той скорби, которою залилъ себя міръ въ своихъ бесплодныхъ стремленіяхъ. И одновременно съ тѣмъ, какъ покорится наша гордость, возрастетъ наше истинное достоинство. Понявъ безсиліе своихъ силъ передъ великими дѣлами, мы перестанемъ бросать человѣческую личность къ подножію ихъ. Мы не будемъ болѣе громоздить страданіе на страданіе, чтобы подняться на высоту, откуда насъ видѣли бы самыя далекіе народы и будущія времена. Мы поймемъ абсолютную значительность человѣка, поймемъ, что радость и свѣтъ въ его сердцѣ, на каждомъ отдѣльномъ лицѣ—есть высшее, лучшее и драгоцѣннѣйшее въ исторіи.

Осуществленіе и развитіе этой гармоніи въ жизни вовсе не создается какъ высшая задача человѣка на землѣ. Долго еще не „перекуются мечи на орала“, и конечно перекуются они силою внутренней радости, а не путемъ внѣшняго логическаго сознанія. Послѣднее, даже и предпочитая орала, предварительно

надѣлаетъ мечей, чтобы ими погнать людей къ ораламъ. Но не будемъ обращаться къ тревожнымъ мыслямъ—онѣ исчерпаны „Легендою“. Мы же, ища, чѣмъ побороть ихъ, обратимся къ разсмотрѣнію третьей великой вѣтви, на которую распался христіанскій міръ.

Какъ католицизмъ есть романское пониманіе христіанства и протестантизмъ — германское, такъ православіе есть его славянское пониманіе. Хотя корни его держатся въ греческой почвѣ, и на этой же почвѣ сложились его догматы, но весь тотъ особенный духъ, которымъ оно свѣтится въ исторіи, живо отражаетъ на себѣ черты славянской расы. И онъ-то именно значущъ въ историческихъ судьбахъ народовъ, а не догматическія различія, которыя повидимому одни раздѣляютъ церкви и кажутся такъ легко устранимыми. Безъ сомнѣнія, не *filioque* вызвало инквизицію, хотя инквизиція была только тамъ, гдѣ и *filioque*. Догматическая разница совпала съ характеромъ, съ направленіемъ и духомъ, который не имѣетъ никакой связи съ нею и вытекаетъ исключительно изъ расовыхъ особенностей романскаго племени. И еслибы этой разницы не было, можно быть увѣреннымъ, что народы германскіе и славянскіе все равно неудержимо разошлись бы въ пониманіи христіанства и его практикѣ съ народами романскими, и, потомъ, разошлись бы еще между собой. И теперь потому такъ упорно каждая церковь противится сліянію съ которою-нибудь другой, что въ сущности не въ догматахъ только, но во всемъ своемъ внутреннемъ сложѣніи, въ каждой чертѣ своего характера, она есть нѣчто глубоко своеобразное и совершенно особенное отъ прочихъ церквей. И это потому, что жизнь, которая бьется въ нихъ, бьется въ каждой по особому типу.

И однако одно Евангеліе и одинъ духъ свѣтится въ немъ. Если мы захотимъ себѣ дать отчетъ, который же изъ трехъ типовъ жизни соотвѣтствуетъ ему, мы непреодолимо и невольно должны будемъ сказать, что это—духъ православія. Когда намъ будутъ указывать на неизъяснимое величіе католицизма, на безбрежность мысли, заложенной въ немъ, которую онъ увидитъ и обоснованъ съ сѣдой схоластики и до нашихъ дней,—мы согласимся со всѣмъ этимъ и признаемъ также, что ничего подобнаго нѣтъ въ нашей церкви и ея исторіи. Если намъ будутъ указывать на всѣ плоды протестантизма: на эту богобоязненность жизни, на свободу критики въ немъ и высокое просвѣщеніе, которое отсюда вытекло—мы скажемъ, что все это видимъ и никогда не

закрывали на это глаза. Мы спросимъ только: но христіанство, но духъ евангельскій, но то, чему учили насъ словомъ и жизнью Спаситель? Ничего нѣтъ у насъ, ни высокихъ подвиговъ, ни блеска завоеваній умственныхъ, ни замысловъ направить пути исторіи. Но вотъ передъ вами бѣдная церковь, вокругъ разсѣянные около нея группирующіеся домики. Войдите въ нее и прислушайтесь къ нестройному пѣнію дьячка и какого-то мальчика, Богъ знаетъ откуда приходящаго помогать ему. Сѣдой высокій священникъ служитъ всенощную. Посреди церкви, на аналоѣ, лежитъ образъ, и неторопливо тянутся къ нему изъ своихъ угловъ нѣсколько стариковъ и старухъ. Всмотритесь въ лица всѣхъ этихъ людей, прислушайтесь къ голосу ихъ. Вы увидите, что то, что уже утеряно всюду, что не приходитъ на помощь любви и не укрѣпляетъ надежду— *вѣра* живетъ въ этихъ людяхъ. То сокровище, безъ котораго неудержимо изсякаетъ жизнь, котораго не находятъ мудрые, которое убѣгаетъ отъ бессильно жаждущихъ и гибнущихъ— оно свѣтится въ этихъ простыхъ сердцахъ, и тѣ страшныя мысли, которыя смущаютъ насъ и тяготятъ міръ, очевидно никогда не тревожатъ ихъ умъ и совѣсть. Они имѣютъ вѣру, и съ нею надѣются, при ея помощи любятъ. Что въ томъ, что дьячекъ невнятно читаетъ на клиросѣ молитвы: во онъ вѣритъ смыслу ихъ, и тѣ, которые слушаютъ его, нисколько не сомнѣваются, что за этотъ смыслъ онъ умретъ, если будетъ нужно, и увидетъ царство небесное; какъ и всѣ они умрутъ и по дѣламъ своимъ примутъ мзду, къ которой готовятся.

Съ этимъ покоемъ сердца, съ этою твердостью жизни могутъ ли сравниться экзальтація протестантизма и всемірные замыслы великой и гибнущей церкви? Уныніе въ первомъ, тоскующее желаніе во второй не есть ли симптомы утраты чего-то, безъ чего храмъ остается только зданіемъ и толпа молящихся—только собравшаяся толпою? И весь блескъ искусствъ, которымъ они окружаютъ себя, эта несравненная живопись, эта влекущая музыка, эти величественные каедралы—не вытекаетъ ли все это изъ желанія пробудить въ себѣ то, что въ тѣхъ бѣдныхъ молящихся никогда не засыпало, найти утраченное, что въ той невидной церкви не было потеряно. Весь необъятный порывъ желанія, которымъ полна и трепещетъ Европа, не есть ли только желаніе залить великую грусть, которую она хочетъ и не можетъ пересилить, и вся красота, величіе и разнообразіе ея жизни, ея цивилизаціи не напоминаетъ ли велико-

лѣпную ризу, въ которую никогда болѣе не облечется священникъ?

Такъ-то произошло въ исторіи это необъяснимое и глубокое явленіе, по которому у неимущаго отнялось и имущему прибавилось. Въ прекрасномъ евангельскомъ образѣ Маріи и Марен, принявшихъ въ свой домъ Спасителя, какъ будто высказаны эти неисповѣдимыя судьбы церкви. Мареа, когда вошелъ Онъ, смутилась и заторопилась; она думала о богатомъ угощеніи, и въ хлопотахъ о нихъ, забыла даже о Томъ, для Кого они. „Марія же, сестра ея, сѣла у ногъ Иисуса и слушала слово Его“. Измученная и раздраженная на нее, Мареа подошла къ Учителю и сказала: „Господи, или Тебѣ нужды вѣтъ, что сестра моя одну меня оставила служить?“ И тогда произнесъ Онъ слова, въ которыхъ звучитъ смыслъ всей жизни и исторіи: „Ты заботишься о многомъ, Мареа“, а одно только нужно; Марія же избрала благую часть, которая не отнимется у нея“.

Нашей святой церкви, по неисповѣдимымъ путямъ Промысла, суждено было избрать это единое, которое только и нужно. Она только вѣрила въ Спасителя, слушала слово Его. Будемъ молиться, чтобы эта вѣра никогда не была отнята у насъ, и не будемъ, по завѣту Учителя, сожалѣть, что наши суетливыя сестры такъ много успѣли сдѣлать.

XIX.

Насколько изсякаетъ въ насъ сокровище вѣры, настолько мы начинаемъ тревожиться идеалами, которыми живутъ другія церкви¹⁾—безбрежнымъ развитіемъ внутренняго чувства и субъективнаго мышленія или заботами о судьбахъ человѣчества и его внѣшнемъ устроеніи. Этими заботами мы силимся наполнить пустоту, которая образуется въ нашей душѣ съ утратой вѣры, и это происходитъ всякій разъ, когда почему-либо мы теряемъ живыя связи со своимъ народомъ. „Легенда о Великомъ Инквизиторѣ“ есть выраженіе подобной тревоги, вышнее, какое когда-либо появлялось, потому что и пустота, которую она замѣщаетъ, есть віяющая, въ которой дно не только очень глубоко, но кажется его и совѣмъ нѣтъ. Вспомнимъ слова Ивана въ отвѣтъ Алешѣ: „наконецъ-то ты догадался“,—и на что они были отвѣчены.

¹⁾ Здѣсь видимъ мы объясненіе неудержимаго влеченія къ слиянію съ другими церквами, которое время отъ времени высказываютъ инне.

Въ этомъ смыслѣ, т. е. въ отношеніи къ нашей исторической жизни, она есть самая ядовитая капля, которая стекла наконецъ и отдѣлилась изъ той фазы духовнаго развитія, которую мы проходимъ вотъ уже два вѣка. Большой горечи, большого отчаянія, и, прибавимъ также, большого величія въ своемъ отрицаніи родныхъ основъ жизни мы не только не переживали никогда, но, нельзя въ этомъ сомнѣваться, и не будемъ переживать. „Легенда“ вообще есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ: шутливыя и двусмысленныя слова, которыми Фаустъ отдѣливается отъ вопросовъ Маргариты о Богѣ, темнота религиознаго сознанія въ Гамлетѣ—все это только блѣдный лепетъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было сказано и что спрошено въ маленькомъ трактирѣ за перегородкой, куда прихотливо нашъ великій художникъ ввелъ выразителей своихъ думъ, а потомъ, раздвинувъ вѣка, показалъ чудную картину явленія Христа „страдному и страдающему человѣчеству“ и, введя Его въ мрачное подземелье инквизиціи, снова показалъ оттуда далекую пустыню полторы тысячи лѣтъ назадъ, и въ ней Его, готоваго выступить на спасеніе человѣческаго рода, и передъ Нимъ—искусителя, который говорилъ, что это не нужно, что не сѣумѣетъ Онъ спасти людей, не зная ихъ истинной природы, и ранѣе или позже за это спасеніе придется взяться ему, лучше знающему эту природу и... любящему людей не менѣе, нежели Онъ.

Черты истинно сатанинскія, не то, что могъ бы подумать человѣкъ о зломъ духѣ, его подстерегающемъ, но что могъ бы сказать о себѣ злой духъ — удивительнымъ и непостижимымъ образомъ вылились въ этой „Легендѣ“. Алеша, бѣдный, трепещущій Алеша, только еще растущій, бессильно поднимающій руки къ небу—истинное олицетвореніе малаго ростка въ огромномъ гнѣющемъ сѣмени жизни—какъ бы разбитъ и подавленъ этимъ мощнымъ исповѣданіемъ зла, признаніями „умнаго духа пустыни, духа смерти и разрушенія“. Повторяемъ, образы инквизитора, студента, самаго художника и искушающаго духа, который стоитъ за всѣми ими, мелькаютъ одинъ изъ-за другаго, теряютъ рѣзкость индивидуальныхъ очертаній и сливаются въ одно существо, голосъ котораго мы слышимъ и понимаемъ, лица же и имени его не различаемъ. Какъ бы растерянный, не находя ни въ чемъ опоры, онъ хватается за свое сердце, за ту жизнь, которая въ немъ бьется, законовъ которой онъ не знаетъ и знаетъ, однако, что она хороша. Въ непости-

жимой силѣ и красотѣ жизни, намъ данной и нами благословляемой, но и непостижимой для насъ, таинственной, онъ находитъ эту опору противъ злаго духа:

— „Братъ, какъ же ты будешь жить?“ спрашиваетъ онъ.

Въ этомъ восклицаніи и лежитъ весь смыслъ и вся сила опроверженія: признаніе ограниченности своего ума, который даже такого близкаго, намъ роднаго явленія, какъ жизнь, не можетъ не только постигнуть, но и сколько-нибудь приблизиться къ его пониманію, и уже конечно не въ силахъ постичь строеніе мірозданія и источники добра и зла. Прилѣпленные къ жизни, даже „не понимая ея смысла“, мы непреодолимо начинаемъ думать, что есть въ ней нѣчто неизмѣримо болѣе глубокое, нежели тотъ жалкій смыслъ, который мы хотѣли бы въ ней видѣть, и, найдя только его, готовы были бы примириться съ нею, „принять ее“. Ощущеніе мистическаго, въ чемъ коренится наше бытіе, хотя мы его не видимъ, наполняетъ нашу душу, смиряетъ нашъ умъ, но и возвращаетъ намъ силу жизни. „Правъ Ты, Господи, и неисповѣдимы пути Твои“, невольно говоримъ мы въ своей душѣ, когда послѣ всѣхъ неизъяснимыхъ тревогъ и мукъ сознанія снова возвращаемся къ покою простой вѣры, къ этому прочному слѣдствію исповѣданія непостижимаго.

Съ прочностью вѣры этой соединены и надежды наши. Въ „Легендѣ“, которую мы разбирали, есть одинъ пропускъ: говоря объ оправданныхъ, она ничего не говоритъ о прощенныхъ. Между тѣмъ тотчасъ послѣ словъ Откровенія, въ которыхъ сказано, что первыхъ будетъ сто сорокъ четыре тысячи, сдѣлано радостное обѣтованіе и объ остальныхъ. Мы приведемъ это обѣтованіе, и пусть святые звуки его превозмогутъ тотъ сумракъ и отчаяніе, среди котораго мы такъ долго вращались, говоря о „Легендѣ“:

„Послѣ сего взглянулъ я“, говоритъ св. Іоаннъ о своемъ видѣніи, „и вотъ, великое множество людей, котораго никто не могъ перечестъ, изъ всѣхъ племенъ и колѣнъ и народовъ и языковъ стояло передъ престоломъ и передъ Агнцемъ въ бѣлыхъ одеждахъ и съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ своихъ.“

„И восклицали громкимъ голосомъ, говоря: спасеніе Богу нашему, сидящему на престолѣ, и Агнцу!“

„И всѣ Ангелы стояли вокругъ престола и старцевъ и четырехъ животныхъ и пали передъ престоломъ на лица свои и поклонились Богу, говоря: „аминь, благословеніе и слава. и

премудрость, и благодареніе, и честь, и сила, и крѣпость Богу нашему во вѣки вѣковъ“.

„И, начавъ рѣчь, одинъ изъ старцевъ спросилъ меня: сіи облеченныя въ бѣлыя одежды кто и откуда пришли?“

„Я сказалъ ему: „ты знаешь, [господинъ““. И онъ сказалъ мнѣ: это тѣ, которые пришли отъ великой скорби; они омыли одежды свои и убѣлили ихъ кровію Агнца.“

„За это они пребываютъ нынѣ предъ престоломъ Бога и служатъ Ему день и ночь въ храмѣ Его, и сидящій на престолѣ будетъ обитать въ нихъ.“

„Они не будутъ уже ни алкать, ни жаждать, и не будетъ палить ихъ солнце и никакой зной.“

„Ибо Агнецъ, который среди престола, будетъ пасти ихъ и водить ихъ на живые источники водъ; и отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ“ (гл. VII, ст. 9—17).

Въ великомъ образѣ этомъ явлено заключеніе земныхъ судьбъ человѣка. Въ словахъ книги Бытія, приведенныхъ нами въ самомъ началѣ, указана исходная точка, откуда начались его скитанія. „Сама же „Легенда“—это горькій его плачь, когда, потерявъ невинность и оставленный Богомъ, онъ вдругъ понялъ, что теперь совершенно одинъ со своею слабостью, со своимъ грѣхомъ, съ борьбою свѣта и тьмы въ душѣ своей.“

Преодолѣвать эту тьму, помогать этому свѣту—вотъ все, что можетъ человѣкъ въ своемъ земномъ странствіи, и что онъ долженъ дѣлать, чтобы успокоить свою встревоженную совѣсть, такъ отягощенную, такъ больную, такъ неспособную болѣе выносить свои страданія. Ясное познаніе того, откуда этотъ свѣтъ и откуда тьма, можетъ болѣе всего укрѣпить его надеждою, что не вѣчно же суждено ему оставаться ареною борьбы ихъ.

В. РОЗАНОВЪ.

Новая книга Тэна ¹⁾.

I.

Авторъ этой книги, одинъ изъ наиболѣе оригинальныхъ и при томъ весьма авторитетныхъ писателей современной Франціи, человѣкъ науки, взялся за сложную и трудную задачу—точно изобразить старый порядокъ, революцію и новое устройство (*regime moderne*) во Франціи. На эту работу онъ посвятилъ слишкомъ 15 лѣтъ—первый томъ его труда вышелъ въ 1876 году и только недавно появился пятый, предпоследній, посвященный новому порядку, разсмотрѣніе и анализъ котораго закончится слѣдующимъ томомъ.

Мысль о научномъ изслѣдованіи корней современной Франціи возникла у Тэна гораздо ранѣе. Онъ самъ говоритъ объ этомъ слѣдующее.

„Въ 1849 г. мнѣ минуло 25 лѣтъ и я сталъ избирателемъ, что меня крайне удручало—предстояло принять участіе въ избраніи 15 или 20 депутатовъ, причемъ, слѣдуя французскому обычаю, надо было выбирать не только людей, но и отдавать предпочтеніе той или другой политической доктринѣ, въ лицѣ кандидатовъ въ депутаты. Мнѣ предлагали сдѣлаться роялистомъ или республиканцемъ, демократомъ или консерваторомъ,

---

¹⁾ Les Origines de la France Contemporaine, par H. Taine de l'Academie Française. Le Regime Moderne, tome 1-er Paris Librairie Hachett. 1891.

бонапартистомъ или социалистомъ, но я не принадлежалъ ни къ одной изъ этихъ партій и даже не имѣлъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ—мнѣ оставалось только завидовать успѣвшимъ обзавестись таковыми. Наслушавшись въ качествѣ избирателя самыхъ разнообразныхъ политическихъ учений, я долженъ былъ сознаться, что въ моей головѣ по этой части пробѣлъ—то, что убѣждало другихъ, мнѣ вовсе не казалось убѣдительнымъ. Я никакъ не могъ понять, что политическіе вопросы можно обсуждать и рѣшать на основаніи своихъ личныхъ вкусовъ, между тѣмъ именно такъ поступали люди съ политическими убѣжденіями, которые брались направлять общественное мнѣніе. Они относились къ вопросу о политическомъ устройствѣ страны, какъ къ постройкѣ дома, который предстояло соорудить по плану наиболѣе красивому, новому или упрощенному, согласно требованіямъ ихъ вкуса. Предлагались планы барскаго отеля, буржуазнаго дома, жилища для рабочихъ, военной казармы, фланстера коммунистовъ и даже становища дикарей. Каждый рекомендовалъ свой образецъ, выдавая его за жилище наиболѣе подходящее для всѣхъ здравомыслящихъ гражданъ, въ которомъ только и могутъ удобно размѣститься и жить настоящіе люди, достойные названія человека. Но на мой взглядъ доводы ихъ были слабы, и какъ чисто личныя мнѣнія не имѣли значенія въ моихъ глазахъ. Мнѣ думалось, что домъ строится архитекторомъ не для себя, не ради удовольствія возвести его, а для хозяина дома, который и будетъ въ немъ жить. Спросить мнѣніе хозяина т. е. предоставить одобреніе проектируемыхъ плановъ французскому народу, для котораго зданіе предназначалось, въ сущности было бы парадной церемоніей или обманомъ. Въ такихъ вопросахъ народа отвѣтъ обыкновенно уже вложенъ въ вопросъ. Но допуская даже возможность вполнѣ свободнаго отвѣта, не трудно было предвидѣть, что Франція, также какъ и я, не въ состояніи разумно дать его. Десять миллиононъ голосовъ людей, незнающихъ того, что нужно, сложенные вмѣстѣ, конечно, не могутъ дать знанія.

Въ самомъ благопріятномъ случаѣ, этимъ способомъ можно только удостовѣриться, какая форма правительства болѣе нравится народу, но безцѣльно спрашивать послѣдній о той, которая ему дѣйствительно нужна. Онъ самъ этого не знаетъ, такъ какъ знакомится съ учрежденіями только изъ опыта, на практикѣ. Испытавъ на дѣлѣ прочность предложеннаго ему

политическаго зданія, способность его противустоять непогодѣ, приспособленность къ своимъ правамъ, занятіямъ, особенностямъ и даже слабостямъ, народъ въ состояніи его опѣнить. Но для такой пробы учрежденій нужно время. Въ теченіе же послѣднихъ 80 лѣтъ (Тэнъ писалъ это въ 1876 г.), всѣ опыты съ нашими новыми учрежденіями кончались не въ ихъ пользу, по крайней мѣрѣ послѣ каждой такой пробы Франція была недовольна своими учрежденіями. Въ теченіе этого времени, 13 разъ ихъ ломали и передѣлывали, въ тщетныхъ поискахъ за надлежащей формой правленія, которая до сихъ поръ еще не найдена. Другіе народы счастливѣе насъ въ этомъ отношеніи. Многіе изъ нихъ обладаютъ прочными и устойчивыми политическими зданіями, но они воздвигнуты совершенно иначе.

Крѣпкія и долговѣчныя учрежденія никогда и нигдѣ не изобрѣтались и не выдумывались, они сооружены на старомъ историческомъ корнѣ народнаго быта. Это вросшее въ почву и потому твердое основаніе служило опорой или ядромъ зданія. Всѣ пристройки и надстройки къ нему можно было передѣлывать, расширять и приспособлять къ народнымъ потребностямъ, не колебля и не разрушая основныхъ устоевъ всего зданія.

Ни одно изъ такихъ зданій не было построено сразу, по заново придуманному шаблону, согласно умоначертаніямъ разума. Всѣ они выросли постепенно изъ ранѣе осѣвшихъ корней общественнаго быта, а не вышли изъ головы политиковъ, что привело меня къ заключенію, говоритъ Тэнъ, что политическое устройство страны превосходитъ силы человѣческаго ума, оно не можетъ быть изобрѣтено усиленіемъ мысли, путемъ логическихъ построеній.

Я убѣдился, продолжаетъ Тэнъ, что если мы когда либо найдемъ искомую, дѣйствительно нужную намъ форму правленія, то вовсе не практикуемыми до сихъ поръ способами. Мы не получимъ ее, пуская на голоса—ее надо открыть, если она въ самомъ дѣлѣ есть, путемъ изученія нашего прошлаго и настоящаго. Личныя наши предпочтенія въ этомъ случаѣ не причемъ—выборъ этой формы уже сдѣланъ прежде и помимо насъ, она намѣчена и даже предустановлена исторіей и складомъ нашего общества, его природой. Можно съ полной достовѣрностью сказать, что они съ нами сообразоваться не будутъ, поэтому, очевидно, это приходится сдѣлать намъ самимъ.

Политическая и социальная форма, которую народъ, принявъ, способенъ усвоить и въ которой онъ можетъ жить, опредѣлена его характеромъ и всѣмъ прошлымъ.

Она такъ сказать дана народу и не зависитъ отъ его усмотрѣнія. Эта форма можетъ быть прочной только служа вѣрнымъ выраженіемъ бытовыхъ условій народной жизни, если же что не такъ, она скоро дохнетъ и рассыпется въ куски. Поэтому разобратся въ запутанныхъ политическихъ вопросахъ настоящаго и уяснить дѣйствительно нужное для Франціи можно только, вникая въ ея историческій складъ и строго слѣдуя, при этомъ приемамъ точнаго изслѣдованія.

Для этого прежде всего слѣдуетъ отбросить наши рутинные приемы рѣшенія политическихъ вопросовъ. Надо составить себѣ ясное и вѣрное представленіе о французскомъ народѣ, прежде чѣмъ писать для него конституцію. Правда, первая изъ этихъ задачъ рѣшается гораздо скорѣе и легче, чѣмъ вторая. Последняя требуетъ большаго труда, долгаго изученія, ряда изысканій, другъ друга провѣряющихъ, и притомъ какъ въ настоящемъ, такъ и прошедшемъ, въ области мысли и дѣйствій. Трудъ сложный и многолѣтній, но онъ необходимъ для зрѣлаго пониманія великой націи, которая прожила вѣки народной жизни и еще продолжаетъ жить. Это единственное надежное средство, говоритъ Тэнъ, для тѣхъ, кто не желаетъ „constituer à faux, après avoir raisonné à vide“. По крайней мѣрѣ я, продолжаетъ онъ, далъ себѣ слово искать рѣшенія политическихъ вопросовъ, занимающихъ наше общественное мнѣніе, не иначе, какъ изучивъ Францію.

Что такое современная Франція? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо знать, какъ и изъ чего сложилась эта Франція, поставивъ себя, на сколько это возможно, въ положеніе зрителя ея формации. Въ концѣ прошлаго столѣтія она видоизмѣнилась, какъ насѣкомое, въ періодъ линянія, когда изъ личинки образуется бабочка. Старая организація развалилась—она сама порвала наиболѣе дорогія и жизненные ткани своего историческаго бытія и вслѣдъ за тѣмъ впала въ конвульсивное состояніе, которое, казалось, предвѣщало смерть. Но послѣ многихъ судорожныхъ кризисовъ, повергшихъ ее въ тяжелую летаргію, она поднялась съ одра болѣзни. Ея организація, послѣ того, измѣнилась—глухая внутренняя работа, которую она пережила при этомъ, создала новый порядокъ, замѣнившій старый. Въ 1808 году всѣ крупныя черты новаго общественнаго строя

сложились и установились. Департаменты, округа (*arrondissements*), кантоны, общины—всѣ эти дѣленія и подраздѣленія и соединяющіе ихъ внѣшніе швы сохранились съ того времени. Конкордаты, кодексъ, суды, университетъ, институтъ, налоги, сборщики податей, контрольная отчетность однообразіе и централизація администраціи, ея главные органы также его наслѣдіе. Кромѣ того наши общественные классы, т. е. дворянство, буржуазія, рабочіе и крестьяне, уже въ 1808 г. получили свой теперешній образъ и характеръ и живутъ интересами, чувствами и преданіями, тогда же опредѣлившимися.

Такимъ образомъ новый порядокъ сложился въ 1808 г., въ довольно полныхъ и достаточно установившихся чертахъ. Принимая во вниманіе условія его организаціи (*sa structure*), а также его свойства и инстинктъ, можно впередъ намѣтить кругъ, въ которомъ будутъ вращаться мысли и дѣйствія созданнаго этимъ порядкомъ общества.

Окружающія Францію націи, какъ опередившія ее, въ своемъ развитіи, такъ и нѣсколько запоздавшія, всѣ съ бѣльшей осмотрительностью, а нѣкоторые и съ бѣльшимъ успѣхомъ совершаютъ тотъ же переходъ отъ феодальнаго строя къ современному государству. Это движеніе обнаружилось повсемѣстно и почти одновременно въ Западной Европѣ. Въ организаціи, которую получила Франція, въ началѣ нашего вѣка, отчетливо выступили всѣ характерныя черты ея современной исторіи—политическія революціи, социальныя утопіи, раздѣленіе классовъ населенія, образъ дѣйствія или поведенія дворянства, буржуазіи, народа, характеръ и направленіе философіи, литературы и искусствъ.

Поэтому понятъ настоящее состояніе Франціи можно только обратившись къ тому роковому и чреватому послѣдствіями кризису, который привелъ отъ стараго порядка къ новому т. е. къ революціи¹⁾.

Въ вышедшихъ до сихъ первыхъ четырехъ томахъ Тэнъ, согласно своей программѣ, описалъ старыи порядокъ и революцію. „Свободное отъ предвзятыхъ взглядовъ любопытство, говоритъ онъ, получаетъ научный характеръ. Событія, сопровождавшія этотъ переворотъ, такъ любопытны, что сами по себѣ заслуживаютъ наблюденія“. Слѣдуя въ своемъ трудѣ приѣмамъ натуралиста, изучающаго метаморфозу насѣкомаго, Тэнъ со-

¹⁾ Предисловіе къ „*Ancien Regime*“ первому тому *Origines* стр. I—V.

бираетъ и изслѣдуетъ факты, описывая ихъ съ величайшей тщательностью. Возстановивъ такимъ образомъ, по архивнымъ документамъ, запискамъ современниковъ съ другими того же рода матеріалами, общественный бытъ Франціи во время революціи, въ мельчайшихъ подробностяхъ, онъ разсматриваетъ и анализируетъ добытые факты и изъ нихъ уже дѣлаетъ свои выводы и заключенія.

Подведя итоги идеямъ и дѣлу революціи, онъ судить объ ней по ея дѣяніямъ и намѣреніямъ. Его сужденія плодъ долгаго и серьезнаго изученія—они опираются на цѣлый рядъ фактическихъ данныхъ. Съ его выводами и заключеніями можно не соглашаться, ихъ можно оспаривать, но едва-ли справедливо упрекать Тэна, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые наши публицисты¹⁾, за то, что онъ смѣетъ имѣть свое мнѣніе о революціи. Научное изслѣдованіе корней современной Франціи вовсе не обязываетъ французскаго писателя, взявшаго на себя эту задачу, относиться съ тупымъ равнодушіемъ къ ея судьбамъ. Франція для него очевидно больше и дороже букашки, изслѣдуемой натуралистомъ, и онъ не могъ трактовать ее съ безразличіемъ послѣдняго.

Тяжеловѣсные удары, нанесенные Тэномъ, во всеоружіи фактическаго знанія, *культу* французской революціи, произвели впечатлѣніе на умы. Опровергнуть его выводы и заключенія одними фразами, не перебравъ массу матеріала, положеннаго въ основаніе его работы, невозможно. Его взглядъ на революцію создалъ школу послѣдователей, работающихъ въ томъ же направленіи.

По складу своего ума Тэнъ прежде всего критикъ. Въ критикѣ проявляется вся его сила и достоинство. Положительные его идеалы (насколько это слово примѣнимо къ такому писателю, какъ Тэнъ) узки и односторонны. Живая органическая связь государствъ съ обществомъ, порванная ходомъ французской исторіи, утрачена въ сознаніи французской интеллигенціи, что замѣтно вредитъ глубинѣ его политическихъ возрѣній.

Онъ склоненъ, вмѣстѣ со многими серьезными писателями Франціи, урѣзывать елико возможно область дѣятельности государства, предоставляя государству преимущественно, чтобы не сказать исключительно, охраненіе общественнаго порядка и безопасности. Впрочемъ, Тэнъ проводитъ такой взглядъ не какъ политическую доктрину, онъ у него является выводомъ

¹⁾ Напр. К. К. Арсеньевъ въ статьяхъ „Новый историкъ современной Франціи“ („Вѣстникъ Европы“, за январь и февраль нынѣшняго года).

изъ описываемыхъ имъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о безсиліи французской государственной власти исполнить взятую на себя, послѣ революціи, задачу—замѣнить живыя общественныя силы (согр, какъ выражается Тэнъ), упраздненныя вмѣстѣ съ паденіемъ стараго порядка. Республиканское правительство претендовало безраздѣльно руководить религиозной совѣстью гражданъ, ихъ воспитаніемъ, благотворительностью, науками, искусствами, ремеслами и промышленностью, городскимъ и сельскимъ благоустройствомъ. Оно хотѣло все это взять въ свои руки, но не имѣло средствъ и возможности справиться съ такой задачей и потому только сломало провинціальную, частную и личную инициативу, конфисковало имущество церкви, благотворительныхъ учрежденій, школъ, но само оказалось банкротомъ. Школы были закрыты или пусты, въ пріютахъ дѣти умирали отъ недостатка молока, драхлы гибли отъ неимѣнія одежды и мяса, больные, потому что не доставало бульона, лѣкарствъ и постелей. Религиозныя чувства были оскорблены, города приходили въ запустѣніе, улицы завалены мусоромъ и не освѣщены, въ провинціи дороги запущены, мосты и плотины сломаны и т. д. Чрезмѣрно раскинувъ свою дѣятельность, республиканское правительство оказалось несостоятельнымъ даже въ исполненіи своихъ прямыхъ и непосредственныхъ обязанностей, — оно перестало охранять общественный порядокъ и безопасность. Это привело къ диктатурѣ Наполеона, сочетавшаго теорію съ силой и водворившаго порядокъ, въ которомъ такъ нуждалась страна.

Исслѣдуя почву для болѣе точнаго пониманія потребностей Франціи, Тэнъ обнаружилъ въ ней отсутствіе старыхъ историческихъ корней ея быта, вытравленныхъ революціей. Это открытіе смутило его—отсюда безнадежность его взгляда на будущее. Современное политическое зданіе Франціи представляется ему хрупкимъ,—оно лишено прочнаго фундамента, исторически развитаго сознанія общественнаго долга и построено на пескѣ личныхъ интересовъ.

Въ заключеніе первой части настоящаго тома, посвященной характеристикѣ Наполеона I, Тэнъ говоритъ: „Европейское зданіе Наполеона, возведенное его гениемъ, на почвѣ грубаго эгоизма, черезъ 15 лѣтъ разсыпалось разомъ, вслѣдствіе своего кореннаго недостатка. Это было очевидно съ самаго начала. Французское же зданіе, т. е. современный порядокъ, основанный имъ же, страдаетъ тѣмъ же существеннымъ порокомъ.“

Онъ также великъ, хотя менѣе виденъ. Выяснился онъ вполне только теперь, почти столѣтіе спустя. Послѣдствія его сказываются постепенно и медленно, но они также неизбѣжны и гибельны. (Стр. 116).

Я изложилъ довольно подробно и по возможности словами самого Тэна цѣль и задачи его труда — это мнѣ кажется необходимымъ, потому что руководящая мысль автора не рѣдко теряется въ яркой мозаикѣ подробностей, на которыхъ онъ слишкомъ охотно останавливается.

Въ предисловіи къ послѣднему тому Тэнъ, какъ бы смягчая удручающіе результаты своего изслѣдованія, пишетъ: „новому порядку пока недостаетъ конца, онъ не достигъ еще мѣры своего историческаго возраста. Объ его конечномъ успѣхѣ или неудачѣ узнаютъ наши дѣти и внуки, — они будутъ свидѣтелями его развязки. Цѣлая драма явится передъ ними въ полномъ освѣщеніи, котораго намъ недостаетъ. Зрители первыхъ четырехъ дѣйствій, мы можемъ только предчувствовать пятый актъ“. Но при томъ онъ прибавляетъ: „мы такъ скинулись съ настоящей формой нашего общественнаго быта, такъ къ ней привыкли, что она насъ болѣе не удивляетъ и, несмотря на свою искусственность, кажется намъ естественной. Намъ трудно заставить себя представить другую болѣе здоровую форму. Такое усиліе мысли намъ претитъ, потому что ведетъ къ сравненію, сужденію и самоосужденію. Вникнувъ въ этотъ вопросъ, приходится осудить не только наши учрежденія, но и самихъ себя“¹⁾.

Первая глава „Regime Moderne“ посвящена изображенію личности его творца и виждителя Наполеона I; я познакомя читателя съ этой мастерской характеристикой, хотя, быть можетъ, нѣсколько односторонней великаго корсиканца, нѣсколько позднѣе. Вторая глава описываетъ „образованіе и характеръ новаго государственнаго строя“ во Франціи, съ нея я и начну.

II.

Тэнъ всегда тщательно описываетъ и изслѣдуетъ обстановку, изъ которой вышло извѣстное явленіе и среди которой оно сложилось. Такъ поступаетъ онъ и въ настоящемъ случаѣ, изображая состояніе Франціи въ 1799 году, передъ 18-мъ брю-

¹⁾ Предисловіе къ „Regime Moderne“.

мера, за которымъ послѣдовало консульство и имперія, создавшія новый порядокъ.

Въ концѣ перваго десятилѣтія революціи, т. е. въ 1799 году, правительственная власть во Франціи перестала удовлетворять самымъ насущнымъ потребностямъ общежитія—порядку и безопасности, послѣдствіемъ чего была полная и всеобщая анархія. Тѣмъ излагаетъ, отъ чего и какъ это произошло. Государство было распатано революціей въ своемъ основаніи. Въ центрѣ правительство раздиралось взаимной враждой своихъ членовъ, всегда готовыхъ на бунтъ или измѣну. Оно жило, изодня въ день, въ постоянной тревогѣ и ожиданіи переворота, держалось же исключительно грубѣйшимъ произволомъ и неизбѣжнымъ терроромъ. Всѣми ненавидимое, презираемое войскомъ, это центральное правительство хотѣло тѣмъ не менѣе все держать въ своихъ рукахъ и, не соразмѣряя цѣлей съ средствами, ставило самыя широкія задачи для своей дѣятельности. Между тѣмъ на дѣлѣ оно не только не исполняло своихъ прямыхъ обязанностей въ отношеніи общественной безопасности, ограждая неприкосновенность религіозныхъ правъ совѣсти, собственности и жизни гражданъ, но само на нихъ постоянно посягало, проявляя свою дѣятельность преимущественно дикими гоненіями, грабежомъ и убійствами.

Кромѣ того, центральное правительство, не пользуясь авторитетомъ законной власти, въ глазахъ значительной части мѣстнаго населенія, не имѣло надлежащихъ исполнительныхъ органовъ, на мѣстахъ, для приведенія въ дѣйствіе своихъ распоряженій. Мѣстное населеніе смотрѣло на республиканское правительство, засѣдавшее въ Парижѣ, какъ на самозванцевъ, совершенно ему чуждыхъ, произвольно сѣвшихъ на его плечи—оно ему представлялось лишь какъ далекій, но крайне неприятный кредиторъ. Въ распоряженіяхъ правительственной власти мѣстное населеніе видѣло только посягательства на свои обычаи, вѣрованія и свой карманъ.

При такомъ настроеніи населенія, послѣднее, очевидно, избирало въ должности подходящихъ людей, которые, по отсутствію въ нихъ дисциплины и солидарности съ правительствомъ, не могли и не хотѣли нести мѣстную службу, согласно тосударственнымъ требованіямъ. Центральное правительство ничего не могло съ ними сдѣлать. Эти мѣстныя власти, не чувствуя за нимъ силы и не признавая его авторитета, не считали его настоящимъ правительствомъ, и когда распоряженія

государственной власти приходили въ столкновеніе съ желаніями обывателей, ихъ выборщиковъ, они становились на сторону послѣднихъ.

Такимъ образомъ связь между центральной властью и мѣстными должностными лицами была порвана. Въ городахъ они избирались буйнымъ меньшинствомъ, своего рода политическими сектантами, усердно служившими интересамъ партіи, но насколько не заботившимися о благѣ государства. Въ деревняхъ они избирались грубымъ и невѣжественнымъ большинствомъ, которое ничего не хотѣло знать дальше кругозора своей *колокольни* и не признавало тѣхъ интересовъ, которые съ нея не были видны.

Если случайно на мѣстную должность избирался человекъ съ сознаниемъ своего гражданскаго долга и болѣе широкимъ взглядомъ на свои обязанности—онъ былъ совершенно безсиленъ что-либо сдѣлать—это безсиліе понималъ онъ самъ и всѣ его окружающіе. Но мѣстныя власти, безсильныя для службы общимъ интересамъ государственнаго благоустройства, въ то же время могли самовластно хищничать и творить всякія беззаконія—ихъ некому было обуздать и подвергнуть отвѣтственности. Ихъ насилія, мошенничества и всякія посягательства на личность и имущество гражданъ, чинимыя съ своекорыстными цѣлями или въ интересахъ партіи, если они были якобинцы, или выдавали себя за таковыхъ, всегда находили поддержку въ якобинцахъ Парижа. Послѣдніе усиленно поддерживали своихъ друзей и союзниковъ въ провинціи, а правительство, у котораго ихъ не было, не смѣло противорѣчить якобинцамъ и предоставляло имъ полную свободу дѣйствія.

Сознаніе гражданскаго долга и обязанностей передъ государствомъ, говоритъ Тэнъ, изсякло, при Директоріи. *La matiere humaine était moins que jamais propre à fournir des citoyens.* Франція была способна производить только чиновниковъ. Поэтому, для возстановленія дѣятельности государственной машины, оставалось только организовать этихъ послѣднихъ, поставивъ во главѣ мѣстнаго управленія дисциплинированныхъ чиновниковъ способныхъ служить правительству ¹⁾.

Это было необходимо потому, что анархія достигла крайнихъ предѣловъ. Полиція и юстиція бездѣйствовали. Власть не хотѣла преслѣдовать, а суды не рѣшались обвинять пре-

¹⁾ Regime Moderne, стр. 123.

ступниковъ, случайно попадавшихъ въ руки правосудія. Бродяжничество получило невиданное дотогѣ развитіе и вошло въ обычай. Въ 45 департаментахъ невозбранно промышляла шайка вооруженныхъ разбойниковъ. Мальпосты и дилижансы задерживались и подвергались ограбленію въ окрестностяхъ Парижа. Большія дороги сдѣлались непроѣзжаемы, ихъ не чинили и на нихъ грабили. Таможни перестали давать сборы, такъ какъ контрабанды производились свободно и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Государственная казна была пуста ¹⁾. Доходы поступали крайне безпорядочно и тратились, прежде чѣмъ доходили до казначейства. Новые налоги декретировались, но не собирались. Въ сборѣ существующихъ налоговъ господствовалъ величайшій произволъ. Нѣкоторыя общины, ссылаясь на свое усердіе къ республикѣ, которую-де они защищаютъ отъ посягательствъ враждебныхъ ей сосѣднихъ общинъ, освобождали себя совершенно произвольно отъ податей и военной конскрипціи. Деревенскіе мэры выдавали завѣдомо подложныя свидѣтельства о болѣзни или бракѣ, освобождаяшя отъ военной службы. Молодые люди, подлежашіе военной повинности, отправляясь въ устроенныя для ихъ пріема депо, уходили съ дороги сотнями, составляли шайки и съ оружіемъ въ рукахъ отбивались отъ высланныхъ для поимки ихъ военныхъ командъ.

При такомъ положеніи вещей выборное мѣстное управленіе представлялось невозможнымъ. Съ этимъ почти всѣ были согласны. Но раздѣленіе власти въ центрѣ находило горячихъ сторонниковъ, хотя,—замѣчаетъ Тэнъ,—при назначеніи всѣхъ должностныхъ лицъ правительственной властью, въ видахъ требуемаго обстоятельствами единства дѣйствій администраціи, приходилось объединить власть, отъ которой зависѣли всѣ эти назначенія.

Сіэсъ, специалистъ по части сочиненія конституцій, не хотѣлъ этого понять. Онъ думалъ изобресть комбинацію, которая

¹⁾ До чего, при Директоріи, доходило оскуднѣніе финансовыхъ средствъ казначейства, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ, приводимыхъ Тэнномъ. Для отправленія экстреннаго курьера, за неимѣніемъ въ наличности нужныхъ денегъ на его путевые расходы, правительство однажды должно было обратиться въ театральную кассу, такъ какъ билеты для входа въ Оперу продавались на звонкую монету, и снабдить курьера деньгами изъ этой кассы. Другой разъ, для покрытія неотложнаго расхода, пришлось перечеканить медали, хранившіяся въ Кабинетѣ. (См. примѣчаніе на стр. 127 Regime Moderne).

дала бы возможность сохранить излюбленное имъ начало раздѣленія властей. Но его тонкія комбинаціи рассыпались отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью, гдѣ приходилось имѣть дѣло не съ теоретическими фигурами, а съ живыми людьми.

Онъ предложилъ раздѣленіе военной и гражданской власти, меча и кошелька, въ лицѣ двухъ консуловъ, назначаемыхъ великимъ избирателемъ (*grand electeur*) верховнымъ сановникомъ республики, всѣ обязанности котораго заключались въ назначеніи этихъ двухъ консуловъ, представителей исполнительной власти. Практическій умъ Наполеона отвергъ и осмѣялъ эту хитроумную затѣю. Къ чему эта безплотная тѣнь лѣнливыхъ королей стараго порядка. Вы не найдете человѣка для этой жалкой роли обезьяны. Всякій, кто сознаетъ свое достоинство и обладаетъ дарованіями, не пожелаетъ взять на себя такую роль: исполняя буквально предписанія закона, онъ обратится, согласно вашимъ предначертаніямъ, въ бездѣятельное и жирное животное, на прокормъ котораго ассигновано нѣсколько милліоновъ. Я не знаю человѣка, который бы принялъ на себя такое унижительное положеніе, согласно вашему желанію. Будь я великимъ избирателемъ, то конечно не затруднился бы сдѣлать слѣдующее: назначая консуловъ военнаго и гражданскаго, я бы прямо имъ объяснилъ: не думайте однако дѣлать министровъ или подписывать какія-нибудь распоряженія, безъ моего вѣдома и согласія, въ такомъ случаѣ вы сами будете мною немедленно прогнаны. Желая связать во всемъ этого верховнаго сановника, ему вмѣстѣ съ тѣмъ открыли дверь къ выходу изъ этого глупаго положенія. Контроль сената, которому предоставляется право отрѣшать великаго избирателя, ничему не поможетъ. Это лѣкарство хуже того зла, которое оно должно врачевать.

Вмѣшательство Сената вызоветъ только общую смуту, въ которой провалится вся ваша система; подвергать ее такому опыту излишне, ибо вполнѣ очевидно, что предлагаемая вами система раздѣленія власти никуда не годится.

Генералъ Бонапарте зналъ, что страна желаетъ порядка и твердой власти; сознавая это ясно, онъ прямо шелъ къ намѣченной имъ цѣли—что придавало ему силу и дѣлало его хозяиномъ положенія. Ему по-неволѣ подчинились, всѣ полномочія исполнительной власти были сосредоточены въ одномъ лицѣ, и такимъ лицомъ сталъ онъ самъ.

Правда, ради успокоенія общественнаго мнѣнія республиканцевъ, разстрожить которыхъ казалось тогда еще опаснымъ,

къ нему были приставлены, для вида, два помощника, съ тѣмъ же названіемъ консуловъ, но безъ всякой власти. Имъ было предоставлено только подписываться послѣ него на декретахъ, т. е. скрѣплять своей подписью протоколы его рѣшеній. Распоряжался воѣмъ онъ одинъ и только онъ. Ему принадлежалъ во всемъ рѣшающій голосъ, и отъ него же зависѣли воѣ назначенія ¹⁾).

Предоставивъ такія полномочія первому консулу, политическіе декретинеры, съ Сіасомъ во главѣ, думали создать ему противувѣсь въ Законодательномъ Собраніи, долженствовавшемъ сдерживать перваго консула, надѣленнаго слишкомъ обширными полномочіями власти. Но и этого имъ не удалось сдѣлать, такъ какъ въ тогдашней Франціи, по объясненію Тэна, не оказалось подходящаго матеріала для выполнения этой задачи.

Франція была такъ распатана и деморализована, что не представлялось возможности организовать и созвать парламентъ, который бы дѣйствительно служилъ представителемъ желаній и воли страны. Послѣ 1791 года выборы въ Законодательное Собраніе утратили свой смыслъ. Значительная часть населенія уклонялась отъ всякаго участія въ избраніи депутатовъ, вслѣдствіе насилій, буйства и дракъ, происходившихъ на выборахъ.

Поэтому, на скамьяхъ Законодательнаго Собранія появлялись преимущественно проходимцы (*les intrus*), самозванно выдававшіе себя за представителей страны. Въ послѣдніе годы Директоріи, избирательныя собранія часто распадались на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая избирала своего представителя, посылая его въ Парижъ вмѣстѣ съ протестомъ противъ законности выбора другой. Правительство Директоріи отдавало предпочтеніе тому или другому исключительно въ силу партійныхъ соображеній, не обращая ни малѣйшаго вниманія на самую процедуру выбора, относясь къ вопросу о законности избранія съ безстыдствомъ, доходившимъ до наглости. Когда же избиратели присылали одного представителя въ Законодательное Собраніе, но онъ приходился не по шерсти правительственной кликѣ, послѣдняя, безъ всякихъ

---

¹⁾ Такое положеніе перваго консула засвидѣтельствовано мемуарами самого Наполеона, въ которыхъ онъ говоритъ, что, уступая обстоятельствамъ, на первое время пришлось замаскировать предоставленную ему власть. (См. его „Корреспонденцію“ т. XXX стр. 345 и 346. (Мемуары).

околичностей, кассировала выборы, отнюдь не стѣсняясь мотивами.

Въ теченіе девяти лѣтъ такая практика народнаго представительства совершенно уронила авторитетъ Законодательнаго Собранія въ глазахъ населенія; послѣднее видѣло въ засѣдавшихъ въ немъ депутатахъ такихъ же самозванцевъ и узурпаторовъ власти, какъ и то революціонное правительство, для контроля дѣйствій котораго они собирались.

Впрочемъ, прибавляетъ Тэнъ, не представлялось даже возможности поставить въ нормальныя условія народное представительство Франціи того времени. Путемъ добросовѣстно произведенныхъ выборовъ нельзя было созвать представителей страны, способныхъ принять полезное участіе въ дѣлахъ управленія.

Даже сильное и достойное при законномъ производствѣ выборовъ правительство не могло этого достигнуть. Франція раздиралась яростью вражды религіозной, политической и сословной. Религіозныя преслѣдованія, гражданскій гнетъ, безобразія и наглость республиканскихъ правителей распалили страсти и зажгли ненависть къ людямъ и идеямъ революціи.

Въ недавно присоединенной Бельгіи преслѣдованіе изгнаннаго массама духовенства, которое тамъ издавна пользовалось любовью и уваженіемъ сельскаго населенія, вызвало возстаніе деревень, которое охватило большую часть страны. Возстаніе было подавлено, причемъ сожжено множество деревень и нѣсколько тысячъ крестьянъ перебито — оставшіеся въ живыхъ этого не забыли.

Въ двѣнадцать западныхъ департаментахъ въ деревняхъ господствовали роялисты, они въ началѣ 1800 года имѣли тамъ въ своемъ распоряженіи 40 тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ и готовые кадры для пополненія ихъ рядовъ. Правда, и это возстаніе скоро было побѣждено и обезоружено, но у жителей этихъ департаментовъ, вмѣстѣ съ ружьями, нельзя было отнять ихъ убѣжденій. Въ августѣ 1799 года инсургенты Верхней Гаронны и шести сосѣднихъ департаментовъ водрузили бѣлое знамя. Кадурскій кантонъ возсталъ поголовно, городъ Мюре послалъ въ ряды инсургентовъ все свое взрослое мужское населеніе. Инсургенты проникли до предмѣстій Тулузы. Республиканское правительство вынуждено было выставить противъ нихъ значительныя отряды войска, которое подавило возстаніе послѣ ряда кровопролитныхъ стычекъ и рѣшительнаго боя при Монтрето, въ которомъ было убито и утонуло около двухъ тысячъ

крестьянъ, дравшихся съ ожесточеніемъ противъ войска республики, какъ о томъ свидѣтельствуя донесенія комиссаровъ Директоріи. Они умирали съ криками: да здравствуетъ король! и ложились на плаху, отказываясь признать республику, хотя имъ за это обѣщалась пощада. Отъ Марсеа до Ліона по обоимъ берегамъ Роны возстаніе въ формѣ открытаго сопротивленія республиканскимъ властямъ и разбоевъ продолжалось уже 5 лѣтъ. Банды роялистовъ, усиленныя бѣжавшими отъ военной службы, преслѣдовали, грабили и убивали агентовъ республики и покупателей конфискованныхъ имѣній. Мѣстное населеніе, которое они не трогали, имъ явно сочувствовало и усердно укрывало. Республиканскія власти, несмотря на бывшія въ ихъ распоряженіи военныя команды, ничего не могли съ ними сдѣлать. Такимъ образомъ кромѣ Вандеи тридцать другихъ департаментовъ представляли своего рода Вандеи; менѣе организованныя и рѣшительныя, они были также враждебны республикѣ—въ каждомъ католическомъ департаментѣ Франціи таилась такая же упорная оппозиція республикѣ (*une Vendée latente*).

При такомъ ожесточеніи другъ противъ друга различныхъ частей Франціи, можно было предвидѣть, какіе результаты принесутъ законно произведенныя, свободныя выборы ея представителей. Одна ея половина прислала бы сторонниковъ стараго порядка: католиковъ, роялистовъ, къ которымъ бы примкнули и монархисты 1790 года—другая республиканцевъ разныхъ оттѣнковъ, начиная съ Лафайета и кончая Грегуаромъ, въ числѣ которыхъ были обломки партій, заправлявшихъ революціей, жирондисты и монтаньяры, въ родѣ Барера, дѣятели Конвента и т. д., т. е. людей преданныхъ республиканскимъ идеямъ съ такимъ же упорствомъ, съ которымъ ихъ противники стояли за преданія стараго порядка.

Въ такомъ собраніи повторилась бы гражданская междоусобица, раздиравшая страну. Столкновеніе непримиримыхъ между собой политическихъ догматовъ было неизбѣжно. Двѣ системы взглядовъ и двигавшія ими страсти совершенно исключали другъ друга и дѣлали совмѣстное участіе ихъ въ управленіи невозможнымъ.

Они расходились рѣшительно во всемъ. Верховная власть, право, общество, государство, собственность, религія, церковь, старый порядокъ, революція, прошлое и настоящее понимались ими совершенно различно. При такомъ раздѣленіи мыслей и чувствъ что могла дать ихъ общая дѣятельность?

Правая сторона толкала перваго консула на роль Монка ¹⁾, хотя онъ могъ сдѣлаться только Кромвелемъ. Опорой этого консула служило довѣріе къ нему войска, отъ котораго тогда все зависѣло, но голова, если не сердце послѣдняго, была пропитана якобинскими предрасудками, вслѣдствіе слѣпой ненависти къ аристократіи, королямъ и духовенству. Войско конечно заставило бы перваго консула возстать противъ реставраціи, а въ случаѣ его несогласія, произвело бы переворотъ безъ него и противъ него, подъ начальствомъ какого-нибудь республиканскаго генерала, вродѣ Журдана, Бернадота или Ожеро. Это вовлекло бы снова страну въ омутъ анархіи, въ роковой водоворотъ революцій и государственныхъ переворотовъ ²⁾, избавленіе отъ которыхъ стало насущной потребностью государственнаго благоустройства (стр. 135 и 136).

Опасность такого положенія была до того очевидна, что даже идеологъ Сіесъ (Sieyès) понялъ ее. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ призраки легализированной анархіи и неустойчиваго деспотизма стояли на политическомъ горизонтѣ, постоянно мѣшая и угрожая правильной организаціи правительственной власти. Сіесъ придумалъ фразу, которая должна была избавить отъ этой бѣды—*le pouvoir viendra d'en haut, le confiance d'en bas*. Этой формулой воспользовался генералъ Бонапарте, но воспользовался ею по-своему. На практикѣ эта формула выразилась въ упраздненіи мѣстнаго самоуправленія и въ новомъ конституціонномъ законѣ, который лишилъ, собственно говоря, націю права выбора своихъ представителей въ Законодательное Собраніе. По этому закону нація была предоставлена только выборъ кандидатовъ въ представители, избраніе которыхъ проходило три ступени и такъ сказать пропускалось черезъ тройныя трубы; самъ Наполеонъ признавалъ такое народное представительство *минимымъ* и метафизическимъ—подлинныя его слова въ мемуарахъ, диктованныхъ на островѣ св. Елены.

Но и это представительство, хотя правительство, внося въ

¹⁾ Известнаго генерала, реставрировавшаго Стюартовъ въ Англіи, послѣ смерти Кромвеля.

²⁾ Тэнъ при этомъ приводитъ документальныя справки о ненависти генераловъ республики Моро, Бернадота, Масенны, Лекурба, Монье и др. къ скупейникамъ (*calotins*). Во время переговоровъ о конкордатѣ они не только негодовали, но и составляли заговоры противъ перваго консула.

списки кандидатовъ всѣхъ высшихъ сановниковъ, имѣло возможность всегда провести ихъ въ нужномъ числѣ въ депутаты, въ избыткѣ предосторожности было предварительно закуплено. Депутатамъ собранія назначено было довольно крупное жалованье, размѣръ котораго былъ различенъ—отъ 10 тыс. до 30 тыс. франковъ въ годъ—и зависѣлъ отъ правительственной власти. Народные представители Законодательнаго Собранія прежде всего являлись просителями и должны были заручиться благосклонностью правительственной власти. Въ довершеніе мѣръ, принятыхъ съ цѣлью обращенія этого Собранія въ послушное орудіе власти, оно было раздѣлено на три камеры, съ цѣлью ослабить ихъ значеніе. Ни одной изъ этихъ камеръ не предоставлено законодательной инициативы, онѣ только обсуждали проекты, составленные правительствомъ. Кромѣ того каждой изъ этихъ камеръ были предоставлены лишь куски законодательной власти. Трибунатъ обсуждалъ законопроекты, но никакихъ постановленій не дѣлалъ. Законодательное Собрание (Corps Legislatif) издаетъ постановленія, но лишено права преній. Сенатъ охраняетъ законы, т. е. его задача блюсти и держать, въ установленныхъ предѣлахъ, это общее безсиліе законодательныхъ учрежденій.

Я тутъ не причемъ, сказалъ генераль Бонапарте Лафайету. Сіезъ насаждалъ повсюду какія-то тѣни власти, но такъ какъ правительство должно представлять какую-нибудь дѣйствительную силу, то я вынужденъ былъ организовать исполнительную власть, вложивъ въ нее живое содержаніе.

Эта послѣдняя была у него въ рукахъ, и всѣ остальные учрежденія обратились въ декоративныя украшенія или орудія его власти.

Безгласные члены законодательнаго корпуса ежегодно пріѣзжали въ Парижъ молчать въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, но какъ-то разъ Наполеонъ забылъ ихъ собрать, и никто не замѣтилъ ихъ отсутствія. Трибунатъ, много разглагольствовавшій, скоро надоѣлъ первому консулу, сначала онъ при содѣйствіи Сената, верховнаго стража конституціи, которой назначалъ трибуновъ, подлежащихъ къ выбытію (члены трибуната возобновлялись въ извѣстные періоды), очистилъ эту камеру отъ слишкомъ непокойныхъ ораторовъ, а затѣмъ и совсѣмъ упразднилъ это учрежденіе. Сенатъ сталъ главнымъ инструментомъ его правленія, чрезъ него Наполеонъ проводилъ и издавалъ свои законы (les Senatus consultes). Орудія такимъ образомъ

на верху и играя такую же комедию внизу, въ формѣ плебисцитовъ, онъ передѣлалъ свое десятилѣтнее консульство въ *полужизненное*, а затѣмъ въ имперію, т. е. въ окончательную и легальную форму диктатуры, которая получила въ ней свое полное выраженіе.

Такимъ образомъ Франція стала достояніемъ произвола одного лица, человѣка случая, выдвинутаго обстоятельствами, который, очевидно, будетъ исключительно думать о своихъ личныхъ интересахъ. Судьба страны была поставлена въ зависимость отъ того, насколько новый властелинъ ея согласуетъ свои интересы съ общимъ благомъ и какъ долго это согласіе продолжится.

Это былъ единственный, хотя и крайне рискованный выходъ изъ анархіи, потому что военный диктаторъ, спасши сначала страну отъ безначалія, можетъ затѣмъ разрушить все сдѣланное, увлекаясь своимъ безмѣрнымъ честолюбіемъ, которое росло въ немъ ласкаемое всеобщей лестью, вмѣстѣ съ опьяненіемъ торжествомъ успѣха.

Опасная перспектива для генія и здраваго смысла диктатора, не связаннаго ничѣмъ, отвѣтственнаго лишь передъ самимъ собою и притомъ не воспитаннаго въ историческихъ преданіяхъ наслѣдственной власти, для котораго все казалось возможнымъ.

Таковы горькіе плоды общественнаго разложенія, къ которымъ привела революція. Общественная власть гнила или искажалась—всякій тянулъ ее къ себѣ, какъ добычу, чувство общественнаго долга, сознаніе общаго блага изсякло. Люди, захватившіе власть, видѣли въ ней лишь орудіе для достиженія личныхъ цѣлей и держали ее въ своихъ рукахъ, пользуясь ею какъ средствомъ для злоупотребленій; она перестала такимъ образомъ служить своей цѣли и назначенію. Но такому порядку вещей надо подчиниться за невозможностью лучшаго и изъ опасенія худшаго. Наконецъ силой вещей эта власть переходитъ въ руки одного человѣка, способнаго возстановить требуемый общественными потребностями порядокъ и дать правильный ходъ развинтившейся правительственной машинѣ.

Затѣмъ Тэнъ пускается въ разсужденія отомъ, что всякое орудіе, по мѣрѣ совершенствованія, становится болѣе спеціальнымъ и приходитъ къ заключенію, что задачи государства съ развитіемъ его жизни должны быть точнѣе опредѣлены и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничены предѣлами спеціальной дѣятельности. Ди-

карь, живущій въ условіяхъ первобытной культуры, употребляетъ одно и то же орудіе, обточенный камень, для того чтобы рѣзать, пилить и колоть, у цивилизованнаго же челоуѣка для каждой изъ этихъ операций есть особое орудіе, при чемъ ножомъ нельзя хорошо пилить, а пилой—успѣшно рѣзать. Государство, присвоивая себѣ всю сферу общественной дѣятельности и выходя изъ своихъ естественныхъ предѣловъ, выполняетъ свою работу худо и грубо, съ меньшими результатами и большими издержками, чѣмъ тѣ общественныя единицы, которыя призваны къ ней. Такое вмѣшательство государства вредно отзывается на его собственной дѣятельности и кромѣ того убиваетъ общественную инициативу. Въ этихъ разсужденіяхъ Тена слышится голосъ доктринара французской либеральной школы, которая, утративъ сознаніе органической связи между государствомъ и обществомъ, силится размежевать области дѣятельности государства и входящихъ въ его составъ общественныхъ группъ, ограничивая задачи государственной власти охраненіемъ общественнаго порядка и безопасности.

II. МАТВВЕВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОФЕССОРЪ БЕЗСМЕРТІЯ.

Р а з с к а з ъ .

Лѣтъ десять тому назадъ, Семену Андреевичу Подгорскому, молодому человѣку красивому и не бѣдному, вышедшему изъ Московскаго университета кандидатомъ и служившему въ одномъ изъ министерствъ, предстояла на лѣто командировка въ калмыцкія степи. Командировки требуютъ нѣкоторыхъ приготовленій къ предстоящему дѣлу, и Семенъ Андреевичъ занимался ими. Между прочимъ обратился онъ и къ бывшему попечителю калмыцкаго народа, за старостью лѣтъ вышедшему въ отставку, и получилъ отъ него много матеріаловъ, справокъ, совѣтовъ.

Между прочимъ бывшій попечитель калмыковъ сказалъ ему, что въ степяхъ познакомится онъ, даже непременно долженъ познакомиться, съ чудачкомъ перваго разбора, нѣкимъ докторомъ медицины Петромъ Ивановичемъ Абатуловымъ; что небольшая усадьба его, на берегу Волги, Родниковка, это рай земной и, какъ мѣсто отдохновенія, самое лучшее; что жена его, Наталья Петровна—женщина красивая, но очень вольная и, даже, какъ выразился попечитель, можетъ быть преступная; что самъ Абатуловъ посвятилъ себя даровому лѣченію всякихъ больныхъ и что онъ „проповѣдуетъ“ что-то очень дикое, а именно доказываетъ, какъ онъ выражается, по даннымъ совѣмъ научнымъ, что душа человѣка не можетъ не быть безсмертною, но, въ то же время, самъ въ церковь не ходитъ.

— Я, случайно, какъ-то, объяснилъ бывшій попечитель калмыцкаго народа, присутствовалъ при одномъ подобномъ его разговорѣ и, помню очень хорошо, доказывалъ онъ намъ какъ-то очень странно безсмертіе души человѣческой. Чудакъ! его такъ и можно назвать „профессоромъ безсмертія“!

Бывшій попечитель калмыковъ снабдилъ Семена Андреевича письмомъ къ Абатұлову.

— Смотрите, не попадитесь на удочку къ Натальѣ Петровнѣ, сказалъ онъ, отдавая письмо.

Всѣ эти сообщенія не пропали для Семена Андреевича и, вырабатывая свой маршрутъ по калмыцкимъ степямъ, онъ устроилъ такъ, чтобы ему побывать въ Родниковкѣ два раза, вмѣсто одного.

I.

На самомъ берегу Волги, южнѣе Сарепты, расположено, какъ бы сказать...помѣстье? нѣтъ! слово помѣстье напоминаетъ помѣщика,—между человѣкомъ и землею существовала связь, не меньшая, чѣмъ между слѣдствіемъ и причиной, при чемъ опредѣленіе того: помѣщикъ ли породилъ помѣстье, или помѣстье помѣщика, являлось изстари повтореніемъ вопроса о молотѣ и наковальнѣ.

Эти тридцать девять десятинъ земли въ нашемъ разсказѣ не помѣстье, а собственность Петра Ивановича Абатұлова, человѣка лѣтъ пятидесяти отъ роду, доктора медицины, высокаго роста, съ небольшою лысиною, чрезвычайно добраго, хотя и необходимого, задумчиваго.

Поземельная собственность Петра Ивановича, расположенная на правомъ, нагорномъ берегу Волги, вытягивалась вдоль рѣчки узкой полоскою и являла въ двухъ половинахъ своихъ, низменной и высокой, такія двѣ противоположности, сопоставленіе которыхъ рядомъ, бокъ-о-бокъ, граничило съ чудомъ.

На верху, на правомъ берегу Волги вдоль отрога, вплотную къ его краю, начиналась на сотни верстъ степь, голая, преголая, лѣтомъ совершенно выжигаемая солнцемъ, поросшая будаками и полынью; зимою—царство бурановъ и снѣговъ. Внизу, подъ крутымъ, полупесчанымъ и полуглинянымъ, промытымъ дождями откосомъ берега, возвышавшимся сажень на тридцать, лицомъ къ другимъ безконечнымъ степямъ лѣваго берега

Волги и восходящему солнцу, имѣлось на лицо нѣчто совсѣмъ другое; тутъ пробивался обильный, всегда одинаково звонкій родникъ холодной, хрустальной воды и давалъ жизнь и красоту человѣческому жилью. Онъ пробивался для совсѣмъ короткой, но въ высшей степени богатой жизни. Считаая всѣ многочисленные извивы, которые дѣлалъ ручеекъ, скатываясь отъ горы къ Волгѣ, какъ бы стараясь продлить свое существованіе, въ немъ отъ истока до устья было никакъ не менѣе двухсотъ сажень длины. Послѣдній извивъ его былъ особенно любопытенъ; ручей, круто повернувъ назадъ, почти отъ самой Волги, приближался къ своему истоку; вернувшись къ нему издали, онъ былъ, казалось, уже такъ близко къ цѣли своего возвращенія, къ своей колыбели,—но могучая осокорь, словно вспѣнивъ жирную, твердую почву своими корнями и поднимая ее, направляла возвращавшагося сына земли назадъ, вспять, въ странствіе, къ Волгѣ; источникъ попадалъ въ небольшое, ровное русло и сбѣгалъ къ Волгѣ, уже безъ всякихъ извивовъ, прямехонько, всего сажень пятьдесятъ, точно убѣдившись въ тщетѣ своихъ стараній, тихонько журча по мелкимъ камешкамъ, по тихому, тихому склону. Богатая вода источника дѣлала лѣтомъ изъ этого уголка, подъ защитою высокихъ откосовъ, рай земной. Давно ли существуетъ этотъ источникъ, Богъ его знаетъ, но вѣрно только то, что въ долгіе, долгіе годы, онъ намылъ и образовалъ подлѣ себя богатый сочный наносъ чистѣйшаго чернозема и что подлѣ него, подлѣ его чистыхъ, хрустальныхъ струй, на жирной землѣ, подъ ласкою кжнаго солнца, разрослись и красовались такіе обрашки растительнаго царства, которымъ могъ бы позавидовать любой ботаническій садъ.

— Далеко ли до Родниковки? — такъ называлось владѣніе Петра Ивановича, — спрашиваетъ у ямщика случайный пробѣзжій.

— А вотъ она ужъ изъ земли вынырнетъ, баринъ! отвѣчалъ ямщикъ; — недалече!

Трактовая дорога пробѣгала саженьхъ въ 50 отъ домика Петра Ивановича, открывавшагося подъѣзжавшему дѣйствительно сразу, отъ края береговаго отрога. Ямщики съ великимъ удовольствіемъ заѣзжали въ Родниковку: ихъ накормятъ, напоютъ, а если, чего не дай Богъ, въ семьѣ у ямщика больной есть, или самъ онъ чѣмъ боленъ, или другой кто больной просилъ по пути завезти, такъ Петръ Ивановичъ и совѣтъ дастъ, и лѣкарство даромъ отпуститъ.

Жена Петра Ивановича, женщина лѣтъ тридцати, Наталья Петровна, красивая и бойкая, считала мужа только безумцемъ; когда-то фельдшерица, взятая имъ въ жены, она не цѣнила его; онъ видѣлъ въ ней болтушку, кокетку и, противъ всякой очевидности, думалъ, что на этомъ она и останавливается. Никонъ образомъ не представлялъ онъ изъ себя Отелло, но не имѣлось подлѣ него и Яго, который задался бы мыслью раскрыть ему глаза. Дѣло шло какъ по-писаному: Наталья Петровна брала отъ жизни все, что хотѣла взять, а Петръ Ивановичъ оставался въ невѣдѣніи и любилъ жену безконечно. Насколько въ уѣздѣ и губерніи чтили въ народѣ его, настолько ее не жаловали. Всякаго, направлявшагося въ Родниковку, злые языки предупреждали, что для Натальи Петровны, въ ея похожденіяхъ,—море по колѣна и что добрѣйшій въ мірѣ мужъ ничего рѣшительно не знаетъ и, повидимому, даже не хочетъ знать.

II.

Занялось прекрасное іюньское утро надъ Волгою. Вспыхнуло оно гдѣ-то далеко, за необозримыми степями лѣваго берега, и залило краснымъ полымемъ усадьбу Петра Ивановича, притаившуюся подъ тридцатисаженнымъ отрогомъ праваго берега, лицомъ прямо на востокъ. Пойдетъ солнце на полдень, наклонится къ западу, и усадьба будетъ объята мягкой полутѣнью, прохладю. Рай земной! Но теперь, раннимъ утромъ, всѣ невеликія комнатки ея были залиты косыми, красными лучами востока; блистали жемчугами и алмазами родникъ, а въ садикѣ, подлѣ него раскинутомъ, пылали и свѣтились насквозь тьмы отъ темъ всякихъ розовыхъ, голубыхъ, пунцовыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ, при чемъ особенно нѣжно сквозили, словно наливаясь алою кровью жизни, бѣлыя лиліи, исключительно любимыя хозяиномъ.

— Я ихъ особенно люблю, говаривалъ Петръ Ивановичъ, потому что лилія—цвѣтокъ Благовѣщенія! Кругомъ меня степь, обильно поросшая полынью, о которой не разъ упоминается въ „Апокалипсисѣ“, когда намѣчаются мрачныя краски послѣднихъ дней міра; подлѣ меня, въ саду, дорогой мнѣ цвѣтокъ Благовѣщенія. Когда-то всѣ, нынче посохшія, безводныя степи Иорданскія покрывались лиліями Соломоновыхъ пѣсней; отто-

го-то, что ихъ было тамъ такъ много, и взята она Архангеломъ Гавріиломъ, по пути, въ часъ благовѣствованія; ну и люблю я ихъ очень, потому что очень люблю самое Благовѣщеніе!

— Да вѣдь вы въ праздники не вѣрите?

— А все-таки Евангеліе первая въ мірѣ книга, и повѣствованіе о лиліи взято непремѣнно съ природы. Кто изъ насъ не ожидаетъ какого-либо благовѣщенія? Я, вотъ, въ церковь, дѣйствительно, мало хожу, а благовѣста церковнаго, безъ отъѣзда ему въ сердцѣ, слышать не могу. Я не имѣю поводовъ, къ великому моему горю, признать въ силу умственныхъ заключеній божественности Святаго Писанія—но я словно предчувствую это...

— Но вѣдь это противорѣчіе?

— И даже очень большое, но что же дѣлать, иначе не могу, пока-что не разъяснилъ себя.

Съ самой той минуты, какъ заронились первые багровые лучи въ комнатки усадьбы, Петръ Ивановичъ находился уже при занятіи въ своей амбулаторной комнатѣ: онъ принималъ больныхъ—прижигалъ, полоскалъ, рѣзалъ, перевязывалъ. Это повторялось рѣшительно каждый день. Мѣстные люди, большею частью калмыки, знали этотъ порядокъ, однажды заведенный. Издалека, съ обоихъ береговъ Волги, верстъ за двѣсти и болѣе, наѣзжали они къ доктору и рассчитывали время своего прибытія, по возможности, такъ, чтобы быть въ усадьбѣ съ вечера. Всю ночь, каждую ночь, подлѣ нея располагался небольшой караванъ прибывшихъ, мѣнявшійся въ своемъ личномъ составѣ почти ежедневно. Пускались по степи стреноженные лошади, видѣлся, изрѣдка, отдыхавшій въ лѣжку верблюдъ, просовывая кверху, на длинной шеѣ, свою губастую голову и совершая жвачку; затепливались костры, строились кибитки, растягивались пологи, звучала калмыцкая, рѣже нѣмецкая, еще рѣже русская рѣчь, но пѣсенъ почти не слышалось. Да и до пѣсней ли было людямъ усталымъ съ дороги; всякій здоровый являлся со своимъ больнымъ, со своею печалью. Къ восходу солнца открывалась амбулаторія.

На этотъ разъ больныхъ прибыло особенно много, и Петръ Ивановичъ не могъ кончить всей работы съ ними до отъѣзда переночевавшаго у него, при объѣздѣ благочинія, священника, отца Игнатія. Наталья Петровна ранѣе полудня никогда не вставала, такъ что кофе гостямъ приготавлилъ самъ Петръ Ивановичъ. Отношенія его къ священнику были взаимно-дру-

жескія; встрѣчались они часто, знакомы были давно и давно переговарили обо всемъ рѣшительно. Абатулловъ приостановилъ пріемъ больныхъ и вышелъ въ кабинетъ къ отцу Игнатію, которому предстояло выѣхать въ десять часовъ утра.

Обличіе отца Игнатія представлялось чрезвычайно внушительнымъ: высокій ростъ, длинная сѣдая, совершенно бѣлая и тщательно содержимая борода, длинныя кудри густыхъ сѣдыхъ волосъ на головѣ, небольшіе, но очень выразительные глаза и необыкновенно спокойное выраженіе лица, — вотъ что поражало человѣка при встрѣчѣ съ нимъ въ глухихъ степяхъ; казалось, что ему болѣе подобало бы священнодѣйствовать въ какомъ-нибудь столичномъ соборѣ, а не въ этихъ мѣстахъ.

Бесѣда между нимъ и хозяиномъ, за чашкою кофе, шла на обычные предметы, въ значительной степени „интимнаго“ свойства. Въ половинѣ десятаго казачекъ, парнишка, взятый изъ деревни и прислуживавшій въ домѣ, пришелъ доложить, что тарантасъ готовъ. Собесѣдники поднялись съ мѣстъ, и прощаніе ихъ служило, такъ сказать, общимъ выводомъ долгаго разговора.

— Такъ какъ бы это сдѣлать, Петръ Ивановичъ, говорилъ священникъ, чтобы Наталья Петровна ну хоть когда-нибудь, хоть для видимости, въ церковь заѣхала? Вѣдь, право, людей совѣстно, разспросовъ...

— Ну ужъ тутъ ничего не подѣлать съ нею.

— То-то, вотъ, отъ рукъ отбилась! Не хорошо, право, не хорошо. Молодая она и красивая женщина! Вѣдь и невѣсть что говорить могутъ, да и говорятъ...

— Знаю, знаю, перебилъ Петръ Ивановичъ, но что же мнѣ-то дѣлать?..

Петръ Ивановичъ только махнулъ рукою, и отецъ Игнатій замолчалъ, находя излишнимъ продолженіе рѣчи, уже неоднократно и на тотъ же предметъ веденной.

— Любишь ее больно сильно, Петръ Ивановичъ, вотъ что!!.. ну и попускаешь... а тоже потому, что самъ въ вѣрѣ не крѣпокъ. Вотъ ты въ душу безсмертную вѣришь, добрыя дѣла творишь, сердцемъ чистъ, а тоже въ церковь мало ходишь, тоже только для виду навѣжаешь; молитву на устахъ имѣешь, а въ сердцѣ ея нѣтъ, потому что вѣры настоящей въ тебѣ нѣтъ... Не хорошо, не хорошо, и жалко!

— Да откуда же ея, вѣры, взять-то, отецъ Игнатій, если Богъ не далъ?

— Богъ и плодовъ и хлѣбовъ земныхъ не далъ, если ихъ не собирать, а на деревьяхъ, да на стебляхъ оставлять; ты глядишь и не видишь, оттого и вѣры не имѣешь. Ну и пусто должно быть подлѣ тебя, Петръ Ивановичъ, и въ сердцѣ, тоже холодно, пусто!!..

Хозяинъ ничего не отвѣтилъ и ограничился довольно глухимъ вздохомъ. Собесѣдники простились; отецъ Игнатій сѣлъ въ тарантасъ, кони тронули, и колокольчикъ зазвенѣлъ. Не успѣлъ священникъ доѣхать до заворота на трактовую дорогу, какъ на встрѣчу ему попался тарантасъ Семена Андреевича. Встрѣчные поглядѣли другъ-на-друга и развѣхались въ разныя стороны.

Петръ Ивановичъ, заслышавъ приближеніе другаго колокольчика, продолжалъ стоять у подвѣзда. Кто бы это могъ быть? думалось ему. Обыкновенно пріѣзжіе ночевали у него и нерѣдко сутки и болѣе, проведенныя въ прохладной, уютной, отгѣненной высокими деревьями, усадьбѣ, послѣ жгучихъ перѣздовъ по степи, являлись живительнымъ бальзамомъ, смягчавшимъ и улаживавшимъ припаленныя степнымъ блескомъ глаза и высохшую подъ острымъ дыханіемъ грудь. Петръ Ивановичъ радъ былъ всякому человѣку. Въ этомъ отношеніи онъ являлся какъ бы тонкимъ гастрономомъ: новый чловѣкъ былъ для него новымъ блюдомъ, и онъ знакомился съ нимъ, наблюдалъ, изучалъ. При условіи полного душевнаго одиночества, несмотря на присутствіе очень шумной жены, при нерушимой регулярности занятій—новый чловѣкъ былъ для него—театромъ, музыкою, книгою, посѣщеніемъ общества, чтеніемъ газеты, любопытнѣйшимъ опытомъ и изслѣдованіемъ.

Семень Андреевичъ слѣзъ съ тарантаса и назвалъ себя по фамиліи, прося позволенія воспользоваться гостепріимствомъ Петра Ивановича на самый краткій срокъ.

— Чѣмъ дольше, тѣмъ лучше! отвѣтилъ хозяинъ и предложилъ пріѣзжему войти въ домъ.

— Жена моя еще не выходила, такъ не взыщите, что угощать васъ кофеемъ или чаемъ буду я.

— Благодарю васъ, отвѣтилъ Подгорскій, но я только-что пилъ.

— Гдѣ?

— Я ночевалъ за двадцать верстъ отъ васъ въ Казачьемъ хуторѣ.

— Очего же не у меня? Ну такъ я покажу вамъ вашу комнату, пожалуйста, освѣжитесь.

— Въ комнату, если позволите, пройду, а освѣжаться мнѣ тоже не отчего, утро прохладно, и переѣздъ сдѣланъ не-большой.

Хозяинъ провелъ Подгорскаго въ небольшое помѣщеніе для гостей, только-что прибранное послѣ отца Игнатія. За нимъ внесли чемоданъ.

— У меня къ вамъ, Петръ Ивановичъ, есть письмо отъ бывшаго попечителя калмыковъ.

— А! очень, очень пріятно. Ну что онъ? Здоровъ ли? Какъ устроился?

— Все какъ слѣдуетъ. Благодаря ему, я, подѣзжая къ вамъ, зналъ, что значитъ этотъ бивакъ подлѣ вашего дома.

— Да, да, все по-старому. Сегодня у меня ихъ особенно много; время жаркое и хирургическимъ больнымъ очень тяжело. Вотъ уже одиннадцатый часъ, а я еще не кончилъ съ ними.

— Такъ позвольте ужь и мнѣ посмотрѣть.

— Слѣжайте ваше одолженіе.

Любопытства ради Семенъ Андреевичъ присутствовалъ при приѣмѣ больныхъ.

Какія страшныя язвы зазіяли передъ нимъ, какія видѣлись страдавія людскія, изрѣдка сопровождаемыя, въ отвѣтъ на рѣзаніе ножа, на острую боль прижиганія или прополаскиванія, то стономъ, то крикомъ,—предстали передъ нимъ? Даже въ описаніи дантовскаго ада мало такихъ картинъ страждущаго человѣчества, какъ тѣ, что нашли себѣ мѣсто тутъ, на берегу Волги.

Но еще поразительнѣе казалось Семену Андреевичу то невозмутимое, какъ бы нечеловѣческое хладнокровіе, съ которымъ врачъ исполнялъ свои обязанности, подвязавъ бѣлый передникъ и засучивъ рукава; словно мясникъ какой-то, вылушничивалъ онъ, вырѣзывалъ, жегъ, спивалъ.

— Надо, однако, быть безсердечнымъ, думалось Семену Андреевичу, чтобы дѣлать все это съ такою невозмутимостью!

Гость почувствовалъ вначалѣ даже какое-то отвращеніе къ хирургу, но чувство это исчезло такъ же быстро, какъ пришло и, такъ сказать, потонуло въ томъ морѣ спокойствія и сознанія исполняемаго долга, которыя сказывались въ твердыхъ движеніяхъ рукъ Петра Ивановича. Часамъ къ двѣнадцати утра рѣзанія, прижиганія, перевязыванія подошли къ концу и на многихъ изъ пріѣзжихъ калмыковъ, нѣмцевъ и

русскихъ, готовившихся къ отбытію, бѣлѣли чистыя повязки и бинты.

Покончивъ работу и отпустивъ послѣдняго изъ больныхъ, Петръ Ивановичъ снялъ свой передникъ, прибралъ инструменты и тщательно обмылъ руки.

— Ну-съ, теперь можно и къ женѣ пройти, проговорилъ Петръ Ивановичъ, вытирая руки полотенцемъ; это время ея завтрака. Милости просимъ!

Хозяинъ провелъ гостя въ садъ, расположенный въ котловинѣ, по косогору. Бесѣдка, къ которой спускались они, находилась какъ разъ на полпути къ низменнымъ, песчанымъ наносамъ Волги, и совершенно утопала въ зелени. Отѣненная высокими осокорами, она была обвита, какъ громадною сѣтью, изумрудною листвою тыквы, расположенною на свѣтлыхъ, замѣвидныхъ стебляхъ. Наталья Петровна дѣйствительно уже сидѣла подлѣ стола и, покуривая папиросу, допивала вторую чашку кофе. Она приняла гостя очень любезно, протянула руку и просила сѣсть.

— А я теперь, съ вашего разрѣшенія, сказалъ Петръ Ивановичъ, пойду журналъ сегодняшнимъ больнымъ писать.

— Чудесная литература, громко проговорила Наталья Петровна: прыщи, раки, наросты, вывихи, изломы!!.

Петръ Ивановичъ улыбнулся и ушелъ. Подгорскаго будто что кольнуло въ сердце. Съ минуты прихода въ бесѣдку Семенъ Андреевичъ не могъ не замѣтить красоты Натальи Петровны и весьма свободнаго обращенія, вполне соответствовавшая той славѣ, которая о ней ходила. Въ голубоватой тѣни бесѣдки, кое-гдѣ прорѣзанной необычайно жгучими, чисто италянскими лучами солнца, она казалась брюлловской картиной. На ней было бѣлое, барежевое платье, съ кружевной оборкой, сквозь которую бѣжала пунцовая ленточка; черные глаза подъ тонкими, чрезвычайно изящными бровями и черные волосы, заплетенные въ могучую козу, кое-какъ приколотую на затылкѣ шпильками, замѣтны были рѣзче остальнаго.

— Ну какъ понравилась вамъ, Семенъ Андреевичъ, мясницкая мастерская моего мужа? Аппетитъ къ кофе возбудила? Не хотите ли?

Подгорскій отказался.

— Нѣтъ, серьезно, продолжала Наталья Петровна, я не знаю какъ другимъ, но для меня это невыносимо.

Семень Андреевичъ находился подъ впечатлѣніемъ чрезвычайно смутнымъ; задумчиво настроенный дѣятельностью доктора, онъ, подлѣ жены его, во вниманіе къ красотѣ ея и, въ особенности, припоминая рассказы о ней, былъ сразу объятъ стремниною самыхъ непримиримыхъ одно съ другимъ чувствъ. Противорѣчивость этихъ чувствъ вызвала въ немъ, помимо его воли, прежде всего, недовольство собою, потому что онъ попалъ въ это положеніе совершенно помимо желанія и не могъ не сознавать, что какъ-то связанъ, лишенъ свободы дѣйствій, что онъ — самъ не свой. Это настроеніе выразилось въ немъ, прежде всего, молчаливостью. Она становилось еще несуразнѣе благодаря нѣкоторой особенности его характера: Семень Андреевичъ чрезвычайно быстро привязывался къ женщинамъ, перемѣнъ не любилъ, а тутъ, во всеоружіи красоты, свободы и полной доступности, выросла передъ нимъ, въ степяхъ, словно изъ земли поднялась, женщина видимо неспособная къ маломальски продолжительной привязанности. Молчаливость его становилась молчаливостью злобною.

„Чортъ занесъ меня сюда, однако!“ думалось ему, и это было какъ бы нѣкимъ разрѣшеніемъ путаницы мыслей и чувствъ.

Разговоръ не клеился. Подгорскій воспользовался своимъ положеніемъ пріѣзжаго изъ столицы и нагородилъ цѣлый ворохъ свѣдѣній о томъ, о семъ, что для Натальи Петровны, во всякомъ случаѣ, являлось новинкою. Онъ умѣлъ говорить и, очень хорошо прикрывая состояніе своего духа словами, иногда очень ловкими, вызывалъ въ хозяйкѣ улыбки и даже смѣшки. Она, несомнѣнно, обманулась въ немъ; ничто не подкупаетъ женщинъ, какъ умѣнье заставить ихъ смѣяться; мушину этимъ не подкупишь.

— Вы ѣдете въ Астрахань, Семень Андреевичъ? проговорила она.

— Да-съ.

— И мнѣ туда надобно; хотите, поѣдемъ вмѣстѣ? Вы на сколько времени ѣдете?

— Право не знаю, чуть слышно проговорилъ Подгорскій. окончательно сбитый съ толку предложеніемъ Натальи Петровны: она, видимо, не теряла времени.

— Тамъ гостить теперь какой-то цыганскій хоръ. Вы цыганъ любите?

— Очень люблю, въ особенности, если ихъ слушать въ прѣ

сутствіи хорошенькихъ женщинъ, быстро отвѣтилъ Семень Андреевичъ, словно выпалилъ, для приданія себѣ бодрости, но въ то же самое время почувствовалъ какую-то необычайную тоску, какъ-бы боль въ сердцѣ, какую-то томительную глупость, безвыходность своего положенія.

„Да она, словно, всасываетъ меня въ себя!!! какъ та красавица на Цейлонѣ, о которой говорилъ мнѣ мой пріятель, кругосвѣтнѣйшій путешественникъ: послѣ двухъ дней стоянки, его пришлось тащить на фрегатъ почти силою, по приказанію капитана“, подумалъ Подгорскій и, не безъ удовольствія, замѣтилъ спускавшагося по косогору Петра Ивановича. Съ нимъ шло освобожденіе. За хозяиномъ слѣдовалъ какой-то отставной военный, человекъ лѣтъ тридцати, съ тоненькими усиками и несомнѣнно красивой наружности.

— Федоръ Лукичъ! милости просимъ! громко произнесла Наталья Петровна, какими судьбами?

„Вѣроятно одинъ изъ счастливецъ?“ невольно подумалъ Семень Андреевичъ, опытный въ этихъ дѣлахъ.

— Я къ вамъ съ предложеніемъ, отвѣтилъ Федоръ Лукичъ развязно, войдя въ бесѣдку.

Новыхъ знакомцевъ представили другъ дружкѣ; когда воѣ заняли мѣста, то Федоръ Лукичъ объяснилъ, что сегодня, къ тремъ часамъ пополудни, прибудетъ дистанціонный путейскій пароходъ, что на немъ ѣдетъ большое общество, что цѣль путешествія—рыбная ловля en grand: съ собою везутъ сѣти, рыбаковъ, палатки для устройства бивака, припасы, что взять поваръ исправника и что прогулка рассчитана на три дня.

— Можетъ быть и гость поѣдетъ съ нами, проговорилъ Федоръ Лукичъ, а, можетъ быть, и самъ Петръ Ивановичъ? Будутъ всѣ власти: исправникъ, товарищъ-прокурора, слѣдователь, лѣсничій, инженеръ, путеецъ, акцизный, такъ что на цѣлыхъ три дня люди останутся безъ всякаго управленія.

— Да, да, поѣдемте, Семень Андреевичъ, отличные господа! ознакомитесь также съ нашими рыбаками, проговорила Наталья Петровна.

— Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ нельзя будетъ, такъ какъ я уже распорядился о вызовѣ сюда нѣсколькихъ калмыцкихъ старшинъ.

— О! мы ихъ назадъ отправимъ, увѣренно и четко проговорилъ Федоръ Лукичъ, стоитъ только сказать исправнику и конецъ.

— Нѣтъ! увольте, прошу васъ, много благодаренъ.

— А ты, Петръ Ивановичъ? спросила хозяйка.

— Я съ гостемъ останусь.

— Да, ужь Петра Ивановича не вытащишь, проговорилъ отставной военный. И такую хорошенькую жену да на цѣльхъ три дня отпускать, да еще съ такими, какъ мы, молодцами— это смѣло, очень смѣло, добавилъ онъ съ какимъ-то худо скрытымъ и даже не скрываемымъ цинизмомъ.

„Должно быть, думалось Подгорскому, этотъ господинъ дѣйствительно является очереднымъ у Натальи Петровны?“

Положеніе Подгорскаго стало какъ-то чрезвычайно неловко; онъ взглянулъ изъ-подлобья на Петра Ивановича: хозяинъ чуть-чуть покачалъ головою, и едва замѣтная снисходительная улыбочка промелькнула по губамъ его.

— Ну ужь! къ этому мы привыкли, замѣтила очень громко Наталья Петровна и махнула рукою.

„Несомнѣнно, что мое предположеніе вѣрно“, заключилъ мысленно Подгорскій.

Разговоръ перешелъ на разные предметы, касающіеся края; говорили о рыбной ловлѣ, о какихъ-то недавно произведенныхъ, въ одномъ изъ кургановъ, раскопкахъ; позлословили на счетъ нѣкоторыхъ изъ лицъ, отправлявшихся на прогулку, курили папиросы, пили кофе и, наконецъ, разошлись.

III.

— Ъдутъ! Ъдутъ! закричалъ, часа въ два пополудни, Федоръ Лукичъ, взбѣгая по крутизнѣ сада къ дому отъ берега Волги.

— Вотъ это правильно! отвѣтила ему изъ окна Наталья Петровна.

Она высунулась изъ окна и взглянула сквозь листву высокихъ осокорей вверхъ по Волгѣ. Дѣйствительно: черный дымъ парохода видѣлся очень явственно въ яркомъ свѣтѣ горячаго дня, за однимъ изъ отроговъ и, минутъ черезъ тридцать послѣ этого, подлѣ домика Петра Ивановича образовались двѣ своеобразныя, одна съ другою не сливавшіяся, кучки людей, весьма типичныя для живописца.

Въ одной кучкѣ, здороваясь у подъязда съ хозяйкою и Федоромъ Лукичомъ, толпились прїѣзжіе гости, пассажиры

парохода, съѣхавшіе на берегъ всѣмъ обществомъ, для пріятія на пароходъ Натальи Петровны. Чрезвычайно длинный, съ гусиной шеей, представитель прокуратуры съ женою, какъ нельзя болѣе походившей на уточку; сухой, болѣзненный, вѣроятно чахоточный, судебный слѣдователь; немного сутуловатый горный инженеръ, съ биноклемъ на ремнѣ черезъ плечо; очень жирный акцизный чиновникъ съ племянницею (подъ этимъ именемъ извѣстна была хозяйка его дома, одна изъ величайшихъ мастерицъ міра въ кулинарномъ искусствѣ, что не мало способствовало прочности связи дяди съ племянницею); лѣсничій, молодой человекъ, не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ окончившій лѣсной институтъ и сильно пріударявшій за толькочто названною кулинарною племянницею; онъ же корреспондировалъ въ столичные газеты и, въ этомъ отношеніи, считалъ себя двойною властью. Вполнѣ величественъ оказался начальникъ парохода, громадный путеецъ; онъ и взошелъ-то на гору позже всѣхъ и здоровался съ меньшимъ наклоненіемъ головы; за спиною его покачивалось ружье, и красивая, почти розовая собака, изъ породы сетеровъ съ помѣсью ливретки, не отходила отъ его ногъ. Эта кучка гостей шумѣла, егосила, двигалась, много смѣялась и на свѣтлыхъ одѣяніяхъ ея, на кителяхъ мужчинъ, на бѣлыхъ зонтикахъ и легкихъ платьяхъ дамъ, какъ бы лежало сіянье: такъ любо было жаркому, степному солнцу глядѣть на этихъ веселыхъ, смѣющихся, довольныхъ міромъ и собою людей.

Другая кучка, расположившаяся въ нѣкоторомъ удаленіи отъ подъѣзда, между кибитокъ и тарантасиковъ, представляла изъ себя нѣчто вполнѣ противоположное. Полное молчаніе царило надъ нею и ярко бѣлѣли, между сѣрыхъ кафтановъ, охабней и темныхъ женскихъ юбокъ, молочно свѣтлыя перевязки и бинты, недавно наложенные Петромъ Ивановичемъ. Невзрачные, скулистые, съ рѣденькими бородками, калмыки, толстые, сочные колонисты-нѣмцы и очень немногіе русскіе; больные сидя, другіе, — здоровые, стоя, взирали на пріѣзжихъ, почтительно снявъ шапки. Не было между ними лицъ, если не задумчивыхъ, то, по крайней мѣрѣ, не сосредоточенныхъ и, насколько смѣялась и тараторила первая кучка здоровыхъ представителей власти, на столько молчала и соображала вторая кучка, состоявшая изъ большого народа.

— А, это ты, Захаръ! проговорилъ лѣсничій, завидѣвъ въ послѣдней кучкѣ осанистаго мужика и подходя къ нему; какія

*

это у тебя не клейменная бревна нашлись? Не въ первый разъ, братецъ! Смотри, плохо придется.

— Да вѣдь онъ и у меня свидѣтелемъ по другому дѣлу вызванъ; сегодня повѣстку послалъ, добавилъ судебный слѣдователь, подойдя къ Захару вплотную.

Захаръ поворачивалъ шапку въ рукахъ и молчалъ.

— А гдѣ же, господа, главная власть, исправникъ, Ѡаддей Ѡаддеичъ? громко проговорила хозяйка, не замѣчая его между прибывшими.

Ей объяснилъ немедленно судебный слѣдователь, что исправникъ, по пути, съѣхалъ на другой берегъ Волги, гдѣ его ожидалъ становой, для полученія какихъ-то приказаній относительно недалекой отсюда ватаги рыболововъ.

Вышелъ, наконецъ, на крыльцо и самъ Петръ Ивановичъ. Длинный, блѣдноватый, съ просѣдью въ бородѣ, онъ, здороваясь съ прїѣзжими, просилъ зайти въ домъ, но этого не исполнили, а прошли прямо въ садъ, въ бесѣдку. Тамъ находился Семень Андреевичъ—послѣдовало взаимное представленіе, приглашеніе гостя принять участіе въ прогулкѣ, его отказъ, упрашиванія и опять отказъ и, наконецъ, минутъ черезъ двадцать, вся шумная компанія налетѣвшихъ властей направилась къ пароходу, и въ Родниковкѣ настала глубочайшая тишина; молчаніе яркой степи отовсюду надвинулось на нее.

Наступилъ пятый часъ—время обѣда, и Петръ Ивановичъ съ Семеномъ Андреевичемъ отправились къ столу, накрытому въ бесѣдкѣ. Разговоръ между ними принялъ не сразу определенное направленіе, но къ концу обѣда онъ сталъ любопытенъ обоимъ.

— Да, говорилъ Семень Андреевичъ, глотнувъ кофе и потянувъ дымъ своей чрезвычайно тоненькой папирски, я очень интересуюсь именно метафизическими вопросами и, при томъ направленіи, которое имѣютъ современныя изслѣдованія естественныхъ наукъ, я положительно недоумѣваю: какъ можно не интересоваться ими. Вѣдь связь духа съ матеріею такъ наглядна, такъ ощутима, что, право, не видитъ ея развѣ только слѣпой.

— Вы, Семень Андреевичъ, говорите, что интересуетесь метафизическими вопросами, но я за метафизику, простите меня, гроша не дамъ. Хотя очень умный человѣкъ—Погодникъ и сказалъ, что мистическаго никто не искоренить изъ человѣ-

ческаго духа, но я—живое ему опроверженіе. Что касается до связи духа съ матеріею, то это дѣло другаго рода; но мнѣ любопытно знать: говорите вы это *in verba magistri* человѣка, занимавшагося естественными науками и филозофіею съ равною любовью, или только со словъ другихъ?

— Нѣтъ, я занимался ими и никакъ не забуду, какъ въ моемъ присутствіи закончилъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ свои лекціи о результатахъ естественныхъ наукъ знаменитый Гельмгольцъ.

— А вы слушали и его? перебилъ, видимо затронутый за живое, хозяинъ.

— Да, и очень долго. Онъ ознакомилъ насъ съ результатами, съ послѣдними словами естествознанія; читалъ онъ намъ по пяти разъ въ недѣлю, и аудиторія его бывала полнехонька. Намъ, слушателямъ, на послѣдней лекціи, онъ сказалъ: Господа, прощаясь съ вами, я долженъ, на дорогу вамъ, сказать слѣдующихъ нѣсколько очень вѣскихъ словъ. Не все, господа, можемъ мы объяснять одними только физико-химическими законами: есть вопросы, дойдя до которыхъ, естествознаніе останавливается и, повидимому, начинаютъ дѣйствовать законы другой компетенціи, а именно: филозофіи и метафизики, изложеніе которыхъ въ мою задачу не входитъ и должно быть предоставлено другимъ. Прощайте, господа! заключилъ профессоръ, и помните мои слова.

— Онъ такъ это и сказалъ? вы помните хорошо? спросилъ видимо встревоженный Петръ Ивановичъ.

— Помню, у меня эти слова даже записаны.

— Какъ удивительно, однако, совпадаютъ они, продолжалъ хозяинъ, съ другою картинкою, другаго мыслителя— Вундта! Вы и его слушали? Вѣдь онъ тоже профессорствовалъ въ Гейдельбергѣ, кажется, одновременно съ Гельмгольцемъ?

— Да, я и его слушалъ.

Петръ Ивановичъ протянулъ гостю руку и, съ видимымъ удовольствіемъ, пожалъ ее.

— Да, это было славное время Гейдельбергскаго университета, замѣтилъ Подгорскій. Тогда еще Стразбургъ не принадлежалъ французамъ. Я не разъ бесѣдовалъ съ Шлоссеромъ, Страусомъ, Гервинусомъ, Миттермайеромъ, Кирггофомъ, Буизеномъ, Блюнчли... теперь, кажется, большинство ихъ въ могилахъ.

— Да, да, Вундтъ говорилъ совершенно то же, что и Гельмгольцъ, продолжалъ Петръ Ивановичъ, какъ бы кончая вслухъ мышленіе, совершившееся втихомолку, я вамъ найду это мѣсто, найду... Вундтъ говоритъ, приблизительно, такъ: на все рѣшительно, что лежитъ передъ нами въ самомъ полномъ свѣтѣ познанія, накладываетъ свою колоссальную тѣнь причина причинъ и, дальше говоритъ онъ, что на все живущее ложится хотя что-нибудь изъ безконечности идей религіи... и это сказалъ не присяжный теологъ, а крупный изслѣдователь-естественникъ!

— Однако, возразилъ Семенъ Андреевичъ, о безсмертіи души человѣческой никто изъ нихъ не заикался?

Эти слова сказаны были гостемъ съ цѣлью окончательнаго опредѣленія почвы, на которую хотѣлось ему вызвать „профессора безсмертія“. Онъ не ошибся: Петръ Ивановичъ, видимо очень довольный совершенно неожиданною возможностью говорить съ ученикомъ Шлоссера, Гервинуса, Гельмгольца и другихъ, развернулся всѣмъ своимъ существомъ. Глава его блестяла, и онъ кинулъ недокуренную папирску на землю.

— Мнѣ очень пріятно видѣть, проговорилъ Семенъ Андреевичъ, вовсе не желая мѣшать хозяину и обливать его холодною водою, что вы, врачъ, естествовикъ, думаете такимъ образомъ.

— Я не первый-съ, много было первыхъ. Припоминаю я, что по смерти знаменитаго маленькаго Тьера, было гдѣ-то напечатано, если не ошибаюсь въ газетѣ „Liberté“, что въ бумагахъ его найдена рукопись, задачею которой было доказать безсмертіе души естественно-научнымъ путемъ!? Это думалъ сдѣлать Тьеръ, а Кантъ, — какъ вы это знаете, конечно, лучше меня, — писалъ, что безсмертіе души должно быть отнюдь не созданіемъ вѣрованія, а логическою несомнѣнностью. Оба они глубоко справедливы, очень глубоко, и это можно доказать.

Петръ Ивановичъ остановился. Онъ поплылъ на всѣхъ парусахъ по хорошо знакомому ему морю, и Семену Андреевичу предстояло очень немного труда, чтобы подогнать это плаваніе.

— Послушайте, Семенъ Андреевичъ, сказалъ Абатоловъ, послѣ непродолжительнаго молчанія, я вижу, что эти два, три дня, что вы проведете у меня, будутъ рядомъ бесѣдованій, но, до того, чтобы разумно бесѣдовать, прочтите небольшую тет-

радку, мною написанную. У меня, видите ли, доведена до конца очень большая работа, доказывающая безсмертіе души человѣка естественно-научнымъ путемъ.

— Съ естественно-научными доказательствами? спросилъ Подгорскій.

— Да! съ доказательствами. Всей огромной работы моей, идущей очень издалека, отъ фактовъ микроскопич, вамъ въ короткое время не прочесть, но заключеніе ея, послѣдній выводъ я вамъ представлю, объясню на словахъ, чтобы провѣрить себя. Для того, однако, чтобы вы могли логически слѣдовать за моимъ изустнымъ изложеніемъ, сдѣлайте мнѣ великое одолженіе и прочтите тѣ нѣсколько страничекъ, которыя я вамъ дамъ. Если вы прочтете ихъ внимательно, то увидите, что мои доказательства безсмертія могу я представить вамъ только въ томъ случаѣ, если вы признаете несомнѣннымъ, непоколебимымъ, непреложнымъ два окончательные вывода моей работы, предшествующіе доказательству безсмертія, а именно: первое, что организмы на землѣ, отъ временъ древнѣйшихъ постоянно совершенствуются, и второе, что однажды достигнутое совершенствованіе — сохраняется. Вы можете быть уже видите, какъ отъ этихъ двухъ несомнѣнностей перейду я къ доказательству безсмертія? Развѣ не свѣтитъ вамъ въ выводѣ изъ нихъ безсмертная, свободная, трепещущая въ радости душа человѣка?

— Нѣтъ, не вижу этого, отвѣтилъ улыбнувшись Семенъ Андреевичъ, но нѣкоторое смутное понятіе о той сторонѣ, въ которую вы будете двигаться въ вашихъ доказательствахъ, я, приблизительно, имѣю. Во всякомъ случаѣ это крайне любопытно, и я прошу васъ дать мнѣ тетрадку.

— Вы не раскаиваетесь въ томъ, что не поѣхали на пароходѣ?

— Ни мало.

— Только объ одномъ напоминаю я вамъ, Семенъ Андреевичъ, самымъ настоятельнымъ образомъ: я хочу и буду объяснить вамъ мою теорію, но я могу объяснить вамъ ее только при томъ условіи, что вы, какъ я, примете за несомнѣнныя, вполне научно, помните—научно, доказанныя двѣ истины: постоянное совершенствованіе организмовъ и сохраненіе усовершенствованныхъ формъ! Это, немножко, Дарвинъ, если хотите, но не совсѣмъ Дарвинъ. Когда вы прочтете мою тетрадку, то скажете мнѣ: согласны или нѣтъ? Если не согласны

и этихъ двухъ выводовъ не признаете, то о дальнѣйшемъ не можетъ быть и рѣчи; если же вы признаете—тогда поговоримъ.

Вечерѣло. Пылающій жаръ окрестныхъ степей начиналъ спадать, когда собесѣдники направились къ дому и прошли въ кабинетъ, гдѣ, на письменномъ столѣ, въ одномъ изъ угловъ, лежала небольшая, листовъ въ шесть или семь, тетрадка. Петръ Ивановичъ вручилъ ее гостю.

— Помните, сказалъ онъ, отдавая ее, безъ того, чтобы вамъ признать „совершенство“ и „сохраненіе“ усовершенствованныхъ формъ организмовъ, дальнѣйшаго разговора между нами быть не можетъ. А теперь, пока что, я пойду къ моимъ больнымъ, вечеръ всегда оказываетъ удивительное вліяніе на хирургическихъ больныхъ. Думаю, что этому много причинъ и, между прочимъ, можетъ быть, вліяніе красокъ въ атмосферѣ. Что краски очень сильно вліяютъ на состояніе душевнобольныхъ, это подтверждено недавними опытами; больныхъ помѣщали въ комнаты съ разной окраской; меланхолики, въ розовыхъ комнатахъ, успокаивались даже на другой день; красный цвѣтъ дѣйствовалъ хорошимъ, возбуждающимъ образомъ на больныхъ съ угнетеннымъ состояніемъ духа; синій, голубой и зеленый успокаивали, особенно голубой. Взгляните, какимъ лазурнымъ стало къ вечеру наше палашее небо; моимъ больнымъ, должно быть, легче; хотите взглянуть?

— Пойдемте, проговорилъ Семенъ Андреевичъ, хотя, сказалъ онъ это не особенно охотно, потому что тетрадка, находившаяся у него въ рукахъ, могла быть прочитана въ какіе-нибудь полчаса, и ему ужасно этого хотѣлось.

Когда оба они пошли по направленію къ кибиткамъ калмыковъ, люди, находившіеся у кибитокъ, увидя ихъ, задвигались; многіе приподнялись съ мѣстъ и сняли шапки.

IV.

Тетрадка, переданная Семену Андреевичу и прочитанная въ тотъ же вечеръ Подгорскимъ, заключала въ себѣ слѣдующее:

„Оконченная мною работа, которой посвятилъ я около двадцати лѣтъ труда, которая, можетъ быть, появится когда-либо въ печати, цѣликомъ, раздѣляется на два крупныхъ отдѣла.

Первый отдѣлъ.

Тутъ, прежде всего, намѣчаются мною права гипотезы въ наукѣ вообще; въ данномъ случаѣ это тѣмъ болѣе необходимо, что, во вниманіе къ самому предмету, подлежащему доказательству, доказать его ощутимо, *ad oculos*, совершенно невозможно. Моя гипотеза не является чѣмъ-то безусловно новымъ, невиданнымъ, въ силу общаго закона „пульсаціи“ въ мысляхъ человѣчества, т. е. того, что въ мысляхъ этихъ, какъ и въ органической жизни вообще, то и дѣло возникаютъ уже бывшія сочетанія. О томъ, что подъ солнцемъ ничто не ново, говорилъ еще царь Соломонъ. Но подобно тому, какъ въ природѣ ни одинъ ударъ пульса не можетъ быть похожъ на другой, какъ ни тождественны они съ перваго взгляда, уже потому, что одинъ ударъ является „предшествующимъ“, другой „послѣдующимъ“, возникающимъ при совершенно новой обстановкѣ, какъ самаго организма, такъ и всего остальнаго міра, такъ и въ мірѣ психической дѣятельности человѣчества есть своя пульсація, но нѣтъ повтореній.

За изложеніемъ сказаннаго я, вооружившись, на сколько могъ, выводами естествознанія, подкрѣпленными многими сотнями примѣровъ, прихожу къ заключенію, что въ природѣ, между міромъ неорганическимъ и органическимъ, т. е. между всѣми такъ называемыми тремя царствами природы, существуетъ связь самая полная, единеніе и перекрещиваніе самое внушительное; что перегородки между царствами природы и въ нихъ самихъ поставлены только человѣкомъ, что онѣ, фактически, не существуютъ, но могутъ и должны быть сохраняемы только для удобства изслѣдованій и изученія.

Такое же точно единеніе, такую же точно цѣлостность должно видѣть въ силахъ и законахъ, направляющихъ всѣми царствами природы, такъ какъ нельзя не признать свѣта, тепла, электричества, движенія и пр., по существу своему вполне тождественными; если гдѣ эта тождественность, это единеніе не доказаны, то это только вопросъ времени, труда и удачи. Въ качествѣ чего-то очень близкаго къ правдѣ надо признать, что, въ строгомъ смыслѣ, въ природѣ нѣтъ ни прошедшаго, ни настоящаго, ни будущаго, нѣтъ великаго и малаго, быстрого и медленнаго, сильнаго и слабого, и т. д. Перегородки, и въ этомъ отношеніи, поставлены только человѣкомъ, подлежатъ, для удобства изученія, сохраненію, но фактически не существуютъ.

Установивъ, такимъ образомъ, полное единеніе въ природѣ, признавъ то, что, по справедливости, называется „божественнымъ строемъ міроздавія“, я доказываю, вслѣдъ затѣмъ, что и человѣкъ не составляетъ никакого исключенія, и ни въ чемъ не является снабженнымъ особыми привилегіями, кромѣ, однако, одной: въ качествѣ послѣдняго слова творенія, въ качествѣ его согопа triumphalis, дальнѣйшее развитіе міроздавія, согласно всему прежде бывшему, можетъ совершаться впредь, такъ сказать, только сквозь него. „Пока что“, человѣкъ ни что иное, какъ послѣднее звено въ безконечной цѣпи всѣхъ развитій, сотворенное въ послѣдній, шестой день творенія и, какъ таковое, находится, если угодно, въ положеніи исключительномъ.

Для доказательства того, что между человѣкомъ и остальною природою нѣтъ никакого скачка, я привожу своевременно тоже весьма достаточное количество фактовъ и затѣмъ прихожу къ исключительно важному для меня выводу того, что законы, созидающіе и направляющіе жизнь въ природѣ, во многомъ тождественны съ законами, направляющими все то, что творитъ человѣкъ при посредствѣ своего духа; что въ мірѣ мысли и чувствъ своеобразно повторяется „причинность“, существующая въ химіи, физикѣ, динамикѣ, статикѣ, механикѣ, зоологіи, ботаникѣ, астрономіи и пр.

При изложеніи этого существенно важнаго для меня вывода, я, волею-неволею, не имѣя возможности, какъ объ этомъ было сказано выше, распоряжаться видимыми доказательствами, прибѣгаю къ убѣдительности аналогій, сходствъ, тождествъ. Если чрезвычайно вѣскою въ наукѣ является поставленная прочно гипотеза, то не менѣе внушительны и аналогіи; если одна овца—не стадо, двѣ, три овцы—не стадо, но, положимъ, пятьдесятъ овецъ — уже несомнѣнно стадо, то то же должно сказать и объ аналогіяхъ: если одна, двѣ, десять, сто аналогій еще не доказательства, то достигнуть же онѣ, наконецъ, своею численностью, своею яркостью, такой убѣдительности, окажутъ такой дружный напоръ на мышленіе человѣка, что явятся во всеоружіи несомнѣнныхъ доказательствъ ad oculos.

Сѣверъ находится на одной изъ сторонъ нашего горизонта, и тождественныя указанія всѣхъ магнитныхъ стрѣлокъ подтверждаютъ это; мои аналогіи и магнитныя стрѣлки, въ данномъ случаѣ, одно и то же.

Особенно сподручною и цѣнною для меня, на службѣ моимъ

выводамъ, должна служить самая молодая изъ всѣхъ наукъ— „психофизика“, уже открывшая, по вопросу о связи духовной дѣятельности человѣка съ физическимъ міромъ, необычайно много. Она, въ недалекомъ будущемъ, бесспорно дастъ мнѣ недостающія теперь доказательства *ad oculos*, при лицезрѣніи которыхъ будетъ уже совершенно ясно, что все исходящее отъ души человѣка (т. е. изъ его мыслей, фантазій, чувствъ и т. д.) и составляющее объекты ея творчества, а именно: науки, искусства, законодательства, дѣянія, военное дѣло, ораторская рѣчь, симфонія, домъ, мостъ, философская система, каналъ и пр., и пр., составляютъ ничто иное, какъ продолженіе творчества самой природы, творчество ея черезъ посредство человѣка, нѣчто подобное тому, что совершаетъ дерево, наливая свой плодъ и давая сѣмя. Въ исторіи творчества человѣка, т. е. въ развитіи всей его дѣятельности, въ самомъ широкомъ ея значеніи, нельзя не признать частнаго вида творчества самой природы; это можетъ быть доказано, и доказывается мною въ длинномъ рядѣ примѣровъ зарожденій, развитія, болѣзней, прививки, распространенія, смерти и другихъ біологическихъ и фізіологическихъ актовъ въ существованіи произведеній творчества человѣческаго духа. Ихъ можно, для удобства, назвать не совсѣмъ точнымъ именемъ „психическихъ организмовъ“, не въ томъ смыслѣ, чтобы они имѣли голову, ноги, сердце и т. д. (хотя и существуютъ организмы безъ органовъ), а въ томъ, что въ своеобразномъ мірѣ произведеній творчества человѣческаго духа, составляющемъ въ нашемъ мірѣ отнюдь не меньшій, чѣмъ онъ, міръ, они являются какъ бы отдѣльными, самостоятельными, свое бытіе имѣющими „индивидуумами“. Напоминаю, что еще св. Августинъ назвалъ міръ „самымъ большимъ изъ всѣхъ видимыхъ организмовъ“. Вспомнимъ также, что какой-нибудь микроскопической амѣбѣ ея удлинненіе замѣняетъ органы движенія и хватанія, что весь организмъ ея, по словамъ Грюна, одновременно: рука, ротъ и пищеварительный сосудъ. Нужно ли, чтобы и у организма неперемѣнно имѣлись органы? Я буду просить читателя обратить особенное вниманіе на эти, на первый взглядъ курьезные, „психическіе организмы“ моего сочиненія. Лучшаго слова, чѣмъ „организмъ“, въ особенности во вниманіе къ тому, что существуютъ въ природѣ организмы безъ органовъ, я положительнѣйшимъ образомъ подобрать не могъ. Названіе это смѣшно съ перваго взгляда, но только съ перваго. Психическимъ организмомъ называю я все

рѣшительно, безъ всякаго исключенія, что сотворено духомъ человѣка: дѣяніе, пѣсню, картину, мостъ, химическій опытъ, битву, исторію, законодательство и т. д. Всѣ эти организмы, всѣ безъ исключенія, имѣютъ свое зарожденіе, развитіе, болѣзни, смерть и т. д. Возьмемъ, для рѣзкости примѣра, „мостъ“. Я не знаю количества всѣхъ мостовъ, существующихъ на свѣтѣ, но я знаю, что ихъ столько, что, напримѣръ, количество словъ на землѣ, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо меньше; у нихъ есть своя исторія, свои системы, свои районы распространенія, свои слабыя стороны, т. е. болѣзни, и вліяніе ихъ на жизнь земли вполнѣ и ежеминутно ощутимо. Приведемъ еще другой примѣръ: какъ велико количество типовъ и лицъ, созданныхъ беллетристами, поэтами, драматургами? Это тоже психическіе организмы, населяющіе землю очень своеобразнымъ населеніемъ, и попробуйте отрицать причинность ихъ появленія, ихъ развитія, распространенія, вліянія на жизнь человѣка и пр.? Психическіе организмы въ моей системѣ чрезвычайно важны, такъ какъ есть основаніе полагать, что слѣдующее развитіе родовъ и видовъ животныхъ, какъ полагаютъ Спенсеръ и Грюнъ, совершится не въ отношеніи физическомъ, но развитіемъ мозговыхъ отправленій человѣка, а вѣдь это-то и есть мои „психическіе организмы“!?

Напомню также, что этотъ взглядъ мой на соотношеніе творчества природы и человѣка тоже давно уже, только недостаточно ярко, сознавался другими. Знаменитый языковѣдъ Миллеръ, какъ извѣстно, считалъ науку языковѣдѣнія одною изъ составныхъ частей естествовѣдѣнія; старикъ Винкельманъ думалъ примѣнить къ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній естественно-научный методъ; знаменитый Бэръ пытался объяснять вопросы исторіи чрезъ посредство естественныхъ наукъ, а безсмертный Шиллеръ намѣтилъ полное сходство между процесомъ, происходящимъ въ зернѣ, до появленія ростка, и тѣмъ, что происходитъ въ душѣ художника до появленія на свѣтъ его произведенія. Такихъ примѣровъ могъ бы я привести цѣлый рядъ.

Такъ какъ при изложеніи всего перечисленнаго мнѣ нужно было придерживаться какой-либо изъ болѣе извѣстныхъ и наиболѣе подходящихъ мнѣ системъ, то я предпочелъ придерживаться системы Дарвина и его ближайшаго дополнителя и послѣдователя Геккеля. Дарвинъ, надѣлавшій еще такъ недавно столько шума и, несмотря на то, быстро забываемый, все-таки

остається однимъ изъ величайшихъ мыслителей. Конечно, много правды также и въ его возражателяхъ, на примѣръ, въ Данилевскомъ, и несомнѣнно, сильные удары нанесены его знаменитой теоріи „себя-приспособленія“, хотя бы недавнимъ открытіемъ на глубинѣ четырехъ тысячъ метровъ въ пучинахъ морскихъ, куда не проникаетъ ни одинъ солнечный лучъ, рыбъ, снабженныхъ чрезвычайно сложными глазами и богатыхъ красками, что по теоріи Дарвина было бы невымыслимо, такъ какъ глаза въ вѣчной тьмѣ должны бы были подвергнуться полному уничтоженію (атрофіи); самъ Дарвинъ отъ мнѣшаго подъ конецъ отказался; но, тѣмъ не менѣе, система его, все-таки, остається полною системою. Для цѣли, мною себѣ намѣченной, очень сподручною оказалась схема фізіологическихъ и біологическихъ явленій, выработанная Геккелемъ. Я взялъ ее почти цѣликомъ и наполнилъ параграфы ея, весьма послѣдовательно развивающіе бытіе „организмовъ природы“, характеристиками бытія „психическихъ организмовъ“ творчества человѣческаго духа. Къ великому изумленію моему, и почти противъ ожиданія, по окончаніи этой многолѣтней и кропотливой работы, получилъ я нѣчто достаточно цѣльное, свидѣтельствующее очень наглядно, что и въ творествѣ человѣческаго духа есть свои формации, своя біологія, несомнѣнно, есть зарожденія и смерти организмовъ, есть графически ясное ихъ распространеніе по землѣ, есть въ нихъ болѣзни острыя и хроническія, есть причины преждевременной и старческой смерти и т. п.

Когда, такимъ образомъ, параллельность, или тождественность, въ бытіи произведеній природы и произведеній творчества человѣка опредѣлилась для меня съ достаточною полнотою, я не могъ не вывести двухъ главныхъ основаній, общихъ для того и другаго бытія:

1) Въ исторіи развитія организмовъ всего міра, начиная отъ протоплазмы и кончая мыслью Ньютона или Шекспира, ясно, какъ Божій день, что, съ нѣкоторыми исключеніями, съ нѣкоторыми отступленіями (регрессами), все твореніе несомнѣнно совершенствуется (по-Дарвиновски — дифференцируется), улучшается, и что

2) Усовершенствованіе, однажды имѣвшее мѣсто, съ малыми исключеніями и отступленіями, сохраняется и на будущее время, чѣмъ обуславливается нарожденіе еще болѣе усовершенствованныхъ формъ, устраняющихъ и замѣняющихъ формы менѣе совершенныя.

Этими двумя, чрезвычайно важными для моей теоріи выводами, закончилъ я „первый отдѣлъ“ моего труда. Если кто изъ людей, ознакомившихся съ нимъ, найдетъ, что какъ обшая мысль, такъ и эти два послѣднихъ вывода неправильны или не доказаны, или недостаточно мотивированы, или не ясно изложены и дурно, не логично, не научно выведены, то я просилъ бы такого читателя вовсе не затруднять себя чтеніемъ „второго отдѣла“; у такого читателя не будетъ подъ ногами почвы, и ему придется гулять въ красивыхъ, любопытныхъ, но воздушныхъ замкахъ.

Если же, наоборотъ, извинивъ ту или другую неточность, допустивъ ту или эту неполноту, выводы эти, въ общемъ ихъ значеніи и несомнѣнности, будутъ приняты читателемъ, то я могу идти съ нимъ рука объ руку дальше, къ доказательствамъ наивеличайшей истины: безсмертія единоличной души человѣка. Я думаю, что многое въ Священномъ Писаніи, въ общихъ чертахъ своихъ, можетъ найти вполнѣ научныя объясненія и подтвержденія, и въ этомъ смыслѣ наука такая, какою ей предназначено быть, наука, сомнѣвающаяся во всемъ, даже въ самомъ Богѣ, испытующая все, даже самого Бога, дерзающая изслѣдовать все, даже молчаливую молитву человѣка, наука, которая, если можно такъ выразиться, будетъ дышать сомнѣніемъ, исполнить извѣстное приглашеніе молитвеннаго стиха, гласящаго: „Всякое дыханіе да хвалить Господа!“ Вѣчно сомнѣвающаяся наука непремѣнно восхвалитъ Бога! Я думаю не солгать, сказавъ, что критической оцѣнкой Бога, т. е. изслѣдованіемъ Его, занимается каждый теологъ въ своей книгѣ, каждый церковный проповѣдникъ въ своей проповѣди. Отчего же не сдѣлать этого философу и естествоиспытателю? Принимая на себя смѣлость подвергнуть критической оцѣнкѣ идею безсмертія, я приглашаю пошедшаго со мною читателя, пугающагося, однако, прöderзости изслѣдователя, и выдающаго, въ силу привычки или шепетильности, святотатство не только въ обстановкѣ и методѣ изслѣдованій этихъ великихъ истинъ, но уже и въ самомъ намѣреніи изслѣдовать ихъ, припомнить одно мѣсто изъ „Дѣяній апостольскихъ“, а именно: извѣстное видѣніе сосуда, спускавшагося съ неба и наполненнаго гадами, которые предложено было апостолу Петру съѣсть; апостоль отказался; тогда въ другой разъ заговорилъ голосъ съ неба, объясняя ему: „Что Богъ очистилъ, того ты не почитай нечистымъ“. Сомнѣніе во всемъ можетъ показаться гадомъ, но чело-

вѣку данъ умъ, и этотъ умъ снабженъ оружіемъ сомнѣнія, и именно на тотъ конецъ, чтобы онъ пользовался имъ вездѣ и всегда“.

На этомъ оканчивалась тетрадка—рукопись Петра Ивановича. Семенъ Андреевичъ прочелъ ее, какъ сказано, въ тотъ же вечеръ.

V.

Наступило утро. Хороша ты, степь безконечная, въ твоемъ величіи особенно утромъ! Никого кромѣ птицы не видится надъ тобою въ пространствахъ небесныхъ; нѣтъ у тебя самой ни очей, ни слуха, а, между тѣмъ, такъ и кажется, что кто-то присушь въ тебѣ, кто-то думаетъ надъ тобою, или сама ты задумалась думою необъятною, думою безконечною! Какъ бы отчаяваясь въ невозможности измѣрить тебя и, все-таки, желая обозначить вещественнымъ знакомъ, что возникло у кого-то такое дерзкое намѣреніе — измѣрить, кто-то раскидалъ по тебѣ еле-видными морщинками глубокіе, черные буераки, въ которые, въ темную, воробьиную ночь, какія тутъ иногда бываютъ, валятся и путникъ и звѣрь, а въ осенніе и весенніе ливни устремляется небесная вода и бурлитъ, и клокочетъ, и размываетъ землю, и становится грязною. Весною, вся въ тюльпанахъ, ты, степь,—подвѣнечная красавица; палящимъ лѣтомъ ты высушенная мумія египетской властительницы, принимавшей когда-то на свои розовыя щеки поцѣлуи всемогущаго царя весны—фараона; въ долгую осень ты своенравная, дряхлѣющая въ великихъ размѣрахъ своихъ и еще большихъ воспоминаніяхъ о быломъ, римская матрона, а зимою—ты наша русская красавица, съ алымъ румянцемъ на щекахъ, теплая, горячая, потому что, гдѣ же, какъ не въ снѣгахъ, отогрѣвается путникъ, застигнутый роковою мятелью: ты приголубливаешь его, грѣешь и ты спасаешь.

Такъ, или не такъ, думалъ Семенъ Андреевичъ на утро слѣдовавшаго за передачей ему тетрадки дня, отправившись въ степь погулять, сказать трудно, но что онъ шелъ глубоко задумчивымъ, такъ это несомнѣнно.

Еще вчера вечеромъ прочелъ онъ всю тетрадку; сегодня утромъ прочелъ онъ ее еще разъ, прочелъ внимательно, о чемъ и сообщилъ Петру Ивановичу, случайно встрѣтившись

съ нимъ на порогѣ дома: хозяинъ вышелъ посмотрѣть на своихъ больныхъ, на прежнихъ и на вновь прибывшихъ.

Что это такое за человѣкъ, Петръ Ивановичъ, думалось двигавшемуся по степи Семену Андреевичу; сумасшедшій, или оригинальный умъ? Что сказалося въ тетради: бредъ галлюцината или начальный лепетъ какой-то будущей чудесной рѣчи, первые звуки совѣмъ новаго характера, новаго инструмента, незнакомые нашему слуху, но способные сложиться во что-то необыкновенно величавое, въ какую-то мировую музыку? Если Семенъ Андреевичъ думалъ такъ и не отнесся къ тетради и человѣку, ее написавшему, болѣе сдержанно, то это надо приписать, конечно, его молодости и воспримчивости.

Если признать Петра Ивановича за сумасшедшаго, то, думалъ онъ, во-первыхъ, откуда же эта ясность его жизни, это глубокое, хрустальное спокойствіе, казалось бы, вовсе не обусловливаемое его семейными отношеніями? Если онъ сумасшедшій, то какъ объяснить несомнѣнную логичность общаго изложенія всей его системы, выработанной, повидимому, до мелочей, потребовавшей двухъ десятковъ лѣтъ работы и громадныхъ свѣдѣній? Какъ понять это долгое, сознательное упорство въ преслѣдованіи своей мысли, поднимающее его надъ уровнемъ житейскихъ нуждъ въ какое-то олимпійское спокойствіе? Можетъ ли чепуха дать олимпійское спокойствіе? Правда: говорятъ, что и сумасшедшіе, со своихъ точекъ зрѣнія, строго покойны, логичны, что они тоже безконечно упорны, но, ни съ этою ихъ логикой, ни съ этимъ ихъ упорствомъ не могутъ согласиться другіе люди—не сумасшедшіе. А между тѣмъ, думалось Семену Андреевичу, я, какъ будто, не прочь согласиться. Или я самъ сумасшедшій?

Подгорскій, при этой страшной мысли, даже приложилъ руку къ головѣ и остановился.

Степь раскидывалась далеко кругомъ, быстро нагрѣваемая утреннимъ солнцемъ; вправо, кое-гдѣ, за возвышенностями, поблескивала Волга. Родниковка видѣлась позади, вершинами своихъ старыхъ осокорей, видѣлись кибитки подлѣ нея, и мимо Семена Андреевича проѣхала, дребезжа по сухотѣ пустыни, еще новая кибитка, направляясь туда же. Высоко въ небѣ рѣяли ястреба, и запахъ полыни слышался все сильнѣе и сильнѣе; полыни росло вокругъ видимо-невидимо и, при ходьбѣ по ней, запахъ этотъ словно пробуждался отъ своей утренней дремоты и билъ въ носъ.

Семенъ Андреевичъ, какъ бы дохнувъ свѣжести и величія степи, озаренной солнцемъ, немедленно убѣдился въ томъ, что онъ самъ не сумасшедшій, и даже улыбнулся своей мысли.

Но если, продолжалъ онъ думать, Петръ Ивановичъ тоже не сумасшедшій, какъ и я, то отчего же, совершенно помимо моего собственнаго желанія, чувствую я, что отношусь къ нему какъ-то свысока, саркастически? Вѣдь онъ, видимо, безконечно умнѣе, начитаннѣе меня, а по характеру жизни, по добру, которое онъ дѣлаетъ—и сравнивать насъ нечего? и почему же имѣю я право относиться къ нему свысока? Гдѣ мои основанія? И почему же, чувствуя въ себѣ присутствіе какой-то смѣшливости, я, тѣмъ не менѣе, безмѣрно заинтересованъ разоблаченіемъ его доказательствъ безсмертія? Вѣдь онъ, въ концѣ концовъ, всѣ свои сужденія вилами на водѣ пишетъ, потому что, по самому существу дѣла, они не могутъ быть иными. Но что особенно сильно подкупаетъ меня, такъ это полное отсутствіе въ немъ всякаго мистицизма; этотъ человекъ, повидимому, отваживается прикасаться къ самымъ отвлеченнымъ вопросамъ, такъ сказать, прямо пальцами и при полномъ дневномъ свѣтѣ. Удивительно! и очень, очень любопытно, если не глупо! Но какъ шутить, однако, жизнь человѣческая: этакому Петру Ивановичу дать такую жену, какъ Наталья Петровна? Этакаго Петра Ивановича посадить къ калмыкамъ, въ Родниковку? Что-то дѣлаетъ теперь развеселая пароходная компанія, и какъ провели они первую ночь?

Сообразивъ, что ранѣе часу Петръ Ивановичъ отъ своей работы не освободится, Подгорскій предпочелъ посидѣть и взглянуть въ тетрадку, которую онъ несъ съ собою, еще разъ. Онъ отыскалъ заключеніе „Перваго отдѣла“, гдѣ говорилось о необходимости признанія двухъ главныхъ основаній, согласившись съ которыми, можно идти впередъ во „Второй отдѣлъ“.

— Особенно сильныхъ опроверженій тому, что въ природѣ имѣется нѣкоторый ходъ къ лучшему, къ усовершенствованію, я, пожалуй, не подберу... да и противъ того, что однажды имѣвшее мѣсто усовершенствованіе удерживается, сохраняется на будущее время, хотя и условно, я тоже сокрушающихъ возраженій не имѣю... Все дѣло въ тѣхъ фактахъ, которые, какъ говоритъ Петръ Ивановичъ, приведены имъ въ огромномъ числѣ и по всѣмъ отраслямъ званій и изъ всей дѣятельности человѣка; приходится вѣрить на слово. Удивительно

дерзка мысль „психическаго организма“! Дѣяніе человѣка, пѣсня, научное изслѣдованіе, Троицкій мостъ, симфонія Бетховена, доброе дѣло, злой поступокъ—все это, если слѣдовать теоріи Петра Ивановича, — „психическіе организмы“, или „индивидуумы“, и у нихъ имѣется своя жизнь. Такъ и видятся у нихъ и глаза и уши? Впрочемъ это не совсѣмъ такъ, потому что Петръ Ивановичъ прямо говоритъ гдѣ-то, что произведенія творчества человѣка называетъ онъ „психическими организмами“, не въ силу того, чтобы у нихъ имѣлись голова, ноги, сердце и что въ самой природѣ имѣются на лицо организмы безъ всякихъ органовъ. Но, въ концѣ концовъ, все это мелочи, пустяки, пробѣлы, если угодно, а съ двумя послѣдними выводами я, какъ будто-бы, долженъ согласиться. Я согласусь съ ними, конечно, хотя бы только на словахъ, чтобы вызвать Петра Ивановича на дальнѣйшее сообщеніе, къ самому доказательству безсмертія. Любопытно, въ высшей степени любопытно! А вѣроятнѣе всего, что, все-таки, вилами на водѣ пишеть!

Семень Андреевичъ, съ тетрадкою въ рукахъ, обуреваемый самыми противорѣчивыми соображеніями, сидѣлъ на краю буерака, свѣсивъ въ него ноги. На днѣ буерака еще залегала невеликая тѣнь, но цѣлая семья небольшихъ змѣй, чуя приближеніе жаркаго времени, уже выползла изъ норокъ и шуршала въ сухихъ стебляхъ умершихъ прошлою осенью травъ, сложенныхъ сюда осенними вѣтрами; прошло еще нѣсколько минутъ, и чешуйки на змѣяхъ заискрились въ солнечныхъ лучахъ. Со стороны Волги раздался свистокъ парохода, и видѣлся черный дымокъ. Съ другой стороны, со стороны степи, вдругъ обозначилось какое-то облачко пыли; что то двигалось оттуда, по направленію къ Семену Андреевичу, и скоро различилъ онъ, что, прямо на него, мчался весьма большой табунъ. По мѣрѣ приближенія, облако пыли росло неимоверно и несло въ мѣстѣ съ конями. Табунъ быстро близился, земля начинала звенѣть и дрожать, и не трудно было отличить сквозь пыль, окружавшую лошадей, что ихъ подгоняли, сидя на коняхъ и помахая длинными арапниками, два калмыка въ большихъ, вислоухихъ шапкахъ. Табунъ мчался прямо на буеракъ, на краю котораго сидѣлъ Подгорскій, и кони, двигавшіеся по степи широкою лавою, по мѣрѣ приближенія къ началу буерака, стягивались къ нему и, одни за другимъ, начали спускаться въ глубь его, по направленію къ Волгѣ; несомнѣнно, что путь былъ

нимъ знакомъ—путь къ водопою. Необычайно красиво совершался этотъ спускъ табуна, стягивавшагося на всемъ скаку въ темное углубленіе буерака; вскинувъ хвосты и помахивая гривами, сталкивались одна съ другою лошади разнообразнѣйшихъ мастей, отъ пѣгихъ до саврасыхъ, вплотную одна къ другой, и словно вливались въ буеракъ какою-то покрытою пѣною живою стремниною. Калмыки заскакивали съ боковъ, направляя къ буераку тѣхъ немногихъ коней, что не знали своего дѣла и не хотѣли попасть въ буеракъ. Направивъ, какъ слѣдовало, весь табунъ, табунщики сами спустились, сподзали, внизъ по самой кручѣ боковъ буерака, со смѣлостью и ловкостью паразитическою. Непосредственно вслѣдъ за этимъ налетѣла на Семена Андреевича поднятая табуномъ невообразимо-густая пыль, и солнце, сквозь нее, показалось ему коричнево-золотистымъ.

Солнце стояло уже очень высоко, и слѣдовало вернуться въ Родниковку, для опроса старшинъ мѣстныхъ калмыковъ, въ званыхъ Семеномъ Андреевичемъ еще съ вечера. Онъ возвратился, весь объятый своими противорѣчивыми мыслями, но исполнѣ готовый признать, хотя бы на словахъ, „совершенство-ваніе“ организмъ и „сохраніе усовершенствованныхъ формъ“, для того чтобы вызвать Петра Ивановича на доказательство безсмертія.

VI.

Въ послѣобѣденное время, въ самый жаръ, Родниковка покоилась, объятая самымъ полнымъ молчаніемъ, что случалось съ нею чрезвычайно рѣдко, такъ какъ у Натальи Петровны постоянно гостили гости. На этотъ разъ не было ни самой хозяйки, ни кого-либо изъ обычныхъ гостей, потому что большинство ихъ уѣхало на пароходѣ, а кто остался въ уѣздномъ городѣ и могъ бы пріѣхать, тѣ всѣ знали, что хозяйка въ отлучкѣ, а съ Петромъ Ивановичемъ необычайно скучно, и ѣхать въ Родниковку незачѣмъ.

Невеликій домикъ помѣщался, какъ сказано, въ котловинѣ на правомъ берегу Волги и, благодаря этому, еще отъ одиннадцати часовъ утра и до поздняго вечера, находился въ постоянной тѣни и отличался замѣчательною прохладкою. Комната Петра Ивановича, такъ называемый кабинетъ и, рядомъ съ нимъ, лабораторія и амбулаторія выходили четырьмя окнами сво-

*

ими къ источнику, и вѣчный говоръ неумолкающихъ струй его проникалъ въ комнаты и замиралъ между множества стклянокъ, банокъ, ретортъ и книгъ. И тутъ, какъ въ бесѣдкѣ, широкіе, изумрудные листья тыквы, на толстыхъ, свѣтлыхъ, эмблеобразныхъ, очень длинныхъ стебляхъ, одѣвали наружную стѣну и всползали даже на черепичную крышу домика и лѣзли въ окна. Въ комнатѣ, на стѣнѣ противоположной окнамъ, въ качествѣ картины, но не образа, висѣло превосходное, писанное масляными красками изображеніе Распятія—копія съ извѣстнаго Распятія Брюллова, находящагося въ Петербургѣ въ лютеранской Петропавловской церкви; книгъ виднѣлось очень много, и на письменномъ столѣ лежала особнякомъ грузная библія синодальнаго изданія. Въ амбулаторіи, что поражало посѣтителя, въ двухъ противоположныхъ углахъ помѣщались два изображенія: въ одномъ освѣщалась лампадою икона Богородицы всѣхъ скорбящихъ радости, въ другомъ калмыцкая икона съ Буддою въ срединѣ и съ четырьмя его воплощеніями по угламъ. Для большинства больныхъ, посѣщавшихъ Петра Ивановича, имѣла значеніе именно эта икона.

Часы только-что пробили пять по полудни, когда Петръ Ивановичъ, съ своимъ гостемъ, послѣ обѣда, вошли въ кабинетъ и размѣстились совершенно удобно въ двухъ большихъ креслахъ, другъ противъ друга, подлѣ окна.

— Ну, что же-съ, спросилъ Петръ Ивановичъ, прочли?

— Прочелъ. Я, безусловно, отношусь къ тѣмъ читателямъ, которые желаютъ идти съ вами впередъ.

— Но вѣдь вы должны мнѣ вѣрить на слово, что я дѣйствительно имѣю въ своемъ распоряженіи множество фактовъ изъ всѣхъ отраслей человѣческаго бытія, подтверждающихъ мою основную мысль о томъ, что произведенія творчества человѣка, или какъ я называю ихъ, не совсѣмъ удачно, „психическіе организмы“, во многомъ подчинены тѣмъ же законамъ, что и произведенія самой природы и что творчество человѣка есть только продолженіе творчества природы.

— Я вѣрю вамъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Петръ Ивановичъ, я приступаю, если угодно, къ изложенію моей системы. Но съ самаго начала я долженъ предупредить васъ, что, если вамъ угодно будетъ прослушать изложеніе моей теоріи о безсмертіи, то я, при изложеніи, зачастую даже, буду прямо, и безъ обиняковъ, говорить вамъ, что на то или другое я вамъ наглядныхъ до-

казательствъ дать не могу. Но вы ихъ и требовать не можете! Вѣдь и естественникъ часто не даетъ вамъ таковыхъ и въ томъ или другомъ мѣстѣ своего изслѣдованія непремѣнно останавливается передъ загадкою. Очень добросовѣстенъ въ этомъ случаѣ Тиндаль, говорящій прямо, что, въ сущности, сама матерія мистична и трансцендентальна, а изъ Шопенгауэра и Гартмана ясно, что въ человѣкѣ даже пищевареніе—мистично! Естественникъ, имѣя довольно ясное пониманіе о томъ, какъ изъ протоплазмы развивается органически живанъ, самаго появленія протоплазмы все-таки не понимаетъ! Намъ, людямъ, дано дѣйствовать своимъ умомъ только въ какомъ-то ограниченномъ свѣтломъ кругу, за которымъ для насъ существуетъ одна только великая тьма. Этотъ свѣтлый кругъ, это мѣстечко, въ которомъ мы можемъ работать, очень не велико. Человѣчество окружено, собственно говоря, двойною тьмою: тьма по протяженію, по пространству, потому что мы не знаемъ, гдѣ границы, есть ли границы вселенной и что за ними, и тьма во времени, ибо мы не знаемъ, что было, что будетъ; но мы очень хорошо знаемъ, что дѣлается кругомъ насъ. Уносясь въ каждое мгновеніе, со всею солнечною системою нашею куда-то, въ одну сторону, по одному направленію, наша земля уноситъ съ собою и этотъ свѣтовой районъ знанія, въ которомъ мы работаемъ, зажженные Богомъ, согласно библіи, въ шестой день. Во всякой наукѣ есть своя периферія свѣтлаго круга, и исключеніе составляетъ, почему-то, одна только математика съ ея развѣтвленіями, не имѣющая, такъ сказать, ограниченія периферіею. Почему для нея такое исключеніе, не скажетъ вамъ никто, это тайна, но оно, пока что, несомнѣнно. Велика, по протяженію въ пространствахъ небесныхъ, компетенція нѣкоторыхъ изъ естественныхъ наукъ нашихъ, но, такъ сказать, рукъ своихъ они ни до какого свѣтила не протянутъ и водорода, имѣющагося на солнцѣ, не зачерпнутъ, тогда какъ въ вычисленіяхъ астронома, основанныхъ на томъ, что $2 \times 2 = 4$, функціонируетъ отдаленнѣйшая планета и, несмотря на то, что она вѣситъ въ сто, въ тысячу разъ болѣе нашей земли, она подчиняется вычисленію, входитъ въ него скромною цифрою и, въ данное мгновеніе, дѣйствительно явится на томъ мѣстѣ, гдѣ астрономъ скажетъ ей быть. Почему эта исключительная сила математики—не знаю. Я буду, поэтому, просить васъ, при моихъ доказательствахъ довольствоваться тѣмъ, что я могу доказать, и уволить разъ навсегда отъ всякой метафизики.

— Я сказалъ, что математическое вычисленіе не ограничивается никакою периферіею. Какія причины этой особености положенія математики въ ряду другихъ наукъ, я не знаю, но я знаю, что у нея самой есть удивительная особеность: она не допускаетъ никакой лжи, никакой ошибки. Полагаю также, что во всей вселенной математика должна быть одна и та же и тоже не допускаетъ лжи. На Сатурнѣ или на Солнцѣ можетъ не хватать того или другаго тѣла или газа, могутъ существовать особыя животныя, для которыхъ кислорода не надо, и, наоборотъ, могутъ произрастать растенія, питающіяся кислородомъ, могутъ существовать сирены съ рыбьими хвостами, циклопы съ однимъ глазомъ или гуляющіе на головахъ, но что $2 \times 2 = 4$, это должно имѣть мѣсто и тамъ. Скажу къ слову, такъ, въ видѣ анекдота, что и наша земля иногда какъ бы шалить съ общими законами: у насъ существуютъ мясоядныя растенія, есть растенія, дышашія кислородомъ, есть двигающіяся растенія, есть тѣла, въ противность общему правилу, расширяющіеся при охлажденіи и если ледъ плаваетъ по водѣ, то онъ дѣлаетъ это только въ силу страннаго противорѣчія всему остальному; въ противность другимъ веществамъ, холодѣетъ отъ растягиванія каучукъ. Подобною же, какъ бы шалостью, можно назвать и то, что ощущеніе свѣта въ нашихъ глазахъ можно вызвать химически, пріемомъ нѣкоторыхъ веществъ и механически—ударомъ или надавливаніемъ глаза; электрическимъ токомъ можно вызвать къ дѣятельности не только наше зрѣніе, но также и слухъ, и обоняніе, и вкусъ, и совершенно правъ Бернштейнъ, когда говоритъ, что всѣ наши пять чувствъ это только развитіе одного основнаго чувства—осязанія: слѣпые видятъ ощупью, рыбы слышать костями и еслибы, случайно, нашъ слуховой нервъ сросся съ глазнымъ, а глазной со слуховымъ, то мы могли бы видѣть симфонію и слышать картину. Вы видите, что и тутъ такое же единеніе, какъ между царствами природы и силами, ими управляющими. Но это анекдотическая вылазка—я перейду къ дѣлу.

— Эрстедтъ, этотъ почтенный Гумбольдтъ Дани, замѣчаетъ совершенно справедливо, что если разнообразіе формъ бытія во всей вселенной можетъ быть безконечно велико, такъ велико, что земля съ ея формами окажется вполнѣ бѣдною, сиротною, но основные законы движенія, тяготѣнія, физическіе и химическіе, у насъ, несомнѣнно, одни и тѣ же со всѣми мірами. Если тяжесть на Юпитерѣ въ $2\frac{1}{2}$ раза больше чѣмъ у насъ, суг-

ки длятся только 10 часовъ, годъ равенъ нашимъ 11 годамъ, а солнце кажется въ 25 разъ меньшимъ, чѣмъ намъ, то это именно различіе доказываетъ единство закона. Кругъ, эллипсъ, парабола пишутся мыслящими существами другихъ планетъ, если они есть и если они пишутъ, не иначе какъ нами, а чувства красоты и безобразія, въ общихъ основаніяхъ, должны быть у нихъ тѣ же самыя, что у насъ.

— Я намѣтилъ нѣсколько общихъ линій, продолжалъ Петръ Ивановичъ, и теперь, для того чтобы идти дальше, позвольте мнѣ задать вамъ одинъ вопросъ, отъ отвѣта на который будетъ зависѣть возможность дальнѣйшей рѣчи. Представляете вы себѣ бытіе земли и вселенной, какъ нѣчто системное, логичное, опредѣленнымъ законамъ подчиненное и, въ силу этого, непременно направляющееся къ извѣстной цѣли, стремящееся къ ней, или, наоборотъ, видите вы въ этомъ бытіи нѣчто, хотя и подчиненное законамъ и всей ихъ строгости, но ни къ какой цѣли не направляющееся, какую-то толчею на мѣстѣ, хотя и вполне законно совершающуюся, но все-таки толчею, безъ опредѣленной цѣли и неизвѣстно во имя чего? Одно изъ двухъ? Что признаете вы, Семенъ Андреевичъ?

Сказать по правдѣ, Семенъ Андреевичъ уже заслушивался Петра Ивановича, его спокойной, увѣренной рѣчи, которой такъ чудесно вторилъ родникъ подъ окномъ. Онъ не ждалъ этого вопроса.

— Какъ вы говорите? что спрашиваете? проговорилъ онъ быстро, да, понимаю, понимаю, сообразилъ! Толчеи не могу я признать ни въ какомъ случаѣ! должна быть конечная, или, лучше, ближайшая цѣль, иначе міръ — безуміе, а какіе же въ безуміи могутъ быть законы?

— Ну, конечно, отвѣтилъ Петръ Ивановичъ, слѣдовательно: существуетъ логика бытія, цѣль... Обращу теперь ваше вниманіе на нѣкое удивительное совпаденіе естественной науки и ученія библіи. Много вызывало святотатственныхъ насмѣшекъ ученіе библіи о томъ, что земля образована прежде солнца, а между тѣмъ, новѣйшая наука, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, возвращается къ геоцентрическому воззрѣнію. Такъ нѣкоторые ученые замѣчаютъ, что земля дѣйствительно болѣе удобна для развитія высшей мысли, чѣмъ, напримѣръ, Меркурій, гдѣ жаръ и свѣтъ въ 7 разъ сильнѣе, чѣмъ у насъ, или Нептунъ, гдѣ онъ въ 900 разъ слабѣе. Въ этомъ смыслѣ мы, люди, имѣемъ нѣкоторое основаніе полагать, что

человѣкъ, въ данную минуту, есть высшее развитіе органической жизни міровданія и что, въ этомъ смыслѣ, мы дѣйствительно тѣ „избранные“, о которыхъ говорится въ библіи, и говорится не разъ. Напомню вамъ также, что интеллектуальнымъ центромъ міровданія признавалъ землю и Гегель, причѣмъ довольно забавно, въ порывѣ любви къ землѣ и предпочтеніи ея, называлъ звѣзды не болѣе какъ „свѣтовою сыпью“, блестящею для земли; почтенный филозофъ, какъ вы видите, увлекался!

— Теперь, продолжалъ Петръ Ивановичъ, я суммирую то, что сказалъ вамъ: во-первыхъ, не требуйте отъ меня доказательствъ *ad oculos*, ихъ, иногда, должно не хватать; во-вторыхъ, не забудьте, что земля, какъ мѣсто для развитія высшей мысли, является въ условіяхъ значительно лучшихъ, чѣмъ многія другія планеты; въ-третьихъ, что выводы, дѣлаемые нами на основаніяхъ математики и естествознанія, обязательны и для всѣхъ уголковъ вселенной; въ-четвертыхъ, что въ бытіи вселенной имѣется на лицо законная логичность, имѣется цѣль и направляющая къ ней, и что, въ-пятыхъ, эта направляющая свидѣтельствуетъ намъ, что жизнь и ея формы идутъ къ улучшенію и что однажды совершившееся улучшеніе сохраняется, не исчезаетъ. Вотъ въ этомъ-то сохраненіи, въ этомъ неисчезаніи высшихъ формъ и заключается мое доказательство единоличнаго безсмертія души человѣка...

Сказавъ эти слова съ большою ихъ разстановкою и немного усиливъ голосъ, Петръ Ивановичъ остановился; свѣтлая, по глубокая дума осѣнила его лицо...

Пока Петръ Ивановичъ молчалъ, звуки родника усилились необычайно, такъ показалось, по крайней мѣрѣ Семену Андреевичу, потому что, волею-неволею, Подгорскій подчинялся несомнѣнной гипнозѣ, всегда сообщаемой отъ человѣка убѣжденнаго и вѣрящаго и проявляющейся иногда съ такою явственностью и несомнѣнностью.

— Теперь, продолжалъ Петръ Ивановичъ, къ самому доказательству... Тысячи, многія тысячи лѣтъ нужны были землѣ, чтобы изъ паровъ и каленія отложить твердыя основы, чтобы на нихъ могла развиться растительная и животная жизнь, чтобы, мало по малу, отъ самыхъ слабыхъ, еле видныхъ начатковъ жизненной индивидуальности въ какой-нибудь зооспорѣ, развивать ее, т. е. личность, индивидуальность, въ другихъ высшихъ организмахъ, и чтобы, наконецъ, появился въ шестой день,

человѣкъ, вѣнецъ творенія, высшее, пока что, слово его, самая полная индивидуальность. Съ появленіемъ человѣка, высшаго индивидуума, появились на землѣ умъ, мысль, въ дѣйствительномъ ихъ значеніи и со всѣми необычайно великими, дурными и хорошими, послѣдствіями; въ человѣкѣ, пока-что, достигло кульминаціоннаго, или, правильнѣе, высшаго пункта (кульминація предполагаетъ обратное вслѣдъ за тѣмъ движеніе развитія внизъ, къ чему мы, въ данномъ случаѣ, не имѣемъ ни малѣйшаго научнаго основанія) развитіе „индивидуума“, характерною особенностью котораго являются всѣ безтѣлесныя способности человѣка, т. е. то, что называется „душою“. Начатки, первообразы этихъ способностей имѣются, какъ извѣстно, такъ же въ низшихъ животныхъ, въ инфузоріяхъ, монадахъ, зооспорахъ, амѣбахъ, они достигаютъ значительно большаго развитія въ высшихъ животныхъ, но послѣднимъ, высшимъ словомъ этого развитія является индивидуальная, непремѣнно индивидуальная, душа человѣка. До души животныхъ, сказывающейся иногда даже съ поразительною интенсивностью, намъ нѣтъ никакого дѣла, потому что мы должны говорить только о высшемъ, что имѣется на лицо, о томъ, что подлежитъ, слѣдовательно, дальнѣйшему развитію, потому что этого дальнѣйшаго развитія изъ низшей формы, скачкомъ въ высшую, минуя среднюю, мы никоимъ образомъ допустить не можемъ, не противорѣча общему ходу развитія бытія, во всей его послѣдовательности тысячелѣтій. Выше человѣческой души созданіе, до сегодня, не произвело ничего и, по существу своему, такая душа, какъ сказано, должна быть непремѣнно индивидуальна. Собирательная (коллективная) душа, т. е. „душа человѣчества“, какъ и безсмертіе такой „души человѣчества“ тоже не совсѣмъ абстрактъ, но меня, въ данномъ случаѣ, не касается.

— Ну, скажите же теперь сами: можетъ ли это быть, чтобы твореніе, то и дѣло развиваясь, съ трудомъ и съ усиліями необычайными выработывая, на основаніи непреложныхъ законовъ, высшую форму, душу человѣка, непремѣнно „индивидъ“, личность, сразу обрывалось на смерти этого „индивида“, на уничтоженіи, съ такимъ трудомъ и въ такое долгое время, до-развившейся „души“!? Всегда и вездѣ природа сохраняла, оберегала высшую изъ выработанныхъ формъ бытія, чтобы изъ нея идти дальше, а тутъ, на самой высшей формѣ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, отступаетъ она отъ этого тысячелѣті-

ями соблюдавшагося закона и умерщвляетъ ее! Одно изъ двухъ: или все бытіе земное ничто какъ безумье, иронія, мыльный пузырь — но тогда зачѣмъ же предвѣчныя, несомнѣнныя, непреклонныя, математически-точные законы мірозданія, зачѣмъ вся эта обстановка строгой логичности для надувательства кого-то, для какого-то важнаго, триумфальнаго, законнаго шествія въ глупѣйшее ничто? или, наоборотъ, если законы — не шутка, если жизнь дѣйствительно логична и развитіе въ извѣстномъ направленіи — ея суть, тогда признайте въ гибели одиночной души человѣка, т. е. высшаго индивидуума, совершеннѣйшую невозможность, полное отрицаніе всей остальной жизни, всѣхъ несомнѣнныхъ законовъ бытія, какой-то невѣроятный, безпричинный скачокъ по совершенно противоположному всему движенію бытія направленію! Но, признавъ невозможность гибели души, что будетъ совершенно правильно, предоставьте же ей, въ силу сохраненія однажды выработанныхъ, улучшенныхъ формъ, дальнѣйшее развитіе, т. е. загробную жизнь...

— Вы знаете, что я врагъ всякой метафизики и, могу васъ увѣрить, что я не выйду, какъ не выходилъ до сихъ поръ, изъ того свѣтлаго круга мышленія, въ которомъ назначено намъ мыслить. До периферіи его я васъ доведу, но слѣдовать за вами далѣе не буду. Если вамъ угодно, вы пойдете дальше сами, но я въ метафизику ни на шагъ.

— Первыми и самыми важными вопросами, возникшими, конечно, и въ васъ, если допустить загробную жизнь души, являются вопросы о томъ: можно ли представить себѣ душу безъ тѣла и гдѣ же совершаться дальнѣйшему развитію индивидуальной души? Отвѣчу на нихъ по порядку, безъ всякой метафизики.

— Можно ли представить себѣ душу безъ тѣла? Отвѣта на этотъ вопросъ я вамъ дать не могу, по принципу, потому что онъ чисто метафизическаго свойства и, думаю, что поступаю основательно, сказавъ прямо, безъ обиняковъ, что этого я не знаю. Въ данномъ случаѣ я поступаю, можетъ быть, слишкомъ даже добросовѣстно; я могъ бы воспользоваться и метафизикой, потому что даже такой реалистъ, какъ Вундъ, не отрицаетъ, что существуютъ метафизическія основанія, взятая прямо изъ опыта и науки. Но я буду вѣренъ себѣ. Упомяну только къ слову, что многіе, нашъ казанскій профессоръ Лобачевскій, иностранцы Римапъ, Шмицъ-Дюмонъ, считаютъ себя вправѣ придти къ заключенію, будто-бы алгебра даетъ намъ возможность

прозрѣвать, провидѣть другія измѣренія пространства чѣмъ тѣ, которыя намъ извѣстны? Я не математикъ, провѣрить ихъ не могу, но и отрицать не смѣю. Если дѣйствительно существуетъ четвертое измѣреніе, намъ неизвѣстное, но только угадываемое, и его предвидятъ математики, на основаніи математики, то я рѣшительно не вижу причины не предполагать возможнымъ отдѣльное существованіе, въ неизвѣстныхъ намъ условіяхъ, однажды образовавшейся души? Но, какъ я уже сказалъ, я не буду говорить о возможномъ, я останусь при необходимомъ и несомнѣнномъ. На этотъ вопросъ и вамъ отвѣта, какъ сказано, не дамъ.

— Перехожу ко второму вопросу: гдѣ же совершаться дальнѣйшему развитію души? Или, другими словами: можетъ ли она исчезнуть для насъ? Исчезаетъ ли что-либо изъ мірозданія?

— Законъ, открытый въ 1824 году Карно и распространенный въ его послѣдствіяхъ на все мірозданіе, въ 1853 году, Томсономъ, гласитъ такъ: „Только въ томъ случаѣ, если тепло переходитъ отъ тѣла болѣе нагрѣтаго къ тѣлу менѣе нагрѣтому, можетъ оно быть преобразовано въ механическую силу, и то только нѣкоторою частью своею“. Большая часть переходитъ безъ всякой работы и ведетъ лишь къ уравненію температуры; тѣла, одинаково нагрѣтыя, обмѣниваются лучистою теплотою, но работы при этомъ происходитъ не можетъ, между тѣмъ какъ механическая сила переходитъ въ тепло непрерывно. Если вселенная будетъ предоставлена совершенію нынѣшнихъ физическихъ условій, то, въ концѣ-концовъ, весь запасъ силъ движенія перейдетъ въ тепло, а тепло, въ свою очередь, — въ равновѣсіе температуры. Тогда исчезнетъ причинность какихъ-либо измѣненій, какой-либо жизни, тогда настанетъ полнѣйшій застой рѣшительно во всѣхъ жизненныхъ отправленияхъ природы, тогда кончится жизнь растеній, животныхъ, человѣка и вселенная, по словамъ Гельмгольца, будетъ обречена войти въ вѣчный покой. „Вѣчный покой“! но вѣдь это нашъ молитвенный стихъ! Но вѣдь это значитъ безсмертіе покоя? Безсмертіе извѣстнаго градуса температуры, безсмертіе, или *statu quo*, матеріи? Безсмертіе успокоившейся матеріи? Т. е. все-таки длинный рядъ безсмертій, съ которыми наши ученые рѣшительно не знаютъ, что имъ дѣлать и предъ лицомъ котораго становятся въ тупикъ! „Естественно“, что растенія и животныя существовать тогда не будутъ; обреченная на вѣчный покой, оставшаяся не у дѣла, матерія будетъ тоже совершенно „естественна“, да и

самый покой этотъ будетъ вполне „естественъ“. Дѣйствовавшія прежде силы, обуславливавшія всю красоту бытія и самаго человѣка, „естественно“ преобразятся, станутъ невидимы, войдутъ въ равновѣсіе температуры, совершивъ круговоротъ. Ничего „неестественнаго“, какъ вы видите, въ этомъ не будетъ; какая-то жизнь тоже какъ бы останется, но только въ грустномъ видѣ равновѣсія температуры. Слѣдовательно, получится не одно, а многія „безсмертія“ и при этомъ полнѣйшая „естественность“ этого безсмертія по наукѣ. Силы, созидавшія жизнь, преобразятся въ равновѣсіе температуры и останутся не у дѣлѣ, потому что работа, имъ предстоявшая, будетъ совершена, и онѣ, при тѣхъ условіяхъ, которыя въ то время, или, лучше сказать, въ то безвременье, сложатся и будутъ различными, окажутся неспособными къ работѣ.

— Не могу удержаться и тутъ отъ того, чтобы не вспомнить опять-таки Священнаго Писанія, къ которому, какъ вы знаете, я отношусь очень критически, но, очень не рѣдко, поражаюсь имъ. Совершенно такъ же вѣрно, какъ повѣдано въ библіи, сотвореніе міра не мгновенное, а во времени, въ шесть дней, здѣсь, въ безсмертномъ „покоѣ“ вселенной, предусматриваемомъ наукою, не вспоминаете ли вы того „покоя блаженныхъ“, о которомъ повѣтствуетъ намъ все-таки та же библія? И необозримо много въ ней и другихъ истинъ, до которыхъ человѣчество доработывается только усиліями тысячелѣтій, которыхъ мы еще не увидѣли, хотя онѣ и видимы, которыхъ мы еще не постигли, но когда-нибудь поймемъ. Только нѣчто исключительное, божественное, могло создать такую книгу, какъ библія!

— Если признать за справедливое, что величественный мертвый или вѣчный покой міровданія обусловится равномерностью температуры, то это признаніе можетъ сослужить мнѣ въ моемъ доказательствѣ большую службу. Возростаніе и развитіе единой души человѣка, принявъ въ расчетъ всю животную и въ особенности, мозговую дѣятельность индивидуума, за всю его, иногда, очень долгую жизнь, поглощаетъ, что несомнѣнно, весьма большое количество энергіи. Значительное подтвержденіе этимъ словамъ найдете вы у Молешота. Совсѣмъ не бессмысленно было бы смотрѣть на индивидуумъ человѣка, совершившій свое земное, видимое бытіе, какъ на нѣкое жизненное явленіе, поглотившее, устранившее изъ міроваго обращенія весьма значительное количество тепла; смерть человѣка, въ такомъ случаѣ, была бы ничѣмъ инымъ, какъ кажущимся исчезновеніемъ

нѣкоего количества тепла и душа его, за гробовою доскою, чѣмъ-то совершившимъ вполнѣ жизненный круговоротъ, кончившимъ возможную, въ условіяхъ нашего, нынѣшняго міра, работу, и безвозвратно отошедшимъ отъ участія въ жизни, и тѣмъ болѣе видимости и ощутимости, но не сгинувшимъ.

— Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, я долженъ остановиться, достигнувъ периферіи того свѣтлаго пространства, въ которомъ назначено намъ мыслить и трудиться. Ни пяди далѣе не могу я двигаться безъ того, чтобы не удариться въ метафизику. До смерти человѣка, до дверей въ загробную жизнь и указанія на нихъ, могъ я довести мое изслѣдованіе, путемъ не противорѣчившимъ естествознанію,—далѣе идти я не могу. Дверь въ безсмертіе видна, я ставлю васъ передъ нею, но, что за нею—это внѣ свѣтоноснаго круга моихъ человѣческихъ соображеній.

— Вполнѣ непозволительно было бы слѣдовать Сведенборгу съ его расквартированіемъ душъ. Если пуститься этимъ путемъ, то предположеній можно бы сдѣлать видимо не видимо. Одно изъ нихъ, отчасти, совпадало бы, опять-таки, съ библіею. Будущее души въ загробной жизни, дальнѣйшее ея развитіе и усовершенствованіе можно представить себѣ нѣкімъ оплотненіемъ, матеріализаціею ея, обратнымъ воплощеніемъ въ матерію, но въ матерію иную, чѣмъ нынѣшняя, уже потому, что она минуетъ фазисъ посмертнаго покоя, а именно: уравниванія температуры, который ей несомнѣнно предстоитъ. Не таково ли будетъ и Воскресеніе мертвыхъ? „И увидѣлъ я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали“, повѣствуется въ Откровеніи Іоанновомъ, причемъ сказано, что старое небо „скроется свившись какъ свитокъ“.

— Заглянуть въ судьбы души въ загробной жизни было бы со стороны человѣка не только нелѣпостью, не меньшею чѣмъ если смотрѣть на звѣзды въ микроскопъ, но явилось бы уменьшеніемъ значенія безсмертія, потому что всякое описаніе его являлось бы, при нашихъ средствахъ познанія и мышленія, простымъ антропоморфизмомъ, низкопробнымъ очеловѣченіемъ тѣхъ вышнихъ, намъ совсѣмъ неизвѣстныхъ законовъ и формъ, для описанія которыхъ, по самому существу дѣла, у насъ, еще не умершихъ, не кончившихъ круговорота жизни, не можетъ быть ни линій, ни красокъ, ни соображеній, ни буквъ. Подобное описаніе могло бы удасться, хотя сколько-нибудь, только въ томъ случаѣ, еслибы загробное будущее стало настоящимъ. Есть одно чудесное мѣсто въ Евангеліи Іоанновомъ, подкрѣпляющее

мои слова и свидѣтельствующее о томъ, что намъ, по нашимъ законамъ и формамъ, не судить о законахъ и формахъ загробнаго бытія. Ученики Христовы допрашивали однажды Спасителя о томъ: куда онъ идетъ? что общаетъ? „Въ домъ Отца моего обителѣй много“, отвѣтилъ Онъ имъ, „а еслибы не такъ; я сказалъ бы вамъ: я иду приготовить мѣсто вамъ“. Въ отвѣтъ этомъ имѣется несомнѣнный намекъ на другія, многія „обители“, новыя и намъ неизвѣстныя, бытіе которыхъ не обусловливается даже такою необходимостью какъ „мѣсто“ ихъ существованія! Спаситель прямо говоритъ, что онъ избѣгъ, и не сказалъ слова „мѣсто“, а сказалъ гораздо болѣе широко и неуловимо—„обители“, прибавивъ еще для поясненія, что „ихъ много“.

— Этыхъ „обителей“, этихъ иныхъ формъ бытія, не нуждающихся въ „мѣстѣ“—мы не знаемъ и знать не можемъ. Онѣ явятся фактическимъ настоящимъ только для умершихъ людей. Если я сказалъ съ увѣренностью, что открытую дверь въ единоличное безсмертіе я вижу, то съ тою же совершенно увѣренностью, и на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, утверждаю я самымъ положительнымъ образомъ, что никакого общенія физическаго между умершими и живыми быть не можетъ. Весь спиритизмъ, весь медиумизмъ это нѣчто въ родѣ слабоумія или даже идиотизма въ мышленіи человѣка. Совершенно такъ же, какъ невозможно обратить въ механическую силу, отработавшую въ конецъ и пришедшую къ равновѣсію часть тепла, и она для міра безвозвратно исчезаетъ, успокаивается, совершенно на томъ же основаніи говорю я, что душа умершаго человѣка, никонимъ образомъ, ни подъ какимъ видомъ, въ общеніе съ покинутымъ ею міромъ войти не можетъ! Существуютъ ли отошедшіе здѣсь, между нами, или обрѣтаются они гдѣ-либо въ пространствахъ, это вопросъ праздный и совершенно бессмысленный; еслибы было возможно какое-либо физическое общеніе, то душа умершаго еще не окончила бы земнаго бытія своего, вполне съ нимъ не разчиталась, была бы непременно, если можно выразиться, „матеріеспособною“, т. е. еще не улетучившеюся частью тепла, была бы причастна „земляности“; это послѣднее совершенно подходящее слово нашелъ я гдѣ-то въ сочиненіяхъ паломника Муравьева. Ожидать появленія кого-либо изъ мертвыхъ это совершенно то же, какъ еслибы какое-нибудь земноводное каменноугольной формации вдругъ пожелало встрѣтиться съ другимъ земноводнымъ изъ формации

мѣловой? между ними легли время и невозможность, и появленіе мертваго явилось бы полнымъ отрицаніемъ причинности и условій загробнаго бытія. Видѣнія, несомнѣнно, могутъ имѣть мѣсто, но они будутъ явленіями чисто субъективными, способными исчезнуть при надавливаніи пальцемъ одного глаза въ сторону и нарушеніемъ параллельности глазныхъ осей.

— Вотъ основныя черты моихъ доказательствъ, Семень Андреевичъ, договорилъ хозяинъ. Есть много мелкихъ, несущественныхъ вопросиковъ, висящихъ подлѣ этихъ основныхъ линій, напимѣръ, вопросы о томъ: въ какой моментъ жизни, въ эмбрионѣ ли, и когда именно образуется душа, пригодная для безсмертія? Имѣютъ ли душу идиоты отъ рожденія? Не можетъ ли сложившаяся для безсмертія душа, вслѣдствіе чего-либо, согнуть или регрессировать, т. е. не совершится ли съ нею то, что сказано въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ, „что всякая душа, которая не послушаетъ Пророка того, истребится изъ народа?“ Не слѣдуетъ ли предполагать, въ этомъ смыслѣ, что всякій человѣкъ, уподобляющійся низшему организму, т. е. животному, въ звѣрствѣ, плотскости и т. п., добровольно спускается на низшую степень развитія въ бытіи земли и, слѣдовательно, такая душа, для дальнѣйшаго развитія въ будущей жизни, становится непригодною? Что будетъ съ самоубійцами? Какіе будутъ у души вѣщныя облики и будутъ ли? Какъ опредѣлятся отношенія мужей, имѣвшихъ двухъ или трехъ женъ, къ этимъ своимъ половинамъ, да и насколько сохранятся идеи мужъ или жена — и пр., и пр. Но эти и множество всякихъ другихъ вопросиковъ обойду я совершенно; не забудьте только и обратите ваше вниманіе на то, что въ признаніи безсмертія души кроется цѣлая система высокой нравственности, своеобразная, естественно-научная этика, возбращающая человѣку быть дурнымъ, злымъ, мстительнымъ и требующая отъ него добра, благотворенія, милости и прощенія другихъ. Посмотрите, какъ правильно опредѣляется при этомъ взглядъ нашъ на воспитаніе дѣтей, на семью, на всѣхъ малыхъ сихъ? Какъ понятно и просто объясняется уваженіе къ предкамъ, къ родителямъ, какъ становится необходимо и понятно почтеніе къ могиламъ, въ которой почилъ остатокъ того, что послужило куколкой для развитія безсмертной души? Какое обрисовывается тутъ поразительное сходство, опять-таки, съ требованіями Евангелія, передъ которымъ не могу не благоговѣть?! Но все это можетъ составить предметъ не одной та-

кой бесѣды, какъ наша, а цѣлаго ряда бесѣдъ. На этотъ разъ, Семень Андреевичъ, вы меня извините; мы уже и такъ засидѣлись, а мои больные ждуть, пора идти!

Петръ Ивановичъ и Подгорскій поднялись съ мѣстъ.

— Одно слово, Петръ Ивановичъ, спросилъ Подгорскій. Я близокъ къ тому, чтобы согласиться съ вашими доводами о логической необходимости безсмертія; я неоднократно слышалъ отъ васъ указанія на замѣчательныя совпаденія словъ „Священнаго Писанія“ съ выводами науки, ну а гдѣ же мѣсто въ системѣ вашей для сути сутей этихъ книгъ: вѣрѣ, церкви, молитвѣ?!

Темное облако прошло по выразительному лицу Петра Ивановича, и онъ, взявъ фуражку, для того чтобы выйти изъ дому, остановился. Подгорскій продолжалъ:

— Вотъ, напримѣръ, нѣчто для меня необъяснимое. Въ вашей амбулаторіи икона Богоматери виситъ, какъ ей подобаешь — иконою, и передъ нею теплится лампада, а вотъ это превосходное изображеніе Распятія, здѣсь, въ вашемъ кабинетѣ, помѣщено какъ бы въ видѣ картины; что это значить?

— Тамъ, въ амбулаторіи, медленно проговорилъ Абадуловъ, икона виситъ для народа... здѣсь, въ кабинетѣ, для меня... в это больное мѣсто всей моей системы... я, видите ли, достаточной причины, для того чтобы признать идею вѣры, иконы, не имѣю. И это, повѣрьте мнѣ, великая грусть моя, если угодно — трагическое положеніе. Тутъ нужна вѣра, а ея-то у меня и нѣтъ... Я не вижу достаточной причины въ необходимости вѣры, когда вѣрить могу я только одному убѣжденію... Вы, можетъ быть, Семень Андреевичъ, удивляетесь той увѣренности, съ которою я говорю это? Но я буду откровененъ, какъ былъ; тамъ, гдѣ мнѣ не хватало увѣренности, я всегда прямо сообщалъ вамъ, что доказательствъ не имѣю и, на томъ же основаніи безусловной правдивости, я долженъ сказать вамъ, что многого въ моей системѣ и моихъ заключеніяхъ я самъ не понимаю... есть пробѣлы... есть темнота... Если для меня вполне ясна логическая необходимость признать единоличное безсмертіе души, то я до сихъ поръ все-таки еще не могъ найти положительнаго, или хотя мало-мальски сообразнаго съ моей системой, опредѣленія значенія вѣры, земной церкви и молитвы. Если наука документируетъ мнѣ безсмертіе, то зачѣмъ мнѣ вѣра? Если я могу обойтись безъ вѣры, зачѣмъ мнѣ — внѣшняя, обрядовая, земная церковь? Если не нужно ни вѣры,

ни церкви, тогда зачѣмъ мнѣ молитва, служащая связью имъ обоимъ, пускающая свои корни и имѣющая свою причинность только въ этихъ двухъ? Непониманіе мною этихъ трехъ „психическихъ организмовъ“ по истинѣ пугаетъ меня... Что, если лжива вся моя система? Ну, а теперь, заключилъ Петръ Ивановичъ, пойдѣте къ моимъ больнымъ.

Оба они вышли изъ комнаты и направились къ кибиткамъ, подъ шумъ неумолкавшаго родника.

VII.

Не успѣли Петръ Ивановичъ со своимъ гостемъ, находившимся, надо сказать правду, въ какомъ-то одурманеніи отъ очень длинной лекціи хозяина, мѣстами въ высшей степени любопытной, выйти изъ ограды Родниковки въ сторону кибитокъ, какъ вдругъ, изъ-за угла ограды, почти наскочилъ на нихъ конный калмыкъ. Ограда Родниковки состояла изъ небольшого валика и рва передъ нимъ, густо заросшихъ бурьяномъ, будяками, полынью и перекати-поле, между которыхъ засѣли прошлогодніе остатки тѣхъ же травъ, поломанные, сѣрые и колючіе, что, вмѣстѣ взятое, образовывало дѣйствительно не шуточную преграду; конь калмыка, сразу осаженный, даже скользнулъ обѣими задними ногами въ ровикъ. Завидѣвъ Петра Ивановича, калмыкъ снялъ шапку.

— Что, братецъ? спросилъ Петръ Ивановичъ, ты ко мнѣ?

Калмыкъ не сразу отвѣтилъ; онъ видимо стѣснялся говорить. Это стѣсненіе было проявленіемъ той удивительной чувствительности простаго народа, никогда и никѣмъ ему не преподанной, которая врождена ему и которая подсказываетъ простому человѣку, что сообщать кому-либо о несчастіи надо не вдругъ, а исподволь.

— Что случилось? говори! спросилъ Петръ Ивановичъ. Бѣда какая, что ли?

Калмыкъ утвердительно покачалъ головою.

Петръ Ивановичъ переглянулся съ Семеномъ Андреевичемъ; подошли изъ дому садовникъ, кучеръ, казачекъ и кухарка; мало-по-малу, стали подходить люди отъ кибитокъ и образовали вокругъ кольцо.

— Барыня ваша утонула! проговорилъ калмыкъ, слѣзая съ лошади и кинувъ поводья.

Глаза всѣхъ присутствовавшихъ сразу обратились на Петра Ивановича; долго смотрѣлъ онъ на калмыка изъ подлобья, не шевелясь, не моргнувъ глазомъ. Единственное, что слышалось подлѣ этой, довольно значительной толпы людей, это частая передышка лошади и похрустываніе подъ ногами ея сухаго валежника, къ которому она наклонила голову, чтобы обнюхать. Калмыкъ доставалъ что-то изъ-за пазухи.

— Да ты это видѣлъ самъ, или тебѣ только сказали? медленно, но внятно спросилъ Абатудовъ.

— Исправникъ нарочнаго отъ Оминой ставки послали до Нѣмецкихъ ручьевъ, оттуда къ намъ колонистъ прискакалъ, а вотъ и записка, отвѣтилъ калмыкъ, подавая небольшой конвертъ, завернутый въ какую-то тряпичку.

Пока Петръ Ивановичъ развертывалъ и читалъ записку, калмыкъ, отвѣчая на разпросы разохавшейся и качавшей головою кухарки, сообщилъ, что это произошло утромъ, но какъ именно — не знаетъ.

— Ну, поди на кухню, покормись, сказалъ Петръ Ивановичъ калмыку, свертывая письмо и поворачиваясь, чтобы идти къ дому; толпа молча и почтительно разступилась.

— Но, такъ ли это, Петръ Ивановичъ? почелъ за нужное спросить, глубоко пораженный неожиданностью и слѣдовавшій подлѣ Абатудова, Семенъ Андреевичъ, можетъ быть это еще только предположеніе?

— Нѣтъ! это совершилось! отвѣтилъ Петръ Ивановичъ. Пароходъ уже былъ бы здѣсь, еслибы не неожиданная поломка въ машинѣ... Но ея земное странствіе покончено! Лодка, опрокинулась; плавать жена не умѣла совсѣмъ... Тѣла ея, пока-что, не нашли.

Подойдя къ дому, Петръ Ивановичъ кликнулъ кучера.

— Поѣзжай ты, братецъ, къ отцу Игнатію; онъ долженъ ночевать сегодня у священника въ Казачьемъ хуторѣ, расскажи о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Скажи, что я очень прошу ихъ, если можно, пріѣхать теперь же. Запряжешь Липку и Сѣраго въ маленькій тарантасикъ. Извинишься, что я ничего отцу Игнатію не пишу, а на словахъ только прошу. Поторопись!

Абатудовъ вошелъ въ домъ.

— Идти мнѣ за нимъ, или нѣтъ? думалось Семену Андреевичу, чувствовавшему несказанно глубокое уныніе. Нѣтъ!

лучше не пойду. Вотъ она—смерть! Это уже не теорія, а практика, и какая страшная, какая непосредственная!

Подгорскій въ домъ не вошелъ, а направился черезъ садъ внизъ, къ Волгѣ.

Въ полномъ безучастіи къ горю и радости людской, опускался на землю безоблачный вечеръ. Блестая внизъ и вверхъ по теченію плесами и курьями, катила Волга свои мутныя струи, образуя на нихъ гдѣ стремнины, гдѣ завитки, порою запузыриваясь и пуская внизъ по теченію многія сотни еле-замѣтныхъ, кружившихся воронокъ-водоворотиковъ; одиѣ струи шли быстрѣе, другія отставали, но стоявшему подлѣ самой воды Семену Андреевичу казалось, что вся эта могучая водная масса катилась какъ бы по какому-то кругу необычайно великаго діаметра. Кое-гдѣ, играя въ пунцовыхъ лучахъ опускавшагося солнца, кремнистыми и слюдяными блестками, лежали неподвижнымъ покровомъ береговые пески и отмели, и только изрѣдка кустилась, просовываясь сквозь нихъ, блѣдная зелень ивняка. Бока крутыхъ уступовъ праваго берега, на которомъ находился Семенъ Андреевичъ, уже заволакивались голубоватою тѣнью, но воздухъ былъ такъ чистъ, такъ свѣтелъ, что дальнѣйшіе отроги берега видѣлись за много верстъ. На лѣвой, противоположной сторонѣ, или на острову, торчали остріями невеликіе палашы рыболовной ватаги, шла ловля, забрасываніе сѣти и какъ будто слышалась дѣсна. Пovyше ея запаузился караванъ барокъ, а посрединѣ рѣки, гордо и могущественно поднималась, стоя на якорѣ, громадная бѣляна, съ тремя сторожками на верху, и на кормѣ ея народъ собрался къ ужину и усѣлся въ кружокъ.

Подгорскій пошелъ вдоль берега; вода была невысока и въ пескахъ видѣлись ракушки, куски снастей, кирпичные и деревянные поплавки. Дойдя до устья ручья Родниковки, Семенъ Андреевичъ услышалъ его клокотанье, очень хорошо памятное ему за все время объясненія Петромъ Ивановичемъ своихъ доказательствъ безсмертія. Это знакомое клокотанье направило его мысли знакомою стезею:

— Отчего это, въ самомъ дѣлѣ, вадумалось ему, чувствую я, человекъ вовсе чужой Петру Ивановичу, и тѣмъ болѣе покойницѣ, какое-то удручающее стѣсненіе, какъ бы чувство холода? Да и всегда, передъ лицомъ смерти, въ особенности въ первыя минуты сообщенія о томъ, что смерть скосила кого-либо изъ родныхъ или знакомыхъ, далеко или близко, чув-

стнуется этотъ холодъ? Ужь не та ли это мистическая потеря тепла съ отбытіемъ всякой живой души, о которой говорилъ Петръ Ивановичъ? Несомнѣнно, что этотъ холодъ чувствуется за тридевять земель, при извѣстїи о смерти знакомаго человѣка.

Семень Андреевичъ даже улыбнулся неожиданности своего несомнѣнно мистическаго заключенія, въ стилѣ „профессора безсмертія“, и затѣмъ, также совершенно неожиданно, вспомнилась ему, особенно ясно, погибшая Наталья Петровна.

— Это она-то хотѣла къ цыганамъ въ Астрахань ѣхать! Такая живая, жизнерадостная! Это она-то мнѣ съ собою ѣхать предлагала! А теперь! Исправникъ пишетъ, что тѣла ея еще не нашли, да и найдутъ ли? Вонъ какая она могучая, матушка Волга, попрочнѣ Невы будетъ, а и въ Невѣ, какъ это у Чернышевскаго въ „Что дѣлать“ значитъ, тѣла утопившагося человѣка не нашли... Что, если... что если... и Семена Андреевича сразу, и вовсе не спросясь его, осѣнила необычайно дикая мысль: отчего же и нѣтъ?... Что, если это обманъ? если это способъ удрать отъ мужа? Утонула, да и конецъ, при всѣхъ утонула... а тамъ гдѣ-нибудь за пивнякомъ тройка ждала, степь тоже ждала... и поминай какъ звали! Что жъ!? возможно, и именно для Натальи Петровны возможно, и она, въ такомъ случаѣ, въ настоящую минуту, вовсе не плывущая, или лежащая гдѣ-нибудь на днѣ, утопленница, не безмолвная покойница, а вольная птичка, мчащаяся, любезно и весело воркуя, гдѣ-нибудь на пароходѣ, или по желѣзной дорогѣ, и какъ она хохочетъ, какъ хохочетъ?! а мы-то, здѣсь, ея мертваго тѣла ожидаемъ, за священникомъ послали!!...

Подгорскій бродилъ вдоль берега довольно долго, подъ наплывомъ самыхъ противорѣчивыхъ мыслей. Одно только чувствовалъ онъ очень ясно—это великую жалость къ Петру Ивановичу, который, въ обоихъ случаяхъ, какъ при смерти, такъ и при бѣгствѣ жены, являлся лицомъ пострадавшимъ, на которое обрушилась тяжкая, непоправимая невзгода. И по мѣрѣ того, какъ темнѣло въ небѣ, въ Подгорскомъ, неизвѣстно отчего, все настойчивѣе и настойчивѣе становилась увѣренность въ томъ, что тутъ хозяйничала не смерть, а обманъ.

Одна мысль рождала другую въ этомъ направленіи, и онѣ плодились быстро, быстро, очень сходно съ тѣмъ, какъ густѣли сумерки, замѣнная, вытѣсня свѣтъ дневной.

— Отчего же не идти дальше, думалось ему? Ужь если несчастье—такъ полное несчастье; Наталья Петровна, готовясь

къ бѣгству, похищаетъ, положимъ, у мужа изъ шкапа, или изъ стола деньги, большія деньги; сѣвъ на пароходъ, она немедленно передаетъ ихъ своему сообщнику по бѣгству; кому? Конечно, Ѳедору Лукичу съ красивыми усами! Но этотъ Ѳедоръ Лукичъ, до конца ногтей проходимецъ, желаетъ не столько Натальи Петровны, сколько ея денегъ; онъ устраиваетъ прогулку съ нею вдвоемъ въ лодкѣ, что устроить очень легко; затѣмъ ѣдетъ онъ съ нею и, въ такомъ мѣстѣ, откуда ихъ не видно, на глубинѣ стремнины, опрокидываетъ лодку... дикое, испуганное до столбняка, выраженіе лица Натальи Петровны видится изъ воды... Черты лица покоробились... ея косу вода уже успѣла размыть, и она, распустившись, окружаетъ голову и шею... онъ, Ѳедоръ Лукичъ, плавать умѣетъ отлично, онъ схватился за опрокинутую лодку... лодка, за которую онъ держится, плыветъ внизъ по теченію быстрой, чѣмъ Наталья Петровна...

— Ивергъ! кричитъ она, захлебываясь, уплывающему Ѳедору Лукичу вслѣдъ.

А ему—что? еще два, три порыва съ ея стороны... буль-буль-буль... и больше ничего! поверхность Волги стала опять совсѣмъ гладкою; а онъ, Ѳедоръ Лукичъ, весь мокрый (кромѣ денегъ—тѣ остались сухи на пароходѣ) испуганный, чуть не рыдающій часа черезъ два, возвращается на пароходъ съ ужасными подробностями гибели женщины, которую онъ „любилъ, любилъ страстно и навѣки“...

— Да, наконецъ, откуда же у меня эти дурацкія мысли! подумалъ Семень Андреевичъ, будто спохватившись и съ нѣкоторою досадою на самого себя; вѣдь для нихъ у меня нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній! Хотъ бы скорѣе какое-либо разрѣшеніе, но во всякомъ случаѣ, завтра утромъ уѣду, непременно уѣду! Что же я имъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ не совершенно чужой человѣкъ; очень мнѣ нужно чужаго горя прикасаться!

Всѣ яркія, безчисленныя звѣзды безоблачнаго, темнаго неба заняли свои мѣста, когда издали мелькнули красный и зеленый фонари поднимавшагося вверхъ, противъ теченія, парохода. Онъ шелъ медленно, очень медленно; вотъ вскинулось надъ трубою пламя, и можно даже отличить искры, выбрасываемыя ею; значитъ, близко, ближе чѣмъ можно было ожидать; какъ, однако, обманчивы повднія сумерки? Вотъ остановился пароходъ, какъ разъ противъ Родниковки; вотъ отдали якорь, потому что загремѣла цѣпь... еще минуты три, четыре, и отъ парохода отдѣлилась шлюпка и стала держать къ берегу.

Слѣдившій за всѣмъ этимъ Семенъ Андреевичъ былъ такъ далеко отъ мысли, что онъ находится на молчаливомъ берегу не одинъ, былъ такъ всецѣло погруженъ въ свои несуразныя соображенія, что, услыхавъ неожиданно подлѣ себя голосъ Петра Ивановича, непривычно рѣзко окликнувшего его имени, даже вздрогнулъ.

Абатуловъ очень быстро подошелъ къ нему, рѣзко схватилъ за обѣ руки и нагнулся лицомъ къ лицу вплотную. На немъ не было фуражки, волоса были взъерошены, коломанковая жакетка — не застегнута и во всей фигурѣ его, насколько можно было различить при сильномъ звѣздномъ свѣтѣ, сказывалось что-то необычайно встревоженное, почти безумное.

— Господи! подумалъ Семенъ Андреевичъ, — да неужели же я былъ правъ... Онъ дѣйствительно нашелъ отпертый столъ... деньги похищены... можетъ быть, нашелъ какую-нибудь записку отъ нея!

— Привезли?! проговорилъ Петръ Ивановичъ какимъ-то глухимъ, будто не своимъ голосомъ, крѣпко сжавъ обѣ руки Подгорскаго и пугливо глядя въ сторону парохода.

— Успокойтесь, Петръ Ивановичъ.

— Вотъ, вотъ когда, — быстро проговорилъ онъ, отпустивъ руки Семена Андреевича и медленно проводя правою рукою по лбу, — вотъ когда нуженъ мнѣ священникъ! А отецъ Игнатій не ѣдетъ, но онъ могъ бы быть здѣсь... Когда человѣкъ въ себѣ самомъ сокрушенъ, тутъ мѣсто одной только вѣрѣ... Я не могу болѣе думать! Покойница уже здѣсь, подлѣ, а отца Игнатія нѣтъ, какъ нѣтъ!

Петръ Ивановичъ опять взглянулъ на пароходъ. Къ этому времени шлюпка, отчалившая отъ него, приблизилась къ устью ручья, гдѣ находилось самое глубокое мѣсто, и были положены на козла доски. Одновременно съ этимъ приближались, со стороны усадьбы, замелькавшіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ фонари; они сползали съ нагорной кручи, одинъ быстрѣе, другой медленнѣе; въ одномъ мѣстѣ ихъ двигалось два рядомъ, а между нихъ виднѣлось высокое очертаніе священника.

Петръ Ивановичъ смотрѣлъ то на нихъ, то на шлюпку, но съ своего мѣста не двигался. Первымъ соскочилъ съ подѣхавшей шлюпки и подошелъ къ нему исправникъ, за нимъ лѣсничій; исправникъ сталъ говорить ему что-то. Семенъ Андреевичъ, воспользовавшись тѣмъ, что лѣсничій очутился подлѣ него, спросилъ его въ полголоса:

— Тѣло нашли? привезли?

— Да, оно на пароходѣ. Но другаго тѣла мы не сыскали.

— Кого?

— Ѳедора Лукича! Всѣхъ насъ опрокинулось восемь чело-
вѣкъ, и я тоже. Наталья Петровна попала прямо въ стремнину,
и какъ камень ко дну пошла... Ѳедоръ Лукичъ бросился за
нею... нырялъ, нырялъ, да такъ и не вынырнулъ. Ее нашли—
его нѣтъ; послѣдній разъ видѣлъ я его саженой на сто ниже по
теченію; должно быть, вытащатъ гдѣ-нибудь на низовой ватагѣ.

Вѣроятно, что всего этого, сказаннаго въ полголоса, Петръ
Ивановичъ, стоявшій шагахъ въ пяти, не слышалъ; исправникъ,
покончивъ говорить съ нимъ, крѣпко пожалъ ему руку. Петръ
Ивановичъ молча ожидалъ приближенія отца Игнатія. По мѣрѣ
того, какъ сошлись всѣ фонари,—а ихъ горѣло больше десят-
ка,—отецъ Игнатій, одѣтый въ бѣлую полотняную рясу, съ золо-
тымъ крестомъ на груди, приближаясь, словно выросталъ; бѣ-
лѣе рясы свѣтилась его широкая, серебряная борода, и длин-
ныя пряди кудрястыхъ волосъ, падавшихъ изъ-подъ шляпы
съ небольшими полями, на плечи.

Не успѣлъ онъ подойти къ Петру Ивановичу, какъ тотъ,
не двигаясь съ мѣста, но трепеща всею своею длинною фигу-
рою, и поднеся обѣ руки къ вискамъ, точно свидѣтельствуя о
большой физической въ нихъ боли, проговорилъ:

— Батюшка! поддержите меня, болѣю душою! Холодно...
темно... не могу...—И при этомъ восклицаніи Петръ Ивановичъ
бросился къ священнику въ ноги и, павъ лицомъ къ песку,
громко зарыдалъ.

— Великъ Богъ во святыхъ Его! спокойно и звучно отвѣ-
тилъ отецъ Игнатій,—Онъ приврять тебя... Не я благословляю
тебя, а самъ Господь... Поднимись!

Немедленно поднявшись отъ земли, Петръ Ивановичъ, пере-
крестившись чрезвычайно медленно и во всю грудь, бросился къ
отцу Игнатію на шею; священникъ крѣпко обнялъ его, не какъ па-
стырь церковный, а какъ соболѣзнующій великому горю чело-
вѣкъ.

Ночь засвѣтила всѣ свои безсчетные огни; фонари, въ ру-
кахъ людскихъ, мало-по-малу, стали расползаться по сторонамъ,
и молчаніе степи оглашалось однимъ только звукомъ парохода,
выпускавшаго пары. Почти полная луна поднялась не высоко
надъ горизонтомъ. Степь зажила особенною жизнью ночи, и въ
полусвѣтѣ мѣсяца забѣгали по ней, выползши изъ норокъ,
суслики; они перебѣгали по степной сухотѣ съ быстротою уди-

вительною, казались милліонами какихъ-то неопредѣленныхъ, насѣра свѣтлыхъ рѣющихся точекъ и давали всей поверхности степи какое-то не то движеніе, не то морганіе, объяснить себѣ которое, безъ помощи мѣстныхъ людей, пріѣзжіи челоуѣкъ не могъ. По мѣрѣ окончательнаго воспаренія тѣмъ родниковскій ручей поднималъ свой голосъ все сильнѣе и сильнѣе...

VIII.

Прошло ровно три недѣли. Семенъ Андреевичъ покинулъ Родниковку на утро слѣдовавшаго, послѣ прибытія парохода съ тѣломъ Наталіи Петровны, дня, такъ что онъ не присутствовалъ при печальныхъ обрядахъ. Если очень сильное впечатлѣніе произвелъ на него самъ Петръ Ивановичъ съ его системою безсмертія, то еще сильнѣе, но уже въ другихъ сферахъ его душевныхъ способностей, сказалась смерть Наталіи Петровны. Безконечное число разъ приходилъ ему на умъ вопросъ: что совершилось въ самомъ Петрѣ Ивановичѣ и заставило его упасть въ ноги священнику, представителю той церкви, вѣру въ которую считалъ онъ недостаточно причиннымъ явленіемъ? почему онъ перекрестился? А что-нибудь да произошло въ немъ непремѣнно, но что? Слова, сказанныя Петромъ Ивановичемъ: „болѣю душою... холодно... темно“... постоянно звучали въ его ухахъ, какъ бы сказаны они были только-что, за минуту!

Объѣхавъ уѣзды и побывавъ въ Астрахани, Подгорскій направлялся обратно въ Петербургъ. Онъ поднимался по Волгѣ на одномъ изъ пароходовъ Зевеке и рѣшилъ остановиться въ Родниковкѣ, на сутки, или на двое. По мѣрѣ приближенія къ ней, воспоминанья объ очень тяжелыхъ минутахъ, проведенныхъ имъ въ день катастрофы съ Натальею Петровною, возникали въ немъ съ ясностью необыкновенною. Онъ никакъ не могъ дать себѣ отчета въ томъ: какимъ образомъ сложилась тогда въ его фантазіи совершенно небывалая исторія съ днягами, будто-бы похищенными женою у мужа, ея бѣгство съ Ѳедоромъ Лукичемъ, удивительное измышленіе о томъ, что онъ, Ѳедоръ Лукичъ, топить Наталью Петровну, и она кричитъ ему, утопая и захлебываясь, — „извергъ?!“ И вдругъ, что же? Наталья Петровна дѣйствительно утонула, но утонулъ также, спасая ее, и Ѳедоръ Лукичъ. Пожалуй, думалось Семену Андреевичу, я проѣхалъ на пароходѣ гдѣ-нибудь близе-

хонько надъ его трупомъ, или подлѣ него, если его не вытащили.

Сильно занимало его посмотрѣть, каковъ теперь Петръ Ивановичъ, „профессоръ безсмертія“? Подгорскій видѣлъ его на берегу Волги, при свѣтѣ фонарей, безъ шапки, простоволосымъ, бросившимся въ ноги священнику, почти обезумѣвшимъ. Петръ Ивановичъ показался ему тогда такимъ безнадежно слабымъ, такимъ во всѣхъ чувствахъ и мысляхъ въ конецъ подкошеннымъ, настолько рухнувшимъ въ себя, что въ ту минуту, сразу, свѣялся изъ мыслей Подгорскаго тотъ убѣжденный „профессоръ безсмертія“, который на нѣкоторое время начертался въ нихъ достаточно четко, вслѣдъ за долгою и любопытною бесѣдою въ кабинетѣ, подъ шумъ родника.

Подгорскій сошелъ съ парохода, часа въ четыре пополудни, противъ Родниковки, и шлюпка доставила его къ знакомому устью ручья и доскамъ на кѣвлахъ. Пока лодочникъ привязывалъ лодку и вытаскивалъ чемоданъ, Семенъ Андреевичъ направился въ гору и первое, на что онъ натолкнулся—это была могила Наталья Петровны. Бѣлый деревянный крестъ, окруженный деревянною рѣшеткою, какъ и крестъ не окрашенною, поднимался на самомъ краю отрога, у подошвы котораго струился ручей. Знакомые звуки ручья перенесли мысли Подгорскаго къ тому, что имѣло мѣсто три недѣли тому назадъ. Онъ поднялся къ кресту и обошелъ его. Вспомнилась ему она, веселая, болтливая, сіяющая здоровьемъ и красотою, и какъ звала она его въ Астрахань; теперь онъ возвращался изъ Астрахани, а она, уже почти столько же времени, покоилась подъ землею. Во что обратилась она теперь?

Садъ, въ который прошелъ Подгорскій вслѣдъ затѣмъ, сіялъ, какъ прежде, множествомъ цвѣтовъ, а лиліи, цвѣтокъ Благовѣщенья, серебрились въ огромномъ количествѣ.

Подлѣ дома и въ самомъ домѣ, къ которому прошелъ онъ знакомой дорожкой, не замѣчалось никакого измѣненія, и такія же какъ прежде кибитки и люди съ бѣлыми бинтами расположились подлѣ него. Семенъ Андреевичъ прошелъ въ садъ и направился прямо къ окну кабинета. Онъ не ошибся: Петръ Ивановичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, подлѣ окна и тотчасъ же замѣтилъ прибытіе гостя.

— Пожалуйте, пожалуйста! милости просимъ! проговорилъ онъ и впустилъ Семена Андреевича въ кабинетъ, со стороны балкона. Очень, очень радъ!

Войдя въ комнату, Семень Андреевичъ не могъ замѣтить весьма существеннаго въ ней замѣненія: изображеніе Распятія—освѣщалось лампадкою, а Библия, лежавшая до того на столѣ, помѣщена подъ образомъ на особой полочкѣ. Самъ Петръ Ивановичъ какъ будто немного поблѣднѣлъ, но добродушная улыбка его осталась тою же самою, что и была. Онъ усадилъ гостя, предложилъ курить и, въ ожиданіи обѣда, распорядился о томъ, чтобы принесена была превосходная персиковая вода, холодная и искрившаяся не хуже шампанскаго.

Пока все это совершалось, Семень Андреевичъ, прислушиваясь къ шуму источника, взглянулъ въ окно и былъ пораженъ картиною, ему представившеюся. Между вѣтвей высокнхъ и густыхъ осокорей открыта просѣка, возможно круглаго очертанія, и въ зелени листвы, какъ въ бархатной рамкѣ, вся озаренная свѣтомъ солнца, видѣлась могила Натальи Петровны. Густота зелени, благодаря залегавшимъ въ ней тѣнямъ, была такъ велика, бѣлизна креста въ солнечныхъ лучахъ надъ могилою такъ ярка, воздухъ такъ прозраченъ, что, казалось, крестъ находился близехонько къ кабинету, чуть не въ кабинетѣ; за нимъ разстилалось голубое небо и нескончаемая даль заволжскихъ степей. Семена Андреевича настолько поразила картинность этого вида, что Абадуловъ замѣтилъ его пристальный взглядъ.

— Да, да, съ могилою этою вышло очень хорошо! Я не думалъ, что такъ хорошо выйдетъ; у меня теперь въ моемъ кабинетѣ какъ будто однимъ жильцомъ больше; покойная жена, по правдѣ сказать, не особенно-то часто хаживала ко мнѣ; я гораздо чаще заходилъ къ ней, потому что всѣ мои деньги находились у нея. Ну, а теперь мы больше вмѣстѣ, больше...

— Да-съ, продолжалъ Петръ Ивановичъ, горе жизни есть великое просвѣтлѣніе души человѣка! При томъ горѣ, которое такъ нежданно быстро постигло меня, я убѣдился во многомъ, совершенно для меня новомъ и даже неожиданнымъ. Вотъ, напримѣръ, самое важное, въ чемъ я убѣдился, это то, что я уразумѣлъ значеніе вѣры! Помните, Семень Андреевичъ, я говорилъ иначе, я въ ея причинности сомнѣвался, я не ясно понималъ, какое именно можетъ занимать она мѣсто, къ чему она, если допустить, что объясненій науки вполне достаточно? Теперь я знаю. Есть минуты въ жизни, когда, въ силу внутреннего сокрушенія всей духовной системы, парализуются въ человѣкѣ не только всѣ орудія мышленія, но, и это главное,

нѣтъ времени на соображеніе, на приведеніе въ дѣйствіе этихъ орудій самоуясненія и самозащиты. Это тѣ страшныя минуты жизни, въ которыя не вѣрящій накладываетъ на себя руку, или совершаетъ преступленіе, или, наоборотъ, воплѣтъ бездѣйствуетъ и тѣмъ обуславливаетъ горе себѣ и другимъ. Для вѣрящаго въ такія минуты достаточно одной только мгновенной мысли о Богѣ, достаточно ухватиться... Говорятъ: кто не тонулъ, тотъ не молился! Это ужасно вѣрно! И я, Семенъ Андреевичъ, ухватился, помоллся впервые именно тогда! Я тонулъ и уразумѣлъ причинность и мѣсто вѣры. Но, объ этомъ послѣ, а теперь скажите мнѣ, какъ провели вы время, спросилъ Петръ Ивановичъ, удачно ли исполнили порученіе? Помогли ли вамъ свѣдѣнія моихъ калмыковъ?

— Да, кое-что исполнилъ, отвѣтилъ Семенъ Андреевичъ, и, въ общемъ, доволенъ. Но, что-за безобразная трубная музыка въ молитвенныхъ ставкахъ, въ хурулахъ калмыковъ? эти двухсаженныя трубы, подвѣшенныя къ верху шатра, трубы змѣиныхъ обликѣвъ, къ амбуширамъ которыхъ для того, чтобы играть на нихъ, калмыки подсаживаются на землю? Какъ далеки отъ молитвеннаго настроенія эти дерущіе слухъ звуки? Неужели и такая молитва можетъ ублажать? Все это Подгорскій сказалъ съ намѣреніемъ вызвать Петра Ивановича на дальнѣйшія объясненія, вовсе не желая отлагать ихъ на „послѣ“. Глубочайшее, свѣтлѣйшее спокойствіе этого человѣка поражало его, и онъ чувствовалъ въ этомъ спокойствіи присутствіе какого-то глубоко осмысленнаго рѣшенія.

— А вы развѣ сомнѣвались? спросилъ Петръ Ивановичъ. Мнѣ всегда приходило въ голову, что эти религіи азіатскаго востока, съ ихъ ревомъ и грохотомъ служенія, какъ бы отголоски тѣхъ вулканическихъ катаклизмовъ, которые когда-то совершались въ тѣхъ странахъ; ихъ религіи зародились въ трескѣ и крушеніи огнедышащихъ явленій земли, и вотъ откуда ихъ чудовищныя музыки. Наша молитва—иная, и, повѣрьте мнѣ, что молитву эту, такъ же какъ и значеніе вѣры, можно познать полностью только въ горѣ. Вспоминается мнѣ при этомъ опять-таки очень любимый мною Тиндаль. Онъ говоритъ гдѣ-то, что если молитва человѣка прямого дѣйствія на физическій міръ не оказываетъ, то она дѣйствуетъ на духъ человѣка; не подлежитъ сомнѣнію, что она орудуетъ въ силу закона сохраненія и распредѣленія силъ и еще „прославить“, какъ говоритъ Тиндаль, этотъ законъ въ его крайнихъ предѣлахъ. Я испыталъ

на себѣ это „прославленіе“. Молитва можетъ быть иногда такъ быстра, тонка, сильна, высока, такъ неуловимо-духовна, что мы даже и характеризовать ея не можемъ! По Гривингеру, не подлежитъ сомнѣнію, что хотя наши слова и принадлежатъ въ сферѣ дѣятельности человѣка, но бываютъ, все-таки, такія минуты, когда наша внутренняя жизнь становится выше формы слова, т. е., по-просту, намъ не хватаетъ словъ; какъ изъ глубины души поднимается тогда вдругъ нѣчто невыразимо-чудесное, невысказываемое, никогда не достигавшее слуха человѣка и въ такія минуты намъ кажется, что все, что мы знаемъ и до чего можемъ достигъ, никогда не можетъ быть выполненіемъ того блаженства, которое въ подобныхъ минуты обѣщано намъ нашимъ внутреннимъ чувствомъ! Помните также у Достоевскаго въ „Идіотѣ“ есть, сходная съ этимъ, характеристика эпилептического состоянія: ощущенія большого удесятерились, умъ и сердце оварялись необыкновеннымъ свѣтомъ, всѣ волненія, всѣ безпокойства умиротворялись разомъ и разрѣшались какимъ-то высшимъ спокойствіемъ, полнымъ ясной, гармонической радости и надежды, полнымъ разума и окончательной причины; эти минуты проходили быстро, какъ молнія, и, даже послѣ припадка, вспоминались больному, какъ полное примиреніе, какъ „молитвенное“, высшее сліяніе съ синтезомъ жизни. Я вовсе не говорю, что молитва есть эпилептическое состояніе; я вспомнилъ Достоевскаго только для одного слова: „молитвенное“, употребленное имъ для объясненія *pes plus ultra* освобожденія души отъ „земляности“... А молитву Спасителя въ Геосиманскомъ саду помните: у евангелиста Маттея сказано: „Душа моя скорбитъ смертельно“... у евангелиста Марка: „И началъ ужасаться и тосковать. И сказалъ имъ: душа моя скорбитъ смертельно“; у евангелиста Луки: „И находясь въ бореніи, прилежнѣе молился; и былъ потъ его, какъ капли крови, падающія на землю“! Евангеліе! вотъ ужъ по истинѣ книга откровеній! Въ немъ, то и дѣло, чередуются откровенія. Вотъ хоть бы эта молитва Спасителя! Господи, что бы можно было дать за то, чтобы имѣть ее передъ глазами, именно ее, эту Геосиманскую молитву души, которая „скорбѣла“, „находилась въ бореніи“, „начала ужасаться“, — замѣтите: не „ужасалась“, а „начала ужасаться“, что безмѣрно сильнѣе! Эта молитва, вызывавшая „потъ, какъ капли крови“, несомнѣнно свидѣтельствуетъ намъ о двухъ вещахъ: во-первыхъ, что Спаситель непременно находился въ

сомнѣніи и, во-вторыхъ, находясь въ немъ, обратился ни къ чему иному, какъ къ молитвѣ! И я, въ своемъ горѣ, постигъ такую именно молитву, какой не постигалъ, не чаялъ прежде и — успокоился! Ничто иное, какъ горе, вразумило, научило меня...

— Простите меня, замѣтилъ Подгорскій, но уже этихъ двухъ приобрѣтеній — вѣры и молитвы, вполне достаточно для того, чтобы человѣку желать горя?

— Желать, это будетъ не по-божески, но, что одно только горе улучшаетъ, очищаетъ, направляетъ человѣка, такъ это вѣрно; помните, что значить „несеніе своего креста“! И не только эти два даянія принесло мнѣ горе, оно дало мнѣ еще и третье, до той поры мнѣ тоже не вполне ясное. Я понялъ, наконецъ, значеніе земной церкви и ея служителей. Я не совѣмъ ясно помню, что именно говорилъ я на берегу, когда подошелъ къ вамъ въ вечеръ прибытія парохода съ тѣломъ; вѣдь я, кажется, къ вамъ подошелъ, — и говорилъ что-то, что — не знаю, но вспоминаю, очень хорошо, что чувствовалъ, что хотѣлъ сказать! Какъ воздухъ задыхающемуся, нуженъ мнѣ былъ служитель церкви, вещественный знакъ церкви, этого прямого свидѣтельства Бога на землѣ! Мнѣ казалось, что душа моя уходитъ и она ушла-бы, непременно, еслибы не появился мой дорогой отецъ Игнатій! Да-съ, Семенъ Андреевичъ, въ минуты полной расшатанности человѣка, когда онъ сокрушенъ въ себѣ, а, слѣдовательно, для него сокрушенъ и весь міръ, церковь, какъ внѣшняя изобразительница молитвы, вѣры и Бога, церковь въ ея неподвижности отъ вѣка, въ ея текстахъ и реченіяхъ, замшившихся въ безконечной давности, церковь чуждая измѣняемости, въ смыслѣ моды и развитія, одна только остающаяся неизблемою, неподвижною въ верченіи времени, становится вполне необходимою! Только такую, несомнѣнно неподвижную во времени церковь, мнѣ нужно, потому что только за такую церковь, неизмѣняющуюся въ измѣняемости всего, всего рѣшительно, могу я, утопающій, ухватиться. И, можете ли вы представить себѣ тотъ великій восторгъ, когда эта церковь, въ ея вѣчности и неизблемости, въ ея безвременномъ могуществѣ, со всѣми подвижниками вѣры и полнымъ представительствомъ ихъ лучезарнаго, сградальческаго сонма, приходитъ къ вамъ, къ ничтожеству, въ лицѣ ея служителя, приходитъ сама *in personam*, со всею своею благодатью, приходитъ на вашъ зовъ, на зовъ маленькаго, единичнаго, въ

конецъ сокрушеннаго человѣка, и, ставъ надъ вами, говоритъ: встань!! Отсюда, Семенъ Андреевичъ, чтобы кончить на этотъ предметъ, можете сдѣлать сами три не маленькихъ заключенія: во-первыхъ, какъ преступенъ пьяный или развратный служитель церкви; второе, въ какой юдоли невѣдѣнія обрѣтаются воѣ эти Редстокисты и Пашковцы, и какъ ихъ тамъ звать и, въ третьихъ, и это самое важное: что именно наша православная церковь въ ея прочности и неизмѣняемости имѣетъ великое преимущество, не говорю уже передъ лютеранствомъ, но и предъ католичествомъ. О религіяхъ нехристіанскихъ — нечего и толковать!..

Цѣлыхъ трое сутокъ провелъ Семенъ Андреевичъ у Абадулова; бесконечно много было говорено на тѣ же предметы, но замѣчательно, что въ самыхъ великихъ и противорѣчивыхъ отвлеченностяхъ, всегда оказывалось у Абадулова гораздо меньше метафизики, чѣмъ можно предполагать и, наоборотъ, то и дѣло, подтверждались однажды приведенныя Петромъ Ивановичемъ мнѣнія Тиндала, Шопенгауэра и Гартмана, что, если уже что-либо мистично и трансцендентально, такъ это именно матерія и что, въ этомъ смыслѣ, мистиченъ даже пищеварительный процессъ. Удивительно просто и хорошо намѣчалась у Петра Ивановича, такъ казалось Семену Андреевичу, система этики, правила для нравственной жизни человѣка, выработанныя имъ. Меньше всего оказывалось въ этой этикѣ пуризма, строгости, нетерпимости: въ ней царила одна только свѣтлѣйшая простота и въ этомъ смыслѣ оказался онъ, до глубины души, до мозга костей своихъ — православнымъ. Особенно много основывалъ Петръ Ивановичъ на значеніи „совѣсти“ въ человѣкѣ, признавая ее, согласно смыслу всѣхъ положеній своей системы, существующею на свѣтѣ, такъ же доказательно, чуть ли не болѣе доказательно и ощутимо, чѣмъ кислородъ.

Но изъ всего того, что повѣдалъ Семену Андреевичу „профессоръ безмертія“, въ памяти его напечатлѣлось одно, дѣйствительно характерное, но уже полумистическое разъясненіе.

— Смерть жены, сказалъ Петръ Ивановичъ, открыла мнѣ значеніе вѣры, церкви, молитвы. Помню, какъ теперь, мысли мои на всѣхъ панихидахъ, сначала неясныя, сбивчивыя, но въ день отпѣванія, уже достигшія зрѣлости и полной хрустальности. Мысли мои, благодаря совершенно особеннымъ, счастливымъ обстоятельствамъ произростаю, поднялось чрезвычайно быстро; есть, какъ вы знаете, организмы въ природѣ,

растительные и животные, являющіеся въ жизнь, достигающіе зрѣлости, дающіе потомство и умирающіе менѣе, чѣмъ въ сутки. Я, видите ли, такъ много лѣтъ, такъ усиленно, постоянно, ежечасно изслѣдовалъ мою мысль о невозможности отрицать единоличное безсмертіе, не отрицая всего порядка бытія, я такъ сжился съ нею, собирая по зернышкамъ, по песчинкамъ, всякія мнѣ нужныя данныя, что, въ силу вполне законныхъ рефлексовъ мозга, сквозь пѣніе „со святыми упокой“, работалъ мысленно все-таки въ томъ же направленіи. Церковная молитва самымъ родственнымъ образомъ свивалась у меня съ научнымъ соображеніемъ; я настойчиво искалъ въ словахъ богослуженія чего-либо разрушительнаго для моей системы и, къ великому очастью—не нашель....

— Конечно, въ первыя минуты извѣстія о смерти жены, я ни о чемъ рѣшительно думать не могъ. Помните ли вы, какъ въ „Откровеніи Іоанновомъ“ сказано, что Вавилонъ, городъ великій, опойлъ „яростнымъ виномъ блуда“ всѣ народы? такимъ „яростнымъ виномъ печали“ опойла меня смерть жены! Но съ самаго появленія отца Игнатія, или, лучше, не его лично, а вѣчной, неизблемой церкви Христовой въ лицѣ ея представителя, на мой одиночный зовъ, я сталъ успокаиваться, и скоро о неистовствѣ, жгучести, бѣшенствѣ, пьяности тоски моей—не было и помину.

— Только въ такомъ успокоенномъ, какимъ я сталъ, могли, конечно, законно совершаться тѣ рефлексы мозга, о которыхъ я только-что вспомнилъ. Я стоялъ и сидѣлъ у гроба жены, которую любилъ безпредѣльно, много, много разъ. Ну вотъ, думалось мнѣ, то, что ты доказывалъ, совершилось; вотъ ея тѣло, а душа? Она, по-твоему, съ нашимъ міромъ общенія имѣть не можетъ, она стала частичкою тепла, вышедшаго изъ обращенія въ мірозданіи, получила безформенную форму, она вошла, путемъ смерти, въ ежеминутно увеличивающіяся и, съ погасаніемъ людей, постоянно возростающія количества уравновѣшенной и уже теперь пріавшей „вѣчный покой“ температуры! Такъ ли, это? что, если нѣтъ?! Страшное чувство одолѣвало меня! Хорошо писать о чемъ-либо на бумагѣ, но совсѣмъ другое стоять съ чѣмъ-либо лицомъ къ лицу. Я думаю, что какой-нибудь юный, прошедшій всѣ высшіе военные курсы офицеръ, попавъ впервые въ бой, долженъ испытывать то, что испытывалъ я? на что ему вся самоувѣренность теоріи, всѣ примѣры военной исторіи, когда кругомъ свищутъ пули и

люди валатся? Какъ, повидимому, безсилны становятся всё его знанія, когда, вмѣсто разрисованныхъ карточекъ, которыя онъ двигалъ по плану, или вмѣсто лагерныхъ маневровъ, гдѣ его мнимые противники были, на самомъ дѣлѣ, его лучшими друзьями, конь его скользитъ по грязи, образовавшейся отъ крови, и злобно выпученныя очи убитыхъ ясно свидѣтельствуютъ о томъ, каково должно быть расположеніе духа противника! Я тоже попалъ тогда на подобное поле сраженія! „Туть“, подлѣ меня,—несомнѣнное разложеніе, неимѣніе лица, бевобразіе, а „тамъ“, неизвѣстно гдѣ, въ силу тѣхъ именно доводовъ, которые я же сочинилъ, я же призналъ, моимъ, имѣющимъ со временемъ разложиться, т. е. очень слабымъ, такъ сказать, временнымъ мозгомъ, должна обрѣтаться, въ непостижимой вѣчности, какая-то совсѣмъ, совсѣмъ неопредѣленная, не то вѣсомая—не то невѣсомая, не то мертвая—не то живая, неочертимая—и, въ то же самое время, въ силу своей индивидуальности, вѣроятно имѣющая какое-либо свое очертаніе—душа! Степени убѣдительности между „туть“ и „тамъ“, согласитесь, были очень и очень различны!

— И все-таки, продолжалъ Петръ Ивановичъ, вѣрьте мнѣ—или не вѣрьте, но я не сомнѣвался ни одною вибраціею моего мозга. Мнѣ чаще другаго вспоминалось то, что сказано въ Евангеліи: „Въ домѣ отца моего обитателей много“ и „мѣста“ ихъ не опредѣлить. Изрѣдка, пожалуй, сознавалъ я въ себѣ ощущенія, которыя готовъ назвать, если хотите, „странными“; особенно сильно ощущалъ я эту „странность“ именно тогда, когда смотрѣлъ на гробъ! Но эти „странныя“ ощущенія всегда улетучивались, какъ только отворачивался я отъ этой дѣйствительности, отъ гроба, или закрывалъ глаза, или задумывался. Тогда! о, тогда! чувствовалъ я себя опять въ своей сферѣ, сознательно плывущимъ на всѣхъ парусахъ. Помню, что уже послѣ похоронъ размышлялъ я о причинѣ этихъ „странныхъ“ чувствъ моихъ и пришелъ къ заключенію, что причины ихъ надобно искать ни въ чемъ иномъ, какъ въ насъ самихъ, во всей глупой обстановкѣ нашей жизни.

— Отъ равняго дѣтства начиная, въ наукѣ, въ обществѣ не перестаютъ толковать вамъ на всѣ лады, что со смертью все кончено, что нѣтъ причинности, оправдываемой наукой, которая могла бы допустить отдѣльное отъ тѣла существованіе души, и что туть, если угодно, остается мѣсто одной только вѣрѣ! Самую идею вѣры подрываютъ въ васъ, иногда

очень остроумно, и всегда съ расчетомъ на успѣхъ, многія тысячи людей образованнаго общества; не оставляютъ ни одного окошечка для просвѣта, который мнѣ такъ несомнѣнно, такъ ясно виденъ; нерѣдки недостойные служители церкви; весело гуляетъ по величайшимъ истинамъ насмѣшка, и вдругъ... послѣ десятковъ лѣтъ такихъ условій васъ ставятъ вдругъ у открытаго гроба и спрашиваютъ: ну! что! гдѣ же твоя система? Бѣдное, мажотѣлое, безпокровное существо, вы подвергнуты сразу какому-то убійственному морозу или, если хотите, бѣлокалильному жару, и что же остается вамъ дѣлать? Я, лично, хотя и оказался на столько счастливымъ, что чувствовалъ на себѣ нѣкоторый, какъ бы, покровъ моей системы, не могшей возникнуть безъ убѣжденія и вѣры въ логику бытія, но, все-таки, будучи поставленъ въ необходимость провѣрить свою теорію на практикѣ, при условіи мгновенной, фактической потери любимѣйшаго существа въ мірѣ—моей жены!—чувствовалъ себя въ положеніи, названномъ мною „страннымъ“. Мало-по-малу, однако, эта неопредѣленная „странность“ ощущеній, бесспорно, уступала мѣсто прежней увѣренности. Я находился въ бою впервые... смерть унесла человѣческую жертву... что-то исчезло... совершилась какая-то громадная, вершительная перемѣна! Не признать ли безумія бытія? Это гораздо проще! Но что же тогда съ остальнымъ бытіемъ мірозданія? Вѣдь не умерло же оно со смертью жены? Какое имѣю я право придавать своему субъективному чувству чисто объективное значеніе? На какомъ основаніи дерзаю я уяснить себѣ все сокрытое передо мною во всей необъятности и непостижимости, какими-то несчастными тремя измѣреніями, семью красками и основанною на нихъ слабенькою логикою! Злополучный я банкротъ своихъ собственныхъ убѣжденій, не умѣющій, въ силу привычки, признать даже несомнѣннаго, и не имѣющій для этого самой не хитрой смѣлости...

— И помню я, помню очень хорошо, что когда простился съ женою въ послѣдній разъ, то почувствовалъ, что вошелъ, такъ сказать, въ полное равновѣсіе температуры моихъ собственныхъ убѣжденій, въ „вѣчный покой“ глубочайшаго моего сознанія и искреннѣйшей моей вѣры, которыхъ теперь князю міра сего не сокрушить... Что-за глубина и истина въ Іоанновомъ Евангеліи, въ послѣднемъ, прочтенномъ надъ гробомъ, въ которомъ объясняется, для чего изыдутъ изъ гробовъ „сотворшая благая“ и „сотворшая злая“! Много, Семень Андрее-

вичь, вынесла наша земля физическихъ катаклизмовъ, но только однажды совершился на ней катаклизмъ въ духовномъ бытіи земнаго человѣчества, а именно—съ появленіемъ Іисуса Христа. Тутъ я долженъ предупредить васъ, что ударюсь немного въ метафизику, въ мистику. Мыѣ думается, что появленіе Сына Божія здѣсь, на землѣ, а не на другой планетѣ, совершилось, вѣроятно, въ силу того, что высшею интеллектуальною потенціею въ мірозданіи является, вѣроятно, человѣчество. Вполнѣ научнымъ, естественнымъ путемъ никоимъ образомъ не объяснить значенія Спасителя; катаклизмъ въ духовномъ бытіи человѣчества, имѣ произведенный, такъ неизмѣримо громаденъ, по сравненію съ другими наиважнѣйшими, какъ-то: крушеніе Греціи, Рима, появленіе Будды, Магомета и пр., что уразумѣть его причинность обычнымъ путемъ мы положительно не можемъ. Дѣятельность Спасителя — фактъ несомнѣнный, но, въ то же время, и вполнѣ единичный, безпримѣрный; не представляется ли эта единичность снабженною всѣми отличіями чуда? Можно ли признать явленіе, вполнѣ единичное, исключительное, хотя и несомнѣнное, явленіемъ вполнѣ нормальнымъ? Едва-ли можно; а если это такъ, то всякій мистикъ пойдетъ дальше... Если духъ человѣка дѣйствительно высшая потенція матеріальнаго міра, если право на дальнѣйшее, высшее развитіе по смерти имѣетъ только та душа, что сотворила „благая“, то Богочеловѣкъ, такъ сказать, еще здѣсь, на землѣ, какъ бы перешелъ грань земнаго развитія, и это именно изображено наглядно въ Вознесеніи Христовомъ: у евангелиста Луки сказано, что Онъ, на глазахъ учениковъ своихъ, „сталъ отдаляться отъ нихъ“. Какъ умѣстно здѣсь это слово „отдаляться“, и какъ ясно показала дѣятельность Спасителя, что значить „благая“, и въ какую сторону должно быть направлено развитіе человѣческой души?

— Не могу также не вспомнить, говоря о Спасителѣ, послѣднихъ строкъ знаменитаго сочиненія Страуса. Онъ, какъ извѣстно, признавалъ Спасителя не болѣе, какъ за простаго смертнаго; оставаясь вѣрнымъ своему глубочайшему скептицизму, Страусъ, заканчивая сочиненіе, не могъ, однако, не сказать слѣдующаго: „Я признаю Христа за такого человѣка, въ сознаніи котораго единеніе божественнаго и человѣческаго возникло въ первый разъ и съ такою энергіею, что для абсолютной полноты этого единенія не хватаетъ только неизмѣримо малаго и что, въ этомъ смыслѣ, Христосъ примѣръ единственный въ исторіи и не

чимъющій себѣ равнаго“. Что это за „неизмѣримо малое“, чего не хватало въ Спасителѣ, для достиженія какого-то нѣмецкаго „абсолюта“,—Страусъ, въ цѣлыхъ двухъ томахъ своего сочиненія, не объяснилъ ни одною строкой!

— И кажется мнѣ, Семенъ Андреевичъ, говорилъ Абатуловъ, когда я смотрю на могилу жены изъ моего окна, что она дѣйствительно только „отдалилась“! Будь я богатъ, я, знаете ли, непременно поставилъ бы надъ нею своеобразную часовню. Вся она была бы сложена изъ стекла, т. е. изъ стеклянныхъ кирпичей, такъ что внутренность ея находилась бы въ постоянномъ, непрерывномъ общеніи со свѣтомъ земли; съ зарею она заливалась бы красными, огненными лучами молодого солнца, при лунномъ сіяніи—лазоревыми тѣнями, въ непроглядную тьму воробьиной ночи она стояла бы, какъ и вся природа, погруженною въ мракъ и вспыхивала бы, во всей своей цѣльности, при блескѣ буревой молніи или лѣтней зорницы. Въ этомъ имѣлось бы наглядное свидѣтельство того, что душа почившей жилицы ея не исчезла, а только „отдалилась“. Я бы одухотворилъ всё стѣны и весь сводъ часовни изображеніями въ самомъ стеклѣ завѣтныхъ ликовъ мучениковъ, признанныхъ нашею церковью, въ ихъ цвѣтныхъ одѣянιάхъ, по Строгоновскому подлиннику, и они, глядя со стѣнъ, являлись бы дѣйствительно свѣтоносными, сквозящими, сотканными изъ лучей. Надобно только припомнить и понять, что значать „мученики“!

— Но все это, дорогой Семенъ Андреевичъ, только фантазія, сути дѣла вовсе не мѣняющая. Я, впрочемъ, предупредилъ васъ, что ударюсь въ метафизику, которую вольны вы принять или не принять, но, что „благая“ душа, въ силу чисто естественно-научныхъ законовъ, должна быть единолично безсмертна, такъ это несомнѣнно и это не метафизика. Я сообщилъ вамъ все, что зналъ на этотъ предметъ, я указалъ вамъ на несомнѣнность существованія двери въ безсмертіе и желалъ бы повѣдать свои мысли возможно многимъ... но только отнюдь не въ качествѣ самозваннаго пророка. У насъ давно въ ходу— пророчества, разныхъ видовъ и достоинствъ, это правда, но все-таки пророчества; вспомните, чтобы начать снизу, деревенскихъ пророковъ раскола, штунды и перейдите прямо къ спиритамъ и недавно появившимся Редстоку и Пашкову! Въ моихъ доводахъ нѣтъ ничего сходнаго съ ихними: я простой изслѣдователь, дѣлающій свои заключенія... Впрочемъ, виновать, между мною и перечисленными пророками есть сходство: всё мы, вмѣстѣ взя-

*

тне, не новы подъ луною, всё пульсируемъ, всё повторяемъ какіе-то зады...

Прошло двое сутокъ пребыванія Подгорскаго въ Родниковкѣ. Ко времени прибытія парохода, направлявшагося вверхъ по Волгѣ, такого же крупнаго американца, какъ тотъ, на которомъ Подгорскій прибылъ, Абатоловъ проводилъ гостя до ближайшей пристани.

— Прощайте! Прощайте еще разъ! закричалъ ему Подгорскій съ палубы, при первыхъ поворотахъ неуклюжихъ колесъ американца.

— Нѣтъ! Никакъ не прощайте, а до свиданія, здѣсь или тамъ! отвѣтилъ ему Абатоловъ.

Публика, слышавшая это прощаніе, конечно, не поняла его.

К. СЛУЧЕВСКІЙ.

25 февраля
1891.

КРИТИКА.

I.

Критическія статьи Вал. Н. Майкова.

Валеріанъ Майковъ. Критическіе Опыты. (1845—1847). Съ приложеніемъ портрета В. Н. Майкова и матеріаловъ для его литературной характеристики. С.-Пб. 1891.

Въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ наше литературное движеніе выражается преимущественно журналами; но старыя книжки журналовъ быстро исчезаютъ изъ обращенія среди публики, и если тотъ или другой изъ авторовъ, участвовавшихъ въ періодической печати, не позаботился собрать свои статьи въ отдѣльно изданный сборникъ и такимъ образомъ не подвелъ итога своему литературному вкладу за извѣстный періодъ времени, ему грозитъ неизбѣжное забвеніе. Поэтому можно всегда привѣтствовать сочувствіемъ появленіе подобныхъ сборниковъ: по нимъ всего удобнѣе выяснитъ фивіономію отдѣльныхъ литературныхъ дѣятелей и опредѣлитъ отношеніе того или другаго изъ нихъ къ текущимъ явленіямъ жизни и литературы; такіе сборники поддерживаютъ въ новыхъ рядахъ читателей память о прошломъ обмѣнѣ мнѣній и укрѣпляютъ связь новыхъ литературныхъ поколѣній съ ихъ предшественниками: при помощи такихъ изданій сохраняется въ литературѣ живая преемственность идей независимо отъ ея выясненія путемъ историческихъ изысканій.

Книга, о которой мы хотимъ говорить, — одинъ изъ подобныхъ сборниковъ; но, къ сожалѣнію, авторъ помѣщенныхъ здѣсь статей уже давно сошелъ съ литературнаго поприща. Это — Валеріанъ Николаевичъ Майковъ, братъ извѣстнаго по-

эта. Онъ участвовалъ въ литературѣ очень недолго; но его критическія статьи, появившіяся съ 1845 по 1847 годъ въ трехъ петербургскихъ журналахъ (въ „Финскомъ Вѣстникѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Современникѣ“), обращали на себя значительное вниманіе въ свое время и до сихъ поръ сохранили живой интересъ. По своимъ дарованіямъ онъ обѣщаль занять видное мѣсто въ литературѣ, но раѣняя кончина прекратила его дѣятельность въ самомъ ея началѣ. Новое изданіе критическихъ этюдовъ В. Н. Майкова сдѣлано съ большою тщательностью; изъ всего, что было напечатано В. Н. Майковымъ, выбрано лишь важнѣйшее и интереснѣйшее; кое-что издано вновь по сохранившимся рукописямъ; къ сборнику присоединены матеріалы для литературной характеристики автора и некрологи, написанные по случаю его внезапной смерти И. А. Гончаровымъ, А. Н. Плещеевымъ и А. У. Порѣвскимъ, людьми, близко знавшими покойнаго.

Такимъ образомъ, сборникъ даетъ возможность ознакомиться съ дѣятельностью одного изъ замѣчательныхъ, хотя и малоизвѣстныхъ нынѣ представителей столь памятнаго въ нашей умственной жизни періода сороковыхъ годовъ.

На сороковые года справедливо смотреть, какъ на блестящее и плодотворное время въ ходѣ нашего развитія. Но обыкновенно періодъ этотъ, столь богатый даровитыми дѣятелями, олицетворяютъ въ дѣятельности двухъ-трехъ представителей извѣстныхъ тогдашнихъ направленій. Такой упрощенный способъ возрѣнія ведетъ къ невѣрному изображенію фактовъ. Безъ сомнѣнія справедливо, что главныя жизненныя силы литературы выражались тогда въ двухъ группахъ—западниковъ и славянофиловъ, но, во-первыхъ, не однѣ эти двѣ группы исчерпывали собою весь запасъ тогдашнихъ литературныхъ силъ, а во-вторыхъ, и это особенно важно—въ обѣихъ группахъ вовсе не было такого единства возрѣній, какое предполагается нынѣ несомнѣннымъ; многіе изъ западниковъ, какъ напримѣръ, Грановскій, Герценъ, расходились по разнымъ существеннымъ вопросамъ съ Бѣлинскимъ; питомецъ западнаго кружка, Катковъ очень рано обособился отъ своихъ товарищей и сверстниковъ; съ другой стороны, младшіе славянофилы К. Аксаковъ и Ю. Самаринъ, да и болѣе зрѣлые въ ту пору И. Кирѣевскій и Хомяковъ очень нерѣдко отдѣлялись въ своихъ убѣжденіяхъ отъ Погодина и Шевырева, такъ что этихъ послѣднихъ нельзя даже называть настоящими представителями славянофильской шко-

ды. Чтобы дать вѣрную оцѣнку тѣмъ теченіямъ мысли, которыя внесли столь плодотворное движеніе въ умственную жизнь сороковыхъ годовъ, необходимо вникнуть болѣе внимательно въ различные оттѣнки высказывавшихся тогда воззрѣній.

В. Н. Майковъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу людей, искавшихъ самостоятельнаго пути для развитія русской мысли. Онъ вовсе не былъ славянофиломъ, но точно также не былъ онъ и западникомъ въ смыслѣ простаго ученика чужой мысли, а таковымъ оказывалось тогда большинство нашихъ образованныхъ людей. О необходимости критическаго отношенія къ результатамъ западнаго просвѣщенія В. Н. Майковъ говорилъ съ неменьшею горячностью, чѣмъ славянофилы, и любой изъ нихъ могъ бы подписаться подъ слѣдующими его словами: „Если Россія имѣетъ свое искусство, запечатлѣнное чертами рѣзкой относительности, то нѣтъ причины думать, чтобы и наука не принялась когда-нибудь на русской почвѣ, какъ растение туземное. До сихъ поръ она у насъ—пересаженный цвѣтъ, и потому-то самому, быть можетъ, и не вошла еще къ намъ въ плоть и въ кровь, не слилась съ нашею жизнью, не проникла нашей дѣятельности своимъ благотворнымъ вліяніемъ. Чтобы выйдти мало по малу изъ этого младенчества, чтобы усвоиться массѣ, она должна быть приведена въ гармонію съ природнымъ настроеніемъ нашего ума. Для того покажѣтся одинъ путь—критическое изслѣдованіе тѣхъ наукъ, которыя принимаемъ мы съ запада. Прошло уже то время, когда мы должны были безусловно благоговѣть передъ нашими учителями, вѣря имъ на слово. Мы поняли теперь, что самое разнообразіе цивилизаціи западно-европейскихъ народовъ свидѣтельствуетъ объ односторонности каждаго изъ нихъ, что мы должны дѣлать строгій выборъ между тѣмъ, что должно и чего не должно у нихъ заимствовать. Слѣдовательно, первые шаги на поприщѣ созданія національной науки должны состоять въ строгомъ критическомъ разборѣ наукъ Запада“ („Крит. Опыты“, стр. 547, 548).

Но сознавая необходимость критическаго отношенія къ западному просвѣщенію, В. Н. Майковъ вооружался противъ стремленія отчуждать Россію отъ западной Европы и восстанавливать русскую старину. Видя сущность народности не въ формахъ быта, а въ духѣ и способностяхъ народа, признавая за русскимъ умомъ великія качества, онъ утверждалъ, что не

слѣдуетъ однако преувеличивать значеніе народности, ибо она все-таки не составляетъ той „совокупности условій, безъ которой человѣкъ не можетъ проявлять той или другой стороны своей натуры“ („Крит. Опытъ“, стр. 63). Поэтому мнѣнія славянофиловъ о возможности особой всеславянской цивилизаціи В. Н. Майковъ оспаривалъ съ такою горячностью, что даже Бѣлинскій счелъ нужнымъ стать противъ него въ защиту нѣкоторыхъ положеній славянофильскаго ученія. Въ воззрѣніяхъ В. Н. Майкова Бѣлинскій умотрѣлъ космополитизмъ. Введеніе къ разбираемой книгѣ подробно излагаетъ ходъ ихъ полемики и признаетъ, что взглядъ Майкова на значеніе народности дѣйствительно страдаетъ неопредѣленностью. Съ этимъ должно согласиться, а равно слѣдуетъ признать и то, что возраженія Майкова противъ славянофильскихъ идей не отличаются ни глубиной, ни даже достаточнымъ проникновеніемъ въ мнѣнія противниковъ. Но притомъ не слѣдуетъ забывать, что въ лицѣ В. Н. Майкова мы имѣемъ дѣло съ молодымъ человѣкомъ, который умеръ на 24-мъ году своей жизни, не успѣвъ не только ясно высказаться, но и вполне созрѣть. Его космополитическія увлеченія представляются намъ лишь извѣстною стадіей въ его личномъ развитіи, временнымъ удовлетвореніемъ ума очень живаго и строго логическаго, но еще не отрезвившагося отъ кабинетныхъ предразсудковъ. Трудно допустить, чтобъ этотъ человѣкъ, столь искренній въ своихъ убѣжденіяхъ и столь способный анализировать смыслъ общественныхъ и историческихъ явленій, не сумѣлъ, раньше или позже, выйти изъ сферы туманныхъ мечтаній о всечеловѣчествѣ, сглаживающемъ будто-бы народныя различія.

В. Н. Майковъ получилъ образованіе на юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета въ то время, когда этотъ факультетъ не только давалъ своимъ слушателямъ специальную подготовку въ области права, но знакомилъ ихъ и съ исторіей, и со словесностью. По выходѣ изъ университета В. Н. Майковъ еще расширилъ кругъ своего образованія, занявшись естественными науками и въ особенности философій. Первымъ значительнымъ трудомъ его, появившимся въ печати, была статья объ общественныхъ наукахъ въ Россіи, та самая, изъ которой мы привели выше вступительныя строки. Статья эта осталась неконченною; но изъ напечатанныхъ отдѣловъ ея можно видѣть и обширность свѣдѣній автора, и стремленіе его къ самостоятельности сужденія. Онъ знакомъ и съ

Шеллингомъ, и съ Гегелемъ, и съ Контомъ; но ни нѣмецкіе философы, ни новый въ то время позитивизмъ не поглощаютъ его мысли; разсматривая состояніе общественныхъ наукъ, онъ указываетъ на тѣ противорѣчія, къ которымъ приводитъ слишкомъ обособленная разработка каждой изъ нихъ, и приходитъ къ заключенію, что эти противорѣчія могутъ быть примирены только созданіемъ новой науки высшаго порядка: въ той наукѣ, которую онъ предлагаетъ назвать философіей общества, не трудно узнать социологію нашего времени. Политико-экономическія ученія въ особенности привлекали къ себѣ вниманіе В. Н. Майкова; его статья „Объ отношеніи производительности къ распределенію богатства“ обнаруживаетъ, что онъ основательно изучалъ Адама Смита и Сисмонди, и умѣлъ воспользоваться критикой экономическихъ порядковъ въ сочиненіяхъ социалистовъ, но не увлекся ихъ теоріями; самостоятельно выработанная имъ мысль о долевомъ вознагражденіи рабочихъ лишь значительно позже приобрѣла себѣ право гражданства въ наукѣ.

Такую же силу и гибкость ума, самобытность и даровитость проявилъ В. Н. Майковъ и въ литературной критикѣ, когда, въ 1846 году, принялъ въ свои руки наслѣдіе Бѣлинскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Объ этой сторонѣ литературной дѣятельности В. Н. Майкова слѣдуетъ сказать подробнѣе; но прежде всего приведемъ, какъ образецъ его критической манеры, его сужденіе о первыхъ произведеніяхъ Ф. М. Достоевскаго, появившихся какъ разъ въ то время, когда В. Н. Майковъ дѣйствовалъ на журнальномъ поприщѣ:

„Еще въ ноябрѣ и декабрѣ 1845 года всѣ литературные дилеттанты ловили и перебрасывали отрадную новость о появленіи новаго огромнаго таланта. „Не хуже Гоголя“, кричали одни; „лучше Гоголя“, подхватывали другіе; „Гоголь убить“, вопили третьи... *Удружить* такимъ образомъ автору „Бѣдныхъ людей“, глашатаи сдѣлали то, что публика ожидала отъ этого произведенія идеальнаго совершенства и, прочитавъ романъ, изумилась, встрѣтивъ въ немъ, вмѣстѣ съ необыкновенными достоинствами, нѣкоторые недостатки, свойственные труду всякаго молодого дарованія, какъ бы оно ни было огромно. Отчаянный размахъ энтузіазма, съ которымъ спущена была новость, привелъ большую часть читателей къ забвенію самыхъ простыхъ истинъ: можетъ быть, никого еще въ свѣтѣ не судили такъ неразумно строго, какъ г. Достоевскаго. Предположили, что „Бѣдные люди“ должны быть вѣнцомъ литературы, прототипомъ художе-

ственнаго произведенія по содержанию и по формѣ, а автора ихъ напередъ рѣшились лишить даже возможности совершенствованія. Результатъ всего этого былъ тотъ, что большая часть публики, по прочтеніи „Бѣдныхъ людей“, нѣкоторое время преимущественно толковала о *растянутости* этого романа, умалчивая объ остальномъ. То же самое повторилось по выходѣ въ свѣтъ „Двойника“. Можно рѣшительно сказать, что полный успѣхъ эти произведенія имѣли въ небольшомъ кругу читателей. Мы полагаемъ, что кромѣ приведенной нами причины нерасположенія большинства публики къ сочиненіямъ г. Достоевскаго слѣдуетъ искать въ непривычкѣ къ его оригинальному приему въ изображеніи дѣйствительности. А между тѣмъ этотъ приемъ, можетъ быть, и составляетъ главное достоинство произведеній г. Достоевскаго. Напрасно говорятъ, что новость всегда пріятно дѣйствуетъ на большинство. Во-первыхъ, большинство не вездѣ одинаково; во-вторыхъ, во всякомъ большинствѣ до извѣстной степени дѣйствуетъ рутиня. Есть примѣры мгновеннаго успѣха весьма посредственныхъ литературныхъ произведеній, успѣха, основаннаго дѣйствительно ни на чемъ иномъ, какъ на новизнѣ содержанія; за то сколько же примѣровъ и холодности, съ которою въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ встрѣчались произведенія истинно-изящныя, вполнѣ слѣдствіи времени признанныя первоклассными и вознесенныя до небесъ! Если Гоголь былъ не понятъ и не оцѣненъ въ первые годы своей дѣятельности по противоположности его произведеній съ романтическимъ направленіемъ, господствовавшимъ въ то время въ нашей литературѣ, то нѣтъ ничего мудренаго, что и популярность г. Достоевскаго нашла себѣ препятствіе въ противоположности его манеры съ манерой Гоголя. Дѣло только въ томъ, что Гоголь своими произведеніями содѣйствовалъ къ совершенной реформѣ эстетическихъ понятій въ публикѣ и въ писателяхъ, обративъ искусство къ художественному воспроизведенію дѣйствительности. Произвести переворотъ въ этихъ идеяхъ значило бы повернуть назадъ. Произведенія г. Достоевскаго, напротивъ того, упрочиваютъ господство эстетическихъ началъ, внесенныхъ въ наше искусство Гоголемъ, доказывая, что и огромный талантъ не можетъ идти по иному пути безъ нарушенія законовъ художественности. Тѣмъ не менѣе, *манера* г. Достоевскаго въ высшей степени оригинальна, и его меньше, чѣмъ кого-нибудь, можно назвать подражателемъ Гоголя. Если бы вы назвали его этимъ именемъ, вамъ бы пришлось и са-

мого Гоголя назвать подражателем Гомера или Шекспира. Въ этомъ смыслѣ всѣ истинные художники подражаютъ другъ другу, потому что изящество всегда и всюду подчинено однимъ и тѣмъ же законамъ.

„И Гоголь, и г. Достоевскій изображаютъ дѣйствительное общество. Но Гоголь—поэтъ по преимуществу социальный, а г. Достоевскій—по преимуществу психологическій. Для одного индивидуумъ важенъ какъ представитель извѣстнаго общества или извѣстнаго круга; для другаго самое общество интересно по вліянію его на личность индивидуума. Гоголь тогда только вдохновляется лицомъ, когда чувствуетъ возможность проникнуть съ нимъ въ одну изъ обширныхъ сферъ общества. Чтобы поладить съ Чичиковымъ, онъ извѣздилъ съ нимъ всѣ углы и закоулки русской провинціи. То же самое можно сказать и о всѣхъ его произведеніяхъ, за исключеніемъ развѣ „Записокъ сумасшедшаго“. Собраніе сочиненій Гоголя можно рѣшительно назвать художественною статистикою Россіи. У г. Достоевскаго также встрѣчаются поразительно-художественныя изображенія общества, но они составляютъ у него фонъ картины и обозначаются большею частію такими тонкими штрихами, что совершенно поглощаются огромностью психологическаго интереса. Даже и въ „Бѣдныхъ людяхъ“ интересъ, возбуждаемый анализомъ выведенныхъ на сцену личностей, несравненно сильнѣе впечатлѣнія, которое производитъ на читателя яркое изображеніе окружающей ихъ сферы. И чѣмъ больше времени проходитъ по прочтеніи этого романа, тѣмъ больше открываешь въ немъ чертъ поразительно-глубокаго психологическаго анализа. Мы убѣждены, что всякое произведеніе г. Достоевскаго выигрываетъ чрезвычайно много, если читать его во второй и въ третій разъ. Мы не можемъ объяснить этого иначе, какъ обиліемъ разсѣянныхъ въ нихъ психологическихъ чертъ необыкновенной тонкости и глубины. Такъ напримѣръ, при первомъ чтеніи „Бѣдныхъ людей“, пожалуй, можно прійти въ недоумѣніе—зачѣмъ вздумалось автору заставить Варвару Алексѣвну, въ концѣ романа, съ такимъ холоднымъ деспотизмомъ разсылать Дѣвушкина по магазинамъ съ вздорными порученіями. Однакожь, эта черта имѣетъ огромный смыслъ для психолога и сообщаетъ цѣлому сочиненію интересъ необыкновенно вѣрнаго снимка съ человѣческой природы. Само собою разумѣется, что любовь Макара Алексѣвича не могла не возбуждать въ Варварѣ Алексѣвнѣ

отвращенія, которое она постоянно и упорно скрывала, можетъ быть, и отъ самой себя. А едва-ли есть на свѣтѣ что-нибудь тягостнѣе необходимости удерживать свое нерасположеніе къ человѣку, которому мы чѣмъ-нибудь обязаны, и который — сохрани Боже! — еще насъ любитъ! Кто потрудится пошевелить свои воспоминанія, тотъ навѣрное вспомнитъ, что величайшую антипатію чувствовалъ онъ никакъ не къ врагамъ, а къ тѣмъ лицамъ, которыя были ему преданы до самоотверженія, но которымъ онъ не могъ платить тѣмъ же въ глубинѣ души. Варвара Алексѣевна — мы въ этомъ глубоко убѣждены — томилась преданностью Макара Алексѣевича больше, чѣмъ своею сокрушительною бѣдностью, и не могла, не должна была отказать себѣ въ правѣ помучить его нѣсколько разъ лакейскою ролью, только-что почувствовала себя свободною отъ тягостной опеки. Неестественно человѣку столько времени изнывать отъ насилія, въ которомъ видитъ правязанность, и когда-нибудь не вступить за поруганную самостоятельность своей симпатіи. Впрочемъ, что жъ? Чувствительныя души, которыя не выносятъ уразумѣнія подобныхъ фактовъ, могутъ утѣшить себя тѣмъ, что все-таки передъ отъѣздомъ въ степь, гдѣ „ходить баба безчувственная, да мужикъ необразованный, пьяница ходитъ“, Варвара Алексѣевна написала Макару Алексѣеву письмоце, въ которомъ называетъ его и другомъ, и голубчикомъ. При первомъ прочтеніи, очень легко пропустить безъ вниманія приведенную нами черту. Довольно сказать, что многимъ казалась она даже излишнею и неестественною. Но перечтите „Бѣдныхъ людей“ уже послѣ того, какъ время дало вамъ возможность оцѣнить всѣ подробности этого созданія, и вы найдете въ нихъ бездну достоинствъ, которыя съ перваго взгляда и вамъ, и намъ, и всякому читателю, и рецензенту могли показаться недостатками.

„Двойникъ“ имѣлъ гораздо меньше успѣха, чѣмъ „Бѣдные люди“, что, по нашему мнѣнію, еще менѣе говоритъ въ пользу успѣховъ всего новаго. Въ „Двойникѣ“ манера г. Достоевскаго и любовь его къ психологическому анализу выразились во всей полнотѣ и оригинальности. Въ этомъ произведеніи онъ такъ глубоко проникъ въ человѣческую душу, такъ безтрепетно и страстно вглядѣлся въ сокровенную машинацію человѣческихъ чувствъ, мыслей и дѣлъ, что впечатлѣніе, производимое чтеніемъ „Двойника“, можно сравнить только съ впечатлѣніемъ любовнательнаго человѣка, проникающаго въ

химическій составъ матеріи. Странно! Что, кажется, можетъ быть положительнѣе химическаго взгляда на дѣйствительность? А между тѣмъ картина міра, просвѣтленная этимъ взглядомъ, всегда представляется человѣку облитую какимъ-то мистическимъ свѣтомъ. Сколько мы сами испытали и сколько могли заключить о впечатлѣніяхъ большей части поклонниковъ таланта г. Достоевскаго, въ его психологическихъ этюдахъ есть тотъ самый мистическій отблескъ, который свойственъ вообще изображеніямъ глубоко-анализированной дѣйствительности. „Двойникъ“ развертываетъ передъ вами анатомію души, гибнущей отъ сознанія разрозненности частныхъ интересовъ въ благоустроенномъ обществѣ. Вспомните этого бѣднаго, болѣзненно самолюбиваго Голядкина, вѣчно боящагося за себя, вѣчно мучимаго стремленіемъ не уронить себя ни въ какомъ случаѣ и ни передъ какимъ лицомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно уничтожающагося даже передъ личностью своего шельмеца Петрушки, постоянно соглашающагося обрѣзывать свои претензіи на личность, лишь бы пребыть *въ своемъ правѣ*; вспомните, какъ малѣйшее движеніе въ природѣ кажется ему зловѣщимъ знакомъ сговорившихся противъ него враговъ всякаго рода, враговъ, посвятившихъ себя исполнѣ и нераздѣльно на вредъ ему, враговъ, вѣчно бодрствующихъ надъ его несчастною особой, упорно и безъ раздыха *подкапывающихся* подъ его маленькіе интересы; вспомните все это и спросите себя: нѣтъ ли въ васъ самихъ чего-нибудь голядкинскаго, въ чемъ только никому нѣтъ охоты сознаться, но что исполнѣ объявляется удивительною гармоніей, царствующею въ человѣческомъ обществѣ? Впрочемъ, если вамъ скучно было читать „Двойника“, несмотря на невозможность не сочувствовать созданію Голядкина, то въ этомъ все-таки нѣтъ ничего удивительнаго: анализъ не всякому сносенъ; давно ли анализъ Лермонтова многимъ кололъ глаза, давно ли въ поэзіи Пушкина видѣли какое-то нестерпимое начало?“ („Кр. Опытъ“, стр. 324—328).

Въ этомъ отрывѣ свойство таланта Достоевскаго отмѣчено съ удивительною пронизательностью, которая нашла себѣ блестящее оправданіе въ дальнѣйшей дѣятельности знаменитаго романиста.

В. Н. Майкову, въ короткій срокъ его участія въ литературѣ, пришлось высказаться лишь объ очень немногихъ писателяхъ современнаго ему поколѣнія. Но та же мѣткость, которая поражаетъ въ приведенномъ отрывѣ, присуща и другимъ

его сужденіямъ. Говорить ли онъ, напрямѣръ, о Герценѣ какъ романистѣ, онъ очень вѣрно замѣчаетъ, что Герценъ „въ повѣстяхъ своихъ несравненно болѣе поражаетъ умомъ, чѣмъ художественностью, такъ что на всю его художественную дѣятельность мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на средство выраженія его идей въ самой популярной формѣ, возводимой иногда на блюдательность до художественности“ („Крит. Опытъ“, стр. 180). Разбираетъ ли Майковъ произведенія князя Одоевскаго, онъ опять-таки выдвигаетъ его характерную черту — талантъ не художника, а беллетриста, притомъ склоннаго къ мистицизму, и объясняетъ несомѣстимость мистицизма ни съ поэзіей, ни съ наукой. Обширная статья посвящена Майковымъ Кольцову. Молодой критикъ увлекался его дарованіемъ, быть можетъ, съ чрезмѣрнымъ пыломъ; но любопытно, что В. Н. Майковъ видѣлъ въ Кольцовѣ не то, что называютъ „типомъ руской природы“, не какого-то самородка, который не хуже образованныхъ поэтовъ сочиняетъ стихи на темы изъ крестьянской жизни, а глубоко художественную натуру, полную жизненности и способную отзываться на самыя разнообразныя потребности душевнаго міра. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна проводимая Майковымъ параллель между изображеніями русскихъ женщинъ у Кольцова и Татьяной Пушкина („Кр. Опытъ“, стр. 106—109).

Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь — эта поэтическая триада была предметомъ восторженнаго поклоненія для лучшихъ людей изъ литературнаго поколѣнія сороковыхъ годовъ, и притомъ младшіе изъ его представителей восхищались въ особенности Гоголемъ. Къ числу ихъ принадлежалъ и В. Н. Майковъ; въ одной изъ его статей встрѣчается, напрямѣръ, такая смѣлая фраза: „Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь—развѣ это не представители эпохъ русской цивилизаціи?“ („Крит. Опытъ“, стр. 371). Этому черезъ-чуръ быстрому обобщенію мы находимъ объясненіе въ другой статьѣ, и если познакомимся съ нимъ, оно не будетъ казаться намъ слишкомъ страннымъ, даже еслибъ мы и не вполнѣ съ нимъ согласились, ставя вопросъ на точку зрѣнія нашего времени, открывающую болѣе широкую перспективу на прошлое нашей литературы. Итакъ, остановимся на указанномъ объясненіи, тѣмъ болѣе, что оно находится въ связи со всею системой литературной критики В. Н. Майкова.

Само собою понятно, что онъ одинаково враждебно относился и къ псевдо-классицизму, и къ романтизму. Ложность обо-

ихъ направленій очень ясно обозначена имъ въ слѣдующихъ словахъ: „Сущность классицизма въ томъ, что онъ не допускалъ изображенія жизни и человѣка такъ, какъ они суть, требуя, чтобъ изящное изображеніе было пріятно (aimable). Романтизмъ, съ своей стороны, точно также не допускалъ натуральности, требуя если не того, чтобъ изящное изображеніе было пріятно, такъ того, чтобъ оно было необыкновенно (riquant). Слѣдовательно, романтизмъ вовсе не заключаетъ въ себѣ радикальнаго отрицанія классицизма, а только видоизмѣняетъ его требованія, оставляя неприкосновенною его сущность“ („Кр. Опыты“, стр. 392). Въ первыхъ поэмахъ Пушкина В. Н. Майковъ видѣлъ еще „грѣхъ романтическаго направленія“, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ, что Пушкинъ искупилъ этотъ грѣхъ своими позднѣйшими произведеніями, когда обратился къ поэзіи дѣйствительности и въ самой обыденной житейской средѣ, въ жизни какого-нибудь русскаго захолустья сумѣлъ найти поэтическія краски и драматическое движеніе. Такимъ образомъ, продолжаетъ В. Н. Майковъ,—„первый сильный ударъ романтизму нанесенъ былъ Пушкинымъ... Но этотъ спасительный ударъ почувствовали весьма немногіе: большинство видѣло въ „Капитанской дочкѣ“ и другихъ предсмертныхъ созданіяхъ гениальнаго поэта упадокъ его творчества“ („Кр. Опыты“, стр. 392). Слѣдующіе шаги на пути разрушенія романтизма сдѣланы были Лермонтовымъ и особенно Гоголемъ: заслугу послѣдняго критикъ видитъ въ томъ, что онъ упрочилъ за нашимъ поэтическимъ творчествомъ право и обязанность общественнаго анализа—„мощнаго, безтрепетнаго и торжественно спокойнаго“. Этотъ высшій предѣлъ развитія нашей поэзіи, уже совершенно освободившейся отъ предвзятыхъ теорій, критикъ характеризуетъ параллелью между Лермонтовымъ и Гоголемъ: „Трудно представить себѣ человѣка, который такъ владѣлъ бы своими силами и такъ искусно, такъ хозяйственно пользовался ими, какъ Гоголь. Нѣтъ въ немъ и тѣни того колебанія, которое такъ замѣтно въ Лермонтовѣ: для автора „Героя нашего времени“ анализъ и отрицаніе составляли въ одно время и силу, и пытку; для автора „Мертвыхъ душъ“ составляютъ они еще болѣшую силу и вмѣстѣ съ тѣмъ будтоединственный отрадный исходъ жизненности“ („Кр. Опыты“, стр. 394). Такимъ образомъ, „эпохи цивилизаціи“, характеризуемая произведеніями трехъ поэтовъ, заключаются—по толкованію В. Н. Майкова—въ поступательныхъ успѣхахъ

общественнаго анализа, который въ художественной сферѣ выразился тѣмъ, что искусство обратилось къ изображенію живой, неподраженной дѣйствительности.

Опѣнивая это мнѣніе В. Н. Майкова объ относительномъ значеніи трехъ главныхъ представителей новой русской поэзіи, нельзя, конечно, не замѣтить, что набросанная имъ картина имѣетъ нѣсколько схематическій видъ. Явленія, которыя онъ располагаетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, совершались на самомъ дѣлѣ почти одновременно: „Дубровскій“, „Капитанская дочка“ и „Пиковая дама“ создавались въ тѣ же годы, что „Старосвѣтскіе помѣщики“ и „Тарась Бульба“, притомъ при постоянномъ взаимномъ общеніи обоихъ авторовъ. То же, по крайней мѣрѣ въ отношеніи времени, должно быть сказано касательно романа Лермонтова и поэмы Гоголя. Стало быть, о *послѣдовательности* трехъ *эпохъ*, въ строгомъ смыслѣ слова, не можетъ быть рѣчи. Вѣрнѣе было бы различить трехъ писателей по свойству ихъ дарованія, и въ такомъ случаѣ критику яснѣе представилась бы всеобъемлющая сила Пушкинскаго генія и зависимость отъ нея Лермонтова и Гоголя. Несмотря, однако, на эту необходимую оговорку, слѣдуетъ признать много правды въ общей мысли В. Н. Майкова, что существуетъ извѣстная постепенность и яркое различіе въ развитіи тѣхъ элементовъ, которые внесены каждымъ изъ трехъ имъ разбираемыхъ поэтовъ въ нашу литературу: Гоголь, безъ сомнѣнія, довершилъ то дѣло освобожденія поэтическаго творчества отъ условныхъ рамокъ, первые яркіе образцы котораго даны были Пушкинымъ.

Судя по послѣдней изъ приведенныхъ цитатъ, можно подумать, что В. Н. Майковъ какъ будто смѣшивалъ два раздѣльныхъ понятія—анализъ и отрицаніе; но изъ замѣчаній, разсѣянныхъ въ другихъ его статьяхъ, въ особенности въ превосходномъ этюдѣ о В. Скоттѣ, видно, что, по понятіямъ критика, художественный анализъ вовсе не обуславливаетъ непременно отрицанія и, слѣдовательно, не исключаетъ возможности созданія положительныхъ типовъ въ литературѣ. Въ частности, что касается Гоголя, В. Н. Майковъ вовсе не ограничивалъ его значенія въ литературѣ ролью обличителя и если признавалъ, что созданіе типовъ отрицательныхъ составляетъ главную силу его творчества, то въ этомъ случаѣ вполне присоединялся къ мнѣнію, высказанному объ авторѣ „Мертвыхъ душъ“ Пушкинымъ, и которое самъ Гоголь раздѣлялъ вполне, мы

имѣемъ въ виду то извѣстное мѣсто „Переписки съ друзьями“, гдѣ Гоголь передаетъ сужденіе о немъ Пушкина: „Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставить такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей“. Разбирая гоголевскую „Переписку“, В. Н. Майковъ приводитъ эти слова съ видимымъ сочувствіемъ. Глубокое изученіе произведеній Гоголя положено В. Н. Майковымъ въ основу всей его литературной критики и дало ему поводъ развить свою „эстетическую доктрину“, которой нельзя отказать въ оригинальности и въ глубинѣ мысли. Попытаемся познакомить читателей съ этимъ ученіемъ, особенно характернымъ для литературной фізіономіи молодаго писателя, при чемъ будемъ говорить преимущественно его собственными словами.

Критикъ исходилъ изъ психологическаго закона человѣческой симпатіи. Каждый изъ насъ познаетъ и объясняетъ себѣ все единственно по сравненію съ самимъ собою. Каждый предметъ, доступный нашему познанію, необходимо раздѣляется нами на двѣ половины: къ первой относимъ мы все то, что нисколько не напоминаетъ намъ о собственной нашей природѣ—это сторона любопытная, подстрекающая одну любознательность; ко второй—все то, что въ немъ есть общаго съ нами, съ человѣкомъ—это сторона симпатическая, возбуждающая въ насъ любовь, сердечное, кровное сочувствіе. Любопытное владѣетъ нами только въ силу своей новости и дѣлается безразличнымъ тотчасъ же по усвоеніи, между тѣмъ какъ симпатическое вѣчно будетъ имѣть для насъ интересъ, если только мы сами не теряемъ способности чувствовать и сочувствовать. Это одинаково примѣняется какъ къ дѣйствительности, такъ и къ искусству: и въ той, и въ другомъ мы плѣняемся сами собою, плѣняемся тѣмъ, что присуще нашей природѣ. Отсюда слѣдуетъ, что нѣтъ на свѣтѣ предмета неизящнаго, неплѣнительнаго, недостойнаго для искусства, если только художникъ, изображающій его, можетъ отдѣлять безразличное отъ симпатическаго и не смѣшиваетъ симпатическаго съ занимательнымъ.

Этотъ выводъ приводитъ критика, съ одной стороны, къ осужденію всякаго рода неестественностей, присущихъ романтизму, а съ другой — оправдываетъ реализмъ въ искусствѣ,

то есть, воссозданіе имъ дѣйствительности, какъ она есть, воссозданіе, равно далекое и отъ подкрашиванія ея, и отъ его простаго копированія ея оттѣнковъ.

Никто не въ правѣ требовать отъ художника, чтобъ онъ творилъ то или другое. Но чтобъ его произведеніе могло дѣйствовать на людей, оно должно заключать въ себѣ что-нибудь общее съ ихъ мыслями, чувствами и стремленіями. Иначе искусство существовало бы только для самихъ художниковъ, и было бы ихъ самоудовлетвореніемъ; иначе не было бы любимыхъ поэтовъ ни у частныхъ лицъ, ни у народовъ, ни у вѣковъ. Но живая идея художника должна совпадать съ его творчествомъ, не отдѣлима отъ него и по самой сущности своей совершенно отлична отъ отвлеченной идеи ученаго. Ученый развиваетъ свое возрѣніе въ строго-логической формѣ и рядомъ своихъ силлогизмовъ убѣждаетъ умъ; иначе поступаетъ художникъ: онъ облакаетъ свою мысль въ соотвѣтствующій ей образъ, не заключающій въ себѣ никакого доказательства и дѣйствующій не на умъ, а на чувство. Задача художника — отыскать и изобразить въ выводимыхъ имъ лицахъ то, что у нихъ общаго съ нами, такъ, чтобы мы увидѣли, что при подобныхъ обстоятельствахъ мы думали бы, чувствовали и дѣйствовали точно также, какъ они. Чтобъ создать такое симпатическое произведеніе, надобно самому проникнуться участіемъ къ изображаемому предмету, почувствовать свое существенное съ нимъ тожество. Слѣдовательно, художественная идея рождается въ формѣ живой любви къ изображаемому предмету, или живаго отвращенія отъ него, и тайна творчества состоитъ въ способности вѣрно изображать дѣйствительность съ ея симпатической стороны. Такимъ образомъ, В. Н. Майковъ былъ сторонникомъ здраваго реализма въ искусствѣ. Искусство свободное, отрѣшенное отъ предвзятыхъ теорій, и не можетъ — по его понятію — быть ничѣмъ инымъ, ибо измѣненіе отношеній, существующихъ въ дѣйствительности, составляетъ предѣлъ самодѣятельности самаго могущественнаго человѣческаго воображенія.

Отмѣтивъ эти основныя начала эстетическаго ученія В. Н. Майкова, мы не послѣдуемъ за нимъ далѣе — въ развитіи подробностей. Это должно быть предоставлено самимъ читателямъ „Критическихъ Опытовъ“. Мы желали только показать, что помѣщенные въ этомъ сборникѣ этюды изъ области литературной критики рѣзко запечатлѣны самобытностью. Особенность эта тѣмъ замѣчательнѣе, что В. Н. Майковъ былъ младшимъ

современникомъ Бѣлинскаго и писалъ въ то время, когда послѣдній считался для очень большаго числа читателей непрекаемымъ авторитетомъ въ дѣлѣ литературной критики.

Въ одной изъ своихъ статей В. Н. Майковъ высказалъ свой взглядъ на критику Бѣлинскаго. Молодой писатель признавалъ за нимъ большую силу эстетическаго чувства и цѣнилъ заслуги Бѣлинскаго въ томъ отношеніи, что „онъ первый рѣшился разобрать русскую литературу исторически, опредѣливъ относительное значеніе многихъ писателей, которыхъ произведенія считались недоступными ни малѣйшему порицанію“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, В. Н. Майковъ находилъ, что памфлетическая манера Бѣлинскаго лишена доказательности, и что поэтому его идеи не могутъ быть серьезно усвоены читателями или будутъ укладываться въ ихъ умы рядомъ съ идеями совершенно инаго свойства и порядка. Въ этомъ замѣчаніи есть своего рода предсказаніе. Идеи Бѣлинскаго дѣйствительно получили огромный ходъ въ нашей литературѣ и донинѣ служатъ для многихъ альфой и омегой критической премудрости. Но по истинѣ поразительно, какъ бевотчетно, какъ механически онѣ усваивались и до сихъ поръ повторяются людьми, часто весьма далекими отъ общаго строя понятій Бѣлинскаго. И это еще лучшіе, по крайней мѣрѣ наивнѣйшіе изъ его послѣдователей. Есть и такіе, которые очень хорошо знаютъ и слабыя стороны его возрѣній, и прямыя ошибки его въ передачѣ фактовъ, — но все-таки твердятъ старую пѣсню съ чужаго голоса, почтительно умалчивая о промахахъ и слѣпыхъ увлеченіяхъ своего кумира. Впрочемъ, рѣчь теперь не о томъ.

Свою независимость отъ возрѣній Бѣлинскаго В. Н. Майковъ обнаружилъ въ особенности въ вопросѣ о цѣли искусства. Какъ извѣстно, Бѣлинскій, въ позднѣйшій періодъ своей критической дѣятельности, въ ту пору, когда Майковъ явился совмѣстникомъ ему на этомъ поприщѣ, — горячо высказывался въ пользу утилитарнаго назначенія искусства; въ послѣднемъ изъ своихъ годовыхъ обозрѣній литературы (за 1847 годъ) онъ прямо утверждаетъ, что искусство и наука тождественны по содержанію, а потому и должны служить одной цѣли — общественному благу. Даже изъ того краткаго очерка эстетической доктрины В. Н. Майкова, который данъ выше, можно видѣть, что онъ не могъ впасть въ такую крайность, и что такое смѣшеніе понятій было невыносимо для его строго-логическаго ума. В. Н. Майковъ проводилъ строгое различіе между

*

процессомъ чистой мысли и художественнымъ творчествомъ; онъ никогда не забывалъ, что наука дѣйствуетъ только на умъ, а искусство вліяетъ на чувство, что поэтому поэзія никогда ничего не доказываетъ и ни въ чемъ не убѣждаетъ, между тѣмъ какъ наука зиждется исключительно на логическомъ процессѣ и отвергаетъ все, что не можетъ быть доказано. Майковъ, разумѣется, не хуже Бѣлинскаго зналъ, что наука служить великимъ двигателемъ общественнаго блага, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ и другую великую истину, что искусство имѣетъ иное, самостоятельное — чисто-нравственное — значеніе среди духовныхъ потребностей человѣческой природы. Мы вполне согласны съ мнѣніемъ, высказаннымъ во введеніи къ „Критическимъ Опытамъ“ В. Н. Майкова, что главная особенность его критической доктрины заключается въ стройномъ соглашеніи чисто-художественныхъ (такъ-сказать, техническихъ) требованій съ нравственными, при чемъ одни не приносятся въ жертву другимъ.

Заключая нашъ отзывъ о „Критическихъ Опытахъ“ В. Н. Майкова, не можетъ не повторить, что это—книга очень любопытная. Интересъ ея, во-первыхъ, историческій: она знакомитъ съ однимъ изъ замѣчательныхъ представителей литературнаго періода сороковыхъ годовъ, притомъ съ человѣкомъ, который выдѣлялся среди своего поколѣнія большою самостоятельностью мысли. Во-вторыхъ, книга эта не лишена и современнаго интереса, потому что содержаніемъ своимъ отвѣчаетъ на многіе вопросы, донинѣ занимающіе наше общество. Пусть не всѣ отвѣты, которые она даетъ по этимъ вопросамъ, удовлетворяютъ вполне современнаго читателя; но уже оригинальная постановка ихъ рѣшеній подъ перомъ умнаго человѣка способна возбуждать въ другихъ людяхъ живую и плодотворную работу мысли.

Л. Н.

II.

По исторіи античнаго искусства.

Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры — Н. М. Благовѣщенскаго. С.-Петербургъ, 1891 г. Книжный магазинъ Риккера.

Н. М. Благовѣщенскій, бывший профессоръ римской словесности въ университетахъ казанскомъ и с.-петербургскомъ,

ректоръ варшавскаго университета и нынѣ назначенный Высочайшимъ приказомъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, принадлежитъ къ числу тѣхъ нашихъ ученыхъ, которыхъ природа наградила особымъ даромъ изящнаго, художественнаго слова. Оттого лучшія вещи авторовъ этой немногочисленной у насъ категории не только легко доступны пониманію всѣхъ и каждого, но и читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ, доставляя при этомъ высокое эстетическое наслажденіе.

Учено-литературная извѣстность проф. Благовѣщенскаго установилась еще со времени „Пропилей“ покойнаго П. М. Леонтьева, имѣвшаго въ немъ одного изъ наиболѣе усердныхъ и видныхъ сотрудниковъ. Позднѣе она была упрочена извѣстной монографіей „Гораціи и его время“, „лекціями объ Ювеналѣ“, переводами изъ Горація, изданіемъ сатиръ Персія съ историко-литературнымъ введеніемъ, съ прекраснымъ переводомъ и обширными объясненіями, переводомъ и комментаріями сатиръ Ювенала и пр. ¹⁾.

На склонѣ своей полувѣковой ученой карьеры нашъ маститый авторъ возвратился къ античному искусству и именно къ греческой скульптурѣ, предмету горячихъ симпатій его ранней молодости. Еще въ началѣ 40-хъ годовъ Н. М. Благовѣщенскій изучалъ древнее искусство подъ руководствомъ знаменитаго въ то время Крейцера въ Гейдельбергѣ; вскорѣ по возвращеніи изъ трехлѣтняго заграничнаго путешествія онъ читалъ пробную лекцію въ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ, на латинскомъ языкѣ, *о стѣнной живописи древнихъ грековъ* (De veterum Graecorum pictura parietum). Древнѣйшее греческое искусство было избрано имъ въ качествѣ темы для магистерской диссертации, представленной имъ въ казанскій университетъ (De hieratica, quam dicunt, artis Graecorum statuariae periodo), и впоследствии въ извлеченіи напечатанной въ 1-й книгѣ „Пропилей“ подъ заглавіемъ: *о иератикѣ въ древнемъ греческомъ искусствѣ*. Этотъ трактатъ, вмѣстѣ съ статьями П. М. Леонтьева, посвященными древне-греческому искусству, открывалъ у насъ тогда разработку темъ по классической археологіи. Объ этой заслугѣ ихъ забывать не слѣдуетъ.

Но если въ ранніе годы молодости нашъ ученый занимался

¹⁾ Перечень трудовъ автора см. въ нашей брошюрѣ: „Сорокъ лѣтъ учено-литературной дѣятельности Николая Михайловича Благовѣщенскаго“. С.-Петербургъ, 1888 г.

архаическимъ періодомъ греческаго искусства, то послѣ его интересовалъ въ теченіе долгаго времени вопросъ о характерѣ греческой пластики *эпохи Диадочовъ и позднѣйшихъ времени*. Плоды своихъ размышленій на эту тему онъ и изложилъ въ рядѣ статей, теперь собранныхъ вмѣстѣ и изданныхъ отдѣльно.

Эта изящно напечатанная и снабженная полезными рисунками книга заключаетъ въ себѣ три большихъ главы: 1) О Родосской школѣ греческой скульптуры. 2) О Пергамской школѣ. 3) Трактатъ по эстетической критикѣ—о высокому художественному значеніи позднихъ эпохъ античнаго ваянія. И въ этомъ новѣйшемъ трудѣ мы встрѣчаемъ всѣ выдающіяся достоинства учено-литературнаго таланта нашего маститаго автора, его широкое эстетическое образованіе и прелесть его изящнаго, художественнаго слова, какимъ владѣють немногіе.

Каждый изъ этихъ очерковъ представляетъ собою законченное цѣлое, но взятые всѣ вмѣстѣ они полнѣе и яснѣе представляютъ передъ отечественнымъ читателемъ освѣщеніе такого важнаго періода древне-эллинскаго искусства, каковъ избранный нашимъ авторомъ,—періодъ, отъ котораго всего болѣе дошло памятниковъ до новаго времени и который поѣтому въ его многочисленныхъ произведеніяхъ мы изучаемъ въ западно-европейскихъ музеяхъ, и правительственныхныхъ, и частныхъ, и въ распространенныхъ по всему свѣту фотографіяхъ, гравюрахъ и т. д. „Лаокоонъ“ Ватикана, колоссальная группа „Фарнезскаго вола, Того Farnese“ Неаполитанскаго музея, „Умирающій Галлъ“ или какъ прежде называли „Умирающій Гладіаторъ“ Капитолія, „Галлъ, закалывающій жену и себя“ виллы Людовизи въ Римѣ, титанически сильныя горельефы „Гигантомахія“ Пергамскаго алтаря — чье, мало мальски къ эстетическимъ чувствованіямъ способное сердце не волновали?

Но тѣмъ большую заслугу со стороны нашего ученаго составляетъ желаніе выяснить для большинства нашей образованной публики истинный смыслъ и художественное значеніе этихъ и другихъ памятниковъ искусства сказанной эпохи. Такія подробныя объясненія оказываются особенно нужными въ приложеніи къ важнѣйшимъ произведеніямъ, по имени и по вѣднѣшему виду извѣстнымъ многимъ, но пониманіе которыхъ въ большинствѣ случаевъ не идетъ выше непосредственнаго чувства, навѣваемаго созерцаніемъ оригинала или только какаго-либо его изображенія.

Содержаніе *первой главы* занимающей насъ книги составля-

ютъ вопросъ о „Лаокоонѣ“, „Фарнезскомъ волѣ“ и о нѣсколькихъ произведеніяхъ *скульптурнаго жанра*.

Совершенно вѣрно полагая, что для пониманія художественныхъ произведеній миеологическаго или историческаго характера необходимо знаніе *сюжета* ихъ, нашъ авторъ, предпославши нѣсколько словъ объ открытіи этого памятника въ началѣ XVI ст. въ термахъ Тита въ Римѣ¹⁾, прежде всего останавливается на содержаніи группы. Сюжетъ ея заимствованъ изъ преданій Троянскаго цикла. Греческая легенда, имѣвшая впрочемъ нѣсколько редакцій, гласитъ, что послѣ притворнаго отбытія грековъ изъ-подъ Трои, ея граждане праздновали на морскомъ берегу это радостное для нихъ событіе. Не радовался только жрецъ и царскій сынъ Лаокоонъ; съ подобающею его сану и лѣтамъ мудростью указывалъ онъ на опасность отъ оставленнаго греками громаднаго деревяннаго коня, въ которомъ, по его словамъ, легко могли укрыться враги. И вотъ боги, державшіе сторону грековъ и предрѣшавшіе гибель Трои, напускаютъ на дерзкаго предсказателя двухъ морскихъ змѣй, которыя стремительно подплываютъ, со стороны Тенедоса, къ троянскому берегу и, обвинивъ своими страшными кольцами Лаокоона и двухъ его сыновей, безпощадно губятъ свои жертвы. Изъ римскихъ писателей подробно рассказываетъ объ этомъ Вергилій въ своей Энеидѣ, во II-й ея книгѣ. Разсказъ ведется отъ лица Энея, который такъ повѣствуетъ Дидонѣ о гибели Трои (переводъ Шершеневича, съ немногими измѣненіями):

„Вдругъ неожиданно страшное зрѣлище взору предстало,
Ужасъ объемлетъ сердца, и повсюду несется тревога.
Избранный Лаокоонъ жрецомъ Нептуна по жребью
Въ жертву тельца приносилъ торжественно этому богу.
Море было спокойно, какъ вдругъ (разсказывать страшно)
Двое ужасныхъ дракона несутся къ намъ отъ Тенедоса;
По морю тѣло влечется, сгибаясь въ безмѣрныя кольца!
Къ берегу оба плывутъ; средѣ волнъ поднимаются груди,
Словно кровавые гребни торчатъ высоко надъ волнами;
Прочее тѣло кругами гигантскими по морю вьется.

¹⁾ Вопросъ о невѣроятности стариннаго преданія, указывающаго на термы Тита, какъ на мѣсто нахождения этой группы, издавна занималъ ученыхъ, склоняющихся, въ слѣдъ за Тиршемъ, къ мысли, что она открыта, по всей вѣроятности, во дворцѣ Тита, in Titi imperatoris domo, какъ опредѣляетъ ея мѣсто Плиній Старшій. См. Overbeck, Plastik II³, стр. 264.

Съ шумомъ вскипѣла волна, взбивая сребристую гѣну,
 Кровью налитыя очи ихъ огненнымъ взоромъ сверкають,
 Быстро мелькаетъ языкъ ихъ и лижетъ свистящія пасти.
 Блѣдность покрыла намъ лица, и мы разбѣжались со страха,
 Ближе и ближе плывуть, ужь на берегъ оба выходятъ.
 Къ Лаокоону прямо несутся тутъ оба дракона,
 Пастью сильно схвативъ двухъ дѣтей его малолѣтнихъ,
 Кольцами вьются по нимъ и страшныя язвы наносятъ.
 Къ дѣтямъ на помощь кидается онъ, но быстрые змѣи
 Вдругъ обхватили отца и гигантскими вьжутъ узлами.
 Дважды ужь грудь обвили и, дважды чешуйчатой выей,
 Вью страдальца связавъ, головами машутъ высоко.
 Кровью и черной отравой облиты священныя ленты.
 Тщетно метаясь, то хочетъ расторгнуть онъ сильныя узы,
 То испускаетъ сильныя вопли до сводовъ небесныхъ“.

Избирая эту версію преданія, проф. Благовѣщенскій на-
 мѣренно не входитъ въ обсужденіе другихъ причинъ божескаго
 гнѣва на Лаокоона, о которыхъ на различные лады повѣ-
 ствуютъ древніе писатели и которыя занимаютъ ученыхъ до
 настоящаго времени.

Не безъ особой цѣли приводитъ почтенный авторъ длинную
 выписку изъ Виргилія; позднѣе онъ именно этимъ текстомъ до-
 казываетъ несостоятельность мнѣнія нѣкоторыхъ западныхъ
 археологовъ, будто разсказъ римскаго поэта послужилъ источ-
 никомъ вдохновенія для древнихъ художниковъ, создавшихъ
 эту группу, а не наоборотъ, что это знаменитое созданіе скульп-
 туры, бывшее у всѣхъ въ глазахъ въ Римѣ, можетъ быть по-
 служило поводомъ къ подробному пересказу стариннаго гре-
 ческаго преданія со стороны римскаго поэта.

Съ значительною подробностію г. Благовѣщенскій остано-
 вливается на вопросѣ о *композиціи* и о *мытишевѣ видѣ группы*,
 сильно пострадавшей отъ реставраціи, и выясняетъ передъ
 читателемъ ту первоначальную позу, которую правая рука
 Лаокоона, нынѣ ложно поднятая вверхъ надъ головою и ото-
 двигающая удава, должна была имѣть въ оригиналѣ. Согласно
 предположенію, что этой рукой Лаокоонъ инстинктивно схва-
 тился въ страшныхъ мученіяхъ за голову, и рисунокъ, прило-
 женный въ текстѣ нашимъ авторомъ, представляетъ его именно
 въ этой позѣ. Обсуждая выраженіе головы злополучнаго отца,
 г. Благовѣщенскій, въ противоположность нѣкоторымъ изъ за-
 падно-европейскихъ ученыхъ, видитъ въ этомъ лицѣ не однѣ фи-
 зическія муки, не изображеніе только собственной боли: тщетно
 стараясь защитить себя отъ страшнаго врага, Лаокоонъ — по

личному впечатлѣнію нашего автора,—слышитъ стоны своихъ безпомощныхъ дѣтей, и цѣлый адъ мученій рисуется въ благородныхъ чертахъ его закинутой головы. Подвергнувъ анализу позы уже умирающаго младшаго сына и еще сравнительно только слегка захваченнаго кольцомъ удава старшаго сына, г. Благовѣщенскій приступаетъ къ эстетической оцѣнкѣ изображенія какъ Лаокоона, такъ и всей группы.

Здѣсь имъ конечно не могъ быть оставленъ въ сторонѣ вопросъ, давно поднятый въ наукѣ, о границахъ, раздѣляющихъ живопись, скульптуру и поэзію. Его онъ долженъ былъ коснуться, говоря о различіи выраженій въ лицѣ Лаокоона въ статуѣ и въ рассказѣ Энея: у послѣдняго страдалецъ *clamores horrendos ad sidera tollit*, является страшно кричащимъ, тогда какъ въ изваяніи ротъ его изображенъ полуоткрытымъ, изъ чего видно, что Лаокоонъ не кричитъ, а только стонетъ. Эта черта, единственно эстетически возможная въ скульптурномъ или живописномъ изображеніи, даетъ поводъ нашему автору изложить на этотъ счетъ воззрѣнія величайшихъ знатоковъ въ исторіи античнаго искусства, Винкельмана и Лессинга. Напомнимъ о нихъ въ нашъ вѣкъ не всегда правильно понимаемаго реализма въ искусствѣ онъ считаетъ вовсе не лишнимъ. Агезандръ, Атенодоръ и Полидоръ, творцы этой группы, не могли, согласно этой теоріи, представить физическую боль Лаокоона въ всей ея ужасающей силѣ, не выходя изъ подчиненія общему принципу, проявляющемуся въ лучшихъ созданіяхъ античной пластики. Этимъ высшимъ закономъ образовательныхъ искусствъ была у древнихъ красота, и потому все, что могло входить въ ихъ область, подчинялось этому закону. Но есть страданія и страсти или такія ихъ степени, которыя, совершенно искажая черты лица, выражаются въ отталкивающихъ формахъ. Изображенія ихъ избѣгали древніе художники или изображали въ той мѣрѣ, въ которой они допускаютъ извѣстную долю красоты. Тѣлесная боль Лаокоона во всей своей жестокой силѣ была несомнѣстима съ красотой: поэтому художники должны были ослабить выраженіе этой боли. Крикъ долженъ былъ превратиться въ стоны, потому что онъ искажаетъ лицо неблагообразнымъ выраженіемъ. Стоитъ только представить себѣ Лаокоона съ широко раскрытымъ для крика ртомъ, и обликъ его вмѣсто чувства состраданія, которое онъ въ насъ возбуждаетъ, получить непріятный и отталкивающий характеръ. Кричащимъ Лаокоонъ не могъ быть изображенъ

уже и потому, что широко разинутый ротъ — въ живописи темное пятно, а въ ваяніи — некрасиво зіяющая впадина, которыя крайне неприятно дѣйствуютъ на зрителя. Реализмъ въ искусствѣ долженъ имѣть свои предѣлы и не переступать тѣхъ границъ, за которыми кончается міръ изящнаго, и начинается область хотя и натурального, но безобразнаго и отталкивающего. Далеко не всякая жизненная правда можетъ быть предметомъ художественнаго изображенія.

Особенное значеніе совершенно справедливо придаетъ нашъ авторъ и тому соображенію Лессинга относительно мѣры, которой ваятель долженъ держаться въ выраженіи пафоса, что высшій моментъ какого-либо нравственнаго потрясенія всего менѣе можетъ быть избираемъ для сюжета художественнаго воспроизведенія. Произведенія скульптора или живописца назначаются не для одного мимолетнаго созерцанія, а для внимательнаго и неоднократнаго разсматриванія, и потому избранный моментъ долженъ быть возможно плодотворенъ. Но въ области искусствъ плодотворно только то, что оставляетъ воображенію свободное поле. Этой свободы полета воображенію и фантазіи зрителя и не дають высшіе образы душевныхъ потрясеній. Поэтому, когда Лаокоонъ только стонетъ, воображенію легко представить себѣ его кричащимъ; если же бы онъ кричалъ, то фантазія не могла бы подняться ни одною ступеню выше даннаго представленія, потому что только оставалось бы воображать Лаокоона уже мертвымъ.

Послѣ горячей отповѣди тѣмъ археологамъ, которые, подвергая слишкомъ строгой критикѣ и композицію группы, и достоинство замысла всего произведенія, напрасно умаляютъ ея художественное значеніе, г. Благовѣщенскій переходитъ къ послѣднему вопросу, — о времени созданія Лаокоона. При сильномъ разногласіи ученыхъ на этотъ счетъ, нашъ авторъ становится на сторону тѣхъ, которые отрицають съ одной стороны возможность появленія этого произведенія въ римское императорское время и именно въ правленіе Тита, и, съ другой, всякое вліяніе текста Виргилія на художниковъ, — ее задумавшихъ. Къ чему было родосскимъ художникамъ — говорить онъ — руководствоваться текстомъ Виргилія, какъ будто въ родной своей литературѣ они не могли найти необходимыхъ для себя указаній на мѣстѣ о Лаокоонѣ? Этотъ мѣстъ, какъ и многія другія классическія преданія, имѣлъ въ древности немало разнорѣчныхъ редакцій, и та изъ нихъ, которая обозначена выше, при-

надлежитъ греческому поэту Пизандру. Макробій прямо говоритъ, что Виргилій заимствовалъ у него всю вторую книгу своей поэмы. Отчего же и Агезандръ и его сотрудники не могли прямо обратиться, помимо римскаго автора, къ тому же или къ другому подобному источнику, наприм. къ одной изъ утраченныхъ трагедій Софокла, въ которой Лаокоону была предоставлена первая роль? Да и въ этомъ не было нужды, такъ какъ мнѣ о Лаокоонѣ и безъ того былъ хорошо извѣстенъ всякому образованному греку. Невѣроятность этого вліянія Виргилія на творцовъ группы Лаокоона слѣдуетъ уже изъ полной невозможности слѣдовать римскому поэту, у котораго змѣи

Вдругъ обхватили отца и гигантскими вяжутъ узлами,
 Дважды ужъ грудь обвили и, дважды чешуйчатой выей,
 Вью страдальца связавъ, головами машутъ высоко.

Воспроизведеніе этого мотива въ пластикѣ было бы вещью не только не художественной, но прямо безобразной. Не признавая этого воздѣйствія Виргилія на Агезандра, Атенодора и Полидора, г. Благовѣщенскій скорѣе склоненъ предположить возможность обратнаго вліянія, т. е., что римскій поэтъ, при своемъ описаніи гибели троянскаго жреца и его дѣтей, имѣлъ въ виду разсматриваемую группу, которую однако не описалъ съ надлежащею точностію.

Что касается до времени, въ которое могла возникнуть занимающая насъ скульптура, то г. Благовѣщенскій относитъ ее къ періоду между 250 и 150 г. до Р. Х., къ періоду высшаго процвѣтанія родосской школы.

Покончивъ съ существенными вопросами о „Лаокоонѣ“, нашъ авторъ переходитъ къ колоссальнѣйшей группѣ, которая дошла отъ античной пластики до новаго времени, именно къ такъ называемому „Фарнезскому волу, il Toro Farnese“. Это—совмѣстная работа родосскихъ художниковъ Аполлонія и Тавриска. Перевезеніе ея въ Римъ относится къ самому концу римской республики. Сначала бывши собственностью друга Августа Полліона Азинія, она впоследствии украшала термы Каракаллы, въ развалинахъ которой и найдена была въ половинѣ XVI вѣка. Принадлежавши долгое время фамплии Фарнезе, эта группа въ прошломъ столѣтіи по наслѣдству досталась неаполитанскому королевскому дому, который сначала держалъ ее подъ открытымъ небомъ въ городскомъ саду (Villa Reale) и только послѣ помѣстилъ въ Бурбонскій музей.

Нынѣ эта группа составляетъ одно изъ украшеній того же музея, переименованнаго въ Национальный Неаполитанскій.

Для пониманія сюжета этого сложнаго скульптурнаго изображенія необходимо припомнить слѣдующее преданіе. Антіона, дочь евскаго царя Никтея, обратила на себя вниманіе Зевса и затѣмъ почувствовала слѣды его похотливой благосклонности. Избѣгая гнѣва своего отца, она удалилась въ окрестности горы Кнеерона, гдѣ произвела на свѣтъ близнецовъ, Зета и Амфіона, которые погомъ, не вѣдая о своемъ происхожденіи, росли между пастухами. Несчастливая мать ихъ нашла убѣжище въ Сикіонѣ, вражду къ которому Никтей завѣщалъ, умирая, своему брату Ляку, сдѣлавшемуся послѣ него царемъ. Жестокій дядя пошелъ на Сикіонъ войною, разрушилъ этотъ городъ и увелъ племянницу въ плѣнъ. Въ Тивахъ она сдѣлалась рабыней жены Лика, Дирки, которая столь жестоко обращалась со своею плѣнницей, что та снова бѣжала на Кнееронъ и здѣсь случайно отдалась подъ защиту своихъ сыновей. Затѣмъ обнаруживается тайна ихъ рожденія, и они, въ свою очередь, горятъ желаніемъ отмстить за свою мать. Удобный случай къ тому представился во время празднованія на Кнееронѣ вакханахій, участіе въ которыхъ неосторожно приняла и Дирка. Казнь, изобрѣтенная Зетомъ и Амфіономъ, состояла въ томъ, что они привязали Дирку къ рогамъ бѣшенаго буйвола.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе мѣта, лежащаго въ основѣ фарнезской группы. Моментъ, избранный художниками для выполненія своего сюжета, представляетъ не самую казнь, а приготовленіе къ ней, именно тотъ моментъ, когда еще одно мгновеніе—и страшный звѣрь поволочетъ красавицу по скалистому Кнеерону. Эта группа и по своимъ размѣрамъ, и по количеству выведенныхъ здѣсь лицъ, и по массѣ мрамора, употребленнаго въ дѣло, не имѣетъ себѣ подобной между всѣмъ, что дошло до насъ отъ греко-римской пластики. Въ этой массѣ не легко распознаться съ самаго начала, и нѣтъ того пункта, съ котораго можно было бы обозрѣть ее вполнѣ и разомъ. Выше всѣхъ стоитъ разъяренный, съ поднятыми передними ногами, буйволъ. Эта превосходно изваянная фигура раньше всего бросается въ глаза зрителю, вслѣдствіе чего и вся группа получила названіе по этому животному, Того Фарнесе. Затѣмъ глазъ нашъ различаетъ двухъ колоссальныхъ ростомъ и сильныхъ юношей, Зета и Амфіона. Одинъ изъ нихъ схватилъ за морду разъяренное животное, другой старается

веревкой, обвитой около роговъ, сдержать его. Подъ ними находится Дирка, лѣвой рукой обхватившая колѣно Зета и другую простирающая къ нему съ мольбой о пощадѣ. И рисунокъ, и моделировка тѣла ея чрезвычайно красивы, и этотъ эффектъ тѣмъ сильнѣе, что одежда оставляетъ всю переднюю часть стана открытой. Въ новой реставраціи, которой въ нашемъ памятникѣ, къ сожалѣнію, принадлежитъ весьма многое, жена Лика оставлена еще свободной, хотя и совершенно напрасно, какъ это ясно изъ одной монеты, передающей тотъ же самый сюжетъ, гдѣ Дирка уже охвачена злополучной веревкой. Благодаря этой ошибкѣ реставратора, можно думать, что два голые атлета силятся укротить поднявшагося на дыбы разсвирѣпѣвшаго буйвола, съ цѣлью спасти отъ него бѣдную, случайно попавшую сюда женщину. Такъ обыкновенно и объясняютъ сюжетъ этой группы несвѣдущіе въ греческой миеологии неаполитанскіе гиды иностранцамъ.

На заднемъ планѣ помѣщена Антиопа, сильно заслоненная другими фигурами. Свидѣтельница мести, совершаемой ея дѣтьми за перенесенныя ею униженія, она слишкомъ спокойно и какъ-то безучастно относится къ происходящей передъ нею и потрясающей нервы картинѣ.

Нижнюю часть группы представляетъ Клееронъ. Онъ имѣетъ скалистый видъ; по нему расположены разные водашіеся въ горахъ звѣри; тутъ же и крупный пещъ, лающій при видѣ происходящей передъ нимъ сцены съ женою Лика. Въ нижнемъ углу, справа, изображена маленькая человѣческая фигурка, голова и грудь которой украшены гирляндами изъ листьевъ и цвѣтовъ: въ ней одни видятъ горное божество, другіе—простаго пастуха. Лицо его совершенно спокойно, и онъ съ такимъ же равнодушіемъ смотритъ на происходящее передъ нимъ, какъ и Антиопа. Разбросанные по базѣ вѣнки, виноградныя лозы и гирлянды имѣютъ здѣсь такое же символическое значеніе вакханалій, во время которыхъ совершилась, по мнѣю, казнь Дирки, какъ и изображенная здѣсь кошница (*cista mystica*), составлявшая необходимую принадлежность культа Діониса.

Для вѣрнаго сужденія объ этой колоссальной группѣ у насъ не достаетъ слишкомъ многого, что утрачено изъ оригинала навсегда и что возстановлено искусною рукою миланскаго скульптора Баттисты Бьянки.

Кромѣ колоссовъ и патетическихъ группъ у родосцевъ не было недостатка въ произведеніяхъ легкаго стиля, которыя

справедливо обозначить названіемъ *скульптурнаго жанра*. Сюда принадлежатъ граціозныя и несложныя изображенія мимолетныхъ явленій обыденной жизни. Изъ художниковъ, прославившихся въ этомъ родѣ, вопреки нѣсколькимъ другимъ ученымъ, г. Благовѣщенскій выдвигаетъ Боэта, мастерски изображавшаго дѣтскія фигуры. О характерѣ его таланта мы до нѣкоторой степени можемъ судить по копіямъ его группы „Мальчикъ съ гусемъ“. Передъ нами рѣзвый и голый мальчуганъ, который поймалъ гуся почти такой же величины, какъ и онъ самъ, и крѣпко, обѣими руками, прижалъ его къ своему дѣтски-пухлomu тѣлу. Гусь кричитъ во всё горло, широко разинувъ свой клювъ, и всѣми силами старается освободиться отъ своего случайнаго врага, самодовольный и торжествующій видъ котораго показываетъ, что онъ нисколько не сомнѣвается въ своей побѣдѣ. Другой примѣръ этого рода видятъ нѣкоторые ученые въ „Мальчикѣ, вынимающемъ занову изъ ноги“ статуѣ Капитолійскаго музея, говоримъ: нѣкоторые, потому что другіе относятъ его то къ школѣ Мирона, то даже ко времени Пасителя.

Обозрѣвши памятники Родосской школы, почтенный авторъ приходитъ къ общему выводу, что эпоха, произведшая Лаокоона, не можетъ считаться въ искусствѣ временемъ его упадка. А пергамскія скульптуры съ ихъ громадными горельефами, къ обозрѣнію которыхъ переходитъ г. Благовѣщенскій, должны окончателно убѣдить всѣхъ и cadaго въ высотѣ греческаго ваянія въ періодъ Діадоховъ.

Вопросъ объ искусствѣ пластики въ бывшемъ пергамскомъ царствѣ получилъ настоящую ясность только въ новѣйшее время, благодаря великимъ открытіямъ, которыми увѣнчались раскопки прусскаго правительства, произведенныя, по инициативѣ инженера Гумана, на мѣстѣ акрополя древняго Пергама, близъ нынѣшняго турецкаго городка Бергамо, въ Малой Азии, на широтѣ о. Лесбоса. Раскопки, не считая предварительныхъ развѣдокъ, начались съ сентября 1878 г. и продолжались до марта 1880 г. Какъ ни много велось и ведется археологическихъ изслѣдованій въ различныхъ мѣстахъ классической почвы, но открытія въ Пергамѣ принадлежатъ къ числу наиболѣе плодотворныхъ: они дали до ста тридцати мраморныхъ плитъ такого скульптурнаго и архитектурнаго достоинства, что всѣ представленія ученыхъ о пластикѣ первой половины II-го ст. до Р. Хр. на этой окраинѣ греческаго міра получили съ тѣхъ поръ совершенно иной видъ.

Найденныя скульптуры относятся къ великолѣпному алтарю Зевса, стоявшему на окраинѣ Пергама, къ фризамъ, украшавшимъ его въ разныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые изъ ффрагментовъ имѣютъ своимъ сюжетомъ древнѣйшія преданія пергамскаго цикла съ Телефомъ, сыномъ Геракла и царской дочери Авген, и другими мифическими фигурами. Но другія и большія по размѣрамъ и высшаго достоинства плиты, всѣ относятся къ „Гигантомахіи“. Здѣсь развертывается предъ нами цѣлая цѣпь сценъ удивительнаго боя боговъ съ надменными сыновьями земли. Эта удивительная картина изображаетъ самый разгаръ битвы, тотъ высшій ея моментъ, когда самъ Зевсъ принялъ непосредственное и побѣдоносное участіе. Царь боговъ является здѣсь могучимъ исполиномъ, держащимъ въ лѣвой рукѣ эгиду, подъ которою судорожно склоняется къ землѣ раненный, еще юный титанъ, а далѣе, справа, виденъ еще одинъ поверженный противникъ съ пронзеннымъ молніею бедромъ. Тутъ же въ этой группѣ еще гордо держится старый бородатый гигантъ, тѣло котораго, вмѣсто ногъ, кончается змѣями. Лѣвая его рука, протянутая впередъ, обвита, въ видѣ щита, звѣриною шкурою, а правою онъ готовится метнуть въ своего противника огромнымъ камнемъ. Видъ и поза этого титана выказываютъ сильную энергію и неразумное упорство. Онъ одинъ, когда соратники его уже пали, готовъ попытать счастье въ рѣшительной борьбѣ съ могучимъ Олимпійцемъ, который мощно и порывисто подвигается на своихъ враговъ, причемъ длинныя одежды, ниспадая съ плечъ, развѣваются въ изящныхъ складкахъ у его ногъ. Эти двѣ наиболѣе типичныя и выразительныя фигуры—одна, какают чудовищная смѣсь изъ человѣка и удава, а другая, соединяющая въ себѣ всѣ совершенства антропоморфической красоты, какія только въ состояніи создать человѣческая фантазія, имѣютъ—по словамъ нашего ученаго—такое высокое артистическое значеніе, что сами по себѣ могли бы прославить любую художественную школу.

Не менѣе величественнаго драматизма представляетъ и другая группа изъ этой картины, группа Аеины. Своею десницею богиня, задрапированная въ пышныя складки тунки, схватила за волосы крылатаго и юношески-прекраснаго титана, который силится защитить себя лѣвою рукою, между тѣмъ какъ священная змѣя, охраняя богиню, вонзила въ его грудь смертоносное жало и обвила своими кольцами его правую руку. Своею позой эта фигура очень напоминаетъ группу Лаокоона

и именно фигуру самого отца: тотъ же поворотъ головы, то же страдальческое выраженіе лица, что и послужило для проф. Кекулѣ и другихъ ученыхъ основаніемъ для заключенія о зависимости произведенія Агезандра отъ пергамскаго образца и о сравнительно болѣе позднемъ происхожденіи это группы. У самыхъ ногъ Аѳины выходитъ изъ земли заплаканная женщина, на лицѣ которой изображена безпредѣльная грусть. Въ отчаяніи она простираетъ къ богинѣ свои руки. Это—Гея (такъ она обозначена и въ сохранившейся надписи), т. е. сама Земля, мать поражаемыхъ гигантовъ, оплакивающая ихъ гибель и умоляющая о пощадѣ. Вверху группы паритъ на своихъ крыльяхъ Ника, богиня побѣды. Она возлагаетъ вѣнокъ на голову Аѳины, въ знакъ полного и окончательнаго триумфа надъ легкомысленными крамольниками.

На другихъ плитахъ этого большаго пергамскаго фриза изображены многіе изъ остальныхъ боговъ Греціи, представленныхъ въ той же ожесточенной борьбѣ съ гигантами, какъ Геката, Нептунъ, Діонисъ и т. д. Всѣ сцены исполнены въ высочайшемъ, чрезвычайно эффектномъ рельефѣ: столь обширная картина въ такомъ горельефѣ доселѣ не изображалась нигдѣ. Поразительны обиліе, живость и даже необузданность фантазій скульптора; это видно между прочимъ и въ постоянныхъ отступленіяхъ отъ условныхъ и какъ бы узаконенныхъ античною пластикой формъ и преданій. Взгляните, наприм., на это разнообразіе гигантовъ: то это—юноши съ чисто человѣческими, притомъ прекрасными чертами лица и съ изящными формами тѣла, то существа болѣе зрѣлаго, даже старческаго возраста, съ примѣсью звѣринаго типа. Иные изъ гигантовъ представлены крылатыми, другіе вмѣсто ногъ оканчиваются змѣями, которыя своими жалами вонзаются въ противниковъ, а тамъ разные звѣри яростно терзаютъ ихъ когтями и львиными пастями. Наконецъ, не разъ мы видимъ въ мощныхъ рукахъ титановъ огромные камни, которыми они мечутъ въ своихъ враговъ. И тутъ же среди женскихъ фигуръ, съ горящими въ ихъ рукахъ факелами, среди орловъ и змѣй, также принимающихъ разнообразное участіе въ битвѣ, цѣлыя стаи псовъ, которые неистово цѣпляются за горла, ноги и щиты воителей и своимъ неистовымъ лаемъ, вмѣстѣ съ ликованіями неуязвимыхъ побѣдителей и проклятіями побѣжденныхъ, причемъ какъ бы слышишь хрустѣніе ихъ ломающихся костей, вмѣстѣ съ воплями раненыхъ и стономъ умирающихъ,—

увеличиваютъ зловѣщій шумъ битвы. Съ другой стороны, боги являются въ этой битвѣ съ ярко обозначенными человѣческими страстями и съ величаво горделивымъ сознаниемъ полнаго своего превосходства надъ жалкими земными силами.

Съ достаточною полнотою, ясностію говорится въ этомъ отдѣлѣ книги и о другихъ произведеніяхъ Пергамской школы ваянія, „Умирающемъ Галлѣ“ Капитолія, группѣ „Галла, убивающаго жену и себя“ изъ виллы Людовизи въ Римѣ и прочихъ памятникахъ, разсѣянныхъ по различнымъ музеямъ Европы. По разъ установленному нашимъ авторомъ правилу останавливаться на главныхъ сторонахъ предмета и ихъ освѣщать передъ читателемъ, онъ, какъ въ другихъ отдѣлахъ книги, такъ и здѣсь, разные спеціальныя вопросы оставляетъ, по большей части, безъ обсуждения.

Третья и послѣдняя глава посвящена авторомъ изслѣдованію вопроса о высококомъ художественномъ значеніи позднихъ эпохъ античной скульптуры. Здѣсь Н. М. Благовѣщенскій возстаеъ противъ тѣхъ, слишкомъ строгихъ, цѣнителей, которые видятъ въ искусствѣ эпохи Діадоховъ и начальной поры римской имперіи сильный упадокъ прежнихъ идеаловъ. Этотъ обширный этюдъ имѣетъ полемическій характеръ, и нашъ ученый выступаетъ противникомъ теорій на этотъ счетъ прежде всего двухъ французскихъ профессоровъ *Пьера Пари*, автора соч., появившагося въ *Bibliothèque de l'enseignement des Beaux-Arts* и переведеннаго на русскій языкъ въ приложеніи къ почтенному и, къ сожалѣнію, прекратившемуся нынѣ журналу „Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ“ за 1889 г., и *Максима Каминьона*, автора книги *Manuel d'archéologie grecque*, напечатанной тамъ же. Но эти ученые избраны имъ только потому, что ихъ сочиненія явились въ новѣйшее время и благодаря своей популярной формѣ легко доступны каждому; въ сущности же они повторяютъ только Винкельмана и его главнѣйшихъ послѣдователей К. О. Мюллера и Гейнриха Брунна. Естественно поэтому, что вся сила аргументаціи направлена нашимъ ученымъ противъ Винкельмана.

Несмотря на спеціальность этого вопроса художественной критики, и этотъ отдѣлъ читается легко и съ неослабѣвающимъ интересомъ до конца, и въ существенныхъ положеніяхъ съ почтеннымъ авторомъ нельзя не согласиться.

И. ЦВѢТАЕВЪ.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ПЕЧАТИ.

Высочайшіе рескрипты 25-го и 28-го февраля.—Конверсія внутреннего государственнаго долга.—Предсмертный трудъ А. Д. Пазухина.—Дворяне въ высшемъ духовенствѣ.

Конецъ февраля ознаменовался двумя событіями въ нашей внутренней государственной жизни. Событіями этими были Высочайшіе рескрипты отъ 25 и 28 февраля на имя бывшаго Московскаго генераль-губернатора и нынѣшняго генераль-губернатора Финляндіи.

Снисходя къ просьбѣ князя В. А. Долгорукова объ увольненіи его отъ должности, Государю Императору благоугодно было явить новое доказательство, какъ сказано въ рескриптѣ, неизмѣннаго благоволенія своего къ первопрестольной столицѣ: во главѣ ея управленія монаршею волею поставленъ Государевъ братъ, великій князь Сергій Александровичъ. Москва впервые получаетъ администратора, столь близко стоящаго къ престолу. Неизмѣнною искренностію вѣрноподданническихъ чувствъ своего населенія она заслужила такую высокую честь и съ сердечною признательностію за новую царскую милость любовно встрѣтитъ своего августѣйшаго правителя. Мы радуемся ея радости, радуемся и открытію передъ Его Высочествомъ широкаго поприща для добра и плодотворной дѣятельности на пользу общую въ родномъ для Романовыхъ средоточіи русской жизни. Братья Государевы у себя дома всюду въ православной Россіи; но въ Москвѣ, у ея святынь, въ ея Кремлѣ, гдѣ возросла и окончательно окрѣпла сила государства русскаго, гдѣ въ неустаннымъ бодрствованіи и въ исполненной

тяжкихъ жертвъ борьбѣ съ врагами отечества и его національнаго единства закалился духъ русскаго народа, тамъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, достойное мѣсто для трудовъ августѣйшаго правителя въ помощь царственнымъ заботамъ о народномъ благоденствіи.

* * *

Августѣйшему генералъ-губернатору предстоитъ нелегкая задача вникнуть въ сложные интересы многочисленнаго населенія Москвы и разобраться въ противорѣчивыхъ стремленіяхъ его различныхъ составныхъ частей, между коими еврейскій элементъ занимаетъ, къ сожалѣнію, не послѣднее мѣсто. Еще въ тридцатыхъ годахъ Москва преобразилась изъ города дворянскаго въ купеческій, на что тогда же указывали Погодинъ и Полевой: первый съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, второй съ торжествомъ новаго человѣка, ощутившаго почву подъ ногами. Съ тѣхъ поръ торгово-промышленное развитіе Москвы шло безостановочно и быстро; дворянскій элементъ населенія таялъ съ такою же быстротою и въ самой столицѣ и въ ея окрестностяхъ; на развалинахъ дворянскихъ гнѣздъ основались обширныя мануфактуры по Москвѣ-рѣкѣ и по Клязьмѣ; уцѣлѣли вотчины лишь немногихъ „стародавнихъ честныхъ родовъ“; преобладающій тонъ въ мѣстномъ обществѣ получила торгово-промышленная олигархія. Высшая мѣстная администрація, конечно, поставлена въ необходимость считаться съ новыми теченіями въ общественной жизни, но, не теряя собственнаго достоинства, она не можетъ позволить этимъ теченіямъ увлечь себя въ сторону отъ истинныхъ задачъ государственнаго общежитія, отказаться отъ своей руководящей роли и съузить свой кругозоръ тѣсною ареною меркантилизма. Наша первопрестольная столица никогда не переставала быть важнымъ средоточіемъ умственной дѣятельности; въ области искусства и науки въ ней никогда не изсякалъ источникъ національнаго генія; ея печать и понинѣ оказываетъ положительное или отрицательное вліяніе на воспитаніе русскаго общества далеко за предѣлами Московской губерніи и стараго Московскаго государства. Торгово-промышленная дѣятельность тамошняго купечества также широко раскинула свои сѣти; нѣкоторые товары стекаются въ Москву и отсюда уже развозятся по другимъ городамъ и областямъ; на ману-

*

фактуры устанавливаетъ цѣны Москва, она же регулируетъ производство по многимъ отраслямъ обрабатывающей промышленности, такъ что и въ экономическомъ отношеніи вліяніе первопрестольной столицы не ограничивается ея окрестностями. Но торгово-промышленныя занятія и фабричный трудъ у насъ еще далеко позади занятій сельско-хозяйственныхъ и фабричный трудъ, въ общемъ, развитъ гораздо слабѣе труда кустарнаго и въ особенности земледѣльческаго. Московская торговля и промышленность, несмотря на всероссійскую извѣстность нѣкоторыхъ фирмъ, на ихъ богатство и почти монопольное значеніе въ государствѣ, выражаютъ лишь малую долю экономической дѣятельности русскаго народа, а эта дѣятельность, при всей ея всеобъемлемости, не наполняетъ собою всего содержанія русской жизни и сама находится въ постоянной зависимости отъ явленій высшаго порядка,—отъ социальнаго строя, отъ уровня и распространенности техническихъ знаній, отъ условій юридической жизни, и проч. и проч.

* * *

Правитель Москвы находится въ средоточіи всероссійскаго проявленія умственной и торгово-промышленной дѣятельности. Отъ него требуется гораздо болѣе широкой круговоръ и гораздо большее напряженіе мысли, вниманія и труда, чѣмъ отъ администратора другаго какого-либо города и даже цѣлой области Россіи. Удрученному годами или болѣзнями и заурядному служилому человѣку такая должность не подъ силу.

* * *

Можно надѣяться, что, не теряя значенія торгово-промышленнаго средоточія, Москва поднимется духовно и нравственно на высоту, подобающую колыбели русской національной силы; начало меркантильное мало по малу перестанетъ быть преобладающимъ въ тонѣ мѣстнаго общества и если слишкомъ смѣло было бы ожидать для Москвы возвращенія ея золотаго вѣка въ наукѣ и литературѣ, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что пребываніе въ ней брата Государева на отвѣтственномъ посту администратора поведетъ къ болѣе полному развитію общественности, очищенной отъ гру-

быхъ формъ Замоскворѣчья, и къ болѣе успѣшному благоустройству города.

По всей вѣроятности, для облегченія трудовъ великаго князя по мѣстному управленію, въ Москвѣ будетъ образовано градоначальство. На комъ остановится выборъ для замѣщенія этой важной должности—еще неизвѣстно, но, конечно, онъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать высокому положенію августѣйшаго правителя Москвы и далеко не легкимъ обязанностямъ новаго градоначальника.

* * *

Не далѣе какъ въ прошломъ мѣсяцѣ мы говорили о странной смутѣ, порожденной въ Финляндіи ея высокопоставленными и учеными публицистами. При открытіи нынѣшняго сейма обнаружилось нѣкоторое тревожное настроеніе чиновъ, выразившееся въ представленныхъ Государю Императору всеподданнѣйшихъ адресахъ ландмаршала и тальмановъ сейма. Въ этихъ адресахъ говорилось: „Финляндія находится въ уныніи и печали“. Ландмаршалъ и тальманы доводятъ до свѣдѣнія Его Величества, что такое настроеніе сословіи вызвано-де нѣкоторыми мѣропріятіями, монаршею волею предначертанными въ цѣляхъ достиженія болѣе тѣснаго единенія Великаго Княжества съ прочими частями Россійской державы. „Уныніе и печаль“ имѣли бы нѣкоторое оправданіе лишь въ томъ случаѣ, если бы указанная мѣропріятія въ чемъ-либо угрожали дарованной краю самостоятельности внутренняго управленія; но ничего подобнаго нѣтъ и не было. Рескриптомъ на имя мѣстнаго генералъ-губернатора поручено объявить членамъ финляндскаго сейма, что въ намѣренія Его Величества не входитъ измѣнять начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія. Поводъ къ превратному пониманію дѣйствительнаго значенія мѣръ, касающихся отношеній Великаго Княжества къ Имперіи и къ верховной власти, подають невѣрныя истолкованія началъ, на коихъ зиждутся эти отношенія, недостаточная опредѣлительность основныхъ законовъ и несогласованность нѣкоторыхъ постановленій Финляндіи съ общими государственнымнми узаконеніями. Рескриптъ разъясняетъ, что Финляндскій край состоитъ „въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской“. Ни о какой политической „уни“, на договорныхъ отношеніяхъ основанной, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Подобное заблужденіе — плодъ легкомыслія

гг. Мехелиныхъ, Монтгомери и другихъ не въ мѣру усердныхъ обособителей; распространяется оно среди населенія во вредъ истиннымъ его интересамъ, ибо судьба княжества подъ русскимъ скипетромъ „доказала, что единеніе его съ Россіею не препятствовало свободному развитію мѣстныхъ его учреждений, а достигнутое Финляндіею благосостояніе непреложно свидѣтельствуетъ о соответствіи такого единенія собственнымъ ея выгодамъ“. Навѣянное заблужденіе должно исчезнуть. Государь Императоръ надѣется, что его разсѣетъ благоразуміе фінскаго народа, и ожидаетъ отъ вѣрноподданнической преданности населенія Финляндіи единодушнаго содѣйствія къ осуществленію Высочайшихъ предначертаній, клонящихся къ укрѣпленію государственной связи Великаго Княжества съ Имперіей.

Казалось бы, что Высочайшій рескриптъ ясно и вразумительно объявляетъ Финляндію нераздѣльною частью русскаго государства, частью, подчиненною Имперіи, состоящею въ ея „собственности и державномъ обладаніи“, признаетъ Финляндію только этою частью, а никакъ не соединеннымъ съ Имперіей самостоятельнымъ государствомъ. Однако гельсингфорсская „Hufvudstadsbladet“ находитъ и въ рескриптѣ „выраженіе держащагося“ въ средѣ ея согражданъ „возврѣнія“, будто Финляндія подъ русскимъ скипетромъ состоитъ *ex unii* (fögening) съ Россіею, а не составляетъ только части ея“. Такое, на этотъ разъ совершенно неожиданное, толкованіе смысла Высочайшаго рескрипта объясняется намѣренною, повидимому, неточностію перевода его на шведскій языкъ, оффиціальнѣй въ Финляндіи. Въ шведскомъ текстѣ „единеніе“ замѣнено словомъ „союзъ“ или *unii* (fögening), вслѣдствіе чего выходитъ, что верховная власть стремится достигнуть не „болѣе тѣснаго единенія“, а лишь „ближайшаго союза“ Великаго Княжества съ прочими частями Имперіи. Мы слышали, что лицо, ответственное за вѣрность перевода, поплатилось за своеобразное отношеніе свое къ возложеннымъ на него служебнымъ обязанностямъ. По справкѣ оказалось, что самое ученіе объ *unii* Финляндіи съ Россіею находитъ нѣкоторую опору въ переводѣ на шведскій языкъ манифеста о вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго Государя. Этотъ государственный актъ озаглавленъ по-шведски манифестомъ о вступленіи Е. И. В. на прародительскій престолъ Россійской Имперіи „и нераздѣльные съ нимъ престолы“ Царства Польскаго и Вел.

Княжества Финляндскаго. Очевидно искаженіе словъ: „престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Вел. Княжества Финляндскаго“. Понятно почему финляндская печать такъ упорно придерживается вреднаго для финскаго народа политическаго заблужденія, а его распространенность достаточно объясняется тѣмъ, что гг. сановники и ученые Финляндіи постарались вбить каждому въ голову еще на школьной скамьѣ совершенно превратныя понятія о дѣйствительныхъ отношеніяхъ края къ Россіи и къ верховной власти. Безъ исправленія учебниковъ и должнаго внушенія преподавателямъ, такое заблужденіе можетъ вкорениться въ финскомъ народѣ глубоко и надолго.

* * *

Начатая конверсія внутренняго государственнаго долга привѣтствуется всею печатью какъ давно желанная и вполнѣ своевременная финансовая мѣра. Еще въ началѣ прошлой осени ¹⁾ мы говорили о настоятельности преобразованія нашихъ внутреннихъ займовъ и высказывали увѣренность, что „финансовое управленіе само не упуститъ случая по возможности сократить платежи государственнаго казначейства по этимъ займамъ и тѣмъ дать новый толчекъ русской предпріимчивости“. Теперь не только 5%, но и 4½% государственныя бумаги стоятъ на денежномъ рынкѣ выше номинальной цѣны. Вполнѣ исправленный государственный кредитъ твердо укрѣпился, а постоянно усиливающіяся сбереженія увеличиваютъ спросъ на цѣнныя бумаги. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ признано возможнымъ замѣнить четырехпроцентными облигаціями съ доплатою въ 7 р. на 100 5½% ренту, на сумму 65.174.000 р., и съ доплатою въ 5 р. на 100 5% банковые билеты непросроченной части 1 вып., 3, 4 и 5 выпусковъ, всего на сумму нарицательнаго капитала 184.198.350 р. Поговариваютъ еще о выкупѣ восточныхъ займовъ.

Экономія въ расходахъ казначейства, достигаемая посредствомъ преобразованія государственныхъ внутреннихъ займовъ изъ дорогихъ въ болѣе дешевые, имѣетъ особенно важное значеніе, если вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается размѣръ налоговъ. Тогда плательщики податей непосредственно выигрываютъ отъ

¹⁾ См. „Русск. Вѣстн.“, сент. 1890 г.

конверсій, и ихъ облегченіе бросается прямо въ глаза. Можемъ ли мы разсчитывать на это? Предположенія правительства въ семъ отношеніи неизвѣстны, но есть нѣкоторые факты, которые заставляютъ въ этомъ сомнѣваться. На 1890 годъ въ Россіи внесено было 10¹/₂ милл. рублей на перевооруженіе арміи; на 1891 годъ внесено на это 20 милл. рублей, и сверхъ того смѣта морскаго министерства по статьѣ судостроенія увеличена на 5 милл. рублей. Перевооруженіе и судостроеніе, очевидно, потребуютъ и на будущіе годы подобныхъ же, а, можетъ быть, и большихъ суммъ отъ государственнаго казначейства, и расходы эти неизбѣжны, такъ какъ безопасность, цѣлость, честь и достоинство государства ихъ требуютъ, и обойтись безъ нихъ нельзя. Чѣмъ же покрыть эти, хотя чрезвычайныя, но, очевидно, на большой періодъ времени дѣлающіеся ежегодными расходы? Кромѣ займовъ и усиленія податей есть одинъ источникъ, могущій покрывать такія издержки: это сбереженія въ другихъ расходахъ, которыя могутъ состоять въ уменьшеніи расходовъ или на управленіе, или на уплату по государственнымъ долгамъ; при томъ весьма несовершенномъ еще организмѣ управленія, который существуетъ у насъ, сбереженія перваго рода едва-ли могутъ дать какую-нибудь замѣтную сумму и, какъ показываетъ опытъ, расходы на управленіе имѣютъ наклонность скорѣе къ повышенію, чѣмъ къ пониженію, поэтому остается одно средство къ удовлетворенію чрезвычайныхъ расходовъ, это — уменьшеніе процентовъ по государственнымъ долгамъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ. Министерство финансовъ, очевидно, систематически этимъ пользуется, и населеніе выигрываетъ черезъ то, что дѣйствительныя неотложныя потребности удовлетворяются безъ займовъ и новыхъ налоговъ. Конечно, нѣкоторые капиталисты черезъ это теряютъ, но это имѣетъ и свою хорошую сторону. Капиталь долженъ будетъ искать помѣщенія въ промышленности и сдѣлается болѣе предприимчивымъ, къ чему теперь открывается ему широкая дорога; мы слышали, что въ Государственномъ Совѣтѣ уже начато разсмотрѣніе выработаннаго въ министерствѣ финансовъ неослабнымъ четырехлѣтнимъ трудомъ новаго покровительственнаго таможеннаго тарифа, при которомъ капиталъ, положенный въ промышленное дѣло, будетъ огражденъ въ своей производительности. Дай только Богъ, чтобы при этомъ обращеніи капитала къ производительному употребленію избѣгнута была язва учредительства и ажіотажа,

пережитая нами въ шестидесятыхъ годахъ. Должно надѣяться, что опытъ поколѣнія, теперь сходящаго со сцены, чему-нибудь научить поколѣніе, нынѣ находящееся въ цвѣтѣ силъ и призванное дѣйствовать.

Независимо отъ сего, пониженіе процента, платимаго государствомъ по своимъ долгамъ, приноситъ существенныя выгоды *народному хозяйству* и является настоящимъ благодѣяніемъ для круга лицъ гораздо болѣе многочисленныхъ, нежели тѣ капиталисты, которые теряютъ при конверсіяхъ. Однимъ изъ такихъ благодѣяній является умаленіе требовательности капиталистовъ, сужающихъ оборотными средствами для производителей цѣлей. Мы видимъ это на примѣрѣ нашихъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ, которые немедленно вслѣдъ за объявленіемъ о выкупѣ ренты и пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ изъявили готовность конвертировать свои шестипроцентные закладные листы въ пятипроцентные. Нисколько не заинтересованные въ высокомъ процентѣ, донныя платимомъ ихъ старыми заемщиками, они медлили, однако, въ своемъ рѣшеніи, ибо не были увѣрены въ готовности владѣльцевъ закладныхъ листовъ довольствоваться меньшимъ процентомъ,—въ готовности, вынужденной, разумѣется, финансовыми операціями правительства, сократившаго и намѣреннаго еще сократить на сотни милліоновъ количество выпущенныхъ имъ пятипроцентныхъ бумагъ.

* * *

Въ предъидущей книгѣ мы посвятили нѣсколько страницъ характеристикѣ идеаловъ и стремленій покойнаго Алексѣя Дмитриевича Пазухина. Мы имѣемъ нынѣ возможность познакомить нашихъ читателей съ главными основными мыслями той работы, за которой преждевременная смерть застала этого выдающагося общественнаго и государственнаго дѣятеля.

Этотъ неоконченный трудъ озаглавленъ: „Устройство хозяйственнаго быта крестьянъ“.

Указывая на фактъ общепризнаннаго, систематическаго обѣднѣнія нашего сельскаго населенія и на громадное значеніе этого грустнаго явленія для Россіи, Алексѣй Дмитриевичъ замѣчаетъ, что всѣ исследователи, пытавшіеся указать причины крестьянскаго обѣднѣнія, основывали свои выводы почти исключительно на фактахъ, взятыхъ изъ наблюденія надъ совре-

менною жизнью, и не придавали должнаго значенія преемственной связи явленій.

Стараясь понять болѣзнь нашего сельскаго быта по признакамъ, въ которыхъ она проявляется въ настоящую минуту, они отнеслись безъ должнаго вниманія къ состоянію этого быта въ прежнее время и не привели въ ясность ни тѣхъ условій, при которыхъ возникла болѣзнь, ни самой исторіи болѣзни.

Между тѣмъ, для установленія правильной точки зрѣнія на причины современнаго крестьянскаго обѣднѣнія, необходимо прежде всего выяснить, на какихъ основахъ держалось крестьянское хозяйство въ дореформенную эпоху и какія измѣненія произошли въ этомъ хозяйствѣ въ періодъ преобразованій.

Выясненіе основъ хозяйственнаго быта крестьянъ и должно было стать задачей предпринятаго покойнымъ труда. Онъ имѣлъ намѣреніе, выяснивъ эти основы дореформеннаго хозяйства и указавъ произведенныя перемѣны реформаторами 19 февраля, намѣтить тѣ мѣропріятія, которыя могли бы вернуть въ надлежащее русло теченіе народной жизни.

Ему удалось только въ одной трети выполнить эту программу, хотя всѣ матеріалы были уже у него подъ руками — именно только обрисовать основы дореформеннаго крестьянскаго экономическаго быта. Алексѣй Дмитріевичъ начинаетъ съ того, что, суживая рамки своего изслѣдованія, онъ ограничиваетъ его изученіемъ быта коренной Великороссіи, составляющей оплотъ нашей государственной силы, между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ Россіи крестьянскій бытъ слагался подъ вліяніемъ нерусскихъ образцовъ.

* * *

Этотъ хозяйственный бытъ великорусскихъ крестьянъ основывался у помѣщичьихъ крестьянъ на *тмлт*, а у крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ на *ревизской душѣ*. Какъ тягло, такъ и ревизская душа были тѣми хозяйственно-податными единицами, въ которыхъ приурочивалось все крестьянское хозяйство и въ которыхъ нашло себѣ практическое осуществленіе одно изъ важнѣйшихъ началъ дореформеннаго строя крестьянской жизни. „По основному взгляду — замѣчаетъ А. Д. — выработанному практикой, *единственнымъ* источникомъ матеріальнаго благосостоянія крестьянъ, а вмѣстѣ и единствен-

нымъ источникомъ удовлетворенія всѣхъ лежавшихъ на нихъ повинностей, признавался *личный трудъ крестьянина*... По общему правилу всѣ лежащія на крестьянахъ тягости и всѣ предоставленныя крестьянамъ хозяйственныя выгоды распределялись пропорціонально личнымъ рабочимъ силамъ крестьянской семьи. Подушная и тягловая системы были тѣми двумя формами, въ которыхъ приведенное общее правило выражалось на практикѣ“.

Затѣмъ, съ своею обычною убѣжденностью и ясностью изложенія, А. Д. обрисовываетъ весь хозяйственный строй, основанный на этомъ тяговомъ и подушномъ началѣ, при которомъ каждой крестьянской семьѣ отводилось такое количество земли, которое совершенно соответствовало ея личнымъ рабочимъ силамъ, и которое оставалось въ неотъемлемомъ ея распоряженіи: при тягловой организаціи до измѣненія въ рабочемъ составѣ семьи, а при подушной — до слѣдующей ревизіи, происходившей обыкновенно каждые 10—15 лѣтъ.

* * *

Эта часть записки разработана особенно тщательно и представляетъ высокій интересъ.

Не ограничиваясь, однако, этимъ тщательнымъ изслѣдованіемъ тягловой и подушной системы, Алексѣй Дмитріевичъ съ неменьшимъ вниманіемъ остановился и на другихъ факторахъ, вліявшихъ на благосостояніе крестьянскаго сословія.

Такъ онъ возстановляетъ въ памяти воздѣйствіе власти на экономическую жизнь крестьянъ въ дореформенную эпоху. Этой властью былъ для помѣщичьихъ крестьянъ — помѣщикъ, интересы котораго были неразрывно связаны съ возможнымъ благосостояніемъ крестьянъ и который поэтому внимательно слѣдилъ за справедливымъ распределеніемъ тяголъ и за исправнымъ веденіемъ хозяйства своими крестьянами; для крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ — удѣльныя конторы и окружныя начальники вѣдомства Государственныхъ Имуществъ, которые имѣли всѣ права и преслѣдовали тѣ же задачи, что и помѣщики.

Значеніе схода стариковъ, вершившихъ всѣ важнѣйшія дѣла обществъ; многолюдныя, недробящіяся семьи, дисциплинированныя въ общемъ трудѣ и въ подчиненіи главѣ семейства; пособія и ссуды, выдававшіяся помѣщиками своимъ крестьянамъ въ неурожайныя годы; ссудо-сберегательныя

кассы и сельскіе банки у крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ; отбываніе большинства повинностей натурой, что особенно важно для земледѣльческаго населенія такой страны, какъ Россія, бѣдной капиталами, съ слабо развитой обрабатывающей промышленностью и съ торговлею не регулируемой правильной конкуренціей, вліаніе общественныхъ запасекъ на поднятіе благосостоянія сельскаго населенія—всѣхъ этихъ вопросовъ коснулся покойный Пазухинъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ и всѣ ихъ освѣтилъ силою своего ума и всесторонняго знанія условій деревенской жизни.

„Изложенное, пишетъ онъ, приводитъ къ заключенію, что хозяйственный бытъ великорусскихъ крестьянъ покоился на твердыхъ и разумныхъ основаніяхъ и имѣлъ прочную и правильную организацію. Организація эта сложилась подъ многовѣковымъ давленіемъ важнѣйшихъ экономическихъ потребностей нашей страны, для удовлетворенія коихъ необходимо было поставить личный трудъ крестьянина въ наиболѣе благопріятныя для его производительности условія. Великорусская крестьянская община и была отвѣтомъ на этотъ запросъ жизни. Форма, въ которую она вылилась, была вполнѣ приспособлена къ охраненію производительности крестьянскаго труда и къ защитѣ его отъ всякихъ экономическихъ невзгодъ“.

„Великорусская крестьянская община была такимъ административно-хозяйственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ интересы государственные (нераздѣльно или совмѣстно съ интересами помѣстнаго сословія) были неразрывно связаны съ интересами крестьянскаго хозяйства и которое состояло изъ двухъ элементовъ: изъ представителя власти (правительственной или помѣщичьей) и изъ тягла или дупи, какъ такой хозяйственно-податной единицы, которая служила основаніемъ какъ для всего крестьянскаго хозяйства, такъ и для отбыванія всѣхъ повинностей“.

„Причемъ, присовокупляетъ онъ, права отдѣльныхъ крестьянъ при такой общинной формѣ владѣнія были сохраняемы столь же твердо, какъ и при формѣ подворной“.

Третью, неоконченную главу своего труда Алексѣй Дмитриевичъ намѣренъ былъ посвятить изложенію тѣхъ легкомысленныхъ измѣненій, которыя внесены были въ экономическій строй жизни народа реформаторами Коммисій. Въ рядѣ потрясающихъ картинъ изображаетъ онъ намъ состояніе русскаго общества во время, непосредственно предшествовавшее реформѣ, шата-

ніе мысли, увлеченіе западно-европейскими идеалами, отрѣшеніе отъ живыхъ основъ народной жизни.

* * *

Указывая затѣмъ на то, что крѣпостное право было очень сложнымъ явленіемъ нашей исторической жизни, въ которомъ перемѣшались интересы государственные съ интересами частными и связывались въ одинъ крѣпкій узелъ, покойный пишетъ: „Для правильнаго разрѣшенія вопроса объ отмѣнѣ крѣпостнаго права необходимо было отдѣлять въ этомъ сложномъ историческомъ явленіи интересы государственные отъ той привилегіи, которая съ конца 18 вѣка (съ уничтоженія обязательной дворянской службы) получила характеръ частнаго права, не оправдываемаго государственными потребностями, и вопросъ объ отмѣнѣ этой привилегіи не слѣдовало смѣшивать съ вопросомъ о той, вѣками сложившейся организаціи, которая служила основой крестьянскаго благосостоянія и обезпеченіемъ государственныхъ интересовъ“. На этомъ обрывается рукопись и, какъ мы уже говорили, смерть похитила его во время работы.

Приведенныхъ краткихъ выдержекъ достаточно, чтобы показать все громадное значеніе этого послѣдняго труда покойнаго Пазухина. Написанный со свойственнымъ ему талантомъ, этотъ трудъ - результатъ многостороннихъ и добросовѣстныхъ изслѣдованій—несомнѣнно явился бы капитальнымъ вкладомъ въ нашу отечественную литературу по крестьянскому вопросу. Онъ многое разъясняетъ и можетъ дать драгоцѣнныя указанія для будущихъ мѣропріятій, даже въ томъ неоконченномъ видѣ, въ какомъ его оставилъ покойный. Остается желать, чтобы наслѣдники А. Д. успѣшили сдѣлать достояніемъ всей Россіи этотъ послѣдній его трудъ.

* * *

Водительство въ сферѣ общественной и государственной дѣятельности, равно какъ и въ религіозно-нравственной жизни народа, естественно должно принадлежать наиболѣе просвѣщенному и политически развитому сословію. Въ старой Руси служилымъ сословіемъ, дворянствомъ, воспитаннымъ въ благочестіи и сознаніи нравственнаго долга, укрѣплялся авторитетъ не только правительственной, но и церковной іерархіи. На это недавно обратили особое вниманіе изслѣдователей нашей старины предсѣдатель Императорскаго общества древней письменности,

графъ С. Д. Шереметевъ, и членъ того же общества А. П. Барсуковъ, въ докладѣ о всероссійскомъ патріархѣ Іоакимѣ изъ рода дворянъ Савеловыхъ, извѣстномъ борцѣ съ расколомъ и ревнителѣ школьнаго просвѣщенія ¹⁾. Графъ С. Д. Шереметевъ писалъ А. П. Барсукову: „Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бородина находится село Сивково, когда-то принадлежавшее, вмѣстѣ съ Бородинымъ и многими другими деревнями, роду Савеловыхъ. Въ селѣ Сивковѣ жилъ патріархъ Іоакимъ... У одного изъ нынѣшнихъ представителей рода Савеловыхъ хранится большой портретъ патріарха, во весь ростъ. Это подало однажды поводъ къ недоразумѣнію. Кто-то изъ посѣтителей, узнавъ, что это портретъ родственникъ, спросилъ удивленно: Развѣ вы изъ духовнаго званія? Такой вопросъ, къ сожалѣнію, сдѣлался теперь возможенъ“.

И „дѣйствительно“,— замѣчаетъ г. Барсуковъ,— „условія достиженія высшаго духовнаго сана такъ измѣнились противъ прежняго, что многіе не могутъ даже и представить себѣ святителя изъ дворянъ“. Измѣнились именно условія достиженія высшаго духовнаго сана, а не великое государственное призваніе высшаго духовенства въ православной и самодержавной Россіи: стоять на стражѣ добра, быть недремлющимъ вдохновителемъ на труды, соотвѣтствующіе достоинству власти, на дѣла, животворящія въ народѣ чувство благоговѣнія къ помазанныкамъ Божиимъ. Сильные духомъ іерархи наши потому и строили прочно, кунно съ самодержцами, русское государство, что обладали преемственнымъ знаніемъ началъ государственнаго строительства и предусмотрительностію опытнаго въ политическихъ дѣлахъ правящаго сословія, „стародавнихъ честныхъ родовъ“, какъ называлъ московскихъ бояръ царь Алексѣй Михайловичъ въ своихъ письмахъ къ нимъ. Такіе истинные печальники за Русскую землю, какъ св. Алексій чудотворецъ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, и св. Филиппъ, митрополитъ Московскій, оба происходили изъ боярскихъ родовъ: первый—Плещеевыхъ и второй—Колычевыхъ.

¹⁾ Изслѣдованіемъ А. П. Барсукова установленъ на основаніи архивныхъ источниковъ тотъ фактъ, что патріархъ Іоакимъ приходится роднымъ праправнукомъ новгородскому посаднику Ивану Козмичу Савелову, одному изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ Марѣи посадницы. Фактъ этотъ является настоящимъ открытіемъ въ нашей исторической литературѣ.

Въ длинномъ спискѣ іерарховъ изъ первенствующаго въ государствѣ сословія встрѣчаются члены княжескихъ родовъ Полоцкихъ, Вадбольскихъ, Оболенскихъ, Четвертинскихъ, Стригинныхъ-Оболенскихъ и Палецкихъ, бояре Романовы, знатные новгородцы и такіе дворяне, какъ Римскіе-Корсаковы, Богдановичи-Любимскіе, Дашковы, Струковы, Стремоуховы, Глѣбовы, Титовы и мн. др. А. П. Барсуковъ говоритъ въ своемъ докладѣ, что нѣтъ возможности перечислить всѣхъ святителей нашей церкви изъ дворянъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ намѣренно скрывали свое свѣтское почетное имя. Разоблаченіе такой старины производить освѣжающее дѣйствіе на умы и несомнѣнно укрѣпить уже пробуждающееся нынѣ въ средѣ молодаго поколѣнія дворянъ стремленіе къ духовному подвижничеству. Имъ, этимъ свѣтлымъ подвижникамъ, суждено, быть можетъ, внести давно желанное обновленіе въ бытъ нашего духовенства и въ религіозно-нравственное наставничество служителей алтаря. Они, конечно, облакаются въ священническую рясу и надѣваютъ монашескій клобукъ не ради хлѣба насущнаго, а побуждаются къ тому своимъ душевнымъ настроеніемъ, своимъ призваніемъ. Слѣдуя по стезѣ отреченія отъ личныхъ благъ и служенія ближнему проповѣдью слова Божьяго, они возвращаютъ государству истинное значеніе въ немъ православнаго духовенства, а православной церкви ея просвѣтительную силу въ государственномъ строительствѣ. Нѣтъ инаго пути къ водворенію вновь на Руси искренняго союза церкви съ государствомъ, не внѣшняго только, не механическаго, а внутренняго, органическаго единенія властей духовныхъ и свѣтскихъ, единенія христіанской паствы съ ея духовными пастырями. Вліяніемъ этого благотворнаго единенія только и можетъ быть измѣненъ нравственный обликъ русскаго общества, очищенъ отъ современной язвы лжеученій. Тогда закроется и глубокая пропасть, издавна отдѣляющая нашу „интеллигенцію“ отъ народа, рухнетъ само собою и „средостѣніе“, искусственно созданное между этимъ народомъ въ полномъ его составѣ и живымъ источникомъ власти. Единство духа—великая народная сила. Просвѣщенная истинною вѣрою, она перестаетъ быть стихійною и косною или разрушительною, но становится могучею зиждительною силою, способною вынести всякія испытанія, преодолѣть всякія препятствія.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Тейфенбахъ, въ Штирин, 20 марта (1 апрѣля) 1881 г.

Всемиловѣйшее пожалованіе президенту французской республики ордена св. Андрея Первозваннаго—знаменательное явленіе, оцѣненное по достоинству не только въ Россіи и во Франціи, но и въ цѣлой Европѣ. Уже само по себѣ оно не лишено важнаго политическаго значенія, но значеніе это еще болѣе возрастаетъ въ виду тѣхъ условій, при которыхъ г. Карно получилъ высшій русскій знакъ отличія. Мы разумѣемъ обостреніе отношеній Германіи къ Франціи вслѣдствіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ недавнее пребываніе въ Парижѣ императрицы, и раздраженіе, проявленное нѣмецкимъ правительствомъ въ восстановленіи во всей первоначальной строгости паспортныхъ стѣсненій въ Лотарингіи и Эльзасѣ.

Мѣра эта, замышленная княземъ Бисмаркомъ въ 1888-мъ году, въ практическомъ отношеніи совершенно бесполезна. Ложась тяжелымъ бременемъ на населеніе двухъ „имперскихъ“ областей, она, конечно, не можетъ способствовать ихъ примиренію съ участью, постигшею ихъ въ 1871-мъ году, и если имѣетъ какой-либо смыслъ, то развѣ угрожающій и вызывающій по отношенію къ Франціи. Но почему же къ ней прибѣгаютъ снова теперь и если провинились французы, то въ чемъ заключается вина ихъ предъ Германією?

Ни французское правительство, ни общество не нарушили обязанностей гостепріимства предъ матерью императора Вильгельма, прибывшею въ столицу Франціи по собственному побужденію и безпрепятственно проведенною тамъ около двухъ недѣль. Согласно ея же желанію, инкогнито ея было строго соблюдено. Она свободно развѣзжалась по Парижу и его окре-

стностямъ, посѣщая и осматривая музеи, дворцы, памятники даже такіе, съ которыми соединены для французовъ горькія воспоминанія о нѣмецкомъ нашествіи. Нигдѣ по пути ея не раздавалось бранныхъ криковъ или угрозъ. Если гдѣ и предъ-являлись негодующіе протесты, то только въ оппозиціонныхъ органахъ печати, пользующихся всякимъ случаемъ, чтобы создать правительству затрудненія, не безпокоясь о томъ, какъ отзовутся они на интересахъ страны, да на частныхъ сходкахъ, созванныхъ съ тою же цѣлью, при чемъ, однако, власти ни разу не допустили агитаторовъ перенести свою шумную пропаганду на улицу или на площадь. Парижане вели себя съ удивительнымъ благоразуміемъ, тактомъ и достоинствомъ, отъ которыхъ не отступили и тогда, когда узнали, что державная гостыя любовалась развалинами замка Сень-Клу, сожженного нѣмецкими ядрами, и побывала въ Версальской зеркальной галлерей, гдѣ, въ виду осажденного Парижа, состоялось ровно двадцать лѣтъ тому назадъ провозглашеніе возстановленной Германской имперіи. Императрица могла оставить Парижъ среди бѣла дня, и на всемъ протяженіи отъ дворца нѣмецкаго посольства до вокзала сѣверной дороги, толпы народа, предупрежденнаго о днѣ и часѣ ея отъѣзда, встрѣтили ее однимъ молчаніемъ.

На одно только могла пожаловаться вдова побѣдителя при Вѣртѣ и Седанѣ: несмотря на всѣ ея усилія, увѣщанія, мольбы, французскіе художники, съ общаго совѣта и согласія, отклонили приглашеніе Берлинской академіи изящныхъ искусствъ принять участіе въ выставкѣ, устраиваемой въ память столѣтней годовщины основанія академіи. И вдругъ грянулъ громъ изъ Берлина. Нѣмецкій правительственный указатель возвѣстилъ удивленному міру распоряженіе имперскаго канцлера о томъ, чтобы постановленіе о паспортахъ примѣнялось вновь въ Эльзасѣ и Лотарингіи со строгостью неумолимою.

Правда, оффиціальный органъ германскаго правительства умолчалъ о причинной связи между суровою мѣрою и патриотическимъ рѣшеніемъ французскихъ художниковъ. Но можно ли сомнѣваться въ ней, вспомнивъ цѣлый рядъ заискивающихъ рѣчей и поступковъ Вильгельма II въ цѣль задобрить, примирить и привлечь на свою сторону общественное мнѣніе Франціи. По его внушенію и оффиціозная печать и сама нѣмецкая дипломатія, ни единымъ словомъ не касаясь роковаго вопроса объ отторгнутыхъ областяхъ, съ умиленіемъ распространялись

о солидарности двухъ сосѣднихъ государствъ и проповѣдывали сближеніе ихъ на почвѣ хозяйственной, а также въ области умственного труда: науки, литературы, искусства. Самъ молодой императоръ развивалъ эту теорію съ бесѣдахъ съ французскими делегатами на берлинскомъ международномъ совѣщаніи по рабочему вопросу и не далѣе какъ наканунѣ отъѣзда матери своей въ Парижъ съелъ умѣстнымъ демонстративно выразить французской академіи художествъ свое соболѣзнованіе по поводу кончины Мейсонье. И все это понапрасну. Цвѣтовъ гогенполлернскаго краснорѣчія оказалось недостаточнымъ, дабы засыпать ими нравственную пропасть, отдѣляющую французовъ отъ похитителей ихъ исконнаго достоянія, не удалось купить ихъ любовь и дружбу такою дешевою цѣною. *Inde ira*. Дорого бы поплатилась Франція за проявленіе независимости своихъ художниковъ, еслибы оставалась и доселѣ раздѣленною внутри, беззащитною извнѣ, еслибы не опиралась на могущественную и дружественную Россію. Но чтобы теперь добратся до нея — руки коротки. Между тѣмъ безсилая злоба скоро переходитъ въ ярость и изступленіе. И вотъ въ Берлинѣ не задумались сорвать ее и выместить на комъ же? На неповинныхъ ни въ чемъ эльзасцахъ и лотарингцахъ, какъ бы и не подозревая, что тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о непрерывной и неразрывной органической связи ихъ съ ихъ бывшимъ отечествомъ.

„Имперскія области“, Страсбургъ и Мецъ — самое больное мѣсто, Ахиллесова пята современной единой Германіи. Чужое добро рѣшительно не идетъ ей въ прокъ. Постоянно трепеща за его сохраненіе, она собственнымъ своимъ страхомъ вмѣняетъ въ преступленіе Франціи, заподозрѣвая ее въ намѣреніи силою отнять то, что у нея самой отняла сила.

Основательны ли, вѣроятны ли подобныя подозрѣнія? Вопросъ стѣитъ того, чтобы обсудить его хладнокровно и безпристрастно.

Какъ относится къ нему французское правительство? Оно унаслѣдовало обязательства, установленныя Франкфуртскимъ мѣрнымъ договоромъ, и какъ они ни тяжки, какъ ни оскорбительны для національнаго самолюбія, правительство республики честь свою полагаетъ въ томъ, чтобы въ точности ихъ исполнить. Слово и подпись Франціи не должны быть опротестованы. Поучительно сравнить ея образъ дѣйствій въ данномъ случаѣ съ поведеніемъ Пруссіи въ эпоху, слѣдовавшую за заключеніемъ Тильзитскаго мира. Чтобы какъ-нибудь уменьшить или

не доплатить контрибуцію въ сто милліоновъ ффранковъ, наложенную Наполеономъ, прусскій дворъ то унижался до рабства предъ завоевателемъ, умоляя его о пощадѣ, то прибѣгалъ къ хитростямъ и уловкамъ самаго неблаговиднаго свойства, возбуждая пререканія, стараясь ватакнуть уплату. А тѣмъ временемъ прусскіе государственные люди только и помышляли о возвращеніи уступленныхъ земель, поддерживали въ нихъ броженіе, подготавливая народное возстаніе и явно пресмыкаясь предъ всеильнымъ императоромъ ффранцузовъ, запрашиваясь къ нему въ союзники и повергаясь предъ нимъ во прахъ, въ тайнѣ злоумышляли противъ него, точили на него ножъ. И тѣни подобнаго коварства и вѣроломства не видимъ въ положеніи, усвоенномъ третьей ффранцузскою республикою. Первою ея заботою было уплатить полностью громадную сумму въ пять милліардовъ ффранковъ, наложенную на нее ненасытною алчностью побѣдителей, и уплата была произведена до срока, безъ малѣйшаго учета или уступки, о которыхъ и не заикались ффранцузы, полностью до послѣдняго гроша. Съ тѣхъ поръ, и несмотря на зоркій надзоръ, нѣмцамъ не удалось еще уличить ффранцузское правительство ни въ единой попыткѣ поддержать тайныя сношенія съ Лотарингіей и Эльзасомъ, съ цѣлью подготовить ихъ возвращеніе въ лоно любимой ихъ матери—Франціи. Съ Германіей держало оно себя, продолжаетъ держать и понынѣ, холодно и сдержанно, но честно и всегда вѣжливо, не проявляя ни слабой податливости, ни вызывающаго задора, безучастное и къ льстивымъ заискиваніямъ, и къ наглымъ угрозамъ, не покидая ни на минуту твердой почвы международныхъ договоровъ, тщательно исполняя всѣ истекающія изъ нихъ обязанности, но въ то же время всегда готовое отстоять ими же предоставленныя Франціи права.

Почему же не идетъ оно далѣе, почему не бросается въ объятія, такъ долго и такъ тщетно отверстыя для него въ Берлинѣ? Изъ множества причинъ достаточно привести одну, главнѣйшую: потому что правительство во Франціи—правительство, очевидно нынѣ, являющееся вѣрнымъ выразителемъ чувствъ ффранцузскаго народа.

Ффранцузскій народъ въ огромномъ своемъ большинствѣ жаждетъ тишины, спокойствія и мира, чтобы прилежно трудиться и пожинать плоды трудовъ своихъ. Но тотъ же ффранцузскій народъ не примирился и никогда не примирится съ мыслью объ окончательной утратѣ двухъ цвѣтущихъ областей, насиль-

*

ственно отторгнутыхъ отъ Франціи. Въ такомъ настроеніи поддерживаютъ французовъ не только сильно развитое въ нихъ чувство любви къ отечеству и сознаніе народнаго достоинства, но и глубокое убѣжденіе въ томъ, что новая граница не обезпечиваетъ первой потребности государства, — его внѣшней безопасности. Прибавимъ къ этому трогательныя проявленія любви и преданности населенія Эльзаса и Лотарингіи бывшему ихъ отечеству, доселѣ не утраченную надежду на воссоединеніе съ нимъ, и мы поймемъ, что Франція не можетъ отречься отъ дѣтей своихъ, не перестающихъ и въ чужомъ плѣну обращать къ ней взоры полные упованія. Никакая вещественная выгода не въ состояніи была бы возмѣстить ущербъ, нанесенный подобнымъ отреченіемъ ея нравственному обаянію, положенію великой міровой державы.

Чтобы вернуть Лотарингію и Эльзасъ, для одной этой цѣли, Франція не объявитъ войны Германіи, хотя и не уклонится отъ нея, если будетъ вызвана послѣднею на бой. Но вынужденная извлечь мечъ на свою защиту, она уже не вложитъ его въ ножны, пока не отодвинетъ снова свой рубежъ до прежнихъ предѣловъ, намѣченныхъ ей природою, признанныхъ за нею соединенною Европою и которымъ многолѣтнее обладаніе придало и историческую санкцію. Вотъ что разумѣлъ Гамбетта въ рѣчи, произнесенной въ Шербургѣ незадолго до смерти, и вся Франція отъ мала до велика питаетъ въ глубинѣ души громогласно высказанную имъ непоколебимую увѣренность въ конечномъ торжествѣ „неизмѣнной правды“ (de la justice immanente).

Такою перспективою глубоко возмущаются нѣмцы. Они вопятъ о коварствѣ французовъ, о невозможности положиться на ихъ слово, о неуваженіи ими договоровъ и о неисполненіи международныхъ обязательствъ. Всѣ такія обвиненія по меньшей мѣрѣ преждевременны. Какъ мы уже замѣтили выше, французское правительство въ точномъ соблюденіи тяжелыхъ условій Франкфуртскаго мирнаго трактата проявило добросовѣстность. Но никакіе договоры не могутъ обречь человѣчество на неподвижность. Государственныя границы то и дѣло перемѣщаются сообразно обстоятельствамъ, и политическая карта Европы въ теченіе одного мнѣшняго столѣтія видоизмѣнялась безчисленное число разъ. Кто дерзнетъ утверждать, что нынѣшняя Германія не помышляетъ о новомъ перемережаніи въ свою пользу? Но по нѣмецкой логикѣ то,

что позволительно нѣмцамъ, строго возбраняется прочимъ народамъ. Въ 1815 году ихъ государственные люди пресерьозно предъявляли притязанія на городъ Лионъ и на южныя французскія области отъ Альповъ, вдоль Роны, до самаго Средиземнаго моря, образовавшія въ средніе вѣка Арелатское королевство, подъ тѣмъ предлогомъ, что оно составляло нѣкогда принадлежность священной римско-германской имперіи. Земли эти—разсуждали они—были въ XIV вѣкѣ заложены французской коронѣ за извѣстную сумму денегъ; стоитъ лишь уплатить эту сумму, чтобы Германія снова вступила во всѣ права законнаго владѣнія. И такія археологическія бредни служили основаніемъ широковѣщательныхъ меморандумовъ, грозныхъ дипломатическихъ нотъ. Нѣмецкихъ дипломатовъ того времени нисколько не стѣсняло нахождение пригланувшихся имъ областей въ безспорномъ владѣніи Франціи въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, а нынѣ они же провозглашаютъ неотъемлемою собственностью Германіи Эльзасъ и Лотарингію, неволя которыхъ началась не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Разсуждая по-нѣмецки, непреложнымъ и непрерывнымъ оказывается одно только нѣмецкое право; права всѣхъ другихъ государствъ временны и переходящи по существу своему и обусловливаются лишь терпимостью нѣмцевъ, признающихъ за имперіей Гогенцоллерновъ верховное право на наслѣдіе Карла Великаго, другими словами, на главенство надъ цѣлымъ христіанскимъ міромъ.

Отношеніе современной Франціи къ утраченнымъ областямъ за Вогезами представляетъ большое сходство съ видами русскаго правительства въ царствованіе Императора Александра II на участокъ Бессарабіи, отторгнутый отъ Россіи по Парижскому трактату 1856 года. Естественная скорбь о потерѣ этой области ни мало не вліяла на извѣстное миролюбіе покойнаго Государя, бывшаго въ теченіе четверти вѣка миротворцемъ Европы. Но когда помимо его воли вспыхнула война, вызванная обстоятельствами, онъ принялъ твердое рѣшеніе первымъ условіемъ будущаго мира поставить возвращеніе Россіи ея достоянія. Участокъ Бессарабіи воссоединенъ съ Имперіей по Санъ-Стефанскому договору, и собранная въ Берлинѣ враждебная намъ Европа не посмѣла и намекнуть на отміну этого постановленія. Нынѣшняя Франція слѣдуетъ тогдашнему нашему примѣру. Она миролюбива, какъ была миролюбива Россія съ 1856-го по 1876-й годъ, но какъ Россія за все это время не спускала глазъ

съ Дуная, доколѣ онъ не сталъ снова ея государственною гранью, такъ не спускала и не спустить глазъ и Франція съ завѣтнаго Рейна.

Вопросъ о разграниченіи Германіи и Франціи—вѣковой и роковой, не подлежащій полюбовному соглашенію. Рѣшила его въ томъ или другомъ смыслѣ одна сила; ей же суждено рѣшать его и впредь. Нѣмцамъ и французамъ представляется онъ конечно съ двухъ противоположныхъ сторонъ. „Онъ вамъ не достанется, нашъ свободный нѣмецкій Рейнъ“, восклицаетъ Беккеръ, обращаясь къ французамъ. „Онъ нашъ, вашъ нѣмецкій Рейнъ, онъ весь вмѣщался въ нашемъ стаканѣ“, отвѣчаетъ ему Мюссе. Для насъ, русскихъ людей, не обязательна впрочемъ ни французская, ни нѣмецкая точка зрѣнія. Намъ важно знать, какое рѣшеніе спорнаго вопроса наиболѣе отвѣчаетъ пользамъ самой Россіи, а потому сомнѣнія наши всего лучше можетъ выяснитъ исторія.

Въ данномъ случаѣ, частная выгода Россіи вполнѣ совпадаетъ съ общею потребностью Европы, а потребность эта выражается однимъ словомъ — *равновѣсіе*. Въ концѣ XVIII вѣка трехкратный раздѣлъ Польши расширилъ и усилилъ три восточныя державы: Россію, Австрію и Пруссію; почти одновременно французская республика, побѣдоносно отразивъ непріятельское вторженіе первой коалиціи, распространила предѣлы Франціи до Альповъ и Рейна. Всеобщее замиреніе, завершившееся въ 1801 году, узаконило эти земельныя очертанія. За Россіей остались: Бѣлоруссія, Литва, Волынь, Подолія; за Австріей—Галиція; за Пруссіей—Великая Польша. Франція сохранила Савойю, весь лѣвый берегъ Рейна и австрійскіе Нидерланды, нынѣшнюю Бельгію ¹⁾.

Три года спустя, когда снова вспыхнула война, сперва на моряхъ, а потомъ и на сушѣ, Россія и Англія, ставшія во главѣ новой коалиціи противъ Франціи, третьей по счету, цѣлью войны поставили независимость Голландіи, Германіи и Италіи, но за Франціей признали право на ея естественныя границы: Пиринеи, Альпы, Рейнъ ²⁾. Къ договору, включав-

¹⁾ Мирные договоры, заключенные Франціей: съ Пруссіей и Италіей въ Базелѣ въ 1795 г.; съ Австріей въ Кампоформіо въ 1797 и въ Люневилѣ въ 1800 гг.; съ Россіей въ Парижѣ и съ Англіей въ Амьенѣ въ 1801 г.

²⁾ Договоръ „соглашенія“ (traité de concert), заключенный между Россією и Англіей въ С.-Петербургѣ 30 марта (11 апрѣля) 1806 г.

шему это условіе, приступила и Австрія ¹⁾. Даже Пруссія признала его въ Бартештейнскои конвенціи ²⁾. Нѣчего и говорить, что въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ Россія пошла еще далѣе, и не оспаривая ни единого изъ завоеваній Наполеона, возмѣстила ихъ присоединеніемъ Бѣлостока и Финляндіи, Тарнополь и Бессарабіи ³⁾.

Двѣнадцатый годъ порвалъ союзъ и дружбу Александра I съ Наполеономъ, но не измѣнилъ благосклоннаго расположенія русскаго Государя къ Франціи. Послѣ Бородина и Москвы, послѣ Кульма и Лейпцига, предложенія имъ условія мира были снова: Рейнъ, Альпы, Пиринеи—естественныя границы Франціи ⁴⁾. Лишь по перенесеніи войны во французскіе предѣлы и по низложеніи Наполеона, онъ вынужденъ былъ уступить давленію союзниковъ и согласиться на присоединеніе Бельгіи къ Голландіи, а также и на предоставленіе Германіи Палатината и трехъ прирейнскихъ крѣпостей: Майнца, Кобленца и Кѣльна. За то, по его настоянію, Франція сохранила Савойю, Ландау и часть Фландріи—завоеванія Революціи, коими не владѣли Бурбоны ⁵⁾.

Возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы, стодневное его господство, завершившееся разгромомъ подъ Ватерлоо, послужили новымъ поводомъ для союзныхъ державъ требовать расчлененія Франціи. На сѣверные департаменты предъявляла притязанія Англія въ пользу Нидерландовъ, на южныя—Пьемонтъ. Но наибольшую жадность выказали нѣмцы. Мы уже упоминали о вождѣльнѣихъ ихъ, распространявшихся на бассейны Роны отъ Ліона до Марсели. Болѣе умѣренные настаивали на отторженіи не только Лотарингіи и Эльзаса, но и Бургундіи и Франшъ-Конте, подъ предлогомъ, что все это бывшія „имперскія“ области. Защитникомъ Франціи предъ собственными союзниками выступилъ опять Императоръ Александръ. Министръ его, графъ Каподистрія, торжественно объявилъ

¹⁾ Приступленіе Австріи къ тому же договору 28 іюля (9 августа) 1805 года.

²⁾ Бартештейнская конвенція, заключенная между Россіей и Пруссіей 14 (26) апрѣля 1807 г.

³⁾ Договоры, заключенные между Россіей и Франціей въ Тильзитѣ 25 іюня (7 іюля) 1807 г. и въ Эрфуртѣ 30 сентября (12 октября) 1808 г.

⁴⁾ Нота союзныхъ державъ изъ Франкфурта на Майнѣ отъ 19 ноября (1 декабря) 1813 г.

⁵⁾ Первый Парижскій миръ 18 (30) мая 1814 г.

уполномоченнымъ прочихъ союзныхъ державъ, „*что всякое посягательство на территориальную цѣлость Франціи было бы нарушеніемъ обще-признаннаго основнаго начала европейскаго равновѣсія* ¹⁾). Соединенная Европа склонилась предъ ясно и твердо выраженной волей русскаго Царя. По второму Парижскому миру Франція сохранила тѣ самыя границы, что имѣла въ 1789 г. ²⁾.

На этомъ знаменательномъ событіи остановимъ нашу историческую справку. Выводъ изъ нея тотъ, что предѣлы 1815 года—*minimum* въ размежеваніи Франціи съ Германіей, который Россія считала совмѣстнымъ съ собственными интересами, равно какъ и съ равновѣсіемъ Европы. Онъ былъ обезпеченъ за Франціей съ общаго согласія всѣхъ великихъ державъ и утвержденъ ихъ подписами. Новое разграниченіе по Франкфуртскому мирному трактату 1871 г.—актъ насилия побѣдителя надъ побѣжденнымъ. Имъ новосозданная Германская Имперія самовольно отиѣнила постановленіе европейскаго ареопага. Для Россіи, да и для всей Европы, оно, такимъ образомъ, лишено всякой обязательной силы и законнаго международнаго значенія.

Какъ же Россія дозволила его? Подробное обсужденіе этого вопроса увлекло бы насъ слишкомъ далеко. Объясненіемъ, если и не оправданіемъ нашему попустительству служить то, что въ семидесятихъ годахъ русская дипломатія, не справляясь съ исторіей, какъ будто ожидала благихъ послѣдствій для Россіи отъ перевѣса Германіи надъ Франціей. За радужной надеждой не замедлило послѣдовать горькое разочарованіе. Въ чемъ и какъ оно выразилось—памятно всѣмъ русскимъ людямъ. Умудренные историческимъ опытомъ, мы научились различать искренность отъ лицемерія, истинныхъ друзей отъ ложныхъ. Станемъ ли мы теперь отрицать у дружественной Франціи право, что признавали за нею даже въ то время, когда тѣсный союзъ связывалъ Россію не съ нею, а съ ея непримиримымъ, наслѣдственнымъ врагомъ?

Слѣдуетъ ли изъ всего вышесказаннаго, что Россія должна тотчасъ же вооружиться, чтобы содѣйствовать Франціи въ отвоеваніи Эльзаса и Лотарингіи? Объ этомъ и не думаетъ просить Россію Франція, какъ и сама Россія не приглашаетъ

¹⁾ Нота графа Каподистрія союзнымъ дворамъ отъ 16 (28) іюля 1815 года.

²⁾ Второй Парижскій миръ 8 (20) ноября 1815 г.

французское правительство оказать ей помощь для немедленнаго возстановленія нарушенныхъ правъ своихъ въ Болгаріи. Ближайшая цѣль соглашенія обѣихъ державъ—возможно продолжительное соблюденіе мира въ Европѣ. По этому вопросу между Парижемъ и С.-Петербургомъ существуетъ полное единомысліе. Съ каждымъ лишнимъ днемъ мира приумножается боевая сила и Россіи и Франціи, возрастаетъ перевѣсъ ихъ надъ четырьмя державами противнаго лагеря. Уже и теперь Франція можетъ выставить въ поле 3.240.000 человекъ противъ 2.900.000, выставленныхъ Германіей, а черезъ двадцать пять лѣтъ разность выразится въ еще болѣе крупной цифрѣ: 4.125.000 французовъ противъ 3.458.000 нѣмцевъ, что дастъ въ пользу первыхъ избытокъ въ 667.000 человекъ ¹⁾. Численность русской арміи сравнительно съ нѣмецкою растетъ въ еще болѣе грозной пропорціи. Какъ Россія, такъ и Франція легко покрываютъ изъ текущихъ доходовъ расходы на военную организацію, тогда какъ Германія и въ особенности союзницы ея изнемогаютъ подъ непосильнымъ бременемъ чрезвычайныхъ налоговъ. Наконецъ, самый тройственный союзъ, не взирая на поддержку Англіи, распатанъ въ своихъ основаніяхъ, и, съ теченіемъ времени, никого не удивитъ отпаденіе отъ него одного, а чего добраго и двухъ членовъ. „Благоразумію мы научились у васъ“—говорилъ намъ три года назадъ одинъ изъ виднѣйшихъ государственныхъ людей Франціи. „Чтобы занять подобающее мѣсто въ Европѣ и сохранить его за отечествомъ, намъ стоить только подражать мудрости вашего Государя и во всемъ слѣдовать его примѣру, твердо держась за него“.

Взглядъ этотъ усвоенъ нынѣ всею Франціею. Въ немъ усматриваемъ мы вѣрное опредѣленіе дружественнаго единенія ея съ Россіей. Онъ же представляется намъ и залогомъ его прямоты, искренности, а слѣдовательно и прочности, плодотворности, успѣха. Являясь надежнымъ оплотомъ мира, единеніе это и въ случаѣ войны несомнѣнно обезпечитъ побѣду и одолѣніе надъ противниками, сколько бы ихъ ни собралось противъ соединенныхъ силъ двухъ могущественнѣйшихъ государствъ вселенной. Этого никогда не должно упускать

¹⁾ Цифра эта заимствована изъ появившейся на дняхъ въ Берлинѣ брошюры прусскаго генераль-лейтенанта Богуславскаго: *Духланный срокъ военной службы (Die zweijährige Dienstzeit)*.

изъ виду даже среди нынѣшняго затишья, явно свидѣтельствуящаго, что тройственному, или какъ мы предпочитаемъ называть его, четверному союзу, теперь не до войны.

Въ Лондонѣ, какъ и въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, какъ и въ Римѣ гораздо болѣе озабочены внутренними, чѣмъ внѣшними дѣлами. Въ Англии — Ирландскій вопросъ со всѣми его усложненіями — открытая, незалѣчимая язва, а тутъ еще некстати зашевелилась Индія, гдѣ туземцы ободрились настолько, что перерѣзали цѣлый англійскій отрядъ. Колоніи мало по малу освобождаются отъ опеки метрополіи, все чаще и чаще отказывая ей въ повиновеніи, а Канада открыто тяготѣетъ къ Соединеннымъ Штатамъ. Наконецъ въ Египтѣ, встревоженная протестами Россіи и Франціи, Porta начинаетъ обнаруживать намѣреніе противопоставить британскому захвату свое верховное право владычества надъ этою составною частію Оттоманской Имперіи.

Въ парламентской жизни Германіи — хаосъ невообразимый. Затѣянныя императоромъ Вильгельмомъ II преобразованія въ области народнаго хозяйства остаются мертвою буквою. Охранительныя партіи, всегда служившія опорой правительству, отказываются ихъ утвердить, съ другой же стороны, они не удовлетворяютъ притязаніямъ „свободномыслящихъ“, а еще менѣе социалистовъ. Смерть Виндгорста разстроила твердо сплоченный доселѣ центръ, на поддержку котораго, повидимому, рассчитывали молодой государь и новый его канцлеръ, а предстоящее появленіе въ рейхстагѣ стараго канцлера князя Бисмарка въ качествѣ депутата грозитъ окончательнымъ распаденіемъ правительственнаго большинства. Знаменательно, что на сходкахъ, предшествующихъ избранію, кандидатуру Бисмарка отстаиваютъ убѣжденные монархисты, социалисты же, выступая яркими его противниками, выдаютъ себя за личныхъ приверженцевъ императора и за защитниковъ правъ короны противъ мятежнаго бывшаго ея совѣтника.

Состоявшіеся въ теченіе минувшаго мѣсяца общіе выборы въ Цислейтанскій рейхсратъ въ точности воспроизвели въ Нижней палатѣ крайнее раздробленіе политическихъ партій въ странѣ. Бывшее большинство, при содѣйствіи котораго графъ Таафе управлялъ цѣлые двѣнадцать лѣтъ, разлетѣлось въ прахъ вслѣдствіе пораженія, повесеннаго старо-чешскою партією, вытѣсненною младо-чехами изъ всѣхъ славянскихъ округовъ въ Богеміи; послѣдніе же не могутъ занять ихъ мѣста по

причинѣ кореннаго разлада между ними и нѣмецкими феодалами и клерикалами. При чрезмѣрной притязательности, такъ называемой, соединенной лѣвой, состоящей оплошь изъ нѣмцевъ-доктринѣровъ либеральнаго пошиба, нельзя и помышлять о соглашеніи ихъ съ прочими частями правительственнаго большинства, средоточіемъ котораго были и остаются галиційскіе поляки. Представители остальныхъ славянскихъ народностей монархіи, а равно и румыны Буковины и итальянцы Трентино и Триеста слишкомъ малочисленны да къ тому же и раздроблены между собою, чтобы быть принятыми въ расчетъ. Въ виду всѣхъ этихъ условій, графу Таафе ничего не остается иного, какъ, отказавшись отъ составленія постояннаго большинства въ парламентѣ, искать себѣ поддержки то тамъ, то сямъ, смотря по обстоятельствамъ, среди депутатовъ различныхъ оттѣнковъ, или же вовсе обходиться безъ нея.

Въ Италіи между парламентскими группами не больше сплоченности, чѣмъ въ Австріи, но патріотическое чувство побуждаетъ ихъ, забывъ свои несогласія, дружно поддерживать министерство Рудини, на долю котораго выпала тяжелая задача расхлебывать кашу, заваренную г. Криспи во время трехъ-лѣтнаго управленія дѣлами страны. Несостоятельность политики послѣдняго связалась всюду: и въ крайнемъ разстройствѣ финансовъ, и въ полномъ истощеніи производительныхъ силъ народа, наконецъ въ совершенномъ фiasco, постигшемъ его колониальное предпріятіе: Эритрею, какъ называютъ итальянцы, Абиссинію. Оказывается, что негусъ Менеликъ былъ жертвой мистификаціи графа Антонелли; что онъ никогда и не думалъ поступаться своею независимостью въ пользу короля Гумберта; что въ договоръ, опредѣляющій его отношенія къ Италіи, включены умышленныя искаженія и что поэтому онъ не признаетъ его для себя обязательнымъ. Въ довершеніе всего, итальянское правительство уже произвело часть условленной уплаты, внеся абиссинскому владыкѣ около милліона наличными деньгами, не считая предоставленныхъ въ его распоряженіе 45.000 ружей.

Неудачи внутреннія не возмѣстились для Италіи успѣхами въ области внѣшней. Тройственный союзъ налагалъ на нее тяжелыя жертвы, но пока не доставилъ ей ни малѣйшей существенной выгоды. Связанный союзными договорами, заключенными его предшественникомъ, маркизъ де-Рудини не вправѣ разорвать ихъ до наступленія срока, истекающаго впрочемъ уже въ будущемъ 1892 году. Но образъ дѣйствій его въ сно-

шеніяхъ съ Россіей и Франціей ясно показываетъ, что онъ искренно желаетъ установленія съ этими двумя державами прямыхъ и честныхъ, вполнѣ дружественныхъ отношеній.

Совпадающее съ такимъ поворотомъ въ политикѣ Квиринальскаго двора назначеніе русскимъ посломъ въ Римъ А. Е. Влангали вселяетъ въ насъ надежду, что недалеко то время, когда въ средѣ великихъ европейскихъ державъ Россія будетъ насчитывать новаго друга—Италію.

С. ТАТИЩЕВЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМА ДВѢСТИ ТРИНАДЦАТАГО.

МАРТЪ.

	стр.
Русскій городъ въ Австрiи. II. <i>Вс. Вл. Крестовскаго</i> . . .	3
Гитана. Стихотворенiе. <i>Я. П. Полонскаго</i>	33
Забота о ближнемъ. I—VI. <i>К. Н. Яроша</i>	39
На пепелищѣ. Повѣсть. <i>Н. И. Северина</i>	75
Передовой отрядъ. (Изъ посмертн. замѣтокъ). <i>Д. С. На- ловскаго</i>	131
Встрѣча. Разсказъ. <i>Д. М. Позняка</i>	173
„На торжищахъ влача“. Стихотворенiе <i>Я. П. Полонскаго</i> .	214
„Легенда о великомъ инквизиторѣ“, <i>Ф. М. Достоевскаго</i> . XI—XIV. Продолженiе. <i>В. В. Розанова</i>	215
Я не знаю, не скажу я“, „Весь вѣшнiй день среди стрем- ленья“. Стихотворенiя <i>А. А. Фета</i>	254
Комисiи по освоб. крестьянъ. I—II. <i>А. А. Величина</i> . . .	256
Литературно-критическiе очерки. III. <i>В. М. Гаршинъ</i> . <i>Ю. Н. Елачина</i>	283
Новости литературы. I. Очерки по исторiи русской поэ- мельной политвки въ XVIII и XIX вѣкахъ. Сочин. <i>В. Якушкина</i> . Выпускъ первый. Москва. 1891 г.— II. Любке. - Иллюстрированная исторiя искусствъ.— Архитектура, скульптура, живопись, музыка.— Съ 140 рис. и портр. композиторовъ XIX вѣка.— <i>Ф. Бул- гакова</i> . Спб. — III. Записки юнкера. — Повѣсть въ двухъ частяхъ. II. Райскаго (псевдонимъ). Спб. 1891 г.	
Письма изъ губерний. I. О сельско-хозяйственномъ вино- курении. <i>Л. Н. Шишкова</i>	307
Изъ жизни и печати. Сообщенiе „Правит. Вѣстн.“.—Па- мяти <i>А. Д. Павухина</i> .—Плоды финляндской автоно- ми.—Борьба со штундою	344
Политическое обозрѣнiе. Тейфенбахъ въ Штирии, 17-го февраля (1-го марта) 1891 г. <i>С. С. Татищева</i>	363
Объявленiя.	

Приложенія. I. Паря. Романъ въ шести частяхъ. <i>Ф. Ансти.</i> (Окончаніе). II. Въ Молодые годы. Романъ въ трехъ частяхъ. <i>И. Тасма.</i> Часть 3-я	1—72
--	------

 АПРѢЛЬ.

На Чамлиджѣ. Стихотвореніе <i>А. Н. Майкова</i>	3
О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи. <i>З.</i>	4
Стихотворенія (1880—1890 г.) графа <i>А. А. Голенничева-Кутузова</i>	43
Разсказъ моей матери объ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. I—II. <i>К. Н. Леонтьева</i>	77
Наше военное воспитаніе. ***	105
Очерки изъ старо-кавказской жизни. I. Княжеская свадьба.—II. Тетка Акюша.—III. Капралъ Петровичъ.— IV. Забытый секретъ. <i>И. С. Чеха.</i>	149
На берегахъ дикой Орлицы. Изъ поѣздки въ Чехію лѣтомъ 1890 г. <i>К. Я. Грота</i>	177
Суздаль. <i>Графа С. Д. Шереметева</i>	209
Записная книжка. Разсказъ <i>Педро Аларкона</i>	220
О планѣ государственнаго расселенія. <i>А. П.</i>	230
О М. П. Погодинѣ. <i>А. Д. Галахова</i>	245
„Легенда о великомъ инквизиторѣ“, <i>Ѳ. М. Достоевскаго.</i> XV—XIX. Окончаніе. <i>В. В. Розанова</i>	251
Новая книга Тэна. I—II. <i>П. А. Матъева</i>	276
Профессоръ безсмертія. Разсказъ <i>К. К. Случевскаго</i>	295
Критика. I. Критическія статьи Вал. Н. Майкова. <i>Л. Н.</i> — II. По исторіи античнаго искусства. <i>И. В. Цвѣтскаго.</i>	357
Изъ жизни и печати.—Высочайшіе рескрипты 25-го и 28-го февраля.—Конверсія внутренняго государственнаго долга.—Предсмертный трудъ <i>А. Д. Пазухина.</i> —Дво- ряне въ высшемъ духовенствѣ	386
Политическое обозрѣніе. Тейфенбахъ, въ Штиріи, 19-го марта (1-го апрѣля) 1891 г. <i>С. С. Татищева</i>	400
Объявленія.	

Приложенія: I. Въ молодые годы. Романъ въ трехъ ча- стяхъ. <i>И. Тасма.</i> (Окончаніе).—II. Въ горной глуши. Разсказы <i>Коломана Миксита</i> (съ венгерскаго).	1—55
--	------

LIVRES NOUVEAUX

en vente à la librairie de C. RICKER,

St.-Petersbourg, Perspective de Nevsky, № 14. Téléphone № 391.

- Афанасьевъ, А. С. (Чужбинскій).** Собрание сочиненій подъ ред. П. В. Быкова. Подп. цѣна за 9 томовъ 12 р.
- Blard, P.** Les mémoires de Saint-Simon et le père le Tellier, confesseur de Louis XIV. 3 p.
- Boulangier, E.** Notes de voyage en Sibirie. 3 p.
- Busley, C.** Die neueren Schnelldampfer d. Handels- u. Kriegs-Marine. Mit 42 Abbildungen. 1 p. 50 к
- Caine, W. S.** Picturesque India. A Handbook for European Travellers. 5 p. 70 к.
- Casati, S.** Zehn Jahre in Aequatoria u. d. Rückkehr mit Emin Pascha. Mit über 150 Abbild. u. 4 Karten. 2 Bde. 11 p.
- Collins, F. H.** Résumé de la philosophie de Herbert Spencer. Trad. de Varigny. 4 p.
- Bannenberg, H.** Grundzüge d. Münzkunde. Mit 11 Tafeln. 2 p.
- Dingelstedt, V.** Le régime patriarcal et le droit coutumier des Kirghiz d'après l'étude entreprise sous les auspices du gouvernement russe par le général N.-F. Grodekoff. 1p. 20 к.
- De Bois Reymond, P.** Ueber d. Grundlagen d. Erkenntnis i. d. exacten Wissenschaften. 1 p. 80 к.
- Заземлярскій, А. В.** Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ. съ 1288 по 1506 г. Т. I и II. 3 p. 20 к.
- Fischer, Kuno.** Schiller als Komiker. 1 p.
- Fügel, Dr. F.** Allg. Englisch-Deutsches u. Deutsch-Engl. Wörterbuch. 4 Aufl. Heft 1—4. Pro Heft 1 p. 50 к. (Vollst. in 12 Heften).
- Fouillée, A.** L'enseignement au point de vue national. 1 p. 40 к.
- Fränkel, Dr. H.** Gegen Bellamy! Eine Widerlegung d. sozialischen Romans „Ein Rückblick aus dem Jahre 2000“. 25 к.
- Funcke, O.** Christi Bild in Christi Nachfolgern, oder der Weg zur wahren Lebensfreude. 2 p.
- Гитдъ, П. П.** Новые рассказы. Т. I и II. по 1 p.
- Maradei, G.** Die Japanischen Inseln, eine topographisch-geologische Uebersicht. Lfg. I. Mit 5 Karten. 2 p. 50 к.
- Meiborn, Dr. P.** Das völkerrechtliche Protektorat. 2 p.
- Meimburg, W.** Gesammelte Romane u. Novellen. Bd. I: Aus d. Leben meiner alten Freundin. 1 p. 50 к.
- Kroker, Dr. E.** Katechismus d. Mythologie. Mit 73 Abbild. 2 p.
- Ледерле, М. М. Соловущко.** Сборникъ русскихъ художественныхъ и народныхъ пѣсень. 80 к.
- Lévi, S.** Le théâtre indien. 7 p. 20 к.
- Meignan, M.** Salomon, son règne—ses écrits. 3 p.
- Mémoires du prince Talleyrand publiés avec une préface et des notes par le Duc de Broglie.** Vol. I et II 6 p.
- Muret.** Encyclopaed. Wörterbuch d. Engl. u. Deutschen Sprache. Lfg. 1. 75 к. Complet in ca. 33 Lfgn.
- Neesen, Fr.** Die Blitzgefahr № 2: Einfluss d. Gas- u. Wasserleitungen auf d. Blitzgefahr. 50 к.
- Niemann, A.** Der arme Dichter. Roman. 2 Bde. 2 p. 50 к.
- Нордау, М.** Въ поискахъ за истиной. (Парадоксы). Перев. Э. Зауеръ. 1 p.
- Oehlenschläger, F.** Praehistorische Karte v. Bayern. 13 p. 10 к.
- Peters, Dr. Karl.** Die deutsche Emin-Pascha-Expedition. Mit 32 Vollbildern, 66 Textabbild., Portrait d. Verfassers u. Karte 8 p.
- Prell, Carl du.** Experimentalpsychologie u. Experimentalmetaphysik. Mit 2 Illustrationen. 2 p.
- Saphir, M. G.** Blaue Blätter f. Humor, Laune, Witz u. Satyre. 1 p. 15 к.
- Schurtz, H.** Grundzüge einer Philosophie d. Tracht. Mit 10 Abbild. 1 p. 80 к.
- Smitt, Dr. W.** Katechismus der Freimaurerei. 1 p.
- Sudermann, H.** Frau Sorge. Roman. 1 p. 75 к.
- Sudermann, H.** Ein Zwielficht. Zwanglose Geschichten. 1 p.
- Tavagnutti, M.** Kathol.-theol. Bücherkunde II: Christologische Bibliographie. 30 к.
- Терновскій, С. Г.** Толкованіе темныхъ изреченій въ церковной псалтири, изложенное по руководству святыхъ отцевъ церкви. 1 p.

Wildenbrung, E. v. Der neue Herr Schan- spiel. 1 p. Wilpert, I. Die Karakombengemälde u. ihre alten Copien. Eine icono- graph. Studie. Mit 28 Tafeln 10 p. Wissman, H. v. Im Innern Afrikas. Die Erforschung d. Kassai wüth d. Jahre 1883, 84 u. 85 3 Aufl. Geb. 7 p. Yriarte, Ch. Autour des Borgias. Avec	18 planches en couleur et 157 illu- str. 20 p. Въ память С. А. Юрьева. Сборникъ, изданный друзьями покойнаго. 2 p. 50 к Zoghbe, A. M. de L'Égypte ancienne. Aperçu sur son histoire, ses moeurs et sa religion. Ouvrage ill. de 61 dessins 2 p.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

въ г. Вологдѣ у Николая Аполлоновича Волоцкаго, собств. домъ,

К Н И Г А

САНСКРИТСКІЯ ПОЭМЫ соч. **КАЛИДАЗЫ,**

переводъ Н. Волоцкаго.

Цѣна съ пересылкою 3 р. На лучшей бумагѣ 3 р. 50 к.

Выписывающимъ десять и болѣе экз.—10% уступки.

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ

въ конторѣ «РУССКАГО ВѢСТНИКА»

(Бол. Морская, 30)

брошюра Д. С. НАГЛОВСКАГО

ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯДЪ ГЕНЕРАЛА ГУРКО

въ послѣднюю турецкую кампанію.

ЦѢНА 50 КОП.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ ВОСЕМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Сочиненіе **Александра Барсукова.**

С.-Петербургъ, Изданіе 1888 года.

Цѣна 1 рубль.

Главный складъ въ Товариществѣ «Общественная Польза», Большая
Подъяч., № 39, и въ нижнемъ магазинѣ „Новаго Времени“ (Невск. 38).

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ И НА ВИТРИНАХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ КОНТРАГЕНТСТВА
А. СУВОРИНА ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

„НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ“.

П. П. ГНѢДИЧА.

Въ 2 томахъ; цѣна каждаго тома 1 рубль.

Содержаніе Тома I.

Свободныя художества. — Ворона. — Антикъ. — Изъ галлерей фамильныхъ портретовъ: 1) Тетенька Прасковья Николаевна. 2) Прадѣдушка Иринархъ Матвѣевичъ. — Веселое представленіе. — Елка.

Содержаніе Тома II.

Сны. — Работа Христіана Богданьча. — Кулисы: 1) Курочкинъ. 2) Онъ и она. — Сѣрое утро. — Буря. — Швейцаръ. — Невозвратное время. — Юбиларъ. — Инженеръ Благонасушенскій.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НОВАГО ВРЕМЕНИ», У КНИГОПРОДАВЦА ПОПОВА, ВЪ ЭСТАМПНОМЪ МАГАЗИНѢ ВЕГГРОВА ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ПОРТРЕТЫ М. В. ЩЕПКИНА.

Большая фотографическая копія съ извѣстнаго портрета работы И. Е. Рѣпина. — Цѣна 2 р. — Кабинетный форматъ — 75 коп.

Портреты продаются въ пользу Общества пособія пуждающихся сценическихъ дѣателей.

ВОСТОКЪ, РОССІЯ И СЛАВЯНСТВО.

Сборникъ статей К. Н. Леонтьева.

Два тома. (По 1 р. 50 к. за томъ).

Складъ изданія въ конторѣ „Русскаго Вѣстника“ (Б. Морская, 30).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ
на 1891 годъ.

== Годовое изданіе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1891 году стоить въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и пересылки **15 р. 50 к.**, съ доставкой **16 р.**, съ пересылкою во всея города Россіи **17 р.**

☛ Допускается взносъ въ два срока, только черезъ Контору Редакціи Журнала „Русскій Вѣстникъ“, а именно: при подпискѣ девять рублей, а остальная сумма къ 1-му Іюня. ☛

== За границу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Давію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Северо-Американскіе Соединенные Штаты — **18 руб.** Въ прочія мѣста за границей подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

== Подписка на „Русскій Вѣстникъ“ принимается въ Петербургѣ: для городскихъ — въ Конторѣ Журнала „Русскій Вѣстникъ“ (Большая Морская. 30. Редакторъ Фед. Никол. Бергъ принимаетъ тамъ же), въ Книжномъ Магазинѣ „Новаго Времени“ (Невск., 38) и въ Конторѣ Тов. „Общ. Польза“ (Большая Подъяческая, д. 39); въ Москвѣ: въ Редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ — на Страстн. бульв., въ Книжн. Магаз. „Новаго Времени“ (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи).

☛ И городскихъ и иногородныхъ просятъ покорнѣйше адресоваться прямо въ Контору „Русскаго Вѣстника“, Сиб., Большая Морская, д. 30.

Примѣчаніе. — 1) Почтовый адресъ долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожителства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) допускается выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителствѣ подписчика. — 2) Переимѣна адреса должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) Жалобы на неисправность доставки доставляются исключительно въ Контору Редакціи журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.

Редакторъ-издатель Ф. Бергъ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Сиб., Больш. Подъяч. № 39.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

Please return promptly.

JUN 18 '52 H

NOV 11 '57 H

Widener Library

3 2044 099 714 925